

Х 65376
577
ЛЬЮИС Г. МОРГАН

Д
РЕВНЕЕ
ОБЩЕСТВО

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ТОМ I

ЛЬЮИС Г. МОРГАН

ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО

или

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА
ОТ ДИКОСТИ ЧЕРЕЗ ВАРВАРСТВО
К ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. О. КОСВЕНА

545813
СО СТАТЬЕЙ ФР. ЭНГЕЛЬСА „К ДОИСТОРИИ СЕМЬИ (БАХОФЕН, МАК ЛЕННАН, МОРГАН)“

ПРЕДИСЛОВИЕ Я. П. АЛЬКОРА

Приложение:

*предисловие Л. Г. Моргана к книге Л. Файсона и А. Хауитта
„КАМИЛАРОИ и КУРНАИ“*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР

ЛЕНИНГРАД

1934

The Research Association of the Institute of the Peoples of North
under the Central Executive Committee of USSR
CONTRIBUTIONS TO ETHNOGRAPHY — VOL. I.

LEWIS H. MORGAN
ANCIENT SOCIETY

OR
RESEARCHES IN THE LINES OF HUMAN PROGRESS
FROM SAVAGERY, THROUGH BARBARISM TO CIVILIZATION
WITH FR. ENGELS' „NOTES ON THE PREHISTORIC STATE OF FAMILY
(BACHOFEN, MAC LENNAN, MORGAN)*
PREFACE BY J. ALKOR, EDITOR

SUPPLEMENT:

LEWIS H. MORGAN. PREFACE TO THE „KAMILAROI AND KURNAI“
BY L. FISON AND A. HOWITT

New York 1878

Leningrad 1934

J. H. Morgan

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

«Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации», основная работа великого американского этнолога Льюиса Генри Моргана (1818—1881)¹, вышла в свет в 1877 г.

Появление «Древнего общества» произвело подлинную революцию во взглядах на до-историческое прошлое человечества и положило начало истории первобытного общества. Место многочисленных, но совершенно бездоказательных гипотез о первобытном состоянии общества заняло стройное, обоснованное огромным фактическим материалом учение, давшее реальное изображение развития человечества. В области истории первобытного общества Морган приобрел «такое же решающее значение, как Дарвин в биологии»².

«Древнее общество» состоит из четырех частей: 1) развитие интеллекта вследствие изобретений и открытий, 2) развитие идеи управления, 3) развитие идеи семьи и 4) развитие идеи собственности. В рукописи «Древнее общество» имело еще пятую часть, посвященную развитию идеи домашней архитектуры. «Но так как объем рукописи превышал размеры одного тома, то эта пятая часть была исключена»³. В 1881 году Морган издал несколько дополненную пятую часть рукописи «Древнего общества» в виде отдельной книги, под заглавием «Дома и домашняя жизнь американских туземцев»⁴.

В первой части «Древнего общества» Морган формулирует ряд положений, к которым он пришел в итоге почти сорокалетнего изучения первобытного общества.

Со всей отчетливостью Морган проводит различие между двумя типами обществ: первобытно-коммунистическим, доклассовым и цивилизованным, классовым или, как он выражается: между двумя планами управления. «Первый по времени, говорит Морган, основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (societas)». «Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (civitas)»⁵.

Обширный круг общественных явлений Морган располагает в два ряда: с одной стороны, изобретения и открытия, с другой — производство средств существования, управление, язык, семья, религия, домашняя жизнь и архитектура, собственность. «Эти учреждения, изобретения и открытия, говорит Морган, воплотили в себе и сохранили для нас основные факты, иллюстрирующие пройденный путь. Их сопоставление и сравнение указывают на единство происхождения человечества, на сходство человеческих потребностей на одной и той же стадии развития и на единообразие деятельности человеческого ума при одинаковом общественном строе»⁶.

Исходя из того, что «человечество начало свое поприще с самой низкой ступени развития и проложило себе дорогу из состояния дикости к цивилизации благодаря медленному накоплению опыта»⁷, всю историю человеческого общества Морган делит на три эпохи: дикость, варварство и цивилизацию, в свою очередь подразделяя каждую из них на низшую, среднюю и высшую ступени (этнические периоды), сообразно с успехами в производстве средств существования. Каждый из этнических периодов, по определению Моргана, представляет собою определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни. «Это разграничение этнических периодов дает возможность рассма-

¹ Данные о биографии Моргана имеются в следующих таботах: 1) в анонимной статье „L. H. Morgan“, помещенной первоначально в американском календаре „Pionier“ за 1894 и перепечатанной в „Neue Zeit“, XII, 1, за 1893—1894 г., № 25; 2) В. I. Stern. Lewis Henry Morgan. Social evolutionist. Chicago 1931 и 3) Марк Косвен. Л. Г. Морган. Жизнь и учение. Труды Научно-Исследовательской Ассоциации Института Народов Севера ЦИК СССР, т. I, вып. 4—5, Ленинград. 1933 г.

² Ф. Энгельс. Письмо к К. Каутскому, от 26, 11-1884 г. Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 247.

³ Льюис Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Научно-Исследовательская Ассоциация Института Народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии, т. II, стр. 3.

⁴ Lewis H. Morgan. Houses and house life of the American aborigines. Washington 1881.

⁵ „Древнее общество“, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 3.

⁷ Там же, стр. 5.

тривать каждое отдельное общество соответственно его состоянию относительного развития и сделать его предметом самостоятельного изучения и исследования»¹.

Имея в виду периодизацию Моргана, Энгельс заявил, что «первый, кто попытался со знанием дела внести известный порядок в предисторию человечества, был Морган, и надо, полагаю, что до тех пор, пока значительное накопление нового материала не заставит внести изменения, его расположение материала останется в силе»².

Вторая часть «Древнего общества» посвящена исследованию догосударственных форм общественного строя. В ней Морган выявил сущность и место рода в племени и тем самым вскрыл внутреннюю организацию первобытного общества. Открытие Моргана окончательно разбило господствовавшие до него взгляды о патриархальной семье как эмбрионе общества и решительно изменило представления о роде, показав, что род является универсальной формой существования первобытного общества, а не особой формой общественной жизни, присущей лишь арийским племенам на заре их истории. «Греческий и римский род, бывший до того загадкой для всех историков, был объяснен из индейского рода, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории»³.

Определив род как совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови, Морган показывает, что на пути своего развития от возникновения в периоде дикости до своей гибели в классовом обществе «род прошел через последовательные стадии развития, переходя от архаической к своей конечной форме, вместе с общим прогрессом человечества. Его изменения ограничивались главным образом двумя сторонами: во-первых, переходом счета происхождения из женской линии, что было архаическим порядком, как например, у ирокезов, в мужскую линию, что было конечным порядком, как в греческих и римских родах; и во-вторых, изменением порядка наследования имущества умершего члена рода от наследования родичей в архаическом периоде, к наследованию сначала агнатических родственников, а в конечном счете — детей умершего»⁴. Важность этого открытия Моргана была сразу отмечена Энгельсом, указавшим, что «это раскрытие первичного материнско-правового рода, как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как дарвиновская теория развития для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии». «Материнско-правовой род стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся эта наука; со времени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует искать и как нужно группировать найденное»⁵.

Дав ясное представление о роде, Морган показывает органический ряд общественных форм, присущих первобытному родовому обществу: род, фратрию, племя, конфедерацию племен, подробно определяя их взаимоотношения между собой.

Особое место Морган отводит описанию разделения общества на основе различия полов, признав его более архаической формой, чем родовое общество. Для реконструирования этой ступени общественного развития ему в значительной степени помог австралийский материал, присланный Л. Файсоном. «Так как, говорит Морган, из австралийских классов возникла дуналуальная группа, содержащая зачатки рода, то отсюда вероятно, что классовая организация на основе различия полов господствовала в прошлом у всех человеческих племен, обладавших впоследствии родовой организацией»⁶.

В третьей части «Древнего общества» Морган развертывает историю семьи и брака, показав, что человечество начало с промискуитета и различных форм группового брака и лишь в длительном пути развития дошло до индивидуального брака и семьи. Этим он решительно покончил с традиционной, базирующейся на библии теорией об изначальности индивидуального брака и семьи.

Исходя из того, что форма брака производит соответствующую ей форму семьи, а последняя — соответствующую систему родства, составляя вместе три части единого целого, Морган констатирует: «Где встречается одна из этих трех основных частей, там с уверенностью можно заключить, что существуют или некогда должны были существовать и две другие части»⁷.

Выяснив тесную связь систем родства с формами семьи, Морган более близко устанавливает их взаимоотношения. «Семья, говорит Морган, представляет активный элемент. Она никогда не бывает неподвижной, но развивается от низшей формы к высшей по мере того, как общество переходит с низшей ступени на высшую, и в конце концов переходит из одной формы в другую, более высокую. Системы родства, напротив пассивны; только спустя много времени отмечают они прогресс, совершенный семьей, и радикальным образом меняются только тогда, когда радикально изменилась семья»⁸. Анализ систем родства позволил Моргану восстановить древние формы семьи. Высокую научную значимость анализа систем родства подтвердил Энгельс, указав что «... с такою же достоверностью, с ка-

¹ «Древнее общество», стр. 11.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1934, стр. 31.

³ Там же, стр. 28.

⁴ «Древнее общество», стр. 39.

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 29.

⁶ «Древнее общество», стр. 246.

⁷ Там же, стр. 288.

⁸ Там же, стр. 250.

кой Кювье по найденным около Парижа костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там некогда жили вымершие сумчатые животные, — с такой же достоверностью можем мы по исторически унаследованной системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи»¹.

Морган устанавливает пять разных и следующих друг за другом форм семьи, которым соответствует особый порядок брака. В схематическом виде построение Моргана выглядит так:

Форма брака:	Форма семьи:	Система родства:
Промискуитет	—	—
1 ступень		
Групповой брак родных и коллатеральных братьев и сестер	Кровнородственная семья	Малайская
2 ступень		
Организация на основе полового различия и обычай „пуналуа“, с тенденцией ограничить брак между братьями и сестрами	Пуналуальная семья. Она произвела родовую организацию, которая устранила братьев и сестер от брачной связи	Туранская и ганованская
3 ступень		
Брак между отдельными лицами, однако без устранения внебрачных сношений	Синдиасмическая (парная) семья	—
4 ступень		
Брак одного мужчины с несколькими женщинами	Патриархальная семья (не всеобщая ступень семьи)	—
5 ступень		
Брак между отдельными парами при исключительном сожительстве	Моногамная семья	Арийская, семитическая и уральская

Подводя итог мыслей Моргана по истории развития начальных форм семьи, Энгельс говорит: «развитие семьи в первобытную эпоху сводилось... к постепенному суживанию того круга, первоначально охватившего все племя, внутри которого господствует супружеская общность между полами. Путем последовательного исключения сперва более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец даже просто свойственников, в конце концов фактически становится невозможным всякий вид группового брака, и в результате остается одна брачная пара, пока еще не прочно соединенная, та молекула, с распадением которой прекращается брак вообще»². Следующая форма семьи — «моногамная семья обязана своим происхождением собственности, как синдиасмическая, содержащая в себе зародыш первой, обязана своим происхождением роду»³.

Морган не считает, что моногамная семья является конечной формой семьи, ибо, «если мы признаем, говорит он, что семья в своем развитии прошла четыре последовательные формы и теперь находится в пятой, то возникает сразу вопрос, сохранится ли эта форма в будущем. Единственный возможный на это ответ состоит в том, что она должна прогрессировать, как прогрессирует общество, и должна изменяться, как изменяется общество, точно так же как это было и в прошлом. Семья представляет собой продукт социальной системы и отражает ее культуру. Поскольку моногамная семья совершила большой прогресс с начала цивилизации, в особенности в новейшее время, то можно во всяком случае ожидать, что она способна совершенствоваться и далее, пока не будет достигнуто равенство полов»⁴. Развивая эту мысль Моргана, Энгельс пишет: «...освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду и... это требует, в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества»⁵.

В четвертой и последней главе «Древнего общества» Морган подводит итог всему высказанному им в предыдущих главах по вопросу о развитии собственности. Исходя из того, что в первобытном обществе господствовали коллективные формы собственности, Морган показывает, что хотя идея частной собственности возникла в периоде дикости, «нужен был весь опыт этого периода и следующего периода варварства, чтобы этот зародыш

¹ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 38—39.

² Там же, стр. 51.

³ „Древнее общество“, стр. 219.

⁴ Там же, стр. 288.

⁵ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 72.

развился и чтобы человеческий ум приготовился принять ее ограничивающее действие. Ее господство как страсти над всеми другими страстями знаменует начало цивилизации. Она привела человечество не только к преодолению всех препятствий, задерживавших наступление цивилизации, но и к учреждению политического общества на основе территории и собственности»¹.

С огромной проникновенностью показав роль частной собственности в разложении первобытного коммунистического общества и в создании классового общества, Морган приходит к заключению, что классовое общество будет заменено будущим коммунистическим обществом, так как «голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества...».

«Гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знание. Он будет «возрождением», но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»².

Особое место в работе Моргана занимает защита моногенизма. Рядом неопровержимых данных он доказывает, что человечество имеет единое происхождение, «что человеческие потребности при аналогичных условиях были по существу одинаковы и что проявления умственной деятельности, в силу видовой тождественности мозга всех человеческих рас, были однородны»³. Поэтому «теория вырождения человечества, объясняющая существование дикарей и варваров, должна быть оставлена. Она возникла в качестве вывода из космогонии Моисея и была принята из мнимой необходимости, ныне не существующей. Как теория она не только не способна объяснить существование дикарей, но и не находит себе подтверждения в данных человеческого опыта»⁴.

Со всей решительностью Морган выступает и против расовых установок в истолковании развития человеческого общества, вытекающих из теории вырождения, согласно которой «все человеческие расы, кроме арийских и семитических народов, должны считаться ненормальными расами, отклонившимися от своего нормального состояния вследствие вырождения. Правда, арийская и семитическая нации представляют главные потоки человеческого прогресса, так как они довели его до высшего достигнутого до сих пор предела. Но существуют веские основания предполагать, что до их разделения на арийские и семитические племена они составляли часть недифференцированной массы варваров. Поскольку эти племена сами произошли в прошлом от варварских предков, а в еще более далекое прошлое — от диких предков, различие между «нормальными» и «ненормальными» расами теряет под собой почву»⁵.

Из вышеуказанного краткого изложения «Древнего общества» видно, как близко Морган подошел к историческому материализму и насколько важны его исследования для действительного понимания первобытного общества, для понимания его как первобытно-коммунистического общества. Но блестящей оценке Ф. Энгельса, Морган в «Древнем обществе» «мастерски раскрывает первобытность и ее коммунизм. Стихийно заново открыл Марксу историческую теорию и заканчивает коммунистическими требованиями для сегодняшнего дня»⁶. «Морган позволяет нам установить совершенно новые точки зрения; он дает нам своей доисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу»⁷.

Маркс и Энгельс всегда уделяли большое внимание вопросам первобытной истории. В основных чертах их учение о первобытном коммунистическом состоянии общества было изложено уже в «Немецкой идеологии». В последующих своих работах они неоднократно осматриваются на дальнейшей разработке этих вопросов. В особенности много занимался первобытностью Маркс. Он тщательно следил за выходящей по этим вопросам литературе и первый из обоих основоположников «открыл» Моргана. «Не кто иной, говорит Энгельс, как сам Карл Маркс намеревался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными... материалистического понимания истории и тем осветить все их значение»⁸. Преждевременная смерть помешала Марксу осуществить свое намерение, и задача «изложить результаты исследований Моргана в связи с данными... материалистического понимания истории и тем осветить все их значение» пала на Энгельса, написавшего с этой целью блестящую работу: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», при подготовке которой использовал и подробные выписки Маркса из Моргана и его критические замечания. Энгельс не ограничился простым пересказом «Древнего общества», ибо «было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, используя

¹ «Древнее общество», стр. 7.

² Там же, стр. 329.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 301—305.

⁶ Ф. Энгельс. Письмо к Ф. Зорге, от 7/III 1884 г. Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. Спб. 1908, стр. 205. — Здесь дается более точный перевод.

⁷ Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому, от 26/IV 1884 г. Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 251

⁸ Ф. Энгельс. Происхождение..., стр. 19.

вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными результатами»¹. Критически истолкованный и обогащенный результатами экономических и исторических работ Маркса и Энгельса, Морган вошел в железный инвентарь марксизма, и сейчас невозможна ни одна марксистская работа по доистории без той фактической основы и тех точек зрения, которые дал Морган.

Совершенно по-иному встретила работы Моргана буржуазная наука. Ожесточенные нападки на Моргана начались с момента выхода в свет его «Систем родства и свойства в человеческой семье», в особенности они обострились после выхода «Древнего общества» и достигли своего апогея в писаниях современных буржуазных и социал-фашистских исследователей первобытного общества.

На возражения, сделанные Моргану в последней четверти прошлого века, нет нужды здесь останавливаться, они блестяще раскритикованы Энгельсом. Нашей задачей поэтому будет являться лишь краткое изложение тех «новых» открытий и методов, под флагом которых ведет наступление против Моргана современная буржуазная и социал-фашистская наука. Наиболее организованно выступают против Моргана два господствующих направления современной буржуазной этнологии, оба, кстати сказать, по существу своему не только антиреволюционные, но и антиэволюционные, а именно — культурно-историческая школа, руководимая патерами В. Шмидтом и В. Копперсом (называющая себя исторической этнологией) и так называемая американская школа исторической антропологии, возглавляемая Р. Лоуи.

Наиболее ярко выразил отношение современной буржуазной науки к Моргану и его «Древнему обществу» Р. Лоуи в предисловии к своему «Первобытному обществу», изданному на смену «Древнему обществу» Моргана. «С 1877 г., говорит Р. Лоуи, антропологи не только собрали массу конкретного материала, но и развернули новые методы и воззрения: это заставляет признать Моргана безнадежно устаревшим. Его труд остается крупным, открывающим новые пути произведением человека, обладающего большим умом и примерным трудолюбием, но черпать оттуда познания о первобытном обществе в наше время — это то же, что изучать биологию по работам какого-нибудь натуралиста до-дарвиновской эпохи»².

Современные опровергатели Моргана уже не скрывают смысла и цель своего наступления на Моргана. Прекрасно учитывая ту исключительную роль, которую объективно сыграло эволюционное учение Моргана в подведении фактической основы под марксистское учение о первобытном коммунистическом обществе, они напрягают все усилия, чтобы разбить это учение и тем самым уничтожить «историческую подпорку социалистической системы»³.

«Представители научного социализма, — говорит В. Копперс, один из виднейших вождей культурно-исторической школы, о связи марксизма с эволюционной этнологией Моргана, — сразу подметили, что современная этнология являлась их опорой в... трех основных вопросах. Согласно этой этнологии частная собственность также представляет собою относительно позднее явление в развитии человечества и, следовательно, в первобытные времена господствовал коммунизм. Далее этнология учила, что моногамная отцовско-правовая семья является верхней ступенью на лестнице общественного развития; вначале здесь господствовал половой промискуитет, отсутствие семьи; дальнейшее развитие проходило через организованную на материнско-правовой основе семью к отцовско-правовой семье исторических времен. В заключение эволюционная этнология говорила о первобытном коммунистическом государстве (kommunistische Urstaat), в противоположность развившимся позднее государственным образованиям, или о приоритете государства перед семьей»⁴.

Для преодоления трех «основных генетических принципов» марксизма, подкрепленных учением Моргана, культурно-историческая школа сконструировала теорию культурных кругов, согласно которой «самый древний этнолого-исторический культурный круг» характеризуется единобрачием, частной собственностью и единобожием. При обосновании этой теории ученые мракобесы не останавливаются перед самой грубой фальсификацией фактов.

Переходя к рассмотрению первого из этих «генетических вопросов», а именно вопроса о собственности у первобытных народов, Копперс говорит: «... Несмотря на известную скудность культуры этих народов, ничто у них не развито так определенно и ясно, как сознание собственности. В дальнейшем это сознание развивается у первобытных народов в индивидуальную, семейную и коммунальную собственность. Индивидуальная собственность состоит главным образом из орудий, инструментов и оружия. К семейной (а иногда и индивидуальной) собственности относятся: шалаши для жилья, продукты питания, фруктовые деревья, птичьи гнезда, ульи пчел и т. д. Коммунальной собственностью считается земля, т. е. тот участок, который служит членам группы (состоящей обычно из двух-четырех, а иногда и более семей) для охоты и собирания»⁵.

¹ Ф. Энгельс. Письмо К. Кауфскому, от 26/IV 18⁴ г. Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 251.

² R. Lowie. Primitive society, 1920, p. VI. Под таким же углом зрения рассматривает Моргана П. Ф. Преображенский, крупнейший сторонник культурно-исторической школы в СССР, в своей работе «Курс этнологии». Москва, 1929.

³ W. Koppers. Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens im Spiegel der neuen Völkerkunde. Gladbach 1921, S. 10.

⁴ Ibid., S. 17.

⁵ Ibid., S. 17—18

Отождествив таким образом собственность вообще с одной из ее исторических форм — частной собственностью, Копперс, конечно, не находит коммунизм у первобытных народов и патетически восклицает: «я думаю, вы теперь поймете, во что выливается первобытно-коммунистическое общество» эволюционно-социалистического учения. Перед приводимыми мною фактами оно разлетается в пух и прах»¹.

Как плохо все же обстоит дело с этим «уничтожением» первобытного коммунизма, чувствует и сам Копперс. При всем желании он не смог избавиться от признания того общеизвестного факта, что земля у первобытных племен находится в общем владении, и поэтому, скрепя сердце, допускает «частичный коммунизм», но ловкоот руки и здесь спасает положение, теория культурных кругов позволяет утверждать, что в ряду различных культурных кругов... народы; имеющие такой частично-коммунистический общественный строй, от народов первобытных времен отделены, по крайней мере, четырьмя-пятью ступенями, а может быть, и больше»².

Столь «победоносно» покончив с теорией первобытного коммунизма, Копперс переходит к вопросу о развитии семьи и брака. «Теперь мы посмотрим, говорит Копперс, как обстоит дело с другим учением, перенятым социалистами от эволюционной этнологии, с учением о первобытном промискуите полов, вернее говоря, с учением о приоритете материнско-правовой семьи перед отцовско-правовой семьей»³.

Выдав широко распространенную среди первобытных народов парную семью за моногамную и приписав Моргану и Энгельсу признание промискуитета у современных первобытных народов, Копперс заявляет, что «предположение о беспорядочном промискуите полов, первоначальное протипурированное отсутствие семьи, в корне противоречит тем фактам, которые дошли до нас в отношении первобытных народов. Все эти народы не только знакомы с институтом семьи, но и институт этот встречается у них повсюду в моногамной форме, которая почти всегда имеет силу на всю жизнь»⁴.

«Приоритет материнско-правовой семьи над отцовско-правовой, продолжает Копперс, также ни на чем не основывается. Представители научного социализма поэтому так восхитались мнимым старшинством материнско-правовой семьи, что, по их мнению, организованная на основе материнского права семья казалась вполне совместимой с коммунистическим ведением хозяйства»⁵. Все же факты — упрямая вещь. Они показывают бесспорное наличие у ряда современных примитивных народов материнско-правовой семьи и ее переход в отцовско-правовую семью. Не имея возможности замолчать эти общеизвестные факты, Копперс старается, по крайней мере, отрицать их первобытность. «... Хотя материнское право, говорит Копперс, и широко распространено, но оказывается, что оно первоначально является лишь достоянием одного культурного круга, а именно того, в котором женщина развила первобытный сбор растений в первую культуру таковой»⁶.

«В заключение следует упомянуть, замечает Копперс, что у тех частично-коммунистически организованных народов, о которых говорилось раньше, действительно в большей или меньшей степени существовал институт материнского права. Существует несомненная связь между обоими явлениями, но ни материнское право, ни частичный коммунизм не являются институтами первобытных времен»⁷.

С третьим учением эволюционной социологии, а именно с учением о «первобытном коммунистическом государстве» (kommunistische Urstaat), Копперс кончает молниеносно. Действительно, «раз первобытные народы не имели коммунистической организации, то и не могло быть никакого коммунистического государства»⁸. Что же касается другой стороны этого вопроса, т. е. приоритета государства над семьей, то тут тоже «совершенно очевидно, что такое первобытное государство воспринимается лишь как дополнение семьи; обычно оно вмешивается лишь в тех случаях, когда авторитет и власть отдельной семьи оказываются недостаточными. Совершенно ясно, что при таких обстоятельствах может остаться от учения о приоритете государства перед семьей»⁹. Следовательно, приоритет семьи перед обществом наличен.

Но к чему же приводят эти «новые» воззрения? На это выразительно отвечает сам Копперс: «Новейшая этно-социология снова оправдала старую социологическую теорию, что общественное развитие началось с отдельной семьи»¹⁰. «Новейшая этнология» вернулась от Морган к библии.

Не отстают от своих буржуазно-клерикальных собратьев и социал-фашистские «исследователи» первобытной истории. Неважно, что в критике Энгельса и Морган они должны опираться не на свои оригинальные мысли и факты, которых у них нет, а целиком исходить из установок культурно-исторической школы (Г. Кунов) и Леббока (К. Каутский). Было бы старание. В качестве примера приведу высказывания Кунова о первобытном коммунизме, почти ничем не отличимые от концепции Копперса. Несмотря на свою неприязнь к «эко-

1 W. Koppers, loc. cit., S. 18.

2 Ibid., S. 18.

3 Ibid., S. 19.

4 Ibid., S. 19.

5 Ibid., S. 19.

6 Ibid., S. 20.

7 Ibid., S. 20.

8 Ibid., S. 21.

9 Ibid., S. 21.

10 Ibid., S. 21.

номической басне» о первобытном коммунизме, Г. Кунов фактами вынуждается признать первобытный коммунизм. «Итак, говорит он в одной из своих работ, первобытный коммунизм, правда, существует, но уже на самых ранних ступенях хозяйственного развития он принимает весьма разнообразные формы и стоит в тесной связи с расчленением племен на тотемные союзы, семейные роды, домашние общины и т. д.». «К тому же примитивный коммунизм распространяется всегда прежде всего только на землю... А все то, что каждый соорудил сам или приобрел собственным трудом, представляет личную его собственность». Уже на низших хозяйственных ступенях мы находим ярко выраженную идею «собственности»; различие с более поздним временем состоит лишь в том, что тогда дикарь владел лишь не многим и мог приобрести не много из того, что можно определить, как «собственность»...»¹.

Кунов, в конечном счете, также сторонник изначальности индивидуальной семьи и брака. «Первоначально в небольшой семье господствует... свободное беспорядочное половое общение, не считаясь с кровными связями... Этим не сказано, что мужчина имел половое общение сегодня с одной, завтра с другой женщиной. Таких диких, многообразных половых сношений не допускали обстоятельства». «Я не хочу утверждать, что сегодняшняя моногамия является первоначальным явлением... «Индивидуальный брак» доисторических времен походит скорее на нетвердую связь, которую Морган называет парным браком»².

Кабинетным измышлениям Шмидтов и Куновых, Копперсов и Каутских противостоят действительные факты, собранные многочисленными путешественниками и этнологами после выхода в свет «Древнего общества». Даже вкратце нет возможности изложить все то огромное количество материалов, полностью подтверждающих основные положения Моргана, поэтому ограничимся свидетельством двух крупнейших этнологов послеморгановской эпохи — Л. Штернберга и В. Риверса.

В своих ранних работах о гиляках и орочах, написанных во время пребывания в ссылке на Сахалине и на Амуре, Штернберг приводит исключительно интересный материал, показывающий пережитки первобытного коммунизма у этих народов. Штернбергу первому удалось открыть классификаторскую систему родства и групповой брак у указанных выше народов и показать, что они по существу не отличаются от соответствующих систем у дравидийских и американо-индейских племен. Эти исследования дали ему возможность прийти к заключению, что «брачная система народов дравидийских отныне не отделена от американских представителей этой системы. Эта связь, которую Морган так страстно искал, но найти не мог, и которую он так гениально провидел, теперь найдена»³.

Тщательно изучив гиляцкую систему родства и брака, Штернберг приходит к заключению, что она «вполне подтверждает основную гипотезу Л. Моргана, что термины родства являются результатом соответствующих половых норм, норм брака. То, что у Моргана являлось лишь умозаключением, в гиляцкой жизни мы видим на деле в наиболее полной мере. Если гиляк называет группу женщин термином «жена», то эти женщины действительно являются для него в соответственном смысле женами. Если гиляк называет известную группу мужчин отцами, то это — действительно лица, которые имеют половые права на его мать»⁴.

На важность исследований Штернберга, подтвердившего реальность группового брака и правильность моргановского метода восстановления древних форм семьи и брака при помощи анализа классификаторской системы родства, обратил свое внимание Энгельс и перевел на немецкий язык отчет о докладе Штернберга, помещенный в «Русских ведомостях» за 1892 г.⁵

Материалы, собранные Штернбергом, не только подкрепили учение Моргана, но и дают новые аргументы для борьбы с «опровергателями» Моргана. Убедительно показывает Штернберг несерьезность обычно выставляемого против теории Моргана возражения о необъяснимости класса матерей, так как мать человека, мол, всегда известна. Этот класс «объясняется из норм половых отношений у гиляков совершенно просто. Матерью гиляк называет всякую женщину, с которой лица класса его отцов имеют право полового общения»⁶.

Так же «... совершенно неосновательно, пишет Штернберг, возражение Кунова, что классификационные термины обозначают лишь возрастные классы. В гиляцкой действительности возраст никакой роли не играет. Мой классовый «отец» может быть моложе меня и тем не менее он не может жениться на женщине класса моих жен, но он наоборот, должен жениться на женщине из класса жен моего настоящего отца и по достижении зрелости он будет фактически мужем моей матери»⁷.

Выступая против Каутского, извращающего действительный смысл классификаторской системы родства и объясняющего ее лишь как систему счета поколений, не имеющую реального основания половых отношений, Штернберг указывает:

¹ Г. Кунов. Первобытный коммунизм, Харьков, 1926, стр. 55.

² Г. Кунов. Историческая теория Маркса, т. II, стр. 114.

³ Л. Штернберг. Турано-ганованская система народов северо-восточной Азии. В его сб. «Семья и род у народов северо-восточной Азии». Научно-Исследовательская Ассоциация Института Народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии, т. III, стр. 158.

⁴ Он же. Социальная организация гиляков. Указ. выше сб., стр. 117.

⁵ Ф. Энгельс. Вновь открытый случай группового брака. «Происхождение...», стр. 155 - 8.

⁶ Л. Штернберг. Социальная организация гиляков. Указ. сб., стр. 117.

⁷ Там же стр. 118.

«Классификаторская система родства у тунгусских племен... должна удовлетворить оппонентов; она неуязвима в смысле фикции, но в то же время не совпадает со счетом поколений, потому что братья моего отца во всяком случае скорее принадлежат к поколению моего отца, чем к моему, а между тем тех братьев отца, относительно жен которых я имею право на половые сношения, я зову тем же термином *aga*, что и своих старших братьев, или жену своего младшего брата, то есть женщину, принадлежащую к моему поколению, я называю тем же термином *opale*, что и дочь младшей сестры, которая принадлежит к поколению моих детей. Зачем же тогда эти термины, если они не счет поколений, как думает Каутский, и в то же время слишком общи, чтобы сделать ясной степень родства?»

А вот для чего. Они дают возможность легко и скоро, не обременяя памяти, ориентироваться в своих правах и обязанностях»¹.

Из-за недостатка места нет возможности останавливаться на изысканиях В. Риверса, лучшего знатока социального строя дравидийских народов, также полностью подтверждающего реальность группового брака и правильность моргановской теории о связи классификаторской системы родства с соответствующими формами семьи и брака. «Групповой брак, обобщает свои исследования по этому вопросу Риверс, — или организованный половой коммунизм, который Морган принял за промежуточную ступень между промискуитетом и моногамией, находит себе больше подтверждений. Многие черты классификаторской системы, которые иначе трудно было бы объяснить, становятся понятными, если допустить, что они произошли от такого состояния общества, в котором группа мужчин сообща обладала группой женщин»².

В заключение надо сказать, что нет ни одного положения Моргана, которое не подвергалось бы со стороны буржуазных и социал-фашистских исследователей оспариванию и самой резкой критике. Третирование Моргана и его учения стало хорошим «доисторическим тоном» современной буржуазной науки. Вопросы первобытной истории столь блестяще освещенные Морганом в «Древнем обществе», стали вопросами большой политической актуальности. Фальсификацией первобытной истории буржуазия и ее социал-фашистские приспешники пытаются доказать извечность частной собственности, моногамной семьи и единобожия и, следовательно, закономерность вечного существования общества, построенного на эксплуатации человека человеком. Но все же, несмотря ни на что, учение Моргана, критически просмотренное и обновленное Энгельсом, выдержало все испытания и с каждым днем находит свои новые и новые подтверждения.

Полную силу сохранили слова Энгельса, высказанные им в 1891 году, т. е. более чем 40 лет тому назад: «четырнадцать лет, истекшие со времени появления его главного труда, сильно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессионалам-исследователям первобытной истории присоединились представители сравнительной юриспруденции, которые дали частью новый материал, частью новые точки зрения. Некоторые частные гипотезы Моргана были тем самым поколеблены и даже опровергнуты. Но нигде вновь собранный материал не заставил заменить его основные, главные взгляды другими.

В основных чертах внесенный им в первобытную историю порядок остается в силе и до сих пор»³.

В отличие от первого русского издания, сделанного с немецкого, настоящее издание «Древнего общества» переведено непосредственно с оригинала. В соответствии с этим оно носит не заголовок: «Первобытное общество», что соответствует названию книги Моргана в немецком переводе (*Urgesellschaft*), а название: «Древнее общество», данное самим автором (*Ancient society*). Перевод настоящего издания осуществлен под руководством М. О. Косвена, которому принадлежит и указатель авторов. В приложении впервые в русском переводе дается предисловие Моргана к работе известных исследователей Австралии Л. Файсона и А. Хауитта, дополняющее третью часть «Древнего общества».

В качестве введения помещается предисловие Ф. Энгельса к 4-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», первоначально напечатанное в «Die Neue Zeit», под заглавием «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)».

В заключение, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Д. Б. Джилл-кристи (Rush Rhees Library, Roche ter University, New York — Rochester) за любезное предоставление портрета и автографов Л. Г. Моргана для использования в настоящем издании.

Я. П. Алькор.

¹ Л. Штернберг. Семья и род у орочей Татарского пролива. Там же, стр. 17.

² W. Rivers. Social organisation. London. 1924. Supplement, p. 78.

³ Ф. Энгельс. Происхождение... стр. 30.

К ДОИСТОРИИ СЕМЬИ

(Бахофен, Мак Леннан, Морган)

До начала шестидесятых годов говорить об истории семьи не приходится. В этой области историческая наука находилась еще всецело под влиянием моисеева Пятикнижия. Изображенная в нем подробнее, чем где-либо, патриархальная форма семьи не только безогорочно принималась за древнейшую форму, но и отождествлялась — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что, в сущности говоря, семья как бы вообще не проделала никакого исторического развития; самое большее — допускалось, что в первобытные времена мог быть период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия, были известны еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в историческом порядке, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение определяется не по отцу, а по матери, и что, следовательно, женская линия считается единственно правомерной; что у многих современных народов воспеваются браки внутри определенных, более или менее крупных, но тогда еще ближе не исследованных групп, и что этот обычай встречается во всех частях света, — эти факты были известны, при чем все время собирались новые примеры такого рода. Но что с ними делать — никто не знал, и даже еще в «Researches into the Early History of Mankind» etc. Э. Б. Тэйлора (1865) они упоминаются просто как «странные обычаи» наряду с существующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящим дровам железным орудием и тому подобными религиозными мелочами.

Начало истории семьи положено было в 1861 г., когда вышло в свет «Материнское право» Бахофена. Автор выставляет следующие положения: 1) что вначале люди жили в беспорядочном половом общении, которое он обозначает неудачным словом «гетеризм»; 2) что такие отношения исключают всякую возможность установить с достоверностью отца, что поэтому происхождение можно было обозначить лишь по женской линии — по материнскому праву — и что это первоначально имело место у всех народов древности; 3) что вследствие этого женщины, как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокою степенью уважения и почета, которая, по мнению Бахофена, доходила до полного господства женщин (гинекократия); 4) что переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, заключал в себе нарушение древнего религиозного завета (т. е. в действительности — нарушение исконного прав остальных мужчин на эту женщину), которое или требовало наказания или если терпелось, то должно было быть искуплено тем, что женщина в течение некоторого времени отдается другим.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с величайшей тщательностью собранных цитатах из древне-классической литературы. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков — вследствие дальнейшего развития религиозных идей, внедрения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, предвзвещательницу старых взглядов, так что последние все более и более отесняются на задний план первыми. Таким образом, по Бахофену, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. Согласно этому Бахофен толкует «Орестейю» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом. Ради своего любовника Эгиста Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, возвращавшегося с Троянской войны; но сын ее и Агамемнона, Орест, мстит за

убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют Эриннии, демонические хранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, самое неискупимое преступление. Но Аполлон, через своего оракула подстрекнувший Ореста на это дело, и Афина, призванная в качестве судьи, — оба бога, представляющие здесь новый, отцовско-правовой строй, — защищают его; Афина выслушивает обе стороны. Весь спорный вопрос сжато формулируется в прениях, происходящих между Орестом и Эринниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив своего супруга, а вместе с тем и его отца. Почему же Эриннии преследуют его, а не ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«Она не была в кровном родстве с человеком, которого убила».

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он — муж убийцы, может быть искуплено, оно Эринний не касается; их дело — лишь преследовать убийства среди родственников по крови, а тут, по материнскому праву, тягчайшим и наиболее неискупимым является убийство матери. Но вот Аполлон выступает в качестве защитника Ореста; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага — афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина как председательница подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами Эриннии, побеждают Эринний, и последние в конце концов дают еще уговорить себя занять новый пост на службе новому порядку вещей.

Это новое и безусловно правильное толкование «Орестей» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест всей книги Бахофена, но вместе с тем оно доказывает, что он, по крайней мере, так же верит в Эринний, Аполлона и Афины, как в свое время Эсхил; а именно, он верит, что они совершили в греческую героическую эпоху чудо: испровергли материнское право и заменили его отцовским. Ясно, что такое понимание, по которому религия оказывается главным рычагом мировой истории, сводится, в конце концов, к чистойшему мистицизму. Поэтому проштудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги пролагателя нового пути; он первый на место фразы о неизвестном первобытном состоянии с беспорядочными половыми отношениями привел доказательства, что в древне-классической литературе имеется множество следов того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое положение, когда не только один мужчина вступал в половое общение с несколькими женщинами, нисколько не нарушая обычая, но и одна женщина — с несколькими мужчинами; что этот обычай не исчез бесследно, а оставил следы в том отношении, что женщины должны были покупать себе право на единобрачие ценой их временной отдачи себя другим мужчинам, что поэтому происхождение первоначально могло считаться только по женской линии, от матери к матери; что исключительная значимость женской линии сохранялась еще долго спустя, в период единобрачия с установленным или все же признаваемым отцовством; что это первоначальное положение матерей, как единственных достоверных родителей своих детей, обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще более высокое общественное положение, чем они с тех пор когда-либо занимали. Правда, Бахофен не высказал этих положений с такой ясностью, — этому мешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, а это означало в 1861 г. настоящую революцию.

Толстый том *in quarto* Бахофена был написан по-немецки, т. е. на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась первобытной историей современной семьи. Поэтому книга осталась незамеченной. Ближайший преемник Бахофена на этом поприще выступил в 1864 г., никогда не слышав о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак Леннан, прямая противоположность его предшественника. Вместо гениального мистика мы имеем в его лице сухого юриста; вместо буйной поэтической фантазии — правдоподобные комбинации выступающего в суде адвоката. Мак Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених должен, один или со своими друзьями, якобы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай, должно быть, является пережитком прежнего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали своих жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак умыканием»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени — для такого брака не было никакого повода. Но мы находим столь же часто, что у неразвитых народов существуют известные группы (около 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых браки запрещены, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей вне пределов своей группы, между тем как у других существует обычай, по которому мужчины известной группы обязаны брать себе жен только внутри своей собственной группы. Мак Леннан называет первые экзогамными, вторые эндогамными и без дальнейших оценок устанавливает резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его собственное исследование экзогамные наталкивает его прямо носом на тот факт, что эта противоположность во многом, если не в большинстве, или даже во всех случаях существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу всей своей теории. Отсюда — экзогамные племена могут брать себе жен только из других племен, а при соответствующем периоде дикости состояния непрерывной войны между племенами это может совершаться лишь путем похищения.

Мак Леннан спрашивает далее: откуда этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешительстве не могут иметь с ним ничего общего: это — явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело — широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Отсюда в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, необходимым ближайшим последствием которого является общность одной жены для нескольких мужчин: многомужество. В свою очередь, его следствием является то, что было известно, кто мать ребенка, но не кто его отец, и отсюда счет родства лишь по женской линии с исключением мужской — материнское право. А вторым следствием недостатка женщин внутри племени, — недостатка смягчаемого, но не устраняемого многомужеством, — был именно систематический, насильственный развод женщин чужих племен. «Так как экзогамия и многомужество пристраиваются от одной и той же причины — неравенства численности обоих полов, — то мы должны считать, что все экзогамные расы первоначально практиковали многомужество... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знает кровные узы лишь с материнской стороны» (Mac Lennan, *Studies in Ancient History*, 1876. *Primitive Marriage*, p. 124).

Заслуга Мак Леннана в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того, что он называет экзогамией. Факта существования экзогамных групп он отнюдь не открыл и уж совершенно не понял его. Не говоря о более ранних отдельных замечаниях многих наблюдателей — они-то и были источниками Мак Леннана, — Латам (*„Descriptive, Ethnology“*, 1859) подробно и правильно описал этот порядок у индийских магаров и указал, что он распространен повсеместно и встречается во всех частях света, — место, которое цитирует сам Мак Леннан. Да и наш Морган также еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (в *„American Review“*) и в 1851 г. в *„The League of the Iroquois“* доказал и правильно описал его у этого племени, между тем как адвокатский ум Мак Леннана, как мы увидим, создал тут гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в области материнского права. Дальнейшая заслуга Мак Леннана заключается в том, что он признал материнско-правовой порядок происхождения первоначальным, хотя в этом отношении, как и сам позже признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него нет ясности; он говорит постоянно о «родстве только по женской линии» (*kinship through females only*) и постоянно применяет это выражение, правильное для более ранней ступени, также к позднейшим ступеням развития, когда, правда, происхождение и право наследования считаются исключительно по женской линии, но родство признается и определяется и с мужской стороны. Это — ограниченность юриста, который создает себе определенную правовую формулу и продолжает применять ее в неизменном виде также к условиям, сделавшим ее тем временем неприменимой.

Кажется, однако, что при всей правдоподобности теории Мак Леннана она самому ее автору представлялась не очень-то прочно обоснованной. По крайней мере, ему самому бросается в глаза «тот поразительный факт, что форма [многого] похищения женщин наиболее ясно и определено выражена как раз у тех народов, у которых господствует мужское родство» [т. е. происхождение по мужской линии] (стр. 140). И далее: «Удивительно то, что, насколько нам известно, детоубийство нигде не практикуется систематически, когда рядом существуют экзогамия и старейшая форма родства» (стр. 146). И то, и другое — факты, которые непосредственно бьют по его же толкованию и которым он может противопоставить лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Несмотря на это, его теория встретила в Англии большое одобрение и сочувствие. Мак Леннан всеми считался здесь основоположником истории семьи и первым авторитетом в этой области. Его противоположение экзогамных и эндогамных «племен» одно другому, вопреки неоднократно установленным исключениям и видоизменениям, оставалось общепризнаваемой основой господствовавших взглядов и превратилось в шоры, делавшие невозможным свободный обзор исследуемой области, а тем самым и всякий решительный прогресс. В противовес ставшей обычно в Англии, а по английскому образцу и в других странах, переоценке Мак Леннана следует подчеркнуть, что своим основным целиком на недоразумении противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен» он причинил больше вреда, чем принес пользы своими исследованиями.

Между тем уже очень скоро начали всплывать все более многочисленные факты, не уместавшиеся в его искусственные рамки. Мак Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но раз на этот пункт было обращено внимание, начало накапливаться все больше и больше доказательств, что у неразвитых народов встречаются формы брака, когда ряд мужчин совместно владеет рядом женщин; и Леббок (*„The Origin of Civilization“*, 1870) признал этот групповой брак (*communal marriage*) историческим фактом.

Вслед затем, в 1871 г., выступил Морган с новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что свойственная ирокезам своеобразная система родства обща всем туземцам Соединенных Штатов и, следовательно, распространена по всему материка, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он побудил американское союзное правительство собрать, на основании составленного им самим вопросника и таблиц, сведения о системах родства у прочих народов и увидел из ответов: 1) что американско-индейская система родства существует также у многочисленных племен в Азии и, в несколько видоизмененной форме, в Африке и Австралии; 2) что система эта вполне объясняется формой группового брака,

находящегося как раз в стадии вымирания на Гаваи и других австралийских островах; 3) но что наряду с этой формой брака на тех же островах существует система родства, которая может быть объяснена только еще более примитивной, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения, вместе со своими выводами из них, он опубликовал в своей работе „Systems of Consanguinity and Affinity“, 1871, и тем самым перенес спор в бесконечно более обширную область. Исходя из систем родства и восстанавливая на их основе соответствующие им формы семьи, он открыл новый путь исследования и возможность дальше заглянуть в доисторический период человечества. Восторжествуй этот метод — и затейливые построения Мак Леннана разлетелись бы в прах.

Мак Леннан защищал свою теорию в новом издании „Primitive Marriage“ (Studies in Ancient History), 1876. Тогда как он сам комбинирует историю семьи чрезвычайно искусственно, исключительно при помощи гипотез, он требует от Леббока и Моргана не только доказательств для каждого их утверждения, но еще и таких доказательств неопровержимой силы, каки: только и допускаются в шотландском суде. И так поступает человек, который из тесной связи между братом матери и сыном сестры у германцев (Tacitus, Germania, гл. 20), из рассказа Цезаря о том, что бритты имеют по десяти и двенадцати жен сообща, и из всех других рассказов древних писателей об общности жен у варваров делает без колебания вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Так и кажется, что слушаешь прокурора, который позволяет себе полную свободу в обращении с материалом обвинения, но зато от защитника требует наиформальнейшего, имеющего юридическую силу доказательства для каждого слова.

Групповой брак — чистойшей выдумка, утверждает он, и тем самым оказывается значительно позади Бахофена. Моргановские системы родства — по его мнению — простые правила общественной вежливости, о чем свидетельствует тот факт, что и к чужим, к белым, индейцы обращаются со словом «брат» или «отец». Это все равно, как если бы кто-нибудь захотел утверждать, что обозначения: отец, мать, брат, сестра — просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических священников и настоятелей также называют «отцами» и «матерями» и потому что монахи и монахини и даже масоны и члены английских цеховых союзов в торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами «брат» и «сестра». Словом, защита Мак Леннана была чрезвычайно слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором, он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но даже пользовалась всеобщим признанием как краеугольный камень всей истории семьи. Допускали, что попытка Мак Леннана объяснить эту противоположность недостаточна и противоречит фактам, приводимым им самим. Но самая противоположность, существование двух взаимно исключающих видов самостоятельных и независимых племен, из которых один берет жен внутри племени, между тем как другому это абсолютно воспрещено, — все это считалось неоспоримым эзангелием. Сравни, например, Жиро-Тэлона „Origines de la famille“ (1874) и даже еще леббоковское „Origin of Civilization“ (4-е издание, 1882).

Этот пункт является исходным для главного труда Моргана „Ancient Society“ (1877), — труд, который положен в основу предлагаемой работы. То, что в 1871 г. Морган лишь смутно подозревал, тут развито с полной отчетливостью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в ту эпоху, когда господствовал еще групповой брак, — а он, по всей вероятности, некогда господствовал везде, — племя расчленилось на ряд кровнородственных по материнской линии групп, родов, gentes, внутри которых господствовало строгое запрещение браков, так что мужчины одного рода, хотя и могли брать себе жен внутри племени и по общему правилу тут их и брали, но должны были брать их вне пределов своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то охватывающее всю совокупность родов племя было в такой же степени эндогамным. Этим был окончательно низвергнут последний остаток искусственных построений Мак Леннана.

Но Морган этим не удовольствовался. Род американских индейцев послужил ему, далее, к тому, чтобы сделать второй решительный шаг вперед в исследуемой им области. В этом по материнскому праву организованном роде он открыл первичную форму, из которой развился позднейший, по отцовскому праву организованный род, каким мы его находим у античных культурных народов. Греческий и римский род, бывший до того загадкой для всех историков, был объяснен из индейского рода, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это раскрытие первичного материнско-правового рода, как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как дарвиновская теория развития для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые начертать историю семьи, в которой, по крайней мере предварительно, установлены в общих чертах классические ступени развития, поскольку позволяет это сделать известный ныне материал. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Материнско-правовой род стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся эта наука; с времени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует искать и как нужно группировать найденное. Поэтому-то теперь в этой области достигаются успехи гораздо скорее, чем до появления книги Моргана.

Открытия Моргана теперь признаны или, вернее, присвоены всеми исследователями

первобытной истории даже и в Англии. Но почти ни у одного из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану обязаны мы этой революцией во взглядах. В Англии его книга, по возможности, замалчивается, а на долю его самого достается лишь снисходительная похвала за его прежние труды; усердно придираются к отдельным частностям его изложения, а его действительно великие открытия упорно замалчивают. Первого американского издания „Ancient Society“ нет в продаже; в Америке для таких вещей нет надлежащего сбыта; в Англии книгу, повидимому, систематически затирали, и единственное издание этого, сделавшего эпоху труда, еще обращающееся в книжной торговле, это — немецкий перевод.

Откуда же эта холодность, в которой трудно не видеть заговора молчания, особенно если иметь в виду многочисленные цитаты, приводимые лишь из вежливости, и другие доказательства товарищеских чувств, которыми пестрят писания наших признанных исследователей первобытной истории? Уже не оттого ли, что Морган — американец, а для английских исследователей первобытной истории весьма огорчительно, что при всем своем в высшей степени почтенном усердии в собирании материала, по части общих взглядов, необходимых для сводки и группирования этого материала, словом, по части идей, они вынуждены опираться на двух гениальных иностранцев — Бахофена и Моргана? С немцем еще можно было бы помириться, но с американцем! По отношению к американцу каждый англичанин становится патриотом, чему я видел в Соединенных Штатах забавные примеры. Сюда присоединяется еще и то обстоятельство, что Мак Леннан был, так сказать, официально признанным основателем и вождем английской доисторической школы; что стало до неогордой степени хорошим доисторическим тоном говорить не иначе, как с величайшим почтением о его искусственных исторических построениях, ведущих от детоубийства через многомужество и хищнический брак к материнско-правовой семье; что малейшее сомнение в существовании абсолютно исключаящих друг друга экзогамных и эндогамных «племен» считалось дерзкой ересью; что, следовательно, Морган, рассеявший все эти освященные догматы, как дым, совершил нечто вроде святотатства. К тому же он рассеял их такими аргументами, которые достаточно было высказать, чтобы они стали очевидными для всех; так что беспомощно шатавшиеся до сих пор между экзогамией и эндогамией почитатели Мак Леннана должны были чуть ли не ударить себя по лбу и воскликнуть: как могли мы быть так глупы, что сами давно не заметили этого!

Не довольствуясь этим преступлением, которого одного было достаточно, чтобы официальная школа замалчивала его, Морган переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию, общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, критике, напоминающей критику Фурье, но и говорил о будущем переустройстве этого общества словами, которые мог бы сказать Карл Маркс. Он вполне заслужил поэтому, чтобы Мак Леннан с возмущением упрекал его в том, что «исторический метод ему совершенно антипатичен», и чтобы женевский господин профессор Жиро-Тэлон подтвердил этот упрек еще в 1884 г. Ведь бродил же этот самый господин Жиро-Тэлон еще в 1874 г. („Origines de la famille“) беспомощно в лабиринте мак-леннановской экзогамии, откуда только Морган вывел его!

Дальнейших успехов, которыми первобытная история обязана Моргану, я не могу здесь касаться; в моей работе отмечается все необходимое. Четырнадцать лет, истекшие со времени появления его главного труда, сильно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессионалам-исследователям первобытной истории присоединились представители сравнительной юриспруденции, которые дали частью новый материал, частью новые точки зрения. Некоторые частные гипотезы Моргана были тем самым поколеблены и даже опровергнуты. Но нигде вновь собранный материал не заставил заменить его основные, главные взгляды другими.

В основных чертах внесенный им в первобытную историю порядок остается в силе и до сих пор. Можно даже сказать, что он все более и более завоевывает всеобщее признание в такой же мере, в какой скрывают его авторские права на этот великий шаг вперед науки¹.

Лондон, 16 июня 1891 г.

¹ На обратном пути из Нью-Йорка, в сентябре 1888 г., я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он не много мог рассказать о нем. Морган жил в Рочестере в качестве частного лица, занятого лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне в военном министерстве; при помощи этого брата ему удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько работ на государственные средства; собеседником во время своего депутатства также неоднократно хлопотал об этом.

their way by experiments with the native metals, to cross the process
 of smelting iron ore. While iron and its uses were known, civil-
 ization was impossible. If mankind had failed to the present
 hour to cross this barrier it would have afforded no just cause for
 surprise. When we recognize the duration of man's existence
 upon the earth; the wide vicissitudes through which he has
 passed in savagery and in barbarism, and the progress
 he was compelled to make, civilization might as
 naturally have been delayed for several thousand years in
 the future, as to have occurred when it did in the good
 providence of God. We are forced to the conclusion that it
 was the result, as to ^{the} time ^{of its advancement} of a series of fortuitous cir-
 cumstances. It may well seem to us that we owe
 our present condition, with its multiplied means of safety
 and of happiness, to the struggles, the sufferings, the heroic
 exertions and the patient toil of our barbarians, and more
 severely of our savage ancestors. Their labors, their
 trials, and their successes are a part of the plan of the
 Supreme Intelligence, to develop ^{a barbarian out of a savage, and} a civilized man out of
^{this} a barbarian, and ~~the barbarian out of a savage.~~

Finis.

Последняя страница рукописи „Древнее общество“.

ЛЬЮИС Г. МОРГАН

ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО

Nescit vox missa reverti

Horatius

*Cum prorepserunt primis animalia terris,
Mutum et turpe pecus, glandem atque cubilia propter
Unguibus et pugnīs, dein fustibus, atque ita porro
Pugnabant armis, quae post fabricaverat usus;
Donec verba, quibus voces sensusque notarent,
Nominaque invenere: dehinc absistere bello,
Oppida coeperunt munire, et ponere leges,
Ne quis fur esset, neu latro, neu quis adulter.*

Horatius, „Sat.“, I, III, 99.

[Когда впервые выползли из земли животные, бессловесные и тупые звери, они начали драться когтями за желуди и берлоги; потом перешли на кулаки, а затем сражались оружием, которое впоследствии стало обычным. Это было до тех пор, пока они не изобрели слов и названий, в которые облекли свои чувства и голос. После того они стали воздерживаться от войны, начали строить города и создавать законы, чтоб не было воров, разбойников и прелюбодеев.— Г о р а ц и й, „Сатиры“, I, III, 99].

„Современная наука, основываясь на самом тщательном и исчерпывающем изучении человека и его творений, считает доказанным, что наша раса начала свое существование на земле с низшей, а не с высшей ступени и постепенно развивалась; что человеческие силы имели свою историю развития; что все элементы культуры — производства, искусство, наука, язык, религия, философия — выработались путем продолжительных и тягостных усилий в борьбе между душой и умом человека, с одной стороны, и внешней природой — с другой“.

Whitney's Oriental and Linguistic Studies, p. 341.

„Эти общины отражают духовную жизнь наших предков тысячи лет тому назад. Мы прошли те же стадии физического и культурного развития и представляем собой то, чем мы являемся теперь, благодаря тому, что они жили, трудились и совершенствовались. Наша изумительная цивилизация есть результат безмолвных усилий миллионов неизвестных людей, подобно тому как известковые скалы Англии образованы отложениями мириад фораминифер“.

Dr. J. Kaines, Anthropologia, vol. I, № 2, p. 233.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Глубокая древность существования человечества на земле окончательно установлена. Кажется странным, что доказательства этого были найдены только в последние тридцать лет и что современное поколение — первое, которое признало столь важный факт.

Мы знаем теперь, что уже в ледниковый период и даже до его наступления в Европе существовал человек, при чем вполне вероятно, что его происхождение относится к предшествующему геологическому периоду. Человек пережил много видов животных, современником которых он был, и различные ветви человеческой семьи совершили путь развития, которое замечательно как по своему направлению, так и по своим успехам.

Поскольку вероятный возраст человечества измеряется геологическими периодами, ограничивать его коротким промежутком времени невозможно. Не будет нелепостью принять, что период от исчезновения ледников в северном полушарии и до нашего времени измеряется в сто или двести тысяч лет. Как бы сомнительно ни было любое определение периода, действительная продолжительность которого неизвестна, ясно, что существование человека уходит в неизмеримую даль и теряется в глубокой древности.

Знание этого факта существенно изменяет господствовавшие раньше взгляды на отношение дикарей к варварам и варваров к цивилизованным людям. Мы можем теперь, основываясь на убедительных доказательствах, утверждать, что дикость у всех человеческих племен предшествовала варварству, точно так же как варварство предшествовало цивилизации. История человеческой расы имеет единое начало, едина в своем опыте и своем прогрессе.

Естественно и законно желание исследовать, если это возможно, как человечество прошло через все эти века своего прошлого; каким образом дикари, подвигаясь вперед медленными, почти незаметными шагами, достигли высшей ступени варварства; каким образом варвары, путем подобного же прогрессивного движения, достигли в конечном счете цивилизации; и почему некоторые племена и нации в одновременном ходе развития остались позади, одни — в состоянии цивилизации, другие — варварства, третьи — дикости. Мы можем смело ожидать, что в конце концов все эти вопросы получат ответ.

Изобретения и открытия образуют непрерывный ряд по пути человеческого прогресса и отмечают его последовательные стадии; между тем общественные и гражданские учреждения, связанные с извечными человеческими потребностями, развивались из немногих начальных зародышей мысли. Они точно так же являются шкалой прогресса. Эти учреждения, изобретения и открытия воплотили в себе и сохранили для нас основные факты, иллюстрирующие пройденный путь. Их сопоставление и сравнение указывают на единство происхождения человечества, на сходство человеческих потребностей на одной и той же стадии развития и на единообразие деятельности человеческого ума при одинаковом общественном строе.

В течение последней части периода дикости и всего периода варварства человечество по общему правилу было организовано в роды, фратрии и племена. Эти учреждения господствовали по всему древнему миру во всех частях света, являясь орудиями организации и сохранения древнего общества. Структура и взаимные отношения их, как частей одного органического ряда, а также права, привилегии и обязанности членов рода, фратрии и племени, характеризуют развитие идеи управления в уме человека. Главнейшие учреждения человечества возникли в дикости, развились в периоде варварства и созревают в периоде цивилизации.

Подобным же образом и семья прошла через свои последовательные формы и создала великие системы родства и свойства, сохранившиеся до наших дней. Эти системы, запечатлевшие родственные отношения, существовавшие в семье в тот период, когда каждая из них образовалась, содержат поучительную летопись человеческого опыта, сопутствующего развитию семьи от кровнородственной, через промежуточные формы, к моногамной.

Идея собственности прошла подобный же путь роста и развития. Совершенно неизвестная в периоде дикости, жажда обладания собственностью, состоящей из накопленных средств существования, овладела теперь умами цивилизованных рас.

Четыре вышеуказанных группы явлений, лежащие параллельными линиями вдоль пути человеческого прогресса от дикости к цивилизации, составляют основной предмет исследования этой книги.

Здесь — сфера исследования, в которой мы, американцы, особо заинтересованы и работа в которой составляет нашу особую обязанность. Как ни богат американский континент природными сокровищами, он одновременно богаче всех других континентов этнологическими, филологическими и археологическими материалами, иллюстрирующими огромный период варварства. Поскольку человечество имеет единое происхождение, его развитие было по существу одинаково, протекая во всех частях света различными, но единообразными путями и крайне сходным образом у всех племен и наций человечества, достигавших одной и той же стадии развития. Отсюда следует, что история и опыт американских индейцев представляет более или менее точно историю и опыт наших собственных отдаленных предков в соответствующем состоянии. Составляя часть истории человечества, их учреждения, производства, изобретения и практический опыт обладают высокой и особенной ценностью, далеко превышающей значение для истории индейской расы самой по себе.

Американские индейцы в эпоху их открытия представляли три различных этнических периода, при чем более полно, чем эти периоды были тогда представлены где-либо на земле. Они давали для этнологии, филологии и археологии материал в таком изобилии, как нигде, но так как эти науки до настоящего столетия едва существовали, да и в настоящее время еще слабо у нас развиваются, то научные работники тогда еще не могли справиться с этой работой. Более того, в то время как окаменелые остатки, погребенные в земле, сохраняются для будущего исследователя, не такова участь остатков индейских производств, языков и учреждений. Они погибают с каждым днем и погибали на протяжении более чем трех столетий. Этническая жизнь индейских племен под влиянием американской цивилизации вырождается, их производства и языки исчезают, их учреждения разлагаются. Еще через несколько лет те данные, которые теперь еще легко можно собрать, уже нельзя будет найти. Такое положение дела предъявляет к американцам настоятельное требование вступить на это обширное поприще исследования и собрать на нем обильную жатву.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА ВСЛЕДСТВИЕ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

Глава первая

ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

Развитие человечества от самых низших ступеней. — Оно иллюстрируется изобретениями, открытиями и учреждениями. — Две основные формы управления: одна — родовая и социальная, образующая общество (*societas*), другая — политическая, образующая государство (*civitas*). — Первая основывается на личностях и родовом начале, последняя — на территории и собственности. — Первая является формой управления древнего общества, вторая — современного или цивилизованного общества. — Единообразие человеческого опыта. — Намечаемые этнические периоды: I. Низшая ступень дикости; II. Средняя ступень дикости; III. Высшая ступень дикости; IV. Низшая ступень варварства; V. Средняя ступень варварства; VI. Высшая ступень варварства; VII. Ступень цивилизации.

Новейшие исследования раннего состояния человеческой расы приводят к заключению, что человечество начало свое поприще с самой низкой ступени развития и проложило себе дорогу из состояния дикости к цивилизации благодаря медленному накоплению опыта.

Поскольку несомненно, что одни части человеческой семьи находились в состоянии дикости, другие — в состоянии варварства и, наконец, третьи — в состоянии цивилизации, очевидно и то, что эти три различных состояния связаны между собою естественной и необходимой последовательностью. Более того, эта последовательность является историческим фактом для всей человеческой семьи вплоть до той ступени развития, которая была достигнута каждой ветвью в отдельности. Это вытекает из тех условий, при которых совершается всякий прогресс, а также из развития многих ветвей человеческой семьи, как известно, прошедших через два или более из указанных состояний.

В последующем изложении будет сделана попытка представить дальнейшие доказательства примитивности начального состояния человечества, постепенной эволюции его умственных и нравственных сил путем накопления опыта и его продолжительной борьбы с препятствиями на пути к достижению цивилизации. Эти доказательства будут взяты частично из длинного ряда изобретений и открытий, который тянется по всему пути человеческого прогресса, но главным образом мы будем черпать их в домашних учреждениях, выражающих развитие известных идей и стремлений.

Если мы, восходя вдоль различных линий прогресса к начальным векам существования человечества, разграничим одно от другого в том порядке, в каком они появлялись, изобретения и открытия, с одной стороны, и учреждения — с другой, то мы найдем, что первые стоят друг к другу в отношении прогресса, последние — в отношениях развертывания. Тогда как явления первой группы имеют друг с другом более или менее прямую связь, явления последней

развились из немногих первоначальных зародышей мысли. Современные учреждения имеют свои корни в периоде варварства, куда их отпрыски проникли из предшествующего периода дикости. Они переходили по наследству по прямой линии через все прежние периоды, с одной стороны, передаваясь от поколения к поколению, с другой — имея собственное логическое развитие.

Таким образом наше внимание привлекают две самостоятельные линии исследования. Одна охватывает изобретения и открытия, другая — первобытные учреждения. Исследовав те и другие, мы можем надеяться определить главные стадии человеческого развития. Соответствующие доводы будут заимствоваться главным образом из домашних учреждений, тогда как ссылки на достижения чисто интеллектуального порядка будут иметь скорее общее и подчиненное значение.

Факты указывают на постепенное образование и последующее развитие определенных идей, побуждений и стремлений. Самые выдающиеся из них могут быть поняты как продукт роста отдельных идей, с которыми они связаны. Помимо изобретений и открытий, они состоят в следующем:

- I. Средства существования
- II. Управление
- III. Язык
- IV. Семья
- V. Религия
- VI. Домашняя жизнь и архитектура
- VII. Собственность.

Первое. Средства существования умножились и совершенствовались на основе целого ряда производств, вводимых последовательно в течение больших промежутков времени и более или менее прямо связанных с изобретениями и открытиями.

Второе. Зародыш управления должен быть найден в родовой организации дикого состояния и прослежен через последовательно развивающиеся формы этого учреждения вплоть до установления политического общества.

Третье. Человеческая речь, повидимому, развилась из самых грубых и простых форм выражения чувств. Язык жестов или знаков, как указывал уже Лукреций¹, должен был предшествовать членораздельному языку, как мышление предшествовало речи. Односложные слова предшествовали многосложным, как эти последние — слитным словам. Человеческий интеллект бессознательно, путем использования звуков голоса, развил членораздельную речь. Этот обширный предмет, составляющий сам по себе особую область знания, выходит за пределы настоящего исследования.

Четвертое. Что касается семьи, то стадии ее развития воплощены в системах родства и свойства, а также в порядках, относящихся к браку; на основе этих данных, вместе взятых, мы можем определенным образом установить развитие семьи через различные последовательные ее формы.

Пятое. Развитие религиозных идей является столь сложным процессом, что может навсегда остаться без вполне удовлетворительного объяснения. Религия в столь широкой мере связана с воображением и эмоциональной природой человека, следовательно, столь неопределенными элементами знания, что все примитивные религии оказываются странными и до известной степени непонятными. Этот предмет точно так же выходит за пределы плана настоящего труда, разве бы соответствующие данные в отдельных случаях могли нам дать некоторые дополнительные указания.

Et pueros commendarunt mulierbreque saeculum
Vocibus, et gestu, cum balbe significarent,
Imbecillorum esse aequum miserier omnium.

De Rerum Natura, lib. V, 1020.

[и поручали друг другу детей и женщин, и бормоча, возгласами и жестами давали понять, что следует всем иметь сострадание к слабым].

Шестое. Жилищная архитектура, связанная с формой семьи и строем домашней жизни, дает почти полную картину прогресса от дикости до цивилизации. Ее развитие может быть прослежено от шалаша дикаря, через общинные дома варваров, вплоть до дома индивидуальной семьи цивилизованных наций, со всеми промежуточными звеньями, связывающими крайние формы. На этом вопросе мы будем останавливаться только мимоходом.

Наконец, идея собственности складывалась в человеческом уме только очень медленно и в течение огромных периодов времени оставалась в зародыше и слабо развитой. Она возникла в периоде дикости, и нужен был весь опыт этого периода и следующего периода варварства, чтобы этот зародыш развился и чтобы человеческий ум подготовился принять ее ограничивающее действие. Ее господство как страсти над всеми другими страстями знаменует начало цивилизации. Она привела человечество не только к преодолению всех препятствий, задерживавших наступление цивилизации, но и к учреждению политического общества на основе территории и собственности. Критическое исследование эволюции идеи собственности составляло бы в некотором смысле важнейшую часть истории умственного развития человечества.

Моя задача будет заключаться в том, чтобы представить некоторые доказательства человеческого прогресса в этих различных областях в течение последовательных этнических периодов, как это раскрывается в изобретениях и открытиях, а также в развитии идей управления, семьи и собственности.

Здесь можно наперед указать, что все формы управления сводятся к двум основным планам, при чем слово план принимается в его научном смысле. Оба они совершенно различны в своих основаниях. Первый по времени основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (*societas*). Род является единицей этой организации, давая в архаическом периоде, в качестве последовательных стадий развития, род, фратрию, племя и конфедерацию племен, образующую народ или нацию (*populus*). В более поздний период на смену конфедерации племен, занимающих независимые территории, явилось слияние племен на общей территории в одну нацию. Таковой в течение долгих веков после возникновения рода была эта фактически всеобщая организация древнего общества; она сохранилась у греков и римлян и после наступления цивилизации. Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (*civitas*). Городская община или округ, в ее пределах и границах, с находящейся здесь собственностью, составляет основу или единицу государства, а политическое общество — его выражение. Политическое общество организовано на территориальных началах, и его отношение к собственности и личности определяется территориальными отношениями. Последовательные стадии интеграции этой формы следующие: городская община или округ в качестве основной единицы этой организации; кантон или провинция, представляющая собой соединение городских общин или округов, и национальная область или территория, представляющая собой соединение кантонов или провинций, при чем население всех этих единиц организовано в одно политическое целое. Потребовалось крайнее напряжение всех способностей греков и римлян, по достижении ими цивилизации, чтобы изобрести дем или городскую общину и городской округ и таким образом учредить второй основной план управления, сохранившийся у цивилизованных наций до настоящего времени. В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Появление его составляет пограничную линию между древним и современным обществом.

Далее следует отметить, что домашние учреждения варварских и даже диких предков человечества еще и поныне встречаются у отдельных ветвей человеческой семьи с такой полнотой, что, за исключением наиболее примитивного периода, различные стадии соответствующего развития сохранились довольно хорошо. Они еще и теперь наблюдаются в организации общества на основе различия полов, далее — на основе родства и, наконец — на территориальном

основании; их можно проследить по последовательным формам брака и семьи вместе с созданными этими последними системами кровного родства, по домашней жизни и архитектуре и по развитию порядков, относящихся к владению и наследованию имущества.

Теория вырождения человечества, объясняющая существование дикарей и варваров, должна быть оставлена. Она возникла в качестве вывода из космогонии Моисея и была принята из мнимой необходимости, ныне не существующей. Как теория она не только не способна объяснить существование дикарей, но и не находит себе подтверждения в данных человеческого опыта.

Надо думать, что отдаленные предки арийских наций прошли через стадию, аналогичную той, на которой находятся ныне существующие варварские и дикие племена. В то время как опыт этих наций содержит все необходимые данные для иллюстрации древнего и современного периодов цивилизации, равно как и части последнего периода варварства, их более ранний опыт должен быть выведен главным образом из раскрываемой связи между элементами их ныне существующих учреждений и изобретений и подобными же элементами, донныне сохранившимися у диких и варварских племен.

Следует заметить, наконец, что развитие человечества шло повсюду почти одинаковыми путями, что человеческие потребности при аналогичных условиях были по существу одинаковы и что проявления умственной деятельности, в силу видовой тождественности мозга всех человеческих рас, были однородны. Это, однако, только частичное объяснение однородности результатов. Зародыши главнейших учреждений и производств развились в то время, когда человек был еще дикарем. Опыт последующих периодов варварства и цивилизации был в весьма значительной мере направлен на дальнейшее развитие этих начальных идей. Всюду, где на различных континентах может быть установлена связь между современным учреждением и его общим зародышем, можно вывести заключение о происхождении самих народов от общего начального ствола.

Исследование этих различных категорий фактов будет облегчено установлением известного числа этнических периодов, каждый из которых представляет собой определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни. Введенные датскими археологами термины: «каменный век», «бронзовый» и «железный» были очень полезны для известных целей и останутся таковыми для классификации предметов древнего производства; но развитие науки вызвало необходимость иного подразделения. Каменные орудия не были полностью вытеснены изобретением железных и бронзовых орудий. Изобретение плавления железной руды создало этническую эпоху, но мы вряд ли могли бы датировать новую эпоху начиная с производства бронзы. Кроме того, поскольку период каменных орудий перекрывает периоды бронзы и железа, а период бронзы точно так же перекрывает период железа, эти периоды не могут быть разграничены так, чтобы оставаться каждый независимым и отличным от другого.

Надо думать, что различные виды средств существования, возникших последовательно в течение долгих промежутков времени, дадут наконец, в силу большого влияния, которое они должны были оказывать на состояние человечества, самое удовлетворительное основание для такого деления. Однако исследования не ушли еще достаточно далеко в этом направлении, чтобы дать нам необходимые сведения. При наших современных знаниях наилучший результат может быть достигнут путем отбора таких изобретений и открытий, которые дали бы показатели прогресса, достаточные для установления начала последовательных этнических периодов. Будучи приняты хотя бы условно, эти периоды окажутся все же пригодными и полезными. Каждый из таких намечаемых периодов охватит определенную культуру и представит особый образ жизни.

Период дикости, о самой начальной части которого известно очень мало, можно разделить условно на три подпериода. Они могут быть названы древнейшим, средним и позднейшим периодами дикости, и со-

стояние общества в каждом из них соответственно можно различать как низшую, среднюю и высшую ступени дикости.

Подобным же образом период варварства естественно распадается на три подпериода, которые могут быть также обозначены как древнейший, средний и позднейший периоды варварства, при чем состояние общества в каждом из них соответственно будет обозначаться как низшая, средняя и высшая ступени варварства.

Трудно, если не невозможно, найти такие показатели прогресса для установления начала этих различных периодов, которые бы оказались абсолютными и не допускали бы исключений на всех континентах. Но для нашей настоящей цели нет необходимости, чтобы такие исключения совсем не существовали. Достаточно будет, если окажется возможным классифицировать главнейшие племена человечества в соответствии со степенью их относительного прогресса по таким состояниям, которые были бы существенно различны.

I. Низшая ступень дикости

Этот период начался с младенчества человеческой расы и, можно считать, окончился с введением в употребление рыбной пищи и умением пользоваться огнем. Человечество жило тогда в своем первоначальном ограниченном месте обитания, питаясь плодами и орехами. Начало членораздельной речи принадлежит к этому периоду. Ни одного образца человеческого племени, находящегося в этом состоянии, не сохранилось до исторического периода.

II. Средняя ступень дикости

Она началась с употребления в пищу рыбы и умения пользоваться огнем и окончилась с изобретением лука и стрелы. В этом состоянии человечество из мест своего первоначального обитания распространилось по большей части земной поверхности. Из существующих еще племен на средней ступени дикости остаются, например, австралийцы и большая часть полинезийцев эпохи их открытия. Достаточно будет привести одну или несколько иллюстраций каждой из этих двух ступеней.

III. Высшая ступень дикости

Она началась с изобретения лука и стрелы и окончилась с изобретением гончарного производства. На высшей ступени дикости находились племена атапасков с Гудсонова залива, племена долины Колумбии и некоторые прибрежные племена Северной и Южной Америки, все это, однако, в эпоху их открытия. Этим заканчивается период дикости.

IV. Низшая ступень варварства

Изобретение или применение гончарного производства представляет собой, вероятно, по сравнению со всеми другими элементами, наиболее действительный и убедительный признак, который можно избрать для установления пограничной линии, по необходимости произвольной, между дикостью и варварством. Различение этих двух состояний было уже давно признано, но до сих пор не было установлено никакого критерия прогресса от одного состояния к другому. Таким образом все племена, еще не дошедшие до гончарного производства, будут отнесены к дикарям, тогда как племена, обладающие этим производством, но не дошедшие до фонетического алфавита и применения письма, будут отнесены к варварам.

Первый подпериод варварства начался с изготовления гончарной посуды либо путем самостоятельного изобретения, либо путем заимствования. При попытке определить его конец и начало его средней ступени мы наталкиваемся на трудность, заключающуюся в различии природных богатств обоих полушарий, каковое обстоятельство начинает влиять на условия жизни человека по прошествии периода дикости. Однако мы можем преодолеть это затруднение.

принимая для сравнения эквивалентные признаки. В восточном полушарии — приручение животных, а в западном — возделывание маиса и овощей посредством орошения, а равно употребление необожженного кирпича и камня для постройки домов, были избраны нами в качестве достаточных свидетельств прогресса для установления перехода от низшей к средней ступени варварства. При таких условиях на низшей ступени остаются, например, индейские племена Соединенных Штатов к востоку от реки Миссури и те племена Европы и Азии, которые знали гончарное производство, но не имели домашних животных.

V. Средняя ступень варварства

Она началась, как сказано, в восточном полушарии с приручения животных, а в западном — с возделывания растений посредством орошения и употребления в строительстве необожженного кирпича и камня. Ее концом можно считать изобретение плавения железной руды. Это помещает на среднюю ступень, например, оседлых индейцев Новой Мексики, Мексики, Центральной Америки и Перу, а равно те племена восточного полушария, которые имели домашних животных, но не знали железа. Древние бритты, хотя и знакомые с употреблением железа, безусловно относятся к этому состоянию. Близость более развитых племен материка содействовала развитию их производств в большей мере, чем это соответствовало развитию их домашних учреждений.

VI. Высшая ступень варварства

Она началась с обработки железа и окончилась с изобретением фонетического алфавита и применением письма в литературных произведениях. Здесь начинается цивилизация. При таких условиях на высшей ступени остаются, например, греческие племена гомеровской эпохи, итальянские племена незадолго до основания Рима и германские племена времен Цезаря.

VII. Ступень цивилизации

Она началась, как уже сказано, с применения фонетического алфавита и создания литературных памятников и распадается на древнюю и современную. В качестве эквивалента фонетического письма можно принять иероглифическое письмо на камне.

П Е Р Е Ч Е Н Ь

<i>Периоды</i>	<i>Состояния</i>
I. Древнейший период дикости	I. Низшая ступень дикости
II. Средний период дикости	II. Средняя ступень дикости
III. Позднейший период дикости	III. Высшая ступень дикости
IV. Древнейший период варварства	IV. Низшая ступень варварства
V. Средний период варварства	V. Средняя ступень варварства
VI. Позднейший период варварства	VI. Высшая ступень варварства
	VII. Ступень цивилизации
I. Низшая ступень дикости	От младенчества человеческой расы до начала следующего периода.
II. Средняя ступень дикости	От приручения животных в восточном полушарии, а в западном от возделывания маиса и овощей посредством орошения, а равно употребления необожженного кирпича и камня до и т. д.
III. Высшая ступень дикости	От изобретения лука и стрелы до и т. д.
IV. Низшая ступень варварства	От изобретения гончарного производства до и т. д.
V. Средняя ступень варварства	От приручения животных в восточном полушарии, а в западном от возделывания маиса и овощей посредством орошения, а равно употребления необожженного кирпича и камня до и т. д.
VI. Высшая ступень варварства	От изобретения плавения железной руды и употребления железных орудий до и т. д.
VII. Ступень цивилизации	От изобретения фонетического алфавита и применения письма до настоящего времени.

Каждый из этих периодов имеет особую культуру и представляет строй жизни, более или менее особенный и только ему одному присущий. Это разграничение этнических периодов дает возможность рассматривать каждое отдельное общество соответственно его состоянию относительного развития и сделать его предметом самостоятельного изучения и исследования. Полученный результат в своей основе не пострадает оттого, что различные племена и нации одного и того же континента и даже одной и той же лингвистической семьи находятся в различных состояниях в одно и то же время, ибо для нашей цели лишь состояние каждого племени представляет собой факт существенного порядка, тогда как время — несущественно.

Поскольку употребление гончарной посуды имеет меньшее значение, чем разведение домашних животных, применение железа или фонетического алфавита для установления начала следующих друг за другом этнических периодов, мы приведем основания для принятия этого признака. Изготовление гончарной посуды предполагает оседлую жизнь и значительное развитие простых производств¹. Кремневые и каменные орудия древнее гончарной посуды, поскольку остатки первых были найдены в древних хранилищах во многих случаях без следов последней. Ряд изобретений, отвечающих более настоящему потребностям и соответствующих более низкому состоянию, должен был появиться прежде, чем испытали надобность в гончарной посуде. Начало оседлой жизни вместе с известной степенью господства над средствами существования, деревянная посуда и утварь, ручное ткачество из волокон древесной коры, плетение корзин, лук и стрела — все это предшествовало гончарному производству. Оседлые индейцы, находившиеся на средней ступени варварства, например, цуныи, ацтеки, чолула, изготовляли в большом количестве и разнообразной формы гончарную посуду высокого качества; полуседлые индейцы Соединенных Штатов, находившиеся на низшей ступени варварства, например, ирокезы, чокта и чироки, изготовляли гончарную посуду в меньшем количестве и в ограниченном числе форм; индейцы же, находившиеся на ступени дикости и не занимавшиеся огородничеством, например, атапаски, племена Калифорнии и долины Колумбии, не знали ее употребления². В «Доисторических временах» Леббока, в «Начальной истории человечества» Тэйлора и в «Человеческих расах» Пешеля подробности, касающиеся этого производства и пределов его распространения, собраны с замечательной исследовательской широтой. Гончарное производство было неизвестно в Полинезии (за исключением островов Тонга и Фиджи), в Австралии, в Калифорнии и на территории Гудсонова залива. Тэйлор замечает, что «ткачество было неизвестно на большей части островов, расположенных в отдалении от азиатского материка», и что «на большей части островов Тихого океана не знали гончарного производства»³. Лоример Файсон, английский миссионер в Австралии, сообщил автору в ответ на его запрос, что «австралийцы не имели ни ткацких, ни гончарных изделий и не знали лука и стрел». Последнее правильно также вообще в отношении полинезийцев. Введение керамического искусства создало

¹ Эдуард Б. Тэйлор замечает, что Гоге „был первым высказавшим в прошлом столетии мысль, что изготовление гончарной посуды началось с того, что стали обмазывать глиной подверженную сгоранию посуду для защиты ее от огня, пока не обнаружилось, что глина и одна отвечает этой цели; таким образом возникло гончарное производство“ (Early History of Mankind, p. 273). Гоге сообщает, что капитан Гоннвиль, посетивший в 1503 г. юго-восточный берег Южной Америки, нашел, что их домашняя утварь и даже их кухонные горшки были из дерева, но покрыты особым рода глиной, толщиной в добрый палец, предохранявшей их от действия огня (ib., p. 273).

² Глиняные изделия были найдены в туземных курганах в Орегоне несколько лет тому назад.—Foster's Pre-Historic Races of the United States, I, p. 152. Первые глиняные сосуды туземцев Соединенных Штатов были сделаны, повидимому, из камышевых или ивовых корзин, служивших формами, которые сгорали после того, как сосуды затвердевали.—Jones's Antiquities of the Southern Indians, p. 461. Статья проф. Рок: Pottery in Smithsonian Report, 1866, p. 352.

³ Early History of Mankind, p. 181; Pre-Historic Times, pp. 437, 441, 462, 477, 533, 542.

новую эпоху человеческого прогресса в смысле улучшения жизненных условий и умножения домашних удобств. Тогда как кремневые и каменные орудия, — появившиеся раньше и потребовавшие долгого времени для развития всех форм своего применения, — дали человеку челн, деревянную утварь и орудие и, наконец, бревна и доски для постройки жилищ¹, гончарное производство дало прочную посуду для варки пищи, производившейся до того примитивным способом, в обмазанных глиной корзинах и в ямах, обложенных шкурами, при чем варка осуществлялась при помощи горячих камней².

Возник вопрос, закаливались ли туземные гончарные изделия на огне или же подвергались простой сушке. Профессор Э. Т. Кокс из Индианополиса, путем сравнения анализов древних гончарных изделий и гидравлического цемента, показал, что «по своему химическому составу они (гончарные изделия) вполне сходны с гидравлическим известняком». Он говорит далее: «все виденные мной гончарные изделия, относящиеся к эпохе строителей насыпей, состоят из алювиальной глины и песка или из смеси первой с толчеными пресноводными раковинами. Глина, сделанная из такой смеси, обладает в высокой степени свойствами гидравлического пуццуоланского и портландского цемента, так что изготовленная из нее посуда затвердевает без обжига, практикуемого в современном гончарном производстве. Размельченные раковины служили вместо гравия или кусочков камня, употребляемых в настоящее время в соединении с гидравлической известью для производства искусственного камня»³. Сходный с гидравлическим цементом состав индейских гончарных изделий говорит о трудностях на пути изобретения этого производства и служит объяснением позднего появления его в ходе развития человеческого опыта. Несмотря на остроумное предположение проф. Кокса, весьма вероятно все же, что глиняная посуда закаливалась искусственным образом. В некоторых случаях этот факт прямо устанавливается. Так, Эдер, говоря о племенах Мексиканского залива, замечает, что «они делают глиняные горшки весьма различных размеров, вмещающие от двух до десяти галлонов, большие кувшины для воды, чаши, блюда, тарелки, миски и необычайное множество других сосудов такой странной формы, что описывать их было бы утомительно, да и невозможно найти подходящие названия. Их способ глазировки состоит в том, что глиняная посуда ставится на большой огонь из смолистого елового дерева, что делает ее гладкой, черной и твердой»⁴.

Другое преимущество установления определенных этнических периодов заключается в том, что оно ведет к специальному изучению тех племен и наций, которые дают наилучшую иллюстрацию каждой ступени, представляя каждую из них типично и наглядно. Некоторые племена и семьи остались в географической изолированности и должны были разрешать проблемы прогресса самостоятельными усилиями ума; они, следовательно, сохранили свои производства и учреждения в чистом и цельном виде, тогда как у других племен и наций они

¹ Льюис и Кларк (1805) нашли употребление досок в жилищах у племен реки Колумбии. — *Travels, Longman's Ed.*, 1814, p. 503. Джон Кист Лорд нашел «кедровые доски, вырубленные из большого дерева каменным долотом и топором» в индейских хижинах на острове Банкувера. — *Naturalist in British Columbia*, I, p. 169.

² *Taylor's Early History of Mankind*, p. 265 et seq.

³ *Geological Survey of Indiana*, 1873, p. 119. Он дает следующий анализ: Древние гончарные изделия, „Bone Bank“, Posey Co., Indiana.

Воды при 212° F.	1,00
Кремния	36,00
Углекислого кальция	25,50
Углекислого магния	3,02
Глинозема	5,00
Перекиси железа	5,50
Серной кислоты	0,20
Органических веществ (щелочей и потерь)	23,60
	<hr/> 100,00

⁴ *History of the American Indians*, Lond. ed., 1775, p. 424. Ирокезы утверждают, что их предки в древние времена сушили глиняную посуду на огне.

были искажены внешними влияниями. Таким образом, тогда как Африка представляла и представляет этническое смешение дикости и варварства, Австралия и Полинезия оставались в подлинной и совершенной дикости, обладая принадлежащими этому состоянию производствами и учреждениями. Подобным же образом индейская семья Америки, в отличие от всех других существующих семей, представляла состояние человечества в трех последовательных этнических периодах. Непотревоженные в своем обладании громадным континентом, будучи едины по происхождению, имея однородные учреждения, они представляли в эпоху их открытия каждое из этих состояний, в особенности низшую и среднюю ступени варварства, точнее и полнее, чем какая-либо другая часть человечества. Индейцы крайнего севера и некоторые прибрежные племена Северной и Южной Америки находились на высшей ступени дикости, полуседлые индейцы, жившие к востоку от Миссисипи — на низшей ступени варварства и оседлые индейцы Северной и Южной Америки — на средней ступени. Такой благоприятной возможности получить полные и детальные сведения о ходе человеческого опыта и прогресса в развитии производств и учреждений на протяжении этих последовательных состояний не встречалось за время всего исторического периода. Надо добавить, что это было весьма неважно использовано. Наиболее крупные наши пробелы относятся к последнему из названных периодов.

Различия в культуре одного и того же периода в восточном и западном полушариях несомненно существовали вследствие неодинаковых природных богатств обоих континентов; но состояние общества на одинаковой ступени должно было быть в главных чертах по существу сходным.

Предки греческих, римских и германских племен прошли все указанные нами стадии, но свет истории упал на них только в середине последней стадии. Их выделение из недифференцированной массы варваров произошло, вероятно, не раньше начала среднего периода варварства. Опыт этих племен был утрачен, за исключением того, что представлено учреждениями, открытиями и изобретениями, которые они принесли с собой и которыми обладали тогда, когда впервые стали объектом исторического наблюдения. Греческие и латинские племена времен Гомера и Ромула дают превосходнейшую иллюстрацию высшей ступени варварства. Их учреждения были так же свободны от примеси и самобытны, как и индейские, и их опыт непосредственно примыкает к высшим достижениям цивилизации.

Если мы таким образом начнем с австралийцев и полинезийцев, перейдем затем к индейским племенам Америки и окончим римлянами и греками, то, поскольку все они дают превосходнейшую иллюстрацию шести великих стадий человеческого прогресса, мы сможем принять, что сумма их общего опыта прекрасно представляет прогресс человеческой семьи от средней ступени дикости до конца древней цивилизации. В результате арийские нации найдут у австралийцев и полинезийцев прообраз состояния своих отдаленных предков в периоде дикости, у полуседлых индейцев Америки — их состояния на низшей ступени варварства, и у оседлых индейцев — на средней ступени, к которой непосредственно примыкает их собственная история на высшей ступени варварства. Производства, учреждения и образ жизни на одинаковых ступенях столь тождественны по существу на всех континентах, что архаическую форму главнейших домашних учреждений греков и римлян можно даже сейчас найти в соответствующих учреждениях американских туземцев, как это будет показано в настоящем исследовании. Этот факт составляет часть накапливающихся свидетельств, ведущих к доказательству того, что главнейшие учреждения человечества развились из нескольких начальных зародышей мысли и что ход и образ их развития был предопределен, а вместе с тем и ограничен узкими пределами в силу естественной логики человеческого ума и необходимой ограниченности его сил. Прогресс оказывается по существу одинаковым в своем содержании у племен и наций, живших на различных и даже разобщенных кон-

тинентах и находившихся на одной и той же ступени; отступления от этого единообразия в отдельных случаях были вызваны особыми причинами. Развитие этого положения приводит к установлению единства происхождения человечества.

Исследуя состояние племен и наций в этих различных этнических периодах, мы имеем дело по существу с древней историей и былым состоянием наших собственных отдаленных предков.

Глава вторая

СРЕДСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Господство человека над землей. — Власть над средствами существования как условие этого господства. — Только человек приобрел эту власть. — Последовательные виды средств существования: I. Природные средства существования; II. Рыбная пища; III. Мучная пища; IV. Мясная и молочная пища; V. Неограниченные средства существования, добываемые полевым земледелием. — Большие промежутки времени между ними.

Важный факт, что человечество начало свое развитие с самой низшей ступени и поднялось выше, выразительным образом раскрывается в последовательных видах их средств существования. От его способностей в этой области всецело зависел вопрос господства человечества на земле. Человек — единственное существо, о котором можно сказать, что он приобрел абсолютную власть над производством пищи, в чем он сначала был не выше других животных. Без расширения основы своего существования человечество не могло бы распространиться по другим областям, не обладавшим теми же самыми видами пищи, а в конце концов и по всей поверхности земли; наконец, не достигнув абсолютной власти над производством пищи как в отношении ее разнообразия, так и количества, человечество не могло бы разрастись в многочисленные нации. Поэтому весьма вероятно, что великие эпохи человеческого прогресса более или менее непосредственно совпадали с расширением источников средств существования.

Мы можем различить пять таких источников человеческой пищи, созданных, можно сказать, таким же количеством следующих друг за другом производств, присоединявшихся одно к другому и возникавших через большие раздельные промежутки времени. Первые два возникли в периоде дикости, а три последние — в периоде варварства. Таковы нижеследующие виды, описанные в порядке их возникновения.

I. Природные средства существования, состоящие из плодов и корней и добываемые в ограниченном месте обитания

Эта позиция возвращает нас к самому примитивному периоду существования человечества, когда, будучи немногочисленным, ограниченным в средствах существования и занимая ограниченную территорию, оно только что вступило на свое новое поприще. Нет ни одного производства, ни одного учреждения, которое могло быть отнесено к этому периоду, и только одно изобретение речи может быть связано со столь отдаленной эпохой. Указанный род средств существования предполагает тропический или субтропический климат. К такому климату, по общему мнению, относится обиталище примитивного человека. В лесах, богатых плодами и орехами, под тропическим солнцем, привыкли мы, и не без основания, видеть начальное место существования наших предков.

Различные расы животных предшествовали по времени человеческой расе. Мы имеем основания полагать, что в то время, как человеческая раса появилась, они были уже в полном развитии своей силы и численности. Классические поэты рисовали человеческие племена живущими в рощах, пещерах и лесах, за обла-

дание которыми они вели борьбу с дикими зверями¹, поддерживая свое существование дикорастущими плодами земли. Если человечество начало свое поприще без всякого опыта, без оружия и окруженное хищными зверями, то нет ничего невероятного в том, что, по крайней мере частично, они представляли собой обитателей деревьев, которые были средством защиты и безопасности.

Поддержание жизни путем постоянного добывания пищи составляет великое бремя, тяготеющее над существованием всех видов животных. По мере того как мы спускаемся по лестнице органического мира, добывание средств существования становится с каждой ступенью все более и более простым, пока, наконец, тайна не исчезает совершенно. Наоборот, восходя по этой лестнице, мы видим, что добывание средств существования становится все труднее, достигая своего максимума у наивысшей органической формы, т. е. у человека. С этого момента интеллект становится более влиятельным фактором. Животная пища, по всей вероятности, вошла в употребление человека уже в самом раннем периоде, но добывалась ли она активно, когда человек фактически питался плодами, хотя по своей природе и был всеядным, должно остаться в области предположений. Во всяком случае этот вид пищи относится к самому начальному периоду.

II. Рыбная пища

Рыбу следует считать первым видом искусственно приготовляемой пищи, так как в сыром виде она не вполне усваивается. Вероятно, огонь был использован впервые именно для этой цели. Рыба встречалась повсюду, запасы ее были неограниченные, и она представляла собой единственный вид пищи, доступный во всякое время. Хлебные злаки в начальном периоде были еще неизвестны, если они фактически существовали, а охота за дичью была всегда слишком ненадежна, чтобы представлять собой исключительное средство поддержания жизни. С этими новыми видами пищи человечество стало независимым от климата и местности и, следуя вдоль берегов морей и озер и по течению рек, могло, еще в диком состоянии, распространиться по большей части земной поверхности. Обильным свидетельством факта этих миграций являются остатки кремневых и каменных орудий периода дикости, находимые на всех континентах. Если бы человечество зависело от плодов и дикорастущей пищи, то расселение из его первоначального места обитания было бы невозможно.

Между введением рыбной пищи, после чего последовали помянутые широкие миграции, и производством мучной пищи лежал громадный промежуток времени. Он обнимает большую часть периода дикости. Но в течение этого промежутка произошло значительное увеличение видов и количества пищи. Таковы, например, корни хлебных растений, сваренные в земляных печах, таково же непрерывное увеличение количества дичи благодаря усовершенствованному оружию, а в особенности луку и стреле. Это замечательное изобретение, последовавшее за копьем и боевой палицей и давшее первое смертоносное оружие для охоты, появилось лишь поздно в периоде дикости². Оно взято нами для обозначения

1

Necdum res igni scibant tractare, nec uti
Pellibus, et spollis corpus vestire ferarum;
Sed nemora, atque cavos montis, silvasque colebant,
Et trutices inter condebant squalida membra,
Verbera ventorum vitare Imbrisque coacti.

Lucr. De Re. Nat., lib. V, 951.

[Они еще не умели обращаться с огнем и использовать содранные со зверей шкуры и покрывать ими свое тело. Они жили в рощах, горных пещерах и лесах и, гонимые ветрами и ливнями, укрывали свои закоченевшие члены в лесной чаще].

² Представляя собой комбинацию сил, лук является настолько сложным сружием, что он, вероятно, обязан своим происхождением случайности. Упругость и гибкость некоторых пород дерева, напряжение веревки из сухожилий или растительных волокон с помощью согнутой ветки и, наконец, комбинация этих свойств для метания стрелы силой человеческих мышц, очевидно, не могли вдохновить ум дикаря. Как уже упомянуто, лук и стрела были неизвестны полинезийцам вообще и австралийцам. Один этот факт показывает, что человечество уже значительно ушло вперед в своем диком состоянии, когда впервые появились лук и стрела.

начала высшей ступени этого периода. Оно должно было оказать на древнее общество могущественное прогрессивное влияние, находясь в таком же отношении к периоду дикости, как железный меч к периоду варварства и огнестрельное оружие к периоду цивилизации.

Вследствие ненадежности всех этих источников пищи, если не считать обширных областей, богатых рыбой, каннибализм стал ужасным средством поддержания жизни человека. Универсальное распространение этого порядка в древности мало-по-малу становится доказанным.

III. Мучная пища, добываемая посредством обработки земли

Мы покидаем теперь дикость и вступаем на низшую ступень варварства. Возделывание хлебных злаков и овощей было известно в западном полушарии только тем племенам, которые вышли из дикости; оно было, повидимому, неизвестно и в восточном полушарии до тех пор, пока азиатские и европейские племена не прошли низшей и не достигли почти конца средней ступени варварства. Мы имеем здесь замечательный факт, что туземцы Америки занимались огородничеством, находясь на низшей ступени варварства, т. е. на целый этнический период раньше, чем жители восточного полушария. Это было следствием различия природных богатств обоих полушарий: восточное полушарие имело всех годных для приручения животных, за исключением одного, и большую часть хлебных злаков, тогда как западное имело только один годный для возделывания хлебный злак, но зато самый лучший. Это обусловило удлинение древнего периода варварства в одном полушарии и сокращение этого периода в другом, при чем преимущества в этом периоде были на стороне американских туземцев. Но, когда наиболее развитые племена восточного полушария, в начале среднего периода варварства, приручили животных, что дало им мясо и молоко, их условия жизни, и без знакомства с хлебными злаками, оказались значительно выше условий жизни в соответствующем периоде американских туземцев, имевших маис и овощи, но не имевших домашних животных. Дифференциация семитической и арийской семей из общей массы варваров началась, повидимому, с приручения животных.

Что открытие и возделывание хлебных злаков у арийской семьи следовало за приручением животных, доказывается фактом существования на различных диалектах арийского языка общих названий для этих животных и отсутствием общих названий для хлебных злаков или возделываемых растений. Моммсен, показав, что домашние животные имеют одинаковые названия в санскрите, греческом и латинском (позднее Макс Мюллер распространил это на остальные арийские диалекты)¹, и таким образом доказав, что эти животные были известны и, вероятно, приручены до отделения этих наций друг от друга, продолжает: «С другой стороны, мы не имеем еще положительных доказательств существования земледелия в этом периоде. Язык свидетельствует скорее о противном. Из латинско-греческих названий зерна ни одно не встречается в санскрите, за единственным исключением *ξέα*, филологически соответствующего санскритскому *uavas*, означающему, однако, по-индусски ячмень, по-гречески полбу. Следует, действительно, признать, что это различие названий культурных растений, так резко противоречащее полному сходству названий домашних животных, не исключает совершенно предположения об общем начальном земледелии. Возделывание риса у индусов, пшеницы и полбы у греков, ржи и овса у германцев и кельтов — все это может быть возведено к общей системе первобытного земледелия»². Последнее заключение натянуто. Огородничество предшествовало полсовому земледелию, как огород (*hortos*) предшествовал полю (*ager*); и хотя последнее предполагает определенные границы,

¹ Chips from a German Workshop, Comp. Table, II, p. 42.

² History of Rome, Scribner's ed., 1871, I, p. 38.

первое прямо означает «огороженное место». Земледелие, однако, должно было быть древнее огорода; естественная последовательность такова: во-первых, обработка участков открытой наносной земли, во-вторых, огороженных мест или огородов и, в-третьих, обработка поля посредством плуга, влекомого силой животного.

Мы не имеем в настоящее время сведений о том, предшествовало ли возделывание одного или нескольких из таких растений, как горох, бобы, репа, пастернак, свекла, тыква и дыня, возделыванию хлебных злаков. Некоторые из этих растений имеют общие названия в греческом и латинском, но наш выдающийся филолог, проф. Уитни, заверил меня, что ни одно из них не имеет общего названия в греческом или латинском и санскрите.

Огородничество, повидимому, возникло из потребностей скорее домашних животных, чем человека. В западном полушарии оно началось с маиса. Эта новая эра, хотя и не совпадающая по времени в обоих полушариях, имела огромное влияние на судьбу человечества. Существует основание полагать, что потребовались целые века для выработки искусства земледелия и для того, чтобы мучная пища сделалась главной основой питания. С того времени как в Америке земледелие повело к локализации и оседлой жизни, мучная пища стала, в особенности у оседлых индейцев, занимать место рыбы и дичи. Более того, с возделыванием хлебных злаков и огородных растений человечество получило впервые представление о возможности иметь обильную пищу.

Мучная пища в Америке и домашние животные в Азии и Европе были средствами освобождения более развитых, обладавших этими средствами племен от бича канибализма, который, как уже указано, вероятно, практиковался повсеместно в течение периода дикости по отношению к пленным врагам, а во время голода и к друзьям и родственникам. Канибализм во время войны, практикуемый военными отрядами на поле битвы, сохранялся у американских туземцев не только на низшей, но и на средней ступени варварства, например, у ирокезов и ацтеков, но в качестве общего порядка он уже исчез. Это наглядно показывает, какую важную роль играло постоянное увеличение количества пищи для улучшения положения человечества.

IV. Мясная и молочная пища

Отсутствие в западном полушарии годных к приручению животных, за исключением ламы¹, и видовые различия хлебных злаков обоих полушарий оказали сильное влияние на относительное развитие их обитателей. Тогда как это различие природных богатств не имело значения для человечества в периоде дикости и не проявило также своего влияния на низшей ступени варварства, оно составило значительную разницу для той части человечества, которая достигла средней ступени.

Приручение животных доставляло постоянную мясную и молочную пищу, что повело к дифференциации племен, обладавших домашними животными, из массы остальных варваров. В западном полушарии мясная пища ограничивалась случайной добычей охоты. Это ограничение в столь существенном виде пищи было неблагоприятно для оседлых индейцев и, без сомнения, может объяснить меньший объем их мозга по сравнению с индейцами, находившимися на низшей ступени варварства. В восточном полушарии приручение

¹ Ранние испанские писатели говорят о „немой собаке“, которую они нашли в качестве домашнего животного на Вест-Индских островах, а также в Мексике в Центральной Америке (см. изображения ацтекской собаки на табл. III, т. I, History of Mexico, Clavigero). Я не встречал определения вида этого животного. Они также говорят о существовании на американском континенте домашней птицы и индюков. Туземцы действительно приручили индюка, а племена нахуатль — некоторые виды дикой курицы.

животных давало возможность состоятельному и трудолюбивому обеспечить себя постоянным запасом животной пищи, в том числе молоком, оздоравливающее и укрепляющее действие которого на расу, а в особенности на детей должно было, несомненно, обратить на себя внимание. Можно, по крайней мере, предположить, что арийские и семитические семьи обязаны своей особой даровитостью тому, что они уже в самый древний, доступный нашему знанию период тесно связали себя с разведением домашних животных. Действительно, их мясо, молоко и сила их мускулов глубоко внедрились в их быт¹. Ни одна человеческая семья не сделала этого в таком масштабе, при чем арийцы превзошли в этом отношении семитов.

Приручение животных постепенно привело к новому, пастушескому образу жизни на равнинах Ефрата и Индии и в степях Азии; в пределах одной из этих областей, вероятно, и совершилось впервые приручение животных. К этим областям относятся также древнейшие предания и исторические известия арийцев и семитов. Они устремились таким образом в области, которые, далеко не будучи колыбелью человеческой расы, представляли собой местности, которых они не могли бы занимать, оставаясь дикарями или варварами на низшей ступени варварства, тогда как для последних лесные области являются естественной родиной. Привыкнув к пастушеской жизни, ни одна из этих семей уже не смогла бы возвратиться со своими стадами в лесные области западной Азии и Европы, не научившись предварительно возделывать некоторые хлебные злаки, необходимые для питания животных вдали от степей. Представляется крайне вероятным поэтому, как уже было указано, что возделывание хлебных злаков возникло из потребностей домашних животных и в связи с этими переселениями на запад и что потребление этими племенами мучной пищи явилось результатом приобретенных таким образом познаний.

Туземцы западного полушария смогли по общему правилу достичь низшей ступени варварства, а часть их — и средней ступени, без домашних животных, за исключением ламы в Перу, и только с одним хлебным злаком, маисом, с добавлением бобов, тыквы и табака, а в некоторых местностях — какао, хлопка и перца. Но маис благодаря его произрастанию в гористых местностях, — что давало возможность непосредственного возделывания, — его пригодности к употреблению как в зеленом, так и в зрелом состоянии, его высокой урожайности и питательности оказался более богатым даром природы, содействовавшим начальному прогрессу человечества, чем все другие хлебные злаки, вместе взятые. Это служит объяснением замечательного прогресса, достигнутого туземцами Америки без домашних животных; так, перуанцы вырабатывали бронзу, что по времени непосредственно примыкает к плавлению железной руды.

V. Неограниченные средства существования, добываемые полевым земледелием

Домашние животные, которые восполняли своей силой мускульную силу человека, явились новым фактором величайшего значения. С течением времени производство железа дало плуг с железным лемехом, а равно более совершенные лопату и топор. Отсюда, вместе с предшествующим огородничеством, возникло полевое земледелие, а с ним впервые и неограниченный источник средств существования. Плуг, влекомый силой животного, можно считать зачинателем нового производства. Теперь впервые возникла мысль сводить лес и возделывать обшир-

¹ Мы узнаем из Илиады, что греки доили овец, равно как коров и коз:

ὡς τ' ὕϊες πολυπάρωνος ἀνδρὸς ἐν αἰλή
μοῖραι ἐτήκων ἀφελόμεναι γάλα λευκόν.

Ил., IV, 433.

[как стоит во дворе богатого человека множество овец, дающих белое молоко].

ные поля¹. Более того, теперь сделалось возможным густое население в небольших областях. До полевого земледелия было невероятно, чтоб в какой бы то ни было части света полмиллиона людей развивались и оставались соединенными под одним управлением. Если и встречались исключения, то они, вероятно, были результатом пастушеской жизни на равнинах или огородничества, усовершенствованного орошением, при особых и исключительных условиях.

В дальнейшем изложении мы должны будем говорить о семье в тех ее формах, какие существовали в различные этнические периоды, при чем ее форма в одном периоде была иногда совершенно иной, чем в другом периоде. Часть III этой книги будет посвящена специальной трактовке этих различных форм семьи. Но так как о них будет часто упоминаться уже в следующей части, то нам придется дать к сведению читателя, по крайней мере, их определение. Формы эти следующие.

I. Кровнородственная семья

Она основывалась на групповом браке между братьями и сестрами. Свидетельство этой формы до сих пор сохраняется в древнейшей из существующих систем родства, малайской, показывающей, что эта первая форма семьи была в древности столь же универсальна, как и эта созданная ею система родства.

II. Пуналуальная семья

Название ее взято от гавайской формы родства — *punalua*. Она была основана на групповом браке между несколькими братьями и женами каждого из них и между несколькими сестрами и мужьями каждой из них. Но термин *брат*, в употребляемом здесь смысле, включал первого, второго, третьего и даже более отдаленных двоюродных братьев, из коих все считались братьями друг друга, как мы считаем родных братьев; а термин *сестра* включал первую, вторую, третью и даже более отдаленных двоюродных сестер, из коих все были сестрами одна другой, точно так же, как родные сестры. Эта форма семьи пришла на смену кровнородственной. Она создала туранскую и ганованскую системы родства. Как эта, так и предшествующая формы принадлежат к периоду дикости.

III. Синдиасмическая семья

Этот термин взят от *συνδιαζω* — спаривать, *συνδιασμός* — соединение двух вместе. Она была основана на паровании мужчины и женщины в форме брака, но без исключительного сожителства. Она была зародышем моногамной семьи. Развод или разлучение зависели от доброй воли как мужа, так и жены. Эта форма семьи не создала своей системы родства.

IV. Патриархальная семья

Она была основана на браке одного мужчины с несколькими женами. Термин этот употребляется здесь в ограниченном смысле для обозначения особой семьи еврейских пастушеских племен, главы и наиболее влиятельные члены которых жили в полигамии. Эта форма оказала небольшое влияние на судьбу человечества, так как не получила всеобщего распространения.

1

Inque dies magis in montem succedere silvas
Cogebant, infraque locum concedere cultis;
Prata, lacus, rivas, segetes, vinetaque laeta
Collibus et campis ut haberent.

Lucr., De Re. Nat., V, 1369.

[Изо дня в день все больше отодвигали в горы леса и заставляли их уступать внизу место для возделанных пространств, чтобы иметь луга, озера реки, нивы и веселые виноградники на холмах и долинах].

V. Моногамная семья

Она была основана на браке одного мужчины с одной женщиной при исключительном сожителстве; последнее составляло основной элемент этого института. Она является преимущественно семьей цивилизованного общества и, следовательно, по существу недавнего происхождения. Эта форма семьи также создала особую систему родства.

Ниже будут представлены доказательства существования и всеобщего господства этих различных форм семьи на различных стадиях человеческого прогресса.

Глава третья

ПРОПОРЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Обзор линий человеческого прогресса. — Главнейшие достижения современной цивилизации. — Античной цивилизации. — Позднейшего периода варварства. — Среднего периода. — Древнейшего периода. — Периода дикости. — Низкое состояние первобытного человека. — Развитие человечества в геометрической прогрессии. — Относительная длина этнических периодов. — Появление семитических и арийских семей.

Суммировав достижения различных этнических периодов и сравнив их между собой в качестве отличных друг от друга групп фактов, мы получим общее представление об относительном объеме и пропорциях человеческого прогресса в эти периоды. Это даст нам также возможность составить себе некое представление об относительной продолжительности этих периодов. Но для большей наглядности подобный обзор должен быть сделан в общих чертах и в виде краткого перечисления. Он должен равным образом ограничиться лишь важнейшими достижениями каждого периода.

Прежде чем человек смог достигнуть состояния цивилизации, необходимо было, чтоб он мог овладеть всеми ее элементами. Превращение человека сначала из примитивного дикаря в варвара самого низкого типа, а затем из варвара в грека гомеровского века или еврея времен Авраама — означает изумительную перемену в его состоянии. Прогрессивное развитие, свидетельствуемое историей для периода цивилизации, было в такой же мере свойственно человечеству в каждом из предшествующих периодов.

Восходя вдоль различных линий прогресса к начальным векам существования человека и размещая одно за другим главнейшие учреждения, изобретения и открытия в том порядке, в каком они появлялись, мы представим таким образом прогресс, достигнутый в каждом отдельном периоде.

Главнейшими созданиями современной цивилизации являются: электрический телеграф, светильный газ, прядильная машина, механический ткацкий станок, паровая машина со многими производными от нее машинами, в том числе локомотивом, железной дорогой и пароходом; телескоп, открытие атмосферного давления и солнечной системы; искусство книгопечатания, шлюзы, морской компас и порох. Множество других изобретений, например, корабельный винт Эриксона, можно считать связанными как со своими предшественниками с тем или иным из вышеназванных; существуют, однако, исключения, например, фотография и ряд машин, упоминать о которых нет необходимости. К этому же периоду относятся современные науки, религиозная свобода и общедоступные школы; представительная демократия, конституционная монархия с парламентами, феодальное королевство, современные привилегированные классы, международное, писаное и обычное право.

Современная цивилизация возродила и впитала в себя то, что было ценного в древней цивилизации. Но, хотя ее вклад в общую сумму человеческого

знания был обширен, блестящ и сделан в весьма короткий срок, он далеко не столь несоразмерно велик, чтобы затмить более древние цивилизации и умалить их относительное значение.

Минувя средневековый период, создавший готическую архитектуру, феодальную аристократию с наследственными титулами и церковную иерархию под главенством папы, мы подходим к римской и греческой цивилизации. Мы не найдем здесь великих изобретений и открытий, но они проявили себя в искусстве, философии и общественных учреждениях. Главнейшими созданиями этих цивилизаций были: императорская и королевская власть, гражданское право, христианство; смешанное аристократическое и демократическое правление с сенатом и консулами; демократическое правление с советом и народным собранием; организация дисциплинированного войска, состоящего из кавалерии и пехоты; создание флота и морской военной техники; образование больших городов с муниципальным правом; морская торговля; чеканка монеты; государство, основанное на территории и собственности; из числа изобретений: обожженный кирпич, подъемный кран¹, мельничное водяное колесо, мост, водопровод и водосточная труба; свинцовая труба с краном; арка; весы; искусства и науки классического периода и их произведения, в том числе архитектурные стили; арабские цифры и алфавит.

Эти цивилизации широко позаимствовали, равно как во многом опирались на изобретения, открытия и учреждения предшествующего периода варварства. Хотя достижения цивилизованного человека весьма велики и примечательны, они тем не менее далеко не могут затмить созданное человеком на ступени варварства. В этом состоянии он приобрел и обладал уже всеми элементами цивилизации, за исключением алфавита. Достижения варвара следует рассматривать в их отношении ко всей сумме человеческого прогресса, и мы будем тогда вынуждены признать, что они в своем относительном значении превосходят все созданное человеком в последующие периоды.

Употребление письма или равнозначных ему иероглифов на камне является отчетливым признаком начала цивилизации². Без литературных памятников не существовало бы, можно сказать, ни истории, ни цивилизации. Создание гомеровских поэм, передаваемых устно либо со временем записанных с достаточной точностью, датирует начало цивилизации у греков. Эти вечно юные и чудесные поэмы имеют этнологическую ценность, весьма значительно увеличивающую остальные их достоинства. Это в особенности относится к Илиаде, содержащей самое подробное из ныне существующих повествований о прогрессе человечества в эпоху ее становления. Страбон величает Гомера отцом географической науки³; но великий поэт дал, может быть невольно, нечто бесконечно более важное для последующих поколений, а именно замечательно полное описание производств, порядков, изобретений, открытий и образа жизни древних греков. Мы имеем здесь первую выразительную картину арийского общества, находящегося еще в периоде варварства, показывающую достигнутый в то время прогресс и отдельные составляющие его элементы. Благодаря этим поэмам мы можем с уверенностью утверждать, что некоторые вещи были известны грекам еще до

¹ Подъемный кран, возможно, изобрели египтяне (см. Геродот, II, 125). Они знали также весы.

² Фонетический алфавит, как и другие великие изобретения, был результатом ряда последовательных усилий. Медлительный египтянин, развивая иероглиф через его различные формы, дошел до слога, состоящего из фонетических знаков, и на этом почил от своих трудов. Он мог писать постоянными знаками на камне. Тогда выступил на сцену любознательный финикийец, первый мореплаватель и морской торговец; владея уже раньше иероглифами или иным путем, он, повидимому, сразу вник в работу египтянина и гениальным вдохновением разрешил проблему, о которой тот мечтал. Он создал тот изумительный алфавит из шестнадцати букв, который впоследствии дал человечеству литературный язык и средства для запечатления литературных и исторических памятников.

³ ἀρχαῖστῳ εἶναί τῃς γεωγραφικῆς ἐμπειρίας: Ὀμηρον.— Страбон, I, 2.
[Гомер является родоначальником географического знания].

их вступления в цивилизацию. Они вместе с тем бросают луч света далеко назад, в период варварства.

Пользуясь гомеровскими поэмами как путеводителем и переходя далее к позднему периоду варварства, отметим из сферы знаний и опыта человека: изобретение стихотворной формы; древнюю мифологию в ее развитой форме, с олимпийскими божествами; храмовую архитектуру; знакомство с хлебными злаками, за исключением манса и культурных растений, а равно полевого земледелия¹, города, обнесенные каменными стенами с бойницами, башнями и воротами; употребление в архитектуре мрамора²; сооружение кораблей из досок и, по всей вероятности, с употреблением гвоздей³; повозку и боевую колесницу⁴; металлическое кованое вооружение⁵; копье с медным наконечником и выпуклый щит⁶; железный меч⁷; вероятно, виноделие⁸; простые машины, за исключением винта; гончарный круг и ручную мельницу для размола зерна⁹; выделанные на ручном ткацком станке льняные и шерстяные изделия¹⁰; железный топор и заступ¹¹; железную секиру и скобель¹²; молот и наковальню¹³; кузнечные мехи и горн¹⁴; земляную печь для плавки железной руды и одновременно знакомство с железом. Наряду с вышеперечисленными достижениями должны быть помещены: моногамная семья; военные демократии героического века; позднейшая фаза организации, состоящей из родов, фратрий и племен; вероятно, агора, или народное собрание; понятие о частной собственности на дома и землю и развитая форма городской жизни в укрепленных городах. Такова главнейшая часть замечательных достижений высшего класса варваров вместе с достигнутым на этой основе умственным и моральным развитием.

Отступая отсюда в средний период варварства, мы находим уже менее отчетливые данные, и относительный порядок, в котором появлялись учреждения, изобретения и открытия, оказывается менее ясным; однако мы не лишены некоторых указаний, ведущих нас даже и в этих отдаленных веках про-

¹ Ячмень κριθή, белый ячмень κρι λευκόν.—Илиада, V, 196; VIII, 564; ячменная мука ἀλφειον.—Ил., XI, 631; блюдо из ячменя и соли, употреблявшееся как жертвенный дар οὐλοχίται.—Ил., I, 449; пшеница πωρός.—Ил., XI, 756; рожь οβώρα.—Ил., V, 196; VIII, 564; хлеб σίτος.—Ил., XXIV, 625; огороженные 50 акров земли πεντηκοντόβου.—Ил., IX, 579; забор έρκος.—Ил., V, 90; поле άλωα.—Ил., V, 90; камни в качестве межевых знаков.—Ил., XXI, 405; плуг άρτρον.—Ил., X, 353; XIII, 703.

² Дом или жилище δόμος.—Ил., VI, 390; благоухающие высокие комнаты из кедра.—Ил., VI, 390; дом Приама в пятьдесят комнат из тесаного камня αὐτάρ ἐν αὐτῷ πεντήκοντ' ἔνεσαν θαλάμοις ζεστοῖο λίθου.—Ил., VI, 243, 244.

³ Корабль κηρς.—Ил., I, 485; белый парус λευκὸν ἱστίον.—Ил., I, 480; якорный канат или причал προμήνηος.—Ил., I, 476; весло έρστρός.—Одиссея, IV, 782; мачта ἱστός.—Од., IV, 781; киль στήρη.—Ил., I, 482; корабельная доска θύρος.—Ил., III, 61; длинная доска μακρὰ δούρητα.—Од., V, 162; гвоздь ἴλος.—Ил., XI, 633; золотой гвоздь χρυσοῦς ἴλος.—Ил., XI, 633.

⁴ Колесница или повозка ὄχος.—Ил., VIII, 389, 565; четырехколесная повозка τετρακόκλη άπήνη.—Ил., XXIV, 324; боевая колесница δίφρος.—Ил., V, 727, 837; VIII, 403; тоже άρμα.—Ил., II, 775; VII, 426.

⁵ Шлем κόρος.—Ил., XVIII, 611; XX, 398; кираса или панцырь δούρη.—Ил., XVI, 133; XVIII, 610; ножные латы κνημίδες.—Ил., XVI, 131.

⁶ Копье έγγος.—Ил., XV, 712; XVI, 140; щит Ахиллеса σάκος.—Ил., XVIII, 478, 609; круглый щит άσπίς.—Ил., XIII, 611.

⁷ Меч έίφος.—Ил., VII, 303; XI, 29; меч с серебряной накладкой έίφος άργυρόθλον.—Ил., VII, 303; меч φισαχον.—Ил., XXIII, 807; XV, 713; обоюдоострый меч άμφιείε; φισαχον.—Ил., X, 256.

⁸ Вино οίνος.—Ил., VIII, 506; сладкое вино μελιθόρα οίνος.—Ил., X, 579.

⁹ Гончарный круг τροχός.—Ил., XVIII, 600; ручная мельница для размола зерна μύλος.—Од., VII, 104; XX, 106.

¹⁰ Лен λις.—Ил., XVIII, 352; XXIII, 254; льняной нагрудник λευκόφρη.—Ил., II, 529; одеяние Минервы πικλός.—Ил., V, 734; туника υγών.—Ил., X, 131; шерстяной плащ γλαύα.—Ил., X, 133; XXIV, 280; ковер или покрывало τάπη.—Ил., XXIV, 280, 645; цыновка ζήτη.—Ил., XXI, 644; головная повязка κρημβύον.—Ил., XXII, 470.

¹¹ Топор πέλεκυς.—Ил., III, 60; XXIII, 14; заступ или мотыка μαχέλλον.—Ил., XXI, 259.

¹² Топор или боевая секира σείρη.—Ил., XIII, 612; XV, 711; нож μαχαίρα.—Ил., XI, 844; XIX, 252; плотничий топор или скобель σέπαρον.—Од., V, 237.

¹³ Молот βραστόν.—Ил., XVIII, 477; наковальня άκρον.—Ил., XIII, 476; клещи πωράτηα.—Ил., XIII, 477.

¹⁴ Мехи φύξ.—Ил., XVIII, 372, 468; плавильный тигель, горн χάλκος.—Ил., XIII, 470.

шлого арийской семьи. По вышеприведенным основаниям мы можем теперь обратиться и к другим, помимо арийской, семьям для получения необходимых данных.

Вступая теперь в средний период варварства, отметим подобным же образом из сферы человеческого опыта: процесс производства бронзы; стада домашних животных¹; общинные дома со стенами из необожженного кирпича и тесанных камней, уложенных рядами и связанных цементом из извести и песка; циклопические стены; свайные постройки на озерах; знакомство с самородными металлами²; употребление древесного угля и плавильного тигля; медный топор и долото; ткацкий челнок и примитивный ткацкий станок; обработку земли при помощи орошения посредством плотин, резервуаров и каналов; мощные дороги; висячие ивовые мосты; личные божества и жречество, выделяющееся особой одеждой и организованное в иерархию; человеческие жертвоприношения; военную демократию ацтекского типа; тканые изделия из хлопчатой бумаги и иного растительного волокна в западном полушарии и из шерсти и льна — в восточном; орнаментированные гончарные изделия; деревянный меч с кремневым лезвием; полированные кремневые и каменные орудия; знакомство с хлопчатой бумагой и льном; домашние животные.

Совокупность достижений этого периода менее значительна, чем последующего, но по отношению ко всей сумме человеческого прогресса она очень велика. В числе их было в восточном полушарии приручение животных, что впоследствии дало постоянный источник мясной и молочной пищи, а в конечном счете — полевое земледелие; в этом же периоде начались опыты с самородными металлами, которые привели к производству бронзы³, а равно проложили путь для более высокого процесса — плавения железной руды. В западном полушарии этот период характеризуется открытием и обработкой самородных металлов, что привело к самостоятельному производству бронзы; введением орошения при возделывании маиса и овощей и употреблением необожженных кирпичей и камня при сооружении больших общинных домов, имеющих характер крепостей.

Продолжая наш обзор и вступая в древнейший период варварства, отметим теперь из сферы достижений человека: конфедерацию, основанную на родах, фратриях и племенах, управляемую советом вождей, что дало общественный строй, более высоко организованный по сравнению с ранее существовавшим. Далее, открытие и возделывание маиса и бобов, тыквы и табака в западном полу-

¹ Лошадь ἵππος.—Ил., XI, 690; различаемая по породам: фракийская.—Ил., X, 588; троянская.—Ил., V, 265; Эрехтом имел три тысячи кобылиц τριαυτὶ αἰ ἵπποι.—Ил., XX, 221; хомуты, уздечки и чересседельники.—Ил., XIX, 339; осел ὄνος.—Ил., XI, 558; мул ἤμιονος.—Ил., X, 352; VII, 333 бык βοῦς.—Ил., XI, 678; VIII, 333; вол τάρρος; корова βοῦς.—Од., XX, 251; коза αἴς.—Ил., XI, 679, собака κύων.—Ил., V, 476; VIII, 338, XXII, 509; овца οἶς.—Ил., XI, 678; боров или свинья σὺς.—Ил., XI, 679; VIII, 338; молоко γάλα.—Ил., XVI, 643; ведро, полное молока περὶ γάλατος; πᾶλλος.—Ил., XVI, 642.

² Гомер упоминает о самородных металлах, но они были известны задолго до его времени и до железа. Применение древесного угля и тигля при их плавке подготовило путь к плавнению железной руды. Золото χρυσός.—Ил., II, 229; серебро ἀργύρος.—Ил., XVIII, 475; медь, называемая латунью χαλκός.—Ил., III, 229; XVIII, 460; олово, возможно, жсть κασσίτερος.—Ил., XI, 25; XX, 271; XXI, 292; свинец μόλιβδος.—Ил., XI, 287; железо αἰθήρας.—Ил., VII, 473; железные оси.—Ил., V, 723; железная палица.—Ил., VII, 141; железная шина.—Ил., XXIII, 505.

³ Исследования Бекмана оставляют под сомнением наличие у греков и латинян настоящей бронзы до знакомства их с железом. Он полагает, что упоминаемое в Илиаде electrum представляло собой сплав золота и серебра (History of Inventions, Bohn's ed., II, 212) и что stannum римлян, состоявшее из серебра и свинца, было то же, что kassiteron Гомера (Ib., II, 217). Это слово обыкновенно толковалось как олово. Говоря о сплаве, называемом бронзой, он замечает: „По моему мнению, большая часть этих вещей была сделана из stannum, которое вследствие примеси благородных металлов и некоторой тугоплавкости более подходило, чем чистая медь“ (Ib., II, 213). Эти замечания касаются только наций, живших по берегам Средиземного моря, в пределах которого олово не встречалось. Топоры, ножи, бритвы, мечи, кинжалы и личные украшения, найденные в Швейцарии, Австрии, Дании и других частях Северной Европы, состояли, согласно анализа, из меди и олова, следовательно, соответствуют строгому определению бронзы. Вместе с тем эти предметы были найдены в обстановке, указывающей на то, что они предшествовали железу.

шарни, а равно знакомство с мучной пищей; ручное ткачество с основой и утком; килът, мокассыны и гамаши из дубленой оленьей кожи; духовое ружье для охоты на птиц; частоколы для обороны в селениях; племенные игры; почитание стихий со смутным представлением о великом духе; каннибализм во время войны и, наконец, гончарное производство.

Чем дальше мы восходим в отношении времени и развития и тем самым чем ниже спускаемся по лестнице человеческого прогресса, тем проще становятся изобретения, тем они непосредственнее в их связи с элементарными потребностями, а учреждения все более и более приближаются к начальной форме рода, состоящего из кровных родственников, под управлением ими самими избранного вождя, и к племени, состоящему из родственных родов, под управлением совета вождей. Сведения о состоянии азиатских и европейских племен в этом периоде (ибо арийской и семитической семей тогда, вероятно, не существовало) в основном утрачены. Это состояние представлено остатками древних производств, начиная от изобретения гончарства и до приручения животных. Сюда относится народ, который оставил раковинные кучи на побережье Балтийского моря и который, повидимому, не приручил ни одного животного, кроме собаки.

Если правильно оценить важность достижений человечества на протяжении трех подпериодов варварства, то эти достижения следует считать грандиозными не только по количеству и своей внутренней ценности, но и по тому умственному и нравственному развитию, которым они необходимым образом сопровождалась.

Восходя, далее, к продолжительному периоду дикости, отметим из области человеческого знания: организацию, состоящую из родов, фратрий и племен; синдиасмическую семью; почитание стихий в его самой низкой форме; многосложную речь; лук и стрелу; каменные и костяные орудия; корзины из камыша и лубка; одежду из шкур; пунадуальную семью; организацию общества на основе различия полов; селение, состоящее из тесной группы домов; изготовление лодок, в том числе челноков из коры и выдолбленных из дерева; копье с кремневым наконечником и боевую палицу; кремневые орудия грубой формы; кровнородственную семью; односложную речь; фетишизм; каннибализм; знакомство с использованием огня и, наконец, язык жестов¹. Исключо-

¹ Вопрос о происхождении языка был исследован достаточно глубоко и натолкнулся на серьезные препятствия, стоящие на пути к разрешению этой проблемы. Повидимому, все отказались от него как от неблагоприятного объекта исследования. Это скорее вопрос о законах человеческого развития и необходимых операциях ума, чем о языковом материале. Лукреций замечает, что люди в самый ранний период своего развития сообщали друг другу свои мысли бормоча, звуками и жестами (*vocibus et gestu cum balbe significant.*—V, 1021). Он полагает, что мышление предшествовало речи, а язык жестов предшествовал членораздельному языку. Язык жестов или знаков, повидимому, действительно предшествовал, был старшей сестрой членораздельной речи. Он и сейчас остается общераспространенным языком варваров, а равно дикарей, в их взаимных сношениях, когда их диалекты различны. Туземцы Америки выработали подобного рода язык, чем доказываются, что одного такого языка может быть достаточно для сношения между всеми. В их употреблении он изящен и выразителен, и применение его доставляет удовольствие. Это язык естественных символов, почему он и обладает элементами универсального языка. Язык знаков легче изобрести, чем язык звуков, а поскольку он гораздо легче усваивается, то и возникает предположение, что он предшествовал членораздельной речи. По этой гипотезе звуки голоса должны были возникнуть сначала лишь в помощь жестам; приобретаю постепенно условное значение, они заняли место языка знаков или были включены в него. Это привело также к развитию голосовых органов. Естественно предполагать, что жестикуляция сопровождала членораздельную речь от самого ее рождения. Она до сих пор еще не отделима от языка, воплощая, пережиточным образом, остаток древнего свойства ума. Если бы язык был совершенным, то жестикуляция для дополнения сказанного или для того, чтобы подчеркнуть его значение, была бы излишней. Чем ниже мы спускаемся по ступеням развития языка к его наиболее грубым формам, тем более растет в количестве и разнообразии своих форм элемент жестов, пока не оказывается, что язык в такой мере основывается на жестах, что без них он был бы совершенно непонятным. Развиваясь и расцветая параллельно в периоде дикости и до позднейшей ступени варварства, жестикуляция и речь, в их модифицированных формах, остаются неразрывно связанными друг с другом. Интересующиеся разрешением проблемы происхождения языка хорошо сделают, если поищут указаний в языке жестов.

чив эти достижения в том порядке, в каком они появлялись, мы вплотную приблизимся к младенческому периоду существования человека, когда человечество училось пользоваться огнем, давшим возможность питаться рыбой и переменить свое местожительство, когда оно пыталось создать членораздельную речь. В этом совершенно примитивном состоянии человек является не только ребенком, в масштабе развития человечества, но и обладателем мозга, в который не проникла ни одна мысль, ни одно понятие, связанное с каким-либо учреждением, изобретением и открытием, — одним словом, он стоял на самой низкой ступени, но таил в себе все, чем он стал впоследствии.

С появлением изобретений и открытий и с ростом учреждений естественно развивался и совершенствовался ум, при чем мы должны принять и постепенное увеличение самого мозга, в особенности больших полушарий. Медленность этого умственного развития была неизбежна в период дикости, ибо крайне трудно сделать самое простое изобретение из ничего или при почти полном отсутствии того, что могло бы помочь усилию ума, равно как и открыть какое-либо вещество или силу природы, которые можно бы использовать в столь отсталом состоянии. Не менее трудно было организовать хотя бы простейшую общественную форму из такого дикого и неподатливого материала. Первые изобретения и первые общественные организации создавались, без сомнения, с наибольшим трудом и были поэтому отделены друг от друга длиннейшими промежутками времени. Разительную иллюстрацию дают последовательные формы семьи. В этом законе прогресса, совершающегося в геометрической прогрессии, содержится удовлетворительное объяснение крайней продолжительности периода дикости.

Взгляд, что начальное состояние человечества в основе было таково, как это выше описано, не только не принадлежит современности, но и не нов. Уже некоторые поэты и философы древности признавали тот факт, что человечество начало свое существование в крайне низком состоянии, из которого поднялось медленными и постепенными шагами. Они обнаружили также, что ход развития человечества был отмечен прогрессивным рядом изобретений и открытий, но не обратили внимания на еще более решающий признак — развитие общественных учреждений.

Теперь предстоит рассмотреть важный вопрос о пропорциях этого прогресса, непосредственно связанный с относительной продолжительностью отдельных этнических периодов. Развитие человечества, с начала и до конца, совершалось в геометрической, не в строгом смысле, но по существу, прогрессии. Это вполне ясно из фактов, да и теоретически не могло происходить иначе. Всякая приобретенная сумма абсолютного знания становилась фактором дальнейших приобретений, пока знание не достигло современного объема. Вследствие этого, хотя прогресс совершался наиболее медленно в первый период и наиболее быстро в последний, относительный объем прогресса мог быть наибольшим в первом периоде, если брать достижения каждого периода в отношении к общей их сумме. Можно сказать, и это могло бы, наконец, получить всеобщее признание, что прогресс человечества в период дикости по отношению к сумме человеческого прогресса был значительно, чем в последующие три подпериода варварства, и точно так же, что прогресс всего периода варварства был значительно, чем всего последующего периода цивилизации.

Какова была относительная продолжительность этих этнических периодов, представляется также законным объектом догадок. Точное определение ее невозможно, но можно попытаться сделать это хотя бы приблизительно. По теории геометрической прогрессии период дикости должен был быть длиннее периода варварства, как последний, в свою очередь, был длиннее периода цивилизации. Если мы для отыскания относительной длины каждого периода примем время существования человека на земле в сто тысяч лет, при чем оно могло быть длиннее или короче, то мы должны будем отнести к периоду дикости, по крайней мере, шестьдесят тысяч лет. По такому расчету наиболее развитая

часть человеческой расы провела три пятых своей жизни в диком состоянии. Из остального времени двадцать тысяч лет, или одна пятая, должны быть положены на древний период варварства. Для среднего и позднейшего периодов остается пятнадцать тысяч лет и для периода цивилизации приблизительно пять тысяч.

Относительная продолжительность периода дикости скорее преуменьшена, чем преувеличена. Не останавливаясь на принципе, по которому был произведен этот расчет, можно заметить, что помимо закона геометрической прогрессии, в которой совершалось развитие человечества, определенная шкала прогресса обнаруживается повсюду и на остатках древних производств, что равным образом относится и к общественным учреждениям. Для этнологии имеет глубокое значение вывод, что развитие человечества в периоде дикости продолжительнее, чем все последующее его развитие, и что период цивилизации обнимает только небольшую часть жизни человеческой расы.

Две человеческие семьи, арийская и семитическая, благодаря смешению различных этнических стволов, превосходству средств существования или преимуществам положения, а возможно, благодаря всему этому вместе, вышли первыми из состояния варварства. Они были действительными основателями цивилизации¹. Но их существование в качестве различных семей относится, несомненно, к сравнительно позднему времени. Их предки теряются в недифференцированной массе ранних варваров. Первое положительно установленное появление арийской семьи было связано с домашними животными, при чем в это время она составляла по языку и национальности один народ. Нет основания думать, что арийская или семитическая семьи развились в особые индивидуальности до начала среднего периода варварства и что их дифференциация из общей массы варваров произошла благодаря разведению домашних животных.

Наиболее развитая часть человеческой расы, так сказать, останавливалась на известных ступенях прогресса, пока какое-нибудь великое изобретение или открытие, как, например, приручение животных или плавление железной руды, не давало нового мощного толчка вперед. Во время такого застоя более отстающие племена, непрерывно развиваясь, приближались более или менее к тому же состоянию; ибо везде, где существовала континентальная связь, все племена должны были в известной мере участвовать в прогрессе каждого племени. Все великие изобретения и открытия распространяются сами собой, но более низко стоящие племена должны оценить их значение, прежде чем они могут их усвоить. В континентальных областях определенные племена оказываются ведущими, но такое первенство должно было неоднократно сменяться на протяжении одного этнического периода. Разрушение этнической связи и жизни отдельных племен, сопровождавшееся их упадком, должно было во многих случаях и во все периоды задерживать на время стремящийся вперед поток человеческого прогресса. Однако, начиная со среднего периода варварства, арийская и семитическая семьи, повидимому, действительно представляют в ходе этого прогресса центральный ряд, который в период цивилизации мало-по-малу был занят арийской семьей одной.

Правильность этого общего положения может быть иллюстрирована состоянием туземцев Америки в эпоху их открытия. Они начали свое жизненное поприще на американском континенте в состоянии дикости; хотя они обладали меньшей умственной одаренностью, преобладающая часть их вышла из дикости и достигла низшей ступени варварства, тогда как меньшая часть, оседлые индейцы Северной и Южной Америки, достигли средней ступени. Они приручили ламу, единственное на этом континенте туземное четвероногое, обещавшее быть полезным в домашнем состоянии, и изготовляли бронзу, сплавляя медь с оловом. Им не хватало только одного изобретения, правда, самого важного, искусства плавления железной руды, чтоб достичь высшей ступени варварства.

¹ Предполагается, что египтяне отдаленным образом связаны с семитической семьей.

Учитывая отсутствие какой-либо связи с более развитой частью человеческой семьи в восточном полушарии, мы должны признать, что их независимое саморазвитие из дикого состояния представляет собой замечательное явление. В то время как азиаты и европейцы терпеливо ожидали благоденный железных орудий, американские индейцы приближались к освоению бронзы, предшествующей по времени своего появления железу. За этот период замедленного прогресса в восточном полушарии американские туземцы поднялись, правда, не до того состояния, в котором они были найдены, однако достаточно близко к нему, тогда как те проходили через последний период варварства и первые четыре тысячи лет цивилизации. Это дает нам представление о том, на сколько времени они отстали на поприще прогресса от арийской семьи, — именно на продолжительность позднейшего периода варварства, к которому надо прибавить годы цивилизации. Арийские и ганованские семьи, вместе взятые, иллюстрируют весь опыт человечества в течение пяти этнических периодов, за исключением первой части позднейшего периода дикости.

Дикое состояние было образовательным периодом человеческой расы. Начавши с нуля в области знаний и опыта, без огня, без членораздельной речи и без каких-либо производств, наши дикие предки вели великую борьбу, сначала за свое существование, затем за прогресс, пока не обезопасили себя от хищных животных и не приобрели постоянного источника средств существования. Результатом этих усилий явились мало-по-малу развитая речь и занятие всей поверхностью земли. Но общество в его диком состоянии было еще неспособно к организации в большие группы. В то время когда наиболее развитая часть человечества вышла из дикого состояния и вступила на низшую ступень варварства, общая численность населения земли, вероятно, была незначительна. Всего труднее было сделать первые изобретения, вследствие слабой способности дикаря к абстрактному мышлению. Всякое существенное приобретение знаний должно было служить основанием для дальнейшего прогресса, но это должно было оставаться едва заметным на протяжении долгих веков, так как препятствия, задерживающие прогресс, почти поглощали направленную против них энергию. Достижения периода дикости не особенно заметны по своему характеру, но они представляют изумительную массу настойчивого, длившегося в течение долгого времени труда, при слабых силах, пока они не достигли достаточного совершенства. Лук и стрела являются наглядной иллюстрацией.

Отсталость дикаря в умственном и нравственном отношении, неразвитого, неопытного, поработанного своими низкими животными вожделениями и страстями, хотя признается неохотно, тем не менее отчетливо доказывается остатками древнего производства в виде кремневых и костяных изделий, пещерной жизнью в некоторых районах и остатками его скелета. Оно иллюстрируется, далее, современным состоянием диких племен, находящихся на низкой ступени развития, которые сохранились в изолированных частях земли в качестве памятников прошлого. Тем не менее этому продолжительному периоду дикости принадлежит создание членораздельной речи и ее развитие до многосложной стадии, образование двух форм семьи, а возможно, и третьей, и родовая организация, давшая первую форму общества, заслуживающую этого названия. Все эти выводы вытекают из выставленного в начале положения, по которому человечество начало свое поприще с низшей ступени лестницы, что «современная наука считает доказанным на основании самого тщательного и исчерпывающего изучения человека и его творений»¹.

Подобным же образом длительный период варварства был ознаменован четырьмя, событиями выдающегося значения, а именно: приручением животных, открытием хлебных злаков, применением камня в архитектуре и изобретением способа плавления железной руды. Сначала, вероятно, была приручена собака в качестве спутника на охоте, за этим, в более поздний период, после-

¹ Whitney's Oriental and Linguistic Studies, p. 341.

довала поимка молодняка других животных и выращивание его, вероятно, из простой прихоти. Потребовалось затем время и опыт для того, чтобы открыть пользу каждого животного, найти способы их разведения и научиться бережливости, необходимой для сохранения животных во время голода. Если бы особая история приручения каждого отдельного животного была исследована, это дало бы ряд изумительных фактов. Этот опыт, ограниченный сомнительными возможностями успеха, содержал в себе значительную долю последующей судьбы человечества. Во-вторых, начало употребления мучной пищи, добываемой посредством обработки земли, следует считать одним из величайших событий в истории человеческого опыта. Оно имело, в восточном полушарии, после приручения животных меньшее значение, чем в западном, где оно сделалось средством, благодаря которому значительная часть американских туземцев поднялась на низшую, а другая часть на среднюю ступень варварства. Если бы человечество никогда не вышло из этого последнего состояния, то уже в нем оно имело средства для сравнительно легкой и приятной жизни. В-третьих, употребление для постройки домов необожженных кирпичей и камня улучшило условия жизни, что имело существенное значение для развития умственных способностей и создало привычку к ремеслам, обильному источнику дальнейших усовершенствований. Однако по отношению к более высокому призванию человечества четвертое изобретение должно быть признано самым великим событием в истории человеческого опыта, подготавливающим цивилизацию. Когда варвар, подвигаясь вперед шаг за шагом, открыл самородные металлы и научился плавить их в тигле и отливать в формы; когда он сплавил самородную медь с оловом и создал бронзу; и наконец, когда еще большим напряжением мысли он изобрел горн и добыл из руды железо, — девять десятых борьбы за цивилизацию было выиграно¹. Снабженный железными орудиями, имевшими и лезвие и острие, человек мог уже легко достигнуть цивилизации. Производство железа было величайшим из событий в истории человеческого опыта, не знающим ничего сходного и не имеющим себе равного, в сравнении с которым все другие изобретения и открытия представляются незначительными или, по крайней мере, подчиненными. Отсюда возникли металлические молот и наковальня, топор и долото, плуг с железным лемехом, железный меч, — словом, основа цивилизации, которая, можно сказать, покоится на этом металле. Отсутствие железных орудий задерживало прогресс человечества в периоде варварства. Оно оставалось бы на этой стадии до настоящего дня, если бы ему не удалось перекинуть мост через эту пропасть. Весьма вероятно, что идея плавить железную руду и ее осуществление явились только в одном каком-либо месте. Возможность знать, какому племени и какой семье мы обязаны этим изобретением и вместе с тем цивилизацией, доставила бы нам особое удовольствие. Семитическая семья была бы тогда впереди арийцев и во главе человеческой расы. Она дала человечеству фонетический алфавит и, повидимому, также знакомство с железом.

В эпоху гомеровских поэм греческие племена обладали громадными материальными достижениями. Все обыкновенные металлы были им известны, точно так же, как способ плавления руды, а возможно, и превращения железа в сталь; главные хлебные злаки были уже открыты вместе с искусством их возделывания.

¹ Швейцарский инженер Кикрез открыл в Бернском кантоне остатки большого числа земляных плавильных печей для железной руды, вместе с инструментом, обломками железа и древесным углем. Для сооружения такой печи в склоне холма делалась выемка, в которой вылеплялся из глины чан с дымоходом в форме колпака. Следов употребления мехов не было найдено. Чаны, повидимому, наполнялись чередующимися слоями измельченной руды и древесного угля; раздувание пламени поддерживало процесс горения. В результате получалась пористая масса частично расплавленной руды, которая затем ударами молота сваривалась в компактную массу. Склад древесного угля был найден под слоем торфа в двадцать футов толщиной. Невероятно, чтобы эти плавильные печи были современны изобретению плавления железной руды, но, по всей вероятности, они представляли собой точную копию первобытного горна. (См. Figuiet's Primitive Man, Putnam's ed., p. 301).

вания и употреблением плуга в полевом земледелии; собака, лошадь, осел, корова, свинья, овца и коза, как мы уже видели, были приручены и разводились в стадах. Архитектура дала здания, построенные из прочных материалов, разделенные на комнаты¹ и состоящие из нескольких этажей²; были изобретены и введены в жизненный обиход: кораблестроение, оружие, текстильные изделия, изготовление вина из винограда, разведение яблочных, грушевых, оливковых и фиговых деревьев³, а также удобная одежда и полезные орудия и утварь⁴. Но начальная история человечества была утрачена в забвении минувших веков. Предание восходило только до раннего варварства, далее которого оно не могло проникнуть. Язык достиг такого развития, что поэзия в ее совершеннейшей форме могла воплотить вдохновение гения. Заключительный период варварства привел эту часть человеческой семьи к порогу цивилизации и воодушевленную великими достижениями прошлого, закаленную и разившеюся в школе опыта, с необузданной фантазией во всем блеске ее творческих сил. Варварство заканчивается созданием великих варваров. Тогда как состояние общества в этом периоде было понятно позднейшим греческим и римским писателям, предшествующий период с совершенно иными культурой и опытом был так же глубоко чужд их пониманию, как и нашему собственному, с той лишь разницей, что, стоя по времени ближе к предыдущим эпохам, они более отчетливо представляли себе отношение между настоящим и прошлым. Им было ясно, что существует определенная последовательность в ряду изобретений и открытий, точно так же как определенный порядок в развитии тех учреждений, благодаря которым человечество поднялось из дикого состояния до гомеровской эпохи; но громадный промежуток времени между этими обоими состояниями, повидимому, не сделался предметом хотя бы даже спекулятивного размышления.

¹ Дворец Приама.—Ил., VI, 242.

² Дом Улисса.—Од., XVI, 448.

³ Од., VII, 115.

⁴ В добавление к фактам, приведенным в предыдущих примечаниях, могут быть указаны в качестве иллюстраций достигнутого тогда прогресса из Илиады: ткацкий челнок *κερκίς*.—XXII, 448; ткацкий станок *ιστός*.—XXII, 440; тканая головная повязка *πλεκτή ἀναδέσμη*.—XII, 469; серебряный сосуд *ἀργύρεα κοπήτηρ*.—XXIII, 741; кубок или чаша для питья *δρακίς*.—XXIV, 285; золотой кубок *χρυσέων δέπας*.—XXIV, 285; корзинка из камыша *κάνεον*.—XXIV, 626; десять талантов золота *χρυσού δέκα τάλαντα*.—XIX, 247; арфа *φόρμιγγ*.—IX, 186 и *κίθαρα*.—XIII, 731; пастушеская свирель *σύριγγ*.—XVIII, 526; серп или садовый нож *δρεπίνη*.—XVIII, 551; птичеловная сеть *πύναρριον*.—V, 487; петля сети *ἀψίς*.—V, 487; мост *γεφύρα*.—V, 89; плече плотина.—XXI, 245; заклепки *δέσμοι*.—XVIII, 379; боб *κόκκος*.—XIII, 589; горох *ἐρεβινθος*.—XIII, 589; лук *ρόβονον*.—XI, 630; виноград *σταφυλή*.—XVIII, 561; виноградник *ἀλώη*.—XVIII, 561; вино *οἶνος*.—VIII, 506; X, 579; треножник *τρίπους*.—IX, 122; медный котел или котел для варки *λάβης*.—IX, 123; застежка *ἐνετή*.—XIV, 180; серьга *τριλήνως*.—XIV, 183; сандалии или котурны *πέδιλον*.—XIV, 186; кожа *ρινός*.—XVI, 636; ворота *πύλη*.—XXI, 537; засов для ворот *θύρας*.—XXI, 537. В Одиссее: серебряный сосуд *ἀργύρεον λάβης*.—I, 137; стол *τραπέζα*.—I, 138; золотые чаши *τρωαία κόπτελλα*.—I, 142; рожь или полба *ξίαι*.—IV, 41; ванна *οἰσινόθεος*.—IV, 43; сыр *τήρος*; молоко *γάλα*.—IV, 88; прялка или веретено *ήλακίτηρ*.—IV, 131; VII, 105; XVII, 97; серебряная корзина *ἀργύρεος κάλαρος*.—IV, 125; хлеб *σίτος*.—IV, 623; XIV, 456; столы, заставленные хлебом, мясом и вином *ἐξέστατοι δὲ τραπέζαι σίτου καὶ κρέων ἢ δ' οἴνου β βλάσαν*.—XV, 33; ткацкий челнок *κερκίς*.—V, 62; кровать *λίκτηρον*.—VIII, 337; медник, погружающий топор или скобель для закалки в холодную воду:

ὡς ὅτ' ἀνὴρ γαλκῆος πτελέων μέγαν ἦν σάπτεινον.
εἶν ὕδατι ψυχρῷ βαπτῆ μεγάλα ἰαχόντα
φαρμάσων το γάρ αἵτε αἰθέρου γε χροῖτος ἐστίν.—IX, 391;

[как кузнец, закаляя секиру или большой топор, погружает их в холодную воду и громко они зашипят;—отсюда сила железа]; соль *ἅλις*.—XI, 123; XXIII, 270; лук *ρόβον*.—XXI, 31, 53; колчан *ψυροῦς*.—XXI, 54; серп *δρεπίνη*.—XVIII, 368.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ ИДЕИ УПРАВЛЕНИЯ

Глава первая

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА НА ОСНОВЕ РАЗЛИЧИЯ ПОЛОВ

Австралийские классы. — Они организованы на основе различия полов. — Архаический характер этой организации. — Австралийские роды. — Восемь классов. — Порядок заключения брака. — Происхождение по женской линии. — Изумительная брачная система. — Два мужских и два женских класса в каждом роде. — Нововведения, касающиеся классов. — Род остается в рудиментарном состоянии.

При исследовании развития идеи управления родовой организацией на основе кровного родства естественно выступает в качестве архаического остова древнего общества; существует, однако, еще более древняя и более архаическая организация, а именно деление на классы на основе различия полов, требующая нашего внимания в первую очередь. Мы обращаемся к ней не потому, что она представляет собой новость в сфере человеческого опыта, но по той более важной причине, что она, повидимому, содержит в себе зародышевое начало рода. Если факты подтвердят это предположение, то окажется, что эта организация, состоящая из мужских и женских классов, существующая ныне в полной силе у австралийских туземцев, была в древнее время так же широко распространена среди человеческих племен, как и примитивная родовая организация.

Мы скоро увидим, что в отдаленной дикости общность мужей и жен, в установленных пределах, была основным началом социальной системы. Брачные права и привилегии (*jura conjugalia*)¹, установленные внутри определенной группы, развились в изумительную систему, ставшую органическим принципом, на котором было построено общество. По самой природе своей эти права и привилегии пустили такие глубокие корни, что освобождение от них совершилось лишь медленно, путем движений, приводивших к бессознательным преобразованиям. Мы увидим далее, что с постепенным сужением границ этой брачной системы семья развилась из низшей формы в более высокую. Семья, начав свое существование с кровнородственной, основанной на групповом браке между братьями и сестрами, перешла во вторую форму, пуналуальную, при общественной системе, близкой к австралийским классам; эта система уничтожила первый вид брака, заменив его формой, при которой группы братьев имели общих жен и группы сестер имели общих мужей, при чем в обоих случаях брак заключался групповым порядком. Обе организации — классовая, на основе различия полов, и последующая, более высокая, родовая, на основе родства — должны рассматриваться как результаты великих социальных движений, совер-

¹ Римляне делали различие между *comptium* — браком как гражданским институтом и *conjugium* — чисто физическим союзом.

шающихся бессознательно, путем естественного отбора. По этим причинам австралийская система, которая будет здесь представлена, заслуживает внимательного рассмотрения, хотя она и переносит нас на низкую ступень человеческой жизни. Она представляет замечательнейшую фазу древней социальной истории нашей расы. Классовая организация на основе различия полов и возникающая родовая организация на основе родства господствуют в настоящее время у той части австралийских туземцев, которые говорят на языке камиларои. Они обитают в районе реки Дарлинг, к северу от Сиднея. Обе эти организации встречаются также и у других австралийских племен и распространены так широко, что первоначальное повсеместное господство их у этих племен можно считать вероятным. Из более глубокого рассмотрения их ясно, что мужские и женские классы древнее, чем роды: во-первых, потому что родовая организация выше, чем классовая, и, во-вторых, потому что половая организация у камиларои находится в процессе вытеснения родовой. Класс, с его мужской и женской ветвями, составляет единицу их общественной системы, каковое место законно принадлежит роду в его полном развитии. Перед нами, таким образом, замечательная комбинация фактов, а именно: одновременное существование двух организаций, половой и родовой, при чем первая занимает центральное положение, тогда как вторая находится еще в стадии возникновения, но развивается, поглощая первую.

Эта половая организация не была обнаружена пока ни у одного из диких племен вне Австралии, однако медленное развитие этих островитян в их изолированном обиталище и более архаический характер организации, основанной на различии полов, чем родовой, подсказывает предположение, что первая могла быть универсально присущей тем ветвям человеческой семьи, которые впоследствии обладали родовой организацией. Хотя проследить эту классовую систему во всей ее полноте и сопряжено с особыми трудностями, внимание, необходимое для того, чтобы овладеть ею, будет вознаграждено. В качестве любопытной социальной организации дикарей она мало интересна; но как наиболее примитивная из открытых до сих пор общественных форм, в особенности если принять во внимание, что, по всей вероятности, отдаленные предки нашей собственной арийской семьи были некогда организованы подобным же образом, она приобретает особое значение и может оказаться весьма поучительной.

Австралийцы стоят на более низкой ступени, чем полинезийцы, и значительно ниже американских туземцев. Они стоят также ниже африканских негров, т. е. находятся у самой низкой ступени. Их общественные учреждения должны поэтому приближаться к примитивному типу ближе, чем учреждения какого-либо из существующих народов¹.

Так как род составляет предмет следующей главы, о нем будет говорить здесь без его подробного исследования и лишь поскольку это окажется необходимым для объяснения классов.

Камиларои делятся на шесть родов, распределенных, в связи с брачным правом, по двум делениям, следующим образом:

- I. 1. Игуан (Дули) 2. Кенгуру (Муррира)² 3. Опоссум (Муте).
- II. 4. Эму (Диноун) 5. Водяная курица (Бильба) 6. Черная змея (Нураи).

Первоначально первым трем родам не было позволено вступать в брак друг с другом, так как они были подразделениями одного начального рода, но

¹ Подробными данными об австралийской системе я обязан Лоримеру Файсону, английскому миссионеру в Австралии, который, в свою очередь, получил их частью от В. Ридли, частью от Т. Э. Лэнса; оба они провели много лет среди австралийских туземцев, имея особо благоприятные возможности для наблюдений. Эти данные были присланы автору Файсоном, снабдившим их критическим анализом и исследованием всей системы; вместе с замечаниями автора они были опубликованы в *Proceedings of the Am. Acad. of Arts and Sciences for 1872*. См. vol. VIII, p. 412. Краткая заметка о классах камиларои имеется у Мак Леннана в *Primitive Marriage*, p. 118, и у Тэйлора в *Early History of Mankind*, p. 288.

² Padymelon—вид кенгуру.

они могли вступать в брак с каждым из других родов и наоборот. Этот древний порядок в настоящее время изменен у камиларои в некоторых определенных пунктах, но не в такой мере, чтобы допускать брак с любым родом, кроме собственного. Ни мужчины, ни женщины не могут вступать в брак в собственном роде; это запрещение безусловно. Происхождение считается по женской линии, следовательно, дети попадают в род своей матери. Эти правила принадлежат к числу основных характерных признаков рода, где бы мы ни наблюдали это учреждение в его архаической форме. Таким образом по своим внешним чертам он у камиларои представляется в своем совершенном и полном виде.

Но существует другое и более древнее подразделение всех людей на восемь классов, из коих четыре состоят исключительно из мужчин и четыре — исключительно из женщин. Оно сопровождается регулированием брака и происхождения, ограничивающим род и показывающим, что эта последняя организация находится в процессе развития к своей подлинной логической форме. Только один из четырех мужских классов может вступать в брак только с одним из четырех женских классов. В дальнейшем будет видно, что теоретически все мужчины одного класса являются мужьями всех женщин того класса, с которыми им позволено вступать в брак. Кроме того, если мужчина принадлежит к одному из первых трех родов, женщина должна принадлежать к одному из противоположных трех. Таким образом лишь часть мужчин одного рода имеет право на брак с частью женщин другого рода, что противоречит истинной теории родовой организации, ибо все члены каждого рода должны иметь право вступать в брак с лицами другого пола во всех родах, кроме своего собственного.

Эти классы следующие:

М у ж с к и е

1. Иппаи
2. Кумбо
3. Мурри
4. Кубби

Ж ё н с к и е

1. Иппата
2. Бута
3. Мата
4. Капота

Все Иппаи, какого бы рода они ни были, друг другу братья. Теоретически они происходят от предполагаемой общей праматери. То же самое и на том же основании относится ко всем Кумбо и, соответственно ко всем Мурри и Кубби. Подобным же образом все Иппата, какого бы рода они ни были, на том же основании — сестры друг другу; то же относится ко всем Бута и соответственно ко всем Мата и Капота. Далее, все Иппаи и Иппата между собой братья и сестры, все равно являются ли они детьми одной матери или кровными родственниками по боковой линии и к какому бы роду они ни принадлежали. Кумбо и Бута — также братья и сестры, равно как Мурри и Мата и соответственно Кубби и Капота. Если встречаются Иппаи и Иппата, раньше никогда не выдавшие друг друга, то они обращаются друг к другу как брат и сестра. Таким образом камиларои организованы в четыре большие начальные группы братьев и сестер, и каждая группа состоит из мужской и женской ветви, при чем они, однако, перемешаны в зависимости от их местожительства. Основанная на различии полов, а не родства, эта организация древнее родов и, повторяем, более архаична, чем какая-либо другая из доселе известных форм общества.

Классы содержат в себе зародыш рода, но не доходят до его осуществления. Действительно, Иппаи и Иппата составляют один класс с двумя ветвями, и поскольку они не могут вступать друг с другом в брак, представляли бы собой основу рода, если бы он не разделялся на две ветви с различными именами, из которых каждая для известных целей составляет обособленное целое, и если бы, далее, их дети не принимали других, отличных от их собственных имен. Разделение на классы основано на половом признаке, а не на родстве, и имеет первоначальное отношение к замечательному и оригинальному брачному порядку.

Поскольку братья и сестры не могут вступать в брак, классы противопоставлены друг другу с точки зрения права на брак или, вернее, сожителство, как лучше назвать это отношение, в ином порядке. Первоначальный закон был таков, что:

Иппай	мог	жениться	на	Капота	и	ни	на	ком	другом
Кумбо	"	"	"	Мата	"	"	"	"	"
Мурри	"	"	"	Бута	"	"	"	"	"
Кубби	"	"	"	Иппата	"	"	"	"	"

Эта исключительная схема, как будет показано ниже, была изменена в одном пункте, а именно: каждому мужскому классу было дано право вступать в брак с одним добавочным классом женщин. Этот факт служит свидетельством поглощения класса родом, стремящимся к вытеснению первого.

Таким образом ясно, что в выборе жены каждый мужчина ограничен одной четвертою частью всех женщин камиларои. Но не это составляет замечательную особенность данной системы. Теоретически каждая Капота — жена каждого Иппай, каждая Мата — жена каждого Кумбо, каждая Бута — жена каждого Мурри и каждая Иппата — каждого Кубби. По этому главному пункту указания совершенно определены. Названный выше Файсон, заметив, что Ленс «близко соприкасался с туземцами, прожив среди них много лет на пограничных скотоводческих станциях на реке Дарлинг и по ту сторону от этой реки», приводит следующую цитату из его письма: «Если Кубби встречает незнакомую Иппата, то они называют друг друга «голир» — супруг... Таким образом Кубби, встретив Иппата, если даже она другого племени, будет обращаться с ней как со своей женой, при чем его право на это признается ее племенем». Каждая Иппата в пределах непосредственного круга его знакомых будет, следовательно, точно так же его женой.

Мы встречаем здесь в полной и определенной форме пуналуальный брак в пределах одной необычайно обширной группы, распадающейся, однако, на меньшие группы, соединившиеся для совместного жителства и пропитания, из которых каждая представляет в миниатюре целое. В силу описанной брачной системы четвертая часть всех мужчин соединена брачной связью с четвертой частью всех женщин племен камиларои. Эта картина дикой жизни не должна возмущать наше чувство, потому что для них это было определенной формой брачных отношений, следовательно, свободной от какой-либо непристойности. Она представляет собой лишь расширенную форму полигинии и полиандрии, универсально господствовавших, в более узких пределах, у диких племен. Несомненное свидетельство этого факта существует и сейчас в их системах кровного родства и свойства, переживших те обычаи и порядки, из которых они возникли.

Следует заметить, что эта система взаимного брака ушла только на одну ступень от промискуитета, ибо она равнозначна последнему, с добавлением регулирования, она далека от всеобщего промискуитета. Вместе с тем она показывает нам донныне существующее состояние брака и семьи, о котором мы не могли бы составить себе правильного представления без этих фактов. Она дает впервые непосредственное свидетельство того общественного состояния, которое раньше было автором выведено в качестве весьма вероятного из систем родства и свойства¹.

Оставаясь в роде своей матери, дети переходили, в том же роде, в другой класс, отличный от классов обоих родителей.

¹ Systems of Consanguinity and Afinity of the Human Family (Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII), p. 420 et seq.

Это показано в следующей таблице:

Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Иппай женится на	Капота.	Их дети будут	Мурри и Мата
Кумбо	” ” Мата	” ” ”	Кубби ” Капота
Мурри	” ” Бута	” ” ”	Иппай ” Иппата
Кубби	” ” Иппата	” ” ”	Кумбо ” Бута

Если проследить этот счет происхождения, то окажется, что по женской линии Капота является матерью Мата, а Мата, в свою очередь, матерью Капота; таким же образом Иппата — мать Бута, а последняя, в свою очередь — мать Иппата. То же самое и с мужскими классами, но так как происхождение считается по женской линии, то племена камиларои производят себя от двух предполагаемых прапраматерей, давших начало двум первоначальным родам. Проследив этот счет происхождения еще дальше, найдем, что кровь каждого класса проходит через все классы.

Хотя каждое лицо носит одно из вышеперечисленных классовых имен, само собой разумеется, что каждый имеет, кроме того, свое личное имя, как это общепринято у диких и варварских племен. Чем глубже исследуешь эту основанную на различии полов организацию, тем более достойным удивления кажется это создание дикарей. Будучи однажды установленной и пройдя затем через несколько поколений, она должна была связать общество с такой силой, что вытеснить ее было бы трудно. Для этого потребовалась бы подобная же, но более совершенная система и много веков, в особенности если тем самым эта брачная система ограничивалась.

Родовая организация, как более высокая, естественно пришла на смену классов, просто включив их неизменными в свой состав. Что она возникла позже, явствует из взаимоотношения обеих систем, из зачаточного состояния родов, из непарного положения классов, поглощенных родом, и того факта, что класс остается единицей этой организации. Эти положения будут развиты в дальнейшем.

Структура родов будет понятней, если мы, в связи с изложенным, покажем их отношение к классам. Последние, связанные попарно, состоят из сестер и братьев, ведущих свое происхождение друг от друга, а роды, в свою очередь, поперек классов, также связаны в пары следующим образом:

Роды	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1. Игуан	все	Мурри и Мата	или	Кубби и Капота
2. Эму	”	Кумбо ” Бута	”	Иппай ” Иппате
3. Кенгуру	”	Мурри ” Мата	”	Кубби ” Капота
4. Водяная курица	”	Кумбо ” Бута	”	Иппай ” Иппата
5. Опоссум	”	Мурри ” Мата	”	Кубби ” Капота
6. Черная змея	”	Кумбо ” Бута	”	Иппай ” Иппата

Связь детей с определенным родом решается брачным законом. Так, Игуан-Мата должна вступать в брак с Кумбо, ее дети будут Кубби и Капота и необходимым образом принадлежат к роду Игуан, так как происхождение считается по женской линии. Игуан-Капота должна вступать в брак с Иппай, их дети будут Мурри и Мата и на том же основании будут принадлежать к роду Игуан. Таким же образом Эму-Бута должна вступать в брак с Мурри, их дети будут Иппай и Иппата и будут принадлежать к роду Эму. Точно так же Эму-Иппата должна вступать в брак с Кубби, их дети будут Кумбо и Бута и также рода Эму. Таким образом род сохраняется благодаря тому, что он удерживает в числе своих членов детей всех своих женщин. То же в полном объеме относится и ко всем остальным родам. Следует отметить, что каждый род образовался, теоретически, из потомков двух предполагаемых прапраматерей и содержит четыре из

восьми классов. Повидимому, первоначально было только два мужских и два женских класса, противостоявших друг другу в отношении брачных прав, впоследствии же эти четыре класса подразделились на восемь. Классы, как более ранняя организация, очевидно, вошли в состав родов, а не образовались путем разделения последних.

Далее, так как роды Игуан, Кенгуру и Опоссум оказываются копиями один другого по входящим в их состав классам, то отсюда следует, что они представляют собой подразделения одного начального рода. Точно то же самое относится к родам Эму, Водяная курица и Черная змея. Таким образом шесть родов сводятся к двум начальным родам, члены которых имели право вступать в брак в другом роде, но не в своем собственном. Это подтверждается тем, что члены первых трех родов первоначально не имели права вступать в брак, точно так же как и члены трех последних. Причина, препятствовавшая заключению браков в пределах рода, когда три рода составляли один, должна была остаться в силе и для его подразделений, так как они были одного происхождения, хотя и носили различные родовые имена. Совершенно то же самое встречается у сенека-ирокезов, как это будет показано впоследствии.

Так как брак ограничен определенными классами, то, когда было только два рода, половина всех женщин одного рода была, теоретически, женами половины всех мужчин другого рода. После разделения двух начальных родов на шесть благодетельные последствия брака вне рода, что составляло главное преимущество этого института, были ослаблены, если не нейтрализованы наличием классов вместе с помянутыми ограничениями. Это повело к постоянным бракам между родственниками, за исключением первой степени — брата и сестры. Если бы род мог уничтожить классы, это зло в значительной степени было бы устранено¹. Организация в классы, повидимому, имела только одну цель: устранить брак между братьями и сестрами, и это является вероятным объяснением происхождения этой системы. Но, так как она не видела ничего кроме этой именно гнусности, то она не только сохранила брачную систему, почти столь же предосудительную, но и придала ей постоянную форму.

Остается отметить одно нововведение, касающееся начальной структуры классов, благоприятное для рода и обнаруживающее движение, существующее и поныне, в направлении к истинному идеалу рода. Оно обнаруживается в двух пунктах: во-первых, каждой тройке родов дозволяется вступать в брак друг с другом, до известных пределов; во-вторых, заключать браки с классами, до того запрещенными. Так, Игуан-Мурри может теперь жениться на Мата из рода Кенгуру, своей коллатеральной сестре, тогда как первоначально он был ограни-

¹ Если построить генеалогическую таблицу, например, Иппаи и Капота, и довести ее до четвертого поколения, приняв для каждой промежуточной пары двух детей, мальчика и девочку, то получится следующее. Дети Иппаи и Капота будут Мурри и Мата. Будучи братьями и сестрами, они не могут вступать в брак. Во второй степени дети Мурри, женатых на Бута, будут Иппаи и Иппата, а дети Мата, жены Кумбо, будут Кубби и Капота. Из них Иппаи женится на своей двоюродной сестре Капота, а Кубби — на своей двоюродной сестре Иппата. Отсюда можно видеть, что восемь классов воспроизводится из двух классов во втором и третьем поколении, за исключением Кумбо и Бута. В следующей или третьей степени будут двое Мурри, двое Мата, двое Кумбо и двое Бута, из коих Мурри женятся на Бута, своих троюродных сестрах, а Кумбо — на Мата, точно так же своих троюродных сестрах. В четвертом поколении будет по четыре Иппаи, Капота, Кубби и Иппата, все братья и сестры в четвертой степени родства. Из них Иппаи женятся на Капота, а Кубби на Иппата, и так далее из поколения в поколение. Подобная же таблица для остальных взаимнобрачующихся классов дала бы аналогичные результаты. Эти детали скучны, но они делают очевидным тот факт, что в этом состоянии древнего общества они не только постоянно вступают друг с другом в брак, но и принуждены к этому в силу этой организации, основанной на различии полов. Брачное сожителство не должно бы неизменно следовать по этому пути, потому что цельный класс мужчин и женщин вступал бы в брак групповым порядком; между тем при этой системе родственные браки должны были происходить постоянно. Таким образом был уничтожен один из главнейших результатов, обеспечиваемых вполне развитым родом, а именно — обособление половины потомства предполагаемого общего предка с запрещением взаимных браков и правом заключать браки в любом другом роде.

чен браком только с Бута в трех противоположных родах. Точно так же Игуан-Кубби может теперь жениться на Капота, своей коллатеральной сестре. Эму-Кумбо может теперь жениться на Бута, а Эму-Иппаи может жениться на Иппата из рода Черной змеи, вопреки первоначальным ограничениям. Каждому классу мужчин в каждой тройке родов теперь, повидимому, дозволен брак с одним добавочным классом женщин в остальных двух родах той же самой тройки, что прежде было исключено. Впрочем, сообщение, присланное Файсоном, не говорит об изменениях до тех пределов, какие здесь указаны¹.

Это нововведение было бы безусловно движением регрессивным, если бы оно не было направлено к уничтожению классов. Путь прогресса камиларои, насколько это можно видеть, шел от классов к родам с тенденцией сделать род вместо класса единицей социального организма. В этом движении омрачающая система брачного сожителства была противодействующим элементом. Общественное развитие было невозможно без ее ограничения, что, в свою очередь, было невозможно, пока сохранялись в своей полной силе классы вместе с теми привилегиями, которые они предоставляли. *Jura conjugalia*, принадлежавшие этим классам, были мертвым грузом для камиларои, не освободившись от которого они остались бы еще на тысячелетия в том же самом состоянии, в котором были найдены.

На в известной мере сходную организацию указывает *punalua* гавайцев, о которой речь будет ниже. Всюду, где обнаруживается средняя или низшая ступени дикости, был открыт брак целых групп, вместе с порядками, определяющими эти группы, либо в своей полной форме, либо в виде следов, не оставляющих сомнения, что такой брак был нормальным явлением на протяжении всего этого периода человеческой истории. Не существенно, была ли такая группа велика или мала; непреодолимые условия их существования ставили определенный предел размеру группы, жившей совместно под действием этого порядка. Если таким образом окажется, что общность мужей и жен была законом дикого состояния и, следовательно, основной чертой состояния общества в периоде дикости, то мы сможем сделать решительный вывод, что наши собственные дикие предки приняли участие в этом общем опыте человеческой расы.

В этих порядках и обычаях содержится объяснение отсталости дикарей. Если бы в изолированных областях земли не оставались люди в диком состоянии, служа свидетельством раннего состояния всего человечества, было бы невозможно составить какое-либо определенное представление о том, чем оно могло быть. Мы приходим к важному выводу, что человеческие учреждения возникали в виде прогрессивного связанного ряда, при чем каждое из них представляет собой результат бессознательного реформаторского движения, стремящегося освободить общество от существующих зол. Печать веков лежит на этих учреждениях, и в этом свете они должны изучаться для правильного их понимания. Нельзя предполагать, что австралийские дикари находятся теперь на самой низшей ступени, ибо их производства и учреждения, как ни ничтожны они, доказывают противное; столь же неосновательно предполагать, что они деградировали из более высокого состояния, так как факты человеческого опыта не дают прочного основания для подобной гипотезы. Можно допустить случаи физического и умственного вырождения отдельных племен и наций в силу причин нам известных, но это никогда не прерывало общего прогресса человечества. Все факты человеческого знания и опыта указывают, что человеческая раса, как целое, постоянно прогрессировала от низкого к более высокому состоянию. Производства, которыми дикари поддерживают свою жизнь, замечательно устойчивы. Они никогда не утрачиваются до тех пор, пока не сменяются другими, более совершенными. Благодаря навыкам этих производств и опыту, приобретенному в общественных организациях, человечество двига-

¹ Proc. Am. Acad. Arts and Sciences, VIII. 436.

лось вперед по непреложному закону развития, хотя его прогресс мог оставаться незаметным в течение веков. Так было с целыми расами, как и с индивидами, хотя отдельные племена и нации и погибали вследствие насильственного нарушения их этнической жизни.

Австралийские классы составляют первый и, насколько известно автору, единственный пример, который дает нам возможность исследовать начальные стадии родовой организации и даже предшествующую архаическую организацию, основанную на различии полов. Они, повидимому, проливают луч света на общество, приближающееся к своему самому начальному состоянию. У других племен род, повидимому, уже развился параллельно с ограничением брачной системы. Человечество поднимается на более высокую ступень и семья развивается через свои последовательные формы по мере того, как брачные права уступают усилиям общества улучшить свою внутреннюю организацию.

Австралийцы, может быть, не уничтожили бы своих классов в течение тысячелетий, если бы оставались не открытыми, тогда как находящиеся в более благоприятном положении континентальные племена уже задолго до того завершили организацию рода, затем провели его через его последовательные фазы и, наконец, вступив в цивилизацию, упразднили его. Факты, иллюстрирующие возникновение последовательных общественных организаций, основанных как на различии полов, так и на родстве, имеют весьма высокую этнологическую ценность. Изучение их значения крайне желательно для восстановления, хотя бы частично, начальной истории человечества.

Полинезийским племенам род был неизвестен, но следы системы, аналогичной австралийским классам, проступают в гавайском обычае пуналуа. Оригинальных идей, абсолютно независимых от предшествующего знания и опыта, естественным образом не могло. Если бы было возможно свести всю сумму человеческих идей к их первоначальным оригиналам, мы были бы поражены незначительностью их числа. Развитие составляет сущность человеческого прогресса.

В свете этих фактов некоторые из наростов современной цивилизации, например, секта мормонов, представляются реликтами древней дикости, еще не искорененными из человеческого мозга. Мы обладаем тем же самым, переданным нам путем воспроизводства мозгом, который в давно прошедшие времена действовал в черепах варваров и дикарей; он достался нам нагруженным и насыщенным мыслями, стремлениями и страстями, занимавшими его в течение промежуточных периодов. Это — тот же самый мозг, выросший и увеличившийся в объеме с опытом веков. Эти пережитки варварства являются разоблачениями его древних наклонностей. Их можно объяснить как род умственного атавизма.

Из небольшого числа зародышей мысли, возникших в ранние века, развились все основные учреждения человечества. Начав свой рост в периоде дикости, находясь в состоянии брожения в периоде варварства, они продолжали свое развитие в периоде цивилизации. Эволюцию этих зародышей мысли вела за собой естественная логика, составляющая существенный атрибут мозга. Этот принцип так непогрешимо выполнял свои функции во всех состояниях опыта и во все периоды, что результаты его действия однородны, внутрисвязаны и могут быть прослежены в их ходе. Уже одни эти результаты дадут со временем убедительные доказательства единства происхождения человечества. Умственная история человеческой расы, раскрывающаяся в учреждениях, изобретениях и открытиях, представляет собой предположительно и историю данного вида, передававшуюся через отдельных личностей и развивавшуюся путем опыта. В числе первоначальных зародышей мысли, оказавших самое могущественное влияние на ум и судьбу человека, находятся те, которые относятся к управлению, семье, языку, религии и собственности. Они имели определенное начало в далеком прошлом периода дикости, совершили свой логический прогресс, но не могут иметь своего конечного завершения, поскольку они прогрессируют и сейчас и должны прогрессировать вечно.

Глава вторая

ИРОКЕЗСКИЙ РОД

Родовая организация. — Ее широкое господство. — Определение рода. — Счет происхождения по женской линии составляет архаический порядок. — Права, привилегии и обязанности членов рода. — Право избрания и смещения сахема и вождей. — Обязанность не вступать в брак в пределах рода. — Взаимное право наследования в имуществе умерших членов. — Взаимная обязанность помощи, защиты и отщипения обид. — Право рода давать имена своим членам. — Право усыновления в род чужих. — Общие религиозные обряды (?). — Общее кладбище. — Совет рода. — Роды называются по именам животных. — Численность рода.

Опыт человечества, как уже было сказано, создал только два плана общественного строя, употребляя слово план в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой организацию политическую, основанную на территории и собственности. При первом создавалось родовое общество, в котором власть имела дело с отдельными лицами в их отношениях к роду и племени. Эти отношения были чисто личными. При втором было учреждено политическое общество, в котором власть имела дело с отдельными лицами в их отношениях к территории, например, к городскому округу, кантону и государству. Эти отношения были чисто территориальными. Оба эти плана глубоко различны. Один принадлежит древнему обществу, другой — современному.

Родовая организация представляется нам одним из древнейших и наиболее широко распространенных учреждений человечества. Она явилась почти универсальной основой социальной структуры древнего общества, азиатского, европейского, африканского, американского и австралийского. Она была тем орудием, посредством которого общество было организовано и сохранялось. Начав свое существование в периоде дикости и пройдя через три подпериода варварства, она оставалась в силе вплоть до установления политического общества, что произошло не ранее начала периода цивилизации. Греческий род, фратрия и племя, римские *gens*, *civitas* и племя находят свою аналогию в роде, фратрии и племени американских туземцев. Подобным же образом ирландский *sept*, шотландский *clan*, *phranga* албанцев и санскритский *gana*, не продолжая далее этого сопоставления, представляют собою то же самое, что и род американских индейцев, обычно называвшийся кланом. Насколько простираются наши сведения, эта организация была распространена по всему древнему миру на всех континентах и была перенесена в исторический период теми племенами, которые достигли цивилизации. Но это еще не все. Родовое общество, где бы мы его ни находили, оказывается одним и тем же в своей структуре и принципах своего действия, но изменяется от своих низших к высшим формам вместе с прогрессивным развитием людей. Эти изменения вскрывают историю развития одних и тех же начальных идей.

Gens, *γένος*, *gana* в латинском, греческом и санскрите имеют все одинаковым образом начальное значение родства. Они содержат тот же элемент, что и *gigno*, *γέννησις* и *ganapati* в тех же языках, обозначающий рождать, указывая таким образом на непосредственное общее происхождение членов рода. Род, следовательно, представляет собой совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови. Он включает, однако, лишь половину таких потомков. Там, где происхождение считается по женской линии, что было общераспространенным в архаическом периоде, род состоит из предполагаемой пра-матери и ее детей, а равно детей ее женских потомков, считая по женской ли-

нии, и т. д. до бесконечности; там же, где происхождение считается по мужской линии, — в какую-то счет перешел с накоплением собственности, — из предполагаемого прауродителя и его детей, а равно детей его мужских потомков, считая по мужской линии, и т. д. до бесконечности. Наши фамилии представляют собой пережиток родового имени, при счете происхождения по мужской линии, и таким же порядком передаются. Современная семья, как это выражается ее фамильным именем, представляет собой неорганизованный род с нарушенной кровной связью, члены которого рассеяны всюду, где встречается данная фамилия.

У названных выше наций род означал замечательную социальную организацию, господствовавшую со времен столь глубокой древности, что ее происхождение теряется во мраке отдаленных веков. Он был вместе с тем единицей организации всей системы общественного устройства и управления, основой древнего общества. Существование этой организации не ограничивалось племенами, говорившими по-латыни, по-гречески и на санскрите, у которых она стала таким видным учреждением. Она была найдена также и у других ветвей арийской семьи наций, у семитической, уральской и туранской семей, у племен Африки и Австралии, а равно и у американских туземцев.

Описание основной структуры рода с его функциями, правами и привилегиями требует нашего внимания прежде всего; вслед затем мы проследим его как можно шире у различных племен и наций, чтобы путем сравнения доказать его принципиальное единство. Тогда будет ясно, что его следует считать одним из основных учреждений человечества.

Род прошел через последовательные стадии развития, переходя от архаической к своей конечной форме, вместе с общим прогрессом человечества. Его изменения ограничивались главным образом двумя сторонами: во-первых, переходом счета происхождения из женской линии, что было архаическим порядком, как, например, у ирокезов, в мужскую линию, что было конечным порядком, как в греческих и римских родах; и во-вторых, изменением порядка наследования имущества умершего члена рода от наследования родичей, в архаическом периоде, к наследованию сначала агнатических родственников, а в конечном счете — детей умершего. Эти изменения, какими бы незначительными они ни казались, обозначают громадную перемену в состоянии общества, равно как и значительную степень прогрессивного развития.

Родовая организация, возникшая в периоде дикости и прошедшая через три подпериода варварства, стала исчезать у более развитых племен, достигших цивилизации, требованиям которой она не соответствовала. У греков и римлян на смену родовому обществу возникло политическое общество, однако, только с началом периода цивилизации. Городская община (и ее равнозначное — городской округ), с установившейся собственностью и находившимся в ее пределах населением, организованная в качестве политического целого, сделалась единицей и основанием новой и в корне иной системы управления. С установлением политического общества эта древняя и освященная временем организация, вместе с развившимися из нее фратрией и племенем, постепенно стала исчезать. Моей задачей будет проследить в ходе настоящего исследования прогресс этой организации от ее возникновения в периоде дикости и до ее конечной гибели в периоде цивилизации; ибо именно при родовых учреждениях некоторые племена, находившиеся в состоянии дикости, достигли варварства, и потомки некоторых из тех же племен, находившихся в состоянии варварства, достигли цивилизации. Родовые учреждения вывели часть человечества из дикости и довели до цивилизации.

Эта организация может быть успешно изучена как в ее существующих, так и в ее исторических формах у большого числа племен и рас. Подобное исследование предпочтительно начать с рода в его архаической форме и затем проследить его последовательные изменения у более развитых наций для того, чтоб вскрыть как самые изменения, так и причины, их вызвавшие. Я начну по-

этому с рода, как он существует ныне у американских туземцев, где мы находим род в его архаической форме и среди которых его структура и практическое действие могут быть исследованы более успешно, чем на примерах исторических родов греков и римлян. Действительно, для того чтоб вполне понять род этих последних наций, повелительно необходимо изучить функции и права, привилегии и обязанности членов рода американских индейцев.

В американской этнографии термины племя и клан употреблялись в качестве равнозначных вместо термина род, поскольку еще не была известна универсальность последнего. В предыдущих работах, следуя моим предшественникам, я также пользовался этими терминами¹. Сравнение индейского клана с греческим и римским родом сразу обнаруживает их тождество как в структуре, так и в функциях. То же самое относится к фратрии и племени. Если же тождественность этих различных организаций может быть доказана, в чем не может быть сомнения, то совершенно уместно вернуться к латинской и греческой терминологии, представляющейся правильной и точной, а вместе с тем и историчной.

Общественное устройство американских туземцев началось с рода и кончилось конфедерацией, при чем последняя была высшей точкой, достигнутой их общественными учреждениями. Это дало в качестве органического ряда: во-первых, род, совокупность кровных родственников, имеющих общее родовое имя; во-вторых, фратрию, соединение родственных родов, объединившихся в более высокую ассоциацию для известных общих целей; в-третьих, племя, соединение родов, обычно организованных во фратрии, все члены которых говорили на одном диалекте; и в-четвертых, конфедерацию племен, члены которых говорили на соответствующих диалектах одного и того же основного языка. Все это в целом составляло родовое общество (*societas*), отличное от политического общества или государства (*civitas*). Различие между ними глубокое и принципиальное. В Америке, в эпоху ее открытия, не существовало ни политического общества, ни граждан, ни государства, ни какой-либо цивилизации. Целый этнический период отделял наиболее развитые племена американских индейцев от начала цивилизации в собственном смысле этого термина.

Подобным же образом общественное устройство греческих племен до начала цивилизации состояло из того же органического ряда, за исключением его последнего члена: во-первых, рода, совокупности кровных родственников, имеющих общее родовое имя; во-вторых, фратрии, соединения родов, объединившихся для общественных и религиозных целей; в-третьих, племени, соединения родов одного происхождения, организованных во фратрии; и в-четвертых, нации, ссоединения племен, слившихся в родовое общество на общей территории, как четыре племени афинян в Аттике и три дорийских племени в Спарте. Это слияние было явлением более высокого порядка, чем конфедерация. В последнем случае племена занимали самостоятельные территории.

Римский строй и свойственные ему формы были те же самые: во-первых, род, совокупность кровных родственников, имеющих общее родовое имя; во-вторых, *сигиа*, соединение родов, объединившихся в более высокую ассоциацию для выполнения религиозных и общественных функций; в-третьих, племя, соединение родов, организованных в *сигиае*; и в-четвертых, нация, соединение племен, слившихся в одно родовое общество. Древние римляне с полным правом называли себя *ропулус гоманус*.

Везде, где господствовали родовые учреждения, и вплоть до установления политического общества мы находим народы и нации организованными в родовые общества, и только. Государства не существовало. Строй этих

¹ В *Letters on the Iroquois* by Skenandoah, напечатанных в *American Review* в 1847 г. в *League of the Iroquois*, изданной в 1851 г., и в *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*, изданных в 1871 г. (*Smithsonian Contributions to Knowledge*, vol. XVII), я употреблял слово племя как равнозначное роду и вместо него, но с точным определением этой группы.

народов был глубоко демократическим, так как принципы, на которых были организованы род, фратрия и племя, были демократическими. Это последнее положение, хотя и противоречащее общепринятому мнению, имеет историческую важность. Справедливость его будет доказана после того, как будут последовательно рассмотрены род, фратрия и племя американских туземцев и те же самые организации у греков и римлян. Как род, единица этой организации, был глубоко демократичным; так и естественно демократичными были состоявшая из родов фратрия, состоявшее из фратрий племя и образованное путем конфедерирования или слияния племен родовое общество.

Род, хотя и был древнейшей социальной организацией, основанной на родстве, не включал всех потомков одного общего предка. Это потому, что когда род возник, брак отдельных пар был неизвестен, и происхождение по мужской линии не могло быть установлено достоверным образом. Родственники были связаны друг с другом главным образом узами их материнского происхождения. В древнем роде счет происхождения ограничивался женской линией. Род обнимал всех таких лиц, ведших свое происхождение от одной предполагаемой праиматери, по женской линии, при чем факт этот устанавливался обладанием общим родовым именем. Он включал таким образом эту праиматерь с ее детьми, детей ее дочерей и детей ее женских потомков, по женской линии, до бесконечности, тогда как дети ее сыновей и дети ее мужских потомков, по мужской линии, принадлежали к другим родам, а именно к родам своих матерей. Таким был род в его архаической форме, когда отцовство не могло быть установлено достоверным образом и когда принадлежность определенной матери составляла единственный надежный признак происхождения.

Этот счет происхождения, который восходит до среднего периода дикости, существую, например, у австралийцев, сохранился у американских туземцев на высшей ступени дикости и вплоть до низшей ступени варварства, со случайными исключениями. На средней ступени варварства индейские племена стали переходить от счета происхождения по женской линии к счету по мужской линии, когда синдиасмическая семья этого периода начала принимать моногамный характер. На высшей ступени варварства счет происхождения перешел в мужскую линию у греческих племен, за исключением ликийцев, и у итальянских племен, за исключением этрусков. Влияние собственности и ее наследования, вызвавших моногамную семью, которая сделала достоверным отцовство детей, и переход счета происхождения из женской линии в мужскую, будет рассмотрено в другом месте. Между этими двумя крайними точками, представленными двумя порядками счета происхождения, лежат три цельных этнических периода, обнимающих много тысяч лет.

При счете происхождения по мужской линии род охватывал всех лиц, которые вели свое происхождение от предполагаемого общего прародителя только через мужчин, при чем доказательством этого было, как и в первом случае, обладание общим родовым именем. Род включал этого предка и его детей, детей его сыновей и детей его мужских потомков, по мужской линии, до бесконечности, тогда как дети его дочерей и дети его женских потомков, по женской линии, должны были принадлежать к другим родам, а именно, к родам своих отцов. Остающиеся в роде в первом случае исключались из него во втором, и наоборот. Таков был род в своей конечной форме, после того как отцовство детей могло быть установлено в силу возникновения моногамии. Переход рода из одной формы в другую был чрезвычайно прост и не повлек за собой его гибели. Как будет показано в другом месте, для этого требовалась лишь соответствующая причина. Тот же самый род, но перешедший к счету происхождения по мужской линии, остался единицей общественной системы. Он не мог бы достигнуть второй формы, если бы ранее не существовал в своей первой форме.

Брак в пределах рода был запрещен, что избавляло его членов от зла кровнородственных браков и содействовало таким образом укреплению силы всей человеческой породы. Род возник на трех главных основаниях, а именно:

кровной связи, чистой родословной при счете происхождения по женской линии и недопущении брака в пределах рода. С развитием идеи рода он естественно должен был принять форму пар родов, потому что дети мужчин исключались из рода и потому что было в одинаковой мере необходимо организовать оба класса потомков. При одновременном возникновении двух родов должный результат и был бы достигнут, поскольку мужчины и женщины одного рода вступали бы в брак с женщинами и мужчинами другого рода, а дети, оставаясь в родах своих матерей, распределялись бы по этим двум родам. Покоясь на родственных узах как своем связующем начале, род предоставлял каждому отдельному своему члену ту личную защиту, которую никакая иная существующая сила не могла ему дать.

Рассмотрев права, привилегии и обязанности членов рода, мы должны будем исследовать род в его органических отношениях к фратрии, племени и конфедерации, чтоб установить его функции, предоставляемые им привилегии и порождаемые им принципы. Ирокезские роды будут взяты в качестве типичских образчиков этого института в ганованской семье. Ирокезы провели свою схему управления от рода до конфедерации, осуществив ее полностью в каждой из частей этого строя, и дали превосходную иллюстрацию возможностей родовой организации в ее архаической форме. Когда ирокезы были открыты, они находились на низшей ступени варварства и достигли значительной высоты в развитии производств, принадлежащих этому состоянию. Они изготовляли сети, шнуры и веревки из волокна древесной коры; ткали пояса и ремни с основой и утком из того же материала; изготовляли сосуды и трубки из глины, смешанной с кремнистой породой, закаливали их на огне, при чем некоторые из этих изделий были украшены грубыми медальонами; они возделывали маис, бобы, тыквы и табак на огородных грядах и выпекали в глиняных сосудах пресный хлеб из толченого маиса¹; они превращали посредством дубления шкуры в кожу, из которой изготовляли кильты², гамаша и мокасины; их главное оружие состояло из лука, стрел и боевой палицы; употребляли кремневые и костяные орудия, носили одежду из шкур и были опытными охотниками и рыболовами. Они сооружали длинные общинные дома, достаточно обширные для удобного размещения пяти, десяти и двадцати семей, при чем каждое домохозяйство осуществляло коммунизм в домашней жизни, но они не были знакомы с употреблением камня или необожженного кирпича для постройки жилищ и с использованием самородных металлов. По своим умственным способностям и общему развитию они были представительной ветвью индейской семьи, обитающей к северу от Новой Мексики. Генерал Ф. А. Уокер охарактеризовал их военные атаки двумя фразами: «Атаки ирокезов были поистине ужасны. Они были бичом божьим для всех туземцев материка»³.

С течением времени ирокезские племена стали в незначительной мере различаться по своей численности и по именам входящих в них родов, наибольшее число которых было восемь, а именно:

Сенека: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха. 4. Бобр. 5. Олень. 6. Бекас. 7. Цапля. 8. Ястреб.

Кайюга: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха. 4. Бобр. 5. Олень. 6. Бекас. 7. Угорь. 8. Ястреб.

Онондага: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха. 4. Бобр. 5. Олень. 6. Бекас. 7. Угорь. 8. Мяч.

Онейда: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха.

Мохавки: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Черепаха.

Тускарора: 1. Серый волк. 2. Медведь. 3. Большая черепаха. 4. Бобр. 5. Желтый волк. 6. Бекас. 7. Угорь. 8. Маленькая черепаха.

¹ Эти хлеба или лепешки были около шести дюймов в диаметре и в дюйм толщиной.

² Род короткой юбочки (Ред.).

³ North American Review, April No., 1873, p. 370, Note.

Эти различия показывают, что одни роды некоторых из этих племен вследствие различных превратностей вымерли и что другие образовались путем сегментации чрезмерно разросшихся родов.

Ознакомившись с правами, привилегиями и обязанностями членов рода, мы лучше поймем значение рода в качестве единицы всей системы общественного устройства и управления, равно как и порядок, в силу которого он входил в состав более высоких организаций, фратрии, племени и конфедерации.

Род характеризуется следующими правами, привилегиями и обязанностями, предоставленными и возложенными на его членов и составляющими в совокупности *jus gentilitium*:

- I. Правом избирать своего сахема и вождей.
- II. Правом смещать своего сахема и вождей.
- III. Обязанностью не вступать в брак в пределах рода.
- IV. Взаимным правом наследования в имуществе умерших членов.
- V. Взаимной обязанностью помощи, защиты и отщепеня обид.
- VI. Правом давать имена своим членам.
- VII. Правом усыновлять в род чужих.
- VIII. Общими религиозными обрядами.
- IX. Общим кладбищем.
- X. Советом рода.

Перечисленные функции и атрибуты сообщали этой организации ее жизненную силу и ее индивидуальный характер и охраняли личные права ее членов.

1. Право избирать своего сахема и вождей

Почти у всех племен американских индейцев имелись две степени вождей, а именно: сахемы и обыкновенные вожди. Все остальные степени были разновидностями этих двух высших степеней. Они избирались в каждом роде из числа его членов. При счете происхождения по женской линии сын не мог быть избран на место своего отца, так как он принадлежал к другому роду, между тем ни один род не мог иметь вождя или сахема из другого рода, кроме своего собственного. Должность сахема была наследственной в роде в том смысле, что она замещалась вновь, как только освобождалась вакансия; должность вождя, напротив, не была наследственной, так как она давалась в награду за личные заслуги и со смертью ее носителя прекращалась. Далее, обязанности сахема ограничивались исключительно мирными делами. Сахем не участвовал в военных действиях. С другой стороны, вожди, возведенные в эту должность за личную храбрость, мудрость или красноречие в совете, составляли обыкновенно по своему положению высший класс, хотя и не имели особой власти в роде. Сахем имел дело преимущественно с родом, официальным главою которого он состоял; вождь — преимущественно с племенем, к членам совета которого принадлежали как он, так и сахем.

Должность сахема имела естественную основу в роде как организации кровных родственников, нуждавшейся как таковая в представляющем ее главе. Должность эта, однако, древнее родовой организации, так как встречается у племен, которые этой организации не знают, но у которых она имела подобную же основу в пуналуальной группе и даже в предшествующей ей орде. Положение сахема в роде было ясно определено и покоилось на твердых основаниях, а обязанности его носили отеческий характер. Будучи наследственной в роде, должность эта была выборной из числа его мужских членов. При рассмотрении индейской системы кровного родства мы увидим, что все мужчины рода были между собою либо братьями, родными или коллатеральными,

либо же коллатеральными дедами и внуками¹. Это объясняет порядок наследования должности сахема, которая переходила от брата к брату или от дяди к племяннику и очень редко от деда к внуку. Выбор, производившийся свободным голосованием взрослых мужчин и женщин, обычно падал на брата умершего сахема или на одного из сыновей его сестры, при чем особое предпочтение отдавалось родному брату или же сыну родной сестры. Между несколькими братьями, родными и коллатеральными, с одной стороны, и сыновьями нескольких сестер, родных и коллатеральных, с другой, не существовало первенства в правах по той причине, что все мужчины рода имели одинаковое право быть избранными. Сделать выбор между ними составляло функцию избирательного начала.

В случае смерти сахема, например, у сенека-ирокезов, созывался совет родичей для назначения его преемника. По существующим порядкам должны были баллотироваться два кандидата, оба члены рода. Каждому достигшему зрелого возраста предоставлялось высказаться за того или другого, и получивший большинство голосов считался избранным. Требовалось, однако, согласие остальных семи родов, чтобы избрание считалось окончательным. Если роды, собравшиеся для этой цели по фратриям, отказывались утвердить назначение, то оно тем самым отменялось, и род приступал к новым выборам. Если избранный своим родом принимался остальными родами, то избрание его считалось окончательным; но все же было необходимо, чтобы новый сахем, по их выражению, был поднят, т. е. облечен своей должностью советом конфедерации, для того чтоб он мог вступить в исполнение своих обязанностей. Таков был их порядок вручения *impegium*. Таким образом принимались во внимание и охранялись права и интересы различных родов, так как сахем рода был *ex officio* членом совета племени, а равно более высокого совета конфедерации. Тот же порядок избрания и утверждения и на тех же основаниях существовал и при выборах вождей. Но общий совет никогда не созывался для поднятия вождей ниже сахема. Они ожидали того времени, когда утверждались сахемы.

Демократический принцип, получивший свое начало в родовой организации, проявлялся в том, что родичи сохраняли право избирать сахема и вождей, в мерах, предохраняющих эту должность от узурпации и, наконец, в праве протеста против избрания, принадлежавшем остальным родам.

Число вождей в каждом роде обычно было пропорционально числу его членов. У сенека-ирокезов имеется один вождь приблизительно на каждые пятьдесят человек. Санека насчитывают теперь в штате Нью-Йорк около трех тысяч, при чем у них имеется восемь сахемов и около шестидесяти вождей. Есть основания предполагать, что относительное число сахемов и вождей теперь больше, чем в прежнее время. Что касается числа родов в племени, то чем многочисленнее народ, тем обычно больше число родов. Оно разнится у различных племен, от трех у делаваров и мунси до двадцати у оджибве и криков; шесть, восемь и десять было обычным числом родов в племени.

II. Право смещать своего сахема и вождей

Это право, не менее важное, чем право избрания, также сохранялось за членами рода. Хотя номинально должность была и пожизненной, однако на практике обладание ею зависело от хорошего поведения, поскольку существовала возможность смещения. Возведение в должность сахема символизировалось «надеванием рогов», а его низложение — «снятием рогов». Рога были эмблемой должности и власти у племен, обитающих в самых различных местах, что, вероятно, было подсказано, как думает Тэйлор, внушительной внешностью

¹ Сыновья нескольких сестер—друг другу братья, а не двоюродные братья. Последние здесь называются коллатеральными братьями. Так, сын брата какого-нибудь человека—его сын, а не его племянник, точно так же как сын его родной сестры. Первого мы будем называть коллатеральным племянником.

носящих рога самцов у жвачных животных. Недостойное поведение, повлекшее за собой потерю доверия, давало достаточное основание для смещения с должности. После того как сахем или вождь был смещен в должном порядке советом своего рода, он переставал признаваться таковым и отныне становился частным лицом; Совет племени также имел право смещать как сахемов, так и вождей, не ожидая соответствующих действий со стороны рода и даже против его желания. Благодаря наличию и время от времени осуществлению этого права, утверждалась и сохранялась верховная власть родичей над их сахемом и вождями. Это свидетельствует также о демократическом строе рода.

III. Обязанность не вступать в брак в пределах рода

Эта обязанность, хотя и отрицательного характера, все же была одной из основных. Первоначальной целью родовой организации было, очевидно, стремление изолировать половину потомков предполагаемого предка и предотвратить родственные браки. Когда род возник, братья состояли в групповом браке с женами каждого из них и сестры — в групповом браке с мужьями каждой из них, чему род не ставил препятствий. Но он позаботился о том, чтоб исключить братьев и сестер из брачных отношений, что и было осуществлено, как мы имеем полное основание предполагать, сказанным запрещением. Если бы род пытался непосредственно вырвать с корнем всю брачную систему этого периода, то нет ни малейшего вероятия, чтобы это получило всеобщее признание. Род, возникший, вероятно, в качестве продукта изобретательности небольшой орды дикарей, должен был вскоре обнаружить свою пользу, давая более одаренных людей. Его почти универсальное преобладание в древнем мире является наилучшим доказательством его преимущества и его приспособляемости к человеческим потребностям в периоды дикости и варварства. Ирокезы до сих пор непоколебимо держатся порядка, запрещающего вступать в брак в собственном роде.

IV. Взаимное право наследования в имуществе умерших членов

В периоде дикости и на низшей ступени варварства собственность имела незначительные размеры. В первом периоде она состояла из предметов личного потребления, к чему на следующей ступени присоединились владельческие права в общественных домах и огородах. Самые ценные предметы личного потребления погребались вместе с телом умершего собственника. Тем не менее вопрос о наследовании должен был возникнуть, приобрести еще большее значение с ростом собственности по числу объектов и объему и выразиться в конце концов в каком-нибудь определенном порядке наследования. Соответственным образом мы уже в самом начале низшей ступени варварства и даже еще раньше, в периоде дикости, находим установившийся принцип, по которому имущество должно оставаться в роде и делиться между родичами умершего собственника. Согласно обычному праву греческих и латинских родов на высшей ступени варварства, сохранившемуся в качестве писаного права и в периоде цивилизации, имущество умершего должно было оставаться в роде. Однако у афинян после Солона это ограничивалось случаями неоставления завещания.

Вопрос, кто должен получить имущество умершего, вызвал последовательное возникновение трех основных порядков наследования. Первый—что оно должно быть поделено между родичами умершего собственника. Таков был порядок на низшей ступени варварства и, насколько известно, в периоде дикости. Второй — что имущество должно быть поделено между агнатическими родственниками умершего собственника, с исключением остальных родичей. Зародыш этого порядка возникает на низшей ступени варварства и, вероятно, окончательно утверждается на средней ступени. Третий — что имущество должно наследоваться детьми умершего собственника, с исключением остальных агнатов. Этот порядок присущ высшей ступени варварства.

Теоретически у ирокезов действовал первый порядок, но на практике вещи умершего присваивались его ближайшими родственниками в пределах рода. Если умирал мужчина, его вещи делили между собой его родные братья и сестры и дяди с материнской стороны. Это фактическое ограничение наследования ближайшими родственниками обнаруживает зародыш агнатического порядка наследования. Если умирала женщина, ее имущество наследовали ее дети и сестры, братья же исключались. В обоих случаях имущество оставалось в роде. Дети умерших мужчин ничего не получали после своего отца, так как принадлежали к другому роду. На том же основании муж ничего не получал после своей жены или жена после мужа. Эти взаимные права наследования укрепляли независимость рода.

V. *Взаимная обязанность помощи, защиты и отмщения обид*

В цивилизованном обществе охрану личности и собственности берет на себя государство. В связи с привычкой к этому источнику охраны личных прав произошло соответствующее ослабление силы родственных уз. Но в родовом обществе безопасность индивида зависит от его рода. Род занимал то место, которое впоследствии заняло государство, при чем он обладал достаточной численностью, чтобы сделать свою охрану действительной. В среде его членов родственные узлы были могущественным элементом взаимной поддержки. Нанести обиду кому-либо значило нанести обиду его роду и оказать помощь кому-либо значило вступить за него совместно со всеми его родичами.

При спорах и затруднениях члены рода помогали друг другу. Можно привести два или три примера, взятых наудачу из быта индейских племен. Говоря о майя Юкатана, Эррера замечает, что «когда требовалось возместить причиненные убытки и если присужденный к уплате обрекался на нищету, то все родственники участвовали в уплате»¹. Но под термином родственники в том смысле, в каком он здесь упоминается, мы в праве понимать род. А об индейцах Флориды он говорит: «Если умирает брат или сын, то домашние в течение трех месяцев скорее умрут, чем станут заботиться о пище, но родные и родственники присылают им все необходимое»². Лица, переселявшиеся из одного селения в другое, не могли передать свои владельческие права на обработанные земли или на часть общинного дома постороннему, но должны были оставить их своим родичам. Эррера ссылается на существование этого порядка у индейских племен Никарагуа: «Кто переселялся из одного города в другой, не мог продать то, что имел, но должен был оставить своим ближайшим родственникам»³. Поскольку их имущество находилось в коллективном владении, их общественный строй не допускал его отчуждения члену другого рода. Фактически право на такого рода имущество было лишь правом владения, и когда это имущество покидалось, оно возвращалось в род. Гарсилассо де ла Вега замечает о племенах Перуанских Анд, что «при вступлении в брак людей из престонародья общины были обязаны построить и снабдить их домами»⁴. Под употребленным здесь выражением общины мы в праве понимать род. Эррера, говоря о тех же племенах, замечает, что «это разнообразие наречий происходит от того, что эти нации делятся на колена, племена или кланы»⁵. Здесь родичи привлекались к оказанию помощи молодым парам сооружением для них домов.

Древний обычай кровавой мести, который был так широко распространен среди человеческих племен, зародился в недрах рода. На нем лежала обязанность отмстить за убийство одного из своих сочленов. Суды для преследования

¹ History of America, Lond. ed., 1725, Stevens' Trans., IV, 171.

² Ib., VI, 34.

³ Ib., III, 298.

⁴ Royal Commentaries, Lond. ed., 1688, Rycaut's Trans., p. 107. Herrera, IV, 231.

преступников и законы, устанавливающие их наказание, возникли поздно в родовом обществе, однако они появились еще до установления политического общества. С другой стороны, преступление убийства так же древне, как и человеческое общество, а наказание его в порядке мести кровных родственников так же древне, как и само преступление. У ирокезов и вообще индейских племен обязанность мстить за убийство родственника признавалась всеми ¹.

Все же обязанностью рода убитого было попытаться достичь примирения, прежде чем прибегнуть к крайним мерам. Собирался совет членов каждого рода в отдельности и вносились предложения об искуплении убийства, обычно в форме выражения соболезнования и подарков значительной ценности. Если имелись оправдывающие или смягчающие вину обстоятельства, дело обыкновенно кончалось выкупом; но если родичи убитого оставались непримиримыми, то из числа членов его рода назначался один или несколько мстителей, обязанностью которых было преследовать преступника до тех пор, пока не откроют его, и убить, где бы он ни оказался. После этого никто из членов рода убитого не имел основания для претензии. Жизнь была искуплена жизнью, и требование справедливости было удовлетворено.

То же чувство братства проявлялось другими путями: в виде помощи впадшему в нужду товарищу по роду или защиты его от обид.

V. Право давать имена своим членам

У дикарских и варварских племен не существует семейных имен. Личные имена членов одной и той же семьи не указывают на их семейную связь. Семейное имя не старше, чем цивилизация ². Однако индейские личные имена обычно указывают род индивида лицам других родов того же племени. Как правило, каждый род имел личные имена, которые составляли его исключительную собственность и как таковые не могли употребляться другими родами того же племени. Родовое имя давало само по себе родовые права. Эти имена либо прямо по своему значению указывали на род, которому они принадлежали, либо были в качестве таковых общеизвестны ³.

После рождения ребенка его мать, при участии ближайших родственников, выбирала одно из принадлежащих роду и еще не находящихся в обращении имен, которое и давалось ребенку. Но такое назначение имени не считалось окончательным до тех пор, пока о его рождении и имени вместе с именем и родом его матери и именем его отца не оглашалось на ближайшем совете племени. После смерти какого-нибудь лица его именем нельзя было пользоваться при жизни его старшего сына без согласия последнего ⁴.

Существовало два класса имен: один — для детского возраста, другой — для зрелого; в соответствующий период одно имя заменялось другим тем же

¹ „Их сердца день и ночь непрерывно пылают страстью, пока они не прольют кровь за кровь. Они передают от отца к сыну память об утрате родственника, члена их племени или семьи, если даже это была старуха“.—Adair's Hist. Amer. Indians, Lond. ed., 1775, p. 150.

² Mommsen's History of Rome, Scribners' ed., Dickson's Trans., I, 49.

³ Один из двенадцати родов омаха — Lă-tă-dă, ястреб-голубятник—имеет между прочим следующие имена:

Имена мальчиков:

Ah-hise'-na-da	Длинное крыло
Gla-dan'-noh-che	Ястреб, парящий в воздухе
Nes-tase'-kă	Белоглазая птица

Имена девочек:

Me-ta'-na	Птица, поющая при дневном свете
Lă-tă-dă'-wln	Одна из птиц
Wă-tă'-na	Птичье яйцо

⁴ Когда мы приводим отдельные обычаи, их следует относить к ирокезам, если не указано противного.

формальным порядком; одно, как они выражались, снималось, другое назначалось вместо первого. O-wi'-go (лодка, плывущая по течению) и Ah-wou'-ne-ont (висящий цветок) были именами девушек у сенека-ирокезов, а Gā-pe-o-di'-yo (прекрасное озеро) и Do-pe-ho-gā'-weh (хранитель дверей) — именами взрослых мужчин. В шестнадцати или восемнадцатилетнем возрасте первое имя снималось, обычно одним из вождей рода, и вместо него назначалось одно из имен второго класса. На ближайшем совете племени публично объявлялось о перемене имени, при чем данное лицо, если это был мужчина, принимало на себя обязанности взрослого. У некоторых индейских племен юноша должен побывать на войне и заслужить свое второе имя каким-нибудь актом личной храбрости. Бывало нередко, что кто-нибудь после тяжелой болезни, из суеверия, добивался вторичной перемены своего имени. Это делалось иногда еще раз уже в весьма преклонном возрасте. Когда кто-нибудь избирался сахемом или вождем, с него снималось его имя, и в день его назначения давалось другое. Отдельное лицо не могло решать вопрос о перемене своего имени. Это было прерогативой женщин-родственников и вождей; но взрослый человек мог переменить свое имя, если ему удавалось убедить вождя объявить об этом в совете. Лицо, имевшее право распоряжения каким-либо именем, например, старший сын — именем своего умершего отца, могло ссудить это имя другу из другого рода, но после смерти лица, получившего имя таким путем, оно возвращалось в свой род.

У шауни и делаваров мать имеет в настоящее время право назвать своего ребенка именем какого угодно рода, и это имя переводит ребенка в тот род, которому оно принадлежит. Но это является значительным отклонением от архаического порядка и встречается лишь в виде исключения. Оно ведет к искажению и смещению родословной. Имена, употребляемые в настоящее время ирокезами и другими индейскими племенами, большей частью — древние имена, с незапамятных времен передающиеся по наследству.

Предосторожности, сопряженные с использованием имен, принадлежащих роду, указывают на их важность и те родовые права, которые с ними сопряжены.

Хотя этот вопрос о личных именах имеет еще много сторон, но для моих целей достаточно, если я ограничусь указанием общих порядков, вскрывающих взаимные отношения членов рода. В семейном обиходе и при формальных приветствиях американские индейцы обращаются друг к другу в выражениях, обозначающих родство между говорящим и лицом, к которому он обращается. Если они родственники, они приветствуют друг друга как родственники; если не родственники, то говорят «мой друг». Было бы грубостью назвать индейца его личным именем или спросить у него его имя.

Наши предки саксы имели личные имена еще во время норманского завоевания, но у них не было фамильных имен. Это указывает на позднее появление у них моногамной семьи и позволяет заключить о существовании саксонского рода в более раннем периоде.

VII. Право усыновлять в род чужих

Другое отличительное право рода состояло в принятии новых членов путем усыновления. Военнопленные или умерщвлялись или усыновлялись каким-нибудь родом. Взятые в плен женщины и дети обыкновенно получали помилование в этой форме. Усыновление давало не только право рода, но и племенную национальность. Усыновленный пленник или пленница становился по отношению к усыновившему его лицу братом или сестрой, а если усыновляла мать, то сыном или дочерью, при чем впоследствии с усыновленным обращались во всех отношениях так, как если бы он был действительно родным. Рабство, ставшее на высшей ступени варварства участью пленных, было неизвестно в туземную эпоху племенам, стоявшим на низшей ступени. Усыновление имело также не-

которую связь с ордалиями, ибо тот, кому удавалось, благодаря неустрашимости или покровительству, пройти сквозь строй невредимым, имел право на эту награду. Усыновленные пленные часто отдавались какой-либо семье для замещения убитых в бою, чтобы заполнить ряды родственников. Вымирающий род мог пополнить число своих членов путем усыновления, однако такие случаи бывали редко. Одно время род Ястреб-сенека дошел до незначительного числа членов, и ему грозило вымирание. Для спасения этого рода несколько человек из рода Волк, по взаимному согласию, были переведены путем усыновления в род Ястреб. Право усыновления, повидимому, предоставлялось усмотрению каждого рода.

У ирокезов церемония усыновления совершалась в публичном собрании совета племени, при чем фактически она обратилась в религиозный обряд¹.

VIII. Религиозные обряды рода

У греческих и латинских племен эти обряды занимали выдающееся место. Появившаяся тогда наивысшая политеистическая форма религии вышла из рода, в котором религиозные обряды передавались из поколения в поколение. Некоторые из них, в силу приписываемой им святости, сделались национальными. В некоторых городах должность верховного жреца известных божеств была наследственной в отдельном роде². Род стал естественным центром развития религии и местом возникновения религиозных церемоний.

Но индейские племена, хотя и имели политеистическую систему, не очень отличавшуюся от той, из которой, вероятно, произошли греческие и римские системы, не достигли того религиозного развития, которое так определенно характеризует роды этих последних племен. Едва ли можно сказать, что какой-нибудь индейский род имел особые религиозные обряды, и все же их религиозный культ имел более или менее прямую связь с родом. Именно здесь естественно зарождались религиозные идеи и устанавливались формы культа. Но они не оставались особо присущи роду, а скорее распространялись на все племя. Соответственным образом мы находим у ирокезов шесть годовых религиозных праздников (праздники Клена, Посева, Ягод, Зеленого зерна, Жатвы и Нового года)³, которые были общими всем соединенным в одно племя родам и справлялись в определенное время года.

Каждый род давал известное число «хранителей веры», как мужчин, так и женщин, на которых было возложено совершение этих праздников⁴. Число лиц, назначаемых каждым родом на эту должность, считалось показателем преданности рода религии. Они назначали дни отправления праздников, делали необходимые приготовления и руководили церемониями совместно с сахемами и вождями племени, состоявшими «хранителями веры» *ex officio*. Не имея официального главы и каких-либо внешних отличий жреческого звания, они обладали одними и теми же функциями. На обязанности женщин «хранитель-

¹ После того как народ собирался в доме совета, один из вождей держал речь, в которой сообщал сведения об усыновляемом, основания его усыновления, имя и род усыновляющих, равно как имя, назначенное новому члену. Затем двое вождей, взяв усыновляемого за руки, проходили с ним через дом совета и обратно с пением песни усыновления. Народ вступал хором в конце каждого стиха. Хождение продолжалось, пока не оканчивались стихи, для чего требовалось сделать три круга. Этим церемония оканчивалась. Иногда усыновлялись из любезности и американцы. Мне выпало на долю несколько лет тому назад быть усыновленным в род Ястреб, племени сенека, при чем была исполнена эта церемония.

² Grote's Hist. of Greece, I, 194.

³ League of the Iroquois, p. 182.

⁴ «Хранителей веры» было примерно столько же, сколько вождей; они избирались из мудрых мужей и матрон каждого рода. После избрания они поднимались советом племени с соответствующими церемониями. Их имена снимались и вместо них давались новые, принадлежавшие данному классу. Мужчины и женщины избирались приблизительно в равном числе. Они были цензорами народа, имея право доносить совету о чьих-либо дурных поступках. Избранный был обязан принять должность, но мог сложить ее с себя после известного времени; это знаменовалось тем, что он отдавал свое имя как хранителя веры и вновь принимал прежнее.

ниц веры» лежали преимущественно приготовления к пиршеству, которое устраивалось во время всех собраний совета в конце каждого дня для всех присутствующих. Это была общая трапеза. Относящиеся к этим празднествам религиозные обряды, описанные мной в предшествующем труде¹, описывать здесь не приходится; достаточно отметить, что их культ имел характер принесения благодарности с просьбами к Великому духу и низшим духам продолжать посылать им блага жизни.

С прогрессом человечества от низшей к средней, а в особенности от этой последней к высшей ступени варварства род все более становится центром религиозного влияния и источником религиозного развития. Мы знакомы с религиозной системой ацтеков только в общих чертах, но, помимо национальных богов, у них, повидимому, были и другие боги, принадлежавшие меньшим, чем фратрии, подразделениям. Существование у ацтеков ритуала и жречества могло бы дать основание предполагать у них более тесную связь между религиозными обрядами и родами, чем у ирокезов, но их религиозные воззрения и церемонии покрыты таким же мраком, как и их общественная организация.

IX. Общее кладбище

Древний, но не единственный способ погребения состоял в том, что труп выставлялся на помосте до тех пор, пока не истлеет мясо, после чего кости собирались и сохранялись в коробах из коры в специально выстроенном доме. Принадлежавшие к одному роду обычно помещались в одном и том же доме. Д-р Кир Байингтон нашел этот способ погребения в 1827 г. у чокта, а Эдер упоминает о таком же по существу обычае у чироков. «Я видел в одном из их городов, — говорит он, — три таких дома, расположенных почти рядом. . . Каждый дом содержал кости только одного племени, при чем на каждом ящике, очень странной формы, имелись иероглифические изображения, принадлежащие данной семье [роду]. Они считали безбожным смешивать кости родственника с костями чужого, подобно тому как кость с костью и плоть с плотью должны быть всегда вместе»². В древние времена ирокезы также пользовались помостами и сохраняли кости умерших родственников в коробах из коры, часто держа их в том доме, где жили. Существовало у них и погребение в земле. В последнем случае принадлежавшие к одному роду не всегда погребались в одном месте, разве бы имелось общее кладбище всего селения. Покойный Эшер Райт, бывший в течение долгого времени миссионером у сенека и представляющий собой благородный образец американских миссионеров, писал автору следующее: «Я не нахожу следов влияния клана на выбор места погребения умерших. Я думаю, что они хоронились попеременно. Все же они говорят, что в прежнее время члены различных кланов чаще жили вместе, чем в настоящее время. Представляя собой одну семью, они больше были подвержены влиянию семейных чувств и имели меньше индивидуальных интересов. Поэтому могло иногда случиться, что большая часть умерших, погребенных на каком-нибудь кладбище, принадлежала к одному клану». Райт несомненно прав, что члены всех родов, живущих в одном селении, могли хорониться на одном кладбище, но они могли класть членов одного и того же рода в одном месте. Соответствующий пример находим сейчас в резервации Тускарора, близ Льюистона, где все племя имеет одно общее кладбище, при чем члены одного рода хоронятся в одном и том же ряду. Один ряд состоит из могил умерших членов рода Бобр, два ряда — из членов рода Медведь, ряд — из рода Серый волк, ряд — из рода Большая черепаха и т. д., всего восемь рядов. Муж и жена разлучаются друг от друга и хоронятся в разных рядах; то же самое отцы и их дети, но матери и их дети, а равно братья и сестры лежат в одном и том же ряду. Это показывает силу родового чувства и быстроту, с которой при благоприятных условиях ста-

¹ League of the Iroquois, p. 182.

² History of the American Indians, p. 183.

рые обычаи возвращаются; тускарора обращены теперь в христианство, но не оставили этого обычая. Один индеец онондага сообщил автору, что тот же способ погребения по родам преобладает и теперь на кладбищах онондага и онейда. Хотя этот порядок, быть может, и нельзя считать всеобщим у индейских племен, несомненно, что в древние времена этот способ погребения предпочитался.

У ирокезов — а то, что относится к ним, относится обыкновенно и к другим индейским племенам, стоящим на той же ступени развития — все члены рода облекались в траур при погребении умершего родича. Речи во время похорон, приготовление могилы и погребение трупа — все это совершалось членами других родов.

Оседлые индейцы Мексики и Центральной Америки практиковали как неполную кремацию, так и выставление на помостах и зарывание. Кремации подвергались только вожди и выдающиеся лица.

Х. Совет рода

Совет был выдающейся чертой древнего общества, азиатского, европейского и американского, от возникновения рода в периоде дикости и до цивилизации. Он был орудием управления, как и верховной властью в роде, племени и конфедерации. Обыкновенные дела решались вождями, но все, что касалось общих интересов, передавалось на решение совета. Так как совет возник из родовой организации, то оба учреждения удержались вместе в течение многих веков. Совет вождей представляет собой древний способ выявления человеческого мудрости и ее применения к людским делам. Его история, родовая, племенная и конфедеральная, выражает рост идеи управления в ее полном объеме, вплоть до появления политического общества, в которое совет перешел преобразованным в сенат.

Самой простой и низшей формой совета был совет рода. Это было демократическое собрание, так как каждый взрослый член рода, мужчина и женщина, имел голос по всем вопросам, которые на нем ставились. Он выбирал и смещал сахема и вождей, выбирал «хранителей веры», прощал или мстил за убийство родича и усыновлял в род чужих. Он был зародышем совета племени и еще более высокого совета конфедерации; каждый из этих советов состоял исключительно из вождей — представителей родов.

Таковы были права, привилегии и обязанности членов ирокезского рода, равно как и членов родов индейских племен вообще, насколько мы можем судить по существующим их исследованиям. Изучая роды греческих и латинских племен, мы найдем те же права, привилегии и обязанности, за исключением рассмотренных в пунктах I, II и VI; что касается этих последних, то существование их в прошлом также представляется вероятным, хотя это и не может быть доказано.

Все члены ирокезского рода были лично свободны и были обязаны защищать свободу друг друга; они пользовались одинаковыми привилегиями и личными правами, при чем сахема и вожди не претендовали на какое-либо преимущество в этом отношении; это было братство, связанное узами родства. Свобода, равенство и братство, хотя и не были никогда формулированы, были основными принципами рода. Эти факты имеют существенное значение, поскольку род представлял собой единицу системы общественного устройства и управления, на основе которой было организовано индейское общество. Организация, состоявшая из таких единиц, естественно носила отпечаток их характера, ибо какова единица, таково и целое. Это служит нам объяснением того чувства независимости и личного достоинства, которое составляет господствующую черту индейского характера.

Таково было существенное и важное место рода в социальной системе американских туземцев, таковым он был в древние времена у американских

туземцев и таковым же остается до сего времени в полной своей жизненной силе у многих индейских племен. Он был основанием фратрии, племени и конфедерации племен. Его функции могли бы быть представлены в некоторых пунктах более подробно, но и изложенного достаточно, чтобы показать его постоянный и стойкий характер.

В эпоху открытия Америки европейцами племена американских индейцев были по общему правилу организованы в роды со счетом происхождения по женской линии. У некоторых племен, например у дакота, роды распались; у других, например у оджибве, омаха и у майя на Юкатане, счет происхождения перешел из женской в мужскую линию. Во всей туземной Америке род получал свое имя от какого-нибудь одушевленного или неодушевленного предмета, но никогда не от человека. В этом начальном состоянии общества индивидуальность личности растворялась в роде. Можно, пожалуй, предполагать, что и роды греческих и латинских племен назывались таким же образом в более раннее время; но в то время, когда они впервые появились на арене истории, они уже носили личные имена. У некоторых племен, например у моки, оседлых индейцев Аризоны, члены рода вели свое происхождение от того животного, имя которого они носили, веря, что их отдаленные предки были превращены Великим духом из животных в людей. Такая же легенда существует в роде Журавль племени оджибве. У некоторых племен члены рода не едят того животного, имя которого они носят, без сомнения, под влиянием этого же представления.

Что касается числа людей в роде, то такое было различно в зависимости от числа родов и благосостояния или упадка племени. Три тысячи сенека, разделенных поровну между восемью родами, дадут в среднем триста семьдесят пять человек на род. Пятнадцать тысяч оджибве, разделенных поровну между двадцатью тремя родами, дадут по шестьсот пятьдесят человек на род. У чироков среднее будет свыше тысячи на род. При нынешнем состоянии главных индейских племен число людей в каждом роде будет колебаться от ста до тысячи.

В качестве одного из древнейших и наиболее широко распространенных учреждений человечества род был тесно связан с человеческим прогрессом, на который он оказывал могущественное влияние. Род был найден у племен находившихся в состоянии дикости и на низшей, средней и высшей ступенях варварства на различных континентах и в его полной жизненной силе у греческих и латинских племен уже после начала периода цивилизации. Каждая человеческая семья, за исключением полинезийской, повидимому, дошла до родовой организации и была обязана ей своим сохранением и своим прогрессом. Она имеет себе равное в смысле длительности существования только в системах кровного родства, которые, возникнув в еще более раннем периоде, сохранились до настоящего времени, хотя брачные порядки, из которых они возникли, давно исчезли.

Раннее появление родовой организации и ее сохранение в течение такого огромного периода времени убедительно доказывает ее исключительное соответствие потребностям человечества как в диком, так и в варварском состоянии.

Глава третья

ИРОКЕЗСКАЯ ФРАТРИЯ

Определение фратрии. — Соединение родственных родов в высшую организацию. — Фратрия ирокезских племен. — Ее состав. — Ее порядки и функции. — Общественные и религиозные. — Примеры. — Аналогия с греческой фратрией, но в ее архаической форме. — Фратрия чокта. — Чиказа. — Мохегаюв. — Тлинкаитов. — Вероятность всеобщего распространения у американских туземцев.

Фратрия (*φρατρία*), как показывает самый термин, есть братство и представляет собой естественное образование, выросшее из родовой организации. Это — органический союз или ассоциация двух или более родов одного и того же

племени для определенных общих целей. Это были обычно роды, образовавшиеся путем сегментации одного начального рода.

У греческих племен, у которых фратриальная организация имела почти такой же постоянный характер, как и род, она сделалась весьма влиятельным учреждением. Каждое из четырех племен афинян было организовано в три фратрии, состоящие каждая из тридцати родов, что дает всего двенадцать фратрий и триста шестьдесят родов. Такая точная числовая однородность в составе каждой фратрии и каждого племени не могла произойти из разделения родов естественным путем. Это было, вероятно, как указывает Грот, результатом законодательной меры, имевшей целью создание симметричной организации. Все роды одного племени были, как правило, общего происхождения и носили общее племенное имя; следовательно, не требовалось особо сурового принуждения, чтобы соединить во фратрии определенное число родов и образовать определенное число фратрий в каждом племени. Но фратриальная организация имела естественную основу в непосредственном родстве определенных родов, как подразделений одного начального рода, что, несомненно, и было основой, на которой первоначально возникла греческая фратрия. Включение чужих родов и перевод родов, с их согласия или по принуждению, может объяснить одинаковое число родов и фратрий в афинских племенах.

Римская *сигия* представляла собой аналогию греческой фратрии. Дионисий постоянно называет ее фратрией¹. В каждой *сигии* было десять родов, и в каждом из трех римских племен—десять *сигиае*, что дает в итоге тридцать *сигиае* и триста родов. Функции римской *сигии* известны гораздо лучше, чем греческой фратрии; функции эти имели большее значение, потому что *сигия* непосредственно участвовала в делах управления. Собрание родов (*comitia sigiata*) голосовало по *сигиае*, при чем каждая имела один коллективный голос. Это собрание было верховной властью римского народа вплоть до эпохи Сервия Туллия.

В функции греческой фратрии входило между прочим отправление специальных религиозных обрядов, прощение или месть за убийство фратора и очищение убийцы, избежавшего наказания за свое преступление, как условное его возвращение в общество². В более позднее время у афинян — ибо фратрия в Афинах пережила установление политического общества при Кleistфене — она наблюдала за регистрацией граждан, став таким образом хранительницей законности происхождения и прав гражданства. Женщина с выходом замуж зачислялась во фратрию своего мужа, а дети зачислялись в род и фратрию своего отца. В обязанность этой организации входило также преследование убийцы фратора на суде. Таковы были, из числа нам известных, предметы ведения и функции фратрии в более ранний и позднейший периоды. Если бы удалось установить все детали, то оказалось бы, вероятно, что фратрия имела также отношение к общим трапезам, публичным играм, похоронам выдающихся лиц, первоначальной организации армии, ведению собраний советов, равно как и отравлению религиозных обрядов и охране общественных привилегий.

Фратрия существовала у многих племен американских туземцев; она, повидимому, возникла здесь естественным образом, заняв место второго члена организационного ряда, точно так же как у греческих и латинских племен. Она не имела каких-либо функций управления, принадлежавших роду, племени и конфедерации; но она была облечена, в общей социальной системе, определенными полезными полномочиями в связи с необходимостью какой-либо организации, боль-

¹ εἰς τὸν ἑλληνικὸν γλῶττι τὰ ὀνόματα ταῦτα μεταρρυθρισμένα φύλη μὲν καὶ τριτὰς ἢ τρίτος φράτρις δὲ καὶ λόχος ἢ γουρία.—Dionysius, lib. II, cap. VII; см. также lib. II, cap. XIII.

[На греческий язык эти названия можно было бы перевести: триба—фила и тригтия, курия—фратрия и лох].

² На то, что очищение исполнялось фратриями, указывает Эсхил: Ποῖα τὸ χεῖν φράτερον προβέβηται. — „Эвмениды“, 356.

[Путем какого очищения фраторы примут его?].

шей чем род и меньшей чем племя, в особенности, если последнее было велико. Оставаясь тем же самым учреждением по своим существенным чертам и характеру, она представляет всю эту организацию в ее архаической форме и с ее архаическими функциями. Знакомство с индейской фратрией необходимо для правильного понимания греческой и римской фратрий.

Восемь родов племени сенека-ирокезов были объединены в две фратрии следующим образом:

Первая фратрия

Роды: 1. Медведь. 2. Волк. 3. Бобр. 4. Черепаха.

Вторая фратрия

Роды: 5. Олень. 6. Кулик. 7. Цапля. 8. Ястреб.

Каждая фратрия (*De-â-non-dâ'-a-yoh*) представляет собой братство, как показывает самый термин. Роды в одной и той же фратрии — братские роды по отношению друг к другу и двоюроднобратские по отношению к родам другой фратрии. Они равны по своему положению, характеру и привилегиям. Сенека обыкновенно называют роды своей собственной фратрии братскими родами, а роды другой фратрии — двоюроднобратскими родами, когда упоминают о них в их отношении к фратрии. Первоначально брак между членами одной и той же фратрии не был дозволен, но члены каждой фратрии могли вступать в брак с членами каждого рода другой фратрии. Это запрещение показывает, что роды каждой фратрии были подразделениями начального рода и запрещение брака в пределах собственного рода сохранилось для его подразделений. Ограничение это, однако, давно отпало, сохранившись только по отношению к собственному роду. Предание сенека утверждает, что Медведь и Олень были начальными родами, остальные же были их подразделениями. Отсюда ясно, что фратрия имела естественную основу в кровном родстве составлявших ее родов. После того как они вследствие разрастания разделились, осталась естественная тенденция соединить их в более высокую организацию с общими для всех их целями. Одни и те же роды не всегда постоянны в данной фратрии, как это видно из состава фратрий в остальных ирокезских племенах. Переходы отдельных родов из одной фратрии в другую должны были происходить в тех случаях, когда нарушалось равновесие их относительной численности. Важно знать, что эта организация возникла весьма просто и легко управлялась в качестве части социальной системы древнего общества. С разрастанием рода, что сопровождалось территориальным разобщением его членов, происходила сегментация, при чем отделившаяся часть принимала новое родовое имя. Но предание об их прежнем единстве сохранялось и становилось основанием для их реорганизации во фратрию.

Подобным же образом кайюга-ирокезы имеют восемь родов в двух фратриях; но эти роды разделены между ними неравномерно, а именно:

Первая фратрия

Роды: 1. Медведь. 2. Волк. 3. Черепаха. 4. Кулик. 5. Угорь.

Вторая фратрия

Роды: 6. Олень. 7. Бобр. 8. Ястреб.

Семь из этих родов — те же, что и у сенека, но род Цапля исчез, и его место занял Угорь, переведенный, однако, в противоположную фратрию. Роды Бобр и Черепаха также переменили фратрии. Кайюга называют роды одной и той же фратрии братскими родами, а противоположной фратрии — двоюроднобратскими.

Онондага-ирокезы имеют то же число родов, но два из них отличаются своими именами от родов сенека. Они организованы в следующие две фратрии:

Первая фратрия

Роды: 1. Волк. 2. Черепаха. 3. Кулик. 4. Бобр. 5. Мяс.

Вторая фратрия

Роды: 6. Олень. 7. Угорь. 8. Медведь.

Здесь также состав фратрий иной, чем у сенека. Три рода первой фратрии у обоих племен одинаковы, но род Медведь перенесен в противоположную фратрию и оказывается теперь вместе с родом Олень. Разделение родов между фратриями тоже неравномерно, как у кайюга. Роды одной фратрии называются братскими родами, а роды другой фратрии — их двоюроднобратскими родами. Тогда как у онондага нет рода Ястреб, у сенека нет рода Угорь; но члены этих двух родов братаются при встречах, считая, что между ними существует связь.

Мохавки и онейда имеют только три рода: Медведь, Волк и Черепаха, и не имеют фратрий. При образовании конфедераций в различных племенах имелось семь из восьми родов сенека, как это показывают их сахемства, но мохавки и онейда имели тогда только три из названных родов. Это показывает, что они потеряли тогда целую фратрию и один род из оставшейся фратрии, если принять, что начальные племена некогда состояли из одних и тех же родов. Когда племя, организованное в роды и фратрии, разделяется, это может произойти по линии фратриальной организации. Хотя все члены племени вследствие браков и перемешались, однако каждый род во фратрии состоит из женщин с их детьми и потомками по женской линии, образующими ядро фратрии. Они должны были стремиться оставаться вместе и таким образом могли выделиться в отдельную группу. Члены рода — мужчины, женатые на женщинах из других родов и живущие со своими женами, не влияли на состав рода, так как дети их к их роду не принадлежали. Если когда-нибудь будет восстанавливаться точная история индейских племен, то это должно быть сделано по родам и фратриям, которые могут быть прослежены от племени к племени. При таком исследовании заслуживал бы внимания вопрос, распались ли когда-нибудь племена по фратриям. Это по меньшей мере вероятно.

Тускарора-ирокезы еще в отдаленном прошлом отделились от главного ствола и в эпоху их открытия жили в области реки Ньюз в Северной Каролине. Около 1712 г. они были вытеснены из этих мест, после чего переселились в землю ирокезов и были приняты в конфедерацию в качестве шестого ее члена. Они имеют восемь родов, организованных в две фратрии, а именно:

Первая фратрия

Роды: 1. Медведь. 2. Бобр. 3. Большая черепаха. 4. Угорь.

Вторая фратрия

Роды: 5. Серый волк. 6. Желтый волк. 7. Малая черепаха. 8. Кулик.

Они имеют шесть общих родов с кайюга и онондага, пять общих с сенека и три общих с мохавками и онейда. Бывший у них когда-то род Олень вымер в новейшее время. Отметим также, что род Волк разделен теперь на два: Серый и Желтый волк, и род Черепаха также на два: Большая и Малая черепаха. Три рода первой фратрии совпадают с тремя родами первой фратрии сенека и кайюга, с тем исключением, что род Волк раздвоился. Так как между отделением тускарора от своих сородичей и их возвращением прошло несколько сот лет, то мы имеем здесь доказательство прочности существования рода. Как и у других

племен, роды одной фратрии называются братскими родами, а роды другой фратрии двоюроднобратскими.

Из различия в составе фратрий у разных племен, повидимому, следует, что время от времени состав родов во фратриях изменялся, приспосабливаясь к изменившимся условиям. Некоторые роды процветали и разрастались, тогда как другие, вследствие разных невзгод, приходили в упадок, а иные вымирали; таким образом переход родов из одной фратрии в другую оказывался необходимым для того, чтобы сохранить известное равенство числа фраторов в каждой фратрии. Организация фратрии существовала у ирокезов с незапамятных времен. Она, вероятно, старше, чем конфедерация, которая была учреждена свыше четырех столетий тому назад. Различия состава содержащихся во фратрии родов отражают те превратности судьбы, которым каждое племя подвергалось в этот промежуток времени. Во всяком случае они по существу незначительны и показывают постоянство как фратрии, так и рода.

Ирокезские племена имели всего тридцать восемь родов, при чем у четырех из этих племен было всего восемь фратрий.

По своим задачам и деятельности ирокезская фратрия стоит ниже греческой, что и можно было предполагать, хотя наши сведения о функциях последней ограничены, а равно ниже деятельности римской фратрии, опять-таки насколько таковая нам известна. Сравнивая последнюю с первой, мы спускаемся на два этнических периода, в совершенно иное состояние общества. Различие, однако, только в степени прогресса, но не в его характере; ибо у обеих рас мы имеем одно и то же учреждение, происходящее из одного и того же или сходного зародыша и сохранявшееся в течение громадных периодов времени как часть общественной системы. Родовое общество сохранялось по необходимости у греческих и римских племен, пока на смену ему не возникло политическое общество; оно сохранялось у ирокезских племен потому, что их еще отделяли от цивилизации два этнических периода. Таким образом важен каждый факт, относящийся к функциям и деятельности индейской фратрии, ибо он служит иллюстрацией архаического характера учреждения, которое приобрело такое влияние в более развитом состоянии общества.

Фратрия у ирокезов имела частью общественные, частью религиозные цели. Ее функции и порядки всего лучше обнаруживаются на конкретных примерах. Мы начнем с самых простых, с игр, постоянно происходивших во время собраний советов племени и конфедерации. У сенека, например, при игре в мяч фратрии составляют противоположные партии и заключают одна с другой пари об исходе игры. Каждая фратрия выставляет своих лучших игроков, обыкновенно от шести до десяти с каждой стороны, при чем члены каждой фратрии собираются вместе, однако на противоположных сторонах поля, на котором происходит игра. Перед началом игры члены противоположных фратрий ставят в залог предметы своей личной собственности, которые отдаются под охрану особых лиц во избежание конфликтов. Игра ведется с одушевлением и энтузиазмом и представляет собой захватывающее зрелище. Члены каждой фратрии напряженно следят за игрой со своих противоположных пунктов и приветствуют своих игроков при каждом удачном обороте игры¹.

Фратриальная организация проявляла себя различными путями. В совете племени сахемы и вожди обеих фратрий обычно садились по двум сторонам воображаемого огня совета, и ораторы обращались к обеим противоположным группам как представителям фратрий. Формальности подобного рода при деловых отношениях имеют для краснокожего совершенно особую привлекательность.

Далее, если случалось убийство, род убитого обычно собирал совет и, установив факты, принимал меры к отомщению убитого. Род преступника точно так же собирал совет и старался достигнуть примирения или получить прощение

¹ *League of the Iroquois*, p. 294.

со стороны рода убитого; но часто случалось, что род преступника, если убийца и убитый принадлежали к противоположным фратриям, приглашал другие роды своей фратрии общими усилиями добиться прощения. В таком случае фратрия собирала совет и обращалась затем к другой фратрии, к которой отправляла делегацию с поясом из белых раковин, прося устроить собрание фратрии и притти к миролюбивому соглашению. Семье и роду убитого предлагалось удовлетворение в виде выражений сожаления и ценных подарков. Переговоры между обоими советами продолжались до тех пор, пока не приходили к какому-нибудь положительному или отрицательному решению. Влияние фратрии, состоящей из нескольких родов, должно было быть больше, чем одного рода, а благодаря призыву к участию противоположной фратрии вероятность прощения увеличивалась, в особенности если имелись смягчающие обстоятельства. Мы можем видеть отсюда, как естественно греческая фратрия до наступления цивилизации приняла в свое ведение преимущественно, хотя и не исключительно, дела об убийстве, а равно об очищении убийцы, если он не подвергался наказанию; и точно так же, на каком основании, после учреждения политического общества, фратрия взяла на себя обязанность преследования убийцы судом.

Фратрия проявляла себя особо заметным образом при погребении выдающихся членов племени. Фраторы умершего в полном составе исполняли обязанности плакальщиков, а члены противоположной фратрии руководили церемониями. В случае смерти сахема противоположная фратрия, обыкновенно непосредственно после погребения, посылала к центральному огню совета, у онондага, официальный пояс из вампума умершего сахема в качестве извещения о его смерти. Этот пояс хранился до назначения его преемника, когда пояс возлагался на него как отличительный знак его должности. При погребении Прекрасного озера (Gä-ne-o-di'-yo), одного из восьми сахемов сенека (это происходило несколько лет назад), собралось двадцать семь сахемов и вождей и, сверх того, большое число членов обеих фратрий. Обычное обращение к трупу и другие речи перед выносом тела были произнесены членами противоположной фратрии. После окончания речей тело было отнесено к могиле лицами, избранными из той же фратрии, за которыми следовали сперва сахемы и вожди, затем семья и род умершего, далее его собственные фраторы и, наконец, члены противоположной фратрии. После того как тело было опущено в могилу, сахемы и вожди образовали круг, чтобы засыпать могилу землей. Каждый по очереди, начиная со старейшего по возрасту, сбрасывал по три полных лопаты, типическое число их религиозной системы: первая относилась к Великому духу, вторая — к Солнцу и третья — к Матери земле. Когда могила была засыпана, старейший сахем с особой речью возложил «рога» умершего сахема, эмблему его должности, на могильную насыпь над его головой, где они должны были оставаться до избрания его преемника. При этой последней церемонии «рога» брались с могилы умершего правителя и возлагались на голову его преемника¹. Весь этот порядок отчетливо обрисовывает общественные и религиозные функции фратрии и ее естественное место в органической системе древнего общества.

Фратрия имела также непосредственное касательство к избранию сахемов и вождей отдельных родов, обладая правом отрицательного или утвердительного вотума. После того как род умершего сахема избирал его преемника или вождя второй степени, выбор, как уже было указано в другом месте, должен был быть принят и утвержден каждой фратрией. Считалось, что роды той же фратрии должны были утвердить сделанный выбор почти бесспорным образом,

¹ По прокезским верованиям, ушедшая душа совершала десятидневный путь с земли на небо. В течение десяти дней после смерти носившие траур собирались по ночам оплакивать умершего, предаваясь безграничной печали. Погребальные пения или причитания исполнялись женщинами. По древнему обычаю, в течение того же времени каждую ночь на могиле зажигался огонь. На одиннадцатый день устраивалось пиришество: душа умершего достигла неба, места успокоения, и основное для траура больше не было. Этим пиришеством траур оканчивался.

но противоположная фратрия также должна была дать свое согласие, и здесь иногда возникали препятствия. Тогда собирался совет каждой фратрии и высказывался за или против избрания. Если оно принималось обеими фратриями, то считалось окончательным, но при неутверждении его одной из фратрий, оно отменялось и родом производились новые выборы. Когда сделанный родом выбор утверждался фратриями, то все же было необходимо, как уже было указано, чтобы новый сахем или новый вождь был поставлен советом конфедерации, которому одному принадлежало право вводить в должность.

Сенеки в настоящее время не имеют своих Медицинских лож, исчезнувших сравнительно недавно; прежде они существовали и составляли выдающуюся часть их религиозной системы. Поддерживать Медицинскую ложу означало соблюдать их важнейшие религиозные обряды и исполнять наиболее значительные религиозные мистерии. У них были две такие организации, по одной в каждой фратрии, что опять-таки указывает на естественную связь фратрии с религией. Об этих ложах и их церемониях в настоящее время известно очень мало. Каждая из них была братством, в которое новые члены принимались путем формального посвящения.

Фратрия не имела функций управления в точном смысле этого слова; они были сосредоточены в роде, племени и конфедерации; она вмешивалась в их общественные дела с широкими административными полномочиями, но все более и более сосредоточивалась на религиозных делах. В отличие от греческой фратрии и римской *curia*, она не имела официальной главы. Фратрия, как таковая, не имела вождя, равно как и своих религиозных должностных лиц особо от рода и племени. Эта организация у ирокезов находилась в своей рудиментарной архаической форме, но она вошла в жизнь путем естественного и неизбежного развития и стойко держалась, так как удовлетворяла необходимым потребностям. Каждое укоренившееся учреждение человечества оказывается связанным с постоянной потребностью в нем. Существование рода, племени и конфедерации необходимым образом обуславливало и наличие фратрии. Однако нужны были время и дальнейший опыт для того, чтобы обнаружились все цели, которым она могла служить.

Фратрия должна была существовать и у оседлых индейцев Мексики и Центральной Америки, как это можно предположить по общим соображениям, при чем должна была быть более развитой и влиятельной организацией, чем у ирокезов. К несчастью, лишь намеки на такого рода учреждение можно найти в подробных рассказах испанских писателей первого столетия после завоевания. Четыре «колена» тласкаланов, которые занимали четыре квартала пуэбло Тласкала, были, по всей вероятности, именно фратриями. Численности их было достаточно для четырех племен, но поскольку они занимали одно пуэбло и говорили на одном и том же диалекте, фратрия оказалась, очевидно, необходимой. Каждое колено или фратрия, если ее можно так назвать, имела особую военную организацию, особую одежду и знамя и своего верховного военачальника (*teuctli*), бывшего ее главнокомандующим. Они выступали на бой по фратриям. Организация военных сил по фратриям и племенам была неизвестна гомеровским грекам. Так, Нестор советует Агамемнону «разделить войска по фратриям и племенам, чтобы фратрия могла поддерживать фратрию и племя — племя»¹. При господстве родовых учреждений наиболее развитого типа принцип родства стал в значительной мере основной организацией армии. Подобным же образом и ацтеки занимали пуэбло Мексико в виде четырех различных подразделений, при чем люди каждого из этих подразделений были в более близком родстве между собой, чем с людьми других делений. Они представляли собой различные колена, подобно тласкаланам, и, весьма вероятно, составляли четыре отдельно организованных фратрии. Они отличались друг от друга одеждой и знаменами и шли на войну в виде отдельных отрядов. Занятые

¹ Иаида, II, 362.

ими территории назывались четырьмя кварталами Мексико. К этому вопросу мы еще вернемся.

Что касается распространенности этой организации у индейских племен, находящихся на низшей ступени варварства, то этот вопрос был исследован лишь поверхностно. Надо думать, что она существовала у всех главнейших племен, судя по той естественности, с какой она возникает в качестве необходимого члена органического ряда, а равно по тому не относящемуся к области управления назначению, к которому она была приспособлена.

У некоторых племен фратрии отчетливо выступают на фоне их организации. Так, роды чокта соединены в две фратрии, что следует отметить прежде всего для того, чтоб показать отношение родов друг к другу. Первая фратрия называется «Разделившийся народ» и содержит четыре рода. Вторая называется «Возлюбленный народ» и точно так же содержит четыре рода. Это размежевание родов по двум делениям создало две фратрии. Известное знакомство с функциями этих фратрий, конечно, желательно, но и без того факт их существования устанавливается уже наличием самих этих делений. Эволюция конфедерации из пары родов — меньше двух не бывает ни в одном племени — может быть выведена теоретически на основании известных фактов индейского опыта. Таким образом род увеличивается в числе своих членов и делится на два; эти, в свою очередь, разделяются, а со временем вновь соединяются в две или более фратрии. Фратрии же образуют племя, члены которого говорят на одном диалекте. С течением времени это племя распадается путем сегментации на несколько племен, которые в свою очередь соединяются в конфедерацию. Таким образом конфедерация возникает из пары родов через племя и фратрию.

Чиказа организованы в две фратрии, из которых одна содержит четыре, а другая восемь родов, а именно:

I. Фратрия Пантеры

Роды: 1. Дикая кошка. 2. Птица. 3. Рыба. 4. Олень.

II. Испанская фратрия

Роды: 5. Енот. 6. Испанский. 7. Королевский. 8. Hush-ko'-ni. 9. Белка. 10. Аллигатор. 11. Волк. 12. Черный дрозд.

Подробностей о фратриях чокта и чиказа я не могу дать. Лет четырнадцать тому назад о существовании этих организаций мне сообщил доктор Кир Байннгтон и Чарльз К. Колленд, но без указаний относительно их порядков и функций.

Весьма полную иллюстрацию естественного-образования фратрии вследствие подразделения родов представляет организация племени мохеганов. Оно состояло из трех начальных родов: Волка, Черепахи и Индюка.

Каждый из них разделился, и эти подразделения сделались независимыми родами, но удержали имена своих начальных родов в качестве соответственных названий фратрий. Иными словами, подразделения каждого рода реорганизовались во фратрию. Это наглядно показывает естественный процесс, путем которого с течением времени один род распадается на несколько родов, при чем эти последние остаются соединенными во фратрию, что и выражается принятием имени фратрии. Фратрии эти следующие:

I. Фратрия Волка

Роды: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Собака. 4. Опоссум.

II. Фратрия Черепахи

Роды: 5. Маленькая черепаха. 6. Болотная черепаха. 7. Большая черепаха. 8. Желтый угорь.

Фратрия Индюка

Роды: 9. Индюк. 10. Журавль. 11. Цыпленок.

Таким образом ясно, что начальный род, Волк, разделился на четыре рода, Черепаха — также на четыре и Индюк — на три рода. Каждый новый род принял новое имя, а начальный сохранил свое, ставшее по праву старшинства именем фратрии. У племен американских индейцев очень редко встречаются в их внешней организации столь отчетливые примеры сегментации родов с последующим образованием фратрий из их подразделений. Это доказывает также, что фратрия основывается на родстве родов. Как правило, имя начального рода, из которого образовались другие, неизвестно, но в каждом из приведенных примеров оно сохраняется в качестве имени фратрии. Поскольку последняя, подобно греческой фратрии, была организацией скорее общественной и религиозной, чем политической, она оставалась гораздо менее заметной, чем род или племя, игравшие существенную роль в управлении обществом. Из двенадцати афинских фратрий история сохранила нам имя только одной. Фратрии ирокезов не имели никаких имен, а назывались братствами.

У делаваров и мунси имеются три одинаковых рода: Волк, Черепаха и Индюк. У делаваров имеется в каждом племени двенадцать эмбриональных родов, но они, повидимому, представляют собой отдельные колена внутри родов и не получили родовых имен. Они все же указывают на известное движение в этом направлении.

Фратрия точно так же выступает на поверхности родовой организации у глинокитов северо-западного берега. У них имеются две фратрии, а именно:

I. Фратрия Волка

Роды: 1. Медведь. 2. Орел. 3. Дельфин. 4. Акула. 5. Алька.

II. Фратрия Ворона

Роды: 6. Лягушка. 7. Гусь. 8. Морской лев. 9. Сова. 10. Лосось.

Брак в пределах фратрии воспрещен, что уже само по себе показывает, что роды каждой фратрии произошли от одного начального рода¹. Напротив того, члены каждого рода фратрии Волка могли вступать в брак в любом роде противоположной фратрии и наоборот.

Приведенные факты устанавливают существование фратрии у различных лингвистических стволов американских туземцев. Наличие ее у названных племен позволяет предположить ее всеобщее господство среди ганованской семьи. У оседлых индейцев, у которых численность рода и племени была больше, фратрия естественно должна была иметь большее значение и, следовательно, быть более развитой. Как учреждение она сохраняла свою архаическую форму, но обрела уже существенными элементами греческой и римской фратрии. Мы можем теперь утверждать, что весь органический ряд древнего общества, а именно: род, фратрия, племя и конфедерация племен, существует в полной жизненной силе на американском континенте. Дальнейшие данные установят универсальное распространение родовой организации на всех континентах.

Если будущие исследователи займутся специально функциями фратриальной организации американских туземцев, то приобретенные сведения объяснят многие до сих пор не вполне понятные особенности индейской жизни и быта и прольют более яркий свет на их порядки и обычаи, равно как образ жизни и общественный строй.

¹ Bancroft's Native Races of the Pacific States, I. 109.

Глава четвертая

ИРОКЕЗСКОЕ ПЛЕМЯ

Племя как организация. — Оно состоит из родов, говорящих на одном диалекте. — Территориальное разъединение вело к образованию различий в языке и к сегментации. — Племя — естественное образование. — Иллюстрации. — Атрибуты племени. — Территория и название. — Особый диалект. — Право назначать и смещать сахемов и вождей. — Верования и культ. — Совет вождей. — В некоторых случаях — верховный вождь племени. — Три последовательные формы родового управления: первая — правление одной власти; вторая — двух властей; третья — трех властей.

Трудно охарактеризовать индейское племя на основании его положительных составных элементов. Тем не менее оно ясно очерчено и представляет собой конечную организацию большинства американских туземцев. Большое число независимых племен, на которые они распались путем естественного процесса сегментации, является характерной чертой условий их существования. Каждое племя имело свое название, особый диалект, свое высшее управление и обладало отдельной территорией, которую оно занимало и защищало как свою собственную. Племен было столько, сколько и диалектов, так как разделение становилось полным только тогда, когда появлялись диалектологические различия. Таким образом индейские племена представляют собой естественные образования путем разделения одного и того же народа на занятой ими территории, в результате чего возникли различия языка, сегментация и независимость каждого племени.

Мы видели, что фратрия была не столько органом управления, сколько общественной организацией, тогда как род, племя и конфедерация были необходимыми и логическими стадиями прогресса в развитии идеи управления. Конфедерация не могла существовать в родовом строе без племен как своего основания, равным образом племена не могли существовать без родов, хотя они могли существовать без фратрий. В этой главе я попытаюсь показать, каким образом возникли эти многочисленные племена, — предположительно, от одного начального ствола, — причины, вызвавшие их непрерывную сегментацию, и, наконец, главные атрибуты, отличавшие индейское племя как организацию.

Исключительное обладание определенным диалектом и территорией дало повод для применения термина *нация* ко многим индейским племенам, не взирая на немногочисленность каждого из них. Однако термины *племя* и *нация* никоим образом не тождественны. *Нация* при родовых учреждениях возникает лишь после того, как несколько племен, объединенных одним управлением, сольются в один народ, как слились четыре афинских племени в Аттике, три дорических племени в Спарте и три латинских и сабинских племени в Риме. Федерация предполагает наличие независимых племен на отдельных территориях; слияние же представляет собой более высокий процесс, происходящий на одной и той же территории, хотя бы тенденция к локальному разделению по родам и племенам продолжала существовать. Конфедерация является ближайшим подобием *нации*, однако не тождествена ей. Где существует родовая организация, там органический ряд дает все термины, необходимые для точного ее описания.

Индейское племя состоит из нескольких родов, развившихся из двух или более начальных родов, все члены которых перемешались путем брака и говорят на одном и том же диалекте. Посторонний глаз видит племя, но не род. Среди американских туземцев имеются крайне редкие случаи, когда племя объединяет народы, говорящие на различных диалектах. Если такие случаи встречаются, то они являются результатом соединения более слабого с более сильным племенем, говорящим на родственном диалекте, например, соединение миссури с ото после покорения первых. Тот факт, что большинство туземцев

было разделено на независимые племена, иллюстрирует медленность и трудность развития идеи управления при родовых учреждениях. Только незначительная часть их достигла высшей из известных у них стадий развития, а именно конфедерации племен, говорящих на диалектах одного и того же основного языка. Случая слияния племен в нацию в Америке не произошло нигде.

Постоянная тенденция к разделению, бывшая таким препятствием к прогрессу у диких и варварских племен, коренилась в элементах родовой организации. Она усиливалась дальнейшей тенденцией к образованию различий в языке, неизбежной в условиях их общественного состояния и обширности занятых ими территорий. Устная речь, замечательно устойчивая в своем словесном составе и еще более устойчивая в своих грамматических формах, не может все-таки оставаться неизменной. За территориальным разобщением народа следовало с течением времени изменение языка, а это, в свою очередь, вело к разделению интересов и в конечном счете к полной самостоятельности. Это не было делом короткого периода времени, а ряда столетий, складывавшихся в тысячелетия. Образование множества диалектов и основных языков в Северной и Южной Америке, происшедших, вероятно, за исключением эскимосского, от одного первоначального языка, потребовало времени, измеряемого тремя этническими периодами.

Новые племена, равно как и новые роды, образовывались постоянно путем естественного роста, при чем этот процесс значительно ускорялся большим протяжением американского континента. Процесс этот был весьма прост. Сначала происходил постепенный отлив людей из какого-нибудь перенаселенного географического центра, обладавшего большим запасом средств существования. Поскольку это продолжалось из года в год, в некотором отдалении от первоначального местопребывания племени вырастало значительное население. С течением времени интересы и чувства эмигрантов должны были обособиться, и наконец возникало также различие в языке. За этим следовало разобщение и независимость, хотя территории их и граничили между собой. Так создавалось новое племя. Это — краткое изображение того процесса, путем которого образовались племена американских туземцев, представляющегося вместе с тем процессом всеобщим. Он повторялся из века в век во вновь занятых, равно как и в старых областях, и должен считаться столь же естественным, как и неизбежным результатом родовой организации, а вместе с тем и потребностей соответствующего состояния. Когда увеличение населения сокращало средства существования, избыточная часть уходила на новое место, где она легко обосновывалась благодаря совершенному управлению каждого рода, равно как и любого числа родов, соединявшихся в союз. У оседлых индейцев то же самое происходило несколько иным образом. Когда деревня оказывалась перенаселенной, колония уходила вверх или вниз по течению той же реки и основывала новое селение. Так как это повторялось время от времени, то возникало несколько таких селений, из которых каждое было независимо от другого и представляло собой самоуправляющееся общество, связанное, однако, с другими в лигу или конфедерацию в целях взаимной защиты. Наконец, должны были возникнуть диалектологические различия, и таким образом совершалось их развитие в отдельные племена.

Путь, по которому племена развивались одно из другого, может быть показан на непосредственных примерах. Факт разделения устанавливается частью на основании преданий, частью из того, что в каждом племени имеется известное число одинаковых родов, и, наконец, частью из родства их диалектов. Племена, образовавшиеся путем разделения первоначального племени, должны были иметь известное число общих родов и говорить на диалектах одного и того же языка. По прошествии нескольких столетий после разделения они все еще должны были иметь несколько одинаковых родов. Так, гуруны, ныне виандоты, имеют шесть родов, носящих те же имена, что шесть родов сенека-ироке-

зов спустя по меньшей мере четыреста лет после их разделения. У потаваттами имеется восемь родов одноименных с восемью родами оджибве; при этом, первые имеют пять, а последние четырнадцать родов с различными именами; это показывает, что в каждом племени со времени их разделения возникали путем сегментации новые роды. У еще более древнего отпрыска оджибве или общего для обоих прародительского племени миами есть только три рода общих с первым, а именно: Волк, Гагара и Орел. Вся социальная история племен ганованской семьи целиком заключена в жизни и росте родов. Если исследование когда-нибудь будет направлено по этому пути, то сами роды явятся надежными путеводителями при изучении порядка разделения племен, принадлежащих к одному основному стволу, а возможно, к большим основным стволам туземцев.

Следующие примеры относятся к племенам, находящимся на низшей ступени варварства. В эпоху их открытия восемь племен миссури занимали берега реки Миссури на протяжении более тысячи миль, вместе с берегами ее притоков, Канзаса и Платы, а равно меньших рек Иовы. Они занимали также западный берег Миссисипи вплоть до Арканзаса. Их диалекты показывают, что до последнего разделения они состояли из трех племен, а именно: во-первых, пунка и омаха, во-вторых, иова, ото и миссури, и в-третьих, кау, оседж и кваппа. Эти три племени были, несомненно, подразделениями одного начального племени, так как их диалекты еще и теперь гораздо ближе друг к другу, чем к какому-либо другому диалекту основного языка дакота, к которому они принадлежат. Налицо таким образом лингвистическое подтверждение их общего происхождения от одного начального племени. Постепенное распространение из одного пункта на этой реке вдоль ее берегов, как вниз, так и вверх по течению, должно было, с увеличением расстояния между их поселениями, повести к расхождению интересов, различиям в языке и, наконец, к независимости. Народ, распространявшийся таким образом по степной местности вдоль берегов реки, мог распаться сперва на три, а затем на восемь племен, при чем организация каждого подразделения могла оставаться совершенно законченной. Такое разделение не представляло собой потрясения и не считалось бедствием, а было разъединением, обусловленным естественным распространением по обширной территории, за чем последовала полная сегментация. Самым северным племенем по Миссури были пунка, обитавшие у устья реки Ниобрара, а самым южным — кваппа, обитавшие при впадении Арканзаса в Миссисипи, при чем их разделяло около полуторы тысячи миль. Область, лежавшая между ними, ограниченная узким поясом лесов вдоль Миссури, была занята остальными шестью племенами. Это были чисто приречные племена.

Другой пример дают племена Верхнего озера. Оджибве, отава¹ и потаваттами являются подразделениями одного начального племени, при чем оджибве представляют основной ствол, так как они остались на первоначальном месте, у больших рыбных ловель, на рукаве озера. Более того, они титулуются остальными двумя племенами «старшим братом», тогда как отава называется «средним братом», а потаваттами — «младшим братом». Племя потаваттами отделилось первым, а отава — последним, как это видно из относительного объема диалектологических различий, наиболее сильно выраженных у потаваттами. В эпоху их открытия, в 1641 г., оджибве жили у порогов, на рукаве Верхнего озера, откуда распространились по южному берегу этого озера до местности Онтонгон, вдоль ее северо-восточной границы, а также вдоль реки Сен-Мари, по направлению к озеру Гурон. Их местоположение было замечательно благоприятно для добывания рыбы и дичи, составлявших, поскольку они не возделывали маиса и овощей, их главную пищу². В этом отношении не может

¹ O-tá'-wass.

² Оджибве, как они теперь утверждают, изготовляли в прежние времена глиняные трубки кувшины для воды и другую посуду. Гончарные изделия, которые одновременно раскапывались в Сольт Сен-Мари, они признают за работу своих предков.

сравниться никакая местность в Северной Америке, за единственным исключением долины Колумбии. При таких преимуществах они беспрепятственно могли развиваться в сильную индейскую народность и высылать одну за другою орды переселенцев, которые становились независимыми племенами. Потаваттами занимали область на границах между Верхним Мичиганом и Висконсин, откуда в 1641 г. их пытались вытеснить дакота. В то же самое время отава, первоначально обитавшие, вероятно, на реке Отава в Канаде, двинулись на запад и поселились затем у залива Георгия, на островах Манитулайн и близ Макинау, откуда они распространились к югу по нижнему Мичигану. Составляя первоначально один народ с одними и теми же родами, они сумели занять большую территорию. Разобщение и отдаленность одного от другого их поселений повели задолго до их открытия к образованию диалектов и к независимости племен. Три племени, территории которых соприкасались, основали союз для взаимной защиты, известный у американцев под названием «Отавской конфедерации». Это был, вероятно, наступательный и оборонительный союз, а не настоящая конфедерация, подобная ирокезской.

Еще до этих разделений другое родственное племя, миами, отделилось от оджибве или общего материнского племени и переселилось в средний Иллинойс и Западную Индиану. По пути этих миграций последовали иллинойсы, другой и более молодой отпрыск того же ствола, позднее разделившиеся на пеори, каскаски, уйв и пианкешау. Их диалекты, точно так же как и миами, находятся в наиболее близком родстве с диалектом оджибве и далее — с диалектом кри¹. Выселение всех этих племен из начального центра их обитания у крупных рыбных ловель на Верхнем озере представляет собой знаменательный факт, иллюстрирующий, каким образом племена возникают в связи с естественными центрами источников средств существования. Алгонкины Новой Англии, Делавара, Мериленда, Виргинии и Каролины, по всей вероятности, произошли из того же источника. Потребовался ряд столетий для образования всех вышеперечисленных диалектов и возникновения тех различий, которые они теперь обнаруживают.

Предыдущие примеры показывают тот естественный процесс, путем которого происходило развитие одних племен из других или из одного материнского племени, занимавшего благоприятное положение. Каждая выселявшаяся орда представляла собой, если можно так выразиться, род военной колонии, эмигрировавшей в поисках новой территории, но поддерживавшей первоначально и по возможности долго связь с материнским племенем. Стремясь путем таких последовательных переселений расширить свои соединенные владения, они затем отражали вторжения чужих народов в занятую ими область. Обращает на себя внимание тот факт, что индейские племена, говорящие на диалектах одного основного языка, обыкновенно занимают пограничные области, как бы ни была обширна их общая территория. То же самое в общем относится и ко всем человеческим племенам, связанным между собою лингвистически. Это происходит потому, что люди, распространяясь из какого-нибудь географического центра и ведя тяжелую борьбу за существование и за обладание своей новой территорией, поддерживали связь с родиной, чтобы иметь защиту во время опасности и убежище в несчастье.

Требовались исключительно благоприятные условия в смысле источников средств существования, чтобы какая бы то ни было область сделалась исходным пунктом расселения постепенно накапливавшегося избытка народонаселения. Таких естественных центров было не много в Северной Америке, а именно — только три. Из них на первом месте стоит долина Колумбии, одна из самых замечательных стран на земле по разнообразию и обилию средств существования,

---

¹ Диалекты потаваттами и кри обнаруживают почти одинаковые отклонения. Весьма вероятно, что оджибве, отава и кри говорили на одном диалекте после того, как от них отделились потаваттами.

даже еще до возделывания маиса и овощей¹; во-вторых, полуостров между озерами Верхним, Гуроном и Мичиганом, местность, занятая оджибве, и колыбель многих индейских племен; и в-третьих, страна озер в Миннесоте, родина современных племен дакота. Это — единственные области Северной Америки, которые могут быть названы естественными центрами источников средств существования и естественными источниками образования избыточного населения. Есть основание думать, что Миннесота была частью страны алгонкинов, прежде чем она была занята дакота. Когда появилось возделывание маиса и овощей, оно локализовало и поддерживало население на меньших территориях, содействуя вместе с тем его росту; но оно не смогло дать господство над континентом наиболее развитым племенам оседлых индейцев, существование которых основывалось почти исключительно на земледелии. Огородничество распространилось среди наиболее значительных племен, находившихся на низшей ступени варварства, и существенно улучшило их положение. В эпоху открытия Северной Америки они вместе с племенами, не знавшими огородничества, занимали обширнейшие пространства и постепенно заселяли весь континент².

Размножение племен и диалектов было обильным источником постоянных междоусобных войн туземцев. Как правило, наиболее ожесточенная борьба велась между племенами, говорившими на разных языках, например, между ирокезскими и алгонкинскими племенами, а также между ирокезами и дакота. Напротив, племена алгонкинов и дакота жили обычно в мире. Если бы дело обстояло иначе, они не занимали бы смежных областей. Самым худшим исключением были ирокезы, которые вели войну до полного истребления против родственных им племен эри, нейтральной нации, гуронов и сускеханнок. Племена, говорящие на диалектах одного и того же основного языка, могут вступать между собой в устные переговоры и таким образом улаживать свои споры. Они привыкли также, в силу их общего происхождения, полагаться друг на друга как на естественных союзников.

Число жителей определенной области было ограничено объемом доставляемых ею средств существования. Когда рыба и дичь составляли основную пищу, требовались громадные пространства для прокормления небольшого племени. После того как к рыбе и дичи прибавилась мучная пища, область, которую за-

¹ Представляя собой соединение леса и степи, эта страна была необыкновенно богата дичью. Род хлебного корня, камаш, рос в большом количестве в степях. Летом всегда было изобилие ягод. В этом отношении, однако, эта страна не имела преимуществ перед другими областями. Что особо отличало ее от всех других, это — неисчерпаемый запас лососей в Колумбии и других реках побережья. Лососи кишели в этих реках миллионами и в известное время года ловились легко и в величайшем изобилии. Разрезанные в длину и высушенные на солнце, они укладывались и развозились по селениям, служа главной пищей в течение большей части года. Кроме того, на берегу производилась ловля раковин, дававших большое количество пищи в зимние месяцы. Помимо всех этих благоприятных условий, климат страны был мягкий и ровный в течение всего года, подобный климату Тенесси и Виргинии. Это был рай для племен, не знавших еще хлебных растений.

² Можно считать весьма вероятным, что долина Колумбии была колыбелью ганованской семьи и что отсюда в прошедшие века шел непрерывный поток мигрирующих орд, пока не были заняты обе части материка. Далее, можно утверждать, что эти обе части продолжали заселяться из того же источника вплоть до эпохи открытия Америки европейцами. Это можно вывести из физических причин, сравнительных условий существования и лингвистического родства индейских племен. Обширные степи, которые тянутся непрерывно на расстоянии свыше тысячи пятисот миль с севера к югу и более чем на тысячу миль с востока на запад, составляли большое препятствие для сношений между тихоокеанской и атлантической частями северо-американского континента. Весьма вероятно поэтому, что первоначальная семья, выйдя из долины Колумбии и продолжая миграцию под влиянием физических причин, могла достичь Патагонии раньше, чем Флориды. Все известные факты так настоятельно указывают на эту страну как на первоначальную родину индейской семьи, что даже незначительное количество новых доказательств сделает данную гипотезу вполне убедительной.

Открытие и возделывание маиса существенно не изменило хода событий и не устранило влияния ранее действующих причин; все же оно сделалось важным фактором увеличения средств существования. Происхождение этого американского злака неизвестно, но, по общему мнению,

нимало племя, все еще оставалась большой сравнительно с числом жителей, Нью-Йорк, при его сорока семи тысячах квадратных миль, никогда не населяло больше двадцати пяти тысяч индейцев, считая в том числе ирокезов, алгонкинов на восточном берегу Гудсона и на Лонг Айленде, а равно эри и нейтральную нацию в западной части штата. Управление, основанное на родах, было не в состоянии развить такую централизованную власть, которая могла бы следовать за возрастающим населением и управлять им, если бы отдельные части его не оставались вблизи друг друга.

Среди оседлых индейцев Новой Мексики, Мексики и Центральной Америки увеличение населения на небольшой территории не останавливало процесса дезинтеграции. Каждое пуэбло обычно представляло собой независимую самоуправляющуюся общину. Где несколько пуэбло были расположены близко одно от другого на одной реке, там население было обыкновенно одного происхождения и входило в состав либо племенной, либо союзной организации. В одной Новой Мексике имеется примерно семь основных языков, при чем каждый из них распадается на несколько диалектов. Экспедиция Коронадо (1540—1542 гг.) нашла множество небольших селений. Их было по семь в Сибола, Тукайян, Кивира и Хемец и двенадцать в Тиге¹; имелись еще и другие группы селений, обнаружившие лингвистическое родство. Составляла ли каждая группа конфедерацию, мы не имеем сведений. Семь пуэбло Моки (селения Тукайян экспедиции Коронадо), говорят, образуют в настоящее время конфедерацию, которая, вероятно, существовала уже в эпоху их открытия.

Иллюстрированный приведенными примерами процесс расчленения совершался у американских туземцев тысячелетиями, пока в одной Северной Америке не развилось, насколько известно, около сорока основных языков; каждый из них распадался на диалекты, на которых говорили отдельные племена. Их опыт представляет собой, вероятно, только повторение такого же опыта племен Азии, Европы и Африки в соответствующих состояниях.

Из предшествующих замечаний ясно, что племя американских индейцев представляет собой весьма простую и скромную организацию. Достаточно было лишь нескольких сотен, а самое большее нескольких тысяч людей, чтобы образовать племя, занимающее почетное положение в ганованской семье.

вероятной родиной маиса принято считать тропическую область Центральной Америки, где вегетация протекает чрезвычайно интенсивно, где это растение дает особо высокий урожай и где находилось древнейшее обиталище оседлых индейцев. Если возделывание маиса началось в Центральной Америке то оно распространилось сначала по Мексике, оттуда по Новой Мексике и долине Миссисипи, а затем на восток к берегам Атлантического океана, при чем значение этой культуры уменьшалось по мере удаления от ее исходного пункта к ее предельным границам. Распространение этой культуры могло происходить независимо от оседлых индейцев вследствие стремления более варварских племен приобрести новые средства существования; но она никогда не проникала за пределы Новой Мексики в долину Колумбии, хотя обработкой земли занимались минитари и манданы Верхнего Миссури; шенены на Красной реке на севере, гуроны с озера Симко в Канаде, абнаки в Квинбеке, ровно как и вообще все племена между Миссисипи и Атлантическим океаном. Выселявшиеся из долины Колумбии орды, идя по следам своих предшественников, должны были теснить оседлых индейцев Новой Мексики и Мексики, заставляя снывшие с места и раздробленные племена уходить через перешеек в Южную Америку. Вытесненные таким образом орды могли принести с собой первые зародыши прогресса развитого оседлыми индейцами. Повторяясь время от времени, этот процесс должен был дать Южной Америке население, стоявшее значительно выше диких орд, переселившихся раньше, за счет соответственно обедневшей северной части Америки. В конечном счете Южная Америка, даже в своих менее благоприятных частях, должна была достичь того высокого развития, к которому она, повидимому, пришла в действительности. Перуанская легенда о Манко Капак и Мама Оело, детях солнца, брате и сестре, муже и жене, показывает, если ее можно вообще принять за доказательство, что орда оседлых индейцев, пришедших издалека, хотя и не обязательно прямо из Северной Америки, соединилась с диким племенем Андов и научила их более высоким производствам, в том числе и возделыванию маиса и овощей. Простым и совершенно естественным образом легенда отбросила орду и сохранила только предводителя и его жену.

¹ Coll. Teton-Compañ, IX, pp. 181—183.

Остается изложить функции и атрибуты индейского племени, а именно:

- I. Обладание территорией и именем.
- II. Обладание особым диалектом.
- III. Право вводить в должность избранных родами сахемов и вождей.
- IV. Право смещать этих сахемов и вождей.
- V. Религиозные верования и культ.
- VI. Высший управляющий орган — совет вождей.
- VII. В некоторых случаях — верховный вождь племени.

Достаточно будет дать краткую характеристику каждого из этих атрибутов племени.

I. Обладание территорией и именем

Территория племени состояла из фактически заселенной им местности, а равно окружающего района, в котором племя охотилось и занималось рыбной ловлей и который оно было в состоянии охранять от захвата других племен. Вокруг этой территории лежала широкая полоса нейтральной, никому не принадлежащей земли, отделявшей их от ближайших соседей, если те говорили на другом языке, и менее определенно ограниченная полоса, если эти племена говорили на диалектах одного и того же языка. Вся эта не имеющая точно определенных границ область, независимо от ее величины, составляла владение племени, признавалась таковой другими племенами и охранялась самими владельцами.

С течением времени племя получало особое имя, которое, судя по тому, что оно обычно собой представляет, было скорее случайным, чем сознательно выбранным. Так, сенека называли себя «Великий народ холмов» (Nun-da'-wā-o-no), тускарора — «Народ, носящий рубахи» (Dus-ga'-o-weh-o-no), сиссетоны — «Селение на болоте» (Sis-se'-to-wān), огалалла — «Меняющие лагерь» (O-ga-lal'-lā), омаха — «Народ живущий по верхнему течению» (O-mā'-hā), иова — «Пыльные носы» (Pa-ho'-cha), миннитари — «Народ издалека» (E-nāt'-zā), чироки — «Великий народ» (Tsā-lo'-kee), шауни — «Южане» (Sā-wan-wā-kee'), мохеган — «Народ морского берега» (Mo-he-kun-e-uk), индейцы Невольничьего озера — «Народ низменностей» (A-cha'-o-tin-ne). Из оседлых индейцев Мексики сочмилки называли себя «Нация цветочных семян», чалка — «Народ устья», тлапанеки — «Народ моста», тецкуки или кулхуа — «Кривой народ», тласкала — «Люди хлеба»¹. Когда в северной части Америки началась европейская колонизация, то имя того или иного индейского племени узнавали обыкновенно не непосредственно от него самого, а от других племен, которые давали ему имя иное, чем его действительное имя. В результате значительное число племен стало известно под именами, которых они сами не признают.

II. Обладание особым диалектом

Племя и диалект неразрывно связаны; существуют однако исключения, обусловленные особыми обстоятельствами. Так, двенадцать орд дакота представляют собой теперь особые племена, имеющие различные интересы и организации; но они были принуждены разделиться прежде времени вследствие продвижения в их первоначальную область американцев, вытеснивших их на равнины. До того они оставались так тесно связанными, что только по Миссури начал образовываться один новый диалект, Teeton, тогда как Jsauntie на Миссисипи оставалось основным языком. Еще несколько лет назад чироков насчитывалось двадцать шесть тысяч, самое большое число индейцев говорящих на

¹ Acosta. The Natural and Moral History of the East and West Indies, Lond. ed., 1694, Grimstone's Trans., pp. 100—503.

одном диалекте в пределах Соединенных Штатов. Но в горных областях Георгии образовалось уже небольшое различие в языке, однако не настолько значительное, чтобы его можно было считать диалектом. Имеется несколько других подобных же случаев, но они не опровергают общего правила, по которому во время туземного периода границы племени и диалекта всегда совпадали. Оджибве, до сих пор еще преимущественно не занимающиеся огородничеством, насчитывают сейчас около пятнадцати тысяч человек, говорящих на одном диалекте, а племена дакота, вместе взятые, насчитывающие около двадцати пяти тысяч душ, говорят, как было упомянуто, на двух родственных диалектах. Эти племена особенно многочисленны. Численность отдельных племен Соединенных Штатов и Британской Америки составляет в среднем менее двух тысяч человек.

III. Право вводить в должность избранных родами сахемов и вождей

У ирокезов лицо, избранное вождем, не могло вступить в свою должность без утверждения советом вождей. Поскольку вожди родов составляли совет племени, ведавший общими интересами, было естественно, что за советом оставалось право вводить избранных в их должность. Но с возникновением конфедерации право «поднимать» сахемов и вождей перешло от совета племени к конфедерации. Что касается вообще племен, то доступные нам сведения недостаточны для выяснения их обычаев, относящихся к порядку введения в должность. Это один из многих вопросов, требующих дальнейших исследований, необходимых для полного объяснения общественной системы индейских племен. Должности сахема и вождя у всех племен, живущих к северу от Мексики, были выборными, при чем имеются достаточные доказательства, не оставляющие сомнения в том, что этот порядок был столь же универсально распространен в других частях континента.

У делаваров каждый род имел одного сахема (*Sā-ke'-mā*), должность которого была наследственна в роде; кроме того, в каждом роде было два обыкновенных и два военных вождя, — итого пятнадцать в трех родах, — составлявших совет племени. У оджибве члены одного какого-нибудь рода обычно преобладали в каждом селении. Каждый род имел сахема, должность которого была наследственной в роде, и несколько обыкновенных вождей. Всюду, где в одной местности жило большое число людей одного рода, можно было встретить подобную же организацию. Число вождей не было определенным образом ограничено. Несомненно, у различных индейских племен существовало известное количество еще не собранных обычаев, касающихся выбора и введения в должность сахемов и вождей. Изучение их было бы весьма ценно. Описание ирокезского порядка «поднимания» сахемов и вождей будет дано в следующей главе.

IV. Право смещать сахемов и вождей

Это право сохранялось первоначально за тем родом, к которому принадлежали сахем и вождь. Но совет племени обладал той же властью и мог действовать независимо от рода и даже против его желания. В периоде дикости и на низшей, а равно и на средней ступенях варварства должность предоставлялась пожизненно или на срок, обусловленный хорошим поведением. Человечество еще не научилось тогда ограничивать выборную должность известным числом лет. Поэтому право смещения с должности имело особо существенное значение для поддержания принципа самоуправления. Это право давало прочную защиту суверенитету рода, а равно и племени, суверенитету, смутно сознаваемому, но вполне реальному.

V. Религиозные верования и культ

Как и все варвары, американские индейцы были религиозным народом. Племена обычно устраивали приуроченные к определенному времени года

религиозные празднества, сопровождавшиеся культовыми процедурами, танцами и играми. У многих племен центром этих процедур была Медицинская ложа. Об устройстве Медицинской ложи возвещалось за недели и месяцы вперед, чтобы возбудить всеобщий интерес к ее церемонии. Религиозная система туземцев составляет, в свою очередь, предмет, изученный до сих пор лишь частично. Она сулит будущему исследователю богатый материал. Развитие у этих племен религиозных верований и форм культа составляет часть опыта всего человечества, и относящиеся сюда данные займут выдающееся место в сравнительном изучении религии.

Религиозная система индейцев была более или менее неустановившейся и неопределенной и вместе с тем исполнена грубых суеверий. У главнейших племен прослеживается почитание стихий, у более развитых племен обнаруживается тенденция к политеизму. Ирокезы, например, признавали великого духа и злого духа вместе со множеством низших духов, бессмертие души и будущую жизнь. Их представление о великом духе приписывало ему человеческий облик; то же самое относится к злому духу (He'-no), духу грома (Gâ'-oh), духу ветров и «трем сестрам»: духу маиса, духу боба и духу тыквы. Последние, вместе взятые, назывались также «наша жизнь» или «наши кормилицы». Кроме того, имелись духи различных видов деревьев и растений, а также текучих вод. О природе и атрибутах этих многочисленных духов имелись лишь слабые представления. Племенами, стоявшими на низшей ступени варварства, поклонение идолам было неизвестно¹. У ацтеков были личные боги с представляющими их идолами, а равно храмовый культ. Если бы подробности их религиозной системы были в точности известны, ее происхождение из общих верований индейских племен было бы, вероятно, совершенно ясно.

Танцы у американских туземцев были формой культа и составляли часть церемоний при всех религиозных празднествах. Ни в одной части света танцы у варваров не получили такого специфического развития. У каждого племени было от десяти до тридцати видов танцев, каждый с особым названием, особыми песнями, музыкальными инструментами, па, фигурами и костюмами участников. Некоторые, например, военный танец, были общими у всех племен. Особые танцы составляли специальную собственность или рода или организованного для этой цели общества, в которое время от времени посвящались новые члены. Танцы дакота, кри, оджибве, ирокезов и индейцев-пуэбло в Новой Мексике однородны по общему их характеру, па, фигурам и музыке; то же самое относится к танцам ацтеков, насколько они известны. Они представляют собой одну и ту же систему, свойственную всем индейским племенам, и имеют прямое отношение к их системе верований и культа.

VI. Высшее управление в лице совета вождей

Совет имел естественную основу в родах, из вождей которых он состоял. Он отвечал необходимой потребности и должен был существовать до тех пор, пока существовало родовое общество. Как род был представлен своими вождями, так племя было представлено советом, состоявшим из вождей родов. Он был прочной частью социальной системы и обладал наивысшей властью в племени. Собираясь по поводу известных всем обстоятельств, проводясь среди народа и будучи доступным его ораторам, он находился под непосредственным влиянием народа. Будучи олигархическим по форме, их правление было представительной демократией; их представители избирались пожизненно, но могли всегда быть смещены. Братство всех членов рода и выборный принцип в отношении должностей были зародышем и основой демократического принципа.

¹ В самом конце прошедшего столетия сенека-ирокезы соорудили в одном из своих селений на реке Аллегани деревянного идола и совершали вокруг него танцы и другие религиозные церемонии. Мой информатор, покойный Вильям Паркер, видел этого идола уже в реке, куда он был сброшен. Кого он олицетворял, он не мог узнать.

Недостаточно развитая, как и другие великие принципы на этой ранней ступени развития, демократия все же может похвалиться своим весьма древним происхождением.

Задачей совета было блюсти и охранять общие интересы племени. Благополучие и самое существование племени зависели от ума и храбрости народа, а равно от мудрости и дальновидности совета. В связи с непрерывными войнами с другими племенами возникали такие вопросы и положения, которые требовали применения всех этих свойств. Поэтому народный элемент неизбежно должен был иметь доминирующее влияние. По общему правилу, совет был открыт для каждого частного лица, пожелавшего высказаться на нем по поводу общественного дела. Даже женщины имели право выражать свои желания и мнения через избираемых ими самими ораторов. Но решение выносилось советом. Единогласие было основным законом его деятельности у ирокезов; был ли этот порядок общим правилом, я не могу утверждать.

Военные операции были предоставлены добровольной инициативе. Теоретически каждое племя находилось в состоянии постоянной войны со всеми племенами, с которыми оно не заключило мирного договора. Каждому предоставлялась свобода организовать военный отряд и предпринять поход, куда ему было угодно. Он объявлял о своем намерении тем, что устраивал военный танец и приглашал добровольцев. Это было вместе с тем практическим способом узнать, насколько популярно его предприятие. Если ему удавалось образовать отряд, состоявший из лиц, присоединившихся к нему во время танца, то они немедленно отправлялись в путь, пока энтузиазм был еще в разгаре. Когда племени угрожало нападение, военные отряды для его отражения формировались почти таким же порядком. Когда мобилизованные таким образом силы соединялись вместе, то каждый отряд находился под командой своего предводителя, а их соединенные действия руководились советом этих предводителей. Если среди них находился известный своими подвигами военный вождь, он естественно становился их верховным вождем.

Эти данные относятся к племенам, находящимся на низшей ступени варварства. Ацтеки и тласкала выступали на войну по фратриям, каждое деление, отличающееся особой одеждой и знаменем, под командой своего предводителя.

Индийские племена и даже конфедерации племен были все же слабыми организациями для ведения военных действий. Ирокезы и ацтеки особо отличались своим искусством нападения. Племена, стоявшие на низшей ступени варварства, в том числе ирокезы, производили страшные опустошения незначительными военными отрядами, которые постоянно составлялись и предпринимали походы в отдаленные местности. Их провиант состоял из маисовой муки, смолотой из поджаренных зерен, которую каждый воин нес в мешке, прикрепленном к поясу, и, кроме того, из рыбы и дичи, которую удавалось добыть по пути. Выступление этих военных отрядов и их публичные встречи по возвращении были выдающимися событиями индийской жизни. Санкции совета на такие экспедиции не спрашивалось, да она и не считалась необходимой.

Совет племени имел право объявлять войну и заключать мир, посылать и принимать посольства и заключать союзы. Он имел все права, необходимые при таком простом и ограниченном по кругу своего ведения управлении. Сношения между независимыми племенами велись через посольства, состоявшие из мудрых людей и вождей. Когда племя ожидало прибытия такого посольства, то для его встречи и обсуждения соответствующего дела созывался совет.

VII. В некоторых случаях — верховный вождь племени

У некоторых индийских племен один из сахемов считался верховным вождем племени и по рангу стоял выше своих товарищей. Потребность в официальном главе племени, который был бы его представителем в промежутках между собраниями совета, в известной мере существовала, но обязанности и права

этой должности были незначительны. Хотя совет и обладал высшей властью, он собирался редко, и всегда могли возникнуть вопросы, требующие предварительных действий со стороны лица, уполномоченного быть представителем племени, с последующим утверждением этих действий советом. Это было единственным, насколько известно автору, основанием для должности верховного вождя. Она существовала у некоторых племен, но была облечена такими незначительными полномочиями, что не соответствует представлению об исполнительной власти. В рассказах некоторых писателей раннего времени эти верховные вожди были названы королями, что представляет собой просто карикатуру. Индейские племена не достигли такой степени развития общественного строя, чтоб у них возникла идея высшей исполнительной власти. Ирокезское племя не признавало никакого верховного вождя и их конфедерация не знала никакого должностного лица с исполнительной властью. То обстоятельство, что их вождь избирался и мог быть смещен, определяет характер этой должности.

Совет индейских вождей имеет сам по себе небольшое значение, но как зародыш современных парламента, конгресса и законодательного собрания он занимает важное место в истории человечества.

Развитие идеи управления началось с организации родов в периоде дикости. Она обнаруживает три большие стадии прогрессивного развития от момента своего появления до учреждения политического общества после вступления в период цивилизации. Первая стадия представляет собой управление племенем советом вождей, избранных родами. Она может быть названа правлением одной власти, а именно совета. Эта форма господствовала по общему правилу у племен, стоявших на низшей ступени варварства. Вторая стадия представляла собой правление, координированное между советом вождей и высшим военачальником, из коих первый выполнял гражданские, последний — военные функции. Эта вторая форма начала появляться на низшей ступени варварства, после образования конфедераций, и окончательно сложилась на средней ступени. Должность полководца или главного военачальника была зародышем высшей исполнительной власти, короля, императора и президента. Эту форму можно назвать правлением двух властей, а именно: совета вождей и высшего военачальника. Третья стадия представляла собой управление народа или нации советом вождей, народным собранием и высшим военачальником. Эта форма возникла у племен, достигших высшей ступени варварства, например, у гомеровских греков и итальянских племен времен Ромула. Сильный рост численности народа, соединенного в одну нацию, поселение его в городах, обнесенных стенами, и образование богатств, состоящих из земли и стад вызвали к жизни народное собрание в качестве органа управления. Совет вождей, продолжавший существовать, нашел необходимым, несомненно, под давлением со стороны народа, представлять важнейшие общественные мероприятия народному собранию для принятия или отклонения; отсюда и возникло народное собрание. Это собрание само не предлагало никаких мероприятий. Его функция ограничивалась принятием или отклонением предложений, и его решения были окончательными. С первого момента его появления оно сделалось постоянной властью в системе управления. Совет не мог больше предпринимать важных общественных мероприятий, но стал подготовительным совещанием, имеющим полномочия предлагать и выработать общественные акты, законную силу которым могло дать только народное собрание. Эта форма может быть названа правлением трех властей, а именно: подготовительного совета, народного собрания и военачальника. Она продолжала существовать до учреждения политического общества, когда, например у афинян, совет вождей превратился в сенат, а собрание общин — в эклезию или народное собрание. Эти организации удержались до нашего времени в виде двух палат парламента, конгресса и законодательных собраний. Подобным же образом должность высшего военачальника, как уже указано, была зародышем современной высшей исполнительной власти.

Возвращаясь к племени, отметим, что оно имело ограниченную численность, было слабо и бедно средствами, но тем не менее представляло собой совершенно организованное общество. Оно характеризует состояние человечества на низшей ступени варварства. На средней ступени численность племени значительно возросла и условия жизни улучшились, однако родовое общество не испытало существенных изменений. Возникновение политического общества при недостаточном развитии было еще невозможно. Роды, организованные в племена, существовали попрежнему, но конфедерации племен должны были возникать чаще. В некоторых местностях, например в долине Мексики, с развитием производств развилось многочисленное население под общим управлением; но не существует никакого свидетельства исчезновения здесь родового общества и замены его обществом политическим. Основание политического общества или государства, которое бы покоилось на родах, не возможно. Государство должно основываться на территории, а не на лицах, на городском округе как единице политической системы, а не на роде, который является единицей социальной системы. Необходимо было время и многосторонний опыт, далеко превышающий опыт племен американских индейцев, чтобы подготовить такое глубокое изменение всей системы. Нужны были также люди, обладающие умственным складом греков и римлян, вооруженные опытом, унаследованным от длинного ряда предков, для того чтобы изобрести и постепенно ввести в жизнь ту новую форму управления, при которой живут цивилизованные нации в настоящее время.

Рассматривая органический ряд форм родового общества в их восходящей последовательности, мы подошли теперь к конфедерации племен, в которой роды, фратрии и племена оказываются в новых взаимоотношениях. Замечательное соответствие родовой организации условиям и потребностям человечества в периоде варварства получит теперь дальнейшее подтверждение.

Глава пятая

ИРОКЕЗСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

Естественное образование конфедераций. — Они основываются на общих родах и общности языка. — Ирокезские племена. — Их поселение в штате Нью-Йорк. — Образование конфедерации. — Ее структура и основания. — Учреждение пятидесяти сахемств. — Они сделаны наследственными в определенных родах. — Число сахемов, установленных для каждого племени. — Эти сахемы образуют совет конфедерации. — Гражданский совет. — Порядок вершения дел. — Единогласие как необходимое условие его деятельности. — Траурный совет. — Порядок поднятия сахемов. — Высшие военачальники. — Эта должность является зародышем высшей исполнительной власти. — Умственные способности ирокезов.

Тенденция к объединению для взаимной защиты должна была вполне естественно существовать у родственных и соседних племен. Когда выгоды такого союза были оценены на опыте, организация, сначала союза, постепенно цементировалась в федеральное единство. Состояние непрерывных военных действий, в котором они жили, должно было усилить эту естественную тенденцию у племен, по своему уму и производствам достаточно развитых для того, чтобы оценить благодетельность такого соединения. Это было не что иное, как развитие из низшей организации в высшую путем распространения того принципа, который соединял роды в племя.

Как можно было ожидать, в различных частях Северной Америки, в эпоху ее открытия, существовало несколько конфедераций; некоторые из них по своим основным чертам и структуре были весьма замечательны. Из их числа следует упомянуть: Конфедерацию ирокезов, состоявшую из пяти независимых племен, Конфедерацию криков из шести племен, Конфедерацию оттава из трех племен, Лигу дакота из «семи огней совета», Конфедерацию моки в Новой Мексике из

семи пуэбло и Ацтекскую конфедерацию из трех племен в долине Мексики. Весьма вероятно, что оседлые индейцы в других частях Мексики, а равно в Центральной и Южной Америке были повсеместно организованы в конфедерации, состоявшие из двух или более родственных племен. Это направление прогресса было естественно обусловлено природой их учреждений и законом, управляющим их развитием. Тем не менее образование конфедерации из таких материалов и при таком непостоянстве территориальных отношений было трудным делом. Всего легче было его осуществление у оседлых индейцев, благодаря близости их пуэбло и малым размерам занятых ими областей; но в некоторых случаях конфедерации организовывались и у племен, стоявших на низшей ступени варварства, в частности у ирокезов. Образование конфедерации само по себе служило доказательством большого умственного развития народа.

Два наиболее выдающихся примера индейских конфедераций в Северной Америке представляют ирокезы и ацтеки. Благодаря признанному превосходству их военных сил и их географическому положению эти конфедерации достигли замечательных результатов. Наши сведения о структуре и основаниях первой конфедерации точны и полны, относительно последней — далеко не достаточны. Конфедерация ацтеков была так неисторично описана, что остается под сомнением, была ли она просто наступательным и оборонительным союзом трех родственных племен или постоянной конфедерацией, подобной ирокезской. То, что правильно по отношению к последней, вероятно, в общем правильно и по отношению к первой, так что, зная одну, мы сможем понять и другую.

Условия, при которых конфедерации возникают, и принципы, на которых они основываются, чрезвычайно просты. Конфедерации развиваются с течением времени совершенно естественно из предшествующих элементов. Где племя распалось на несколько подразделений, занимавших независимые, но соприкасающиеся территории, конфедерация вновь объединила их в более высокую организацию на основе их общих родов и родства диалектов, на которых они говорили. Сознание родства, воплощенное в роде, общее происхождение родов и их диалекты, еще понятные взаимно, составляли существенные элементы конфедерации. Основой и центром конфедерации были таким образом роды, а границы ее определялись основным языком. Ни одна из известных нам конфедераций не вышла за пределы диалектов одного общего языка. Если бы эта естественная граница была нарушена, то в организацию вторглись бы инородные элементы. Бывали случаи, что остатки неродственного по языку племени, например наче¹, принимались в уже существующую конфедерацию, но это исключение не нарушает общего правила. Образование на американском континенте индейского государства путем объединения племен, организованных в роды, и достижение им всеобщего господства было невозможно, если эти племена не развивались из одного ствола. Множественность основных языков является исчерпывающим объяснением этой невозможности. Только участие в роде и племени и общность языка давали возможность принадлежать к конфедерации.

Здесь следует заметить между прочим, что на низшей, средней и высшей ступенях варварства, при родовых учреждениях, ни в одной части света не могла возникнуть естественным путем монархия. Я нахожу нужным указать на это уже в начале настоящего исследования, чтобы тем резче оттенить структуру и основы древнего общества, организованного в роды, фратрии и племена. Монархия не совместима с гентилизмом. Она принадлежит позднему периоду цивилизации. В некоторых случаях у греческих племен, стоявших на высшей ступени варварства, возникали деспотии, но они основывались на узурпации, считались народом незаконными и в действительности были совершенно чужды идеям родового общества. Греческие тирании были деспотиями,

¹ Они были приняты в конфедерацию криков после того, как были разгромлены французами.

основанными на узурпации, и представляли собой зародыш, из которого развивались позднейшие монархии; что же касается так называемых царств героического периода, то они были не чем иным, как военными демократиями.

Ирокезы дали нам превосходный пример образования конфедерации путем естественного развития, которому способствует искусное законодательство. Представляя собой, вероятно, ответвление племени дакота и переселившись из-за Миссисипи, они сперва продвинулись в долину реки Лаврентия и поселились близ Монреаля. Принужденные, вследствие враждебности окружающих племен, покинуть эту страну, они перешли в среднюю часть современного штата Нью-Йорк. Плывая вдоль восточного берега озера Онтарио в лодках, поскольку они были вообще немногочисленны, они обосновались сначала у устья реки Освего, где, согласно их преданиям, оставались долгое время. Они состояли тогда, по крайней мере, из трех различных племен: мохавков, онондага и сенека. Одно племя поселилось позднее у верхней части озера Канандайга и стало называться сенека. Другое племя заняло долину Онондага и стало называться онондага. Третье прошло на восток и поселилось сперва в Онейда, близ местности Утика, откуда главная его часть перешла в долину Мохавк и стала называться мохавками. Оставшиеся стали называться онейда. Часть онондага или сенека поселилась на восточном берегу озера Кайюга и образовала племя кайюга. Нью-Йорк до его занятия ирокезами, повидимому, составлял часть территории алгонкинских племен. Согласно ирокезских преданий, они вытеснили его прежних обитателей, распространив постепенно свои поселения на восток к Гудсону и на запад к Тенесси. Их предания рассказывают далее, что после их поселения в Нью-Йорке прошло много времени до того, как образовалась конфедерация; за это время, действуя сообща против своих врагов, они научились понимать выгоды соединения как для нападения, так и для обороны. Они жили в селениях, обычно обнесенных частоколом, и питались рыбой, дичью и продуктами ограниченного огородничества. Численность их никогда не превышала двадцати тысяч душ, если когда-либо достигала этой цифры. Необеспеченность средств существования и беспрестанные войны препятствовали увеличению численности всех туземных племен, в том числе и оседлых индейцев. Ирокезы обитали в больших лесах, покрывавших в те времена территорию штата Нью-Йорк, которых они не могли тогда одолеть. Они были открыты в 1608 г. Около 1675 г. они достигли высшей точки своего развития, когда их владения простирались на громадное пространство, охватывающее большую часть Нью-Йорка, Пенсильвании, Огайо¹, а также часть Канады, к северу от озера Онтарио. В эпоху открытия они были по своему уму и развитию высшими представителями красной расы к северу от Новой Мексики, хотя, пожалуй, стояли ниже некоторых племен Мексиканского залива по своим производствам. По широте и качеству своих умственных способностей они должны быть причислены к самым развитым индейцам Америки. Хотя число ирокезов значительно сократилось, все же в Нью-Йорке их еще насчитывается четыре тысячи, около тысячи в Канаде и почти столько же на западе; это показывает силу и устойчивость в борьбе за существование варварского жизненного строя. К тому же теперь считается, что число ирокезов медленно увеличивается.

Когда около 1400—1450 гг.² конфедерация образовалась, вышеуказанные условия были уже налицо. Ирокезы распались на пять независимых племен, занимали смежные территории и говорили на понятных друг другу диалектах одного и того же языка. Помимо того, как уже было показано, некоторые роды были общими у различных племен. Во взаимных отношениях этих племен, пред-

¹ Около 1651—1655 гг. они изгнали родственные им племена эри из района между рекой Тенесси и озером Эри, а вскоре затем—нейтральные нации с реки Ниагары и таким образом завладели остальной частью Нью-Йорка, за исключением нижнего Гудсона и Лонг Айленда.

² Ирокезы утверждали, что их конфедерация существовала уже от ста пятидесяти до двухсот лет, когда они впервые увидели европейцев. Судя по перечислению поколений сахемов в истории Давида Кузика (из племени тускарора), она еще древнее.

ставлявших собой разделившиеся части одного и того же рода, эти общие роды давали естественное и прочное основание для конфедерации. При наличии этих элементов образование конфедерации становилось вопросом ума и искусства. Многочисленные другие племена в различных частях континента находились точно в таких же отношениях, но не объединились. Тот факт, что ирокезские племена осуществили это дело, свидетельствует об их превосходстве. Более того, поскольку конфедерация представляла собою последнюю стадию организации американских туземцев, наличия ее можно ожидать только у наиболее развитых племен.

Ирокезы утверждают, что их конфедерация была учреждена советом мудрых людей и вождей пяти племен, собравшихся для этой цели на северном берегу озера Онондага, близ местности Сиракузы, и что до окончания заседаний совета эта организация была уже выработана и немедленно вступила в силу. На своих периодических собраниях совета по поводу поднятия сахемов они все еще толкуют, что происхождение конфедерации было результатом одного обдуманного законодательного акта. Вероятнее же, она явилась последствием предшествовавшего союза для взаимной защиты, выгоды которого они оценили и который решили сделать постоянным.

Происхождение этого замысла приписывается мифической или, по крайней мере, легендарной личности. На-уо-уент'-һа, Гайавате знаменитой поэмы Лонгфелло. Лицо это присутствовало на помянутом совете и играло здесь главную роль. В своих сношениях с советом оно пользовалось одним мудрым мужем из племени онондага, Дә-га-по-уе'-дә, в качестве истолкователя и оратора, который изложил структуру и принципы предлагаемого союза. То же предание рассказывает далее, что когда это дело было окончено, На-уо-уент'-һа чудесным образом исчез в белой лодке, которая поднялась вместе с ним на воздух и скрылась из вида. По этому преданию, еще и другие чудеса сопровождали и ознаменовали основание этой конфедерации, до сего времени прославляемой ими в качестве высшего проявления индейской мудрости. Таковой она и была в действительности и останется в истории памятником их гения в области развития родовых учреждений. Эта конфедерация будет также памятна как иллюстрация тех достижений в искусстве управления, которые способны были осуществить человеческие племена, находясь на низшей ступени варварства и при тех неблагоприятных условиях, которые свойственны этому состоянию.

Кто из этих двух лиц был основателем конфедерации, решить трудно. Молчаливый На-уо-уент'-һа, по всей вероятности, действительно существовал и принадлежал к племени ирокезов¹, но предание снабдило его личность такими сверхъестественными чертами, что он утратил свою реальность в качестве одного из членов этого племени. Если Гайавата был реальным лицом, то Да-гә-по-уе'-дә следовало бы отвести подчиненное место; но если его считать лишь мифической личностью, созданной по данному поводу, то Да-гә-по-уе'-дә принадлежит заслуга идеи конфедерации.

Ирокезы утверждают, что конфедерация, учрежденная помянутым советом, с ее полномочиями, функциями и формами управления, пройдя через ряд поколений, дошла до них к настоящему времени почти неизменной в своей внутренней организации. Когда впоследствии были приняты тускарора, то из вежливости их сахемам позволили заседать на равных правах в общем совете, но первоначальное число сахемов не было увеличено, и, строго говоря, сахемы тускарора не входили в состав правящей группы.

Основные черты ирокезской конфедерации могут быть сведены к ниже-следующему:

1. Конфедерация представляла собою союз пяти племен, состоявших из общих родов, под единым управлением, основанным на принципе равенства;

¹ Мой друг Горацио Хэйл, известный филолог, пришел, как он сообщил мне, к тому же заключению.

каждое племя оставалось независимым во всех делах, относящихся к местному самоуправлению.

II. Она учредила общий совет сахемов, число которых, равных друг другу по рангу и значению, было ограничено; они были облечены верховной властью во всех делах, касающихся конфедерации.

III. Было создано пятьдесят сахемств, принадлежавших на вечные времена определенным родам отдельных племен; роды имели право замещать вакансии, когда таковые освобождались, путем избрания из среды своих членов, а равно и последующее право смещать сахемов при наличии соответствующих оснований; но право утверждения в должности этих сахемов было сохранено за общим советом.

IV. Сахемы конфедерации были в то же время сахемами своих племен и вместе с вождями этих племен составляли советы, которые во всех делах, касающихся исключительно племени, обладали высшей властью.

V. Единоголосное решение совета конфедерации было признано обязательным условием всякого общественного акта.

VI. В общем совете сахемы голосовали по племенам, что давало каждому племени право вето по отношению к остальным племенам.

VII. Совет каждого племени имел право созывать общий совет, но последний не имел права собираться по собственной инициативе.

VIII. Общий совет был открыт оратором из народа для обсуждения общественных вопросов, но право решения принадлежало только совету.

IX. Конфедерация не имела лица, обладавшего высшей исполнительной властью или официального главы.

X. В виду выяснившейся на опыте необходимости в высшем военачальнике они создали эту должность, которая, однако, была разделена между двумя лицами, так чтоб один мог нейтрализовать другого. Оба высших военачальника были равны по власти.

Рассмотрим и иллюстрируем теперь эти положения, не следуя, однако, в точности тому порядку, в котором они здесь изложены.

При учреждении конфедерации было создано пятьдесят постоянных сахемств, получивших особые названия и принадлежавших на вечные времена тем родам, которым они были отведены. За исключением двух мест, которые были замещены только один раз, эти должности замещались последовательно таким же числом различных лиц, сколько прошло поколений с того времени и до сегодняшнего дня. Название каждого сахемства есть в то же время личное имя сахема, пока он занимает эту должность, так что каждый преемник принимает имя своего предшественника. Собрание этих сахемов составляло совет конфедерации, которому принадлежала законодательная, исполнительная и судебная власть, хотя такого разграничения функций и не было проведено.

В целях обеспечения порядка преемства отдельные роды, в которых эти должности были наследственными, имели право, как уже было сказано, избирать, коль скоро открывалась вакансия, преемников из числа своих членов. В качестве дальнейшей меры охраны прав всей корпорации каждый сахем после своего избрания и утверждения вводился в должность советом конфедерации. Вслед затем с него «снялось» его собственное имя и ему давалось имя сахемства. Под этим именем он и был затем известен. Все сахемы были равны по своему рангу, власти и привилегиям.

Сахемства были распределены неравномерно между пятью племенами, без того, однако, чтоб это давало перевес власти какому-либо из них; точно так же неравномерно они были распределены и между родами последних трех племен. Мохавки имели девять сахемов, онейда — девять, онондага — четырнадцать, кайюга — десять и сенека — восемь. Это число оставалось неизменным с самого начала и до настоящего времени. Мы даем ниже список этих сахемств с их названиями на диалекте сенека и распределением по классам; последнее

было сделано для того, чтобы облегчить достижение единогласия в совете. В примечаниях указаны значения этих имен, а равно роды, которым они принадлежали.

Перечень сахемств ирокезов, установленных при учреждении конфедерации, с именами, которые сахемы носили по наследству, начиная с возникновение конфедерации и до настоящего времени.

Мохавки

I. 1. Ga-gā-e'-og-ā ¹	2. Hā-yo-went'-hā ²	3. Da-gā-po-we'-dā ³
II. 4. So-ā-e-wā'-ah ⁴	5. Da-yo'-ho-go ⁵	6. O ā-ā'-go-wa ⁶
III. 7. Da-an-no-ga'e-neh ⁷	8. Sā-dā'-gā-e-wā-deh ⁸	9. Hās-dā-weh'-se-ont-hā ⁹

Онейда

I. 1. Ho-dās'-hā-teh ¹⁰	2. Ga-na-gweh'-yo-do ¹¹	3. Da-yo-hā'-gwen-da ¹²
I. 4. So-no-sase' ¹³	5. To-no-ā-ga'-o ¹⁴	6. Hā-de-ā-dun-nent'-ha ¹⁵
I. 7. Da-wā-dā'-o-dā-yo ¹⁶	8. Gā-ne-ā-dus'-ha-yeh ¹⁷	9. Ho-wus'-hā-da-o ¹⁸

Онондага

I. 1. To-do-dā'-ho ¹⁹	2. To-nes'-sa-ah	3. Da-āt'-ga-dose ²⁰
II. 4. Gā-ne-ā-dā'-je-wake ²¹	5. Ah-wā'-ga-yat ²²	6. Da-ā-yat'-gwā-e
III. 7. Ho-po-we-nā-to ²³	9. Hā-e'-ho ²⁵	10. Ho-yo-ne-ā'-ne ²⁶
IV. 8. Gā-wā-nā'-san-do ²⁴	13. Ho-sa-hā'-ho ²⁸	11. Sa-dā'-kwā-seh ²⁷
V. 12. Sā-go-ga-hā' ²⁸		14. Skā-po-wun-de ³⁰

Кайюга

I. 1. Da-gā'-a-yo ³¹	2. Da-je-no'-dā-weh ³²	3. Gā-dā'-gwā-sa ³³	4. So-yo-wasé ³⁴
II. 6. Da-yo-o-yo'go ³⁶	5. Hā-de-ās'-yo-po ³⁵		
III. 9. To-dā-e-ho' ³⁹	7. Jote-ho-weh'-ko ³⁷	8. De-ā-wate'-ho ³⁸	
	10. Des-gā'-heh ⁴⁰		

Сенека

I. 1. Ga-ne-o-dī'-yo ⁴¹	2. Sā dā-gā'-o-yase ⁴²
II. 3. Gā-no-gl'-e ⁴³	4. Sā-geh'-jo-wā ⁴⁴
III. 5. Sā-de-a-no'-wus ⁴⁵	6. Nis-hā-ne-ā'-nent ⁴⁶
IV. 7. Gā-no-go-e-dā'-we ⁴⁷	8. Do-ke-ho-gā'-weh ⁴⁸

Два из этих сахемств были замещены только один раз со времени их учреждения. Hā-yo-went'-hā и Da-gā-po-we'-dā согласились занять эту должность у мохавков и оставить свои имена в списке сахемств при условии, что после их смерти эти две должности останутся незанятыми. На этом условии они были введены в должность, и это условие соблюдалось до настоящего дня. На всех собраниях совета, созываемых для утверждения сахемов, их имена до сих пор

¹ Эти имена обозначают: 1. „Нейтральный“ или „Щит“. 2. „Человек, который расчесывается“. 3. „Неистощимый“. 4. „Маленькая речь“. 5. „На перекрестке“. 6. „У Великой реки“. 7. „Волочащий свои рога“. 8. „Уравновешенный“. 9. „Подвязывающий трещетки“. Сахемы в классе I принадлежали к роду Черепахи, в классе II—к роду Волка и в классе III—к роду Медведя. 10. „Человек с ношей“. 11. „Человек, покрытый тростником“. 12. „Просека в лесу“. 13. „Длинная веревка“. 14. „Человек с головной болью“. 15. „Проглатывающий себя“. 16. „Место эхо“. 17. „Военная булава на земле“. 18. „Человек сам испаряющийся“. Сахемы в I классе принадлежат к роду Волка, во II—к роду Черепахи, в III—к роду Медведя. 19. „Спутанный“, род Медведя. 20. „На страже“, род Медведя; последние два сахема были наследственными советниками To-do-dā'-ho, „Спутанного“, который имел наиболее выдающееся сахемство. 21. „Горькое тело“, род Кулика. 22. Род Черепахи. 23. Этот сахем был наследственным хранителем вампума, род Волка. 24. Род Оленя. 25. Род Оленя. 26. Род Черепахи. 27. Род Медведя. 28. „Мельком взглянуть“, род Оленя. 29. „Большой рот“. 30. „Над ручейком“, р. д. Черепахи. 31. „Человек испугался“, род Оленя. 32. Род Цапли. 33. Род Медведя. 34. Род Медведя. 35. Род Черепахи. 36. Не определен. 37. „Очень холодный“, род Черепахи. 38. Род Цапли. 39. Род Кулика. 40. Род Кулика. 41. „Прекрасное озеро“, род Черепахи. 42. „Ровное небо“, род Кулика. 43. Род Черепахи. 44. „Большой лоб“, род Ястреба. 45. „Помощник“, род Медведя. 46. „Кончающийся день“, род Кулика. 47. „Сожженные волосы“, род Кулика. 48. „Открытая дверь“, род Волка.

произносятся на ряду с другими, как дань уважения к их памяти. Таким образом общий совет состоял только из сорока восьми членов.

Каждый сахем имел сахема-помощника, который избирался родом его начальника из числа его членов и вводился в должность с теми же формальностями и церемониями. Он назывался «помощником». Его обязанностью было стоять позади своего начальника при всех церемониях, служить ему вестником и вообще быть в его распоряжении. Это давало помощнику звание вождя и делало вероятным его избрание в преемники своему начальнику после смерти последнего. На своем образном языке ирокезы называли этих помощников сахемов «Подпорками в длинном доме», символизировавшем конфедерацию.

Имена, данные сахемам первоначально, стали навсегда именами их преемников. Например, по смерти Gă-ne-o-di'-yo, одного из восьми сахемов сенека, его преемник должен был быть избран в роде Черепаха, в котором это сахемство было наследственным, и при его подняттии общим советом часть церемонии состояла в том, что он получал это имя вместо своего собственного. Я несколько раз имел случай присутствовать на их советах для подняттия сахемов в резервациях онондага и сенека и был свидетелем относящихся сюда церемоний. Хотя теперь осталась только тень старой конфедерации, она сохраняет полностью свою организацию с ее сахемами и их помощниками, за исключением только племени мохавков, которое около 1775 г. переселилось в Канаду. Как только открываются вакансии, они замещаются и созывается общий совет для введения в должность новых сахемов и их помощников. Современные ирокезы отлично знакомы со структурой и принципами древней конфедерации.

Во всех делах племенного управления пять племен были независимы друг от друга. Их территории были разделены постоянными границами и их племенные интересы были различны. Восемь сахемов сенека вместе с другими вождями сенека образовывали совет племени, управлявший его делами, при чем каждому из остальных племен было предоставлено таким же порядком ведать своими частными делами. Договор конфедерации не ослабил и не обезличил племя, как самостоятельную организацию. Каждое племя в своей обособленной сфере жило полной жизнью, представляя собой некую аналогию с нашими собственными штатами в рамках объединяющей их республики. Следует вспомнить, что еще в 1775 г. ирокезы рекомендовали нашим предкам устроить союз колоний, подобный их собственному. В общих интересах и в общем языке различных колоний они видели элементы для конфедерации, представлявшей собой то, за пределы чего их проницательность уже не могла проникнуть.

Племена, входившие в конфедерацию, занимали совершенно равное положение по своим правам, привилегиям и обязанностям. Особые льготы, предоставленные тому или иному племени, не означают нарушения договорного равенства или допущения привилегий. Существовали, правда, некоторые организационные положения, дававшие по внешности отдельным племенам большую власть, чем другим; так, например, онондага имели четырнадцать сахемов, а сенека только восемь, и большее число сахемов должно было естественно оказывать большее влияние в совете, чем меньшее число. Но в данном случае не было перевеса во власти, так как сахемы каждого племени имели при голосовании одинаковый голос, а равно право вето по отношению к другим племенам. В совете голосовали по племенам, и единогласное решение было необходимо для каждого общественного акта. Онондага были назначены «Хранителями вавпума» и «Хранителями огня совета», мохавки — «Сборщиками дани» с покоренных племен и сенека — «Хранителями дверей» Длинного дома. Эти и другие подобные положения были направлены к общей пользе.

Связующий принцип конфедерации не вытекал исключительно из выгод союза для взаимной защиты, но имел более глубокое основание в узах кровного родства. Внешним образом конфедерация опиралась на племена, в основе же — на общие роды. Все члены одного и того же рода, все равно мохавки, онейда, онондага, кайюга или сенека, были братьями и сестрами друг друга

в силу своего происхождения от одного общего предка и признавали это взаимное родство с совершенной сердечностью. Когда ирокезы встречались, то первый вопрос касался имени рода каждого, а следующий — родословной их сахемов, после чего они обыкновенно были в состоянии определить по своей своеобразной системе кровного родства взаимное родство¹. Три рода, именно Волк, Медведь и Черепаха, были общими у пяти племен; эти же роды и еще три других были общими у трех племен. Действительно, род Волк, вследствие разделения первоначального племени на пять, состоял теперь из пяти частей, находившихся по одной в каждом племени. То же самое произошло с родами Медведь и Черепаха. Роды Олень, Кулик и Ястреб были общими у сенека, кайюга и онондага. Между разобщенными частями каждого рода, хотя члены их говорили на разных диалектах одного и того же языка, существовала братская связь, соединявшая нации неразрывными узами. Если мохавк из рода Волк признавал онейда, онондага, кайюга и сенека того же рода своими братьями и если члены других разделившихся родов поступали так же, то родство было не идеальным, а реальным, основанным на кровных узах и вере в достоверную родословную, более древнюю, чем их диалекты, и современную их общенародному единству. По представлению ирокеза, каждый член его рода, к какому бы племени он ни принадлежал, был с ним в таком же бесспорном родстве, как и его собственный брат. Это перекрещивающееся родство между лицами, принадлежащими к одному и тому же роду в различных племенах, до сих пор сохраняется и признается ими во всей своей первоначальной силе. Этим объясняется та стойкость, с которой еще держатся обломки старой конфедерации. Если бы какое-нибудь из пяти племен отделилось от конфедерации, это порвало бы родственную связь, хотя дало бы себя чувствовать весьма слабо. Но если бы произошло столкновение, род Волк выступил бы против своих родичей. Медведь — против Медведя, одним словом, восстал бы брат на брата. История ирокезов демонстрирует реальность и прочность родственных уз и верность, с которой они соблюдались. В течение долгого времени существования конфедерации они никогда не впадали в анархию и не ломали своей организации.

«Длинный дом» (Ho-de'-no-sote) сделался символом конфедерации, и они называли себя «Народом длинного дома» (Ho-de'-no-sau-nee). Это было единственное имя, которым они себя называли. Конфедерация создала родовое общество более сложное, чем общество отдельного племени, но все же это было чисто родовое общество. Она была ступенью прогресса по пути к образованию нации, ибо национальность создается еще при родовых учреждениях. Слияние составляет последнюю стадию этого процесса. Четыре афинских племени слились в Аттике в одну нацию вследствие смешения племен на одной территории и постепенного исчезновения географических границ между ними. Племенные имена и организации продолжали существовать в полной силе, как и прежде, но лишились основы в виде территориальной независимости. Когда было учреждено политическое общество на основе дема или городской общины и всеобитатели дема, независимо от их рода или племени, стали одним политическим целым, слияние завершилось.

Слияние латинских и сабинских родов в римский народ и нацию было результатом такого же процесса. Точно таким же образом род, фратрия и племя были первыми тремя стадиями организации, за ними последовала конфедерация в качестве четвертой. Но, повидимому, как у греческих, так и у латинских племен в позднейший период варварства она была не более как непрочным оборонительным и наступательным союзом. Наши сведения о природе и частностях организации греческих и латинских конфедераций ограничены и неполны, так как факты скрыты во мраке легендарного периода. Процесс слияния

¹ Дети братьев—тоже братья и сестры; дети этих последних точно так же—братья и сестры и т. д. до бесконечности; то же самое—дети и потомки сестер. Дети брата и сестры—двоюродные братья и сестры; дети последних—тоже двоюродные братья и сестры и т. д. до бесконечности. Знание взаимного родства никогда не утрачивается у членов одного и того же рода.

наступил в родовом обществе позднее возникновения конфедерации, но он был необходимой и жизненной стадией прогресса, который привел к образованию нации, государства и политического общества.

Долина Онондага, как страна центрального племени и место, где должен был постоянно гореть Огонь совета, была обычным, хотя и не единственным местом заседаний совета конфедерации. В древние времена он созывался ежегодно осенью, но не раз общественные нужды заставляли его собираться чаще. Каждое племя имело право созвать совет, определить время и назначить местом собрания дом совета любого племени, когда обстоятельства делали желательным перемену обычного места собрания у онондага. Но совет не имел права собираться по собственной инициативе.

Первоначально главным делом совета было поднятие сахемов для замещения вакансий, открывшихся в рядах правящей группы вследствие или смещения или смерти, однако он ведал также и всеми остальными делами, касавшимися общего благосостояния. Когда с течением времени ирокезы размножились и их сношения с чужими племенами расширились, совет распался на три различных совета, которых можно назвать Гражданским, Траурным и Религиозным. Первый объявлял войну и заключал мир, отправлял и принимал посольства, заключал договоры с чужими племенами, улаживал дела с покоренными племенами и принимал необходимые меры для повышения общего благополучия. Второй поднимал сахемов и вводил их в должность. Он получил название Траурного совета, так как первой его церемонией было оплакивание умершего правителя, вакантное место которого должно было быть замещено. Задачей третьего было отправление общего религиозного праздника. Это празднество давало конфедерированным племенам случай соединиться под предводительством общего совета для отправления общих религиозных обрядов. Но, так как Траурный совет совершал много таких же церемоний, то с течением времени он стал исполнять обязанность и религиозного совета. Теперь это — единственный совет, который еще собирается, поскольку гражданская власть конфедерации с верховным господством государства окончилась.

Апеллируя к терпению читателя, мы должны войти в некоторые подробности относительно способа ведения дел в Гражданском и Траурном советах. Это будет наилучшей иллюстрацией архаического состояния общества при родовых учреждениях.

Если какое-нибудь чужое племя желало обратиться с предложением к конфедерации, то оно могло это сделать через посредство любого из пяти племен. Совет племени, получившего заявление, имел право решить, достаточно ли важно данное дело, чтобы требовать собрания совета конфедерации. В положительном случае к ближайшим племенам, обитающим на востоке и западе, посылался вестник с поясом вампума, содержащим извещение, что в таком-то месте, в такое-то время и с такою-то целью — все это было точно указано — соберется Гражданский совет (Ho-de-os'-seh). Обязанностью племени, получившего это извещение, было передать его ближайшему племени, пока весть не обойдет все племена¹. Ни один совет не собирался, если он не был созван по описанной форме.

---

¹ Гражданский совет, который могла созвать каждая нация, обыкновенно назначался и открывался следующим образом. Если совет созывали, например, онондага, то они посылали вестников к онейда на восток и к кайюга на запад, с поясами, содержащими приглашение собраться в онондагской роще совета в такой-то день такой-то луны для указанных целей. Обязанностью кайюга было тогда послать ту же весть сенека, а обязанностью онейда — известить мохавков. Если совет должен был собраться с мирными целями, то каждый сахем должен был принести с собой связку прутьев белого кедра, знак мира; если же он имел военные цели, ветви были красного кедра, символизировавшего войну.

В назначенный день сахемы различных наций, приходившие обыкновенно со своими людьми на один или два дня раньше и располагавшиеся в некотором отдалении от места собрания, с восходом солнца официальным порядком принимались сахемами онондага. Они шествовали отдельными процессиями из своих лагерей к роще совета, при чем каждый был одет в свою одежду

Когда сахемы собрались на совет в назначенное время и в указанном месте, то по совершении обычной церемонии встречи они разделялись на две части и сели друг против друга по обе стороны огня совета. По одну сторону сидели сахемы мохавков, онедага и сенека. Племена, которых они представляли, были во время заседания братьями друг другу и отцами остальных двух племен. Соответствующим образом их сахемы были друг другу братьями, а по отношению к сидящим напротив — отцами. Они составляли фратрию племен и сахемов в силу распространения того принципа, который соединял роды во фратрию. По другую сторону огня сидели сахемы онейда и кайюга, а в позднейшее время и тускарора. Представляемые ими племена были также братьями друг другу и сыновьями противоположных трех племен. Их сахемы также были братьями, а по отношению к сидящим на противоположной стороне — сыновьями. Они составляли вторую племенную фратрию. Так как онейда были подразделением мохавков, а кайюга — подразделением онедага или сенека, то они действительно были младшими племенами; отсюда их отношение старших и младших и применение принципа фратрии. Когда на совете выкликались племена, то по праву старшинства первыми назывались мохавки. Их племенным эпитетом было «Щит» (Da-gä-e-o'-dä). Следующим по старшинству были онедага, носившие эпитет «Носитель имен» (Ho-de-san-no'-ge-tä), так как им было поручено избрать пятьдесят первых сахемов и дать им имена¹. Затем следовали сенека с эпитетом «Хранитель двери» (Ho-nan-ne-ho'-ont). Они были постоянными хранителями западной двери Длинного дома. Онейда, носившие эпитет «Большое дерево» (Ne-ar'-de-on-dar'-go-war), и кайюга — «Большая трубка» (So-nus'-ho-gwar-to-war), занимали четвертое и пятое место. Тускарора вступили в конфедерацию поздно, выкликались последними и не имели особого эпитета. Подобные формальности имели в древнем обществе большее значение, чем мы способны предполагать.

из шкур и нес связку прутьев; сахемы онедага ожидали их при большом стечении народа. Затем сахемы становились в круг, при чем один сахем онедага, назначенный церемониймейстером, занимал место, обращенное к восходу солнца. По данному знаку сахемы начинали двигаться вокруг по направлению к северу. Заметим здесь, что край круга, лежащий к северу, называется «холодной стороной» (o-to'-wa-ga), западный — «стороной заходящего солнца» (ha-gä-kwäs'-gwa), южный — «стороной высокого солнца» (en-de-ih'-kwä) и восточный — «стороной восходящего солнца» (t'-kä-gwit-käs'-gwa). После того как процессия сделала три круга и голова колонны соединилась с хвостом, предводитель останавливался на стороне восходящего солнца и клал перед собою связку прутьев. Остальные сразу делали то же самое, при чем таким образом образовывался внутренний круг из связок прутьев. Затем каждый сахем, соблюдая тот же порядок, расстилал свою одежду из шкур и садился на ней с повернутыми ногами позади своей связки прутьев, при чем его помощник оставался стоять позади. После минутной паузы церемониймейстер вставал, вынимал из своего мешка два куска сухого дерева и трут и начинал добывать огонь посредством трения. Добыв огонь, он входил в круг и зажигал свою связку прутьев, а затем по порядку остальные. Когда прутья достаточно разгорались, сахемы, по знаку руководителя церемонии, поднимались и три раза обходили горящий круг, идя, как и раньше, в северном направлении. При этом каждый время от времени поворачивался, как бы для того, чтобы огонь согрел все стороны его тела. Это означало, что они согревали свое взаимное расположение, чтобы решить дело совета в дружбе и единении. Затем они опять сажались, каждый на свою одежду. После этого снова подымался церемониймейстер, набивал трубку мира и закуривал ее у своего огня. Сделав одну за другой три затяжки, он выпускал первую к зениту, вторую к земле и третью к солнцу. Первым актом он выражал благодарность Великому духу за сохранение его жизни в течение протекшего года и за то, что Великий дух позволил ему участвовать в этом совете. Вторым — он приносил благодарность Матери-земле за ее разнообразные дары, поддерживавшие его существование. И третьим — он благодарил солнце за его никогда не гаснущий свет, светящий всем и каждому. Хотя эти слова и не произносились, но таков был смысл этих действий. Затем он передавал трубку своему соседу с северной стороны, который повторял ту же церемонию, пока трубка не совершала оборота вокруг горящего круга. Эта церемония курения трубки мира обозначала также, что они дают друг другу обет верности, дружбы и чести.

Этим заканчивалась церемония открытия совета, который объявлялся открытым и готовым приступить к делу, по которому он был созван.

¹ Предание гласит, что онедага послали одного мудрого человека посетить другие племена и, сообразуясь с обстоятельствами, избрать и назвать новых сахемов, чем объясняется неравное распределение этой должности по различным родам.

Чужое племя бывало обычно представлено в совете делегацией мудрых людей и вождей, приносивших свои предложения и излагавших их лично. После того как совет открывался с соблюдением описанных формальностей и вводилась делегация, один из сахемов произносил краткую речь, благодаря Велюкого духа за то, что он сохранил им жизнь и позволил собраться. Затем он сообщал делегации, что совет готов ее выслушать по делу, ради которого был созван. Один из делегатов излагал затем их предложение и подкреплял его теми аргументами, которые мог представить. Члены совета выслушивали делегатов с большим вниманием, чтобы яснее понять дело. По окончании речи делегация покидала совет и на некотором расстоянии ожидала результатов его совещаний. Теперь наступала очередь сахемов притти к соглашению относительно ответа, что достигалось обычным путем дебатов и совещаний. После того как решение было вынесено, назначали специального оратора сообщить ответ совета делегации, которая для этого снова приглашалась. Обыкновенно оратор выбирался из того племени, по приглашению которого собрался совет. Обыкновенно он еще раз формально излагал все дело и объявлял либо о полном или частичном принятии предложения, либо об его отклонении, с указанием соответствующих оснований. Если приходили к соглашению, то обменивались поясами вампума в доказательство своих решений. Этим собрание совета заканчивалось.

«Этот пояс сохраняет мои слова» — было обычной фразой ирокезского вождя в совете. Затем он передавал пояс как удостоверение того, что он сказал. В течение переговоров противоположной стороне передавалось несколько таких поясов. Та, в свою очередь, при каждом принятом предложении возвращала пояс. Ирокезы понимали необходимость в каком-нибудь точном свидетельстве тех договоров, за исполнение которых они ручались своей верностью и честью, и избрали этот прием для того, чтоб сделать свои договоры бесспорными.

Во всех общественных вопросах требовалось единогласие сахемов, что было необходимым условием обязательной силы всякого общественного акта. Это было основным законом конфедерации¹. Для выяснения мнений членов совета был принят порядок, устранявший необходимость в подсчете голосов. Более того, в деятельности советов им был совершенно неизвестен принцип большинства или меньшинства. Голосование в совете происходило по племенам, и сахемы каждого племени должны были быть одного мнения при решении какого-либо вопроса. Признавая единогласие обязательным принципом, основатели конфедерации для достижения этой цели разделили сахемов каждого племени на классы. Деление это можно видеть из приведенного перечня (см. выше, стр. 71). Ни один сахем не мог высказать в совете свое мнение в виде вотума, прежде чем он не пришел к общему с сахемом или сахемами своего класса решению и не был уполномочен выступить от имени своего класса. Так, восемь сахемов сенека, распределенных по четырем классам, могли иметь только четыре мнения и десять сахемов кайюга, распределенных по такому же числу классов, также могли иметь только четыре мнения. Таким образом сахемы каждого класса должны были прежде всего достичь единогласия между собой. Затем происходило совещание между четырьмя сахемами, уполномоченными выступить от имени четырех классов, и когда они приходили к соглашению, то назначали одного из своей среды для выражения их общего мнения, что и представляло собой мнение племени. Когда, благодаря этому остроумному порядку,

¹ В начале американской революции ирокезы, вследствие отсутствия едингласия в их совете, не могли договориться об объявлении войны нашей федерации. Несколько сахемов онейда возражали против этого предложения и наконец отказали в своем согласии. Так как со стороны мохавков нейтралитет был невозможен, а сенека решились воевать, то было решено, что каждое племя может на свою ответственность вступать в войну или оставаться нейтральным. Война против эри, нейтральной нации и сускеханнок и различные войны против французов были решены на общем совете. Наша колониальная летопись полна переговоров с ирокезской конфедерацией.

сахемы различных племен в отдельности приходили к определенным мнениям, оставалось только сравнить эти отдельные мнения, и, если они совпадали, решение совета считалось состоявшимся. Если же единодушия не было, данное мероприятие отклонялось, и совет закрывался. Пять лиц, уполномоченных для объявления решения пяти племен, могут, пожалуй, объяснить назначение и функции так называемых шести избирателей конфедерации ацтеков, о которой речь будет впереди.

Благодаря этому порядку, путем которого достигалось единогласие, одновременно утверждалось и сохранялось равенство и независимость отдельных племен. Если какой-нибудь сахем оказывался упрямым или неразумным, то на него производилось воздействие преобладающего мнения, которому он не мог противостоять, в результате редко случалось, чтоб применение этого порядка было сопряжено с неудобствами или затруднениями. Но если все усилия достичь единодушия были тщетны, то все дело откладывалось, поскольку дальнейшее вершение его оказывалось невозможным.

Утверждение в должности новых сахемов было событием большого значения не только для народа, но и для сахемов, которые тем самым сохраняли в своих руках контроль над введением новых членов в свою среду. Высший совет и был первоначально учрежден для совершения церемонии поднятия сахемов. С того же времени или впоследствии он стал называться Траурным советом (Hep-nun-do-nuh'-seh), так как имел двойственную функцию — оплакивать смерть покойного сахема и утверждать его преемника. После смерти сахема племя, которое понесло эту утрату, имело право созвать общий совет, назначая его время и место. Посылался вестник с поясом из вампума, обычно — официальным поясом, полученным умершим сахемом при введении его в должность, который сообщал следующую лаконическую весть: «такой-то (называлось имя умершего сахема) созывает совет». Одновременно он указывал день и место собрания. В некоторых случаях официальный пояс сахема посылался к центральному огню совета в Онондага непосредственно после погребения сахема, в знак его кончины, а время собрания совета определялось впоследствии.

Траурный совет, вместе с теми торжествами, которые сопровождали введение в должность сахемов, имел для ирокезов особую привлекательность. С одушевлением и энтузиазмом стекались они из отдаленнейших местностей, чтобы принять в них участие. Открытие совета и его заседания, продолжавшиеся обыкновенно пять дней, сопровождалась многочисленными формальностями и церемониями. Первый день посвящался вышеупомянутой церемонии оплакивания умершего сахема, которая, как религиозный акт, начиналась с солнечным восходом. К этому времени сахемы того племени, по инициативе которого собирался совет, выходили в сопровождении своих соплеменников для торжественной встречи сахемов и людей других племен, прибывших заранее и расположившихся лагерем на некотором расстоянии, в ожидании назначенного дня. После обмена приветствий составлялась процессия, и соединенные племена, с пением траурных стихов и припевов, шли от места встречи к месту собрания совета. Это оплакивание с припевом хора было данью уважения к памяти покойного сахема; в церемонии участвовал не только его род, но и его племя и даже вся конфедерация. Это было, несомненно, более утонченным свидетельством уважения и любви, чем можно было бы ожидать от варварского народа. Эта церемония, вместе с открытием совета, заключала процедуры первого дня. На второй день начиналась церемония введения в должность нового сахема, которая продолжалась обыкновенно до четвертого дня. Сахемы разных племен садились двумя группами, как на Гражданском совете. Если сахем, которого должны были поднять, принадлежал к одному из трех старших племен, церемонию совершали сахемы младших племен, и новый сахем вводился в должность в качестве отца. Соответственным образом, если он принадлежал к одному из трех младших племен, церемонию совершали сахемы старших племен и но-

вый сахем вводился в должность в качестве сына. Эти подробности приводятся здесь для того, чтобы показать особый характер их общественной жизни и управления. Для ирокезов эти формальности и этот образный язык были исполнены особого значения.

Вместе с другими вещами приносились также древние пояса из вампума, в которые, по их выражению, «были сказаны» структура и основания конфедерации и которые читались и толковались для назидания вновь назначенному сахему. Какой-либо мудрый человек, который мог и не быть сахемом, брал эти пояса один за другим и, прохаживаясь взад и вперед между двумя рядами сахемов, вычитывал из этих поясов факты, память о которых они хранили. По представлению индейцев, эти пояса при помощи толкователя могут совершенно точно рассказать о порядках, мероприятиях и договорах, которые в свое время были в них «сказаны» и единственными документальными свидетелями которых они являются. Значение полосы вампума, состоящей из нескольких нитей красных и белых раковин, или тканого пояса с изображениями из разноцветных раковин было основано на ассоциации определенного факта с определенной нитью или изображением; это давало таким образом перечень фактов и способствовало сохранению их в памяти. Эти полосы и пояса из вампума были единственными внешними документами ирокезов, но они требовали опытных истолкователей, которые бы могли извлекать из этих нитей и изображений вложенные в них для памяти указания. Один из сахемов онондага был сделан «стражем вампума» (Ho-po-we-na'-to); вместе с ним были подняты два помощника, которые должны были так же хорошо уметь истолковывать вампумы, как и сам сахем. Толкование этих поясов и нитей превращалось в речах мудрых людей в связное повествование о событиях, сопровождавших основание конфедерации. Предание повторялось со всеми подробностями и в существенных частях подкреплялось ссылками на памятные знаки, содержащиеся в этих поясах. Таким образом совет, созданный для поднятия сахемов, становился учебным собранием, которое постоянно освежало в памяти ирокезов структуру и основы конфедерации, равно как и историю ее возникновения. Все эти процедуры занимали совет ежедневно до полудня, вторая же половина дня посвящалась играм и развлечениям. С наступлением сумерок ежедневно устраивалась общая трапеза для всех присутствующих. Она состояла из супа и мяса, которые варились близ дома совета и прямо из котлов разливались в деревянные чашки, миски и ковши. Прежде чем начинался пир, произносилась застольная молитва. Это были протяжные выкрики, произносившиеся одним человеком высоким громким голосом, ритмически понижавшимся до шопота; остальные присутствующие отвечали хором. Вечера посвящались танцам. С такими церемониями, продолжавшимися несколько дней и сопровождавшимися празднествами, вводились в должность сахемы.

Установив порядок, по которому сахемы вводились в должность общим советом, учредители конфедерации имели в виду тройную цель, а именно: непрерывную преемственность этой должности в роде, преимущества свободного выбора из числа его членов и окончательную проверку сделанного выбора посредством церемонии введения в должность. Чтобы быть действительной, эта последняя должна была содержать право отклонения избранного. Однако я не могу сказать, было ли право введения в должность только формальностью или было сопряжено с правом отменять выборы. Неизвестно ни одного случая отклонения кандидатуры. Принятая ирокезами система пополнения правящей группы сахемов может во многих отношениях претендовать как на оригинальность, так и на полное соответствие их состоянию. Будучи по форме олигархией, — беря это слово в его лучшем смысле, — это была на самом деле представительная демократия архаического типа. Могущественный народный элемент проникал весь этот организм и определял его деятельность. Это явствует из права родов избирать и смещать своих сахемов и вождей, из права народа высказываться в совете через им самим избранных ораторов и из системы добровольной воен-

ной службы. В рассматриваемый нами и следующий за ним этнический период демократические принципы были жизненным элементом родового общества.

Ирокезское название сахема (Ho-yag-na-go'-war), означающее «советчик народа», замечательным образом подходило к правителю свободной демократии подобного рода. Оно не только хорошо определяет характер этой должности, но и напоминает аналогичное название членов греческого совета вождей. Греческие вожди также назывались «советниками народа»¹. По природе и существу своей должности сахемы ирокезов были не властителями, правящими в силу неограниченного права, а свободно избранными представителями родов. Необходимо отметить, что эта должность, возникшая в периоде дикости и просуществовавшая три подпериода варварства, обнаруживала много архаических черт еще у греков, даже после того, как родовая организация привела эту часть человеческой семьи к порогу цивилизации. Это показывает далее, как глубоко запечатлелся в человеческом уме демократический принцип под влиянием генетизма.

Название вождя второй степени, Na-sa-po-wā'-na, «высокое имя», показывает, что варвары умели ценить обыкновенный мотив личного честолюбия. Оно обнаруживает также однородность человеческой природы на высших и низших ступенях лестницы прогресса. Знаменитые ораторы, мудрые люди и военные вожди ирокезов были почти все вождями второй степени. Одна из причин этого могла заключаться в основном положении, которое ограничивало обязанности сахема мирными делами. Другая — в стремлении исключить из правящей группы самых способных людей, чтобы их честолюбивые цели не нарушали ее деятельности. Так как должность вождя давалась в награду за заслуги, то она естественно должна была доставаться самым способным людям. Красная куртка, Брандт, Гарангула, Сеятель, Брат фермера, Мороз, Джонсон и другие пользовавшиеся известностью ирокезы были вождями, но не сахемыми. Из длинного ряда сахемов ни один не был отмечен в американских летописях, за исключением Логана², Прекрасного озера³ и, в новейшее время, Илай С. Паркера⁴. Остальные сахемы не оставили после себя никакой памяти за пределами их собственного племени.

В эпоху основания конфедерации To-do-dā'-ho был самым выдающимся и влиятельным вождем онондага. То обстоятельство, что он согласился с планом конфедерации, который должен был ограничить его власть, ставилось ему в большую заслугу. Он был поднят в качестве одного из сахемов онондага, и его имя было помещено первым в перечне сахемов. Одновременно было поднято два подчиненных ему сахема, которые являлись его помощниками и стояли позади него на публичных собраниях. Это столь высоко чтимое сахемство всегда считалось ирокезами самым высоким из сорока восьми сахемств в силу заслуг первого To-do-dā'-ho. Обстоятельство это уже очень рано дало повод любопытным колонистам возвести лицо, облеченное этой должностью, в сан короля ирокезов; но это заблуждение было опровергнуто, и учреждения ирокезов были очищены от искажающей их черты. В общем совете этот сахем заседал среди равных ему. Конфедерация не имела лица, облеченного высшей исполнительной властью.

С возникновением конфедерации племен впервые появляется должность главнокомандующего (Nos-gā-ā-geh'-da-go-wā), «Великого воина». Теперь возникли случаи, когда несколько племен совместно, в качестве союзников, начинали войну и ощущалась необходимость в высшем военачальнике для руковод-

1

δοκῶντα καὶ δόξαν' ἀπαγγέλλειν με χρῆ
δύμου προϋλοῖς τῆρδε καθμένα; πόλεως.

Эсхил, «Семеро против Фив», 1005.

[Я должен сообщить решение и волю советникам народа города Кадмеи]

² Один из сахемов кайюга.

³ Один из сахемов сенека и основатель «новой религии» ирокезов.

⁴ Один из сахемов сенека.

ства движениями соединенных отрядов. Учреждение этой должности в качестве постоянного института управления было большим событием в истории человеческого прогресса. Это было началом отделения военной власти от гражданской, с завершением чего существенно изменились внешние формы организации управления. Однако даже на позднейших стадиях прогресса, когда начало сказываться преобладание военного духа, основной характер организации управления не изменился. Гентилизм препятствовал захвату власти. С возникновением должности всеначальника организация управления постепенно переходит от правления одной власти к правлению двух властей, при чем функции управления с течением времени распределились между этими двумя властями. Эта новая должность была зародышем высшей исполнительной власти, ибо военачальник превратился, как уже было сказано, в короля, императора, президента. Она возникла из военных потребностей общества и имела свое логическое развитие. По этой причине ее возникновение и последующее развитие занимают важное место в настоящем исследовании. В дальнейшем я попытаюсь проследить постепенное развитие этой должности от «великого война» ирокезов и *teuctli* ацтеков до *basileus* греков и *rex* римских племен; у всех этих народов в течение трех последовательных этнических периодов эта должность сохраняла один и тот же характер, а именно была должностью командующего армией в военной демократии. У ирокезов, ацтеков и римлян эта должность была выборной или подлежала утверждению особой коллегии. Вероятно, то же самое было и у греков легендарного периода. Утверждают, что должность *basileus* у греческих племен гомеровского века была наследственной и переходила от отца к сыну. Это по меньшей мере сомнительно. Это было бы таким резким и значительным отклонением от первоначального существа данной должности, что принять это предложение можно только имея веские доказательства. Избрание или утверждение особой коллегией было при родовых учреждениях во всяком случае необходимо. Если бы были известны многочисленные случаи перехода этой должности от отца к сыну, то можно было действительно предположить о существовании наследственной преемственности, которая принимается теперь за историческую истину, хотя преемства в такой форме не существовало. К сожалению, мы совершенно не имеем точных сведений об общественном строе и обычаях легендарного периода. Великие принципы человеческой деятельности являются надежнейшими руководителями того времени, когда их применение было необходимо. Гораздо более вероятно, что наследственная преемственность, когда она впервые появилась, была введена силой, а не со свободного согласия народа, и что она не существовала у греческих племен в гомеровский период.

Когда ирокезская конфедерация была основана или вскоре после этого события, были созданы две постоянные должности военных вождей, при чем обе они были предоставлены племени сенека. Одна из них (*Ta-wal'-ne-ag*, что значит «ломатель иголки») была сделана наследственной в роде Волк, а другая (*So-po'-so-wā*, что значит «большая устричная раковина»), — в роде Черепаха. Причиной предоставления обеих должностей сенека послужило наличие большей опасности нападения с западной границы их территории. Эти военные вожди избирались тем же порядком, как и сахемы, поднимались общим советом и были равны друг другу по рангу и власти. По другому преданию, эти должности были учреждены позднее. Непосредственно после учреждения конфедерации обнаружилось, что структура Длинного дома была несовершенной, так как не было особых лиц для выполнения военных распоряжений конфедерации. Чтобы исправить это упущение был созван совет, который и назначил названных двух постоянных военных вождей. В качестве высших военачальников они вели военными делами конфедерации и командовали ее соединенными силами во время общих экспедиций. Недавно умерший вождь Черная змея занимал названную должность, что обнаруживает, как стойко соблюдалось здесь преемство. Создание двух должностей высших военных вождей вместо одной и при-

том с равной властью говорит о тонкой и расчетливой политике, имевшей целью воспрепятствовать преобладанию одного лица даже в военных делах. Не имея соответствующего опыта, они сделали то же самое, что римляне, учредившие после уничтожения должности рекса двух консулов вместо одного. Военная власть должна была равномерно распределяться между двумя консулами, что не позволяло ни одному из них стать выше другого. У ирокезов эта должность никогда не сделалась особо влиятельной.

В индейской этнографии на первом месте стоят род, фратрия, племя и конфедерация. Они представляют всю организацию общества. Далее идут учреждение и функции сахема и вождя, функции совета вождей и учреждение и функции высшего военного вождя. Изучив эти элементы их организации, мы знакомимся со всей структурой и основаниями их общественной системы. Знакомство с их порядками и обычаями, их производствами и изобретениями, а также их жизненным строем завершит тогда всю картину. В трудах американских исследователей вышеуказанным вопросам уделялось слишком мало внимания. Между тем это — богатое поле, на котором можно еще собрать много материала. Наши познания, имеющие сейчас лишь общий характер, сделались бы точными и пригодными для сравнительного исследования. Индейские племена, стоящие на низшей и средней ступенях варварства, представляют две великие стадии прогресса от дикости до цивилизации. Наши собственные отдаленные предки прошли одно за другим через те же состояния и имели, в чем едва ли можно сомневаться, те же самые или очень сходные учреждения, равно как и не мало тех же порядков и обычаев. Как бы мало мы ни интересовались американскими индейцами как таковыми, их опыт касается нас очень близко, так как он иллюстрирует опыт наших собственных предков. Наши начальные учреждения коренятся в предшествующем родовом обществе, в котором род, фратрия и племя составляли органический ряд, а совет вождей был орудием управления. Явления древнего общества должны были иметь много общих черт, свойственных ирокезам и другим индейским племенам. Эта точка зрения придает особый интерес сравнительному изучению человеческих учреждений.

Ирокезская конфедерация представляет собой превосходный образец этой формы организации родового общества. Она, повидимому, осуществила все возможности родовых учреждений на низшей ступени варварства, оставляя благоприятную почву для дальнейшего развития, но не для следующего плана управления, а именно учреждения политического общества, основанного на территории и собственности, с возникновением которого родовая организация должна была исчезнуть. Промежуточные стадии были переходными, представляя собой военные демократии, за исключением тех случаев, когда на их месте временно возникали тирании, основанные на узурпации. Конфедерация ирокезов была глубоко демократичной, так как она состояла из родов, каждый из которых был организован на демократических основаниях, правда, не высшего, но примитивного типа, и так как племена сохраняли за собой право местного самоуправления. Ирокезы покорили другие племена и держали их в подчинении, как, например, делаваров, но последние оставались под управлением своих собственных вождей и не способствовали усилению конфедерации. В этом состоянии общества было невозможно соединить под одним управлением племена, говорившие на различных языках, или извлечь из побежденных племен какую-либо иную выгоду, кроме дани.

Приведенное описание ирокезской конфедерации далеко не исчерпывает фактического материала, но для настоящей моей цели оно вполне достаточно. Ирокезы были сильным и развитым народом; объем их мозга приближается к среднему объему мозга арийцев. Красноречивые в собраниях, мстительные во время войны, неукротимые в своей настойчивости, они завоевали себе место в истории. Если даже их военные подвиги омрачены жестокостями дикарского ведения войны, то в своих взаимных отношениях они дали образцы высших че-

ловеческих добродетелей. Организованную ими конфедерацию следует признать выдающимся продуктом мудрости и проницательности. Одной из ее открыто выраженных целей был мир, устранение поводов к распри посредством соединения их племен под одним управлением, а затем расширение ее путем присоединения других племен того же имени и происхождения. Ирокезы предложили эри и нейтральной нации стать членами конфедерации и за отказ изгнали их из занятых ими областей. Столь глубокое понимание высших задач управления говорит об их уме. Численность их была не велика, но они насчитывали в своей среде много способных людей. Это доказывает высокое развитие всего племени.

По своему положению и своим военным силам ирокезы оказали значительное влияние на ход событий во время борьбы между англичанами и французами за господство в Северной Америке. Так как в течение первого века колонизации те и другие были почти равны по силам и средствам, то французы могут в большей мере приписать ирокезам неудачу своих планов владычества в Новом свете.

Знакомство с родом в его архаической форме и его возможностями в качестве единицы социальной системы позволит нам лучше понять роды греков и римлян, которые нам предстоит рассмотреть. У обоих этих народов, когда они находились у порога цивилизации, мы находим одну и ту же организацию, состоящую из родов, фратрий и племен, свойственную родовому обществу, с добавлением опыта двух цельных этнических периодов. Происхождение у них считалось по мужской линии, имущество наследовалось детьми, а не агнатами и семья начала принимать моногамную форму. Рост собственности, которая становится теперь решающим элементом, и увеличение населения, собранного в окруженных стенами городах, постепенно обнаружили необходимость введения второго великого плана управления — политического. Старая родовая система стала неспособной отвечать потребностям общества, приближающегося к цивилизации. Проблески идеи государства, основанного на территории и собственности, которому должно было предшествовать исчезновение родов и племен, начали появляться в умах греков и римлян. Для того чтобы управление приняло эту вторую форму, роды должны были уступить свое место городским общинам и городским округам, родовую систему должна была заменить территориальная. Распад родов и расцвет организованных городских общин составляет довольно точную границу между варварским и цивилизованным миром, между древним и современным обществом.

Глава шестая

РОД У ДРУГИХ ПЛЕМЕН ГАНОВАНСКОЙ СЕМЬИ

Классификация американских туземцев. — Род у индейских племен; порядки счета происхождения и наследования: — I. Ходеносаунские племена. — II. Дакотские племена. — III. Племена Мексиканского залива. — IV. Пауни. — V. Алгонкины. — VI. Атапаско-апаши. — VII. Племена северо-западного побережья. — Эскимосы — особая семья. — VIII. Племена салиш, сахаптин и кутенай. — IX. Шошоны. — X. Оседлые индейцы Новой Мексики и Центральной Америки. — XI. Южно-американские индейские племена. — Вероятность универсального распространения родовой организации во всей ганованской семье.

Когда впервые были открыты отдельные части Америки, туземцы ее находились в двух совершенно различных состояниях. Одни, оседлые индейцы, существовали почти исключительно огородничеством; в таком состоянии находились племена Новой Мексики, Мексики и Центральной Америки, а равно племена, населявшие плоскогорье Андов. Другие индейцы, не занимавшиеся огородничеством, питались рыбой, хлебными кореньями и дичью; сюда принадлежали ин-

дейцы долины Колумбии, территории Гудсонова залива, отдельных частей Канады, а равно некоторых других местностей Америки. Промежуточное место занимают, представляя незаметные переходы, частично оседлые и частично занимающиеся огородничеством индейцы; сюда принадлежали ирокезы, индейцы Новой Англии и Виргинии, крики, чокта, чироки, миннитари, дакота и шауни. Оружие, производства, порядки, изобретения, танцы, архитектура домов, форма управления и образ жизни всех этих племен носят печать одного и того же замысла и всем своим широким рядом представляют последовательные стадии развития одних и тех же начальных идей. Наша первая ошибка заключалась в переоценке относительного развития оседлых индейцев, вторая — в недооценке развития не занимавшихся огородничеством и полуседлых индейцев; отсюда возникла и третья ошибка, а именно, отмежевание одной группы от другой и взгляд на них как на различные расы. Определенное различие состояния, в котором находились те и другие, несомненно существовало; часть племен, занимавшихся огородничеством, находилась на высшей ступени дикости; племена, занимавшие промежуточное положение, находились на низшей ступени варварства и, наконец, оседлые индейцы — на средней ступени. В настоящее время собрано столько доказательств единства их происхождения, что в этом вопросе сомнений не остается, хотя такой вывод и не пользуется общим признанием. Эскимосы принадлежат к совершенно иной семье.

В предшествующем труде я изложил систему родства и свойства почти семидесяти американских индейских племен и, основываясь на том, что все они имеют одну и ту же систему, происшедшую, очевидно, из одного общего источника, я решил выделить их в особую человеческую семью, которую назвал ганованской или «семьей лука и стрелы»¹.

Рассмотрев атрибуты рода в его архаической форме, мы должны теперь определить пределы его распространения среди племен ганованской семьи. В настоящей главе мы и займемся этим, ограничиваясь главным образом указанием названий родов в каждом племени и принятых у них порядков счета происхождения и наследования имущества и общественных должностей. Более подробные указания будут присоединяться по мере надобности. Главный вопрос, подлежащий выяснению, это — существовала или не существовала у них родовая организация. Где бы это учреждение ни встречалось у этих племен, оно во всех существенных чертах аналогично роду ирокезов и поэтому не требует подробного описания. Если не указано противного, существование родовой организации было установлено автором либо непосредственно у самого племени, либо же по указаниям его отдельных членов. Классификация племен та же, что и принятая в «Системах родства».

1. Ходеносаунские племена

I. Ирокезы. Ирокезские роды уже были нами рассмотрены².

II. Виандоты. Это племя, представляющее собой остатки древних гуронов, состоит из следующих родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Бобр	4. Черепаха
5. Олень	6. Змея	7. Дикообраз	8. Ястреб ³

¹ Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family (Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII, 1871, p. 131).

² 1. Волк, Tor-yoh'-ne

2. Медведь, Ne-e-ar-guy'-ee

3. Бобр, Non-gar-ne'-e-ar-goh

4. Черепаха, Ga-ne-e-ar-teh-go'-wa

³ 1. Ah-na-gese'-kwä, Глодающие кости

2. Ah-pu-yeh', Житель деревьев

3. Tso-tä'-ee, Трусливый зверь

4. Ge-ah'-wish, Красивая страна

5. Олень, Nä-o'-geh

6. Кулик, Doo-ee-se-doo-we'

7. Цапля, Jo-äs'-seh

8. Ястреб, Os-sweh-gä-dä-gä'-ah

5. Os-ken'-o-toh, Блуждающий

6. Sine-gain'-see, Ползущий

7. Ya-ra-hats'-see, Большое дерево

8. Däz-soak', Летящий

Происхождение считается по женской линии, брак в пределах рода запрещен. Должность сахема или гражданского вождя наследственная в роде, но выборная из числа его членов. У них имеется семь сахемов и семь военных вождей, так как род Ястреб вымер. Должность сахема переходит от брата к брату или от дяди к племяннику; должность военного вождя давалась в награду за заслуги и не была наследственной. Имущество наследовалось в роде, следовательно, дети наследовали не отцу, а своей матери. Всюду, где в дальнейшем будет отмечаться существование этого порядка, следует иметь в виду, что он относится как к женатым, так и неженатым. Каждый род имел право как выбирать, так и смещать своих вождей. Виандоты отделились от ирокезов по меньшей мере четырьмя годами тому назад, но у них еще сохранилось пять общих родов, хотя имена их либо изменились до неузнаваемости, либо, на той или другой стороне, были заменены новыми.

Эри, нейтральная нация, ноттове, тутело¹ и сускеханнок², ныне вымершие или смешавшиеся с другими племенами, принадлежат к той же ветви. Вероятно, они также были организованы в роды, но следы этого уже утеряны.

II. Дакотские племена

К этой обширной ветви американских туземцев принадлежит множество племен. Когда они были открыты, они распались на несколько групп, а язык их — на несколько диалектов, но обитали они преимущественно в смежных областях. Они занимали верховья Миссисипи и оба берега Миссури на протяжении свыше тысячи миль. По всей вероятности, ирокезы и родственные им племена были отпрыском этой ветви.

I. Дакота или сиу. Дакота, состоящие ныне из двенадцати отдельных племен, не сохранили родовой организации. Нет сомнения однако, что таковая существовала у них в прошлом, так как их ближайшие родственники, племена миссури, и теперь организованы таким же образом. У дакота существуют общества, которые, подобно родам, обозначаются названиями животных, но родов, как таковых, у них более не имеется. Карвер, бывший у них в 1767 году, замечает, что «каждая отдельная группа индейцев делится на орды или племена, при чем каждая орда или племя образует небольшую общину внутри нации, к которой она принадлежит. Как нация имеет свой особый символ, которым она отличается от других, так и каждое племя имеет свою эмблему, по которой оно называется, например, орла, пантеры, тигра, бизона и т. д. У нодовисси [сиу] одна орда представлена змеей, другая — черепахой, третья — белкой, четвертая — волком, пятая — бизоном. Такой порядок обозначения существует у всех наций, и всякий самый незначительный человек у них помнит свою родословную и знает свое семейное имя»³. Карвер посетил восточных дакота на Миссисипи. Имея столь определенные указания, я не вижу оснований сомневаться, что родовая организация была тогда у них в полной силе. Когда я в 1861 году посетил восточных, а в 1862 году западных дакота, я уже не мог найти у них достаточно ясных следов рода. Перемена в образе жизни дакота произошла с того времени, как они были вытеснены в степи и разбились на кочующие орды, что, вероятно, и объясняет распад их родовой организации.

Карвер отметил также существование у западных индейцев тех же двух степеней вождей, которые были нами описаны у ирокезов. «Каждая орда,—говорит он,— имеет вождя, который называется Великим вождем или Главным воином; он избирается в силу его опытности в военном деле, храбрости и способности руководить военными операциями и улаживать все сюда относящиеся дела. Но этот вождь не считается главой государства; помимо этого Великого воина, из-

¹ Горацио Хэйл недавно установил родство тутело с ирокезами.

² Фрэнсис Паркман, автор ряда блестящих работ о колонизации Америки, первый установил родство сускеханнок и ирокезов.

³ Travels in North America, Phila. ed., 1796, p. 164.

бираемого ради его военных способностей, существует другой, стоящий выше в силу своих наследственных прав и более непосредственным образом ведающий их общественными делами. Этот вождь мог бы более правильно именоваться сахемом; его согласие необходимо для всех передаточных записей и договоров, к которым он прикладывает знак племени или нации»¹.

II. П л е м е н а М и с с у р и. А) Пунка. Это племя состоит из следующих восьми родов:

1. Гризли	2. Много народа	3. Лось	4. Хорек
5. Бизон	6. Змея	7. Лекарство	8. Лед ²

У этого племени, вопреки общему правилу, происхождение считается по мужской линии, дети принадлежат к роду своего отца. Брак в пределах рода запрещен. Должность сахема наследственна в роде, сахем избирается, при чем избранными могут быть и сыновья умершего сахема. Вероятно, это изменение архаического порядка произошло недавно, потому что у ото и миссури, двух из восьми племен группы миссури, а также у манданов происхождение считается еще по женской линии. Имущество наследуется в роде.

Б) Омаха. Это племя состоит из следующих двенадцати родов:

1. Олень	2. Черный	3. Птица	4. Черепаха
5. Бизон	6. Медведь	7. Лекарство	8. Карканье
9. Голова	10. Красный	11. Гром	12. Времена года

Счет происхождения, порядок наследования и брачные правила — те же, что у пунка.

В) Иова. У иова таким же порядком имеются следующие восемь родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Самка бизона	4. Лось
5. Орел	6. Голубь	7. Змея	8. Сова ⁴

Род Бобр, Pā-kuh'-thā, некогда существовавший у иова и ото, в настоящее время вымер. Счет происхождения, порядок наследования и запрещение браков в пределах рода — те же, что у пунка.

Г) Ото и миссури. Эти племена слились в одно и имеют следующие восемь родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Самка бизона	4. Лось
5. Орел	6. Голубь	7. Змея	8. Сова ⁵

Происхождение у ото и миссури считается по женской линии, дети принадлежат к роду своей матери. Должность сахема и имущество наследственны в роде, брак в пределах рода запрещен.

Д) У кау (Kaw'-za) имеются следующие четырнадцать родов:

1. Олень	2. Медведь	3. Бизон	4. Орел (белый)
5. Орел (черный)	6. Утка	7. Лось	8. Енот

¹ Travels in North America, p. 165.

² 1. Wā-sā'-be	2. De-a-ghe'-ta	3. Na-ko-poz'-na	4. Moh-kuh'
5. Wā-shā'-ba	6. Wā-zhā'-zha	7. Noh'-ga	8. Wah'-ga

³ 1. Wā'-zhese-ta	2. Ink-ka'-sa-ba	3. Lā'-tā-bā	4. Kā'-ih
5. Da-thun'-da	6. Wā-sa'-ba	7. Hun'-gā	8. Kun'-zā
9. Tā'-pa	10. In grā'-zhe-da	11. Ish-dā'-sun-da	12. O-non-e'-kā-gā-hā'

⁴ 1. Me-je'-rā-ja	2. Too-num'-pe	3. Ah'-ro-whā	4. Ho'-dash
5. Cheh'-he-tā	6. Lu'-chih	7. Wā-keeh'	8. Mā'-kotch

⁵ 1. Me-je'-rā-ja	2. Moon'-cha	3. Ah'-ro-whā	4. Ho'-ma
5. Kha'-á	6. Lute'-ja	7. Wā'-kā	8. Mā'-kotch

h обозначает глубоко-гортанный звук. Он широко распространен в диалектах племен миссури, а также у миннитари и кроу.

9. Степной волк	10. Черепаха	11. Змея	12. Олений хвост
	13. Палатка	14. Гром ¹	

Кау принадлежат к наиболее диким племенам американских туземцев, все же это — умный и интересный народ. Счет происхождения, наследование и брачные правила у них те же, что у пунка. Как мы видим, у них существует два рода Орел и два рода Олень, что дает хорошую иллюстрацию сегментации рода; род Орел, вероятно, распался на два рода, получившие названия Белого и Черного. Аналогичным примером, как увидим ниже, является род Черепаха. Когда я в 1859 и 1860 годах посетил племена миссури, я не смог побывать у оседж и кваппа. Восемь племен, носящих эти имена, говорят на близко-родственных диалектах основного языка дакота, и предположение, что оседж и кваппа организованы в роды, вполне убедительно. В 1869 году кау, численность которых тогда сильно сократилась, насчитывали семьсот человек, что дает в среднем всего пятьдесят человек на один род. Область, занятая этими племенами, простиралась по берегам Миссури и ее притоков, от устья реки Биг-Сиу до Миссисипи, и по западному берегу последней вниз до Арканзаса.

III. Виннебаго. Когда это племя было открыто, оно жило близ озера того же названия в Висконсине. Представляя собой отпрыск дакотского ствола, виннебаго, повидимому, двигались по следам ирокезов на восток к долине реки Лаврентия, пока их дальнейшее продвижение в этом направлении не было задержано между озерами Верхним и Гуроном алгонкинскими племенами. Виннебаго ближайшим образом родственны племенам миссури. Они состоят из следующих восьми родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Бизон	4. Орел
5. Лось	6. Олень	7. Змея	8. Гром ²

Счет происхождения, порядок наследования и брачные законы у них те же, что у пунка. Удивительно, что у стольких племен этого ствола счет происхождения перешел из женской линии в мужскую, потому что, когда они впервые стали известны, идея собственности была у них еще совершенно неразвита или лишь едва вышла из зародышевой стадии и вряд ли могла, как это было у греков и римлян, явиться действующей причиной такой перемены. Надо думать, что это произошло уже в новейшее время под влиянием американцев и миссионеров. В 1787 году Карвер еще нашел у виннебаго следы счета происхождения по женской линии. «Некоторые нации, — говорит он, — когда это звание наследственно, ограничивают наследование женской линией. По смерти вождя ему наследует сын его сестры, а не его собственный сын; если у него не было сестры, это звание переходит к женщине, ближайшей родственнице умершего. Это указывает на то, что женщина могла стоять во главе виннебаго, — обстоятельство, казавшееся мне странным, пока я не познакомился с их законами»³. В 1869 году виннебаго насчитывали тысячу четыреста человек, что дает на каждый род в среднем сто пятьдесят человек.

IV. Племена верхнего течения Миссури. А) Манданы. По своему умственному развитию и производствам манданы опередили все родствен-

¹ 1. Tā-we-kā-she'-gā	2. Sin'-ja-ye-ga	3. Mo-e'-kwe-ah-hā
4. Hu-e'-yá	5. Hun-go-tin'-ga	6. Me-hā-shun'-gá
7. O'-pá	8. Me-ká'	9. Sho'-ma-koo-sa
10. Do-hā-kel'-yá	11. Mo-e'-ka-ne-ká'-she-gā	12. Dā-sin'-jashá-gá
	13. Ic'-hā-she.	14. Lo-ne'-kā-she-hā.

² 1. Shonk-chun'-ga-dā	2. Hone-cha'-dā	3. Cha'-rā
4. Wahk-cha'-he-dā	5. Hoo-wun'-nā	6. Chā'-rā
	7. Wā-kon'-nā	8. Wa-kon'-chā-rā

³ Travels, loc. cit., p. 166.

ные им племена, чем они, вероятно, обязаны, миннитари. Они делятся на следующие семь родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Степная курочка	4. Хороший нож
5. Орел	6. Плоская голова	7. Высокая деревня ¹	

Происхождение считается по женской линии, должность и имущество наследственны в роде. Брак в пределах рода не дозволен. Существование у манданов счета происхождения по женской линии могло бы показаться странным наряду с тем, что многие племена того же ствола ведут счет по мужской линии; манданы сохраняют еще ту архаическую форму, от которой другие племена отошли еще недавно. Отсюда возникает вполне обоснованное предположение, что счет происхождения по женской линии существовал первоначально у всех дакотских племен. Сведения о манданах я получил в 1862 году в старом манданском селении на верхнем Миссури от Джозефа Кипа, мать которого была манданкой. Он подтвердил мне существование такого счета происхождения, назвав род своей матери, который был в то же время его родом.

Б) Миннитари. Это племя и апсарока (Ur-saġ'-o-kas) или кроу представляют собой подразделения одного народа. Вряд ли они являются членами этой ветви ганованской семьи, хотя в виду значительного числа слов общих их диалектам и диалектам племен миссури и дакота, они были на лингвистическом основании включены в эту группу. Об их прошлом известно мало. Миннитари занесли в эти места огородничество, дома из бревен и особенную религиозную систему, передав все это манданам. Возможно что миннитари являются потомками «строителей насыпей». У них имеются следующие семь родов:

1. Нож	2. Вода	3. Хижина
4. Степная курочка	5. Горцы	6. Неизвестное животное
	7. Головной убор ²	

Происхождение считается по женской линии, брак в пределах рода запрещен; как должность сахема, так и имущество наследственны в роде. Миннитари и манданы живут теперь вместе в одном селении. По своей внешности они принадлежат к самому красивому типу краснокожих Северной Америки.

В) Апсарока или кроу. У этого племени имеются следующие роды:

1. Степная собака	2. Плохие гамашы	3. Хорек	4. Опасные хижины
5. Оставленные хижины	6. Плохая честь	7. Мясники	
8. Движущиеся хижины	9. Гора медвежьих лап	10. Хижины черноногих	
11. Рыболовы	12. Антилопа	13. Ворона ³	

Счет происхождения, порядок наследования и запрещение брака в пределах рода — те же, что у миннитари. Некоторые названия родов у кроу имеют необычайный характер и скорее подходят к ордам, чем к родам. Одно время я был склонен не признавать их таковыми, но существование у них родовой организации доказывает их порядок счета происхождения, брачными обычаями и правилами наследования имущества. Моим проводником у кроу был Роберт Мельдрем, состоявший тогда одним из агентов Американской пушной компании,

¹ 1. Ho-ra-ta'-mü-make	2. Mä-to'-no-mäke	3. See-poosh'-kä
4. Tä-na-tsu'-kä	5. Ki-tä'-ne-mäke	6. E-stä-pa'
	7. Me-te-ah'-ke	

² 1. Mit-che-ro'-ka	2. Min-ne-pä'-ta	3. Bä-ho-hä'-ta	4. See-ch-ka-be-ruh-pä'-ka
5. E-tish-sho'-ka	6. Ah-nah-ha-nä'-me-te	7. E-ku'-pä-be-ka	

³ 1. A-che-pa-be'-cha	2. E-sach'-ka-buk	3. Ho-ka-rut'-cha
4. Ash-bot-chee-ah	5. Ah-shin'-nä-de'-ah	6. Ese-kep-kä'-buk
7. Oo-sä-bot'-see	8. Ah-hä-chick	9. Ship-tet'-zä
10. Ash-kane'-na	11. Boo-a-dä'-sha	12. O-hot-dü'-sha
	13. Pet-chale-ruh-pä'-ka	

проживший среди кроу сорок лет и бывший одним из их вождей. Он настолько совершенно овладел их языком, что даже думал на нем. Он сообщил о следующих обычаях касающихся порядка наследования. Если кто-нибудь владел подаренным ему предметом, то в случае его смерти этот предмет возвращался роду дарителя, если сам даритель уже умер. Вещи сделанные или приобретенные женщиной, переходили после ее смерти к ее детям, тогда как имущество ее мужа после его смерти принадлежало его родичам. Если кто-нибудь, сделав подарок другу, умирает, последний должен был выполнить какой-нибудь установленный знак траура, например, во время похорон отрезать себе сустав пальца, в противном случае подарок возвращался роду умершего¹.

У кроу существует обычай, касающийся брака, который я встречал, по крайней мере, у сорока других индейских племен; я упомяну о нем здесь, так как мне придется использовать его в одной из следующих глав. Если человек женится на старшей в семье дочери, то он имеет право на всех ее сестер в качестве добавочных жен, после того как они достигнут зрелости. Он может отказаться от этого права, но если он настаивает, ее род должен признать эту его привилегию. Полигамия вообще допускается обычаями американских туземцев, но невозможность содержать больше чем одну семью не дала места сколько-нибудь установленному распространению этого порядка. Прямое доказательство существования помянутого обычая представляла собой жена Мельдрема, которой тогда было двадцать пять лет. Она была захвачена ребенком во время набега на черноногих и досталась в качестве пленницы Мельдрему. Он заставил свою свекровь принять этого ребенка в род и семью, что сделало пленницу младшей сестрой его тогдашней жены и дало ему право взять ее в качестве второй жены после того, как она достигла зрелости. Он воспользовался этим обычаем племени, чтобы обосновать свое право. Этот порядок имеет глубокую древность в истории человечества. Он представляет собою пережиток древнего обычая *ritabim*.

III. Племена Мексиканского залива

I. М у с к с к и или к р и к и. Конфедерация криков состояла из шести племен, а именно: криков, хичет, юки, алабама, кусати и наче; все они говорили на диалектах одного и того же языка, за исключением наче, которые были приняты в конфедерацию после их покорения французами.

Крики состоят из следующих двадцати двух родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Хорек	4. Аллигатор
5. Олень	6. Птица	7. Тигр	8. Ветер
9. Жаба	10. Крот	11. Лисица	12. Енот
13. Рыба	14. Зерно	15. Картофель	16. Грецкий орех
17. Соль	18. Дикая кошка	19. Значение утрачено	
20. (тоже)	21. (тоже)	22. (тоже) ²	

Остальные племена этой конфедерации, повидимому, также имели родовую организацию, как сообщил автору Р. М. Логридж, бывший в течение многих лет миссионером у криков; он же сообщил вышеприведенные названия ро-

¹ Указанный способ выражения траура довольно широко распространен у кроу, представляя собой также религиозную жертву во время собраний „медицинской ложи“, большой религиозной церемонии. Как мне говорили, в корзину, которая вывешивалась во время собраний „медицинской ложи“ для этих жертв, иногда набиралось пятьдесят, а иной раз и сто пальцевых суставов. На одной стоянке кроу на верховьях Миссури я обратил внимание на значительное число женщин и мужчин с изувеченными таким образом руками.

² 1. Yá'-há	2. No-kuse'	3. Ku'-mu.	4. Kal-pút'-lú
5. E'-cho	6. Tus'-wá	7. Kat'chú	8. Ho-for'-lee
9. So-pák'-tú	10. Túk'-ko	11. Chú'-lá	12. Wo'-tko
13. Hú'-hlo	14. Ú'-che	15. Ah'-ah	16. O-che'
17. Ok-chún'-wá	18. Kú-wá'-ku-che	19. Tá-mul'-kee	20. Ak-tú-yá-chul'-kee
21. Is-fá-núl'-ke	22. Wá hlak-kúl'-kee		

дов. Он указывал далее, что происхождение у криков считалось по женской линии, что должность сахема и имущество умерших были наследственны в роде и что брак в пределах рода был воспрещен. В настоящее время крики частично цивилизовались и их быт соответственно изменился. Древняя социальная система уступила место политической, и в течение нескольких лет все следы их старых родовых учреждений исчезли. В 1869 году они насчитывали приблизительно пятнадцать тысяч душ, что дает в среднем на каждый род пятьсот пятьдесят человек.

II. Чокта. У чокта совершенно ясно обнаруживается фратриальная организация; каждая фратрия имеет свое название и выступает как таковая. Эта организация, несомненно, существовала и у большинства названных раньше племен, но вопрос этот не был специально исследован. Племя чокта состоит из восьми родов, образующих две фратрии, каждая из четырех родов, как у ирокезов.

- а) Разделившийся народ (первая фратрия)
1. Тростник	2. Law Okla	3. Lulak	4. Linoklusha

б) Возлюбленный народ (вторая фратрия)

1. Возлюбленный народ	2. Малый народ	3. Большой народ	4. Речной рак ¹

Члены родов одной и той же фратрии не могут вступать в брак, но члены каждого из первых четырех родов могут заключать браки в каждом роде второй фратрии и наоборот. Это показывает, что чокта, подобно ирокезам, первоначально состояли из двух родов, разделившихся впоследствии на четыре, и что первоначальное запрещение брака в пределах рода было распространено на его подразделение. Происхождение у чокта считалось по женской линии. Имущество и должность сахема были наследственны в роде. В 1869 году их было около двенадцати тысяч, что дает в среднем на каждый род тысячу пятьсот человек. Изложенные сведения были сообщены автору покойным д-ром Кином Байнингтоном, который начал свою миссионерскую деятельность среди этого племени в 1820 году, когда они еще жили на своей старой территории к востоку от Миссисипи; вместе с ними он переселился на «индейскую территорию» и умер в 1868 году после сорокапятилетней миссионерской работы. Человек исключительного благородства и моральной чистоты, он оставил по себе имя и память, которыми человечество может гордиться.

Один чокта выразил однажды д-ру Байнингтону желание сделаться гражданином Соединенных Штатов, для того чтобы его дети могли получить после него наследство, так как иначе, по древнему родовому праву, оно досталось бы его родичам. По обычаю чокта, его имущество после его смерти было бы разделено между его братьями и сестрами и детьми его сестер. Он мог все же передать свое имущество еще при жизни своим детям, которые в таком случае могли удержать это имущество за собой, помимо членов его рода. У многих индейских племен отдельные лица в настоящее время владеют значительным имуществом, состоящим из домашних животных, домов и земель, и обыкновенно дарить свою собственность еще при жизни детям, чтобы обойти наследование рода, получило всеобщее распространение. С количественным возрастанием частной собственности лишение детей наследства начало вызывать протест против родового наследования, и у некоторых племен, в том числе и у чокта, в недавнее время древний обычай был уничтожен и право на наследство получили исключительно дети умершего собственника. Это произошло, однако, вследствие смены родовой системы политической, когда место старого правления вождей заняли выборные совет и суд. По прежнему обычаю, не на-

¹

Первая. Ku-shap'. Ok'-lä			
1. Kush-ik'-sä	2. Law-ok'-lä	3. Lu-lak Ik'-sä	4. Lin-ok-lü'-sha
Вторая. Wá-ták'-l-Hü-lä'-tä			
1. Chu-fan-ik'-sä	2. Is-kü-la'-ni	3. Chi'-to	4. Shak-chuk'-la

следовали ни жена после мужа, ни он после нее; вещи жены делились между ее детьми, а за их отсутствием — между ее сестрами.

III. Ч и к а з а. Чиказа точно так же были организованы в две фратрии, из коих в первой было четыре, во второй — восемь родов, а именно:

а) Фратрия Пантеры

1. Дикая кошка   2. Птица   3. Рыба   4. Олень

б) Испанская фратрия

1. Енот   2. Испанский   3. Королевский   4. Hush-ko'-ni
5. Белка   6. Аллигатор   7. Волк   8. Черный дрозд¹

Происхождение считалось по женской линии, брак в пределах рода был запрещен, имущество, как и должность сахема, наследовались в роде. Эти данные я получил от К. Копленда, американского миссионера, жившего среди этого племени. В 1869 году его численность составляла примерно пять тысяч, что дает в среднем на каждый род приблизительно четыреста человек. Один новый род, повидимому, образовался после их знакомства с испанцами, либо это название по каким-нибудь причинам заменило первоначальное название. Точно так же одна из фратрий названа Испанской.

IV. Ч и р о к и. Это племя в прошлом состояло из десяти родов, из коих два — Желудь, Ah-ne-dsú'-la, и Птица, Ah-ne-dse'-skwā — вымерли. Остальные называются:

1. Волк   2. Красная краска   3. Длинная степь   4. Глухарь
5. Остролист   6. Олень   7. Голубой   8. Длинный волос².

Происхождение считается по женской линии, и брак в пределах рода запрещен. В 1869 году чироки насчитывали четырнадцать тысяч душ, что дает на каждый род в среднем тысячу семьсот пятьдесят человек. Это, насколько нам известно, наибольшая численность одного рода, которая когда-либо встречалась у американских туземцев. Чироки и оджибве представляют собой в настоящее время самые многочисленные племена Соединенных Штатов, говорящие на одном и том же диалекте. Заметим, что вряд ли когда-либо и в какой-либо части Северной Америки можно было насчитать сто тысяч индейцев, говорящих на одном диалекте. Ацтеки, тецкуки и тласкала были единственными племенами, которым можно с некоторой вероятностью приписать такую большую численность; но и относительно их трудно сказать, на основании каких достоверных доказательств можно установить существование такого большого числа людей в племени в эпоху испанского завоевания. Своей необычайной численностью крики и чироки обязаны тому, что имели домашних животных и хорошо развитое полевое земледелие. В настоящее время они частично цивилизовались и ввели, вместо своих древних родов, избирательное конституционное правление, под влиянием которого роды очень быстро распадаются.

V. С е м и н о л ы. Это племя произошло от криков. Оно имеет, повидимому, родовую организацию, подробности которой, однако, автору неизвестны.

IV. Племена пауни

Организованы ли пауни в роды или нет, установить не удалось. Самуэль Аллис, бывший у них миссионером, высказывал автору убеждение, что род су-

¹

1. Ko-in-chush

2. Hā-tak-fu-shi

а) Koi

3. Nun-ni

4. Is-si

б) Ish-pan-ee

1. Shā-u-ee

2. Ish-pān-ee

3. Mīng-ko

4. Hush-ko'-ni

5. Tun-ni

6. Ho-chon-chab-ba

7. Nā-sho-lā

8. Chuh-hlā

²

1. Ah-ne-whi'-yā

2. Ah-ne-who'-teh

3. Ah-ne-ga-tā-ga'-nih

4. Dsū-ni-lī'-a-nā

5. U-ni-sdā'-sdi

6. A-nee-ka'-wih

7. Ah-ne-sā-hok'-nih

8. Ah-nū-ka-lo'-high

ah-nee обозначает множественное число.

ществовал у пауни, хотя этот вопрос и не был им специально исследован. Он называл следующие роды, из которых, как он полагал, состояло племя:

1. Медведь	2. Бобр	3. Орел
4. Бизон	5. Олень	6. Сова

Я встретил однажды на Миссури орду пауни, но мне не удалось найти переводчика.

Арикари, селение которых находится поблизости от селения миннитари, являются ближайшими родичами пауни; у них я встретился с тем же затруднением — отсутствием переводчика. Эти племена, вместе с хуеко и двумя или тремя другими небольшими племенами, обитающими на Канадской реке, жили всегда на западе от Миссури и говорили на особом основном языке. Если пауни организованы в роды, то, вероятно, то же следует предположить и относительно других племен.

V. Алгонкинские племена

Эта большая группа племен американских туземцев занимала в эпоху ее открытия область от Скалистых гор до Гудсонова залива, к югу от реки Сискачеван, и оттуда на восток до Атлантического океана, включая сюда оба берега Верхнего озера, кроме его северной части, и оба берега реки Лаврентия, ниже озера Чамплен. К югу их область простиралась вдоль берега Атлантического океана до Северной Каролины и вниз по восточному берегу Миссисипи, в пределах Висконсина и Иллинойса, до Кентукки. Восточная часть этой огромной страны подвергалась вторжениям ирокезов и родственных им племен, которые были единственными соперниками алгонкинских племен в господстве над этой территорией в пределах указанных ее границ.

I. Гитчигэмские¹ племена. А) Оджибве. Оджибве говорят на одном и том же диалекте и организованы в роды; нами собраны названия двадцати трех родов, но мы не уверены, что этим исчерпывается все их количество. На диалекте оджибве слово *totem*, которое часто произносится также *dodaim*, обозначает символ или знак рода; например, изображение волка представляет собой тотем рода Волк. На этом основании Скулькрафт употреблял выражение «тотемическая система» для обозначения родовой организации; это было бы вполне приемлемо, если бы мы не имели как на латинском, так и на греческом языке терминологии, выражающей все свойства и характер этой системы и ставшей уже исторической. Можно, однако, с успехом пользоваться и этим термином.

У оджибве имеются следующие роды:

1. Волк	2. Медведь	3. Бобр
4. Черепаха (болотная)	5. Черепаха (сварливая)	6. Черепаха (маленькая)
7. Северный олень	8. Кулик	9. Журавль
10. Ястреб-голубятник	11. Морской орел	12. Гагара
13. Утка	14. Утка	15. Змея
16. Выхухоль	17. Куница	18. Цапля
19. Бычачья голова	20. Карп	21. Морская кошка
22. Осетр	23. Щука ²	

¹ От слов на языке оджибве *gi-tchi'*—большой и *ga'-me*—озеро, туземного названия Верхнего озера и других больших озер.

² 1. <i>Mu-een'gun</i>	2. <i>Mä-kwä'</i>	3. <i>Ah-mik'</i>	4. <i>Me-she'-ka</i>
5. <i>Mik-o-noh</i>	6. <i>Me-skwa-dä-re</i>	7. <i>Ah-dik'</i>	8. <i>Chu-e-skwe'-ske-wä</i>
9. <i>O-jee-jok'</i>	10. <i>Ka-kake'</i>	11. <i>O-me-gee-ze'</i>	12. <i>Mong</i>
13. <i>Ah-ah'-weh</i>	14. <i>She-shebe'</i>	15. <i>Ke-na'-big</i>	16. <i>Wa-zhush'</i>
17. <i>Wa-be-zhaze'</i>	18. <i>Moosh-kä-oo-ze'</i>	19. <i>Ah-wah-sis'-sa</i>	20. <i>Nä-ma'-bin</i>
21. ———	22. <i>Na-ma'</i>	23. <i>Ke-no'-zhe</i>	

Счет происхождения — по мужской линии, дети принадлежат к роду своего отца. Имеются, однако, основания полагать, что первоначально происхождение считалось по женской линии и что это изменение произошло сравнительно недавно. Во-первых, у делаваров, которых все алгонкинские племена признают древнейшим племенем и именуют «дедами», происхождение до сих пор считается по женской линии. То же самое имеет место и у ряда других алгонкинских племен. Во-вторых, сохранились доказательства того, что два или три поколения назад должность вождя переходила по женской линии¹. В-третьих, влияние американских властей и миссионеров постоянно противодействовало этому порядку. Счет происхождения, лишавший наследства сыновей, казался первым миссионерам, воспитанным в совершенно других воззрениях, несправедливым и неразумным, и нет ничего невероятного, что у ряда племен, в том числе у оджибве, изменение произошло под их влиянием. И наконец, поскольку ряд алгонкинских племен теперь считают происхождение по женской линии, можно вывести заключение, что этот порядок был в прошлом универсальным для ганованской семьи, представляя собой вместе с тем архаическую форму данного института.

Брак в пределах рода запрещен, имущество, равно как и должность вождя, наследственны в роде. Однако в настоящее время дети забирают большую часть наследства, обходя родичей. Имущество матери переходит к ее детям, а за отсутствием их к ее сестрам, родным и коллатеральным. Подобным же образом сын может наследовать своему отцу в должности сахема, но при наличии нескольких сыновей вступает в действие выборное начало. Члены рода не только избирают, но и сохраняют право смещать с должности. В настоящее время оджибве насчитывают до шестнадцати тысяч человек, что дает в среднем семьсот человек на один род.

Б) Потаваттами. Это племя состоит из пятнадцати родов, а именно:

1. Волк	2. Медведь	3. Бобр	4. Лось
5. Гагара	6. Орел.	7. Осетр	8. Карп
9. Морской орел	10. Гром	11. Кролик	12. Ворона
13. Лисица	14. Индюк	15. Черный ястреб ²	

Счет происхождения, порядок наследования и правила относительно брака — те же, что у оджибве.

В) Отава³. Оджибве, отава и потаваттами были подразделениями одного начального племени. Когда они впервые стали известны, они были соединены в конфедерацию. Отава, несомненно, были организованы в роды, но названий этих родов установить не удалось.

Г) Кри. Когда это племя было открыто, оно занимало северо-западный берег Верхнего озера; отсюда они распространились до Гудсонова залива и на запад до Красной реки. Позднее они заняли область Сискачевана и местность к югу от него. Подобно дакота, они утратили родовую организацию, которая, как можно предполагать, у них в прежнее время существовала. Лингвистически они стоят ближе всего к оджибве, с которыми имеют большое сходство в порядках и обычаях, а также и в наружности.

¹ Сахем оджибве, Ke-we'-kons, умерший в 1640 году, около 90 лет от роду, на вопрос моего переводчика, почему он не откажется от должности и не уступит места своему сыну, ответил, что сын не может быть его преемником и что право наследования принадлежит его племяннику. E-kwa'-ka-tik. Этот племянник был сыном одной из его сестер. Отсюда следует, что в прошлом и до недавнего времени происхождение считалось по женской линии. Однако из формы этого ответа не вытекает, что племянник получит эту должность по праву наследства, а лишь то, что он находится в числе наследников и что его избрание таким образом обеспечено.

² 1. Mo-ah'	2. Ma-ko'	3. Muk	4. Mis-sha'-wa
5. Maak	6. K'-nou'	7. N'-ma'	8. N'-ma-pe-na'
9. M'-ge-ze'-wa	10. Che'-kwa	11. Wa-bo'-zo	12. Ka-kag'-she
13. Wake-shi'	14. Pen'-na	15. M'-ke-tash'-she-ku-kah'	

³ Произносится O-ta'-wa.

II. Племена, обитающие по Миссисипи. Объединяемые под этим названием западные алконкины занимали восточные берега Миссисипи в Висконсине и Иллинойсе, откуда распространились на юг — в Кентукки и на восток — в Индиану.

А) Миами. Ближайшие родичи миами, а именно уи, пианкешау, пеори и каскаска, известные в прежнее время под общим названием иллинойс, в настоящее время весьма немногочисленны; они сменили свой прежний образ жизни на оседлую земледельческую жизнь. Были ли они прежде организованы в роды, установить не удалось, однако весьма вероятно, что родовая организация у них существовала. Миами состоят из следующих десяти родов:

1. Волк	2. Гагара	3. Орел	4. Сарыч	5. Пантера
6. Индюк	7. Енот	8. Снег	9. Солнце	10. Вода ¹

В связи с переменой образа жизни и уменьшением численности родовая организация быстро исчезает. Когда ее распад только начинался, происхождение считалось по мужской линии, брак в пределах рода был воспрещен и как должность сахема, так и имущество были наследственны в роде.

Б) Шауни. Это замечательное и высоко развитое племя, одно из наилучших представителей алгонкинского ствола, сохраняет еще свои роды, хотя место старой родовой системы заняла гражданская организация с первым и вторым главным вождём и советом, ежегодно избираемыми всенародным голосованием. У них имеется тринадцать родов, которые сохраняются ради общественных и генеалогических целей, а именно:

1. Волк	2. Гагара	3. Медведь	4. Сарыч
5. Пантера	6. Сова	7. Индюк	8. Олень
9. Енот	10. Черепаха	11. Змея	12. Лошадь
13. Кролик ²			

Счет происхождения, порядок наследования и правило о заключении брака вне рода — те же, что у миами. В 1869 году число шауни составляло всего семьсот человек, что дает в среднем на род около пятидесяти. Когда-то их насчитывалось три или четыре тысячи человек, что было выше средней численности индейского племени.

У шауни имеется обычай, существующий также у миами, саук и фокс; именно: они дают детям имена рода отца, либо матери, либо какого-нибудь другого рода, однако с известными ограничениями; на этом вопросе мы должны вкратце остановиться. Как мы видели, у ирокезов каждый род имеет свои особые личные имена, пользоваться которыми другой род не имеет права³. Этот обычай был, по всей вероятности, широко распространен. У шауни эти имена сообщали их носителям право рода, так что имя лица определяло его род. Так как сахем должен был во всяком случае принадлежать к тому роду, в котором он облечен властью, то весьма вероятно, что переход счета происхождения из женской линии в мужскую связан именно с этим порядком; прежде всего это давало сыну право быть преемником своего отца, а затем давало детям возможность наследовать имущество отца. Получая имя, принадлежавшее роду отца, сын тем самым вступал в отцовский род и получал право стать его преемником,

1. Mo-wha'-wä	2. Mon-gwä'	3. Ken-da-wä'	4. Ah-pa'-kose-e-a
5. Ka-no-zä'-wa	6. Pi-la-wä'	7. Ah-se-pon'-nä	8. Mon-nä'-to
	9. Kul-swä'	10. (Не выяснено)	
2. 1. M'-wa-wä'	2. Ma-gwä'	3. M'-kwä'	4. We-wä'-see
5. M'-se'-pa-se	6. M'-ath-wä'	7. Pa-la-wä'	8. Psake-the'
9. Sha-pä-tä'	10. Na-ma-thä'	11. Ma-na-to'	12. Pe-sa-wä'
13. Pä-täke-e-no-the'			

¹ В каждом племени имя указывает на род. Так, у саук и фокс — „Длинный рог“, собственное имя, принадлежащее роду Олень, „Черный волк“ — роду Волк. В роде Орел имеются следующие имена: Ka'-ро-пá — „Орел, строящий свое гнездо“; Ja-ka-kwä-re — „Орел, сидящий с поднятой головой“; Pa-á-tä-pa-kä-hok — „Орел, летающий над ветвями“.

при соблюдении выборного начала. Отец однако не имел голоса в этом вопросе. Дело было предоставлено родом определенным лицам, по большей части матронам, которые давали указания о даче детям имен, при чем могли и решать окончательно подобные вопросы. Такое право было предоставлено этим лицам по соглашению между всеми родами шауни, и получивший таким порядком имя тем самым вступал в тот род, которому оно принадлежало.

У шауни имеются еще следы архаического порядка счета происхождения, как показывает следующий случай, сообщенный автору. Lā-ho'-weh, сахем рода Волк, выразил перед своей смертью желание, чтобы его преемником вместо его собственного сына был сделан сын одной из его сестер. Но этот племянник (Kos-kwa'-the) принадлежал к роду Рыба, а сын к роду Кролик, так что ни тот ни другой не могли наследовать, не перейдя предварительно, путем перемены имени, в род Волк, в котором эта должность была наследственной. Желание сахема было исполнено. После его смерти имя его племянника было переименовано на Ter-a-tā-go-the', одно из имен рода Волк, и он был избран на эту должность. Такая вольность говорит о распаде родовой организации, но в то же время это показывает, что еще недавно происхождение у шауни считалось по женской линии.

В) Саук и фокс. Эти племена слились в одно племя, состоящее из следующих родов:

1. Волк	2. Медведь	3. Олень	4. Лось
5. Ястреб	6. Орел	7. Рыба	8. Бизон
9. Гром	10. Кость	11. Лисица	12. Море
	13. Осетр	14. Большое дерево ¹	

Счет происхождения, порядок наследования и правило, предписывающее заключать брак вне рода, те же, что у миами. В 1869 году численность этих племен составляла всего семьсот человек, что дает в среднем на род пятьдесят человек. Число сохранившихся родов позволяет заключить, что еще на протяжении прошедших двух столетий они были в несколько раз многочисленнее.

Г) Меномини и кикапу. Эти два независимых друг от друга племени организованы в роды, названий которых, однако, узнать не удалось. Относительно меномини можно указать, что еще недавно происхождение считалось у них по женской линии, как это вытекает из следующего сообщения, сделанного автору в 1859 году Антоном Гуки, членом этого племени. В ответ на вопрос о праве наследования он сказал: «Если бы я умер, мои братья и братья моей матери отняли бы мое имущество у моей жены и детей. Мы надеемся теперь, что наши дети будут наследовать наше имущество, но мы не уверены в этом. По старому закону мое имущество достается моим ближайшим родичам, которыми являются не мои дети, а мои братья и сестры и братья моей матери». Отсюда следует, что имущество было наследственным в роде, но круг наследников ограничивался агнатическими родственниками по женской линии.

III. Племена Скалистых гор. А) Кровавые черноногие. Это племя состоит из следующих пяти родов:

1. Кровь	2. Питающиеся рыбой	3. Хорек
4. Вымерший зверь		5. Лось ²

Происхождение считается по женской линии, но брак в пределах рода не дозволен.

1. Mo-wha-wis'-so-uk	2. Ma-kwis'-so-jik'	3. Pa-sha'-ga-sa-wis-so-uk'		
4. Ma-sha-wa-uk'	5. Ka-ka-kwis'-so-uk	6. Pa-ris'-so-uk		
7. Na-mā-sis'-so-uk	8. Na-nus-sus'-so-uk	9. Na-na-ma'-kew-uk		
10. Ah-kuh'-ne-nāk	11. Wā-ko-a-wis'-so-jik	12. Ka-che-konz-a-we'-so-uk		
	13. Na-ma-we'-so-uk	14. Mā-she'-ma-tāk		
1. Kī'-no	2. Mā-me-o'-ya	3. Ah-pe-ki'	4. A-ne'-po	5. Po-no-kix'

Б) Пиеган черноногие. У этого племени имеются следующие восемь родов:

1. Кровь	2. Хорек	3. Подкожный жир
4. Внутренний жир	5. Колдуны	6. Никогда не смеющийся
7. Голодающий	8. Полусгнившее мясо ¹	

Происхождение считается по мужской линии, и брак в пределах рода запрещен. Некоторые из приведенных названий скорее подходят к ордам, чем к родам; но так как эти сведения были получены непосредственно от черноногих через компетентных переводчиков (Александра Кульбертсона и его жену, принадлежавшую к этому племени), то я считаю их достоверными. Возможно, что в некоторых случаях данные роду прозвища вытеснили настоящие названия.

VI. Племена Атлантического океана

I. Делавары. Как уже было указано, делавары являются одним из старейших алгонкинских племен по продолжительности своего самостоятельного существования. В эпоху их открытия они жили в местности вокруг Делаварского залива и к северу от него. Они организованы в три следующих рода:

I. Волк	Took'-seat	Круглая лапа
II. Черепаха	Poke-koo-un'-go	Пресмыкающиеся
III. Индюк	Pul-la'-ook	Не жвачные

Эти подразделения носят характер фратрий, так как каждое состоит из двенадцати под-родов, имеющих каждый некоторые атрибуты рода². Названия их представляют собой личные имена, и если не во всех случаях, то по большей части — женские. В виду необычайности этого явления я исследовал его с возможной тщательностью в 1860 году в делаварской резервации в Канзасе, с помощью образованного делавара, Вильяма Адамса. Невозможно было выяснить происхождение этих подразделений, но их названия, повидимому, представляли собой прозвища предков, от которых члены отдельных родов вели свое происхождение. Это показывает также естественное образование фратрий из родов.

Происхождение у делаваров считается по женской линии, что указывает на вероятную универсальность этой формы в прошлом алгонкинских племен.

1. Ah-ah'-pi-ta-pe	2. Ah-pe-ki'-e	3. Ih-po'-se-mā	4. Ka-ka'-po-ye
5. Mo-ta'-to-sis	6. Kā-ti'-ya-ye-mix	7. Kā-ta-ge-ma-ne	8. Eako'-to-pis-taxe

I. Волк. Took'-seat

1. Mā-an'-greet, Большие ноги	7. Pip-ar'-you, Собака, стоящая у очага
2. Wee-sow-het'-ko, Желтое дерево	8. Kwin-eek'-cha, Длинное тело
3. Pā-sa-kun-a'-top, Срывающий зерна	9. Moon-har-tar'-ne, Роющий
4. We-yar-nih'-kā-to, Начинающий заботиться	10. Non-har'-min, Гребущий против течения
5. Toosh-war-ka'-ma, Через реку	11. Long-ush-har-kar'-to, Ручка от кисти
6. O-lum'-a-pe, Алая краска	12. Maw-soo-toh', Приводящий

II. Черепаха. Poke-koo-un'-go

1. O-ka-ho'-ki, Правитель	7. Tung-ub-ung'-si, Самая маленькая черепаха.
2. Ta-ko-ong'-o-to, Высокий берег	8. We-lunung-sl, Маленькая черепаха
3. See-har-ong'-o-to, Волочащий с горы	9. Lee-kwina-i', Сварливая черепаха
4. Ole-har-kar-me'-kar-to, Избиратель	10. Kwis-aese-kees'-to, Олень
5. Mā-har-o-luk'-ti, Мужественный	Остальные два рода вымерли.
6. Toosh-ki-pa-kwis-i, Зеленые листья	

III. Индюк. Pul-la'-ook

1. Mo-hor-ā-lā, Большая птица	7. Tong-o-nā'-o-to, Пловучий лес
2. Le-le-wa'-you, Крик птицы	8. Nool-ā-mar-lar'-mo, Живущий в воде
3. Moo-kwung-wa-ho'-ju, Глазная боль	9. Muh-krent-har'-ne, Копатель корней
4. Moo-har-mo-wi-kar'-ni, Рыть тропу	10. Muh-karm-huk-se, Красное лицо
5. O ping-ho'-ki, Земля опоссумов	11. Koo-wā-ho'-ke, Страна сосен
6. Muh-ho-we-kā'-kel, Старая берцовая кость	12. Oo-chuk'-ham, Роющий землю

Должность сахема была наследственной в роде, но выборной из числа его членов, имевших право как избирать, так и смещать. Имущество также наследовалось в роде. Первоначально члены трех основных родов не могли вступать в брак в пределах своего рода, но в последнее время это запрещение было ограничено только под-родами. Например, в роде Волк, который до известной степени представляет собой теперь фратрию, могут вступать в брак друг с другом только лица, носящие разные имена. Обычай давать детям имя отцовского рода также господствует у делаваров и породил такую же путаницу счета происхождения, какую мы видели у шауни и миами. Американская цивилизация и сношения с американцами неизбежно нанесли удар индейским учреждениям, под влиянием чего этническая жизнь народа постепенно разрушается.

Примеры наследования должности служат наилучшей иллюстрацией туземного порядка обозначения происхождения. Одна делаварская женщина, сообщив автору, что она вместе со своими детьми принадлежит к роду Волк, а ее муж — к роду Черепаха, рассказала, что когда умер капитан Кечем (Tā-whe'-lā-pa), верховный вождь или сахем рода Черепаха, ему наследовал его племянник, Джон Коннер (Tā-tā-ne'-sha), сын одной из сестер умершего сахема, принадлежавшей также к роду Черепаха. Покойный оставил сына, но он принадлежал к другому роду и поэтому не имел права быть преемником своего отца. У делаваров, как и у ирокезов, эта должность переходила от брата к брату или от дяди к племяннику, так как происхождение считалось по женской линии.

II. Мунси. Мунси являются ветвью делаваров и состоят из тех же родов: Волка, Черепахи и Индюка.

Происхождение считается по женской линии, брак в пределах рода не дозволен и должность сахема, равно как и имущество, наследственны в роде.

III. Мохеган. Все индейцы Новой Англии к югу от реки Кеннебек, в том числе и мохеган, были лингвистически родственны между собою, и каждое племя понимало диалект другого. Так как мохеган организованы в роды, то весьма вероятно, что пекот, нарагансетт и другие мелкие роды не только имели ту же организацию, но и состояли из тех же родов. У мохеган были те же три рода, что и у делаваров, Волк, Черепаха и Индюк, из которых каждый состоял, в свою очередь, из нескольких родов. Это доказывает непосредственную связь по происхождению мохеган с делаварами и мунси, а также иллюстрирует, как уже было указано, процесс сегментации, путем которого начальный род распадается на несколько родов, остающихся соединенными в фратрию. На данном примере можно также видеть, как естественно фратрия возникает. У американских туземцев редко можно найти так ясно сохранившийся образец сегментации начальных родов, как в этом случае.

Фратрии у мохеган выступают гораздо более отчетливо, чем у какого-либо другого племени американских туземцев, так как каждая из них охватывает роды и обуславливает их классификацию. Однако мы знаем о них меньше, чем о фратриях ирокезов.

а) Фратрия Волка. Took-se-tuk'

1. Волк.   2. Медведь   3. Собака   4. Опооссум

б) Фратрия Черепахи. Tone-bā'-o

1. Маленькая черепаха   2. Болотная черепаха
3. Большая черепаха   4. Желтый угорь

в) Фратрия Индюка

1. Индюк   2. Журавль   3. Цыпленок¹

¹
1. Ne-h'-ja-o

2. Mā-kwā

а) Took-se-tuk'

3. N-de-ya'-o

4. Wā-pa-kwe'

Происхождение считается по женской линии, брак в пределах рода запрещен и должность сахема наследственна в роде, при чем она переходит или от брата к брату или от дяди к племяннику. У пекот и наррагансет происхождение считается также по женской линии, как я узнал от одной женщины из племени наррагансет, которую встретил в Канзасе.

IV. А б н а к и. Название этого племени — Wa-be-nä'-kee — значит «Народ восходящего солнца»¹. Они находятся в гораздо более близком родстве с микмак, чем с индейцами Новой Англии, живущими на юге от реки Кеннебек. У них имеются следующие четырнадцать родов:

1. Волк	2. Дикая кошка (черная)	3. Медведь
4. Змея	5. Пятнистый зверь	6. Бобр
7. Лось	8. Осетр	9. Выхухоль
10. Ястреб-голубятник	11. Белка	12. Пятнистая лягушка
13. Журавль		14. Дикообраз ²

Происхождение считается теперь по мужской линии, брак в пределах рода был в прежнее время запрещен, но теперь это запрещение в значительной степени утратило свою силу. Должность сахема была наследственной в роде. Отметим, что некоторые из названных выше родов — те же, что у оджибве.

VII. Племена атапаско-апачей

Вопрос о существовании родовой организации у атапасков территории Гудсонова залива и апачей Новой Мексики, представляющих собой подразделения одного начального ствола, не был окончательно выяснен. Когда в 1861 году я был в первой из названных территорий, я старался решить этот вопрос у атапасков Зайцы и Красный нож, но мне не удалось это за отсутствием подходящих переводчиков. Однако, если бы родовая система существовала у них, то я открыл бы ее следы даже при столь несовершенном способе исследования. Покойный Роберт Кенникот тоже пытался выяснить этот вопрос для автора у A-chä'-o-ten-ne, или атапасков Невольничьего озера, но так же безуспешно. Он нашел специальные правила относительно брака и наследования должности сахема, которые, повидимому, указывали на существование родов, но не мог получить достаточно удовлетворительных сведений. Кучины (душе), обитающие на реке Юкон, принадлежат к атапаскам. Покойный Джордж Джибс в письме к автору говорит: «В письме, полученном мною от одного джентльмена из форта Симпсона на реке Мэкензи, упоминается, что у душе, или кучинов, существует три общественных степени или класса, — несомненно, ошибочное выражение вместо тотема, хотя и тотемы, вероятно, различаются по рангу, на что он и указывает в дальнейшем, — а именно, что мужчина не может вступать в брак в своем собственном классе, но должен брать жену из другого класса и что вождь высшего класса может жениться на женщине из низшего класса, не теряя прав своей касты. Дети принадлежат к классу матери, и члены одного и того же класса в различных племенах не воюют друг с другом».

У колушей северо-западного берега, находящихся с атапасками в лингвистическом родстве, правда, отдаленном, родовая организация существует. Галла-

	б) Tone-bä'-o		
1. Sak-po mute'	2. ———	3. Tone-bä'-o	4. We-saw-mä'-un
	в) Индюк		
1. Nä-ah-mä'-o	2. Gä-h'-ko	3. ———	

¹ Туземные названия главнейших индейских племен с указанием их значения приведены в „Системах родства“.

² 1. Mals'-süm	2. Pls-suh'	3. Ah-weh'-soos	4. Skooke
5. Ah-lunK'-soo	6. Ta-mä'-kwa	7. Mä-guh-le-loo'	8. Kä-bäh'-seh
9. Moos-kwá-suh'	10. K'-che-gä-gong'-go	11. Meh-ko-a'	12. Che-gwä'-lis
	13. KooS-koo'	14. Mä-dä'weh-soos.	

тин замечает, что они «как и наши индейцы, разделены на племена или кланы, от которых, как указывает Хэйл, у индейцев Орегона не осталось следов. Именами племен [родов] служат названия зверей: Медведь, Орел, Ворона, Дельфин и Волк... Право наследования идет по женской линии, от дяди к племяннику, за исключением верховного вождя, который вообще пользуется высшей властью в семье»¹.

VIII. Индейские племена северо-западного берега

У некоторых из этих племен, помимо колушей, господствует родовая организация. «До того как я покинул пролив Пуже, — замечает Джибс в одном письме к автору, — мне посчастливилось встретиться с представителями трех главных семей так называемых северных индейцев, живущих на северо-западном побережье от верхнего конца острова Ванкувера до русских владений и границ области эскимосов. Я узнал от них совершенно определенным образом, что тотемическая система, по крайней мере у этих трех семей, существует. Семьи, о которых я говорю, это, начиная с северо-запада, тлинкиты, обычно называемые по одной из своих орд стикинами, далее хайда и тсимшиан, которых Галлатин называет уи. Все они имеют четыре общих тотема: Кит, Волк, Орел и Ворон. Никто не может вступать в брак в своем тотеме, хотя и в другой нации или семье. Замечательно, что эти нации составляют совершенно различные семьи. Я хочу сказать, что их языки в корне различны и не имеют никакого сходства». Далль в своем труде об Аляске, написанном позднее, замечает, что «тлинкиты разделяются на четыре тотема: Ворона (Yehl), Волка (Kanu'kh), Кита и Орла (Chethl)... Браки могут заключаться только между различными тотемами, и ребенок обыкновенно принадлежит к тотему матери»².

Губер Г. Банкрофт описывает их организацию более подробно, указывая на две фратрии и принадлежащие к каждой из них роды. Он говорит о тлинкитах, что «эта нация распадается на два больших деления или клана, из которых один называется Волк, другой — Ворон. Ворон распадается, в свою очередь, на подкланы, которые называются: Лягушка, Гусь, Морской лев, Сова и Лосось. Семейство Волк состоит из Медведя, Орла, Дельфина, Акулы и Альки... Племена одного и того же клана не могут воевать друг с другом, и в то же время члены одного и того же клана не могут заключать между собой браки. Так, молодой воин из клана Волк должен искать себе подругу среди Воронов»³.

Эскимосы не принадлежат к ганованской семье. Их водворение на американском континенте произошло, по сравнению с ганованской семьей, лишь недавно или в новейшее время. У них также нет родов.

IX. Племена салиш, сахаптин и кутенай

У племен долины Колумбии, из которых вышеназванные являются главнейшими, родовой организации не существует. Нашим выдающимся филологам, Горацио Хэйлу и псковскому Джорджу Джибсу, посвятившим этому вопросу особое внимание, не удалось открыть у них каких-либо следов этой системы. Имеются серьезные основания предполагать, что эта замечательная страна была колыбелью ганованской семьи, откуда, как из начального пункта их миграций, они распространились по обеим частям материка. Следовательно, вполне вероятно, что их предки были организованы в роды, которые распались и в конечном счете совершенно исчезли.

X. Племена шошонов

К этому стволу принадлежат комачи Техаса вместе с племенами юте, боннак и шошон и некоторые другие племена. Мэтью Уокер, виандот сме-

¹ Trans. Am. Eth. Soc., II, Intro., CXLIX.

² Alaska and its Resources, p. 414.

³ Native Races of the Pacific States, 109.

шанной крови, сообщил автору в 1859 году, что он жил среди команчей и что у них имеются следующие роды:

1. Волк.
2. Медведь.
3. Лось.
4. Олень.
5. Исполинская черепаха.
6. Антилопа.

Если команчи организованы в роды, то следует предположить, что та же организация существует и у других племен этого ствола.

Этим заканчивается обзор общественных систем индейских племен Северной Америки, обитающих к северу от Новой Мексики. В эпоху европейских открытий большая часть всех названных племен находилась на низшей ступени варварства, остальные—на высшей ступени дикости. Судя по широкому, почти универсальному распространению родовой организации, можно с достаточным основанием предполагать, что в древности она была у них всеобщей, равно как и счет происхождения по женской линии. Эта система была чисто общественной, род был ее единицей, а фратрия, племя и конфедерация — остальными членами органического ряда. Эти четыре последовательные стадии интеграции и реинтеграции выражают весь их опыт в развитии идеи управления. Так как у главнейших арийских и семитических племен, когда они вышли из варварства, существовал тот же органический ряд общественных форм, то можно сказать, что эта система была универсально присуща древнему обществу и, следовательно, имела общее происхождение. Пуналуальная группа, которая подробно будет описана ниже в связи с развитием идеи семьи, очевидно, дала начало родам. Таким образом арийская, семитическая, уральская, туранская и ганованская семьи человечества восходят, повидимому, совершенно определенным образом к одному общему пуналуальному стволу с глубоко присущей ему родовой организацией; от этого ствола произошли все другие, в конечном счете дифференцировавшиеся в отдельные семьи. Такое заключение, мне думается, будет в конце концов повелительно продиктовано само собой, когда будущие исследования разовьют и подтвердят существующие факты более точно. Этот великий органический ряд форм, которые были в состоянии сохранять общественную жизнь человечества в течение последней части периода дикости, всего периода варварства и первой части периода цивилизации, не возник случайно, но представляет собой естественный продукт развития уже существовавших ранее элементов. Рациональное и тщательное исследование этой системы докажет единство происхождения всех человеческих семей, обладавших родовой организацией.

XI. Оседлые индейцы

I. Моки, индейцы-пуэбло. Племена моки до сих пор беспрепятственно владеют своими семью древними общинными домами в Аризоне, близ Малого Колорадо, раньше составлявшей часть Новой Мексики. Они сохраняют свои древние учреждения и, несомненно, отлично представляют и в настоящее время тип жизни оседлых индейцев, господствовавший в эпоху открытия Америки от Цуньи до Куцко. Цуньи, Акома, Таос и ряд других ново-мексиканских пуэбло представляют собой те же самые здания, которые нашел там Коронадо в 1540—1542 гг. Несмотря на их внешнюю доступность, мы в действительности знаем об их образе жизни и их домашних учреждениях очень не много. Систематическое исследование в этом направлении еще не производилось. То немногое, что проникло в печать, носит лишь общий и случайный характер.

Моки организованы в роды; у них имеются следующие девять родов:

1. Олень
2. Песок
3. Дождь
4. Медведь
5. Заяц
6. Степной волк
7. Гремучая змея
8. Табак
9. Осока

Д-р Тен Брук, младший врач армии Соединенных Штатов, сообщил Скулькграфу предание моки об их происхождении, которое ему рассказывали

в одной из деревень. Предание говорит, что «много лет тому назад прабабушка племени моки¹ принесла с их родины на западе девять рас людей в нижеследующем образе: первая раса — Олень, вторая — Песок, третья — Вода [Дождь], четвертая — Медведь, пятая — Заяц, шестая — Степной волк, седьмая — Гремучая змея, восьмая — Табак, девятая — Осока. Посеяв их на том месте, где теперь находятся их селения, она превратила их в людей, которые построили нынешние пуэбло; это разделение на расы сохраняется до настоящего времени. Один моки сказал мне, что он принадлежит к расе Песок, другой — к расе Олень и т. д. Они твердо верят в метампсихоз и говорят, что после своей смерти примут свой первоначальный вид и снова сделаются медведями, оленями и т. д. . . Должности у них наследственны, но не обязательно переходят к сыну лица, исполнявшего должность, так что если другой кровный родственник пользуется предпочтением, то он и избирается»².

Поскольку в данном случае, перейдя из нижней ступени варварства в среднюю, мы нашли родовую организацию в вполне развитом состоянии, мы имеем здесь образец ее приспособляемости к изменившимся условиям. Оказывается весьма вероятным ее существование вообще у всех оседлых индейцев. Однако мы не имеем определенных данных о распространении ее в остальной части Северной и всей Южной Америки, за единственным исключением лагуна. Это подсказывает, как мало еще сделано в американской этнологии: единица общественной системы туземцев открыта лишь частично, а ее значение не понято. Все же у ранних испанских писателей встречаются намеки на родовую организацию, а у некоторых позднейших авторов и прямое знакомство с ней, так что если все это собрать, едва ли можно будет сомневаться в древнем господстве родовой организации у всей индейской семьи.

У многих родов, как у моки, распространены предания, по которым их первыми предками были превращенные в мужчин и женщин животные или неодушевленные предметы, ставшие символами родов. Так, легенда рода Журавль у оджибве рассказывает, что пара журавлей летала над обширной областью от Мексиканского залива до Великих озер и от степей Миссисипи до Атлантического океана, разыскивая обильное пищей место, и в конце концов выбрала водопады на рукаве Верхнего озера, с того времени ставшие знаменитыми своими рыбными ловлями. Когда они сели на берегу реки и сложили крылья, Великий дух тотчас же превратил их в мужчину и женщину, ставших прародителями рода Журавль племени оджибве. У ряда племен имеются роды, воздерживающиеся от употребления в пищу того животного, имя которого они носят; это, однако, далеко не универсально.

II. Лагуна. Индейцы-пуэбло лагуна организованы в роды со счетом происхождения по женской линии, как это явствует из доклада Сэмуэля Гормана, сделанного им в 1860 году в Историческом обществе Новой Мексики. «Каждый город делится на племена или семьи, и каждая из этих групп называется по какому-либо животному, птице, растению, дереву, звезде или одной из четырех стихий. В пуэбло Лагуна, имеющем более тысячи жителей, находится семнадцать таких племен; одно из них называется Медведем, другое — Оленем, остальные — Гремучей змеей, Зерном, Волком, Водой и т. д. Дети принадлежат к племени матери.

В силу древнего обычая лица одного и того же племени не могут вступать в брак друг с другом, однако в последнее время этот обычай соблюдается менее строго, чем прежде».

«Земля, как общинная собственность, находится в общем владении, но если кто-нибудь возделал участок, то имеет на него личное право, которое может продать любому члену той же общины; после его смерти участок достается его

¹ Шауни в прежние времена поклонялись женскому божеству по имени Go-gome-tha-má'-наша прабабушка».

² Schoolcraft's Hist. etc of Indian Tribes, IV, 86.

вдове или дочерям; если же он не был женат, остается за семейством его отца»¹. Сомнительно, однако, чтобы вдова или дочери наследовали после мужа или отца.

III. Ацтеки, тецкуки и тлакопа. Вопрос о родовой организации этих и остальных племен нахуатль Мексики будет рассмотрен в следующей главе.

IV. Майя Юкатана. Эррера часто упоминает о «родственниках», говоря о племенах Мексики, Центральной и Южной Америки, при чем в таких выражениях, которые указывают на существование группы лиц, организованной на основе кровного родства и по размерам представляющей собой не что иное, как род. Так, он говорит: «Кто убил свободного человека, должен был дать удовлетворение его детям и родственникам»². Это говорится о туземцах Никарагуа; если бы речь шла об ирокезах, у которых существует тот же порядок, то термин «родственники» был бы равнозначен роду. Далее, говоря вообще об индейцах майя Юкатана, он замечает: «Если присужденный к возмещению убытков за причиненный вред обрекался на нищету, то в уплате участвовали все родственники»³. Мы узнаем здесь еще один родовой порядок. Далее, об ацтеках: «Если кто совершил преступление, его не могли спасти от смерти ни помилование, ни родственники»⁴.

Можно привести еще одну цитату по тому же вопросу, относящуюся к организованному в роды индейцам Флориды. Эррера отмечает, что «они с исключительной любовью относятся к своим детям и всячески лелеют их, родители и родственники оплакивают умерших детей в продолжение целого года»⁵. Ранние наблюдатели отмечали ту особенность индейского общества, что большое число лиц было связано узами родства, и такая группа стала обозначаться выражением «родственники». Но они не углубили своих исследований настолько, чтобы открыть, — а оно, вероятно, так и было на самом деле, — что эти родственники составляли род, иначе говоря, единицу их общественной системы.

Эррера говорит далее о майя, что «они придают большое значение своей родословной и поэтому считают друг друга родственниками и всегда помогают друг другу. . . Они не женились на тещах или на свояченицах и вообще на лицах, носивших то же самое имя, как их отец, что считалось преступным»⁶. Родословная индейца, при их системе кровного родства, не могла иметь никакого значения вне рода, но и помимо этого, в условиях их общественного строя, отец и его дети могли носить одно и то же имя, только принадлежать к одному роду, который давал общее родовое имя всем своим членам. А для того чтобы отец и дети принадлежали к одному роду, происхождение должно было считаться по мужской линии. Приведенная цитата показывает сверх того, что у майя браки в пределах рода были запрещены. Принимая достоверность рассказа Эрреры, мы имеем здесь убедительное доказательство существования у майя родов со счетом происхождения по мужской линии. Тэйлор в своем ценном труде о «Начальной истории человечества», представляющем собой собрание обширных и хорошо разработанных этнологических материалов, приводит из другого источника тот же самый факт, присовокупляя следующие замечания: «Итак, сходство обычая северо-американских индейцев с обычаем австралийцев состоит в том, что материнские кланы составляют препятствие к браку; но если мы спустимся к югу, в Центральную Америку, то встретим, как в Китае, противоположный обычай. Диего де Ланда говорит об обитателях Юкатана, что никто не вступает в брак с женщиной, носящей то же имя, что и его с отцовской стороны, так как это

¹ Address, p. 12.

² General History of America, Lond. ed., 1726. Stevens' Trans., III, 299.

³ Ib., IV, 171.

⁴ Ib., III, 203.

⁵ Ib., IV, 33.

⁶ Ib., IV, 171.

считается у них очень дурным поступком, но они могут вступать в брак с двоюродными сестрами и братьями с материнской стороны»¹.

ХII. Племена южно-американских индейцев

Следы рода, равно как и несомненное наличие ганованской системы кровного родства, были открыты во всех частях Южной Америки, но этот вопрос недостаточно исследован. Говоря о многочисленных племенах Андов, объединенных инками в своего рода конфедерацию, Эррера замечает: «это разнообразие наречий произошло оттого, что нации разделялись на колена, племена или кланы»². Здесь под именем кланов утверждается существование родов. Разбирая правила, касающиеся брака и счета происхождения, Тэйлор замечает, что «далее на юг, по ту сторону перешейка, и организация в кланы и запрещение брака вновь строятся по женской линии. Берно говорит, что у араваков Британской Гвианы „принадлежность к касте определяется по матери, и дети могут заключать браки в семействе своего отца, но не своей матери“». Наконец, патер Мартин Добрицгоффер говорит, что гуарани избегают брака с самыми отдаленными родственниками, как в высшей степени преступного, а относительно абипонов замечает: „Абипоны, наученные природой и примером своих предков, гнушаются даже мысли о заключении брака с лицом, родственником в самой отдаленной степени“»³. Все эти указания, касающиеся общественной системы туземцев, неопределенны, но в свете ранее приведенных фактов они становятся понятными тогда, когда мы допустим существование родов со счетом происхождения по женской линии и с запрещением брака в пределах рода. Бретт говорит об индейских племенах Гвианы, что «они делятся на семьи, каждая из которых имеет определенное имя, например: Siwidi, Karuafudi, Onisidi и т. д. В противоположность нашему семейному порядку, происхождение считается у них по женской линии, и лица, носящие одинаковые семейные имена, не имеют права вступать друг с другом в брак. Таким образом женщина из семейства Siwidi имеет то же имя, что и ее мать, но ни отец, ни муж не могут принадлежать к этому семейству. Ее дети и дети ее дочерей называются также Siwidi, но ни сыновья, ни дочери не могут вступать в брак с лицами, носящими то же имя, хотя они, если хотят, могут вступать в брак в семействе своего отца. Эти обычаи строго соблюдаются, и любое нарушение их считается преступным»⁴. В «семействе» этого автора можно сразу узнать род в его архаической форме. Все вышеназванные южно-американские племена, за исключением племен Андов, находились в эпоху их открытия или на низшей ступени варварства, или в периоде дикости. Многие перуанские племена, объединенные под властью оседлых индейцев-инков, находились на низшей ступени варварства, насколько можно заключить из весьма несовершенных описаний их домашних учреждений Гарсилассо де ла Вега.

При исследовании переходной истории родов наше внимание естественно обращается к оседлым индейцам Северной и Южной Америки, которые в своем самостоятельном культурном развитии достигли почти конца среднего периода варварства. Мы показали архаический строй рода; описать последние фазы его развития мы сможем на примере греческих и римских родов; но для полной истории родовой организации необходимо знакомство с теми промежуточными изменениями как в счете происхождения, так и в праве наследования, которые произошли в среднем периоде. Мы располагаем достаточно обширными сведениями о раннем и позднейшем состоянии этого великого учреждения, но для переходных стадий материал неполон. Роды должны были существовать в своей архаической форме у отдаленных предков тех племен, у которых мы находим эти организации в их позднейшей форме; но историческая критика требует по-

¹ Early History of Mankind, p. 287.

² General History of America, IV, 231.

³ Early History of Mankind, p. 287.

⁴ Indian Tribes of Guiana, p. 98; цитировано Лейббоком, Origin of Civilization, p. 98.

ложительных доказательств, а не умозаключений. Эти доказательства существовали некогда у оседлых индейцев. Мы теперь хорошо знаем, что их строй был общественным, а не политическим. Высшие члены органического ряда, а именно племя и конфедерация, встречаются во многих местах; положительные доказательства существования рода, единицы этой системы мы находим у ряда племен оседлых индейцев. Но мы не имеем возможности изучить роды оседлых индейцев вообще на основании столь же точных данных, какие мы имеем для племен, стоящих на низшей ступени варварства. Испанские завоеватели и колонисты упустили представлявшиеся им исключительные возможности, будучи явно неспособны понять состояние общества, так далеко отставшего от прогресса цивилизованного человека. Не поняв единицы их социальной системы, единицы, наложившей свою печать на весь общественный организм, испанские историки совершенно не смогли изобразить их общественные учреждения.

Одного взгляда на остатки древних сооружений в Центральной Америке и Перу достаточно, чтобы показать, что средняя ступень варварства была периодом большого прогресса в развитии человечества, периодом расширения знаний и роста интеллекта. За ним последовал в восточном полушарии период еще более замечательный, после того как изобретение способа обработки железа дало прогрессу тот последний толчок, который привел часть человечества к цивилизации. Наше удивление перед величием пути, пройденного человеком в последнем периоде варварства, когда изобретения и открытия так быстро следовали друг за другом, было бы еще большим, если бы мы точно знали состояние общества в среднем периоде варварства, превосходным образцом которого являются оседлые индейцы. При больших усилиях и упорной работе можно все же восстановить по меньшей мере значительную часть утраченных сокровищ знания. Во всяком случае, имеющиеся у нас и сейчас данные дают основание заключить, что в эпоху открытия Америки индейские племена были повсюду организованы в роды, при чем немногие найденные нами исключения не могут опровергнуть общее правило.

Глава седьмая

АЦТЕКСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

Ошибочное представление об ацтекском обществе. — Уровень его развития. — Племена науатль. — Заселение ими Мексики. — Основание пуэбло Мексико в 1325 году. — Учреждение ацтекской конфедерации в 1426 году. — Пределы территориального господства. — Вероятная численность населения. — Были ли ацтеки организованы в роды и фратрии? — Совет вождей. — Его вероятные функции. — Должность Монтецумы. — Выборное начало. — Низложение Монтецумы. — Вероятные функции его должности. — Учреждения ацтеков были в основе демократическими. — Их строй был военной демократией.

Испанские авантюристы, захватившие пуэбло Мексико, составили себе ошибочное представление, что правление ацтеков было монархическим, в основных чертах аналогичным тогдашним монархиям Европы. Этот взгляд был целиком принят ранними испанскими писателями, без подробного исследования структуры и основ социальной системы ацтеков. Вместе с этим ошибочным представлением в употребление вошла и терминология, совершенно не соответствовавшая учреждениям ацтеков; это обстоятельство до такой степени исказило исторический рассказ, что он стал походить скорее на продукт фантазии. С захватом единственного укрепленного пункта, которым владели ацтеки, их общественный строй был разрушен, его место заняло испанское владычество, а сущность их внутренней организации и политики были преданы полному забвению¹.

Ацтеки и конфедерированные с ними племена не знали железа и, следовательно, не имели железных орудий; у них не было денег, и они вели меновой торг

¹ Историческим описаниям испанской Америки можно доверять во всем, что касается деяний испанцев, а равно действий и личной характеристики индейцев; во всем, что касается

тогарами; но они обрабатывали самородные металлы, занимались земледелием при помощи орошения, изготовляли грубые хлопчатобумажные ткани, строили общинные дома из необожженного кирпича и камня и выделывали глиняные изделия превосходного качества. Они достигли таким образом средней ступени варварства. Их земли были еще в коллективном владении, они жили большими домохозяйствами, состоявшими из нескольких родственных семейств; имеются положительные основания считать, что в этих домохозяйствах господствовал коммунизм. Можно определенно сказать, что они приготавливали пищу только один раз в день, именно обед, который ели отдельно — сперва мужчины, затем женщины и дети. Не имея ни столов, ни стульев, они еще не научились есть свой единственный ежедневный обед так, как это делают цивилизованные нации. Эти черты их общественного быта достаточно ясно показывают относительное состояние их развития.

Вместе с оседлыми индейцами других частей Мексики и Центральной Америки, а равно и Перу, ацтеки представляют наилучшую иллюстрацию данного состояния древнего общества. Они представляли одну из великих стадий прогресса на пути к цивилизации, на которой учреждения, вышедшие из предшествующего этнического периода, достигли известного развития, чтоб с дальнейшим ходом человеческого опыта подняться на более высокую этническую ступень и подвергнуться дальнейшему развитию вплоть до достижения цивилизации. Но оседлым индейцам не было суждено достигнуть высшей ступени варварства, так хорошо представленную гомеровскими греками.

Индейские пуэбло долины Мексико раскрыли перед европейцами утраченное для последних состояние древнего общества, которое оказалось столь замечательным и своеобразным, что возбудило в то время неутолимое любопытство. О туземцах Мексики и испанском завоевании было написано в десять раз больше томов, чем о каком-либо другом народе, достигшем той же ступени развития, или о каком-либо другом того же значения событии. И все же нет народа, об учреждениях и образе жизни которого было бы известно так мало достоверного. Замечательное зрелище, представившееся взорам наблюдателей, так воспламенило воображение, что вымысел занял преобладающее место, которое удерживает до настоящего времени. В результате, строй общества ацтеков не был во-время зафиксирован, что явилось большой потерей для истории человечества. Приходится не упрекать кого-либо, а лишь выразить глубокое сожаление. Но даже то, что было с такой старательностью написано, может быть использовано при будущей попытке восстановить историю ацтекской конфедерации. Некоторые данные сохраняют положительное значение и дают возможность вывести из них другие данные. Таким образом надо думать, что хорошо направленное непосредственное исследование может, хотя бы в известной мере, восстановить основные черты социальной системы ацтеков.

«Королевство Мексико», как его называют ранние исторические описания, и «империя Мексико» позднейших описаний представляет собой продукт воображения. В свое время, за отсутствием правильных сведений об учреждениях ацтеков, еще было некое кажущееся основание для того, чтоб представлять их общественный строй в виде монархии, но поддерживать дальше это заблуждение не приходится. То, что нашли испанцы, было простой конфедерацией трех индейских племен, аналогии которой существовали во всех частях континента, и в своих описаниях у них не было никакого основания перейти хотя бы на шаг за пределы этого единственного факта. Управление находилось в руках совета вождей совместно с высшим начальником военных отрядов. Это было правление

их оружия, утвари и орудий, изделий, пищи, одежды и тому подобных вещей. Но во всем, что касается индейского общества и управления, их общественных отношений и образа жизни, эти описания не имеют никакой цены, так как в этой области их авторы ничего не поняли и ничего не знали. Мы совершенно свободно можем совсем отбросить эти описания в указанных отношениях и начать сызнова, используя те из содержащихся здесь данных, которые согласуются с нашими сведениями об индейском обществе.

двух властей; гражданскую представлял совет, военную — высший военный вождь. Псколькo учреждения конфедерированных племен были в основе демократическими, этот общественный строй, если необходимо более специальное определение, чем конфедерация, можно назвать военной демократией.

Три племени — ацтеки или мексиканцы, тецкуки и тлакопа — были объединены в ацтекскую конфедерацию, что дает два высших члена органического ряда общественных форм. О том, существовали ли у них первый и второй члены, а именно род и фратрия, ни один из испанских писателей не дает определенных указаний; но они, хотя и неотчетливо, описывают известные учреждения, которые становятся понятными лишь тогда, когда мы восстановим эти недостающие члены органического ряда. Фратрия не столь важна, но иное дело — род, поскольку он является единицей, на которой покоится вся эта общественная система. Не вступая в обширный и запутанный лабиринт ацтекских вопросов, как они стоят сейчас в исторической науке, я постараюсь привлечь внимание читателя лишь к некоторым особенностям общественной системы ацтеков, которые смогут показать ее действительный характер. Но до того необходимо рассмотреть отношения конфедерации к окружающим племенам.

Ацтеки были одним из семи родственных племен, пришедших с севера и поселившихся в долине Мексико, а равно в смежном районе. В эпоху испанского завоевания они принадлежали к числу исторических племен этой страны. В своих преданиях они называли себя общим именем нахуатль. Акоста, посетивший Мексико в 1585 году, приводит в своем сочинении, изданном в Севилье в 1589 году, распространенное среди туземцев предание об их последовательных миграциях из Ацтлана вместе с именами племен и названиями мест их поселения. Оно указывает, что племена эти прибыли в следующем порядке: 1. Сочимильки, «Нация цветочных семян», поселилась на озере Ксочимилько, на южном склоне долины Мексико; 2. Чалка, «Народ устья», пришли значительно позже и поселились поблизости, на озере Чалько; 3. Тепанеки, «Народ моста», поселились у Ацкопоцалько, к западу от озера Тецкуко, на западном склоне долины; 4. Кулхуа, «Кривой народ», поселились на восточном берегу озера Тецкуко и позднее были известны под именем тецкуков; 5. Тлатлуика, «Люди Сиерры», найдя долину вокруг озера занятой, перешли Сиерру в южном направлении и поселились по другую ее сторону; 6. Тласкала, «Люди хлеба», прожив некоторое время вместе с тепанеками, поселились в конце концов на востоке, за пределами долины, у Тласкала; 7. Ацтеки, пришедшие последними, заняли область нынешнего города Мексико¹. Акоста замечает далее, что они пришли «из далеких стран, лежащих на севере, где теперь открыто королевство, которое называется Новая Мексика»². То же предание передают Эррера³ и Клавигеро⁴. Отметим, что о тлакопа в этом рассказе не упоминается; они представляют собой, по всей вероятности, подразделение тепанеков и остались в первоначально занятой этим племенем области, тогда как остальная часть, очевидно, перешла на территорию, лежащую непосредственно к югу от тласкала, где их нашли под именем тепеака. У последних имелась такая же легенда о семи пещерах; они говорили на диалекте языка нахуатль⁵.

Это предание отражает один знаменательный факт, который не мог быть выдуман, а именно, что все эти семь племен имели непосредственное общее происхождение; это подтверждается и их диалектами. Другой важный факт состоит в том, что они пришли с севера. Это показывает, что они первоначально составляли один народ, который путем естественной сегментации распался на семь и более племен. Кроме того, именно это обстоятельство сделало возможным и ве-

¹ The Natural and Moral History of the East and West Indies, Lond. ed., 1604, Grimstone's Trans., pp. 497—504.

² Ibid., p. 499.

³ General History of America, Lond. ed., 1725, Stevens' Trans., III, 188.

⁴ History of Mexico, Philadelphia, ed., 1817, Cullen's Trans., I, 119.

⁵ Herrera, Hist. of Amer., III, 110.

роятным существование ацтекской конфедерации, так как общий язык является главной основой подобных организаций.

Ацтеки нашли лучшие места долины уже занятыми и, переменяв несколько раз свое место, поселились в конце концов на небольшом участке высохшей земли, посреди болотистой местности, окруженной полями, покрытыми лавой, и естественными прудами. Здесь, по словам Клавиеро, они основали в 1325 году, за сто девяти лет до испанского завоевания, знаменитое пуэбло Мексико (Тенохтитлан)¹. Число ацтеков было незначительно и положение их было тяжелое. Но, к счастью для них, протоки озер Ксочимилько и Чалько и ручьи с западных гор протекали по их территории, впадая в озеро Тецкуко. Будучи достаточно сообразительными, чтобы понять выгоды такого положения, они сумели посредством плотин и каналов окружить свое пуэбло обширным искусственным прудом, снабжаемым водой из указанных источников. А так как уровень озера Тецкуко был тогда выше, чем теперь, то это сооружение, когда оно было закончено, создало им наиболее прочное положение среди всех племен в долине. Строительная техника, при помощи которой ацтеки осуществили это дело, была одним из крупнейших достижений, без которого они, вероятно, не поднялись бы над уровнем окружающих их племен. Следствием этих сооружений были независимость и благосостояние, а со временем и господствующее влияние над племенами долины. Так основано было пуэбло и так недавно это произошло, согласно преданиям ацтеков, которые можно считать вполне достоверными.

В эпоху испанского завоевания пять из семи племен, а именно ацтеки, тецкуки, тлакопа, сочимильки и чалка, населяли долину, представлявшую собой весьма ограниченную по размерам территорию, приблизительно равную штату Род-Айленд. Это была горная котловина, без всякого стока, овальной формы, вытянутая с севера на юг, имевшая сто двадцать миль в окружности, площадью приблизительно в тысячу шестьсот квадратных миль, не считая пространства, покрытого водой. Долина, как было сказано, окружена цепью гор, поднимающихся в виде террас, с углублениями между ними, и образующих барьер. Названные племена населяли около тридцати пуэбло, из которых самым большим было Мексико. Мы не имеем указаний о том, чтобы сколько-нибудь значительная часть этих племен поселилась вне этой долины или на соседних горных склонах; напротив, имеются обильные свидетельства того, что вся остальная часть современной Мексики была тогда занята многочисленными племенами, говорившими на языках отличных от языка нахуатль, при чем большинство этих племен было независимо. Тласкала, чолула, вероятно, подразделение первых, тепеака, хуексотцинко, мецитла, вероятно, подразделение тецкуков, и тлатлуика были остальные племена нахуатль, жившие вне долины Мексико; все они, за исключением последнего и тепеака, были независимы. Большое число других племен, составлявших около семнадцати территориальных групп и говоривших на стольких же основных языках, занимали остальную часть Мексики. Они составляют, в своем состоянии раздробленности и независимости, почти точную копию племен Соединенных Штатов и Британской Америки в эпоху их открытия, т. е. на столетие или несколько более позже.

До 1426 года, когда возникла ацтекская конфедерация, в жизни племен долины произошло очень мало, что бы имело историческое значение. Они были раздроблены и воинственны и не имели влияния за пределами своего непосредственного местожительства. С этого же времени начинает обнаруживаться преобладающее положение ацтеков, сказываясь в перевесе их численности и силы. Под предводительством своего военного вождя Итцкоатля они сломали существовавшее до тех пор верховенство тецкуков и тлакопа, и на смену прежних междуусобных войн был учрежден союз или конфедерация. Это было оборонительный и наступательный союз трех племен, при чем было заключено соглашение о дележе в известной пропорции добычи и последующей дани с покоренных

¹ History of Mexico, loc. cit., I, 162.

племен¹. Эта дань, состоявшая из ремесленных изделий и продуктов огородничества покоренных селений, повидимому, налагалась планомерно и взыскивалась со всей строгостью.

Основные черты структуры этой конфедерации не известны. За неимением подробных данных теперь трудно решить, был ли это просто союз, который мог по желанию быть продолжен или расторгнут, либо это была прочная организация, подобная ирокезской, члены которой были связаны постоянными и определенными отношениями. Каждое племя во всем, что касалось местного самоуправления, было независимо, но во внешних отношениях, во всем, что касалось нападения или обороны, эти три племени составляли один народ. Каждое племя имело свой совет вождей и своего военного вождя, но военный вождь ацтеков был главнокомандующим союзных отрядов. Это можно заключить из того, что тецкуки и тлакопа пользовались правом голоса при избрании и при утверждении военного вождя ацтеков. Удержание ацтеками в своих руках верховного командования указывает на то, что их влияние преобладало при определении условий, на которых племена вступили в конфедерацию.

Нецахуалькохотль, смещенный или, по крайней мере, отстраненный от должности верховного военного вождя тецкуков, был в это время (в 1426 году) восстановлен благодаря влиянию ацтеков. Это событие можно считать датой основания конфедерации или союза.

Прежде чем рассмотреть ограниченное число фактических данных, иллюстрирующих характер этой организации, следует вкратце познакомиться с расширенным территориальным господством, достигнутого конфедерацией в течение короткого времени ее существования.

С 1426 по 1520 год, т. е. в течение девяносто четырех лет, конфедерация вела постоянные войны с соседними племенами, в особенности со слабыми оседлыми индейцами, жившими к югу от долины Мексико вплоть до Тихого океана, а оттуда на восток, по направлению к Гватемале. Они начали со своих ближайших соседей, которых благодаря своему численному превосходству и сосредоточенным действиям покорили и обложили данью. Селения в этой области были многочисленны, но не велики; они состояли во многих случаях из одного большого здания из необожженного кирпича или камня, а иногда из нескольких рядом стоящих зданий. Эти общинные дома составляли значительное препятствие для ацтеков, но не оказались все же неприступными. Такие набеги повторялись время от времени с определенной целью собрать добычу, наложить дань и взять пленных для жертвоприношений², пока главнейшие племена в пределах указанной области, за немногими исключениями, не были покорены и обложены данью, в том числе и разбросанные селения тотонаков, расположенные близ нынешнего Бера-Круца.

Попытки включить эти племена в состав ацтекской конфедерации не делались, поскольку при данном строе различие в языке составляло непреодолимое препятствие. Они были оставлены под управлением своих собственных вождей

¹ Clavigero, History of Mexico, I, 229; Herrera, III, 312; Prescott, Conq. of Mex., I, 18.

² Ацтеки, как и северные индейцы, не обменивались пленными и не освобождали их. У последних участие пленного, если он только не спасался усыновлением, был кол; у первых, под влиянием жречества, несчастный пленный приносился в жертву верховному божеству, которому они поклонялись. Посвящать жизнь пленного богам, т. е. жизнь, которую дикари и варвары с незапамятных времен привыкли считать ореченной, было высоко концепцией первой иерархии человеческих учреждений. Организованное жречество появляется впервые у американских туземцев на средней ступени варварства в связи с изобретением идолов и человеческих жертвоприношений, служивших средством приобретения власти над человечеством при посредстве религиозных чувств. Подобную же историю имела, по всей вероятности, эта организация и у всех других наиболее значительных человеческих племен. В течение трех подпериодов варварства последовательно возникали три различных способа обращения с пленными. Сначала пленныя сжигали, посадив на кол, затем приносили в жертву богам и наконец обращали в рабство. Все эти виды обращения с пленными основывались на принципе, что жизнь пленного принадлежит его победителю. Принцип этот так глубоко вошел в человеческое сознание, что для искоренения его потребовались соединенные усилия цивилизации и христианства.

и сохраняли свои порядки и обычаи. В некоторых случаях среди них поселялся сборщик дани. Ничтожные результаты этих завоеваний обнаруживают истинный характер учреждений ацтеков. Господство сильного над слабыми с единственной целью наложить принудительную дань, не имело ни малейшего значения для образования нации. При родовой организации отдельное лицо могло стать членом правящей группы только при посредстве рода, род же мог быть принят в организацию только путем включения его в состав родов ацтеков, тецкуков и тлакопа. Приписываемый Ромулу план переселить в Рим роды побежденных латинских племен мог быть применен и ацтекской конфедерацией к покоренным ею племенам; но они были недостаточно развиты для того, чтобы у них могла возникнуть подобная идея, если даже было возможно устранить препятствие, которым являлся язык. По той же причине колонисты, поселенные среди завоеванных племен, не смогли ассимилировать их настолько, чтобы подготовить к включению в социальную систему ацтеков. При таком положении конфедерация не приобрела новой силы путем созданного ею режима террора, но, наложив на покоренные племена тяжелое ярмо, внушила им ненависть и постоянную готовность к восстанию. Все же в некоторых случаях ацтеки, повидимому, пользовались военными отрядами покоренных племен и делили с ними добычу. Все что могли сделать ацтеки после основания конфедерации, это — распространить ее на остальные племена нахуатль. Но они оказались не в состоянии выполнить это. Сочимилька и чалка не были постоянными членами конфедерации и пользовались номинальной независимостью, хотя и платили дань.

Этим почти исчерпывается все, что в настоящее время известно о действительных основаниях так называемого королевства или империи ацтеков. Конфедерация сталкивалась с враждебными и независимыми племенами на западе, северо-западе, северо-востоке, востоке и юго-востоке; это были: мичоаки на западе, отоми на северо-западе (отдельные орды отоми, разбросанные вблизи долины, были обложены данью), чичимеки или дикие племена, обитавшие к северу от отоми, мецтитла на северо-востоке, тласкала на востоке, чолула и хуексотцинко на юго-востоке, а за ними племена табаско, чиапа и цапотеки. В этих различных направлениях господство ацтекской конфедерации распространилось за пределы долины Мексико не больше, чем на сто миль, при чем часть этой области представляла собой несомненную нейтральную территорию, отделявшую конфедерацию от ее постоянных врагов. Из таких ограниченных материалов и было построено мексиканское королевство испанских хроник, возведенное современной историей в ранг ацтекской империи.

Необходимо сказать несколько слов о населении долины и пуэбло Мексико. Нет возможности установить численность пяти племен нахуатль, населявших долину. Всякое определение ее может быть лишь предположительным. Исходя из того, что известно об их огородничестве, средствах существования, учреждениях, из их ограниченной области, и не упуская из виду получаемой ими дани, численность в двести пятьдесят тысяч человек надо считать преувеличенной. Это дает около ста шестидесяти человек на кв. милю, плотность почти вдвое большую, чем средняя плотность нынешнего населения штата Нью-Йорк и почти равную средней плотности населения Род-Айленда. Трудно понять, на каких основаниях можно принять такую большую численность обитателей даже всех тридцати—сорока селений этой долины. Те, кто принимают еще большее число, должны доказать, каким образом варварский народ, не имевший домашних животных и стад и не знавший полевого земледелия, мог прокормить на такой же территории большее число жителей, чем может содержать в настоящее время цивилизованный народ, вооруженный всеми этими преимуществами. Этого нельзя доказать по той простой причине, что этого не могло быть. Из общего количества населения на пуэбло Мексико приходилось, вероятно, тридцать тысяч человек¹.

¹ При исчислении населения Мексики испанские историки расходятся, но ряд их сходится в определении числа домов, указывая, как это ни странно, цифру в *шестьдесят тысяч*. Суасо.

После сказанного нет необходимости останавливаться на положении и взаимоотношениях племен долины. Ацтекская монархия должна быть вычеркнута из истории туземцев Америки не только как вымысел, но и как ложное представление об индейцах, которые не развили у себя и не изобрели монархических учреждений. Созданное ими управление было конфедерацией племен и ничем больше, которая по своей структуре и симметричности была, вероятно, ниже конфедерации ирокезов. При исследовании этой организации названий военного вождя, сахема и вождя будет достаточно для различения их должностных лиц.

Пуэбло Мексико было самым большим в Америке. Живописно расположенное посреди искусственного озера, с большими общинными домами, оштукатуренными гипсом, что придавало им блестящую белизну, это пуэбло, проникнуть в которое можно было только через плотины, показалось издали испанцам неожиданным и восхитительным зрелищем. Оно раскрывало картину древнего общества, отставшего от европейского на два этнических периода, и должно было своим налаженным строем жизни возбудить любопытство и даже энтузиазм. Преувеличение оценок было в известной мере неизбежно.

Некоторые черты, показывающие уровень развития ацтеков, были уже отмечены; мы можем теперь присоединить к ним и некоторые другие. У них были найдены красиво расположенные сады, склады оружия и военной одежды, превосходные украшения, хлопчатобумажные ткани прекрасной работы, отлично сделанные орудия и утварь и большое разнообразие пищи; изобразительное письмо, служившее главным образом для указания дани, которую должно было платить натурой каждое покоренное селение; календарь для исчисления времени и открытые рынки для менового торга товарами. Ими были созданы административные должности для удовлетворения запросов растущей городской жизни; было учреждено духовенство с храмовым культом и ритуалом, включавшим человеческие жертвоприношения. Должность высшего военного вождя также приобрела большое значение. Эти и другие черты их состояния, которые нет необходимости детализировать, сопряжены с соответствующим развитием их общественных учреждений. Таковы некоторые различия между низшей и средней ступенями варварства, как это иллюстрируется относительным состоянием ирокезов и ацтеков, имевших, несомненно, одни и те же по существу учреждения.

После этих предварительных замечаний остается исследовать три важнейших вопроса, относящихся к общественной системе ацтеков. Первый касается существования родов и братрий, второй — существования и функций совета вождей и третий — существования и функций должности высшего военачальника, которую занимал Монтецума.

1. Существование родов и братрий

Может казаться странным, что ранние испанские писатели не открыли ацтекских родов, если они в действительности существовали; но почти то же самое было с ирокезами, которых наши собственные соотечественники наблюдали свыше двухсот лет. Существование у них кланов, называвшихся по именам животных, было отмечено уже очень рано, однако никто не подозревал, что мы

посетивший Мексико в 1521 году, пишет: „шестьдесят тысяч жителей“ (Prescot, Conq. of Mex., II, 112, note); Анонимный завоеватель, сопровождавший Кортеса, тоже пишет: „шестьдесят тысяч жителей“, „soixante mille habitants“ (H. Ternaux-Compins, X, 92); но Гомара и Мартир пишут: „шестьдесят тысяч домов“, каковое исчисление было принято Клавигеро (Hist. of Mex., II, 360), Эррерой (Hist. of Amer., II, 360) и Прескоттом (Conq. of Mex., II, 112). Солис говорит: „шестьдесят тысяч семейств“ (Hist. Conq. of Mex., I, c., I, 393). Такое исчисление дало бы население в 300 000, тогда как Лондон в то время насчитывал всего 145 000 жителей (Black's, London, p. 5). Наконец, Торквемада, цитируемый Клавигеро (II, 360, note), смело пишет: „сто двадцать тысяч домов“. Едва ли можно сомневаться, что дома этого пуэбло были преимущественно большие общинные дома, как и в Новой Мексике того же времени, достаточно обширные, чтобы в каждом могло удобно поместиться от пятидесяти и даже до ста семейств. Любое из приведенных чисел представляет собой грубую ошибку. Суасо и Анонимный завоеватель подошли наиболее близко к приемлемому исчислению, так как увеличили вероятное количество не на много больше, чем вдвое.

имеем здесь единицу социальной системы, на которой покоится как племя, так и конфедерация¹. Упущение испанских исследователей, не заметивших существования родовой организации у племен Испанской Америки, не служит доказательством ее отсутствия, но если таковая существовала, это доказывало бы только поверхностность их исследований в этом вопросе.

Однако у испанских писателей имеется значительное число косвенных и отрывочных указаний, свидетельствующих о существовании как рода, так и фратрии; некоторые из этих указаний мы теперь рассмотрим. Мы ссылались уже на частое употребление Эррерой термина «родственники», откуда вытекает, что были замечены группы лиц, связанных узами крови. Судя по размерам этой группы, она представляет собой род. Термин «колено» иногда употребляется для обозначения еще большей группы, под которой следует разуметь фратрию.

Пуэбло Мексико делилось географически на четыре квартала, из которых каждый был занят одним коленом, одной группой людей, находившихся в более близком родстве друг с другом, чем с жителями других кварталов. Можно предположить, что каждое колено было фратрией. Каждый квартал, в свою очередь, разделялся, и каждое его подразделение было занято сообществом лиц, связанных какими-то общими узами². Можно предположить, что это сообщество было родом. Если мы обратимся к родственному ацтекам племени тласкала, то здесь обнаруживаются почти те же самые факты. Их пуэбло делилось на четыре квартала, из которых каждым владело одно колено. Каждый квартал имел своего *teuctli* или высшего военного вождя, свою особую военную одежду, свои собственные знамя и герб³. Представляя собой один народ, они находились под управлением совета вождей, который испанцы возвели в ранг тласкаланского сената⁴. Подобным же образом чолула разделялись на шесть кварталов, которые Эррера называет городскими округами, что сводится к тому же⁵. У ацтеков, распределенных между собой соответственно их общественным подразделениям части пуэбло, которые каждое должно было занимать, эти территориальные участки были результатом их способа поселения. Если рассматривать под таким углом зрения краткое сообщение о возникновении этих «кварталов» при основании Мексико, заимствованное Эррерой и Акоста, то мы подойдем очень близко к истинному положению вещей. Упомянув о сооружении «храма из глины и камня для идола», Эррера продолжает: «После этого идол повелел жрецу приказать вождям вместе с их родственниками и сторонниками разделить на четыре округа или квартала так, чтобы выстроенный для него дом оставался посредине и чтобы каждая часть устроилась как ей казалось лучше. Так возникли четыре квартала Мексико, ныне называемые кварталами св. Иоанна, св. Марии Круглой, св. Павла и св. Себастьяна. После того как это разделение было выполнено, идол вновь велел им разделить между собою указанных им богов и отнести в каждом округе особое место для поклонения этим богам; так, каждый округ, в свою очередь, разделился на несколько меньших округов в соответствии с числом богов, которым этот идол приказал поклоняться... Так было основано Мексико, Тенохтитлан... Когда это разделение было исполнено, те, кто считал себя обиженными, ушли вместе со своими родственниками и сторонниками искать другое место»⁶, а именно соседнее Тлателулько. Следует, очевидно, истолковать этот рассказ так, что ацтеки разделились по признаку родства сначала на четыре большие части, а затем, в пределах этих частей, на меньшие подразделения; это обычный шаблон для изображения подобного рода процессов. На самом же деле процесс совершался как раз противоположным путем, именно каждая группа родственников поселялась отдельно на определенной территории, однако таким образом, чтобы

¹ League of the Iroquois, p. 78.

² Herrera, III, 194, 209.

³ Herrera, II, 279, 304; Clavigero, I, 146.

⁴ Clavigero, I, 147; четыре военных вожда были *ex officio* членами совета (ib., II, 137).

⁵ Herrera, II, 310.

⁶ Herrera, III, 194.

группы, находившиеся в ближайшем родстве, были соседями. Если принять, что самое меньшее подразделение было родом и что каждый квартал был занят фратрией, состоящей из родственных родов, то первоначальное разделение ацтеков в их пуэбло становится совершенно понятным. Без этого удовлетворительное объяснение невозможно. Если народ, организованный в роды, фратрии и племена, водворялся в городе, то он расселялся по родам и племенам, что было естественным следствием его социальной организации. Таким порядком селились в своих городах греческие и римские племена. Например, три римских племена, организованные в роды и курии (курия была аналогична фратрии), расселились в Риме по родам, куриям и племенам. Рамны владели Палатинским холмом, титии жили большей частью на Квиринале, а люцеры — на Эсквилине. Если ацтеки делились на роды и фратрии и составляли только одно племя, то они естественно занимали столько кварталов, сколько у них было фратрий, при чем роды каждой фратрии, в свою очередь, помещались преимущественно обособленно. Так как муж и жена принадлежали к различным родам, а дети — к роду отца либо матери, в зависимости от того, считалось ли происхождение по мужской или по женской линии, то преобладающее большинство жителей каждой местности принадлежало к одному и тому же роду.

Военная организация ацтеков была основана на этих общественных делениях. Как Нестор советовал Агамемнону построить войска по фратриям и племенам, так, повидимому, и ацтеки строились по родам и фратриям. В «Мексиканской хронике» туземного автора Тецоцомока (указанием на нижеследующую цитату я обязан моему другу Ад. Ф. Банделиру, из Хайленда в Иллинойсе, который в настоящее время занят переводом этой хроники) рассказывается о приготовлении мичоаков к походу. «Аксайкатль обратился к мексиканским вождям Тлакатекатлю и Тлакочкалькатлю и ко всем остальным и спросил, готовы ли все мексиканцы, по правилам и обычаям каждого округа, каждый со своими вождями; если готовы, то пусть выступают в поход и соберутся все у Матлатцинко Толука»¹. Мы видим здесь, что военная организация была построена по родам и фратриям.

Вывод о существовании у ацтеков родов вытекает также из их землевладения. Клавигеро замечает, что «земли, называвшиеся *altepetlalli* [*altepetl* — пуэбло], т. е. принадлежавшие городским и сельским общинам, были разделены на столько частей, сколько было участков в городе, и каждый участок владел своей частью совершенно отдельно и независимо от других. Эти земли никоим образом не могли быть отчуждаемы»². В каждом из этих подразделений мы должны признать род, локализация которого была необходимым следствием их социальной системы. Клавигеро пишет «участок» вместо «общины», тогда как именно эта последняя определяла участок и коллективно владела землей. Элемент родства, связывавший общину, на который Клавигеро не обратил внимания, указывается Эррерой. «У них были другие землевладельцы, называвшиеся старшими отцами [сахемы], вся земля которых принадлежала одному колену [роду], жившему на одном участке; их было много в эпоху заселения Новой Испании при разделе земель; каждое колено получило свой участок и владело им до настоящего времени; земли эти принадлежали не отдельным лицам, но всем сообща, и владельцы их не могли их продавать, хотя и пользовались ими пожизненно и оставляли своим сыновьям и наследникам; а если дом вымирал, то земля доставалась не иначе как ближайшему родственнику, управляющему тем же участком или коленом»³. В этом замечательном описании наш автор пытается, очевидно, согласовать факты с господствующими теоретическими взглядами на ацтекские учреждения. Он изображает нам ацтекского землевладельца, который, как феодальный собственник, владел пожизненно землей вместе с принадлежащим ей титулом

¹ *Cronica Mexicana*, De Fernando de Alvarado Tezozomoc, ch. LI, p. 83, Kingsborough, V, IX.

² *History of Mexico*, II, 141.

³ *History of America*, III, 314. Вышецитированное переведено с испанского Банделиром.

и передавал то и другое своему сыну и наследнику. Но, следуя действительному положению вещей, он устанавливает тот основной факт, что земля принадлежала общине кровных родственников, глава которых именуется «старшим отцом»; это был, можно полагать, сахем рода, при чем земля находилась в коллективном владении всего рода. Предположение, что он владел этой землей по доверию, не имеет смысла. Испанцы нашли, что индейские вожди были связаны с родами, что каждый род владел коллективно участком земли, и когда вождь умирал, то, как указывает Эррера, его место занимал сын. Только в этом можно было усмотреть аналогию с испанскими поместьями и наследственными правами, и недоразумение произошло здесь от непонимания характера и обязанностей должности вождя. Они заметили, что в некоторых случаях сын не наследовал отцу, а должность переходила к кому-нибудь другому; отсюда дальнейшее утверждение: «если дом (*alguna casa* — опять феодальный термин) вымирал, то она [земля] переходила к ближайшему «старшему отцу», т. е., насколько можно заключить из такого способа выражения, сахемом выбиралось другое лицо. То немногое, что испанские писатели сообщают нам об индейских вождях и землевладении племен, искажено терминологией, свойственной феодальным учреждениям, не существовавшим у индейцев. В «колена» мы имеем основание признать ацтекский род, а в «землевладельце» — ацтекского сахема, должность которого была наследственной в роде — в указанном выше смысле — и выборной из среды его членов. Если происхождение считалось по мужской линии, то выбор должен был пасть на одного из родных или коллатеральных сыновей умершего сахема или на внука, сына одного из его сыновей, либо на родного или коллатерального брата. При счете происхождения по женской линии выбор должен был пасть, как уже было сказано выше, на родного или коллатерального брата или племянника. Сахем не имел наследственных прав в отношении земли и, следовательно, не мог их кому-либо передавать. Его можно было считать собственником потому, что должность, которую он занимал была постоянной, и потому, что земля была в неотъемлемом владении рода, которым он управлял как сахем. Ошибочный взгляд на права и обязанности этой должности был обильным источником неисчислимых заблуждений в нашей туземной истории. «Колена» Эрреры и «общины» Клавигеро были, очевидно, организациями и притом тождественными организациями. В этих группах родственников они нашли, сами того не зная, единицу общественной системы ацтеков — род, как мы это должны допустить.

Индейские вожди изображаются испанскими писателями в виде феодальных господ и наделяются правами на земли и властью над людьми, которыми они никогда не обладали. Совершенно неправильно именовать индейского вождя землевладельцем в европейском смысле, ибо это сопряжено с общественным строем, не существовавшим у индейцев. Феодальный господин владел своим рангом и титулом по наследственному праву, пожалованному ему специальным законом, в ущерб правам народа в целом. С этим рангом и титулом, со времени падения феодализма, не соединялось никаких обязанностей, исполнения которых на законном основании могли бы требовать короли или королевство. Напротив, индейский вождь занимает свою должность не по наследственному праву, а по избранию общества, которое сохраняло право сместить его на известном основании. Должность была сопряжена с обязанностью нести определенную службу на пользу избирателям. Он не имел власти над личностью, движимым имуществом или землей членов рода. Отсюда ясно, что между феодальным господином с его правами и индейским вождем с его должностью не существует никакой аналогии. Один принадлежит политическому обществу и представляет угнетение многих немногими, тогда как другой принадлежит родовому обществу и его должность основана на общих интересах членов рода. Привилегиям нет места в роде, фратрии или племени.

Новые следы существования ацтекских родов будут еще появляться. Но уже и теперь мы можем сказать, что предположение об их существовании обосновано.

Об этом можно было предполагать уже заранее, как потому, что мы нашли два высших члена органического ряда, племя и конфедерацию, так и в силу всеобщего господства родовой организации у других племен. Несколько более детальное исследование этого вопроса ранними испанскими писателями поставило бы его вне сомнения и придало бы таким образом истории ацтеков совершенно новую окраску.

Порядки, регулировавшие у ацтеков наследование имущества, дошли до нас в путанном и полном противоречий изображении. Они важны для нашего исследования постольку, поскольку обнаруживают существование целых групп кровных родственников и наследования детей после отца. Если такой порядок действительно существовал, то отсюда следует, что происхождение считалось по мужской линии и что идея собственности получила необычайное развитие. Но вероятно, чтоб наследование принадлежало исключительно детям или чтобы какой-нибудь ацтек владел хотя бы пядью земли, которую он мог бы назвать своей собственной, имея право продать или уступить ее кому угодно.

II. Существование и функции совета вождей

Существование такого совета у ацтеков можно было предсказать, исходя из структуры индейского общества. Теоретически он должен был состоять из класса вождей, которые назывались сахемами и, занимая постоянные должности, были представителями групп родственников. Здесь, как и в других случаях, обнаруживается необходимость существования родов, главные вожди которых должны были представлять народ в его самых мелких общественных подразделениях, как это было и у северных племен. Ацтекские роды прямо необходимы для того, чтобы объяснить существование ацтекских вождей. В наличии ацтекского совета нет ни малейшего сомнения, но о числе его членов и его функциях мы почти ничего не знаем. Брассер де Бурбур замечает общим образом, что «почти все города и племена делятся на четыре клана или квартала, вожди которых образуют великий совет»¹. Хотел ли он этим сказать, что в совет входило по одному вождю от каждого квартала, здесь не ясно, но в другом месте он ограничивает состав ацтекского совета четырьмя вождями. Диего Дурán, написавший свое сочинение в 1579—1581 гг. и бывший, следовательно, предшественником Акоста и Тецоцомока, говорит: «Прежде всего мы должны знать, что в Мексико вслед за избранием короля избирали четырех господ из числа братьев или близких родственников этого короля, которым давался титул принцев и из числа которых избирался король. [Этим должностям он дает названия: *Tlacachcalatl*, *Tlacatecal*, *Bzuaucatl* и *Fillancalque*]... Эти четверо избранных в принцы господ и составляли королевский совет, а равно были председателями и судьями высшего суда, при чем без их согласия нельзя было ничего предпринимать»². Акоста, перечислив те же должности и назвав лиц, занимавших их, «избирателями», замечает, что «все эти четыре высших должностных лица принадлежали к великому совету, без мнения которого король не мог предпринять никакого важного мероприятия»³. А Эррера, разделив эти должности на четыре степени, говорит: «Эти четыре класса дворян входили в верховный совет, без мнения которого король не мог предпринять ничего значительного, при чем король мог быть избран только из числа членов одного из этих четырех классов»⁴. Употребление терминов «король» для обозначения высшего военного вождя и «принцы» для обозначения индейских вождей не могут создать государство или политическое общество там, где их не существовало; но эти ложные наименования придают несвойственный характер и искажают нашу туземную историю, почему должны

¹ *Popol Vuh*, Intro., p. 117, note 2.

² *History of the Indies of New Spain and Islands of the Main Land, Mexico*, 1867. Ed. by Jose F. Ramirez, p. 102. Напечатано по подлинной рукописи. Переведено Банделиром.

³ *The Natural and Moral History of the East and West Indies*, Lond. ed., 1604, Grimstone's Trans., p. 485.

⁴ *History of America*, III, 224.

быть отброшены. Когда хуексотцинко прислали в Мексико послов с предложением союза против тласкала, Монтецума, как рассказывает Тецоцомок, обратился к ним со следующими словами: «Добро пожаловать, братья и сыновья, отдохните немного, так как, хотя я и король, но не могу один дать вам ответ, а только вместе со всеми вождями священного мексиканского сената»¹. Из приведенных выдержек явствует существование верховного совета, который руководил действиями высшего военного вождя, что и является существенным моментом. Это показывает, что ацтеки оградили себя от безответственного деспота, подчинив его действия совету вождей и сделав его избираемым и смещаемым. Если сжатые и неполные утверждения этих авторов как будто ограничивают число членов совета четырьмя, как это, повидимому, делает и Дуран, то такое ограничение невероятно. В таком виде совет представлял бы не ацтекское племя, а небольшую группу родичей, из которых должен был выбираться военачальник. Это не соответствует характеру совета вождей. Каждый вождь был представителем группы, его избравшей, а все вожди вместе представляли племя. Иногда из их числа производился выбор для образования высшего совета, но это делалось в силу органического порядка, который определял число членов этого совета и порядок их постоянного пополнения. Совет тецкуков состоял, повидимому, из четырнадцати членов², тогда как совет в Тласкала был весьма многочисленным. Наличие такого же совета у ацтеков обуславливается структурой и принципами индейского общества, и надо думать, что он действительно существовал. В этом совете мы находим один из утраченных элементов истории ацтеков. Знакомство с его функциями необходимо для понимания ацтекского общества.

Современные исторические сочинения видят в этом совете совещательный орган Монтецумы, совет министров, которых он сам назначал. Так, Клавигеро говорит: «В истории завоевания мы будем часто встречать Монтецуму совещаемся со своим советом по поводу требований испанцев. Мы не знаем числа членов этого совета, и историки не сообщают нам необходимых данных для того, чтоб осветить этот вопрос»³. А между тем это был один из первых вопросов, требовавших исследования, и тот факт, что ранние писатели не позаботились определить состав и функции этого совета, служит лучшим доказательством поверхностного характера их трудов. Мы знаем однако, что совет вождей был учреждением, возникшим вместе с родами, что он представлял своих избирателей и существовал с незапамятных времен, обладая соответствующей властью. Мы находим совет у тецкуков, тлакопа, тласкала, чолула и мичоаков, при чем везде он состоял из вождей. Приведенные данные устанавливают существование совета вождей у ацтеков, но не вероятно, чтоб он состоял только из четырех членов, принадлежавших к одному и тому же колену. У каждого племени Мексики и Центральной Америки, вне всякого сомнения, был свой совет вождей. Он был правящим органом племени, представляя собой постоянное явление во всех частях туземной Америки. Совет вождей является древнейшим правящим учреждением человечества. Можно проследить непрерывное существование его на различных континентах, начиная с высшей ступени дикости, в течение трех подпериодов варварства и до начала цивилизации, когда он, с возникновением народного собрания, был превращен в подготовительный совет; от него ведет свое происхождение современное законодательное собрание, состоящее из двух палат.

Повидимому, у ацтеков не существовало высшего совета конфедерации, состоявшего из высших вождей трех племен и обособленного от советов каждого племени. Данный вопрос должен быть окончательно выяснен, прежде чем решить, была ли организация ацтеков просто оборонительным и наступательным союзом под главенством племени ацтеков или же конфедерацией, части которой были соединены в органическое целое. Эта проблема ожидает будущего решения.

¹ Cronica Mexicana, cap. XCVII, Bandeller's Trans.

² Ixtlilxochitl, Hist. Chichimeca, Kingsborough, Mex. Antiq., IX, p. 243.

³ History of Mexico, II, 132.

III. Положение и функции высшего военачальника

Должность, которую занимал Монтецума, согласно лучшим из доступных нам источников, называлась просто *teuctli*, что значит военный вождь. Как член совета вождей он назывался иногда *tlatonāi*, что значит оратор. Эта должность верховного военачальника была высшей из известных ацтекам. Это была та же должность, облеченная теми же правами, как и должность высшего военачальника конфедерации ирокезов. Лицо, занимавшее ее, становилось *ex officio* членом совета вождей, как можно заключить из того, что у некоторых племен высший военный вождь имел в совете первенство как во время дебатов, так и при высказывании своего мнения¹. Ни один из испанских писателей не употребляет этого титула по отношению к Монтецуме или его преемникам. Он был заменен совершенно неподходящим титулом короля. Икстдильхохитль, метис тецкуко-испанской крови, дает верховным вождям Мексико, Тецкуко и Тласкала просто титул военного вождя, прибавляя к нему название племени. Рассказав о разделении власти между этими тремя вождями при возникновении конфедерации и о собрании по этому поводу всех трех племен, он, продолжает: «Король Тецкуко величался титулом *aculhua teuctli*, а также *chichimecatl teuctli*, который носили его предки и который был знаком власти. Итцкоатцин, его дядя, получил титул *culchua teuctli*, так как он управлял тольтеками-кулхуа, а Тотокихуатцин — титул *tespanuatl teuctli*, бывший титулом Ацкапутцалько. С тех пор их преемники получали те же самые титулы»². Упомянутый здесь Итцкоатцин (Итцкоатль) был военным вождем ацтеков в то время, когда образовалась конфедерация. Так как титул военного вождя носили тогда еще многие другие, то прибавление к нему названия племени было выражением особого уважения. На индейском языке название должности, занимаемой Монтецумой, было равнозначно выражению «высший военный вождь» и соответствовало английскому «генерал».

Клавигеро находит эту должность у ряда племен нахуатль, но ни разу не приравнивает ее к должности ацтекского военного вождя. «Высшим рангом дворянина в Тласкала, Хуексотцинко и Чолула было *teuctli*. Для достижения этого ранга было необходимо: быть благородного происхождения, в нескольких сражениях проявить выдающуюся храбрость, достигнуть определенного возраста и располагать большим богатством для покрытия громадных расходов, которые должен был нести обладатель такого звания»³. После того как Монтецума был вознесен до звания абсолютного самодержца, обладающего военными и гражданскими функциями, вопрос о сущности и полномочиях его должности был оставлен на заднем плане, — фактически неисследованным. Как высший военачальник он имел возможность приобрести популярность и внушить народу уважение. Это была опасная, но необходимая для племени и конфедерации должность. Как показывает опыт человечества, начиная с низшей ступени варварства и до настоящего времени, должность эта всегда была опасной. Конституции и законы гарантируют цивилизованным нациям, поскольку они обладают ими, безопасность. Целая масса порядков и обычаев возникла, по всей вероятности, у более развитых индейских племен и у племен долины Мексики, регулирующих полномочия и обязанности этой должности. Существуют основательные данные для предположения, что ацтекский совет вождей имел верховную власть не только в гражданских, но и в военных делах, равно как над личностью и действиями военного вождя. С увеличением населения и материальным развитием строй

¹ Титул *teuctli* прибавлялся в виде эпитета к собственному имени того, кто был удостоен этого звания, например, *Chichimeca-teuctli*, *Pil-teuctli* и пр.ч. *Teuctli* имели преимущество перед всеми другими в сенате как по занимаемым местам, так и при голосовании; им разрешалось иметь позади себя слугу, которому отводилось специальное место, что считалось самой почетной привилегией* (Clavigero, II, 137). Это близко напоминает помощника *saxema* у ирокезов, стоящего позади своего начальника.

² *Historia Chichimeca*, ch. XXXII, Kingsborough, Mex. Antiq., IX, 219.

³ *History of Mexico*, I, c., II, 136.

управления ацтеков, несомненно, становился сложнее; тем поучительнее было бы знакомство с ним. Если бы была возможность точно установить все подробности организации их управления, то они оказались бы достаточно примечательными и без прикрас.

Испанские писатели сходятся обычно в показании, что занимаемая Монтецумой должность была выборной, при чем выбор был ограничен членами одной определенной семьи. Они нашли, что эта должность переходила от брата к брату или от дяди к племяннику. Но они не были, однако, в состоянии объяснить, почему в известных случаях не наследовал сын после отца. Такой порядок наследования представлялся испанцам необычайным, и этим самым уменьшается возможность ошибки с их стороны по этому основному вопросу. К тому же непосредственно на глазах завоевателей должность эта два раза переходила по наследству. Монтецуме наследовал Киутлахуа. В этом случае должность перешла от брата к брату, хотя мы, не зная ацтекской системы родства, не можем сказать, были ли это родные или коллатеральные братья. После смерти Киутлахуа его преемником был избран Гуатемоцин. Здесь должность перешла от дяди к племяннику, но мы не знаем, был ли это родной или коллатеральный племянник (см. часть третья, гл. 3). В предыдущих случаях должность переходила также от брата к брату или от дяди к племяннику¹. Выборная должность предполагает избирающую корпорацию, но кто же в этом случае были избиратели? В виде ответа на этот вопрос упомянутые Дурáном (см. выше) четыре вождя выступают в качестве избирателей, к которым прибавляют по одному избирателю от Тецкуко и Тлакопа, всего, стало быть, шесть, при чем они наделяются правом выбирать верховного военного вождя из определенной семьи. Но это не соответствует типу индейской выборной должности и может быть отброшено как невероятное. Саахун говорит о гораздо большей группе избирателей. «Когда король или господин умирал, — говорит он, — собирались все сенаторы, называвшиеся *tecutlatoques*, и старики племени, называвшиеся *achcasauhti*, далее — капитаны и старые воины, называвшиеся *uauitequioaques*, и другие выдающиеся воины и, наконец, жрецы, *tlenamasaques* или *rapasaques*, — все они собирались в королевских домах. Затем они совещались и решали, кто должен быть господином, и избирали в колене прежнего господина одного из самых благородных мужей, который должен был быть храбрым, опытным в военном деле, неустрашимым и сильным... Когда они все соглашались на одном, то тотчас же объявляли его господином, но выборы эти не происходили посредством баллотировки или голосования, а все вместе совещались до тех пор, пока единодушно не останавливались на одном лице. Избрав господина, они выбирали еще четырех, которые были чем-то вроде сенаторов и должны были всегда находиться при господине и быть осведомленными обо всех делах королевства»². Эта схема выбора большим собранием, хотя и обнаруживает народный элемент организации управления, несомненно существовавший, все же не соответствует сущности индейских учреждений. Для того чтобы понять положение этой должности и порядок выборов, необходимо установить, были ли ацтеки организованы в роды или нет и считалось ли происхождение по мужской линии или по женской, а равно что-нибудь знать об их системе родства. Если у них была та же система, как и у многих других племен ганованской семьи, что представляется вероятным, то мужчина называл сына своего брата своим сыном, а сына своей сестры — своим племянником; он называл брата своего отца своим отцом, а брата своей матери своим дядей; детей брата своего отца — своими братьями и сестрами, а детей брата своей матери — своими двоюродными братьями и сестрами и так далее. Если ацтеки были организованы в роды со счетом происхождения по женской линии, то мужчина имел братьев, дядей и племянников, коллатеральных дедов и внуков в своем роде, но не мог иметь ни родного отца, ни родного сына, ни

¹ Clavigero, II, 126.

² Historia General, ch. XVIII.

внука по прямой линии. Его родные сыновья и сыновья его братьев принадлежали к другим родам. Пока еще нельзя утверждать, что ацтеки были организованы в роды, но порядок наследования должности высшего военного вождя служит сам по себе веским доказательством этого, ибо только род может объяснить этот порядок полностью. Таким образом при счете происхождения по женской линии эта должность была бы наследственной в определенном роде, но выборной из числа его членов. В таком случае эта должность при избрании в пределах рода должна была переходить от брата к брату или от дяди к племяннику, как это именно и было у ацтеков, но никогда — от отца к сыну. У ирокезов в ту же эпоху должности сахема и высшего военного вождя переходили от брата к брату или от дяди к племяннику, смотря по тому, на кого падал выбор, и никогда — к сыну. Только в роде со счетом происхождения по женской линии мог создаться такой порядок наследования, который не мог возникнуть никаким другим путем. Уже пред лицом только этих фактов трудно устоять перед выводом, что ацтеки были организованы в роды и что происхождение считалось у них по женской линии, по крайней мере, применительно к наследованию этой должности.

Поэтому в виде вероятного объяснения мы должны допустить, что занимаемая Монтецумой должность была наследственной в одном роде (на доме, в котором жил Монтецума, был герб или тотем в виде орла), члены которого производили выбор из собственной среды и результат его представляли затем для принятия или отклонения каждому из четырех колен или подразделений ацтеков (как можно предполагать — фратрий), а также тецкукам и тлакопа, которые были непосредственно заинтересованы в выборе главнокомандующего. Каждое подразделение, обсудив выбор и утвердив его, назначало доверенное лицо для объявления о своем согласии; отсюда-то эти неправильно названные шесть избирателей. Возможно, что четверо высших вождей ацтеков, именуемых рядом авторов избирателями, были на самом деле военными вождями четырех подразделений ацтеков, подобно четырем военным вождям четырех колен тласкала. Функции этих лиц состояли не в том, чтобы избирать, но в том, чтобы на совместном собрании установить, считать ли выбор, сделанный родом, одобренным и в положительном случае объявить о результате. Изложенное объяснение порядка наследования должности ацтекского высшего военного вождя, основанное на имеющихся отрывочных показаниях, надо считать предположительным. Оно, как видим, согласуется с индейскими обычаями и общим представлением о должности выборного индейского вождя.

Право смещения с должности вытекает как необходимое следствие из права избрания там, где избрание было пожизненным. Занятие должности становилось таким образом в зависимости от хорошего поведения. Оба эти принципа, избрания и смещения с должности, универсально присущие общественной системе американских туземцев, дают достаточное доказательство того, что верховная власть фактически оставалась в руках народа. Это право смещения с должности, хотя и редко применялось, было вполне действенным в родовой организации. Монтецума не составил исключения в этом отношении. В силу особых обстоятельств понадобилось некоторое время для его смещения, поскольку для этого была необходима основательная причина. Когда Монтецума, уступив угрозам, позволил увести себя из своей резиденции в стоянку Кортеса, где он был задержан в качестве пленного, ацтеки, лишенные главнокомандующего, были на некоторое время парализованы. Испанцы захватили одновременно и лицо и должность¹. Они

---

¹ На вест-индских островах испанцы обнаружили, что когда они захватывали кацика племени и держали его в плену, то среди индейцев наступала деморализация, и они отказывались сражаться. Используя этот опыт, когда они вступили на материк, испанцы всегда старались захватить главного вождя силой или обманом и держать его в плену до тех пор, пока не достигали своей цели. Кортес просто поступил таким же образом, когда захватил Монтецуму и держал его в плену в своей стоянке; то же самое сделал Писарро, когда захватил Атахуальпу. По обычаю индейцев, пленный умерщвлялся, и если это был главный вождь, его должность возвращалась в племя и

ожидали несколько недель, надеясь, что испанцы уйдут; но когда они убедились, что последние намерены остаться, они покорились, имея на то достаточные основания, неизбежному, сместили Монтецуму за отсутствие мужества и выбрали на его место его брата. Непосредственно вслед за этим они со всей яростью напали на стоянку испанцев, при чем им удалось в конце концов выгнать их из своего публо.

Наше предположение относительно низложения Монтецумы полностью подтверждается рассказом об этом событии Эрреры. Когда началась осада, Кортес, заметив, что ацтеки повинуются новому предводителю, сразу понял, в чем дело, и «послал Марину стросить Монтецуму, не думает ли он, что они передали власть в его руки»¹, т. е. в руки нового предводителя. Монтецума будто бы ответил, что «они не осмелятся избрать короля Мексики, пока он в живых»². Затем он поднялся на крышу дома и, обратившись к своим соплеменникам, сказал между прочим, что «ему сообщили об избрании другого короля, так как он в плену и любит испанцев»; на это он получил от одного ацтекского воина следующий неприятный ответ: «Молчи, негодяй, баба, рожденная чтобы ткать и пряхь; эти собаки держат тебя в плену, ты — трус»³. Затем они стали пускать в Монтецуму стрелы и бросать камни, вследствие чего, а равно перенесенного глубокого унижения, он вскоре умер. Военный вождь, предводительствовавший ацтеками во время этого нападения, был Куитлахуа, брат и наследник Монтецумы⁴.

Что касается функций этой должности, то испанские писатели дают нам очень скудные сведения на этот счет. Нет основания допустить, что Монтецума имел какое-нибудь влияние на гражданские дела ацтеков. Более того, наши указания говорят против этого. В военных делах, во время военных действий, он обладал властью главнокомандующего, но военные операции, по всей вероятности, зависели от решений совета. Интересно отметить, что должности высшего военного вождя были приданы жреческие и, как утверждают, также судебные функции⁵. К вопросу о раннем возникновении этих функций в ходе естественного развития должности военачальника мы вернемся в связи с должностью басилевса. Хотя у ацтеков существовало правление двух властей, однако вероятно, что в случае их конфликта совет был высшей инстанцией в гражданских и военных делах. Следует помнить, что совет вождей был наиболее древним учреждением, при чем прочной базой его власти были потребности общества и представительный характер должности вождя.

Положение должности высшего военного вождя и наличие совета, имеющего право смещать с должности, показывают, что учреждения ацтеков были по своему существу демократическими. Избирательное начало, действовавшее в отношении военного вождя и, надо думать, существовавшее и в отношении сахема и вождя, а равно наличие совета вождей являются здесь определяющими моментами. Чистая демократия афинского типа была неизвестна на низшей, средней и даже высшей ступенях варварства; но если мы желаем понять учреждение какого-либо народа, то крайне важно установить, являются ли они по своему существу демократическими или монархическими. Учреждения первого рода отличаются от последних так же глубоко, как демократия от монархии. Не установив единицы их социальной системы, если она была основана на родах, что, вероятно, и было на самом деле, и не изучив эту систему, испанские писатели смело изобрели для ацтеков абсолютную монархию с чертами высоко развитого

тотчас же вновь замещалась. Но в данных случаях пленный оставался в живых и продолжал владеть своей должностью, так что она не могла быть замещена. Энергия народа была парализована этим необычайным обстоятельством. В такое именно положение Кортес поставил ацтеков.

¹ History of Mexico, III, 66.

² Ib., III, 67.

³ Clavigero, II, 406.

⁴ Ib., II, 404.

⁵ Herrera, III, 393.

феодализма, при чем им удалось ввести это ложное представление в историю. Благодаря небрежности американцев это ошибочное мнение удерживалось гораздо дольше, чем оно того заслуживало. В ацтекской организации испанцы встретили просто союз или конфедерацию племен. Только путем грубейшего искажения очевидных фактов испанские писатели могли сфабриковать из демократической организации ацтекскую монархию.

Теоретически ацтеки, тецкуки и тлакопа должны были иметь главных сахемов, представлявших каждое из этих племен в гражданских делах, когда не заседали совет вождей, и проявлявших инициативу в подготовке соответствующих дел. Следы этой должности встречаются у ацтеков в лице *zahuacatl*, который иногда называется вторым вождем, а военачальник — первым. Но доступные нам сведения об этой должности слишком скудны и не позволяют исследовать этот вопрос.

Как мы видели, у ирокезов войны могли выступать перед советом вождей и высказывать свои мнения по общественным вопросам. То же самое могли делать женщины через избранных ими ораторов. Это участие народа в управлении привело с течением времени к возникновению народного собрания, обладающего правом принимать или отвергать предложенные ему советом общественные мероприятия. У оседлых индейцев, насколько известно автору, не встречается признаков существования народного собрания, облеченного властью решать общественные вопросы. Четыре колена собирались, по всей вероятности, со специальными целями, но это еще резко отличалось от общего собрания по общественным делам. По демократическому характеру своих учреждений и высоте их развития ацтеки очень близко подошли к тому моменту, когда можно ожидать возникновения народного собрания.

Развитие идеи управления началось у туземцев Америки, как было уже указано, с рода и окончилось конфедерацией племен. Их организации были общественными, но не политическими. Пока идея собственности не развилась значительно выше того уровня, которого они достигли, смена родового общества политическим была невозможна. Нет ни одного факта, из которого бы можно было заключить, что какая-нибудь часть туземцев, по крайней мере в Северной Америке, усвоила идею второго великого плана управления, основанного на территории и собственности. Дух управления и состояние народа гармонируют с учреждениями, при которых он живет. Где господствует военный дух, как это было у ацтеков, там естественным путем при родовых учреждениях возникает военная демократия. Такой строй не подрывает свободного духа родов и не ослабляет демократических принципов, но гармонически с ним сочетается.

Глава восьмая

ГРЕЧЕСКИЙ РОД

Начальное состояние греческих племен. — Их родовая организация. — Изменения в характере рода. — Необходимость возникновения политической системы. — Проблема, подлежащая разрешению. — Образование государства. — Описание греческих родов, фратрий и племен, данное Гротом. — Атрибуты рода. — Сходство с ирокезским родом. — Должность вождя рода. — Была ли она выборной или наследственной. — Род — основание социальной системы. — Древность родовой родословной. — Наследование имущества. — Архаический и позднейший порядок. — Родство между членами рода. — Род — средоточие общественного и религиозного влияния.

Можно сказать, что цивилизация началась у азиатских греков с созданием гомеровских поэм, около 850 года до н. э., а у европейских греков приблизительно на столетие позже, с создания поэм Гезиода. Этим эпохам предшествовало несколько тысячелетий, в течение которых эллинские племена проходили позднейший период варварства и готовились к вступлению в цивилизацию. Их

древнейшие предания находят их уже поселившимися на греческом полуострове, на восточном побережье Средиземного моря и на промежуточных и соседних островах. Более древняя ветвь того же ствола, главнейшими представителями которой были пелазги, владела до эллинов большей частью этой области и была ими с течением времени либо эллинизирована, либо вытеснена. О более раннем состоянии эллинских племен и их предшественников мы можем судить по тем производствам и изобретениям, которые они принесли с собой из предшествующего периода, по степени развития их языка, по их преданиям и по общественным учреждениям, в различной степени сохранившимся до периода цивилизации. Наше исследование ограничится главным образом фактами последней категории.

Как пелазги, так и эллины были организованы в роды, фратрии¹ и племена, а последние путем слияния были соединены в нации. В некоторых случаях организационный ряд был не полон. Как у отдельных племен, так и у наций управление основывалось на роде как единице организации и давало в результате родовое общество или народ, строй, резко отличающийся от политического общества или государства. Органом управления был совет вождей совместно с агорой, или народным собранием, и бацилевсом или военачальником. Народ был свободен, а его учреждения демократичны. Под влиянием передовых идей и потребностей род перешел из архаической в свою конечную форму. Его изменения были обусловлены непреодолимыми требованиями развивающегося общества, но, несмотря на все уступки, все более становилась очевидной неспособность рода удовлетворить эти потребности. Эти изменения ограничились главным образом тремя пунктами: во-первых, счет происхождения перешел в мужскую линию; во-вторых, брак в пределах рода был разрешен в тех случаях, когда дело шло об осиротевшей девушке и наследнице, и, в-третьих, дети получили исключительное право наследования имущества своего отца. Ниже мы попытаемся вкратце обрисовать эти изменения и причины, их вызвавшие. Эллины состояли по общему правилу из раздробленных племен, формы управления которых обнаруживали те же характерные черты, свойственные всем вообще варварским племенам, организованным в роды и находящимся на той же ступени развития. Их состояние было именно таким, какого можно было ожидать при существовании родовых учреждений, и не представляет поэтому ничего замечательного.

Когда греческое общество впервые появилось в поле зрения истории, примерно в эпоху первой олимпиады (776 год до н. э.), и вплоть до законодательства Клисфена (509 год до н. э.), оно было занято разрешением великой проблемы. Задача состояла в коренном изменении плана управления, требовавшем глубоких изменений в общественных учреждениях. Народ стремился перейти из родового общества, в котором он жил с незапамятных времен, в политическое общество, основанное на территории и собственности, что было существенным условием вступления в цивилизацию. Одним словом, они стремились учредить государство, первое в истории арийской семьи, и территорию сделать основанием, на котором государство покоится с тех пор и до настоящего дня. Древнее общество основывалось на организации личностей и управлялось через отношения лиц к роду и племени; но греческие племена переросли этот древний план управления и начали ощущать необходимость политической системы. Чтобы достичь этого результата, было только необходимо создать дем, или городскую общину, заключенную в определенные границы, дать ему имя и находящийся в его пределах народ организовать в политическое целое. Городская община с находящимся в ней недвижимым имуществом и жившим в ней в данное время населением должна была стать единицей организации в новом плане управления. Отныне член рода, превращенный в гражданина, связывался с государством на основе своих территориальных отношений, а не личных отношений к роду.

¹ У дорийских племен фратрий не существовало. — Müller's Dorians, Tufnel and Law Trans., Oxford ed., II, 82.

Он был приписан к дему по месту своего жительства, и эта приписка считалась удостоверением его права гражданства; в своем деме он должен был голосовать и облагаться податями и из него же призывался на военную службу. Будучи, казалось бы, простой идеей, она потребовала ряда столетий и полного переворота в прежних представлениях об управлении для своего осуществления. Род, так долго бывший единицей общественной системы, оказался, как уже было сказано, несоответствующим потребностям развивающегося общества. Но упразднить эту организацию вместе с фратрией и племенем и заменить ее несколькими определенными областями, каждая со своей общиной граждан, было по самой природе вещей делом чрезвычайно трудным. Отношения индивида к его роду, бывшие личными, должны были перейти в отношения к городской общине и стать территориальными, при чем демарх общины в известном смысле занял место главы рода. Городская община с ее недвижимым имуществом представляла собой нечто постоянное, и принадлежащее к ней население было достаточно устойчиво, тогда как род был изменяющимся агрегатом более или менее разобщенных лиц и был неспособен прочно обосноваться в определенных территориальных границах. Без соответствующего опыта идея городской общины как единицы политической системы была малопонятна, и потребовалось крайнее напряжение способностей греков и римлян для того, чтобы эта идея сформировалась и была осуществлена. Новым элементом, постепенно преобразовавшим греческие учреждения и проложившим путь для политического общества, — главной пружиной, равно как и основанием которого она должна была стать, — явилась частная собственность. Было не легкой задачей произвести такое фундаментальное изменение, каким бы простым и естественным оно теперь ни казалось; ибо весь предшествующий опыт греческих племен был тесно связан с родами, власть которых должна была теперь уступить место новым политическим единицам.

От первой попытки основать новую политическую систему и до того, как эта проблема была разрешена, прошло несколько столетий. Когда опыт показал, что роды неспособны служить основой государства, то в различных греческих общинах было испытано несколько законодательных схем, при чем каждая в большей или меньшей мере повторяла эксперимент другой, приводя к одному и тому же результату. У афинян, из опыта которых преимущественно мы будем брать наши примеры, можно отметить законодательство Тезея, если верить преданию, законодательство Дракона (624 год до н. э.), Солона (594 год до н. э.) и Клифена (509 год до н. э.); последние три относятся к историческому периоду. Развитие городской жизни и городских учреждений, скопление богатств в окруженных стенами городах и вызванные тем самые большие изменения в образе жизни проложили путь к уничтожению родового и учреждению на его месте политического общества.

Прежде чем попытаться проследить переход от родового общества к политическому, что соответствует заключительной истории рода, мы рассмотрим греческий род и его атрибуты.

До конца существования древнего общества у греков учреждения афинян оставались типичными для греческих учреждений вообще, во всем, что касается структуры рода и племени. В начале исторического периода ионийцы Аттики, как известно, распались на четыре племени (гелеонтов, гоплитов, эгикоров и аргадов), говоривших на одном диалекте и населявших одну общую территорию. Они не составляли конфедерации племен, но слились в одну нацию; однако в более раннее время такая конфедерация, вероятно, существовала¹. Каждое аттическое племя состояло из трех фратрий, а каждая фратрия — из тридцати родов, что для четырех племен дает итог двенадцать фратрий и триста шестьдесят родов. Таково общее положение, остающееся постоянным в отношении

---

¹ Германн упоминает о конфедерациях Эгины, Афин, Празни, Науплии и т. д.—Political Antiquities of Greece, Oxford Trans., ch. 1, s. II.

числа племен и числа фратрий в каждом племени, но варьирующимся в отношении числа родов в каждой фратрии. Подобным же образом дорийцы делились на три племени (гиллеев, памфилов и диманов), хотя и составляли несколько национальностей в Спарте, Аргосе, Сикионе, Коринфе, Эпидавре и Трезене, а вне Пелопонеса — в Мегаре и других местах. В некоторых случаях в соединении с ними встречалось одно или несколько недорийских племен, например, в Коринфе, Сикионе и Аргосе.

Существование греческого племени предполагает всегда наличие родов, поскольку узы родства и общего диалекта составляли основу, на которой роды соединялись в племя; но племя не предполагает существования фратрии, которая, как промежуточная организация, могла и отсутствовать, хотя встречалась почти у всех этих племен. В Спарте существовали подразделения племен, называвшиеся обоими (*ὄβραι*) и соответствовавшие фратриям, по десять в каждом племени. Вопрос о функциях этих организаций находится в неопределенном состоянии¹.

Мы рассмотрим теперь афинский род в его конечной форме, полной жизненной силы, но когда против него уже выступили элементы начинающейся цивилизации, перед которыми он шаг за шагом отступал и которые должны были уничтожить его вместе с созданной им социальной системой. В некоторых отношениях это — самая интересная часть истории этой замечательной организации, которая вывела человеческое общество из дикости и через варварство привела к начальным стадиям цивилизации.

Общественная система афинян дает следующий ряд форм: во-первых, род (*γένος*), основанный на родстве; во-вторых, фратрию (*φράτρια* и *φρατρία*), братство родов, образовавшееся, вероятно, путем сегментации одного начального рода; в-третьих, племя (*φύλον*, позднее *φύλη*), состоящее из нескольких фратрий, члены которых говорили на одном диалекте, и, в-четвертых, народ или нацию, состоящую из нескольких племен, слившихся в одно родовое общество и живущих на одной территории. Эти составляющие части целого и образующие восходящий ряд организации исчерпывали всю их социальную систему при родовом строе; недостает только конфедерации племен, занимающих отдельные территории; но хотя конфедерации и встречаются в некоторых случаях в раннем периоде и хотя они являются естественным продуктом родовых учреждений, тем не менее они не давали особо значительных результатов. Возможно, что четыре афинских племени были соединены в конфедерацию до того, как они слились, что произошло тогда, когда они под давлением других племен сошлись на одной территории. Если это так, в таком случае то же самое относится и к дорийским и другим племенам. Когда такие племена сливались в одну нацию, то не существовало никакого иного термина для определения этого образования, кроме национального имени. Римляне, имея почти аналогичные учреждения, называли себя *populus romanus*, что точно выражало сущность дела. Они представляли собой тогда просто народ и ничего более; это было все, что могло произойти из агрегата родов, курий и племен. Четыре афинских племени составляли общество или народ, ставший уже в легендарный период вполне автономным под именем афинян. Во всех ранних греческих общинах род, фратрия и племя являются постоянными элементами социальной системы, при чем лишь иногда фратрия отсутствует.

Грот собрал главнейшие фактические данные, касающиеся греческих родов, с таким критическим умением, что невозможно охарактеризовать их лучше,

¹ В древней *репте* Ликурга дается наставление сохранять племена и обы неизменными. Но указание О. Мюллера и Бека, что всего было тридцать об, по десяти в каждом племени, основывается не на чем ином, как на собственном комментарии этой *репты*, который другие критики отбрасывают, повидимому, с достаточным основанием. Мы остаемся таким образом без каких-либо сведений относительно об, хотя знаем, что это было древнее объединенное и долго сохранявшееся племени спартанского народа.— Grote's History of Greece, Murray's ed., II, 362. См. также: Müller's Dorians, I, с., II, 80.

чем его собственными словами, которые мы и будем приводить в той части, в какой он дает общую трактовку данного вопроса. Обрисовав разделение греков на племена, он говорит: «Но фратрии и роды являются совершенно иными делениями. Они представляются агрегатами небольших начальных единиц, соединенных в большие единицы; они независимы от племен и не предполагают существования последнего; они возникают каждая в отдельности и сами по себе, без предустановленного единообразия и без отношения к общей политической цели; законодатель находит их уже существующими и либо принимает их целиком, либо приспособливает к той или иной национальной схеме. Мы должны различать общий факт указанного разделения и последовательное образование соподчиненного ряда: семей — в роде, родов — во фратрии и фратрий — в племени от той точной количественной симметрии, в которую облечено это соподчинение в источниках: тридцать семейств в роде, тридцать родов во фратрии и три фратрии в каждом племени. Если такое четкое числовое равенство и могло быть когда-либо достигнуто принудительной силой закона, использующего уже существующие естественные элементы, то эти пропорции не могли сохраняться постоянно. Но мы имеем основание сомневаться, чтобы такая симметрия существовала когда-нибудь... Что каждая фратрия состояла из одинакового числа родов, а каждый род — из одинакового числа семейств, является трудно допустимым предположением при тех данных, которые мы имеем. Но, помимо этой сомнительной количественной точности, фратрии и роды сами по себе были реальными, древними и прочными общественными соединениями афинского народа, понимание которых весьма важно. Основой всего был дом, очаг или семейство, более или менее значительное число которых составляло род или «генос». Этот род представляет собой, следовательно, клан, септ, т. е. расширенное и частично искусственное братство, связанное: 1) общими религиозными обрядами и исключительной привилегией жречества, в честь одного и того же бога, который считался начальным предком и носил специальное имя; 2) общим кладбищем¹; правом взаимного наследования имущества; 4) взаимной обязанностью помощи, защиты и отмщения за обиды; 5) взаимным правом и обязанностью заключать брак в пределах рода в определенных случаях, в частности когда здесь имелась осиротевшая дочь или наследница; 6) владением, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом, с собственным архонтом и казначеем. Таковы были права и обязанности, характеризующие родовой союз. Фратриальный союз, соединявший несколько родов, был менее тесным, но все же был сопряжен с некоторыми взаимными правами и обязанностями аналогичного характера, в частности исполнением особых священных обрядов и взаимным правом преследования судом в случае убийства фратора. Каждая фратрия считалась принадлежащей к одному из четырех племен, а все фратрии одного и того же племени имели общие периодические священные церемонии под руководством особого должностного лица филобасилевса или племенного царя, который избирался из эвпатридов»².

Сходство между греческим и ирокезским родом сразу бросается в глаза. Не трудно заметить и различие отдельных характерных черт, результат более развитого состояния греческого общества и более полного развития их религиозной системы.

Нет необходимости проверять наличие различных атрибутов рода, указанных Гротом, так как соответствующие доказательства дают в достаточном количестве классические авторы. Но имеются и другие характерные черты, которыми, без сомнения, обладал греческий род, хотя может быть трудно установить наличие всех их, а именно: 7) счет происхождения только по мужской линии; 8) запрещение брака в пределах рода, за исключением женитьбы на на-

¹ καίτοι τίς ἔστιν ὅστις ἄν εἰς τὰ πατέρα μνημεῖα τοῦς μῆτρ' ἐν γένοι τ' ὀνόματι ἔσται.
Демосфен, „Эвбулид“. 1307.

[Кто же допустит в могилы отцов не имеющих никакого отношения к роду?]

² History of Greece, III, 53 et seq.

следнице; 9) право усыновлять в род чужих; 10) право избирать и смещать вождей.

Таким образом права, привилегии и обязанности членов греческого рода вместе с указанными добавлениями могут быть сведены следующим образом:

I. Общие религиозные обряды.

II. Общее кладбище.

III. Взаимное право наследования в имуществе умерших членов.

IV. Взаимная обязанность помощи, защиты и отмщения обид.

V. Право вступать в брак в пределах рода с осиротевшими дочерьми и наследницами.

VI. Владение общей собственностью, с собственным архонтом и казначеем.

VII. Счет происхождения только по мужской линии.

VIII. Обязанность не вступать в брак в пределах рода, за исключением особых случаев.

IX. Право усыновлять в род чужих.

X. Право избирать и смещать своих вождей.

Добавленные характерные черты рода требуют кратких пояснений.

VII. Счет происхождения только по мужской линии. Нет никакого сомнения, что порядок был действительно таков, ибо это доказывается их генеалогиями. Я не мог найти ни у одного из греческих авторов такое определение рода или родичей, которое бы точно охарактеризовало право отдельного лица по отношению к родовой группе. Цицерон, Варрон и Фест дали определение римского рода и родичей, вполне аналогичных греческому роду, достаточно полное для доказательства того, что происхождение считалось по мужской линии. По самой природе рода, происхождение считалось либо по женской, либо по мужской линии и включало только половину потомков родоначальника. То же самое представляет собой наша семья. Потомки по мужской линии носят фамильное имя и образуют род в полном смысле этого слова, но род разрозненный, так что связаны между собой только ближайшие родственники. Женщины теряют с замужеством фамильное имя и переходят со своими детьми в другую семью. Грот замечает, что Аристотель был «сыном врача Никомаха, принадлежавшего к роду Асклепиадов»¹. Принадлежал ли Аристотель к роду своего отца, зависит от решения другого вопроса: вели ли оба они свое происхождение от Эскулапа только по мужской линии. Это показывает Диоген Лаертский, который говорит, что «Аристотель был сыном Никомаха. . . а Никомах происходил от Никомаха, сына Махаона, сына Эскулапа»². Если даже высшие члены этого ряда были мифическими, то все же самый способ обозначения происхождения показывает род данного лица. Сюда же относится следующее указание Германна, основанное на авторитете Исея: «Каждый новорожденный зачислялся во фратрию и клан (γένος) своего отца»³. Зачисление в род отца показывает, что дети принадлежали к его роду.

VIII. Обязанность не вступать в брак в пределах рода, за исключением особых случаев. Эту обязанность можно вывести из последствий брака. Женщина с замужеством теряла право на участие в религиозных обрядах своего рода и приобретала то же право в роде мужа. Это правило оказывается настолько всеобщим, что прямо указывает на обычай заключения брака вне своего рода. «Девственница, покидающая дом своего отца, — замечает Ваксмут, — перестает быть причастной к родительскому жертвенному очагу и входит в религиозную общину своего мужа, что и освящает узы брака»⁴. Включение жены в род мужа устанавливает и Германн: «Каждая новобрачная, будучи гра-

¹ *Ib.*, III, 60.

² Diogenes Laertius, *Vita Aristotelis*, V, 1.

³ *Political Antiquities of the Greeks*, c. V, s. 100; см. также „Эвбулид“ Демосфена, 24.

⁴ *Historical Antiquities of the Greeks*, Woolrych's Trans., Oxford ed., 1837, 451.

жданкой, зачислялась в силу этого во фратрию своего мужа»¹. Особые религиозные обряды (*sacra gentilitia*) были присущи и греческому и латинскому роду. Теряла ли у греков женщина с замужеством свои агнатические права, как это было у римлян, я не могу сказать. Мало вероятно, чтоб брак прекращал всякую связь замужней с ее родом, и жена, несомненно, продолжала считаться принадлежащей к роду своего отца.

Запрещение брака в пределах рода имело безусловный характер в архаическом периоде и, несомненно, сохранялось и после перехода счета происхождения в мужскую линию, за исключением наследниц и женщин-сирот, относительно которых действовало особое постановление. Хотя тенденция к свободному заключению брака вне определенных степеней родства должна была сопровождать окончательное установление моногамной семьи, но правило, предписывающее вступать в брак вне своего рода, могло удержаться до тех пор, пока род оставался основой социальной системы. Специальное постановление о наследницах может только подтвердить это предположение. Беккер замечает по этому вопросу, что «родство, за незначительными ограничениями, не составляло препятствия для брака, который мог заключаться во всех степенях ἀρχιστεία или συγγενεία, только, конечно, не в самом γένος'ε»².

IX. Право усыновлять в род чужих. Это право осуществлялось только в позднейшее время, по крайней мере в семьях, но осуществление его было соединено с публичными формальностями и, несомненно, было ограничено особыми случаями³. Чистота родословной приобрела в аттических родах весьма крупное значение, что, без сомнения, ставило серьезные препятствия к осуществлению этого права, разве бы на то имелись основательные причины.

X. Право избирать и смещать вождей. Это право, несомненно, существовало у греческих родов в раннем периоде. Следует предполагать, что они обладали им еще на высшей ступени варварства. Каждый род имел своего архонта (ἀρχός); это было обычное название вождя. Была ли эта должность, например в гомеровский период, выборной или она переходила по наследству к старшему сыну, — это вопрос. Наследственное начало не было присуще древнему положению этой должности; допустить же такое большое и радикальное изменение, затрагивающее независимость и личные права всех членов рода, можно только имея положительные доказательства, опровергающие противоположное предположение. Наследственное право на должность, которая давала власть над родом и налагала обязанности на его членов, представляет собой нечто совершенно иное, чем должность, даваемая по свободному выбору, с сохранением права смещать избранного за недостойное поведение. Свободный дух афинских родов эпохи Солона и Клисфена не позволяет предполагать, что они отказались от права, столь жизненного для независимости членов рода. Мне не удалось найти удовлетворительного описания положения этой должности. Если бы она переходила по наследству, это свидетельствовало бы о значительном развитии аристократического элемента в античном обществе в ущерб демократическому строю родов. Более того, это было бы показателем по меньшей мере начала распада. Все члены рода были свободны и равны, бедные и богатые пользовались одинаковыми правами и привилегиями и взаимно их признавали. Мы видим, что свобода, равенство и братство выражены в строе афинских родов так же ясно, как и ирокезских. Наследственное право на высшую должность в роде совершенно несовместимо с древним принципом равенства прав и привилегий.

Точно так же остается под вопросом, переходили ли высшие должности анакса, койраноса и басилевса по наследству от отца к сыну или подлежали избранию и утверждению более широкого круга избирателей. Мы исследуем этот

¹ Political Antiquities, I. c., cap. V, s. 100.

² Charicles, Metcalfe's Trans., Lond. ed., 1866, p. 477; цитируется: Isaeus, de Cir. her., 217; Demosthenes, Adv. Eubul., 1304; Plutarch, Themist., 32; Pausanias, I, 7, 1; Achill. Tat., I, 3.

³ Hermann, I. c., V. s. 100 и 101.

вопрос ниже. Первое указывало бы на распад, последнее — на сохранение родовых учреждений. Мы не располагаем положительными доказательствами в пользу существования наследственного права, всякая же вероятность говорит против этого. При исследовании римских родов этот вопрос будет освещен полнее. Тщательное исследование положения этой должности существенно изменило бы, надо думать, имеющиеся у нас сведения.

Можно считать твердо установленным, что греческие роды обладали десятью вышечисленными главнейшими атрибутами. За исключением трех, именно счета происхождения по мужской линии, брака в пределах рода с наследницами и возможного перехода высшей военной должности по наследству, эти атрибуты с незначительными изменениями мы находим также в родах ирокезов. Отсюда ясно, что как греческие, так и ирокезские племена обладали одним и тем же начальным учреждением, при чем у первых род был в его позднейшей форме, а у последних — в архаической.

Возвращаясь теперь к цитате из Грота, следует заметить, что, по всей вероятности, он существенным образом изменил бы часть своих суждений, если бы был знаком с архаической формой рода и различными формами семьи, предшествовавшими моногамии. Мы должны возразить против его положения, что основой социальной системы греков «был дом, очаг или семья». Почтенный историк имел в виду, очевидно, находящуюся под железной рукой *pater familias* римскую форму семьи, с которой греческая семья гомеровского периода сближалась по неограниченной власти отца в домохозяйстве. Даже если бы он имел в виду другие и более ранние формы семьи, его предположение оставалось бы в равной мере неприемлемым. Род по своему происхождению древнее моногамной семьи, древнее синдиасмической и действительно современен пуналуальной семье. Ни одна из этих форм семьи ни в каком случае не служила основанием рода. Род не признает существования семьи, какой бы то ни было формы, в качестве составной своей части. Напротив того, каждая семья, как в архаическом, так и в позднейшем периоде, находилась частично внутри, частично же вне рода, так как муж и жена должны были принадлежать к различным родам. Простое и полное объяснение этого состоит в том, что семья появляется независимо от рода, свободно развиваясь из низших форм в высшие, тогда как род в качестве единицы социальной системы сохраняет постоянство. Род входил целиком во фратрию, фратрия входила целиком в племя, а племя входило целиком в нацию; но семья в целом не могла входить в род, так как муж и жена должны были принадлежать к различным родам.

Поднятый здесь вопрос крайне важен, так как не только Грот, но и Нибур, Сэрльюолл, Мэн, Моммсен и многие другие способные и проницательные исследователи заняли ту же позицию в вопросе о моногамной семье патриархального типа, считая ее единицей, на которой была построена общественная система греков и римлян. В действительности семья ни в одной из ее форм не служила таким основанием, так как она в целом не могла войти в род. Род был однородной и в высшей степени стойкой организацией и в качестве таковой являлся естественной основой социальной системы. Семья моногамного типа могла индивидуализироваться и приобрести значение в роде и вообще в обществе, но род тем не менее не мог признать семью своей составной частью, ни зависеть от нее. То же относится к современной семье и политическому обществу. Хотя семья благодаря правам собственности и привилегиям индивидуализировалась и признана законодательством правовой единицей, она не составляет единицы политической системы. Государство признает провинции, из которых оно состоит, провинция — входящие в нее общины, но община не считается с семьей; так, нация признавала свои племена, племя — свои фратрии, фратрия — свои роды; но род не считался с семьей. Исследуя структуру общества, мы должны принимать во внимание только органические связи. Община стоит в таком же отношении к политическому обществу, в каком род стоял к родовому. Оба они являются единицами системы.

У Грота имеется ряд ценных замечаний, касающихся греческих родов, которые я желал бы привести для характеристики этих родов, хотя он, повидимому, считает, что роды не древнее существовавшей тогда мифологии или иерархии богов, от которых некоторые роды вели происхождение своих предков-эпонимов. Приведенные выше факты показывают, что роды существовали задолго до того, как эта мифология развивалась, и до того, как человеческий ум создал Юпитера или Нептуна, Марса или Венеру.

Грот говорит далее: «Таков был первоначальный религиозный и общественный союз населения Аттики в его постепенном развитии, резко отличный от учрежденного, вероятно, позднее политического союза, представленного сначала трифтиями и навкратиями, а в позднейшее время десятью племенами Клизфена, распадавшимися на трифтии и демы. Религиозная и семейная связь древнее союзов обоих этих типов; но политический союз, хотя и возникающий позже, приобретает в течение большей части истории, как мы увидим, все возрастающее влияние. Личные отношения являются существенными и доминирующими моментами в первом случае, при чем местные отношения играют подчиненную роль; во втором случае главное значение приобретают собственность и место жительства, а личный элемент занимает второстепенное место. Все эти фратриальные и родовые ассоциации, большие и малые, были основаны на одних и тех же принципах и тенденциях греческого ума — слиянии идеи культа и идеи предков или общности некоторых особых религиозных обрядов с общностью по крови, действительной или мнимой. Бог или герой, которому собравшиеся вместе члены данного союза приносили свои жертвы, представлялся им начальным предком, которому они были обязаны своим происхождением и от которого их часто отделял длинный ряд промежуточных имен, как это мы видели на примере Гекатея Милетского, неоднократно уже упоминавшегося. Каждая семья имела свои священные обряды и траурные поминания предков, исполнявшихся хозяином дома с допущением только членов семьи... Более крупные союзы, называемые родом, фратрией, племенем, существовали на основе расширения того же принципа — семьи, рассматриваемой как религиозное братство, поклоняющееся какому-нибудь общему богу или герою, носящему соответствующее прозвище и признаваемому их общим предком. Празднества Теэнии и Апатурии (первое — аттическое, второе — общее для всей ионийской расы) собирали ежегодно членов этих фратрий и родов для культовых церемоний, пиршеств и поддержания взаимной симпатии; таким образом укреплялись более широкие связи, без ослабления более узких... Но историк должен принять в качестве исходного факта самое начальное положение вещей, о котором свидетельствуют его материалы, а в настоящем случае родовые и фратриальные союзы представляют собой явления, происхождение которых мы не можем выяснить»¹.

«Роды как в Афинах, так и в других частях Греции, имели патронимические названия, признак их предполагаемого общего происхождения...² Но в Афинах, по крайней мере после революции Клизфена, родовое имя не употреблялось: мужчина назывался своим личным именем, за которым следовало сначала имя отца, а затем название дома, к которому он принадлежал, например, Эсхин, сын Атромета, Кофокид... Род представлял собой строго замкнутую группу по отношению как к имуществу, так и к личностям. До эпохи Солона никто не имел завещательных прав. Если кто-нибудь умирал бездетным, его имущество наследовалось генетами, и этот порядок сохранялся при отсутствии завещания даже после

¹ History of Greece, III, 55.

² Мы находим асклепиадов во многих частях Греции, алевадов— в Фессалии, мидилидов, псалихидов, блепсиадов, эвксенидов— в Эгине, бранхидов— в Милеге, небридов— в Косе, иамидов и клитиадов— в Олимпии, акесторидов— в Аргосе, кимирадов— на Кипре, пенфилидов— в Митилене, талфибадов— в Спарте, а равно кодридов, эвмольпидов, фиталидов, ликомедов, бутадов, эвнейдов, гесихидов, бритиадов и т. д.— в Аттике. Каждому из них соответствовал мифический предок, более или менее известный и считавшийся первым отцом, равно как и героем-эпонимом рода, например, Кодр, Евмоп, Бутес, Фитал, Гесихий и т. д.— Grote's Hist. of Greece, III, 62.

Солона. Каждый член рода мог заявить свое право на брак с девушкой-сиротой, при чем ближайшие агнаты пользовались преимуществом; если она была бедна и ближайший агнат не желал сам на ней жениться, то закон Солона обязывал его дать ей приданое, пропорциональное числящемуся за ним имуществу, и выдать замуж за другого... В случае убийства ближайшие родственники убитого в первую очередь, а затем его генеты и фраторы имели право и были обязаны преследовать преступника судом; содемоты же убитого, или жители того же самого дема, не имели подобного права преследования преступника. Все известные нам древнейшие афинские законы основаны на родовых и фратриальных делениях, неизменно считающихся расширениями семьи. Следует еще заметить, что это разделение совершенно независимо от имущественного положения, и богатые, как и бедные, входили в один и тот же род. Далее, различные роды были весьма не равны по достоинству; это основывалось главным образом на религиозных церемониях, исключительным правом отправления которых каждый род владел по наследству и которые, считаясь иногда особо священными для всего города, были поэтому национализированы. Так, повидимому, больше всех других родов почитались эвмолпиды и керики, которые доставляли гиерофантов и наблюдателей за мистериями Элевзинской Деметры, и бутады, из которых происходила жрица Афины Паллады, равно как и жрец Посейдона Эрехтейского в Акрополе¹.

Грот говорит о роде как о расширенной семье и как о предполагающем существование последней, считая семью первичной, а род — вторичной формой. Взгляд этот по изложенным выше основаниям не приемлем. Обе организации исходят из различных оснований и друг от друга независимы. Род охватывает только часть потомков предполагаемого общего предка и исключает остальных; он охватывает также только часть семьи и исключает остальную часть. Чтобы быть частью рода, семья должна была целиком войти в его состав, что было невозможно в архаическом периоде и стало мыслимым только в позднейшем периоде. В организации родового общества род является первичной формой, составляя как основание, так и единицу этой системы. Семья является также первичным и более древним, чем род, учреждением; пуналуальная и кровнородственная семьи предшествовали роду; но семья не была членом органического ряда древнего общества, равно как и современного.

Род уже существовал у арийской семьи, когда племена, говорившие по-латински, гречески и на санскрите, составляли один народ, как это видно из того, что для обозначения этой организации в их диалектах существует один и тот же термин (*gens*, γένος и *ganas*). Они получили эту организацию от своих варварских предков, а более отдаленным образом — от своих диких прапредков. Если арийская семья дифференцировалась уже в среднем периоде варварства, что весьма вероятно, то они должны были получить род в его архаической форме. После этого события и в течение долгого времени, протекшего между обособлением этих племен друг от друга и началом цивилизации, должны были произойти те изменения в строе рода, которые указывались гипотетически. Невозможно допустить, чтобы род появился впервые иначе, чем в своей архаической форме; следовательно, греческий род должен был первоначально иметь эту форму. Поэтому, если можно найти достаточные причины для объяснения такого большого изменения в порядке счета происхождения, как переход из женской линии в мужскую, то все развитие рода станет нам ясным, хотя оно в конечном счете ввело в род совершенно новую группу родственников на место старой. Развитие идеи собственности и возникновение моногамии создали достаточно могущественные мотивы для того, чтобы потребовать и добиться этой перемены, введя детей в род их отца и сделав их участниками в наследовании его имущества. Моногамия сделала отцовство достоверным, чего не было при возникновении рода, и устранение детей от наследования стало далее невозмож-

¹ History of Greece, III, 62, et seq.

ным. Перед лицом новых обстоятельств род должен был либо перестроиться, либо распастся. Если сопоставить род ирокезов в том виде, какой он имел на низшей ступени варварства, с родом греческих племен, когда он достиг высшей ступени, то невозможно не признать, что оба они представляют собой одну и ту же организацию, в первом случае — в ее архаической, а во втором — в ее конечной форме. Различия между ними именно такие, какие должны были возникнуть под давлением требований человеческого прогресса.

Параллельно с этими изменениями в строе рода идут изменения порядка наследования. Имущество, всегда переходившее по наследству в пределах рода, наследовалось сначала родичами, затем — агнатами, за исключением остальных родичей, и, наконец, агнатами в нисходящих степенях, в порядке их близости к умершему, что давало исключительное право наследования детям как ближайшим агнатам. Стойкость, с которой сохранялся до эпохи Солона принцип, по которому имущество должно оставаться в роде умершего собственника, показывает жизненную силу родовой организации на протяжении всех этих периодов. Именно этот принцип заставлял наследницу выходить замуж в пределах ее собственного рода, чтобы воспрепятствовать переходу имущества путем брака в другой род. Солон, дозволив владельцу имущества, если он не имел детей, распорядиться им путем завещания, пробил первую брешь в имущественных правах рода.

Был поставлен вопрос, в каком родстве были члены одного рода и были ли они вообще родственниками. Грот говорит: «Поллукс прямо утверждает, что члены одного рода в Афинах не всегда были кровными родственниками, но мы даже и без определенного свидетельства могли бы заключить, что так было в действительности. Мы не имеем возможности решить, в какой мере род в неизвестную эпоху своего возникновения основывался на действительном родстве; это касается в равной мере и афинских и римских родов, в основных чертах аналогичных. Гентилизм представляет собой особую связь, отличную от семейных связей, но он предполагает их существование и расширяет их путем искусственной аналогии, основанной отчасти на религиозных верованиях, отчасти на положительном договоре, в результате чего род включает и чужих по крови. Все члены одного рода или даже одной фратрии верили, что они произошли не от одного и того же деда или прадеда, а от одного и того же божественного или героического предка... И эта твердая вера, которую так легко воспринял греческий ум, была усвоена и выражена путем положительного договора в принципе соединения в роды и фратрии... Нибур в своем ценном исследовании о древнеримских родах был, несомненно, прав, предполагая, что они не были семьями, действительно происходящими от общего исторического предка. Однако не менее справедливо и то (хотя Нибур предполагает, повидимому, иное), что идея рода заключала в себе веру в одного общего отца, бога или героя, — генеалогию, которую мы можем назвать легендарной, но которая у самих членов рода считалась священной, стояла вне всякого сомнения и служила важным связующим их элементом... Естественные семьи изменялись, конечно, из поколения в поколение: одни расширялись, другие уменьшались или вымирали; но род не испытывал никаких изменений, помимо возникновения новых, а равно исчезновения или разделения входящих в него семей. Так постоянно колебались отношения семей к роду, и родовая генеалогия, несомненно, соответствовавшая начальному состоянию рода, становилась с течением времени устаревшей и не соответствующей действительности. Мы редко слышим об этой генеалогии, так как о ней заявляется публично только в известных важных и торжественных случаях. Но роды, стоявшие ниже по своему достоинству, имели свои общие обряды, общего сверхчеловеческого предка и свою генеалогию точно так же, как и более знаменитые роды: схема и идеологическая база были одинаковы у всех родов»¹.

¹ Ib., III, 58 et seq.

Отдельные утверждения Поллукса, Нибура и Грота в известном смысле правильны, но не вполне. Генеалогия рода восходила дальше признанного родоначальника; поэтому древний род не мог ни иметь известного предка, ни доказать существование кровной связи при помощи своей системы родства; тем не менее родичи не только верили в свое общее происхождение, но и имели основание для такой веры. Присущая роду в его архаической форме система родства, которой, вероятно, обладали в прошлом и греки, сохраняла представление о взаимном родстве всех членов рода. Это представление утратилось с возникновением моногамной семьи, как я далее попытаюсь доказать. Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная семьи оказывалась малозначительной. Функцией родового имени было сохранять память об общем происхождении всех тех, кто носил это имя. Но родословная рода была такой древней, что его члены не могли доказать действительного родства между ними, за исключением ограниченного числа случаев, когда были более молодые общие предки. Имя само по себе было убедительным доказательством общего происхождения, за тем исключением, когда это происхождение прерывалось в предшествующей истории рода усыновлением в него лиц чужой крови. Нет никакого основания совершенно отрицать какое-либо родство между членами рода, как это делают Поллукс и Нибур, и превращать его таким образом в чисто фиктивное сообщество. Значительная часть членов рода могла доказать свое родство происхождением от общих предков в пределах рода, а для остальных родовое имя, которое они носили, было достаточным доказательством их общего происхождения для практических целей. Греческий род был обычно немногочленной группой. Тридцать семей в одном роде, не считая жен глав семейств, дают, по обычной норме подобного расчета, в среднем сто двадцать человек на род.

В качестве единицы органической социальной системы род естественно должен был стать центром общественной жизни и деятельности. Он был организован в виде общественной единицы с архонтом, или вождем и казначеем, владея в известной мере общими землями, общим кладбищем и общими религиозными обрядами. Помимо того, существовали права, привилегии и обязанности, которые род давал или налагал на всех своих членов. В роде получила свое происхождение религиозная деятельность греков, распространившаяся затем на фратрии и достигшая своего высшего развития в периодических празднествах, общих всем племенам. Эта тема превосходно разработана Фюстель де Куланжем в его недавно вышедшем труде «Древняя община».

Чтобы понять состояние греческого общества до возникновения государства, необходимо изучить строй и принципы греческого рода, так как характер единицы определяет и характер ее соединений в их восходящем порядке и один лишь может дать материал для их истолкования.

Глава девятая

ФРАТРИЯ, ПЛЕМЯ И НАЦИЯ ГРЕКОВ

Афинская фратрия. — Как она возникла. — Определение Дикеарха. — Ее преимущественно религиозные цели. — Фратриарх. — Племя. — Оно состояло из трех фратрий. — Филобасилевс. — Нация. — Она состояла из четырех племен. — Булэ, или совет вождей. — Агорá, или народное собрание. — Басилевс. — Положение этой должности. — Военные и жреческие функции. — Вопрос о гражданских функциях. — Правление героического периода было военной демократией. — Определение басилевса, данное Аристотелем. — Позднейшая афинская демократия. — Она унаследована от родов. — Ее могущественное влияние на развитие Афин.

Фратрия, как мы видели, была второй ступенью организации в греческой социальной системе. Она состояла из нескольких родов, соединившихся для общих им всем, преимущественно религиозных целей. Фратрия имела естествен-

ную основу в родственной связи, поскольку роды одной фратрии, были, вероятно, подразделением одного начального рода, память о чем сохранялась преданием. «Все члены фратрии Гекатея, — замечает Грот, — жившие в данное время, имели общего предка-бога в шестнадцатом поколении»¹, чего нельзя было утверждать, если бы не существовало предположения, что различные роды, входившие во фратрию Гекатея, произошли путем сегментации от одного начального рода. Данная генеалогия, хотя частично и легендарная, была построена сообразно с родовыми порядками. Дикеарх предполагал, что обычай некоторых родов давать друг другу жен привел к фратриальной организации в целях исполнения общих религиозных обрядов. Это объяснение правдоподобно, так как подобные браки должны были приводить к перемешиванию крови родов. С другой стороны, происходившее с течением времени образование родов путем деления одного рода и последующих подразделений, давало всем им общую родословную и составляло естественную основу для их соединения во фратрию. Таков был единственный путь образования фратрии, и только так можно ее истолковывать в качестве родового учреждения. Соединившиеся таким образом роды были братскими родами, а само соединение, как показывает самый термин, было братством.

Стефан Византийский сохранил нам отрывок из Дикеарха, где дается объяснение происхождения рода, фратрии и племени. Оно не дает достаточно полного определения этих трех организаций, но ценно как признание трех стадий организации древнего греческого общества. Вместо рода (*γένος*) он употребляет термин патра (*πάτρα*), как это делал в некоторых случаях Пиндар, а иногда и Гомер. Этот отрывок можно передать следующим образом: «Патра, по Дикеарху, есть одна из трех форм общественного соединения у греков, которое мы соответственно называем: патра, фратрия и племя. Патра возникает тогда, когда родство, первоначально личное, переходит во вторую стадию (родство родителей с детьми и детей с родителями) и ведет свое имя от древнейшего и главного своего члена, например, Эакид, Пелопид.

Но она стала называться фатрией и фратрией, когда некоторые лица стали выдавать своих дочерей замуж в другую патру. Ибо выданная замуж женщина не принимала больше участия в отцовских священных обрядах, но зачислялась в патру своего мужа; таким образом вместо союза, существовавшего прежде вследствие любви между братьями и сестрами, создавался другой союз, покоившийся на общности религиозных обрядов, который они называли фратрией; итак, тогда как патра возникла вышеуказанным путем из кровного родства между родителями и детьми и детьми и родителями, фратрия возникла из родства между братьями.

А племя и соплеменники были так названы вследствие слияния в общины и так называемые нации, ибо каждая из сливающихся групп называлась племенем»².

Следует отметить, что здесь признается существование обычая брака вне рода и что жена зачислялась в род скорее, чем во фратрию своего мужа. Дикеарх, бывший учеником Аристотеля, жил в то время, когда род существовал уже только в виде родословной отдельных лиц, так как его роль перешла к новым политическим единицам. Он выводил происхождение рода из первобытных времен, но его указание, что фратрия произошла из брачных обычаев родов, несомненно правильное в отношении этих обычаев, представляет собой только его личное мнение в том, что касается происхождения этой организации. Взаимные браки вместе с общими религиозными обрядами должны были скреплять фратриальный союз, но более прочное основание фратрии можно видеть в общем происхождении родов, из которых она состояла. Не следует упускать из виду, что история рода обнимает три подпериода варварства и уходит в предшествую-

¹ History of Greece, III, 58

² Wachsmuth's Historical Antiquities of the Greeks, I. c., I, 449, прилож.

ший период дикости, будучи древнее даже арийской и семитической семей. Как мы видели, фратрия возникла у туземцев Америки на низшей ступени варварства, тогда как греки были знакомы со своей историей только начиная с высшей ступени варварства.

Грот ограничивается только общим определением функций фратрии. Они имели, несомненно, преимущественно религиозный характер и, вероятно, проявляли себя, как у ирокезов, при погребении умерших, во время публичных игр, религиозных празднеств, в собраниях совета и агора народа, когда вожди и народ группировались скорее по фратриям, чем по родам. Они естественно должны были также проявляться в расположении военных сил, памятный пример чего дает Гомер в обращении Нестора к Агамемнону¹: «Раздели, Агамемнон, войска по племенам и фратриям, так чтоб фратрия могла поддерживать фратрию и племя — племя (κρίν' ἄνδρας κατὰ φύλα, κατὰ φρήτρας, Ἀγαμέμνον, ὡς φρήτηρ φρήτηρφι φρήτηρ, φύλα δὲ φύλοις). Если ты поступишь так и греки послушаются, ты будешь знать, кто из вождей и кто из воинов трус и кто из них храбрый, ибо они будут сражаться самым лучшим образом». Число лиц, составлявших военную силу одного рода, было слишком незначительно, чтобы служить основанием для организации войска, большие же группы, фратрия и племя, были для этого достаточны. Два заключения можно вывести из совета Нестора: во-первых, что организация войска по фратриям и племенам уже вышла тогда из употребления, а во-вторых, что в древние времена это было обычным порядком организации войска и что память об этом еще не исчезла. Мы видели, что тласкала и ацтеки, находившиеся на средней ступени варварства, строили и выводили свои военные отряды по фратриям, что в том состоянии, в котором они находились, было, вероятно, единственной формой организации военных сил. Древние германские племена строили свои войска для битвы по такому же принципу². Интересно отметить, как прочно человеческие племена были связаны строем своей социальной системы.

Обязанность кровной мести, обратившаяся в более позднее время в обязанность преследовать убийцу перед законным судом, лежала первоначально на роде убитого, но разделялась и фратрией, а затем стала обязанностью фратрии³. В «Эмвенидах» Эсхила Эриннии, сообщив об убийстве Орестом своей матери, ставят вопрос: «Какое очистительное омовение фраторов ожидает его»⁴, откуда, повидимому, следует, что если виновный избегал наказания, то окончательное очищение исполнялось его фратрией, а не его родом. Но распространение этой обязанности с рода на фратрию предполагает общее происхождение всех родов одной фратрии.

Так как фратрия была промежуточным звеном между родом и племенем и не была облечена функциями управления, то она имела меньшее значение, чем род и племя, но она была общей, естественной и, вероятно, необходимой стадией реинтеграции. Если бы мы обладали подлинным знанием общественной жизни греков в этом начальном периоде, то, весьма вероятно, обнаружилось бы, что фратриальная организация была гораздо более значительным центром, чем это позволяют предполагать наши скудные источники. Как организация она, вероятно, обладала большей властью и влиянием, чем это обыкновенно ей приписывается. У афинян фратрия пережила род, служивший основой системы, и сохранила при новой политической системе известный надзор над регистрацией граждан, записью браков и преследованием убийцы фратора на суде.

Обыкновенно говорят, что каждое из четырех афинских племен делилось на три фратрии и каждая фратрия делилась на тридцать родов; но так можно говорить только для удобства описания. При родовых учреждениях народ не

¹ Илиада, II, 362.

² Tacitus, Germania, cap. VII.

³ Grote's, History of Greece, III, 55. Дела об убийствах были подсудомственны суду Ареопага.—Ив., III, 79.

⁴ Ποία δὲ χερσὶ φρατέρων προσέξεται.—Эвм., 656.

делится на симметрические части и их подразделения. Естественный процесс их образования был как раз обратным: роды соединялись во фратрии, а затем в племена, которые соединились далее в общество или народ. Все эти формы были естественными образованиями. То обстоятельство, что в каждой афинской фратрии было тридцать родов, представляет собой замечательный факт, который не может быть объяснен естественными причинами. Достаточно сильный мотив, например, стремление к симметричной организации фратрий и племен, мог повести к разделению родов по взаимному соглашению, пока число их в каждой фратрии не достигнет тридцати; если же родов в племени было больше, то к слиянию родственных родов, пока число их сведется к тридцати. Более вероятно, что фратрии, нуждавшиеся в увеличении числа родов, принимали в свой состав чужие роды. При наличии известного числа племен, фратрий и родов, образовавшихся путем естественного развития, не трудно было привести последние две группы к единообразию во всех четырех племенах. Раз такое соотношение тридцати родов в каждой фратрии и трех фратрий в каждом племени было создано, его легко можно было поддерживать в продолжение столетий, за исключением, может быть, числа родов в каждой фратрии.

Роды и фратрии были центром и источником религиозной жизни греческих племен. Надо полагать, что в этих организациях и посредством их создавалась та удивительная политеистическая система с ее иерархией богов, символами и формами культа, которая наложила такую печать на дух классического мира. В значительной степени эта мифология воодушевляла на великие достижения легендарного и исторического периодов и была источником вдохновения, создавшего храмовую и орнаментальную архитектуру, которые так восхищают современный мир. Некоторые религиозные обряды, получившие свое начало в этих социальных группах, сделались в силу приписываемой им высокой святости национальными, что показывает, какой колыбелью религии были роды и фратрии. События этого необычайного периода, во многих отношениях самого достопримечательного в истории арийской семьи, преимущественно утрачены для истории. Легендарные генеалогии и повествования, мифы и отрывки поэтических произведений, кончая гомеровскими и гезиодовскими поэмами, составляют литературное наследие этого периода. Но их учреждения, производства, изобретения, мифологическая система, одним словом, сущность созданной ими цивилизации, составили наследие, переданное ими тому новому обществу, которое им суждено было основать. История этой эпохи может все же быть восстановленной на основе различных источников, отражающих главные черты родового общества незадолго до учреждения политического общества.

Как род имел своего архонта, исполнявшего обязанности жреца во время религиозных церемоний рода, так каждая фратрия имела своего фратриарха (*φρατρ(α)ρχος*), который руководил ее собраниями и возглавлял торжественное совершение ее религиозных обрядов. «Фратрия, — замечает де Куланж, — имела свои собрания и трибуналы и могла издавать декреты. У нее был, как и у семьи, свой бог, свои жрецы, суд и свое управление»¹. Религиозные обряды фратрий представляли собой расширение обрядов тех родов, из которых она состояла. Сюда должно быть направлено внимание того, кто желает понять религиозную жизнь греков.

Следующей ступенью организации было племя, состоявшее из нескольких фратрий, состоявших, в свою очередь, из родов. Члены фратрии были общего происхождения и говорили на одном диалекте. У афинян, как уже было сказано, племя состояло из трех фратрий, что сообщало каждому племени аналогичную организацию. Племя афинян соответствует латинскому племени, равно как и племенам американских туземцев; для полной аналогии с последними недоставало только, чтобы каждое афинское племя говорило на особом диалекте. Сосредото-

¹ The Ancient City, Small's Trans., p. 157. Boston, Lee and Shepard.

чение на небольшой территории тех греческих племен, которые слились в один народ, должно было повести к уничтожению диалектологических различий, а последующее возникновение литературного языка и литературы способствовало этому еще больше. Все же каждое племя попрежнему было более или менее локализовано на определенной территории, согласно требованиям социальной системы, покоившейся на личных отношениях. Надо думать, что у каждого племени был свой совет вождей, обладавший верховной властью во всех делах, касавшихся исключительно племени. Но поскольку сведения о функциях и правах высшего совета вождей, управлявшего общими делами соединенных племен, утрачены, нельзя ожидать, чтобы сохранились сведения о функциях низшего и подчиненного совета. Если такой совет существовал, что при их социальной системе было необходимо, он должен был состоять из вождей родов.

Когда различные фратрии одного племени соединялись для торжественного исполнения своих религиозных обрядов, они выступали как высшая организационная форма — племя. В таком случае они возглавлялись, как это прямо указывается, филобасилевсом, который был высшим вождем племени. Исполнял ли он функции военачальника, я не могу утверждать. Он имел жреческие функции, присущие должности басилевса, и обладал уголовной юрисдикцией по делам об убийствах; мог ли он судить или только преследовать убийцу на суде, я не могу сказать. Жреческие и судебные функции, присущие должности басилевса, объясняют то значение, которое она приобрела в легендарный и героический периоды. Но отсутствия гражданских функций в строгом смысле этого слова, о наличии которых мы не имеем удовлетворительных свидетельств, достаточно для того, чтобы считать термин «царь», который так постоянно употребляется в истории в качестве равнозначного басилевсу, недоразумением. У афинян был племенной басилевс, при чем греки употребляли этот термин как в его настоящем смысле, так и в качестве названия главного военачальника четырех соединенных племен. Если каждого из басилевсов называть царем, то получается несообразность в том, что каждое из четырех племен возглавлялось особым царем, а все четыре племени вместе — еще одним царем. Мы имеем здесь, пожалуй, больше вымышленных царствующих особ, чем это требуется. Более того, когда мы знаем, что учреждения афинян в эту эпоху были в основе демократическими, это становится карикатурой на греческое общество. Это указывает на необходимость возвратиться к простому и подлинному языку и употреблять термин «басилевс» так, как его употребляли греки, отбросив слово царь как совершенно несоответствующее. Монархия несовместима с гентилизмом по той причине, что родовые учреждения по своему существу демократичны. Род, фратрия, племя, каждое из них представляло собой законченную самоуправляющуюся единицу, и когда несколько племен сливалось в одну нацию, то их общее управление должно было гармонировать с принципами, одушевлявшими ее составные части.

Четвертой и конечной стадией организации родового общества была нация. Когда несколько племен, как, например, афиняне и спартанцы, сливались в один народ, то общество расширялось, но получившееся соединение было лишь более сложным воспроизведением племени. Племена занимали в нации то же место, что фратрии в племени и роды во фратрии. Этот организм¹, представлявший собой просто общество (*societas*), не имел особого названия, но вместо него появлялось название народа или нации. Гомеровское описание собравшихся против Трои военных сил дает таким нациям особые имена, если таковые существовали, например, афиняне, этолийцы, локры; но в других случаях они называются по именам своего города или местности. Мы приходим таким образом к заключительному выводу, что греки до эпохи Ликурга и Солона знали только четыре стадии социальной организации (род, фратрию, племя и нацию);

¹ Аристотель, Фукидид и другие писатели употребляют для обозначения образа правления героического периода термин „басилейя“ (*βασιλεία*).

они были почти общераспространенными в древнем обществе, существовали, как мы видели, частично в периоде дикости и полностью на низшей, средней и высшей ступенях варварства и продолжали держаться после начала цивилизации. Этот органический ряд выражает пределы развития идеи управления в среде человечества вплоть до учреждения политического общества. Такова была и греческая социальная система. Она создала общество, состоявшее из ряда групп лиц, управление которым основывалось на их личных отношениях к роду, фратрии и племени. Это было вместе с тем родовое общество, а не общество политическое, от которого было по существу отлично и легко отличаемо.

Управление афинской нации героического века обнаруживает три различных и в известном смысле равных по положению органа власти, а именно: во-первых, совета вождей (βουλή), во-вторых, агора (ἀγορά), или народного собрания, и, в-третьих, басилевса (βασιλεύς), или высшего военачальника. Хотя для удовлетворения возрастающих потребностей было создано значительное число муниципальных и второстепенных военных должностей, однако верховная власть находилась в руках трех названных органов. Я не имею возможности с исчерпывающей полнотой разобрать функции и полномочия совета, агора и басилевса и ограничусь лишь немногими замечаниями по вопросам достаточно серьезным, чтобы заслужить новое исследование со стороны специалистов-эллинистов.

I. Совет вождей. Должность басилевса у греческих племен привлекла к себе гораздо больше внимания, чем совет или агора. В результате, этой должности было приписано преувеличенное значение, тогда как совет и агора либо отодвигались на задний план, либо игнорировались. Мы знаем, однако, что совет вождей был постоянным явлением у каждой греческой нации с древнейших времен, до которых доходят наши сведения, и вплоть до учреждения политического общества. Это постоянство существования совета как основной черты их социальной системы является убедительным доказательством того, что его функции были весьма существенны, а его власть, как, по крайней мере, можно предполагать, начальной и верховной. Это предположение основывается на том, что мы знаем об архаическом характере, функциях и назначении совета вождей при родовых учреждениях. Мы не достаточно осведомлены о том, каков был состав совета в героическом периоде и каково было положение должности вождя, но мы имеем основание допустить, что совет состоял из вождей родов. Так как число вождей, составлявших совет, было обыкновенно меньше числа родов, то должен был производиться каким-нибудь образом выбор из среды всех вождей. Каким порядком это происходило, мы не знаем. Назначение совета как законодательного корпуса, представлявшего главнейшие роды и его естественное развитие при родовом строе, давали ему с самого начала верховную власть, которую он, вероятно, сохранял до конца своего существования. Возрастающее значение должности басилевса и вновь созданные военные и гражданские должности, вместе с увеличением населения и богатства, должны были в известных отношениях изменить роль совета в общественных делах и, пожалуй, уменьшить его значение; но без радикального изменения учреждений совет не мог быть уничтожен. Поэтому представляется вероятным, что каждое должностное лицо управления, начиная с высших и кончая низшими, оставалось ответственным перед советом в своих официальных действиях. Совет был основным органом их общественной системы¹, и греки того времени были свобод-

¹ Ἐλληνικὸν δὲ ἄρα καὶ τοῦτο τὸ ἔθνος ἦν. Τοῖς γούν βασιλεύουσιν, ὅστις τε πατρίους ἄρχαῖς παραλήβοιεν καὶ θεοῦς ἢ πληροῦς αὐτῆ καταστήρατο ἡ ἐμὴ α, βουλευτήριον ἦν ἐκ τῶν κρατίστων, ὡς Ομηροῦ τε καὶ οἱ γαλαϊότατοι τῶν ποιητῶν μαρτυροῦσιν καὶ οὐχ ὡς περ ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς χρόνοις αὐθιχῶς καὶ μοιολογώμενος ἦσαν αὐ τῶν ἀρχαίων βασιλέων οὐ αἰστέαι — Dionysius, 2, XII.

[У эллинов был и такой обычай: у басилевсов, обладали ли они по наследству отцовской властью или сам народ поставил их вождями, был совет самых могущественных людей, как об этом свидетельствует Гомер и древнейшие поэты; таким образом власть древних басилевсов не была самостоятельной и единоличной, как в наше время].

ными, самоуправляющимися народами с демократическими по существу учреждениями. Мы приведем еще только одну цитату из Эсхила, говорящую о существовании совета, для того чтобы показать, что, по понятиям греков, совет был всегда налицо и готов действовать. В трагедии «Семеро против Фив» вызван Этеокл в качестве военачальника города, а его брат Полиник—в качестве одного из семи вождей, обложивших город. Приступ был отбит, но братья пали в поединке перед одними из ворот. После этого герольд говорит: «я должен сообщить решение и волю советникам народа города Кадмен. Постановлено . . .»¹ и т. д. Совет, который мог во всякое время постановлять решения, возвещать их и ожидать повиновения со стороны народа, обладал высшей властью. Хотя Эсхил говорит в данном случае о событиях легендарного периода, он все же признает совет вождей необходимой составной частью системы управления каждого греческого народа. Булэ древнего греческого общества был прототипом и прообразом сената в последующей государственной политической системе.

II. А г о р а́. Хотя собрание народа, с признанным за ним правом принимать или отвергать предлагаемые ему советом общественные мероприятия, существовало уже в легендарном периоде, однако оно не имеет такой древности, как совет. Последний возник с учреждением родов, но сомнительно, чтобы агора с указанными функциями появилась раньше, чем на высшей ступени варварства. Мы видели, что у ирокезов на низшей ступени варварства народ заявлял свои пожелания совету вождей через выбранных им ораторов и что в делах конфедерации сказывалось влияние народа, но народное собрание, облеченное правом принимать или отклонять общественные мероприятия, требует такой степени развития ума и знаний, какой ирокезы не достигли. Когда агора впервые появляется, какой она изображена у Гомера и в греческих трагедиях, она обладала уже теми же характерными чертами, которые впоследствии сохранились в экклесии афинян и в *comitia curiata* римлян. Прерогативой совета вождей было подготавливать общественные мероприятия и затем представлять их для принятия или отклонения народному собранию, решения которого были окончательными. Функции агора ограничивались этим единственным актом. Она не могла ни издавать постановления, ни вмешиваться в управление делами, но тем не менее была действительной силой, в высшей степени приспособленной для охраны народных свобод. В героическом веке, во всяком случае, и в более отдаленном легендарном периоде агора составляет постоянное явление у греческих племен и вместе с советом дает убедительное доказательство демократического строя родового общества на протяжении этих периодов. Народ в силу своего ума создавал, как мы имеем основание предполагать, общественное мнение по всем важным вопросам, и совет вождей нашел желательным и необходимым считаться с этим мнением как для общественного блага, так и для поддержания собственного авторитета. Обсудив предложенный вопрос, народное собрание, доступное всякому, кто желает высказаться², принимало решение в старье времена обыкновенно поднятием рук³. Участвуя в общественных делах, касавшихся общих интересов, народ постоянно обучался искусству самоуправления, и часть греков, например афиняне, подготавливалась к полной демократии, созданной впоследствии законами Клисфена. Народное собрание, обсуждающее общественные вопросы, которое нередко высмеивалось как чернь писателями, неспособными понять и оценить принципы демократии, было зародышем экклесии (*ἐκκλησία*) афинян и нижней палаты современного законодательного корпуса.

¹ Δοξοῦντα καὶ δῖα τ' ἀπαγγέλλειν μετὰ τῆς ὄψου προβούλους τῆσδε Κιβρῆας πόλεως.
Ἐτεοκλῆα μὲν τὸν δ' ἐπ' εὐνοίᾳ χιλοῦς βαπτέειν ἔδοξε τῆς φίλης κατασκαφαῖς.

Эсхил, „Семеро против Фив“, 1005.

[Я должен сообщить решение и волю советникам народа города Кадмен. Постановлено похоронить Этеокла за его любовь к родине среди дорогих могил].

² Эрипид, „Орест“, 884.

³ Παύτριχα γὰρ ἕρσι δειψύμορος ἔφριξεν ἀνὴρ τὸνδε κρείττων λόγον.

Эсхил. „Умоляющие“, 607.

[Воздух заколебався от единодушно поднятых рук, и это было решением народа].

III. Басилевс. Это должностное лицо приобрело большое значение в греческом обществе героического века, но занимало видное положение и в легендарном периоде. Историки поместили его в центре системы. Название этой должности (*βασίλευς*) применялось лучшими греческими писателями для обозначения способа управления, который был назван *басилейей* (*βασίλεια*). Современные писатели, почти все без исключения, переводят «басилевс» термином «царь», а «басилейя» — термином «царство», без всяких оговорок, в качестве совершенно равнозначных. Я желал бы обратить внимание читателя на эту должность *басилевса* в том виде, в каком она существовала у греческих племен, и на вопрос о правильности такого толкования. Между *басилейей* древних афинян и современным царством или монархией нет никакого сходства, во всяком случае не достаточно для того, чтоб оправдать употребление одного и того же термина для обозначения обоих понятий. Наше представление о монархическом правлении по существу состоит в том, что царь, окруженный привилегированным и титулованным классом собственников и владельцев земли, правит посредством эдиктов и декретов по своей воле, претендуя на свое наследственное право власти, ибо не может сослаться на согласие тех, кем он правит. Такие правительства были навязаны народу на основании наследственного права, к которому духовенство старалось присоединить еще божественное право. Примером могут служить Тюдоры в Англии и Бурбоны во Франции. Конституционная монархия представляет собой продукт современного развития, в корне отличаясь от *басилейи* греков. *Басилейя* не была ни абсолютной, ни конституционной монархией, как не была ни тиранией, ни деспотией. Возникает в таком случае вопрос: чем же она была?

Грот утверждает, что «примитивный греческий строй был чисто монархическим, покоясь на личных чувствах и божественном праве»¹, и для подкрепления этого взгляда замечает далее, что «памятное изречение Илиады: не хорошо — многовластие, пусть будет у нас один повелитель, один царь, тот, которому Зевс дал скипетр, вместе с охраняющими его санкциями, подтверждается всем, что мы знаем о действительном положении вещей»². Это мнение свойственно не одному только Гроту, значение которого как историка общепризнано; оно упорно высказывалось всеми вообще историками, писавшими на греческие темы, и стало в конце концов считаться исторической истиной. Наши взгляды на вопросы греческой и римской истории сложились под влиянием писателей, привыкших к монархическому правлению и привилегированным классам, писателей, которые, быть может, были рады сослаться на самый ранний, какой нам известен, образ правления греческих племен для оправдания этой формы правления как естественной, необходимой и первоначальной.

Истинная характеристика греческого строя, как это представляется американцу, прямо противоположна взгляду Грота. А именно, первоначальный образ правления греков был чисто демократическим, покоясь на родах, фратриях и племенах, организованных в качестве самоуправляющихся единиц, а равно на принципах свободы, равенства и братства. Это подтверждается всем, что мы знаем о родовой организации, в основе которой, как мы показали, лежали чисто демократические принципы. В таком случае, вопрос — переходила ли действительно должность *басилевса* от отца к сыну по наследству, что указывало бы, если б это было на самом деле, на падение этих принципов. Мы видели, что на низшей ступени варварства должность вождя была наследственной в роде; это означает, что свободное место замещалось из среды членов данного рода всякий раз, как оно открывалось. Где происхождение считалось по женской линии, как у ирокезов, преемником умершего вождя избирался обыкновенно его родной брат, а где происхождение считалось по мужской линии, как у оджибве и омаха, — старший сын. Это стало правилом, если только не было возражений

¹ History of Greece, II, 69.

² History of Greece, II, 69, и Илиада, II, 204.

пртив данного лица, но избирательный принцип, составлявший сущность самоуправления, сохранялся. Нет удовлетворительно обоснованных доказательств, что старший сын басилевса в случае смерти отца занимал его должность в силу безусловного наследственного права. Это — самый главный вопрос, для решения которого в положительном смысле нужны неоспоримые доказательства. Вопрос этот не разрешается тем, что обыкновенно наследовал, как принято считать, старший сын или один из сыновей, так как и при свободном избрании вождя сын по древнему обычаю был в числе вероятных преемников отца. Предположение о переходе должности басилевса по наследству противоречит характеру греческих учреждений; ему скорее соответствует либо свободное избрание, либо утверждение должности народом через посредство установленных организаций, подобно римскому рексу¹. При переходе должности басилевса в этом последнем порядке управление оставалось в руках народа. Ибо басилевс не мог бы вступить в должность без избрания или утверждения, а право избрания или утверждения предполагает сохранение права смещения с должности.

Заемствованная Гротом цитата из Илиады не имеет значения в данном вопросе. Улисс, из речи которого это место взято, говорил о командовании войском перед осажденным городом. Он мог, конечно, сказать: «Все греки не могут здесь командовать. Многовластие не годится. Пусть будет у нас один койранос, один басилевс, которому Зевс дал скипетр и божественные санкции, чтобы он начальствовал над нами»². Койранос и басилевс употребляются в качестве равнозначных, так как оба они одинаково обозначали высшего военачальника. У Улисса не было повода разбирать или защищать какую-либо форму правления, но у него было достаточно основания призывать к подчинению одному командующему войском пред лицом осажденного города.

Басилею можно определить как военную демократию, ибо народ был свободен, и дух этого правления, что наиболее существенно, был демократический. Басилевс был полководцем и занимал высшую, наиболее влиятельную и значительную должность, которая была известна социальной системе греков. За недостатком лучшего термина для описания этой формы правления греческие авторы приняли его, так как в нем заключалось представление о командовании войском, что стало тогда выдающейся чертой управления. Для формы правления, при которой совет и агора существовали на ряду с басилевсом, если требуется более специальное определение, достаточно правильным названием будет военная демократия, тогда как употребление термина «царство» с тем значением, которое с ним необходимым образом соединяется, — ошибочно.

В героическом веке греческие племена жили в окруженных стенами городах, размножались и богатели благодаря полевому земледелию, ремесленным производствам и скотоводству. Потребовалось учреждение новых должностей, равно как и известное разделение их функций; с развитием ума и потребностей быстро развилась новая муниципальная система. Это был вместе с тем период непрерывной вооруженной борьбы за обладание наиболее выгодными территориями. Вместе с увеличением собственности, несомненно, рос и аристократический элемент, являясь главной причиной тех волнений, которые господствовали в афинском обществе от времени Тезея до эпохи Солона и Клисфена. За это время и до окончательного упразднения этой должности, незадолго до первой

¹ Гладстон, изображающий своим читателям греческих вождей героического века царями и князьями, которых он, сверх того, наделяет качествами джентльменов, вынужден признать, что «в общем, повидимому, обычай или закон первородства выражен достаточно определенно, но не слишком резко». — *Juventus Mundi*, Little and Brown's ed., p. 428.

² Ὁ δὲ μὲν πᾶς πᾶτες βασιλεύσαντες ἐνθάδ' Ἀχαιοί.
ὄνα ἀγαθὸν παύσομεν ἄλλοις ἵς κοίρα ὅς ἐστω, εἰς βασιλεὺς, ᾧ ἔδοκε Κρόνου πικρὰ ἀγκυλομήτεω (σκηπτρὸν τ' ἦδ' ἄεμιπτασ, ἵνα σφίσι βουλεύηται). — Илиада, II, 203—206. Слова, заключенные в скобки, отсутствуют во многих рукописях, например, в комментарии Евстафия.

[Не все ахейцы мы будем здесь начальствовать. Не хорошо многовластие: пусть будет один правитель, один басилевс, которому сын хитроумного Крона дал скипетр и законы, чтобы он начальствовал над нами].

олимпиады (776 г. до н. э.), басилевс, в силу характера своей должности и по обстоятельствам времени, стал более влиятельным и могущественным, чем это было доступно до того времени отдельному лицу. Этой должности были приданы или в нее включены функции жреца и судьи; сверх того, он, повидимому, состоял *ex officio* членом совета вождей. Это была крупная, равно как и необходимая должность, сопряженная с властью командующего войсками в поле и гарнизоном в городе, что давало басилевсу возможность приобрести влияние и в гражданских делах. Он однако, по всем видимостям, не обладал гражданскими функциями.

Проф. Мэсон замечает, что «наши сведения о греческих царях исторической эпохи недостаточно обширны и точны для того, чтобы мы могли представить детальную схему их функций»¹. Военные и жреческие функции басилевса известны довольно хорошо, судебные — не достаточно, что же касается гражданских функций, то мы не знаем даже, существовали ли они. Полномочия подобной должности при родовых учреждениях должны были определяться постепенно, путем опыта, однако при постоянной тенденции со стороны басилевса присвоить себе новые, опасные для общества права. Поскольку совет вождей оставался составным элементом управления, можно сказать, что он представлял демократические начала социальной системы, а равно самые роды, тогда как басилевс вскоре сделался представителем аристократического начала. Вероятно, между советом и басилевсом происходила постоянная борьба, при чем совет старался удержать последнего в границах тех полномочий, которые народ желал предоставить этой должности. Более того, упразднение этой должности афинянами заставляет полагать, что они нашли ее неподдающейся контролю и несоместимой с родовыми учреждениями, из-за присущего басилевсам стремления к узурпации новых прав.

В результате подобного же опыта спартанские племена уже очень рано учредили эфорат, чтобы ограничить власть обоих басилевсов. Несмотря на то что о функциях совета в гомеровский и легендарный период мы имеем неполные сведения, уже его неизменное наличие является достаточным доказательством того, что его власть была реальной, действенной, постоянной. Существование агора и в то же время отсутствие доказательств изменения в учреждениях приводят нас к заключению, что по установившемуся порядку совет обладал высшей властью над родами, фратриями, племенами и нацией и что басилевс в своих официальных действиях был ответствен перед этим советом. Свобода родов, представителями которых были члены совета, предполагает независимость, равно как первенствующее значение совета.

Фукидид говорит мимоходом об образе правления легендарного периода следующее: «Когда греки сделались могущественнее и приобрели еще более имущества, чем прежде, во многих городах возникли тирании, так как их доходы увеличились, тогда как до того в них существовали наследственные басилеи с точно определенными полномочиями» (*π ὅτ ῥον δέ ἦσαν ἐπὶ ῥῆτοῖς ἑράσι πατρικῇ βλαύσεια*)². Должность эта была наследственной в смысле ее непрерывности, так как она замещалась как только открывалась вакансия, но, вероятно, наследственной в одном роде; замещение ее производилось путем назначения советом и утверждения родами, как это было с рексом у римлян.

Из всех греческих авторов Аристотель дал наиболее удовлетворительное определение басилеи и басилевса героического периода. «Существует, — говорит он, — четыре рода басилеи: первая принадлежит героическим временам; она была властью над свободным народом, но с некоторыми ограничениями; басилевс был их полководцем, судьей и верховным жрецом. Вторая — басилея варваров, представлявшая собой наследственную деспотическую власть, установленную законами. Третья, так называемая айсимнетия — избирательная тира-

¹ Smith's Dic., слово Rex, p. 591.

² Фукидид, I, 13.

ния. Четвертая — лакедемонская, представляющая собой не что иное, как должность наследственного военачальника»¹. Не говоря о последних трех, первая форма не соответствует ни представлению об абсолютной монархии, ни какой-либо другой форме монархии в общепринятом смысле. Аристотель с замечательной отчетливостью перечисляет главные функции басилевса, ни одна из которых не сопряжена с гражданской властью, тогда как все они совместимы с пожизненной, занимаемой по избранию должностью. Равным образом они согласуются с полным подчинением совету вождей. «Ограниченные права», «специальные полномочия» в определениях названных авторов указывают на то, что образ правления, принявший эту форму, соответствовал родовым учреждениям и был подчинен им. Основным элементом в определении Аристотеля является свобода народа; для древнего общества это означает, что народ контролировал действия власти, что должность басилевса давалась по воле народа и могла быть снята на достаточных основаниях. Образ правления, описанный Аристотелем, может быть истолкован только как военная демократия; представляя собой форму правления, соответствующую свободным учреждениям, она выросла естественно из родовой организации, когда стал преобладать военный дух, богатство и численность населения увеличились и жизнь в укрепленных городах стала обычным явлением, но когда опыт еще не проложил пути для чистой демократии.

При родовых учреждениях народ, состоявший из родов, фратрий и племен, организованных в виде независимых, самоуправляющихся единиц, естественно должен был быть свободен. Власть царя, основанная на наследственном праве и свободная от ответственности, была в таком обществе просто невозможной. Такая невозможность вытекает уже из того, что родовые учреждения несовместимы с царем или царской властью. Для опровержения этого положения, основанного на структуре и принципах древне-греческого общества, необходимы были бы положительные доказательства, — а таковые, я полагаю, не могут быть приведены, — того, что должность басилевса основывалась на абсолютном наследственном праве и что ей были присущи гражданские функции. Англичанин в своей конституционной монархии так же свободен, как и американец в своей республике: его права и свободы так же хорошо охранены, но он обязан этой свободой и этой охране собранию писаных законов, созданных законодательством и охраняемых судом. В древне-греческом обществе место писаного закона занимали порядки и обычаи, а свобода и охрана личности зависели от учреждений данной социальной системы. Охрана личности составляла основную цель таких учреждений, что обеспечивалось и выборным характером должностей.

Подобным же образом рексы римлян были военачальниками, при чем этой должности были приданы и жреческие функции; таким образом и этот так называемый царский строй принадлежит к категории военной демократии. Рекс, как уже говорилось, назначался сенатом и утверждался *comitia curiata*; последний рекс был смещен. С его смещением эта должность была упразднена как несовместимая с тем, что еще сохранилось от демократических принципов после учреждения римского политического общества.

Ближе всего к царскому строю подходят у греческих племен тирании, возникавшие уже в раннем периоде в различных частях Греции. Это был строй, названный силой, и власть, на которую претендовал тиран, была не больше, чем власть феодального короля средних веков. Для полноты аналогии было бы необходимо, чтобы должность переходила от отца к сыну в нескольких поколениях сряду, что придавало бы ей наследственный характер. Но такая форма правления была так несовместима с понятиями греков, была настолько чужда их демократическим учреждениям, что ни одна из этих тираний не смогла пустить проч-

¹ Βασιλείας μὲν οὖν εἶδη ταῦτα τέτταρα τὴν ἀρχὴν, μία μὲν ἡ περὶ τοὺς ἡρωϊκοὺς χρόνους, αἴτι δ' ἦν ἐκόντων μὲν, ἐπὶ τοῖς δ' ἄρ ἀμείνων. στρατηγὸς γάρ ἦο καὶ δικαστὴς ὁ βασιλεὺς καὶ τῶν πρὸς θεοῦς κύριος. Δευτέρα δὲ ἡ βαρβαρικὴ, αὐτὴ δ' εἶσιν ἢ γένους ἀρχὴ δεσποτικὴ κατὰ νόμον. Τρίτη δὲ ἦν ἀστυνομήτιαν προσαγορευομένη, αὐτὴ δ' εἶσιν αἰρητὴ τυραννίς. Τετάρτη δ' ἡ Λακωνικὴ τοῦτων, αὐτὴ δ' εἶσιν ὡς εἶπαι δ' ἀπλῶς, στρατηγία κατὰ γένος αἰδίδος.—Аристотель, „Политика“, III, гл. X.

ных корней в Греции. Грот замечает: «Если какому-либо энергичному человеку и удавалось при помощи смелости или хитрости нарушить конституцию и стать постоянным самодержавным повелителем, то, если даже он правил хорошо, он никогда не мог внушить народу чувства долга по отношению к себе. Его скипетр с самого начала был незаконный, и даже лишить его жизни далеко не противоречило нравственному чувству, осуждавшему пролитие крови в других случаях, и считалось похвальным»¹. Враждебное отношение греков вызывалось не столько незаконностью власти, сколько антагонизмом демократических и монархических идей, из которых первые были унаследованы от родов.

Когда афиняне учредили новую политическую систему, основанную на территории и собственности, правление было чисто демократическим. Оно не представляло собой новой теории или особого изобретения афинского ума, но было старой, хорошо знакомой системой, столь же древней, как и сами роды. Демократические идеи существовали в сознании и быту их предков с незапамятных времен и теперь нашли себе выражение в более развитом и во многих отношениях усовершенствованном образе правления. Чуждый аристократический элемент, проникший в систему и вызвавший в переходный период не мало распрей, был связан с должностью *басилевса* и сохранился после того, как эта должность была упразднена; но новая система довершила ее гибель. Более успешным образом, чем остальные греческие племена, афиняне смогли довести свои идеи управления до их логических результатов. Это было одной из причин, сделавших афинян при их численности самой выдающейся, самой одаренной и самой совершенной расой, какую только производила до тех пор человеческая семья. Своими чисто интеллектуальными достижениями они до сих пор изумляют человечество. Это произошло потому, что идеи, созревавшие в предшествовавшие этнические периоды, переплелись с каждым волокном их мозга и принесли прекрасные плоды в демократическом обществе. Благодаря живительному импульсу последнего афиняне достигли наивысшего умственного развития.

Введенный Клизфеном образ правления уничтожил должность *магистрата*, обладающего высшей исполнительной властью, но сохранил совет *вождей* в форме выборного сената и *агора* в виде народного собрания. Ясно, что совет, *агора* и *басилевс* родов были зародышами сената, народного собрания и высшей исполнительной власти (короля, императора и президента) современного политического общества. Эта последняя должность возникла из военных потребностей организованного общества, и ее развитие, параллельное прогрессу человечества, поучительно. Можно проследить, как обыкновенный военный вождь превратился сперва в «великого воина», как в ирокезской конфедерации, затем — в высшего военного вождя нации, образовавшейся путем слияния племен, обладающего функциями жреца и судьи, как *басилевс* греков, и, наконец, в высшую исполнительную власть в современном политическом обществе. В выборном характере должностей афинского архонта, сменившего *басилевса*, и президента современных республик продолжает еще жить дух гентилизма. Мы обязаны опыту варваров созданием и развитием трех главнейших органов власти, ныне образующих постоянные составные части правления цивилизованных государств. Человеческий ум, будучи в видовом отношении одинаковым у всех индивидов всех племен и наций человечества и лишь ограниченный в смысле своих возможностей, действует и должен действовать по одним и тем же путям, лишь с незначительными отклонениями. Результаты его деятельности, достигнутые в разобщенных странах и в периоды, отдаленные друг от друга многими веками, составляют звенья логически связанной цепи общего опыта. В этом великом целом все еще можно распознать те немногие начальные зародыши идей, связанных с начальными человеческими потребностями, которые в естественном процессе развития дали такие обширные результаты.

¹ History of Greece, II, 61; см. также 69.

Глава десятая

УЧРЕЖДЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Роды перестают быть основой управления. — Законодательство Тезея. — Попытка заменить роды классами. — Ее неуспех. — Упразднение должности басилевса. — Архонты. — Навкратрии и триттии. — Законодательство Солона. — Имущественные классы. — Частичный переход гражданской власти от родов к классам. — Лица, не принадлежащие ни к какому роду, делаются гражданами. — Сенат. — Экклезия. — Политическое общество частью осуществлено. — Законодательство Клисфена. — Учреждение политического общества. — Атичский дем или городская община. — Его организация и права. — Его местное самоуправление. — Локальное племя или округ. — Атичская республика. — Афинская демократия.

Различные греческие общины прошли одинаковый по существу путь при переходе от родового к политическому обществу. Как этот переход совершился, можно показать на примерах, заимствованных из истории Афин, так как факты, касающиеся афинян, сохранились наиболее полным образом. Для нашей цели достаточно простого очерка важнейших событий, так как проследить развитие идеи управления после возникновения новой политической системы не входит в наше задание.

Очевидно, что неспособность родовых учреждений удовлетворять усложнившимся потребностям общества вызвала движение, имевшее целью отнять у родов, фратрий и племен все гражданские права и передать новым единицам. Это движение совершалось постепенно, тянулось много времени и нашло свое выражение в ряде последовательных экспериментов, посредством которых делались попытки излечить существующие недуги. Введение новой системы совершалось так же постепенно, как и исчезновение старой, и в течение некоторого времени обе продолжали существовать бок-о-бок. По характеру и объектам проведенных экспериментов мы можем узнать, почему родовая организация не смогла удовлетворить потребностям общества, почему возникла необходимость в упразднении родов, фратрий и племен как источников власти и каким образом это осуществилось.

Оглядываясь на путь человеческого прогресса, можно заметить, что селение, окруженное частоколом, было обыкновенно местом жительства племени на нижней ступени варварства. На средней ступени появляются общинные дома, выстроенные из необожженного кирпича и камня, имеющие характер крепостей. А на высшей ступени впервые в истории человеческого опыта появляются города, окруженные кольцеобразными валами и, наконец, стенами из обтесанных камней. Осуществление мысли окружить достаточное для значительного населения пространство защитной стеной из обтесанных камней с башнями, брустверами и воротами, чтобы обеспечить всем одинаковую охрану и защищаться общими силами, было большим шагом вперед. Города этой ступени развития предполагают существование постоянного и развитого полевого земледелия, обладание стадами домашних животных, большим количеством товаров и собственности в виде домов и земли. Город предъявил искусству управления новые требования, так как изменил состояние общества. Мало-по-малу выросла потребность в чиновниках и судьях, военных и муниципальных должностных лицах различных степеней, равно как и в каком-нибудь порядке набора и содержания войск, что требовало общественных доходов. Городская жизнь и городские потребности должны были в значительной мере увеличить обязанности и ответственность совета вождей и, вероятно, оказалась не под силу его способностям управлять обществом.

Уже было указано, что на нижней ступени варварства правление состояло из одной власти: совета вождей, на средней ступени — из двух властей: совета вождей и военачальника, а на высшей ступени — из трех властей: совета вождей, народного собрания и военачальника. Но с началом цивилизации, дифференциа-

ция властей пошла еще дальше. Военная власть, врученная сначала бацилевсу, перешла теперь к генералам и капитанам, но была еще более ограничена. В результате дальнейшей дифференциации у афинян появилась судебная власть. Она была представлена архонтами и дикастами. Административная власть была теперь перенесена на городские магистраты. Шаг за шагом, с прогрессом опыта и общим развитием, эти различные виды власти отдифференцировались из общей совокупности полномочий начального совета вождей в той мере, в какой они были переданы народом этому совету как его представительному органу.

Создание этих городских должностей было необходимым следствием увеличения значения и сложности соответствующих дел. Под этим бременем рушились родовые учреждения. Возникали бесчисленные беспорядки, как вследствие столкновения властей, так и вследствие злоупотребления властью, еще не достаточно фиксированной. Краткий и мастерский очерк Фукидида о состоянии греческих племен в этот переходный период¹ и согласующиеся с ним свидетельства других писателей не оставляют сомнения в том, что старая система управления становилась несостоятельной и для дальнейшего прогресса была необходима новая. Более широкое распределение правительственных функций, более точное их определение и более строгая ответственность должностных лиц были необходимы как для благосостояния, так и для безопасности общества, в особенности же замена порядков и обычаев писаными законами, установленными компетентной властью. Благодаря знаниям, основанным на опыте и приобретенным в этом и предшествующем этническом периоде, в уме греков постепенно созрела идея политического общества или государства. Это развитие совершалось постепенно в течение многих столетий, начиная с первого возникновения потребности в переустройстве формы правления до того, как были достигнуты вполне законченные результаты.

Первая попытка афинян разрушить родовую организацию и учредить новую систему приписывается Тезею; сведения о ней основываются, следовательно, на предании; однако некоторые факты, сохранившиеся до исторического периода, подтверждают, по крайней мере частично, приписываемое Тезею законодательство. Достаточно будет считать Тезея представителем эпохи или ряда событий. От Кекропса до Тезея народ Аттики, согласно Фукидиду, жил всегда в городах, имея свои собственные пританей и архонтов, и, если опасности не было, не обращался за советом к бацилевсу, а управлял своими делами самостоятельно через посредство своих советов. Но когда Тезей стал бацилевсом, он убедил их разрушить дома советов и магистратуры отдельных городов и вступить в связь с Афинами, так чтобы существовал один дом совета (*βουλευτήριον*) и один пританей (*πρωτεύειον*)². Этот рассказ содержит или предполагает ряд важных фактов: что население Аттики было организовано в независимые племена; каждое из них имело собственную территорию, в пределах которой жил народ, со своим домом совета и пританеем; далее, что, составляя самоуправляющиеся общества, они, вероятно, соединялись для взаимной защиты и избирали бацилевса или военачальника для командования их общими военными силами. Это — картина демократически организованных общин, нуждающихся в силу своего положения в военачальнике, не имеющем, однако, гражданских функций, несовместимых с родовой системой. Они слились при Тезее в один народ, и Афины сделались местонахождением их правительства; это дало им более высокую

¹ Фукидид, кн. 1, 2—13.

² Фукидид, кн. II, гл. 5. Плутарх говорит почти то же самое: „Он поселил всех жителей Аттики в Афинах и образовал из них один народ в одном городе, тогда как раньше они были рассеяны повсюду, так что их с трудом можно было в случае необходимости собрать для общего блага... Распустив таким образом сообщества, советы и суды в каждом городе, он построил общий пританей и здание совета там, где они стоят и до сего дня. Крепость с примыкающими к ней строениями, а равно новый и старый город он соединил под общим названием Афин“.—Плутарх, „Жизнеописания“, Тезей, гл. 24.

организацию, чем та, какую они до того могли создать. Слияние племен в нацию на одной территории происходит позднее, чем образование конфедераций, при которых племена занимают независимые территории. Такое слияние представляет собой более высокий органический процесс. Тогда как прежде роды перемешивались путем браков, теперь перемешались племена в силу уничтожения территориальных границ и пользования общим домом совета и пританеом. Приписываемый Тезею акт указывает на развитие родового общества из более низкой в более высокую органическую форму, что должно было когда-нибудь совершиться и, вероятно, произошло указанным образом.

Но Тезею приписывается еще другой акт, обнаруживающий более радикальный план, равно как и признание необходимости глубокого преобразования управления. Он разделил народ на три не соответствовавших родам класса, которые назывались: *эвпатридами*, или «благородными», *геоморами*, или «земледельцами», и *демиургами*, или «ремесленниками». Главные должности как в гражданском управлении, так и в жреческой иерархии были предоставлены первому классу. Это классовое разделение было не только признанием собственности и аристократического элемента в управлении обществом, но и открытым движением против власти родов. Существовало, очевидно, намерение соединить вождей родов с их семействами и зажиточных лиц из разных родов в отдельный класс, обладавший правом занимать главные должности, на которые было возложено управление обществом. Разделение остальных на два больших класса в свою очередь рассекало роды. Если бы право голоса было отнято от родов, фратрий и племен и дано классам, при чем первому классу принадлежало бы право занимать высшие должности, это привело бы к весьма значительным последствиям. Повидимому, этого не было сделано, хотя и было, безусловно, необходимо для того, чтобы сделать классы жизненными. Мало того, в существовавшем ранее порядке замещения должностей также не произошло существенного изменения. Так называемые теперь *эвпатриды* были, вероятно, теми лицами разных родов, которые и раньше занимали соответствующие должности. Эта схема Тезея была обречена на смерть, так как фактически перенесения власти с родов, фратрий и племен на классы не произошло и эти классы оказались ниже родов в качестве основания системы.

Столетия, протекавшие от неизвестного нам времени Тезея до законодательства Солона (594 год до н. э.), составляют один из важнейших периодов истории Афин, но последовательность событий известна нам весьма не достаточно. Должность *басилевса* была упразднена еще до первой олимпиады (776 год до н. э.) и вместо нее учреждены *архонты*. Эта последняя должность была, повидимому, наследственной в роде и в определенном семействе внутри рода, как утверждают на том основании, что первые двенадцать архонтов назывались *Медонтидами*, по *Медонту*, первому архонту, который будто бы был сыном *Кодра*, последнего *басилевса*. По поводу этих пожизненных архонтов снова возникает вопрос, затронутый раньше в отношении *басилевса*, а именно, являлось ли избрание или утверждение избирательной корпорацией необходимым условием вступления в должность. Вероятность говорит против перехода должности по наследственному праву. В 711 году до н. э. срок исполнения должности архонта был ограничен десятью годами, при чем она предоставлялась путем свободного выбора лицу, считавшемуся наиболее достойным. Мы находимся теперь уже в исторической эпохе, хотя еще у самого ее порога, и встречаемся здесь с ясно и полно проведенным принципом избрания по отношению к высшей должности, какую только мог дать народ. А это как раз то, чего можно было ожидать сообразно со строем и принципами родов; надо все же полагать, что аристократический принцип усилился с ростом собственности и был источником, из которого возникло наследственное право. Существование избирательного принципа при более поздних архонтах не лишено значения в связи с вопросом о предшествующей практике афинян. В 683 году до н. э. должность архонта была сделана выборной сроком на один год, число архонтов увеличено до девяти и на них

возложены жреческие и судебские обязанности¹. Из этих событий мы можем почерпнуть доказательство постепенного усовершенствования порядка занятия должностей. Афинские племена получили от своих далеких предков должность архонта (*ἀρχὼς*), как вождя рода. Мы имеем все основания допустить, что она была наследственной в роде и выборной из среды его членов. После того как счет происхождения перешел в мужскую линию, сыновья умершего вождя вошли в число лиц, имеющих право на наследование, и один из них мог быть избран при отсутствии личных возражений. Теперь же афиняне возвратились для своего высшего должностного лица к этой древней должности, сделали ее выборной, независимо от какого-либо рода, и ограничили ее срок сначала десятью, а в конце концов одним годом. Раньше эта привычная им должность была пожизненной. На низшей, а также на средней ступени варварства должность вождя, как мы видели, была выборной и давалась пожизненно, либо на время, пока избранный вел себя хорошо, — ограничение, вытекающее из права рода смещать с должности. Мы в праве сделать вывод, что должность вождя греческого рода была основана на свободном избрании и была такой же по своему положению. Следует считать доказательством замечательного развития идей в этом раннем периоде тот факт, что афинские племена ограничили определенным сроком занятие важнейшей должности и допустили состязание кандидатов. Они создали таким образом всю теорию избирательной и представительной должности и подвели под нее ее настоящую базу.

Следует отметить далее, что во время Солона возник суд Ареопага, состоявший из бывших архонтов и имевший право судить преступников и наблюдать за нравами; был учрежден также ряд новых военных морских и административных должностей. Но важнейшим событием этого же приблизительно времени было учреждение «навкрарий» (*ναυκραρίαι*), по двенадцати в каждом племени, всего сорока восьми; каждая из них обнимала определенный округ с его домохозяевами, откуда производился набор людей на военную и морскую службу, а равно, вероятно, собирались подати. Навкрарии были зародышем дема, или городской общины, которая должна была стать основой второго великого плана управления, после того как идея территориального базиса достигла своего полного развития. Кем были учреждены навкрарии, неизвестно. «Они должны были существовать еще до Солона, — говорит Бек, — так как начальники навкрарий (*πρωτάρχαι τῶν ναυκράρων*) упоминаются еще до издания закона о них, и если Аристотель приписывает их учреждение Солону, то его показание мы можем отнести только к тому, что они были утверждены политической конституцией Солона»². Двенадцать навкрарий составляли триттию (*τριττὸς*), большую область, но триттия не были непременно смежными. Аналогичным образом триттия была зародышем кантона, высшей территориальной единицы после городской общины.

Несмотря на большие изменения, происшедшие в органах управления, народ составлял еще родовое общество и жил при родовых учреждениях. Род, фратрия и племя были в полной жизненной силе, оставаясь признанными источниками власти. До Солона никто не мог сделаться членом этого общества иначе, как путем связи с родом и племенем. Все другие лица находились вне сферы управления. Совет вождей, этот древний, освященный временем орган управления, оставался, но власть была теперь разделена между ним, агора, или народ-

¹ „Из девяти архонтов, число которых с 683 г. до н. э. и до конца демократии оставалось неизменным, трое носили особые титулы: архонт-эпоним, от имени которого заимствовались название года и который назывался просто архонтом; архонт-басилевс (царь), или чаще басилевс, и, наконец, полемарх. Остальные шестеро были известны под общим названием тесмотетов... Архонт-эпоним решал все семейные, родовые и фратриальные тяжбы, он был законным защитником вдов и сирот. Архонту-басилевсу (или архонту-царю) принадлежала компетенция по делам об оскорблении религиозных чувств и убийствах. Полемарх (если говорить о в емени, предшествовавшем Клисфену) был главным начальником войск и судьей в тяжбах между гражданами и негражданами".—Grote's, History of Greece, I. c., III, 74.

² Public Economy of Athens, Lamb's Trans., Little and Brown's ed., p. 353.

ным собранием, судом Ареопага и девятью архонтами. Прерогативу совета составляла инициатива выработки общественных мероприятий и их подготовка для утверждения народом, что давало последнему возможность руководить политикой управления. В руках совета было, несомненно, высшее управление финансами, и он до конца оставался, как был с самого начала, центральным органом власти. Народное собрание достигло теперь еще большего значения. Хотя его функцией все еще ограничивались принятием или отклонением предлагаемых ему советом общественных мероприятий, оно начало оказывать могущественное влияние на общественные дела. Усиление власти этого собрания служит вернейшим доказательством прогресса знаний и ума афинского народа. К несчастью, до нас дошли только неполные и частичные сведения о функциях и власти совета вождей и народного собрания в этот ранний период.

В 624 году до н. э. Дракон издал для афинян свод законов, которые отличаются главным образом своей ненужной жестокостью; но этот кодекс показывает, что для греков наступило время заменить порядки и обычаи писаными законами. До того времени афиняне не знали еще искусства издавать законы по мере возникновения в них надобности, что требовало большего понимания функций законодательных корпораций, чем то, которого они к тому времени достигли. Они находились на той стадии, на которой появляются законодатели и законодательство или остается проектом или принимается целиком и связывается с именем какого-нибудь лица. Так медленно сказываются великие последствия человеческого прогресса.

Когда Солон вступил в должность архонта (594 год до н. э.), господствовавшие в обществе беспорядки дошли до крайности. Борьба за обладание собственностью, выступившая теперь на первый план, привела к знаменательным результатам. Часть афинян попала в рабство из-за долгов, — должник отвечал за долг своей личностью и в случае неуплаты обращался в рабство; другие заложили свою землю и были не в состоянии освободить ее от ипотеки. Вследствие этих и других затруднений общество само себя пожирало. В добавление к существующим законам, частью новым, но смягчавшим главнейшие финансовые затруднения, Солон возобновил проект Тезея об организации общества в классы, однако не по занятиям, как прежде, а по размерам имущества. Поучительно проследить ход этой попытки устранить роды и сменить их новой системой, ибо мы дальше увидим, что римские племена при Сервии Туллии попытались произвести тот же эксперимент с той же целью. Солон разделил народ на четыре класса по размеру имущества и, идя дальше Тезея, дал этим классам определенные права и возложил на них известные обязанности. Вследствие этого часть гражданских прав родов, фратрий и племен перешла к имущественным классам. Соответственно той степени, в какой права были отняты у первых и предоставлены последним, должна была уменьшиться сила родов и начался их упадок. Но поскольку место родов, состоящих из лиц, заняли классы, состоящие также из лиц, основой управления все еще служили личность и чисто личные отношения. Реформа Солона не коснулась сущности дела. Помимо того, совет вождей был превращен в сенат из четырехсот лиц, которые избирались в равном числе от четырех племен, а не от классов. Все же следует отметить, что новой схемой имущественных классов Солон положил в основу системы управления идею собственности. Это однако не означало еще осуществления идеи политического общества, которое должно покоиться как на собственности, так и на территории и иметь дело с личностями через их отношение к территории. Только лица первого класса могли избираться на высшие должности, второй класс нес военную службу в коннице, третий — в пехоте и четвертый — в легковооруженной пехоте. Этот последний класс составлял большинство. Члены его не могли занимать никаких должностей и не платили податей, но имели право голоса при выборе всех должностных лиц, с правом требовать от них отчета. Они имели также право принимать или отклонять все общественные мероприятия, предлагаемые на их решение сенатом. При конституции Солона их

права были действительными и ненарушаемыми, а их влияние на общественные дела — постоянным и реальным. Все свободные люди, даже если они не принадлежали ни к какому роду и племени, были включены теперь в известных пределах в общество, став гражданами и членами народного собрания с указанными выше правами. Это было одним из важнейших результатов законодательства Солона.

Далее следует упомянуть, что народ был теперь организован в армию, состоящую из трех частей: конницы, тяжеловооруженной и легковооруженной пехоты, при чем у каждой части были офицеры различных чинов. Повидимому, военную службу несли только последние три класса; таким образом первый класс занял непатриотическое положение, присвоив себе главнейшие правительственные должности и не принимая участия в военной службе. Такой порядок требовал, конечно, изменения. Тот же самый план организации, но с пятью классами, появится вновь у римлян при Сервии Туллии, организовавшем весь народ в армию (*exercitus*), каждая часть которой имела своих офицеров и свое вооружение. Идея военной демократии, иначе организованной, но по существу той же, что в предшествующий период, снова является в новой форме в законах Солона и Сервия.

В добавление к элементу собственности, легшему в основу новой системы, в нее был частично введен и территориальный элемент в виде вышеупомянутых навкрарий, в которых, вероятно, велись списки граждан и их имущества, служившие основанием для военных наборов и взимания податей. Эти преобразования, с сенатом, народным собранием, называемым теперь экклезией, девятью архонтами и судом Ареопага, дали афинянам гораздо более совершенное управление, чем то, которое они знали раньше, и требовавшее более высокого умственного развития. Это управление было точно так же по существу демократическим, гармонизируя с их прежними идеями и учреждениями; в действительности оно было их логическим следствием и только как таковое объяснимо. Но в трех отношениях оно не соответствовало системе в ее чистом виде: во-первых, оно не было основано на территории, во-вторых, все государственные должности не были открыты каждому гражданину и, в-третьих, принцип местного самоуправления низших организаций был неизвестен, разве что он проявлялся отчасти в навкрариях. Роды, фратрии и племена все еще оставались в полной жизненной силе, но с меньшими правами. Это было переходное состояние, требующее дальнейшего опыта для развития политической системы, к которой был сделан значительный шаг вперед. Так медленно, но неуклонно развиваются человеческие учреждения из низших в высшие формы вследствие логической деятельности человеческого ума, идущей по единообразным, но предустановленным путям.

Для уничтожения родов и замены их новым планом управления существовало важное основание. Оно было осознано, вероятно, Тезеем и, несомненно, Солонем. Вследствие неустойчивого состояния греческих племен и неизбежных народных передвижений в легендарный период и время предшествующее Солону, многие лица перешли из одной нации в другую и потеряли таким образом связь со своими родами, не приобретая ее с другими. Это должно было время от времени повторяться, вследствие ли склонности к приключениям отдельных лиц, торгового духа или по военным обстоятельствам, пока в каждом племени не оказалось значительное число лиц со своим потомством, не принадлежавших ни к какому роду. Все эти лица, как было замечено, стояли вне сферы управления, отношения с которым могли существовать только через посредство рода или племени. Это обстоятельство отмечается Гротом. «Фратрии и роды, — говорит он, — никогда, вероятно, не обнимали всего населения страны, и невключенное в них население становилось все многочисленнее, как до Клисфена, так и после него»¹. Уже во времена Ликурга происходило значительное переселение в Грецию

¹ History of Greece, III, 65.

с островов Средиземного моря и из ионических городов на его восточных берегах, что увеличивало число лиц, не принадлежавших ни к какому роду. Если эти лица переселялись вместе с семьями, они приносили с собой осколок рода, но все же оставались чужими, пока новый род не принимался в племя. Это происходило, восторженно, в ряде случаев и может послужить для объяснения необычайно большого числа родов в Греции. Роды и фратрии были замкнутыми корпорациями, что нарушалось бы принятием этих чужеземцев путем усыновления в туземный род. Знатные лица могли быть усыновленными в какой-нибудь род или добиться того, чтобы их собственный род был принят в какое-нибудь племя, но бедному классу было бы отказано в такой привилегии. Не может быть сомнения, что уже во время Тезея, а в особенности во время Солона число лиц, не принадлежавших ни к какому роду, не считая рабов, стало значительным. Не входя в род и фратрию, они не принимали также непосредственного участия в религиозных обрядах, принадлежавших исключительно этим организациям. Не трудно видеть в этом классе лиц элемент растущего недовольства, опасный для общественного спокойствия.

Схемы Тезея и Солона делают несовершенные попытки дать этим лицам права гражданства посредством включения их в классы, но так как роды и фратрии, исключенные из классов, продолжали существовать, то средство это не достигало цели. Грот замечает далее: «Не легко определить, каково было политическое положение древних родов и фратрий в том виде, как их сохранил Солон. Четыре племени состояли из родов и фратрий, так что никто не мог принадлежать к племени, если он не был также членом какого-нибудь рода и фратрии. Новый пробулевтический или подготовляющий сенат состоял из четырехсот членов, по сто от каждого племени; лица, не принадлежавшие ни к какому роду и фратрии, не могли таким образом иметь доступа в сенат. Таковы же были по древнему обычаю условия избрания девяти архонтов, а равно, конечно, и в сенат Ареопага. Таким образом оставалось только народное собрание, в котором мог принимать участие афинянин, не состоявший членом этих племен. Он был все же гражданином, так как мог подать голос при избрании архонтов и сенаторов и мог принимать участие при ежегодном рассмотрении их отчетов. Кроме того, он имел право лично требовать у архонта удовлетворения за обиду, тогда как чужеземец мог это сделать только через свидетельствующего в его пользу гражданина или же простата. Поэтому все лица, не включенные в четыре племени, каково бы ни было их положение или имущество, повидимому, стояли в отношении политических прав на том же уровне, как четвертый и беднейший класс солоновского ценза. Я уже упоминал, что еще до Солона число афинян, не принадлежавших к родам или фратриям, было, вероятно, весьма значительно; оно быстро увеличивалось, потому что эти замкнутые корпорации не принимали новых членов, тогда как политика нового законодателя имела целью привлечь трудолюбивых поселенцев из других частей Греции в Афины»¹. Римских плебеев создали подобные же причины. Плебеи не принадлежали ни к каким родам и поэтому не составляли части *populus romanus*. В этих обстоятельствах мы усматриваем одну из причин, почему родовая организация перестала удовлетворять запросам общества. В эпоху Солона роды уже переросли свои способности управлять, так как дела стали значительно сложнее, чем это было тогда, когда роды возникли. Они были слишком узкой основой для государства, до которого уже доразвился народ.

К тому же становилось все труднее удерживать членов рода, фратрии и племени в одном месте. Поскольку эти группы являлись звеньями административного органического ряда, такая локализация была крайне необходима. В более ранний период земля рода находилась в коллективном владении; фратрии тоже владели определенными участками земли на коллективных началах для религиозных целей; вероятно, существовали коллективные земли и у пле-

¹ History of Greece, III, 133.

мени. Когда народ занимал страну или город, он селился вместе по родам, фратриям и племенам, что было следствием его социальной организации. Каждый род располагался в большей своей части отдельно, тут были не все его члены, поскольку в каждом семействе были представители двух родов, но то большинство, которое являлось продолжателем рода. Роды, принадлежавшие к одной фратрии, естественно старались селиться смежно или, по крайней мере, в близлежащих местностях; то же самое относилось к различным фратриям племени. Но во времена Солона земли и дома находились уже в неограниченном владении отдельных лиц с правом отчуждать земли, но не дома, вне рода. Без сомнения, становилось все менее возможным удерживать членов рода в одном месте, так как отношения людей к земле стали непостоянными и отдельные члены рода приобретали новую собственность в других местностях. Единица социальной системы афинян стала непостоянной как по своей территории, так и по характеру. Не останавливаясь на подробностях этого положения, мы можем сказать, что оно сделалось одной из причин разложения старого строя. Городская община с ее недвижимой собственностью и наличными жителями обнаружила тот элемент устойчивости, которого у родов теперь уже не было. Общество сделало громадный шаг вперед от того крайне примитивного состояния, в котором оно находилось раньше. Оно весьма сильно отличалось теперь от того общества, которым управляла родовая организация. Только необеспеченное положение и постоянные войны афинских племен, начиная с их поселения в Аттике и до эпохи Солона, могли уберечь эту организацию от уничтожения. После того как эти племена поселились в окруженных стенами городах, наступил тот рост богатства и населения, который подверг роды последнему испытанию и доказал их неспособность управлять людьми, быстро приближавшимися к цивилизации. Но и тогда понадобилось еще долгое время для их уничтожения.

Как серьезны были те трудности, которые нужно было преодолеть при создании политического общества, ярко иллюстрируется на опыте афинян. В эпоху Солона Афины уже дали талантливых людей, полезные производства достигли значительного развития, морская торговля приобрела национальное значение, земледелие и ремесла стояли на высоком уровне, появились письменность и поэтические произведения. Афиняне были уже действительно цивилизованным народом, что длилось уже в течение двух столетий, но их общественные учреждения оставались все еще родовыми, того типа, который преобладал в течение позднейшего периода варварства. Новая система Солона дала афинскому обществу сильный толчок; тем не менее прошло еще почти целое столетие, сопровождавшееся большими беспорядками, прежде чем идея государства вполне развилась в уме афинян. Понятие территориальной общины, как единицы политической системы, развилось наконец из навкратий, но потребовался необыкновенно гениальный человек с большим личным влиянием, чтобы воспринять эту идею в ее полном объеме и дать ей органическое воплощение. Такой человек явился наконец в лице Клисфена (509 г. до н. э.), которого следует считать самым выдающимся афинским законодателем, творцом второго великого плана общественного управления, того, который служит организацией современных цивилизованных наций.

Клисфен дошел до существа вопроса и поставил политическую систему Афин на основу, на которой она оставалась до конца независимого существования республики. Он разделил Аттику на сто точно разграниченных и различавшихся названиями демов, или общин. Каждый гражданин должен былписаться сам и приписать свое имущество к тому дему, в котором он жил. Эта регистрация служила доказательством и основой его гражданских прав. Дем сменил навкратию. Его жители были организованной политической единицей, пользующейся правом местного самоуправления, подобно современным американским общинам. Это было самой существенной и самой замечательной чертой системы. Она обнаруживает сразу свой демократический характер. В самых низших территориальных организациях управление было отдано в руки народа.

Демоты избирали демарха (*δημαρχος*), который хранил общественные документы, имел право собирать демотов для избрания должностных лиц и судей, для проверки списков граждан и внесения в них достигших зрелости за истекший год. Демоты избирали казначея и заботились о раскладке и сборе податей, а также о наборе военных пополнений от дема на службу государству. Они избирали также тридцать дикастов, или судей, разбиравших все возникавшие в деме тяжбы, в которых иск не превышал определенной суммы. Помимо этих прав местного самоуправления, составляющих сущность демократической системы, у каждого дема был свой храм, свой религиозный культ и свой жрец, тоже избиравшийся демотами. Не останавливаясь на деталях, мы считаем поучительным и достойным удивления то обстоятельство, что эта община с самого начала своего возникновения обладала всеми правами местного самоуправления даже в более широком масштабе, чем американская община. Следует также отметить религиозную свободу, за которой наблюдал, как и подобает, сам народ. Все зарегистрированные граждане были свободны и равны по своим правам и привилегиям, за единственным исключением права избрания на высшие государственные должности. Таковой была новая единица организации афинского политического общества, представлявшая собой одновременно образец для свободного государства и изумительный продукт мудрости и знаний. Афиняне начали с демократической организации в той форме, с которой должен начинать каждый народ, желающий создать свободное государство и отдать контроль над управлением в руки своих граждан.

Второй член органического территориального ряда состоял из десяти демов, соединенных в больший географический округ. Он был назван локальным племенем (*φύλον τοπικόν*), чтобы в известной мере сохранить терминологию старой родовой системы¹. Каждый округ был назван по имени одного из аттических героев и представлял собой аналогию современного кантона. Демы каждого округа обычно были смежными, что делало бы эту аналогию во всех отношениях полной; однако в немногих случаях один или два дема из десяти были отдалены от остальных, вероятно, вследствие того, что части начального родственного племени, жившие особняком, пожелали включить свои демы в округ своих непосредственных родственников. Население каждого округа или кантона представляло собой также политическую единицу с определенными правами местного самоуправления. Они избирали филарха (*φύλαρχος*), командовавшего конницей, таксиарха (*ταξιάρχος*), командовавшего пехотой, и генерала (*στρατηγός*), командовавшего той и другой, а так как каждый округ должен был выставлять пять трирем, то они избирали, вероятно, и столько же триерархов (*τριήραρχος*), в качестве командиров трирем. Клизфен увеличил число членов сената до пятисот и назначил на каждый округ по пятидесяти сенаторов, избравшихся жителями последнего. У этих более крупных политических единиц существовали, несомненно, и другие функции, но они недостаточно выяснены.

Третьим и последним членом этого территориального ряда было афинское общество или государство, состоявшее из десяти локальных племен или округов. Это было организованное политическое сообщество, охватывающее всю совокупность афинских граждан. Оно было представлено сенатом, экклезией, судом Ареопага, архонтами, судьями и корпорацией избираемых командиров армии и флота.

Так афиняне основали на территории и собственности второй великий план управления. Они поставили ряд территориальных агрегатов на место входящего ряда личных агрегатов. Как форма управления, она упиралась на территорию, которая была естественно постоянной, и на собственность, более

---

¹ Латинское *tribus*—племя означало первоначально „третья часть“ и употреблялось для обозначения третьей части народа, когда он состоял из трех племен; однако с течением времени, после того как латинские племена из кровнородственных сделались локальными, подобно афинским локальным племенам, термин „племя“ утратил свое числовое значение и стал, как „филон“ Клизфена, местным обозначением. См. Mommsen's Hist. of Rome, I, c., I, 71.

или менее локализованную; сношения ее с гражданами, имевшими теперь постоянное местожительство в демах, определялись их территориальными отношениями. Чтобы быть гражданином государства, было необходимо быть гражданином дема. Отдельное лицо голосовало и облагалось податью в своем деме и отсюда же призывалось на военную службу. Подобным же образом оно избиралось в сенат и призывалось к командованию частями армии и флота из большего округа, т. е. его локального племени. Отношения лица к роду или фратрии перестали определять его гражданские обязанности. Контраст между этими двумя системами обозначается столь же резко, сколь глубоко было их различие. Слияние народа в политические единицы на определенных территориях завершилось.

Территориальный ряд входит в систему управления современных цивилизованных наций. Например, у нас в Америке существует община, округ, штат и Соединенные Штаты, и жители каждой из этих единиц представляют собой организованное политическое сообщество с местным самоуправлением. Каждая организация обладает полной жизненной силой и выполняет свои функции в определенной сфере, в которой ей принадлежит высшая власть. Во Франции коммуна, округ, департамент, империя, а в настоящее время республика представляют собой подобный же ряд. В Великобритании этот ряд составляют: приход, графство, королевство и три соединенных королевства. В эпоху саксов общине, повидимому, соответствовала сотня¹, но уже лишенная права местного самоуправления, за исключением права «суда сотни». Жители этих различных территориальных единиц были организованы как политические корпорации, обладавшие однако, за исключением высших, крайне ограниченными правами. Тенденция к централизации при монархических учреждениях фактически атрофировала все низшие организации.

Следствием законодательства Клисфена было то, что роды, фратрии и племена лишились своего влияния, так как их власть была у них отнята и передана дему, локальному племени и государству, ставшим с этих пор источником всей политической власти. Старые формы не были все же распущены даже после этого переворота, но продолжали существовать в течение ряда столетий, в качестве родословной и счета происхождения, а равно источника религиозной жизни. В некоторых речах Демосфена, когда дело идет о личных или имущественных правах, происхождении или праве погребения, как род, так и фратрия выступают еще как современные ему существующие организации². Они были оставлены новой системой в покое, в части, касавшейся их связи с религиозными обрядами, уголовного судопроизводства по известным делам и некоторых общественных обычаев; все это задерживало их полное уничтожение. Однако классы, как те, которые ввел Тезей, так и созданные впоследствии Солоном, исчезли после Клисфена³.

Солон считается обыкновенно основателем афинской демократии, тогда как некоторые писатели приписывают часть этого дела Клисфену и Тезею. Мы ближе подойдем к истине, если будем считать Тезея, Солона и Клисфена связанными с тремя великими движениями афинского народа, имевшими целью не основать демократию, так как афинская демократия была старше этих движений, но преобразовать общественный строй и из родовой организации создать политическую. Ни один из них не пытался изменить существующие демократические принципы, унаследованные от родов. Каждый в свое время внес свою лепту в великое движение для основания государства, которое требовало смены родового общества политическим. Учреждение городской общины и организация ее жителей в политическую корпорацию было важнейшей стороной этой проблемы. Задача эта может показаться нам простой, а между тем она мобили-

¹ Anglo Saxon Law, by Henry Adams and others, pp. 20, 23.

² Смотри в частности речи против Эвбулида и в пользу Маркартата.

³ Hermann's Political Antiquities of Greece, I. c., p. 187, s. 96.

зовала все способности афинян и напрягла все их силы, прежде чем идея городской общины получила действительное оформление. Она явилась плодом творческого гения Клисфена и останется навсегда великим произведением великого ума. В новом политическом обществе афиняне осуществили ту полную демократию, которая проявлялась и раньше во всех основных вопросах, но которая требовала преобразования всего строя для расширения своего поля деятельности и своего полного выявления. Как раз в этом пункте, по нашему мнению, мы были введены в заблуждение ошибочным предположением великого историка Грота, общие взгляды которого на греческие учреждения так глубоки и отчетливы, а именно, предположением, что начальный строй греческих племен был чисто монархическим¹. При таком допущении потребовалось бы наличие революции в афинских учреждениях, чтобы объяснить существование афинской демократии, при которой совершились величайшие умственные достижения афинян. Но такой революции не было, и учреждения никогда радикально не менялись по той причине, что они были и оставались чисто демократическими. Возможно, что кое-где имела место узурпация, за которой следовала борьба за восстановление прежнего порядка, но никогда греческие племена не теряли своих свобод или тех идей свободы и права самоуправления, которые составляли их наследственное достояние в течение всех веков.

Возвращаясь к Басилевсу, заметим, что эта должность выдвигала занимавшего его человека на более видное место, чем все другие должности. Он был первым остановившим на себе взор историка, который превратил его в царя, не понимая, что таким образом он заставлял его царствовать, да еще по божественному праву, над первобытной демократией. Как полководец в военной демократии Басилевс представляется понятным и не противоречит действительно существовавшим учреждениям. Установление этой должности не изменило принципов родов, фратрий и племен, бывших по своей организации чисто демократическими и естественно сообщавших этот характер всей их родовой системе. Нет недостатка в доказательствах того, что народный элемент был постоянно настороже, отражая покушения на права личности. Басилевс принадлежит легендарному периоду, когда власть была более или менее недифференцированной, но в центре системы стоял совет вождей, а равно роды, фратрии и племена в их полной силе. Этого достаточно, чтобы определить характер данного строя².

Введенный Клисфеном образ правления составляет резкую противоположность образу правления солоновского времени. Но переход был не только естествен, но и неизбежен, поскольку народ довел свои идеи до их логических выводов. Это было изменением формы, но отнюдь не принципов и даже не органов. Совет вождей продолжал существовать в образе сената, агора и экклезии, три высших архонта были, соответственно, министрами иностранных дел, культа и юстиции, тогда как шесть низших архонтов выполняли судебные функции совместно с судами и большим числом дикастов, избравшихся теперь ежегодно для исполнения судебных обязанностей. При этой системе не было лица, облеченного исполнительной властью, что составляет одну из ее замечательных особенностей. Всего ближе подходил к такому должностному лицу председатель сената, избирающийся по жребию на один день, без права вторичного избрания в течение года. Один единственный день он председательствовал в народном собрании и хранил ключи от крепости и государственной казны. При новом строе народное собрание держало фактически в своих руках власть и

---

¹ „Греческий строй был первоначально чисто монархическим, опираясь на личные чувства и божественное право“.—History of Greece, II, 69.

² Спарта сохранила должность Басилевса в период цивилизации. Это были два военачальника, должности которых были наследственными в определенном гемеисте. Власть была разделена между герусией или советом, народным собранием, пятью эфорами и двумя военачальниками. Эфоры избирались ежегодно и имели права, аналогичные правам римских трибунов. Для спартанского царства не хватает соответствующих условий. Басилевсы командовали войском и в качестве верховных жрецов совершали жертвоприношения богам.

направляло судьбы Афин. Новым элементом, придавшим государству прочность и порядок, был дем, или городская община, с полной автономией и самоуправлением. Сотня одинаковым образом организованных демов определяла общий характер государства. Какова единица, таково и целое. Отсюда, как уже было замечено, должен начинаться свой путь народ, желающий научиться искусству самоуправления и сохранить для всех равные права, законы и привилегии. Он должен держаться в своих руках всю общественную власть, поскольку она не необходима государству для осуществления общего управления, равно как и контроль над самим этим управлением.

При новой политической системе быстро возросли влияние и значение Афин. То замечательное развитие гения и ума, которое подняло афинян на наибольшую высоту, какой достигали исторические нации человечества, совершалось под влиянием демократических учреждений.

С учреждением при Клизфене политического общества родовая организация была отброшена как ветхий остаток варварства. В течение бесчисленных столетий прожили предки афинян при гентилизме, при нем они приобрели все элементы цивилизации, в том числе и литературный язык, равно как и вступили на путь цивилизации. История родовой организации останется вечным памятником прошедших веков, будучи теснейшим образом связана с самым замечательным и широким прогрессом человечества. Эта организация всегда будет считаться одним из важнейших учреждений человечества.

В этом коротком и неполном обзоре мы ограничились изображением хода главных событий истории Афин. То, что верно для афинских племен, относится и к остальным греческим племенам, хотя оно выразилось у них в менее грандиозном и широком масштабе. Сказанного достаточно, чтобы еще более подкрепить одно из главнейших положений, выставленных нами, именно, что идея управления у всех племен человечества прошла через несколько последовательных стадий своего развития.

Глава одиннадцатая

РИМСКИЙ РОД

Родовая организация италийских племен. — Основание Рима. — Племена, организованные в военную демократию. — Римский род. — Определения родимей, данные Цицероном, Фестом и Варроном. — Счет происхождения по мужской линии. — Брак вне рода. — Права и обязанности членов рода. — Демократический строй древнего латинского общества. — Число лиц в роде.

Когда латиняне и родственные им сабеллы, оски и умбры, составлявшие, вероятно, один народ, пришли на итальянский полуостров, они имели домашних животных и, вероятно, возделывали хлебные злаки и огородные растения¹. По крайней мере, они достигли уже значительного развития на средней ступени вар-

¹ „В то время, когда ныне раздельные индо-германские народы составляли одно племя, говорившее на одном языке, они достигли известной ступени культуры и обладали соответствующим запасом слов. Этот запас слов, употреблявшихся в условно-определенном значении, различные народы принесли с собой как общее наследие, ставшее основанием дальнейшего самостоятельного развития... Таким образом в твердо установленные названия домашних животных мы имеем свидетельство развития пастушеской жизни в эту отдаленную эпоху: санскритское *gāus* соответствует латинскому — *bos*, греческому *βοῦς*; санскритское *avis* — латинскому *ovis*, греческому *ἄϊ*; санскритское *asvas* — латинскому *equus*, греческому *ἵπλος*; санскритское *hañsas* — латинскому *anser*, греческому *χῆψ*. С другой стороны, мы не имеем до сих пор положительных доказательств существования в эту эпоху земледелия. Язык говорит скорее против этого“. — Mommsen's History of Rome, Dickson's Trans., Scribner's ed., 1871, I, 37. В примечании Моммсен указывает, что „рожь, пшеница и ячмень встречались вместе в диком состоянии на правом берегу Ефрата, к северо-западу от Ана. Что рожь и пшеница росли в диком состоянии в Месопотамии, говорит уже вавилонский историк Берос“.

варства; когда же они впервые стали предметом исторического наблюдения, они находились на высшей ступени варварства и почти у порога цивилизации.

Легендарная история латинских племен до Ромула гораздо беднее и незначительнее, чем история греков, относительно более раннее литературное развитие и сильнее выраженные литературные склонности которых способствовали сохранению большего количества их легендарных рассказов. Что касается более ранней истории латинских племен, то предание застаёт их на албанских холмах и склонах Апеннинов, к востоку от Рима. Племена, достигшие такого развития, должны были жить в Италии уже долгое время, чтобы утратить всякое воспоминание о стране, из которой они вышли. Во времена Ромула¹ они уже распались путем сегментации на тридцать независимых племен, все еще соединенных в непрочную конфедерацию для взаимной защиты; вместе с тем они занимали пограничные области. Сабеллы, оски и умбры находились в общем в одинаковом состоянии, отношения между их племенами были везде одинаковыми, а их территориальные границы, как и можно было ожидать, определялись диалектом. Все они аналогичным образом, в том числе и их северные соседи, этруски, были организованы в роды, и их учреждения были сходны с учреждениями греческих племен. Таково было общее состояние итальянских племен, когда они впервые появились на свет истории из-за темной завесы их туманного прошлого.

Римская история лишь едва коснулась подробностей длительного периода, предшествующего основанию Рима (около 753 г. до н. э.). Итальянские племена стали в это время многочисленными, перешли к чисто земледельческому образу жизни, обладали стадами домашних животных и сделали большие успехи в производствах. Они дошли также до моногамной семьи. Все это явствует из их состояния в то время, когда они впервые стали известны, но подробности их перехода от низшего к высшему состоянию преимущественно утрачены. Они значительно отстали в развитии идеи управления, поскольку конфедерация племен оставалась еще пределом их достижений. Хотя тридцать племен были объединены, но это объединение имело характер союза для взаимной защиты и не было ни достаточно прочным, ни достаточно тесным, чтобы привести к образованию нации. Этрусские племена также были соединены в союз; весьма вероятно, что то же самое относится к сабелльским, осским и умбрийским племенам. Латинские племена имели много укрепленных городов и крепостей, но земледелие и необходимость пасти свои стада рассеяли их по всей стране. Концентрация и слияние наступили только тогда, когда началось приписываемое Ромулу великое движение, приведшее к основанию Рима. Слабо связанные между собой, латинские племена были главнейшим материалом, из которого должен был черпать свои силы новый город. Рассказы об этих племенах, относящиеся к периоду от верховенства вождей Альбы и до эпохи Сервия Туллия, представляют собой по большей части вымыслы и предания. Однако некоторые факты сохранились в учреждениях и общественных порядках, перешедших в исторический период, и дают замечательную иллюстрацию предшествующего состояния латинских племен. Эти факты даже важнее простого перечисления исторических событий.

Фик говорит о том же следующее: „Тогда как скотоводство, очевидно, составляло основу первобытной общественной жизни, мы можем найти здесь только незначительные начатки земледелия. Некоторые хлебные растения были, правда, известны, однако возделывание их имело случайный характер, давая прибавку к молку и мясу. Материальное существование людей отнюдь не основывалось на земледелии. Это совершенно ясно вытекает из незначительного числа первоначальных слов, относящихся к земледелию. К этим словам относятся: *yava*—дикий плод, *varka*—мотыка или плуг, *gava*—серп, а также *pio*, *pinsere* [печь] и *mak*, греч. μακίον, что указывает на толченое или дробление зерна“.—Fick's Primitive Unity of Indo-European Languages, Göttingen, 1873, p. 280. См также: Chips From a German Workshop, II, 42.

По вопросу о земледелии греко-италийских народов см. Mommsen, I, p. 47, et seq.

¹ Употребление слова „Ромул“ и имен его преемников не означает, что мы принимаем древние римские предания. Эти имена олицетворяют происходившие тогда великие движения, которыми мы главным образом и будем заниматься.

К существовавшим у латинских племен в начале исторического периода учреждениям принадлежат роды, курии и племена, на которых Ромул и его преемники построили римское могущество. Новая форма управления была не во всех отношениях результатом естественного развития, будучи изменена в высших членах органического ряда путем законодательства. Однако роды, составлявшие основу этой организации, образовались естественным путем и были в большинстве случаев или общего или близкого по крови происхождения. Иначе говоря, латинские роды были одного происхождения, тогда как сабинские и другие роды, за исключением этрусских, были близкого по крови происхождения. Во время Тарквиния Приска, четвертого преемника Ромула, эта организация была приведена к числовому соотношению, а именно: десять родов было соединено в курию и десять курий — в племя; всего римских племен было три; итого, следовательно, триста родов, образующих одно родовое общество.

Ромул был достаточно проницателен, чтобы понять, что конфедерация племен, состоящих из родов и занимающих отдельные территории, не могла иметь ни единства цели, ни достаточной силы для того, чтобы создать что-нибудь большее, чем лишь сохранять независимое существование. Тенденция к дезинтеграции парализовала выгоды соединения. Концентрация и слияние были средством, предложенным Ромулом и мудрыми людьми его времени. Это было замечательным движением для той эпохи, при чем еще более замечательным представляется его развитие от эпохи Ромула до учреждения политического общества при Сервии Туллии. Следуя по тому же пути, что афинские племена, и сосредоточившись в одном городе, римляне на протяжении пяти поколений совершили такое же полное изменение плана управления из родовой организации в политическую.

Достаточно будет напомнить читателю главнейшие события. Ромул соединил на Палатинском холме и вокруг него сто латинских родов, организованных в племя рамнов. Благодаря счастливому стечению обстоятельств большая часть сабинян была присоединена к новой общине; позднее, когда число родов сабинян увеличилось до ста, было организовано второе племя, тициев. Во время Тарквиния Приска образовалось третье племя, люцеров, составленное из ста родов, взятых у соседних племен, в том числе и этрусков. Таким образом в течение примерно одного столетия в Риме собралось и окончательно сформировалось триста родов, подчиненных совету вождей, называвшемуся теперь римским сенатом, народному собранию, именовавшемуся теперь *comitia curiata*, и одному военачальнику, *rex*у, что имело единственной целью достижение военного господства в Италии.

При конституции Ромула и последующем законодательстве Сервия Туллия управление представляло собой по существу военную демократию, ибо в нем преобладал военный дух. Но следует заметить мимоходом, что в центр социальной системы внедрился теперь новый антагонистический элемент, римский сенат, который давал своим членам и их потомству звание патрициев. Так, одним ударом был создан и укрепился сначала в родовой, а затем в политической системе привилегированный класс, который в конце концов уничтожил унаследованные от родов демократические принципы. Именно римский сенат с созданным им классом патрициев изменил учреждения и судьбу римского народа и отклонил его с пути, которым шли афиняне и который естественно и логически определялся их унаследованными принципами.

В своих основных чертах новая организация была с точки зрения военных целей образцом мудрости. Она скоро возвысила римлян над всеми остальными итальянскими племенами и в конечном счете дала им верховную власть над всем полуостровом.

Родовая организация латинских и других итальянских племен изучалась Нибуром, Германном, Моммсенем, Лонгом и другими. Но их описания не дают ясного и полного изображения структуры и принципов итальянского рода. Это вызвано стчасти мраком, окружающим некоторые стороны данного вопроса, а

также отсутствием подробностей у римских писателей. Частично это объясняется и неправильным представлением некоторых из названных авторов об отношениях семьи к роду. Они считают род состоящим из семейств, тогда как на самом деле он состоял из частей семейств; таким образом род, а не семья, был единицей социальной системы. Трудно пойти в исследовании рода намного дальше, чем названные ученые; все же указания, заимствуемые из архаического строя рода, могут помочь нам осветить некоторые характерные черты рода, оставшиеся до сего времени невыясненными.

Относительно господства родовой организации у италийских племен Нибур замечает следующее: «Если бы кто-нибудь продолжал утверждать, что по свойствам афинских генетов нельзя судить о римских *gentiles*, ему пришлось бы доказать, каким образом учреждение, существовавшее во всем древнем мире, могло иметь совершенно различный характер в Италии и Греции... Каждая группа граждан распадалась на роды: гефарейцы и саламиняне, равно как и афиняне, тускуланы, равно как и римляне»¹.

Кроме факта существования римского рода, желательно выяснить природу этой организации, ее права, привилегии и обязанности, а также отношения родов, как членов социальной системы, друг к другу. В следующей главе будут исследованы отношения родов к куриям, племенам и состоящему из них народу, частями которого они являлись. Собрав весь доступный нам материал из разных источников по данным вопросам, мы все же найдем его во многих отношениях неполным, вследствие чего некоторые атрибуты и функции рода остаются объектом лишь предположений. Права родов были отняты и переданы новым политическим корпорациям до того, как у римлян началась правильная историческая запись. Поэтому у римлян не было практической надобности сохранять сведения о свойствах системы, фактически уничтоженной. Гай, составивший свои «Инструкции» в первой четверти II столетия нашей эры, мог заметить, что всё *jus gentilitium* больше не применяется, вследствие чего излишне трактовать об этом предмете². Но в эпоху основания Рима и в течение последующих нескольких столетий родовая организация была в полной силе.

Прежде чем перейти к рассмотрению характерных черт рода, мы должны познакомиться с римским определением рода и родичей, а равно порядком счета происхождения. В *Topica* Цицерона члены рода определяются следующим образом: «Члены рода суть те, которые носят одно и то же имя. Но этого недостаточно. Рожденные от свободных родителей. И этого еще недостаточно. Из предков которых никто не был рабом. Еще недостает кое-чего. Никогда не присуждавшиеся к потере гражданских прав. Этого, пожалуй, достаточно, так как мне неизвестно, чтобы понтифекс Сцевола прибавлял что-нибудь к этому определению»³. Другое определение дает Фест: «Членами рода называются имеющие общее происхождение и называющиеся одним и тем же именем»⁴. То же Варрон: «Как потомки Эмилия будут Эмилиями и сородичами, так производные от слова Эмилий образуют родовые имена»⁵.

¹ History of Rome, I. c., I, 241, 245.

² Qui sunt autem gentiles, primo commentario rettulimus; et cum illic admonuerimus, totum gentilitium jus in desuetudinem abisse, supervacuum est, hoc quoque loco de ea re curiosius tractare.—Inst., III, 17.

³ Gentiles sunt, qui inter se eodem nomine sunt. Non est satis. Qui ab ingenuis oriundi sunt. Ne id quidem satis est. Quorum majorum nemo servitutem servivit. Abest etiam nunc. Qui capite non sunt deminuti. Hoc fortasse satis est. Nihil enim video Scaevolam, Pontificem, ad hanc definitionem addidisse.—Cicero, *Topica*, 6.

⁴ Gentilis dicitur et ex eodem genere ortus, et is qui simili nomine appellatur.—Цитируется у Smith's Dic. Gr. and Rom. Antiq., слово Gens.

⁵ Полный текст гласит: Ut in hominibus quaedam sunt agnationes ac gentilitates, sic in verbis; ut enim ad Aemilio homines orti Aemilii ac gentiles; sic ab Aemilii nomine declinatae voces in gentilitate nominali; ab eo enim, quod est impositum recto casu Aemilius, Aemilium, Aemilios, Aemilio-rum; et sic reliqua, ejusdem quae sunt stirpes.—Varro, *De Lingua Latina*, lib. VIII, cap. 4.

Цицерон пытается дать определение рода, указывая лишь известные признаки, которыми доказывалось право принадлежности к роду или устанавливалась потеря этого права. Ни одно из приведенных определений не говорит о составе рода, т. е. не указывает, все ли или только часть потомков предполагаемого родоначальника имели право носить родовое имя, а в последнем случае, какая именно часть. При счете происхождения по мужской линии род включал только тех, кто мог вести свое происхождение исключительно через мужчин, а при счете по женской линии—только через женщин. Если же счет происхождения не был ограничен ни той, ни другой линией, тогда в род были бы включены все потомки. Эти определения, очевидно, предполагали, что счет происхождения по мужской линии был фактом общеизвестным. Из других источников вытекает, что только те лица принадлежали к роду, которые вели свое происхождение через его членов мужского пола. Это подтверждается римскими генеалогиями. Цицерон упустил существенный факт, что членами рода были те, которые могли вести свое происхождение от признанного родоначальника исключительно через мужчин. Этот пробел частично восполняется Фестом и Варроном. Потомки Эмилия, замечает последний, будут Эмилиями и сородичами; каждый должен происходить от мужчины, носящего родовое имя. Но и цицероновское определение также показывает, что член рода должен носить родовое имя.

В речи римского трибунала Канулея (445 г. до н. э.) по поводу его предложения уничтожить закон, запрещающий браки между патрициями и плебеями, мы находим место, из которого вытекает, что происхождение считалось по мужской линии. Ибо что из того, замечает он, что патриций женится на плебейке или плебей на патрицианке? Какое право будет этим нарушено? Ведь дети следуют за своим отцом (*neque patrem sequuntur liberi*)¹.

Примеры перехода родового имени наглядно показывают, что происхождение считалось по мужской линии. Юлия, сестра Кая Юлия Цезаря, вышла замуж за Марка Аттия Бальба. Ее имя показывает, что она принадлежала к роду Юлиев². Ее дочь, Аттия, получила, согласно обычаю, родовое имя своего отца и принадлежала к роду Аттиев. Аттия вышла замуж за Кая Октавия и стала матерью Кая Октавия, первого римского императора. Сын, как обычно, получил родовое имя своего отца и принадлежал к роду Октавиев³. Сделавшись императором, он прибавил к своему имени имена Цезарь Август.

В римском роде счет происхождения шел по мужской линии от времен Августа до Ромула и далее до неизвестного времени. Членами рода были только те, кто мог вести свое происхождение исключительно по мужской линии от какого-нибудь известного предка, члена этого рода. Не было необходимо, ибо это было невозможно, чтобы все могли доказать свое происхождение от одного и того же общего предка, а тем менее — от предка-эпонима.

Отметим, что в каждом из приведенных случаев, к которым можно было бы прибавить много других, брак заключался вне рода. Таков был, несомненно, общий порядок по обычному праву.

Римский род характеризовался следующими правами, привилегиями и обязанностями.

---

¹ *Quid enim in re est aliud, si plebejam patricius duxerit, si patriciam plebejus? Quid juris tandem mutatur? neque patrem sequuntur liberi.*—Livius, lib. IV, cap. 4.

² Если в семье была только одна дочь, она обычно называлась по имени своего рода; так, Туллия, дочь Цицерона; Юлия, дочь Цезаря; Октавия, сестра Августа, и т. д., причем они сохраняли то же имя после замужества. Когда было две дочери, одна называлась старшей, другая младшей. Если было больше двух, они различались порядковыми числами, например: Прима, Секунда, Терция, Квирта, Квинта и т. д. или в ласкательной форме: Тергулла, Квартилла, Квинтилла и т. д. ... В эпоху расцвета республики родовые имена и семейные прозвища оставались все время неизменными. Они были общими для всех детей семейства и переходили на их потомство. После падения свободы они изменились и смешались.—Adam's Roman Antiquities, Glasgow ed., 1825, p. 27.

³ Suetonius, VII. Octavianus, c. 3 и 4.

- I. Взаимным правом наследования в имуществе умерших родичей.
- II. Владением общим кладбищем.
- III. Общими религиозными обрядами.
- IV. Обязанностью не вступать в брак в пределах рода.
- V. Коллективным владением землей.
- VI. Взаимной обязанностью помощи, защиты и отмщения обид.
- VII. Правом носить родовое имя.
- VIII. Правом усыновлять в род чужих.
- IX. Правом избирать и смещать своих вождей.

Перечисленные характерные черты рода мы рассмотрим в том же порядке.

I. Взаимное право наследования в имуществе умерших родичей

С обнародованием закона двенадцати таблиц (451 г. до н. э.) древний порядок, по которому наследство, по всей вероятности, делилось между родичами, был заменен новыми положениями. Имущество лица, умершего без завещания, переходило теперь в первую очередь к его *sui heredes*, т. е. его детям, а за неимением детей — к его прямым потомкам по мужской линии¹. Дети, находившиеся в живых, наследовали в равных долях, а дети умерших сыновей наследовали в равной части долю своего отца. Мы видим, что имущество оставалось в роде; дети женских потомков лица, не оставившего завещания, принадлежавшие к другим родам, были устранены от наследования. Но если у покойного не было *sui heredes*, то по тому же закону наследство переходило к агнатам². Агнатическое родство охватывало всех лиц, которые могли доказать свое происхождение по мужской линии от одного предка, общего с лицом, оставившим наследство. В силу такого происхождения все они, как женщины, так и мужчины, носили одно и то же родовое имя и по степени родства были ближе к умершему, чем остальные родичи. Преимуществом пользовались ближайшие агнаты: в первую очередь братья и незамужние сестры, затем дяди с отцовской стороны и незамужние тетки умершего и так далее, пока не исчерпывалось агнатическое родство. Если же у покойного не оставалось агнатов, то закон призывал к наследованию родичей³. Это на первый взгляд кажется странным, так как дети сестер умершего без завещания были устранены от наследования с предпочтением столь отдаленных родственников, что их родство с умершим даже не могло быть доказано и основывалось только на древней общности происхождения, сохранявшейся в общем родовом имени. Основания этого, однако, ясны; дети сестер умершего принадлежали к другому роду, и родовое право было сильнее большей близости кровного родства, так как в основу был положен принцип, закрепляющий собственность в роде. Из закона двенадцати таблиц ясно вытекает, что наследование развилось в обратном порядке и что три класса наследников представляют три последовательных порядка наследования, именно: сперва наследовали родичи, затем агнаты, в том числе дети умершего, после того как счет происхождения перешел в мужскую линию, и наконец дети, с устранением остальных агнатов.

С замужеством женщина подвергалась тому, что называлось технически лишением прав или потерей личности (*deminutio capitis*), при чем она теряла свои агнатические права. И здесь опять основание ясно. Если бы она после замужества в качестве агнатки могла наследовать, то наследственное имущество переходило бы из ее собственного рода в род мужа. Незамужняя сестра могла наследовать, замужняя — не могла.

Благодаря нашему знакомству с архаическими принципами рода мы можем бросить ретроспективный взгляд на то время, когда происхождение в латинском роде считалось по женской линии, собственность была незначительна и делилась

¹ Galus, *Institutiones*, lib. III, 1 и 2. Вдова наследовала вместе с детьми.

² *Ib.*, III, 9.

³ *Ib.*, III, 17.

между родичами; это относится не только к эпохе существования латинского рода, так как подобный порядок имел место задолго до их переселения в Италию. Переход римского народа из архаической в его историческую форму доказывается отчасти тем, что в известных случаях имущество возвращалось к родичам¹.

«Право наследования имущества членом рода, не оставивших близких родных и умерших без завещания, — говорит Нибур, — сохранялось дольше всего; столь долго, действительно, то это привлекло к себе внимание юристов и даже — хотя, несомненно, только в качестве исторического — Гая, рукопись которого, к несчастью, в этом месте неразборчива².

II. Общее кладбище

Чувство гентилизма, повидимому, было сильнее на высшей ступени варварства, чем в более ранних состояниях, вследствие более высокой организации общества и более высокого уровня умственного и нравственного развития. Каждый род имел обычно кладбище, предназначавшееся исключительно для его членом. Несколько примеров дадут понятие о римских обычаях, относящихся к погребению.

Аппий Клавдий, глава рода Клавдиев, переселился при Ромуле из сабинского города Регилы в Рим и в свое время был сделан сенатором, а тем самым и патрицием. Он привел с собой род Клавдиев и так много клиентов, что его прибытие в Рим считалось крупным событием. Светоний замечает, что этот род получил от государства земли для своих клиентов по р. Анио и особое кладбище близ Капитолия³. Из этого указания, повидимому, следует, что общее кладбище считалось тогда необходимым для рода. После того как Клавдии утратили свою связь с сабинянами и слились с римским народом, они получили в надел земли и кладбище для рода, что поставило их на равную ногу с римскими родами. Это дело рисует обычаи того времени.

Фамильный склеп не вполне вытеснил родовой еще во времена Юлия Цезаря, как показывает погребение Квинтилия Вара; потеряв свою армию в Германии, он кончил жизнь самоубийством, и его труп попал в руки врагов. Полусожженное тело Вара, говорит Патеркул, было изуродовано дикими врагами; его голова была отрублена и доставлена Марободу, который отослал ее Цезарю. Цезарь, наконец, почтил ее погребением на родовом кладбище⁴.

В своем трактате «О законах» Цицерон говорит о современных ему обычаях, касающихся погребения, следующее: «Святость кладбищ так велика, что погребение без священных обрядов рода считается преступлением. Так во вре-

¹ Своеобразная тяжба возникла между Марцеллами и Клавдиями, двумя семействами рода Клавдиев, из-за наследства, оставленного сыном вольноотпущенника Марцеллов. Претензия первых основывалась на фамильном праве, последних — на родовом. Закон двенадцати таблиц передавал наследство вольноотпущенника, если он не оставил завещания и sui heredes, его прежнему господину, который актом отпущения на волю становился его патроном; но это право не касалось сына вольноотпущенника. То, что Клавдии были патрицианской фамилией, а Марцеллы — нет, не имело значения в данном вопросе. Вольноотпущенник не приобретал путем своего освобождения родовых прав в роде своего господина, хотя мог принять родовое имя своего патрона; например, Тирон, вольноотпущенник Цицерона, назывался Марк Туллий Тирон. Неизвестно, как был разрешен этот спор, о котором упоминает Цицерон (*De Oratore*, I, 39) и который разбирает Лэнг (*Smith's Dic. Gr. and Rom. Antiq.*, слово Gens) и Нибур; последний предполагает, что решение было против Клавдиев (*Hist. of Rome*, I, 245, примечание). Трудно понять, как могли предъявить какую-либо претензию Клавдии или Марцеллы без распространительного юридического толкования права патроната. Этот случай заслуживает внимания, так как показывает, насколько прочно сохранялись в роде взаимные права на наследование имущества.

² *History of Rome*, I, 242.

³ *Patrica gens Claudia... agrum insuper trans Anienem clientibus locumque sibi ad sepulturam sub capitolio publice accepit.*—*Suet.*, *Vit. Tiberius*, cap. I.

⁴ *Vari corpus seminum hostilis laceraverat feritas; caput ejus abscisum, laumque ad Murobodum, et ab eo missum ad Caesarem, gentilitii tumuli sepultura honoratum est.*—*Vellejus Patercul.*, II, 119.

мена наших предков решил А. Торкват относительно рода Попилия¹. Смысл этого указания состоит в том, что хоронить умерших со священными обрядами считалось религиозной обязанностью, при чем, если возможно, на земле принадлежащей роду. Далее, повидимому, как сожжение, так и погребение практиковалось до закона двенадцати таблиц, который запретил хоронить или сжигать трупы в черте города². Колумбарий, вмещающий обычно несколько сот урн, был прямо приспособлен к потребностям рода. Во времена Цицерона родовая организация пришла в упадок, но некоторые свойственные ей обычаи сохранились, в том числе обычаи, касающиеся общего кладбища. Фамильный склеп начал занимать место родового, когда семьи достигли полной автономии в роде; тем не менее остатки древних родовых обычаев, касающихся погребения, проявлялись различным образом и были еще свежи в памяти о прошлом.

III. Общие религиозные обряды; *sacra gentilicia*

Римские *sacra* соответствуют нашей идее богослужения и были либо общественными, либо частными. Религиозные обряды, совершаемые родом, назывались *sacra privata* или *sacra gentilicia*; они совершались регулярно в определенное время³. Упоминаются случаи, когда расходы по исполнению этих обрядов становились обременительными в связи с уменьшением числа членов рода. Право участия в них при известных обстоятельствах приобреталось или терялось, например, при усыновлении или замужестве⁴. «Что члены римского рода имели общие священные обряды, — замечает Нибур, — хорошо известно; это были жертвоприношения в определенные дни и в определенных местах⁵. Эти священные обряды, как общественные, так и частные, находились исключительно в ведении жрецов и не входили в компетенцию гражданских властей»⁶.

Религиозные обряды римлян были первоначально связаны скорее с родом, чем с семьей. Со временем развилась и укрепилась коллегия понтифексов, курионов и авгуров, с разработанной системой культа, исполняемого этими жрецами; система эта, однако, была терпимой и свободной. Жрецы были преимущественно выборными⁷. Глава каждой семьи также был жрецом данного домохозяйства⁸. Греческие и римские роды были источниками, давшими изумительную мифологию классического мира.

В первое время существования Рима многие роды имели собственные святилища для совершения своих религиозных обрядов. Отдельные роды должны были приносить специальные жертвы, переходившие от поколения к поколению и считавшиеся обязательными; так, Навтии приносили жертвы Минерве, Фабии — Геркулесу, а Горации — искупительные жертвы за совершенное Горацием убийство сестры⁹. Для моей цели достаточно того общего положения, что у каждого рода были свои религиозные обряды, как один из атрибутов данной организации.

IV. Обязанность не вступать в брак в пределах рода

Родовые порядки были обычаями, имевшими силу закона. Сюда принадлежит обязанность не вступать в брак в пределах рода. Повидимому, она и в позд-

¹ *Iam tanta est religio sepulcrorum, ut extra sacra et gentem inferi fas negent esse; idque apud majores nostros A. Torquatus in gente Popilia judicavit.*—*De Leg.*, II, 22.

² Cicero, *De Leg.*, II, 23.

³ «Существовали известные священные обряды (*sacra gentilicia*), принадлежащие роду, совершение которых было обязанностью всех его членов как таковых, независимо от того, были ли они членами рода по рождению или усыновлению. Освобождался от соблюдения этих *sacra* и терял привилегии, соединенные с его родовыми правами, тот, кто терял связь со своим родом». — *Smith's Dic. Gr. and Rom. Antiq.*, Gens.

⁴ Cicero, *Pro Domo*, с. 13.

⁵ *History of Rome*, I, 241.

⁶ Cicero, *De Leg.*, II, 23.

⁷ Dionysius, II, 22.

⁸ *Ib.*, II, 21.

⁹ Niebuhr's, *History of Rome*, I, 241.

нейшее время не была узаконена официально, но что это было родовым правом, подтверждается целым рядом доказательств. Римские генеалогии показывают, что брак заключался вне рода, чему выше были приведены примеры. Это было, как мы видели, архаическим порядком, связанным с кровным родством. Женщина с замужеством теряла свои агнатические права — правило, не допускавшее исключений. Оно имело целью воспрепятствовать переходу имущества путем брака из одного рода в другой, из рода, к которому женщина принадлежала по рождению, в род ее мужа. На том же основании дети были лишены каких-либо прав на наследство дяди или деда с материнской стороны. Поскольку женщина выходила замуж вне своего рода, ее дети принадлежали к роду их отца, а между членами различных родов не могло быть никакой общности в наследовании.

V. Коллективное владение землей

Коллективная собственность на землю была до такой степени всеобщим явлением у варварских племен, что существование этой формы владения у латинских племен не может показаться неожиданным. Часть земель, повидимому, находилась во владении отдельных лиц уже в очень раннюю эпоху. Нельзя установить время, когда этого не было. Но, очевидно, вначале это было лишь право владения фактически занятой землей, о чем уже неоднократно упоминалось, и имело место уже на низшей ступени варварства.

У латинских земледельческих племен одни земли находились в коллективном владении каждого племени, другие — во владении родов, а третьи — домохозяйств.

Наделение земель отдельных лиц распространилось в Риме в эпоху Ромула и позднее стало всеобщим явлением. Варрон и Дионисий сообщают, что Ромул наделил каждого мужчину двумя югерами (приблизительно двумя с четвертью акрами) земли¹. Говорят, что подобное же наделение производилось позднее Нумой и Сервием Туллием. Это было началом неограниченной частной собственности, условием которой является оседлая жизнь, а также значительное развитие ума. В данном случае земля не только отмерялась, но и дарилась самим правительством, что было совершенно иным делом, чем право владения, происходящее из акта отдельного лица. Идея неограниченной индивидуальной собственности на землю явилась результатом опыта, и ее полное развитие относится к периоду цивилизации. Однако эти участки изымались из тех земель, которыми коллективно владел римский народ. Роды, курии и племена продолжали коллективно владеть известными участками земли и после начала периода цивилизации, помимо земель, принадлежавших на праве частной собственности отдельным лицам.

Моммсен замечает, что «римская территория в древнейшие времена делилась на ряд кланов-округов, послуживших позднее для образования первых сельских округов (*tribus rusticae*)... Их названия не были, как это было с округами, присоединены впоследствии, будучи заимствованы от местности, но все без исключения образованы из названий кланов»². Каждый род занимал отдельный округ и естественно был в нем локализован. Это было шагом вперед, хотя не только в сельских округах, но и в Риме роды обыкновенно локализовались в отдельных местностях. Моммсен говорит далее:

«Подобно тому как каждое домохозяйство владело своим участком земли, так и клановое хозяйство или селение владело принадлежащими ему клановыми землями, которые, как будет показано ниже, вплоть до сравнительно позднего

¹ Bina jugera quod a Romulo primum divisa (dicebantur) viritum, quae (quod) haeredem sequerentur, haeredium appellantur.—Varro, *De Re Rustica*, lib, I, cap. 10.
[Два югера, нарезанные первоначально Ромулом (как говорят) каждому мужчине и переходившие по наследству, назывались наследственным имуществом].

² *History of Rome*, I, 62. Он называет роды Камиллов, Галериев, Лемониев, Поллиев, Пупкиев, Волтиниев, Эмилиев, Корнелиев, Фабиев, Горациев, Мэнаниев, Папириев, Ромидиев, Сергиев, Ветуриев.—Ib., p. 63.

времени обрабатывались аналогично землям хозяйства, т. е. по системе совместного владения. Эти кланы, однако, с самого начала считались не самостоятельными обществами, а составными частями политической общины (*civitas, populus*). Последняя представляет собою прежде всего совокупность нескольких кланов-селений, принадлежащих к одному стволу, имеющих общий язык и нравы, обязанных соблюдать взаимные права, оказывать друг другу правовую помощь, а также совместно выступать при нападении и защите»¹. Слово «клан» употребляется здесь Моммсенем или его переводчиком вместо слова «род», а в другом месте «кантон» употребляется вместо слова «племя»; это тем более странно, что латинский язык имеет для этих организаций специальные термины, ставшие историческими. Моммсен изображает латинские племена до основания Рима владеющими землей по домохозяйствам, родам и племенам; он описывает далее восходящий ряд социальных организаций этих племен, а именно род, племя и конфедерацию, сравнение которых с ирокезскими организациями обнаруживает близкое сходство². О фратрии не упоминается, хотя она, по всей вероятности, существовала. Хозяйства, о которых идет речь, едва ли могли представлять собой отдельные семейства. Возможно, что они состояли из родственных семей, которые жили в общинном доме и вели коммунистическое хозяйство.

VI. Взаимная обязанность помощи, защиты и отщепеня обид

В периоде варварства члены рода находились в постоянной друг от друга зависимости для охраны своих личных прав; но после учреждения политического общества член рода, теперь гражданин, обращался к закону и государству за защитой, которую раньше ему давал род. Эта черта старой системы должна была исчезнуть одной из первых при новом строе. Вследствие этого у ранних авторов встречаются только незначительные указания на эти взаимные обязанности членов рода. Отсюда не следует, однако, что члены рода не выполняли этих обязанностей по отношению друг к другу в предшествующем периоде; напротив, исходя из принципов родовой организации, необходимо сделать противоположный вывод. Пережитки этих особых порядков обнаруживаются при особых обстоятельствах еще долго в течение исторического периода. Когда Агий Клавдий был брошен в тюрьму (около 432 г. до н. э.), Кай Клавдий, находившийся тогда с ним во вражде, облекся в траур, так же как и весь род Клавдиев³. Несчастье или немилость, постигшие одного из членов группы, чувствовались и раз-

¹ History of Rome, I, 63.

² Определенный центр был необходим как для такого кантона, так и для клана; но так как члены клана или, иными словами, составные элементы кантона жили в селениях, то центром кантона не мог быть город или какой-либо пункт совместного поселения в строгом смысле слова. Напротив, это было, по всей вероятности, просто место общих сборищ, где находилось постоянное судилище и общее святилище кантона; каждые восемь дней члены кантона сходились сюда для сношений и развлечений, а в случае войны они находили здесь для себя и своего скота более надежное убежище, чем в селениях; при обычных условиях это место сборища было или вовсе не заселено или заселено очень слабо... Таким образом эти кантоны, имеющие общее место встречи в каком-нибудь укрепленном пункте и заключавшие известное число кланов, образуют начальные политические единицы, с которых начинается история Италии... Все эти кантоны в первобытные времена были политически независимы и управлялись каждый своим князем совместно с советом старейшин и собранием воинов. Тем не менее товарищеское чувство, основанное на общности происхождения и языка, не только связывало их всех, но проявилось в виде значительного политического и религиозного учреждения—постоянного союза всех латинских кантонов*.—Hist. of Rome, I, 64—66. Указание, что кантон или племя управлялось князем совместно с советом и проч., противоречит фактам и потому ошибочно. Мы можем предполагать, что должность военачальника была выборной и что он мог быть смещен по желанию избравших его. Далее, нет основания предполагать, чтобы он обладал какими-либо гражданскими функциями. Вполне логично, если не прямо необходимо, допустить, что племя управлялось советом, состоявшим из вождей родов, и собранием воинов совместно с высшим военачальником, имевшим исключительно военные функции. Это было правление трех властей, обычное для высшей ступени варварства и согласное с чисто демократическими учреждениями.

³ Ap. Claudio in vinculo ducto, C. Claudium inimicum Claudiamque omnem gentem sordidatam fuisse.—Livius, VI, 20.

делялись всеми. Во время второй пунической войны, говорит Нибур, «родичи объединялись для выкупа своих сородичей, находившихся в плену, что было запрещено сенатом. Эта обязанность является характерной чертой рода»¹. Камилл, когда против него выступил трибун с обвинением по поводу добычи, взятой у жителей Вей, созвал в свой дом за день до суда сородичей и клиентов, чтобы посоветоваться с ними; они заявили, что готовы собрать любую сумму, к уплате которой он будет присужден, но доказать его невиновность было невозможно². Эти случаи наглядно иллюстрируют действительность принципа гентилизма. Нибур замечает далее, что члены римского рода обязывались помогать своим неимущим родичам³.

VII. Право носить родовое имя

Это право естественно вытекает из самой природы родовой организации. Все сыновья и дочери, рожденные от членов рода мужского пола, были членами рода и по праву носили родовое имя. С течением времени для членов рода оказалось невозможным выводить свое происхождение от самого основателя рода, а следовательно, и для различных семей в пределах рода установить свою связь через более позднего общего предка. Подтверждая древность родословной, это обстоятельство отнюдь не говорило за то, что эти семьи не произошли от одного отдаленного общего предка. Факт, что каждый рожденный в роде мог проследить свою родословную через ряд известных членов рода, служил достаточным доказательством его родового происхождения и кровного родства всех членов рода. Однако некоторые исследователи, в том числе Нибур⁴, отрицают существование какого бы то ни было кровного родства между семьями одного рода, так как они не могли доказать свою связь по общему предку. Такой взгляд обращает род в чисто фиктивную организацию и, следовательно, неприемлем. Возражение Нибура против кровного родства членов рода, основанное на определении Цицерона, не основательно. Если чье-либо право носить родовое имя стояло под вопросом, то для доказательства этого права необходимо было вывести свое происхождение не от родоначальника, а от нескольких известных предков в пределах рода. Без письменных свидетельств число поколений, через которые можно было проследить родословную, должно было быть ограниченным. Возможно, что некоторые семейства в одном и том же роде не были в состоянии найти общего предка, но отсюда не следовало, что они не произошли от общего отдаленного прародителя в пределах рода⁵.

После того как счет происхождения перешел в мужскую линию, древние имена родов, которые, весьма вероятно, были заимствованы от названий животных⁶ или неодушевленных предметов, уступили свое место личным именам. Какой-нибудь выдающийся в истории рода человек становился его предком-эпонимом, который, как уже было сказано, через большие промежутки времени сменялся другим. Когда род вследствие территориального разобщения, разде-

¹ History of Rome, I, 242.

² Responsum tulisse, se collecturos, quanti damnatus esset, absolvere eum non posse. — Livius, V, 32.

³ History of Rome, I, 242; цитируется: Dionysius, II, 10: (ἔδει τοὺς πελάτας) τῶν ἀναλαμμάτων ὡς τοὺς γένοι προσήκοντας μετῴκειν.

⁴ History of Rome, I, 240.

⁵ «Тем не менее кровное родство было всегда для римлян основой связи между членами клана, а тем более между членами одной семьи таким образом римская община для сохранения своего основного родственного характера могла включать в себя эти группы лишь в ограниченных пределах», — Mommsen's History of Rome, I, 103.

⁶ Любопытно, что Клисфен из Аргоса изменил имена трех дорийских племен в Сикионе, назвав одно из них гятами, что в единственном числе означало «свинья», другое — онеатами, что значило «осел», и третье — хойреатами, что означало «поросенок». Это было умышленным оскорблением сикионян, но эти имена сохранялись при жизни Клисфена и еще шестьдесят лет после его смерти. Не возникла ли идея этих обозначений именами животных из предания? — См. Grote's History of Greece, III, 33, 36.

ялся, то отделившаяся часть могла принять новое имя, но такая перемена имени не разрывала родства, на котором род был основан. Если принять во внимание, что родословная римских родов, изменявших свои имена, восходила до того времени, когда латиняне, греки и говорящие на санскрите племена Индии составляли один народ, — все таки не доходя до ее источников, — то можно составить себе представление об ее древности. Потеря кем-нибудь родового имени считалась самым невероятным происшествием; следовательно, обладание им являлось для его носителя наилучшим доказательством того, что он обладал такой же древней родословной, как его сородичи. Существовал только один способ нарушить чистоту родового происхождения, а именно, усыновление в род лиц чужой крови. Это было распространено, но все же в ограниченных пределах. Если бы Нибур утверждал, что кровное родство между некоторыми членами рода с течением времени ослабевало, становясь едва уловимым, то против этого нельзя было бы возразить; но отрицание всякого родства, превращающее род в фиктивный агрегат ничем не связанных лиц, противоречит принципу, на котором род возник и благодаря которому он сохранялся в течение трех этнических периодов.

В другом месте я обращал внимание читателя на тот факт, что род возник вместе с системой родства, которая сводила всех кровных родственников к небольшому числу категорий и удерживала их потомков в одной и той же категории до бесконечности. Родство было легко определить, каким бы отдаленным ни был их действительный общий предок. В ирокезском роде, состоящем из пятисот лиц, все члены — в родстве друг с другом, и каждый знает или может вывести свое родство с любым другим членом рода; таким образом сознание родства постоянно жило в роде архаической эпохи. С возникновением моногамной семьи появилась новая, совершенно иная система родства, при которой родство между коллатериальными родственниками скоро исчезло. Такова была система родства латинских и греческих племен в начале исторического периода. Предшествовавшая ей система, как, по крайней мере, можно предполагать, была туранской, при которой родство между всеми родичами могло быть известно.

После того как начался распад родовой организации, прекратилось образование новых родов в порядке прежнего процесса сегментации, а некоторые из существовавших родов вымерли. Это повысило значение родового имени как признака древнейшего происхождения. Во времена империи в Рим постоянно переселялись новые семьи из других частей страны, которые принимали родовые имена, чтобы достигнуть этим социальных преимуществ. Так как это считалось злоупотреблением, то император Клавдий (40—54 гг.) запретил чужеземцам принимать римские имена, в особенности имена древних родов¹. Римские семьи, принадлежавшие к историческим родам, весьма высоко ценили свою родословную как при республике, так и при империи.

Все члены рода были свободны и имели равные права и привилегии, самые бедные, как и самые богатые, как выдающиеся личности, так и самые незначительные; все они имели одинаковый доступ ко всем званиям, связанным с родовым именем и унаследованным по праву рождения. Свобода, равенство и братство были основными принципами римского рода не в меньшей степени, чем греческого и индейского рода.

VIII. Право усыновлять в род лиц чужой крови

Во времена республики и империи практиковалось усыновление в семью, вследствие чего усыновленный вступал и в род, к которому принадлежало семейство; но это усыновление было сопряжено с формальностями, его затруднявшими. Каждый бездетный, перешагнувший возраст, в котором он мог бы ожи-

¹ *Peregrinae conditionis homines relati usurpare Romana nomina, duntaxat gentilicia* — Sueton, *Vit. Claudius*, cap. 25.

дать детей, мог усыновить сына с согласия понтифексов и *comitia curiata*. На коллегию понтифексов было возложено участие в разрешении этих вопросов, дабы священные обряды семейства, из которого брался усыновляемый, не пострадали от этого¹; то же относится и к собранию членов рода, так как усыновленный получал родовое имя и мог унаследовать имущество своего приемного отца. Судя по мерам предосторожности, сохранившимся еще во времена Цицерона, мы в праве заключить, что при предшествующей чисто родовой системе ограничения для усыновления были еще более значительными и случая усыновления редки. По всей вероятности, усыновление в ранний период не допускалось без согласия рода и курии, к которой принадлежал род; если это так, то число усыновленных должно было быть ограниченным. От древних порядков, касающихся усыновления, сохранились только немногие подробности.

IX. Право избирать и смещать вождей

Неполнота наших сведений о римских родах обнаруживается особенно ясно в отсутствии непосредственных указаний о положении должности вождя (*princeps*). До учреждения политического общества каждый род имел своего вождя и, вероятно, больше чем одного. Когда эта должность освобождалась, она должна была замещаться либо путем избрания одного из членов рода, как у ирокезов, либо по наследственному праву. Но отсутствие каких-либо доказательств существования наследственного права и наличие избирательного начала по отношению почти ко всем должностям при республике и еще раньше, при рексах, приводят нас к заключению, что наследственное право было чуждо учреждениям латинских племен. Высшая должность рекса была выборной, должность сенатора давалась или по избранию, или по назначению, как и должности консула и низших магистратов. Иначе — с учрежденной Нумой коллегией понтифексов. Сперва они сами заполняли вакансии путем избрания. Ливий говорит об избрании *pontifex maximus*'а посредством *comitia* около 212 года до н. э.² *Lex Domitia* передал право избрания членов различных коллегий понтифексов и жрецов народу, однако этот закон был впоследствии изменен Суллой³. Наличие и действие избирательного начала у латинских родов в те времена, когда они впервые стали объектом исторического наблюдения, а с того времени в течение всего периода республики дает прочные основания для вывода, что должность вождя замещалась посредством избрания. Демократические черты их социальной системы, обнаруживающиеся во многих случаях, были унаследованы от родов. Необходимы положительные доказательства, что должность вождя переходила по наследственному праву, чтобы опровергнуть противоположные предположения. Право избрания сопряжено с правом смещения с должности в тех случаях, когда должность была пожизненной.

Эти вожди или их выборные составляли в эпоху до основания Рима совет латинских племен, который был важнейшим орудием управления. Следы трех властей, объединенных в управлении, обнаруживаются у латинских племен, как и у греческих, а именно: совета вождей, народного собрания, которому как мы должны предположить, предлагались самые важные общественные мероприятия для принятия или отклонения, и высшего военачальника. Моммсен замечает: «Все эти кантоны [племена] в первобытные времена были политически независимы и управлялись каждый своим князем совместно с советом старейшин и собранием воинов»⁴. Утверждение Моммсена должно быть исправлено и указанные им органы власти должны быть поставлены в обратном порядке. Совет по своим функциям и своему центральному положению в их социальной системе, из которой он возник, необходимо должен был иметь высшую власть

¹ Cicero, *Pro Domo*, cap. 13.

² Livius, XXV, 5.

³ Smith's Dic., слово *Pontifex*.

⁴ *History of Rome*, I, 66.

в гражданских делах. Управлял совет, а не высший военачальник. «Во всех городах, принадлежавших цивилизованным нациям, населявшим берега Средиземного моря, — замечает Нибур, — сенат составлял не менее важную и необходимую часть государства, чем народное собрание; это было собрание избранных старейших граждан; такой совет, говорит Аристотель, существовал везде, будь то аристократический или демократический совет; даже в олигархиях, где число участников власти всегда столь незначительно, назначается известное число советников для подготовки общественных мероприятий»¹. Сенат политического общества сменил совет вождей из родового общества. Ромул образовал первый римский сенат из ста старейшин, а так как тогда было только сто родов, то мы в праве заключить, что это были вожди этих родов. Должность сенатора была пожизненной, а не наследственной; отсюда вытекает последнее заключение, что должность вождя была в то время выборной. Если бы дело обстояло иначе, то, по всей вероятности, римский сенат был бы учрежден в виде наследственной корпорации. Мы встречаем многочисленные свидетельства, что строй античного общества был по существу демократическим; этот факт, к сожалению, не нашел себе места в современных исторических описаниях греческого и римского родового общества.

К счастью, мы не остались без кое-каких сведений о числе лиц в римском роде. Около 474 года до н. э. род Фабиев предложил сенату предпринять войну против вейентов силами одного рода, потому что, говорили они, тут требовалась скорее настойчивость, чем большие силы². Предложение их было принято, и они выступили из Рима в числе трехсот шести воинов, все патриции, под рукоплескание соотечественников³. После ряда успехов они попали в засаду и были перебиты все до одного. Но они оставили в Риме одного мальчика, не достигшего совершеннолетия, который являлся единственным продолжателем рода Фабиев⁴. Весьма сомнительно, чтобы триста человек оставили в своих семьях только одного мальчика, но так гласит предание. Указанному числу мужчин должно было соответствовать равное число женщин, что вместе с детьми дает по меньшей мере семьсот членов рода Фабиев.

Хотя мы могли только неполно описать права, обязанности и функции римского рода, однако изложенного достаточно для доказательства того, что эта организация была источником их социальной, правительственной и религиозной деятельности. Как единица их социальной системы род сообщил свой характер и высшим организациям, составной частью которых он был. Для полного понимания происхождения и развития римских учреждений необходимо более полное знакомство с римским родом, чем то, которым мы сейчас обладаем.

Глава двенадцатая

КУРИЯ, ПЛЕМЯ И НАРОД РИМЛЯН

Римское родовое общество. — Четыре стадии организации. — 1. Род. 2. Курия, состоящая из десяти родов. 3. Племя, образовавшееся из десяти курий. 4. *Populus romanus*, образовавшийся из трех племен. — Числовое соотношение. — Как оно возникло. — Концентрация родов в Риме. — Римский сенат. — Его функции. — Народное собрание. — Его права. — Верховная власть народа. — Должность военачальника (*Rex*). — Его власть и функции. — Демократический по существу характер римских родовых учреждений.

После того как мы рассмотрели римский род, нам остается исследовать курию, образовавшуюся из нескольких родов, племя, образовавшееся из не-

¹ *Ib.*, I, 258.

² *Livius*, II, 48.

³ *Ib.*, II, 49.

⁴ *Trecentos sex perisse satis convenit: unum prope puberem aetate relictum, stirpem gentis Fabiae, dubilsque rebus populi Romani saepe domi bellique vel maximum futurum auxilium.* — *Livius*, II, 50; см. также Овидий, *Fasti*, II, 193.

скольких куриий, и, наконец, римский народ, образовавшийся из нескольких племен. При этом мы ограничимся изучением общественного строя, начиная со времен Ромула и до Сервия Туллия. Мы отметим также и изменения, происшедшие в самый ранний период республики, когда родовая система начала приходить в упадок, уступая место вновь возникающей политической системе.

Мы увидим, что в течение некоторого времени существовали бок-о-бок, как у афинян, две общественные организации: одна — отмирающая, другая — возникающая. Первая представляла собой общество (*societas*), основанная на родах, вторая — государство (*civitas*), основанное на территории и собственности, постепенно вытеснившее родовое общество. Общественный строй, находящийся в переходном состоянии, естественно оказывается сложным, и понимание его поэтому не лишено трудностей. Изменения наступили не сразу, а постепенно; начавшись с Ромула, они были существенным образом дополнены, хотя и не завершены Сервием Туллем; они охватывают таким образом период примерно в двести лет, насыщенный событиями, имевшими крупное значение для юного общества. Чтобы проследить историю родов вплоть до падения их влияния в государстве, необходимо, после исследования куриий, племен и нации, вкратце описать новую политическую систему. Это будет предметом следующей главы.

Римское родовое общество обнаруживает четыре стадии организации: во-первых, род, группу кровных родственников и единицу социальной системы; во-вторых, курию, аналогичную греческой фратрии, состоявшую из десяти родов, соединенных в высшую общественную единицу; в-третьих, племя, состоявшее из десяти куриий и обладавшее некоторыми атрибутами нации при родовых учреждениях, и, в-четвертых, римский народ (*populus romanus*), который состоял во времена Туллы Гостилия из трех таких племен, слившихся в одно родовое общество и заключавших триста родов. Существоют данные, позволяющие заключить, что в начале исторического периода подобным же образом были организованы все италийские племена, с тем только, быть может, различием, что римская курия была более развитой организацией, чем греческая фратрия или соответствующая фратрии форма остальных италийских племен, и что римское племя вследствие его принудительного расширения стало более обширной организацией, чем остальные италийские племена. Некоторые доказательства этих положений будут приведены в дальнейшем.

Уже до Ромула италики в их различных разветвлениях представляли собой многочисленный народ. Большое число мелких племен, на которое они распались, указывает на раздробленность, неизбежно связанную с родовыми учреждениями. Тем не менее федеральное начало уже утвердилось как у латинских, так и у других италийских племен, хотя и не привело к учреждению какой-либо конфедерации, которая дала бы значительные результаты. Таково было положение вещей, когда наступило то великое движение, которое приписывается Ромулу, а именно концентрация ста латинских родов на берегах Тибра, сопровождавшаяся таким же сосредоточением еще ста сабинских, латинских, этрусских и других родов и завершившаяся в конце концов их слиянием в один народ. Так было положено основание Риму, а следовательно, и римскому могуществу и цивилизации. Это было прочным соединением родов и племен под одним управлением; начатое Ромулом и дополненное его преемниками, оно проложило путь для новой политической системы, для перехода от управления, основанного на личности и личных отношениях, к управлению, основанному на территории и собственности.

Для предмета настоящего исследования не существенно, был ли тот или иной из семи так называемых римских царей действительным или мифическим лицом, существовало ли в действительности приписываемое им законодательство или оно является предметом вымысла; факты, относящиеся к древнему строю латинского общества, сохранились в римских учреждениях и таким образом перешли в исторический период. К счастью, события, знаменующие человеческий прогресс, независимо от отдельных людей, кристаллизуются в учрежде-

ниях, порядках и обычаях и сохраняются в изобретениях и открытиях. Историки в некотором роде вынуждены приписывать отдельным личностям большое значение в создании известных событий, ставя таким образом преходящую личность на место неизменных принципов. Деятельность общества в целом, создающая всякий прогресс, приписывается в слишком большой мере индивидуумам и в слишком малой — общественному разуму. В общем следует признать, что сущность человеческой истории связана с развитием идей, создаваемых людьми и выражающихся в их учреждениях, порядках, изобретениях и открытиях.

Числовое соотношение, о котором уже говорилось, а именно десяти родов в курии, десяти курий в племени и трех племен в римском народе, было результатом законодательной меры, восходящей для первых двух племен не дальше времен Ромула. Оно оказалось возможным благодаря присоединению родов из окружающих племен путем либо убеждения, либо завоевания; присоединенные таким образом роды были включены преимущественно в племя тичиев и образовавшееся вслед затем племя люцеров. Но такое точное числовое соотношение не могло сохраниться в течение столетий, в особенности число родов в каждой курии.

Мы уже видели, что греческая фратрия была скорее религиозной и общественной, чем правительственной организацией. Занимая промежуточное положение между родом и племенем, она должна была иметь меньшее значение, чем последние, пока ей не были приданы функции управления. Мы видим фратрию у ирскезов в ее зачаточной форме, при чем в то же время отчетливо обозначается присущий ей в эту раннюю эпоху общественный, отличительный от правительственного, характер. Но римская курия, каковой бы она ни была в предшествовавшем периоде, развилась в более совершенную, облеченную большей властью организацию, чем греческая фратрия; однако о первой мы знаем больше, чем о последней. По всей вероятности, роды, входившие в состав данной курии, были в большинстве случаев родственными, и их объединение в более высокую организацию скреплялось в дальнейшем путем браков, при которых роды одной и той же курии давали друг другу жен.

Ранние авторы ничего не сообщают об учреждении курий, но отсюда не следует, что они были созданы Ромулом. Курия впервые упоминается в качестве римского учреждения в связи с его законодательством, по которому в двух племенах было установлено по известному числу курий. Организация эта существовала у латинских племен в виде фратрии, вероятно, с незапамятных времен.

Ливий, говоря о том уважении, с которым стали относиться к сабинским женщинам после того, как при их посредстве был установлен мир между сабинянами и латинянами, замечает, что на этом основании Ромул, при разделении народа на тридцать курий, дал им имена сабинских женщин¹. Дионисий употребляет термин «фратрия» в качестве равнозначного курии, но пользуется и словом «курия» (κουρία)², указывая далее, что Ромул разделил курии на декады, по десяти в каждой; декады эти были, очевидно, родами³. Точно так же и Плутарх указывает, что каждое племя состояло из десяти курий, которые, как говорят, были названы по именам сабинских женщин⁴. Он выражается точнее, чем Ливий или Дионисий, когда говорит, что каждое племя состояло из десяти курий, а не каждое племя было разделено на десять курий, так как курии произошли из родов, как начальных единиц, а не роды из курий путем деления. Реформа Ромула состояла в том, что он уравнивал число родов в каждой курии и

¹ Itaque, quum populum in curias triginta dividerit, nomina earum curiis imposuit.—Livius, I, 13.

² φράτρα δὲ καὶ λῆχος ἢ κοινία.—Dionysius, Antiq. of Rome, II, 7.

³ διήρητο δὲ καὶ εἰς δεκάδας αἱ φράτραι πρὸς αὐτοῦ, καὶ ἡγεμῶν ἑκάστην ἑκάσται δεκάδαρχος κατὰ τὴν ἐπιχώριον γλῶτταν προσαγορευομένης.—Dionysius, II, 7.

[Фратрии были разделены на декады, и глава каждой декады был назван на туземном языке декадархом].

⁴ ἑκάστη δὲ φυλὴ δέκα φρατρίας εἶχεν, ἃς ἕνιος λέγουσιν ἐκαστὸς εἶναι ἑκαίῳων τῶν γυναικῶν.—Plutarch, Vit. Romulus, cap. 20.

[Каждая фила состояла из десяти фратрий, которые, как говорят, имели имена тех женщин].

число курий в каждом племени; он смог выполнить это путем присоединения родов от окружающих племен. Теоретически каждая курия должна была состоять из родов, образовавшихся путем сегментации из одного или нескольких родов, а племя — путем естественного развития вследствие образования нескольких курий, состоящих каждая из родов, связанных общим диалектом. Сто родов рамнов были латинскими родами. Организуя их в десять курий по десять родов в каждой, Ромул, несомненно, считался с кровными узами, помещая, поскольку это было возможно, родственные роды в одну курию и достигая затем числовой симметрии путем произвольного изъятия избытка родов из одной естественной курии для пополнения недостатка в другой. Сто родов племени тициев были главным образом сабинскими родами. Они также были размещены в десяти куриях, по всей вероятности, по тому же принципу. Третье племя, люцеров, было образовано впоследствии путем постепенных присоединений и завоеваний. Оно состояло из разнородных элементов, включая между прочим ряд этрусских родов. Они были приведены к той же числовой схеме десяти курий по десяти родов в каждой. При таком преобразовании, тогда как род, единица организации, оставался чистым и неизменным, курия выходила за пределы своих естественных границ и включала в некоторых случаях чуждые элементы, не принадлежавшие к естественной фратрии; то же самое произошло с племенем, в которое были допущены чуждые элементы, не принадлежавшие к естественному образовавшемуся племени. Путем такого законодательного принуждения племена с их куриями и родами были приведены к однообразному виду, при чем третье племя в большей своей части было искусственным созданием, сложившимся под давлением обстоятельств. Вопрос о лингвистической принадлежности этрусков остается еще спорным. Существует предположение, что их диалект был не совсем непонятен латинским племенам, иначе этруски не были бы приняты в римскую социальную систему, бывшую в то время чисто родовой. Достигнутые таким образом числовые пропорции облегчали деятельность общества в целом по осуществлению управления.

Нибур первый высказал правильный взгляд на учреждения римлян той эпохи и признал тот факт, что народ обладал верховной властью, что так называемые цари пользовались властью, переданной им народом, и что сенат был основан на принципе представительства, так как каждый род имел одного сенатора; но он оказывается в противоречии с фактами, когда утверждает, что «эта числовая пропорция служит неопровержимым доказательством того, что римские дома [роды]¹ не были старше данного строя, а представляли собой корпорации, созданные законодателем в соответствии с остальной частью его схемы»². Что небольшой чуждый элемент был насильно введен в курии второго и в особенности третьего племени — неоспоримо; но чтобы род был изменен в своем составе или реконструирован или создан вновь — просто невозможно. Законодатель не мог создать род; равным образом не мог он образовать курию иначе, как путем соединения существующих уже родов вокруг ядра родственных родов; но он мог путем принуждения увеличить или уменьшить число родов в курии, точно так же как число курий в племени. Нибур также показал, что род был древней и универсальной организацией у греков и римлян, что делает его предшествующее заявление тем более непонятным. Оказывается далее, что фратрия, по крайней мере у ионийских греков, встречалась повсеместно; отсюда можно заключить, что курия, может быть под другим именем, была у латинских племен таким же древним учреждением. Помянутая числовая пропорция была, без сомнения, результатом законодательного мероприятия времен Ромула, и мы имеем обильные указания относительно тех источников, откуда были взяты новые роды, при помощи которых эта пропорция была осуществлена.

¹ Я не смог установить, употреблял ли сам Нибур слово „дом“ вместо слова „род“ или это является интерпретацией переводчиков. Один из них, Сэрлуолл, часто применяет этот термин к греческому роду, против чего безусловно следует возражать.

² History of Rome, I, 244.

Члены десяти родов, соединенных в курию, назывались *curiales*. Они избирали жреца, *curio*, бывшего высшим должностным лицом братства. У каждой курии были свои собственные священные обряды, в совершении которых принимало участие все братство, свое *sacellum*, место культа, и свое место собраний, где члены курии сходились для решения своих дел. Помимо *curio*, имевшего высший надзор над религиозными делами, *curiales* избирали также помощника жреца, *flamen curialis*, непосредственно ведавшего исполнением религиозных обрядов. Курия дала свое имя собранию родов, *comitia curiata*, обладавшему в Риме при родовой системе верховной властью в гораздо большей степени, чем сенат. Такова была в общих чертах организация римской курии или фратрии¹.

Следующим членом восходящего ряда было римское племя, состоявшее из десяти курий и ста родов. При естественном развитии, протекавшем без внешних воздействий, племя должно было быть соединением таких родов, которые произошли путем сегментации от одного начального рода или пары родов, все члены которых говорили на одном диалекте. До тех пор пока племя само не раскалывалось путем описанного выше процесса, оно включало всех потомков всех членов этих родов. Римское племя, с которым мы сейчас имеем дело, было искусственно расширено для специальных целей особым путем, но основу и большинство племени составлял продукт естественного роста.

До Ромула каждое племя выбирало высшее должностное лицо с судебными, военными и религиозными функциями². В городе это лицо выполняло обязанность судьи племени и руководило его *саста*, а на поле битвы командовало его военными силами³. Вероятно, оно избиралось куриями на объединенных общих собраниях, но в этом пункте наши сведения снова недостаточны. Несомненно, у всех латинских племен это была древняя должность, имевшая особый характер и основанная на выборном принципе. Она была таким образом зародышем более высокой должности рекса или высшего военачальника, так как функции обеих должностей были сходны. Племенные вожди называются Дионисием предводителями племен (*tribῶν ἡγεμόνες*⁴). Когда три римских племени слились в один народ, управляемый одним сенатом, одним народным собранием и одним военачальником, должность племенного вождя утратила свое значение и отступила на задний план; но то обстоятельство, что она продолжала замещаться путем избрания, подтверждает предположение о ее начальном народном характере.

Собрание племени также должно было существовать с самой отдаленной древности. До основания Рима каждое италийское племя было фактически самостоятельным, хотя все племена и находились в более или менее тесных федеральных отношениях. Будучи самоуправляющейся единицей, каждое из этих древ-

¹ Дионисий дал точное и подробное описание организации, приписываемой Ромулу, хотя часть ее принадлежала, повидимому, более позднему времени. В этом описании интересна параллель, проводимая Дионисием между греческими родовыми учреждениями, с которыми он также был знаком, и римскими. Прежде всего,—замечает он,—я буду говорить об его строе, который я считаю самой совершенной из всех политических систем как мирного, так и военного времени. Строй этот состоял в следующем: разделив всю массу на три части, он назначил самого выдающегося человека вождем каждой из этих частей; затем он снова разделил каждую часть на десять и назначил самых храбрых людей вождями, дав им одинаковое положение; большие подразделения он назвал племенами, меньшие—куриями, как они по обычаю называются и до сих пор. А в переводе на греческий язык эти имена означают: *tribus*—треть, *филе* (*φύλη*); *кура*—фратрия (*φάτρα*), а также отряд (*λόχος*); мужи, возглавлявшие племена, были филархи (*φύλαρχος*) и триптиархи (*τριπτιάρχος*), которых римляне называли трибунами; а командовавшие куриями были фратриархи (*φρατρίαρχοι*) и лохаги (*λόχαγοι*), которых они называли курионами. Фратрии были разделены также на декады, и вождь, называемый в обычном разговоре декадархом (*δεκαδάρχος*), возглавлял каждую из них. После того как племена и фратрии были окончательно организованы, он разделил землю на тридцать равных долей и дал по одной полной доле каждой фратрии, выделив достаточную площадь для религиозных празднеств и храмов и оставив определенный участок земли для общего пользования.—*Antiq. of Rome*, II, 7.

² *Dionysius*, II, 7.

³ *Smith's Dic.*, I. c., слово *Tribune*.

⁴ *Dionysius*, II, 7.

них племен имело свой совет вождей, бывших, без сомнения, представителями родов, свое народное собрание и своих вождей, командовавших военными отрядами. Эти три элемента организации племени, а именно: совет, племенной вождь и собрание племени, были прототипами образованных впоследствии римского сената, римского рекса и *comitia curiata*. Племенной вождь, по всей вероятности, назывался *tex* еще до основания Рима, и то же самое относится к названию сенаторов (*senex*) и *comitia (con-ite)*. Судя по характеру и организации этих племен, следует заключить, что их учреждения были чисто демократическими. После слияния трех римских племен национальный характер племени растворился в высшей организации, но оно осталось необходимым элементом органического рода.

Четвертой и последней стадией организации была римская нация или римский народ, образовавшийся, как было сказано, путем слияния трех племен. С внешней стороны эта конечная организация была представлена сенатом (*senatus*), народным собранием (*comitia curiata*) и высшим военачальником (*tex*), далее — городскими властями, организацией армии и общенациональным жречеством различных степеней¹.

Сильная городская организация, по отношению к которой все лежащие вне Рима области сохраняли характер провинций, была с самого начала основной идеей системы управления и военной организации римлян. При военной демократии Ромула, при смешанной демократической и аристократической организации республики и при позднейшей империи это было управление, имевшее своим центром большой город; он представлял собой постоянное ядро, к которому присоединялись все полученные путем завоеваний дополнения, отнюдь не становясь, наравне с ним, составными элементами управления. В истории человечества нет ничего сходного с этой римской организацией, этим римским могуществом и судьбой римской расы. Рим останется навсегда чудом всех времен.

Римляне в том виде, как они были организованы Ромулом, называли себя римским народом (*populus romanus*), что было совершенно точно. Они представляли собой родовое общество и только. Но быстрое увеличение населения во времена Ромула и еще больший прирост за период от Ромула до Сервия Туллия доказали необходимость коренного изменения всего плана управления. Ромул и мудрые люди его времени использовали все возможности родовых учреждений. Мы обязаны его законодательству грандиозной попыткой достигнуть при родовом строе величайшего национального и военного могущества; этой попытке мы обязаны кое-какими сведениями о характере и структуре учреждений, которые иначе могли бы покрыться туманом, если не совсем исчезнуть из памяти. Возрастание римского могущества на основе родовых учреждений было выдающимся событием в истории человечества. Неудивительно, что сопровождавшие это движение события дошли до нас в романтической, чтобы не сказать легендарной, окраске. Рим возник благодаря счастливой идее, приписываемой Ромулу и воспринятой его преемниками, а именно идее сконцентрировать возможно большее число родов в новом городе, под одним управлением, с соединенными военными силами под начальством одного командира. Цель была чисто военная: приобрести верховное господство в Италии; неудивительно, что вся организация приняла форму военной демократии.

Выбрав превосходное место на Тибре, где река, оставив горы, вступает в Кампанию, Ромул, с латинским племенем, вождем которого он был, занял Палатинский холм, древнее укрепленное место. Предание ведет его происхождение от вождей Альбы, что, однако, имеет второстепенное значение. Новое поселение росло со сказочной быстротой, если верить рассказу, что к концу его жизни

¹ Тридцать курионов были организованы, как корпорация, в коллегию жрецов; один из них занимал должность *curio maximus*. Он избирался собранием родов. Кроме того, существовала коллегия авгуров, состоявшая по закону Огульния (300 г. до н. э.) из девяти членов, в том числе одного высшего должностного лица (*magister collegii*), а равно коллегия понтификсов, состоявшая по тому же закону также из девяти членов, в том числе *pontifex maximus*.

военные силы Ромула состояли из 46 000 пеших и 1000 конных воинов, что соответствовало примерно 200 000 населения города и находившихся под его защитой окрестностей. Ливий замечает, что это был старый обычай (*vetus consilium*) основателей городов — стягивать к себе массу ничтожных и незнатных людей и затем наделять их потомство правами коренных жителей¹. Ромул, следуя этой древней политике, открыл будто бы убежище близ Палатинского холма и пригласил всех и каждого из окружающих племен, не взирая на личность или положение, разделить с его племенами выгоды и судьбы нового города. Целые толпы народа, рассказывает далее Ливий, как рабы, так и свободные, стали стекаться туда из окружающих областей, и это было первым притоком чужой силы к новому предприятю². Плутарх³ и Дионисий⁴ оба упоминают об убежище или роще, открытие которой с указанной целью и соответствующие результаты, по всей вероятности, действительно имели место. Это показывает, что население Италии стало к тому времени — для варваров — многочисленным и что в его среде господствовало недовольство, вызванное, без сомнения, недостаточной охраной прав личности, существованием домашнего рабства и постоянным страхом насилия. Таким положением вещей естественно мог воспользоваться умный человек, если он обладал достаточными военными способностями, чтобы управлять образовавшимся таким образом классом людей. Следующим важным событием этой романтической истории, о котором следует напомнить читателю, было нападение сабинян, чтоб отомстить за похищение сабинских девушек, ставших уже почтенными женами своих похитителей. Дело кончилось мудрым соглашением, в результате которого латиняне и сабиняне слились в одно общество, при чем каждая часть сохранила своего военного предводителя. Сабиняне заняли Квиринал и Капитолийский холм. Таким образом присоединилась главная часть второго племени, титии, с их военным предводителем, Титом Тацием. После его смерти единым военачальником стал Ромул.

Миная преемника Ромула, Нума Помпилия, давшего более широкое развитие религиозным учреждениям римлян, перейдем к его преемнику Туллу Гостилию, который захватил латинский город Альбу и все его население переселил в Рим. Они заняли Целийский холм, получив все привилегии римских граждан. Число граждан теперь удвоилось, как замечает Ливий⁵, но, повидимому, не только за счет этого источника. Анк Марций, преемник Тулла, захватил латинский город Политориум и, следуя установившейся политике, переселил все его население в Рим⁶. Они получили Авентинский холм, а равно такие же привилегии. Вскоре после этого были покорены жители Теллен и Фиканы и тоже переведены в Рим, где поселились также на Авентинском холме⁷. Следует отметить, что во всех указанных случаях переведенные в Рим роды, равно как и начальные латинские и сабинские роды, остались территориально обособленными. По универсально присущему родовому обществу порядку, как на средней, так и на высшей ступени варварства, когда племена начали собираться в укреплениях и окруженных стенами городах, роды селились вместе по родам и фратриям⁸. Таким же

¹ Livius, I, 8.

² *Ex ex finitimi populis turba omnis sine discrimine, liber an servus esset, avida novarum rerum perfugit; idque primo ad coenam magnitudinem roboris fuit.*—Livius, I, 8

[Туда бежали толпой от соседних народов все, безразлично, свободные и рабы, жадные до новых порядков; и это было началом образования силы и величия].

³ Vit. Romulus, cap. 20.

⁴ Antiq. of Rome, II, 15.

⁵ Livius I. 30.

⁶ *Ib.*, I. 3.

⁷ *Ib.*, I. 38.

⁸ В домах пуэблс Новой Мексики все обитатели каждого дома принадлежали к одному племени, и в некоторых случаях один общинный дом заключал в себе целое племя. В пуэбло Мексико был, как мы видели, четыре главных квартала; в каждом жило одно колено, вероятно, фратрия; тят-людько занимали пятый участок. В Тласкала было тоже четыре квартала, занятых четырьмя коленами, вероятно, фратриями.

образом поселились роды в Риме. Большая часть новых пришельцев была соединена в третье племя, люцеров, образовавшееся, следовательно, по преимуществу из латинских родов. Оно пополнилось окончательно только во время Тарквиния Приска, четвертого после Ромула военного предводителя, при чем некоторые новые роды были взяты от этрусков.

Так или иначе в Риме в конце концов собралось триста родов, организованных в курии и племена, в известной мере различавшиеся по своему происхождению; рамны, как сказано, были латиняне, тиции — преимущественно сабиняне, а люцеры, вероятно, в большей своей части латиняне с сильной примесью из других источников. Таким образом римский народ с его организацией возник путем более или менее принудительного соединения родов в курии, курий — в племена, а племен — в одно родовое общество. Но образцы для каждой из этих организаций, за исключением последней, существовали у римлян и их предков с незапамятных времен; при этом естественной основой каждой курии служили фактически объединенные в ней роды, и подобной же основой каждого племени было общее происхождение большей части собранных в ней родов. Новым в этой организации было только числовое отношение родов к курии и курий к племени, а также слияние племен в один народ. Можно сказать, что эта организация развилась с одной стороны естественно, с другой — под давлением законодательства, так как образовавшиеся этим путем племена были несвободны от примеси чужих элементов. Отсюда произошло новое название — *tribus* (треть народа), ставшее теперь обозначением этого организма. В латинском языке должен был иметься термин, равнозначный греческому *φύλον* (племя, поскольку у них существовала та же самая организация; однако, если и так, термин этот был утрачен. Создание нового термина служит до некоторой степени доказательством того, что римские племена содержали чуждые элементы, тогда как греческие племена были чисты по происхождению и все входившие в них роды были родственны между собой.

Наши сведения о более раннем составе латинского общества основаны главным образом на законодательстве, приписываемом Ромулу, так как оно вскрывает прежнюю организацию латинских племен с теми улучшениями и изменениями, ввести которые смогла мудрость этой эпохи. Мы находим следы прежней организации в сенате, представляющем собой совет вождей, в *comitia curiata* или народном собрании по куриям, в должности высшего военачальника и в восходящем ряде общественных форм. Она проявляется в особенности в наличии родов с их признанными правами, привилегиями и обязанностями. Более того, управление, учрежденное Ромулом и усовершенствованное его непосредственными преемниками, представляет родовое общество в такой высокой структурной форме, какой оно никогда не достигало ни у одной из ветвей человеческой семьи. Время, о котором здесь идет речь, непосредственно предшествовало учреждению политического общества Сервием Туллем.

Первым значительным актом Ромула как законодателя было учреждение римского сената. Он состоял из ста членов, по одному от каждого рода, или по десяти от каждой курии. Совет вождей в качестве основного орудия управления не был для римских племен новостью. Они привыкли к его существованию и его власти с незапамятных времен. Возможно, однако, что еще до Ромула он был превращен, подобно греческим советам, в совещательное собрание, обязанностью которого было готовить и предлагать народному собранию важнейшие общественные мероприятия для принятия или отклонения. Таким образом народ фактически получил обратно власть, возложенную раньше на совет вождей. Поскольку ни одно значительное общественное мероприятие не могло вступить в силу, не получив санкции народного собрания, это показывает также, насколько глубоко демократические принципы проникли в их общественную систему. Учрежденный Ромулом сенат, хотя его функции были, несомненно, по существу сходны с функциями предшествующего совета вождей, был все же шагом вперед во многих отношениях. Сенат был образован или из вождей или из

мудрых мужей родов. Каждый род, говорит Нибур, «посылал своего декуриона, бывшего его старейшиной»¹, чтоб представлять его в сенате. Это был таким образом представленный и выборный орган по своему первоначальному замыслу, и он оставался выборным вплоть до императорского периода. Сенаторы занимали свою должность пожизненно; это был тогда единственный известный срок службы, а следовательно, не представлявший собой ничего особенного. Ливий приписывает набор первых сенаторов Ромулу; это, вероятно, ошибка уже потому, что не согласуется с общим характером римских учреждений. Ромул, говорит он, выбрал сто сенаторов или потому, что этого числа было достаточно, или потому, что было только сто лиц, которых можно было сделать «отцами». «Отцами» они были названы, конечно, в силу их официального положения, а их потомки назывались патрициями². Характер сената как представительного учреждения, титул отцов народа, данный его членам, пожизненность должности, но превыше всего звание патрициев, данное на вечные времена детям сенаторов и их потомству, одним ударом поставили в центре социальной системы римлян аристократию, которая пустила прочные корни. Римский сенат по своему высокому назначению, своему составу и рангу патрициев, который получали и передавали потомству его члены, занял влиятельнейшее положение в образовавшемся позднее государстве. Этот-то аристократический элемент, впервые привитый гентилизму, придал республике ее двойственный характер и, как это можно было предсказать, привел к империи, а вместе с тем к конечной гибели расы. Он, может быть, увеличил военную славу и завоевания Рима, учреждения которого с самого начала были приспособлены для военных целей; но он сократил жизнь этого великого и необыкновенного народа и доказал справедливость положения, что империализм неизбежно приводит к гибели всякую цивилизованную расу. При республике, полуаристократической, полудемократической, римляне приобрели свою славу, которая, надо думать, была бы еще большей и дала бы более прочные результаты, если бы весь народ пользовался свободой и равенством вместо неравенства, созданного привилегиями, и гнусного рабства. Длительная и упорная борьба плебеев за уничтожение аристократического элемента, представленного сенатом, и за восстановление древних демократических принципов, должна быть причислена к героическим подвигам человечества.

После соединения с сабинянами число членов сената было увеличено до двухсот путем прибавления ста сенаторов³ из родов племени тициев; а когда во время Тарквиния Приска число родов люцеров достигло ста, из родов этого племени была прибавлена третья сотня сенаторов⁴. Цицерон поставил это свидетельство Ливия под сомнение, указав, что Тарквиний Приск удвоил первоначальное число сенаторов⁵, но Шмиц для объяснения этого противоречия высказывает предположение, что ко времени последнего расширения число сенаторов уменьшилось до ста пятидесяти и было пополнено до двухсот из родов пер-

¹ History of Rome, I, 258.

² Centum creat senatores: sive quia is numerus satis erat; sive quia soli centum erant, qui creati Patres possent, Patres certe ab honore, patricique progenies eorum appellati. — Livius, I, 8. А Цицерон: Principes, qui appellati sunt propter caritatem, patres. — De Rep., II, 8.

³ Dionysius, II, 47.

⁴ Nec minus regni sui firmandi, quam augende reipublicae memor, centum in Patres legit, qui deinde minorum gentium sunt appellati: factio haud dubia regis, cujus beneficio in curiam venerant. — Livius, I, 35.

[Памятуя не менее об укреплении власти, чем о расширении республики, он выбрал сто человек в „отцы“, которые потом стали называться „из младших родов“; это была, несомненно, партия ария, по милости которого они вошли в курию].

⁵ Isque [Tarquinius] ut de suo imperio legem tulit principio duplicavit illum pristinum patrum numerum; et antiquos patres majorum gentium appellavit, quos priores sententiam rogabat; a se adscitos, minores. — Cicero, De Rep., II, 20.

[И он (Тарквиний), чтобы провести закон о своей власти, сперва удвоил прежнее число сенаторов и старых сенаторов назвал „из старших родов“, и они подавали голоса первыми, а добавленных — „из младших“].

вых двух племен с прибавлением еще ста членов от третьего племени. Сенаторы из племен рамнов и тициев назывались с тех пор «отцами старших родов (*patres majorum gentium*), а из племени люцеров — «отцами младших родов» (*patres minorum gentium*)¹. Из формы этого показания можно вывести заключение, что триста сенаторов представляли триста родов, а каждый сенатор был представителем одного рода. Более того, поскольку каждый род имел, очевидно, своего главного вождя (*princeps*), весьма вероятно, что он и избирался на должность сенатора своим родом, либо десять сенаторов избирались сразу курией из десяти родов, из которых она состояла. Такой порядок представительства и избрания вполне согласуется с тем, что известно о родовых учреждениях вообще и римских в частности². После учреждения республики вакансии в сенате замещались цензорами по их собственному выбору, пока это право не было передано консулам. Сенаторы обыкновенно выбирались из бывших должностных лиц высших степеней.

Права сената были действительными и существенными. Здесь возникали все общественные мероприятия, как те, которые он мог проводить самостоятельно, так и те, которые должны были представляться народному собранию и утверждаться им, прежде чем вступить в законную силу. Сенат имел высший надзор за общественным благосостоянием, за направлением внешней политики, взиманием податей и набором военных пополнений и высший контроль над доходами и расходами. Хотя управление религиозными делами принадлежало различным коллегиям жрецов, сенат обладал высшей властью и над религией. По своим функциям и своему назначению сенат был самым влиятельным органом, какой когда-либо существовал при родовых учреждениях.

Народное собрание с признанным правом непосредственного воздействия на важнейшие общественные мероприятия, которые оно должно было обсуждать и принимать или отвергать, было неизвестно на низшей и, вероятно, на средней ступени варварства; на высшей ступени мы уже встречаем его в виде агора греческих племен и, в качестве его высшей формы, в виде эkkлeзии афинян; оно существовало также и у латинских племен в виде собрания воинов, достигая своей высшей формы в *comitia curiata* римлян. Рост собственности привел к учреждению народного собрания в качестве третьего органа власти в родовом обществе для охраны личных прав и защиты от произвола совета вождей и военачальника. В древнем родовом обществе, со времени возникновения родов, в периоде дикости, и до эпохи Солона и Ромула, народный элемент был всегда активен. В первобытные времена совет вождей был обычно открыт для ораторов из народа, и общественное мнение влияло на ход событий. Когда греческие и латинские племена впервые вошли в поле зрения истории, народное собрание, обладающее правом обсуждать и принимать или отвергать общественные мероприятия, было таким же постоянным явлением, как и совет вождей. Народное собрание было более совершенной организацией у римлян при Ромуле, чем у афинян во время Солона. По росту и развитию этого учреждения можно проследить рост и развитие демократического принципа.

¹ Cicero, *De Rep.*, II, 20.

² Таково было в сущности мнение Нибура. „Мы можем пойти дальше и утверждать без колебаний, что первоначально, когда число домов [родов] было полным, сенат представлял их непосредственно, и число его членов соответствовало числу родов. Триста сенаторов соответствовали тремстам домов, каковым, как было показано выше, и было в действительности их число; каждый род посылал в сенат своего декуриона, бывшего его старейшиной и председателем его собраний... Назначение на должность сенаторов царями по своей воле не могло быть первоначальным порядком. Даже Дионисий предполагает, что сенаторы избирались; однако его мнение неприемлемо, и, по всей вероятности, сенаторы избирались, по крайней мере первоначально, домами, а не куриями“. — *Hist. of Rome*, I, 258. Избрание сенаторов куриями в принципе вполне вероятно, если только эта должность не принадлежала вождю *ex officio*, поскольку роды одной курии были непосредственно заинтересованы в представительстве каждого рода. По той же причине саhem, избранный членами ирокезского рода, должен был быть принят другими родами того же племени, для того чтобы его назначение было окончательным.

Это собрание получило у римлян название *comitia curiata*, потому что взрослые члены родов сходились на собрание по куриям и тем же порядком голосовали. Каждая курия имела один коллективный голос, большинство определялось в каждой курии отдельно, и этим решалось, каково должно быть окончательное постановление¹. Это было собрание родов, которые одни были звеньями управления. Плебеи и клиенты, составлявшие уже многочисленный класс, были исключены, ибо помимо рода и племени не могло существовать никакой связи с *populus romanus*. Это собрание, как было сказано, не могло само ни проводить общественные мероприятия, ни изменять предложенные ему, но ни одно скольконибудь значительное постановление не могло вступить в силу, не быв принято *comitia*. Все законы принимались или отвергались этим собранием; все высшие должностные лица, в том числе *rex*, избирались им по предложению сената². *Imperium* давалось всем этим лицам особым законом, принимаемым курией (*lex curiata de imperio*), что было римским методом введения в должность. Пока данному лицу не было таким образом вручено *imperium*, оно не могло вступить в должность, хотя бы было выбрано по всем правилам. *Comitia curiata* выносили в качестве апелляционной инстанции окончательные решения по уголовным делам, грозившим римскому гражданину смертной казнью. Должность *рекса* была упразднена в результате народного движения. Хотя народное собрание никогда не достигало права непосредственно издавать постановления, его власть была реальной и влиятельной. В эту эпоху народ обладал верховной властью.

Народное собрание не имело права сходитьсь по собственной воле, но, как указывается, собиралось по приглашению *рекса* или, в его отсутствие, *префекта* (*praefectus urbi*). Во время республики оно созывалось консулами или, в их отсутствие, *претором*, и во всех случаях лицо, созвавшее собрание, руководило его совещаниями.

Должность *рекса* уже была рассмотрена в другой связи. *Рекс* был полководцем, а также жрецом, но не имел гражданских функций, которыми пытались его наделить некоторые историки³. Хотя его власть как полководца не была точно определена, она естественно была неограниченной по отношению к военным силам на поле битвы и в городе. Если *рекс* в отдельных случаях и выполнял какие-либо гражданские функции, то следует думать, что они вверялись ему специально для данного случая. Называть его царем в том смысле, какой обязательно принадлежит данному термину, значит исказить демократическое правление, к которому принадлежал *рекс*, и те учреждения, на которых эта должность основывалась. Форма правления, при которой возникли *рекс* и *басилевс*, непосредственно связана с родовыми учреждениями; она исчезла после падения родового общества. Это была особая организация, не имеющая параллели в современном обществе, и она не может быть описана в терминах, принятых для монархических учреждений. Военная демократия с сенатом, народным собранием и назначенным и избранным полководцем — таково приблизительное, хотя и не совсем точное, определение этой, столь своеобразной формы правления, принадлежавшей исключительно древнему обществу и покоившейся на чисто де-

¹ Livius, I, 43. Dionysius, II, 14; IV, 20, 84.

² Нума Помпилий (Cicero, De Rep., II, 11; Livius, I, 17), Тулл Гостилий (Cicero, De Rep., II, 17) и Анк Марций (Cicero, De Rep., II, 18; Livius, I, 32) были избраны *comitia curiata*. Относительно Тарквиния Приска Ливий говорит, что народ избрал его *рексом* значительным большинством голосов (I, 35). Избрание естественно было призведено в *comitia curiata*. Сервий Туллий получил должность, в которой затем был утвержден *comitia* (Cicero, De Rep., II, 21) Таким образом право избрания сохранялось за народом, и это показывает, что должность *рекса* зависела от народа, который передавал ему власть.

³ Леонард Шмиц, один из наиболее способных защитников теории царской власти у греков и римлян, замечает с большой откровенностью: «Очень трудно определить пределы власти царя, так как древние авторы естественно судили о царском периоде по своему собственному республиканскому строю и часто приписывали царю, сенату и комициям курий власть и функции, свойственные в действительности только консулам, сенаторам и комициям их собственного времени». — Smith's Dic. Gr. and Rom. Antiq., слово *Rex*.

мократических учреждениях. Ромул, ободренный своими большими успехами, присвоил себе, по всей вероятности, власть, которую сенат и народ считали опасной; есть полное основание дошедшее до нас предание об его таинственном исчезновении понять так, что он был убит римскими вождями. Каким бы жестоким ни следовало считать такой акт, он все же обнаруживает унаследованный от родов дух независимости, не желающий подчиниться произволу единоличной власти. Неудивительно, что когда должность рекса была упразднена и заменена консульством, были созданы не один, а два консула. Тогда как сопряженная с такой должностью власть могла поднять одного человека на опасную высоту, это не могло иметь место при двух лицах. Такая же пронизательность побудила ирокезов, не имевших предшествующего опыта, создать двух военных вождей конфедерации вместо одного, для того чтобы должность высшего военачальника, вверенная одному лицу, не создала ему слишком влиятельного положения.

В качестве верховного жреца рекс совершал в важных случаях ауспиции, один из важнейших актов римской религиозной системы, который, по их мнению, был так же необходим в поле накануне битвы, как и в городе. Он исполнял также и другие религиозные обряды. Нет ничего удивительного, что в те времена жреческие функции у римлян, как и у греков, были присоединены или связаны с высшей военной должностью. С упразднением этой должности возникла необходимость передать кому-нибудь принадлежащие ей, очевидно специальные, религиозные функции; таким образом была создана новая должность *rex sacrorum* или *rex sacrorum*, который и исполнял соответствующие религиозные обязанности. У афинян наблюдаем то же явление: второй из девяти архонтов, называвшийся архонт-басилевс, имел высший надзор за религиозными делами. Не существует никакого объяснения, почему религиозные функции были приданы должности рекса и басилевса у римлян и греков и должности *teuctli* у ацтеков и почему после упразднения этой должности в первых двух случаях эти функции не могли выполняться обыкновенными жрецами.

В таком состоянии пребывало римское родовое общество от Ромула до Сервия Туллия, т. е. более чем двести лет, в течение которых было положено основание римскому могуществу. Правление, как было сказано, состояло из трех властей: сената, народного собрания и военачальника. Они убедились на опыте в необходимости смены порядков и обычаев определенными, ими же установленными писанными законами. В рексе римляне имели зачаток высшей исполнительной власти, которая возникла в силу необходимости и которая должна была развиться в более совершенную форму после учреждения политического общества. Но в те времена недостаточной опытности в области высших понятий об управлении они считали эту должность опасной, потому что полномочия рекса были в общем неопределенные, да и с трудом подавались точному определению. Неудивительно, что когда между народом и Тарквинием Гордым возникли серьезные разногласия, Тарквиний был низложен, а самая должность упразднена. Как только они сталкивались лицом к лицу с чем-нибудь похожим на неограниченную царскую власть, они находили это несовместимым со свободой, которая и выходила победительницей. Они однако были склонны вести в свою систему управления ограниченную исполнительную власть и создали соответствующую должность в виде двух консулов. Это произошло после учреждения политехнического общества.

До Сервия Туллия не было сделано прямых шагов к учреждению государства, основанного на территории и собственности, но предшествовавшие мероприятия подготовили это событие. В придачу к указанным выше учреждениям были созданы городское управление и развитая военная система с сословием всадников включительно. При чисто родовых учреждениях Рим ко времени Сервия Туллия стал самой крупной военной силой в Италии.

Из девяти вновь созданных городских должностей важнейшей была должность градоначальника (*custos urbis*). Это должностное лицо, бывшее вместе с тем и главой сената (*princeps senatus*), было назначено впервые, как говорит

Дионисий, Ромулом¹. Он созывал сенат, не имевший права собираться по своей инициативе. Утверждают, что право созывать сенат имел также рекс. Что он по предложению рекса и приглашению своего собственного должностного лица находил нужным собираться — вполне вероятно; но чтобы рекс мог приказывать сенату собраться — это невероятно, в виду независимости его функций, его высокого положения и его представительного характера. После эпохи децемвиров *custos urbis* стал называться префектом города (*praefectus urbi*), при чем полномочия этой должности расширились, и она стала выборной через новую *comitia centuriata*. При республике консулы, а в их отсутствие претор, имели право созывать сенат, а также руководить собраниями комиций. В позднейшее время функции этой древней должности перешли к претору (*praetor urbanus*), который и стал ее преемником. Римский претор представлял собой судебную власть, прототип современного судьи. Так каждое значительное учреждение, относящееся к управлению обществом, можно обычно проследить до его простого зародыша, возникшего в своей примитивной форме из человеческих потребностей и развившегося в постоянное учреждение, если только оно оказалось способным выдержать испытание времени и опыта.

Если бы мы могли установить положение должности вождя и функции совета вождей в эпоху до Ромула, этим было бы пролито много света на состояние римского родового общества во время Ромула. Отдельные периоды надлежало бы исследовать особо, так как общественное состояние римлян изменялось с развитием их ума. Итальянский период до Ромула, период семи рексов, последующие периоды республики и империи обнаруживают большие различия духа и характера управления. Но учреждения первого периода перешли во второй, а учреждения последнего, в свою очередь, перешли в третий и с некоторыми изменениями остались и в четвертом. В росте, развитии и упадке этих учреждений заключена история жизни римского народа. Проследив последовательные стадии развития этих учреждений с момента их возникновения на широком поприще племен и наций человечества, мы сможем представить себе великие движения человеческого ума в его эволюции от младенчества в периоде дикости до его современного высокого развития. Род возник из потребностей человечества в организации общества, из рода произошли вождь и племя с его советом вождей; из племени путем сегментации возникла группа племен, позднее воссоединившаяся в конфедерацию и слившаяся в конечном счете в нацию; из опыта совета вождей возникла необходимость в народном собрании с разделением власти между ними и советом; наконец, из военных потребностей соединенных племен возник высший военачальник, который с течением времени стал третьей властью управления, подчиненной, однако, двум высшим властям. Это был зародыш позднейшего верховного должностного лица, короля и президента. Главнейшие учреждения цивилизованных наций являются простым продолжением учреждений, зародившихся в периоде дикости, развившихся в периоде варварства, сохраняющихся и развивающихся далее в периоде цивилизации.

Римское правление в том виде, в каком оно существовало ко времени смерти Ромула, было общественным, но не политическим; оно было личным, а не территориальным. Правда, каждое из трех племен занимало отдельную ограниченную территорию в пределах города, но таков был господствовавший образ поселения при родовых учреждениях. Отношения родов, курий и племен друг к другу и ко всему обществу были чисто личными; управление имело с ними дело только как с группами лиц и с их совокупностью как с римским народом. С тех пор как римляне были таким порядком локализованы в местностях, окруженных валами, у них сама собой возникла идея городской общины или городского округа, когда необходимость изменения плана управления была продиктована возрастающей сложностью дел. Римлянам предстояло вскоре совершить великий переворот, обусловленный рядом законодательных опытов, точно такой же, к какому

¹ Dionysius, II, 12.

приступили незадолго до Сервия Туллия афиняне. Рим был основан и его первые победы были одержаны при чисто родовых учреждениях; но плоды этих достижений были столь велики, что обнаружили неспособность родов служить основанием государства. Понадобилось, однако, два столетия напряженного труда расцветающего общества, чтобы подготовить путь для введения второго великого плана управления, основанного на территории и собственности. Задача заключалась в том, чтобы отнять власть у родов, курий и племени и передать ее новым избирательным корпорациям. Такой переворот мог осуществиться только благодаря убеждению, что роды несовместимы с формой управления, соответствующей более высокому уровню развития. В действительности вопрос заключался в том, коснется ли в варварстве или войти в цивилизацию. История учреждения новой системы составит предмет следующей главы.

Глава тринадцатая

УЧРЕЖДЕНИЕ РИМСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Roptus. — Плебеи. — Клиенты. — Патриции. — Границы этого сословия. — Законодательство Сервия Туллия. — Учреждение имущественных классов. — Учреждение цензур. — Неравенство прав голосования. — *Comitia centuriata* вытесняют *comitia curiata*. — Классы сменяют роды. — Ценз. — Плебеи делаются гражданами. — Учреждение городских округов. — Учреждение сельских общин. — Число племен увеличивается до четырех. — Племена становятся локальными, а не родственными. — Характер новой политической системы. — Упадок и исчезновение родовой организации. — Дело, которое она выполнила.

Сервий Туллий, шестой глава римской военной демократии, пришел к власти приблизительно через сто тридцать три года после смерти Ромула, насколько можно установить это с точностью¹. В таком случае его воцарение относится примерно к 576 году до н. э. Этому выдающемуся человеку римляне главным образом обязаны учреждением их политической системы. Достаточно будет наметить ее основные черты, указав вместе с тем и те причины, которые привели к принятию этой системы.

В период от Ромула до Сервия Туллия римляне распались на два различных класса: *ropulus* и плебеев. Оба класса были лично свободны, оба несли военную службу, но только первый был организован в роды, курии и племена и держал в своих руках функции управления. Плебеи, напротив, не принадлежали ни к каким родам, куриям и племенам и, следовательно, не принимали участия в управлении². Они не допускались к занятию должностей, к участию в *comitia curiata* и к религиозным обрядам родов. В эпоху Сервия они стали почти так же, если не совсем так же, многочисленны, как и *ropulus*. Положение их было ненормально: они несли военную службу, имели семьи и собственность, что отождествляло их интересы с интересами Рима, но в то же время ни в каком отношении не были связаны с управлением. При родовых учреждениях, как мы видели, связь с управлением могла существовать не иначе, как через признанный род, между тем у плебеев не было родов. Такое положение вещей, касавшееся значительной части населения, было опасно для общества. Поскольку при родовых учреждениях исправить такое положение было невозможно, это должно было явиться одной из самых важных причин попытки уничтожения родового общества и замены его политическим. Римское общество, по всей вероятности, распалось бы на части, если бы не было изобретено какое-либо целебное средство. Преобразование началось при Ромуле, возобновилось Нумой Помпилием и закончилось при Сервии Туллии.

¹ Dionysius, IV, 1.

² Нибур говорит: „Существования плебса в качестве независимой и весьма многочисленной части нации может быть прослежено вплоть до правления Анкуса; но до Сервия это было лишь агрегат отдельных частей, а не слившееся единое целое“. *History of Rome*, I, c., I, 315.

Происхождение как плебеев, так и патрициев и их последующие взаимоотношения дали повод для многочисленных исследований и споров. Мы позволим себе несколько замечаний по этому вопросу.

Человек был плебеем потому, что он не был членом рода, организованного вместе с другими родами в курию и племя. Легко понять, как в неустоявшиеся времена, предшествовавшие и следовавшие за основанием Рима, многие оторвались от своих родных родов. Искатели приключений, стекавшиеся из окрестных племен в новый город, пленные, взятые во время войн и впоследствии освобожденные, и отдельные лица, присоединившиеся к переселенным в Рим родам, должны были быстро образовать класс плебеев. Могло также случиться, что при заполнении ста родов в каждом племени осколки родов, а также роды, имевшие меньше установленного числа лиц, исключались. Эти не принадлежавшие ни к какому роду лица, вместе с осколками родов, устраненных таким образом и исключенных из организации в курии, должны были вскоре стать со своими детьми и потомками большим, растущим классом. Таково было происхождение римских плебеев, не состоявших, как таковые, членами римского родового общества. Из эпитета, данного сенаторам люцеров, третьего из римских племен, а именно «отцы младших родов», можно заключить, что старые роды неохотно признали их полное равенство. Имея на то серьезные причины, они устранили плебеев от какого-либо участия в управлении. Когда третье племя было укомплектовано предписанным числом родов, последний путь закрылся, и с этого момента класс плебеев стал возрастать с еще большей быстротой. Нибур говорит, что существование класса плебеев может быть прослежено до времени Анка, откуда вытекает, что этот класс впервые появился именно в это время¹. Он отрицает также, что клиенты составляли часть плебеев², однако в обоих этих положениях он расходится с Дионисием³ и Плутархом⁴. Учреждение клиентства и патроната приписывается помянутыми авторами Ромулу, при чем Светоний признает, что эти отношения существовали уже во время Ромула⁵. Потребность в таком учреждении возникла в виду наличия класса лиц, не принадлежавших к родам и не участвовавших в религиозных обрядах; это учреждение должно было дать им охрану личности и имущества, а равно доступ к религиозным привилегиям. Члены рода не нуждались в такой охране и таких привилегиях; позволить же кому-нибудь из своих членов взять патрона из другого рода, совершенно не согласовалось с достоинством и обязанностями рода. Этот не принадлежавший ни к каким родам класс, иными словами, плебеи, был единственной категорией людей, которые естественно должны были искать себе патронов и становиться их клиентами. По указанным причинам клиенты не составляли части *populus'a*. Отсюда ясно, несмотря на авторитет Нибура в римской истории, что клиенты были частью плебеев.

Переходим к крайне трудному вопросу о происхождении и границах класса патрициев, а именно вопросу, возник ли он одновременно с учреждением римского сената и ограничивался ли сенаторами с их детьми и потомством, или же обнимал весь *populus* как группу, отличную от плебеев. Самые выдающиеся современные авторитеты утверждают, что весь *populus* состоял из патрициев; этого взгляда держится Нибур⁶, являющийся первым авторитетом в вопросах истории Рима, а равно Лонг, Шмиц и другие⁷. Но приводимые этими авторами до-

¹ History of Rome, I, 315.

² Что клиенты были совершенно чужды плебейской массе и слились с нею лишь позднее, когда была разорвана связь патронатства, частью в силу того, что дома патронов вымерли или пришли в упадок, частью вследствие всеобщего стремления к свободе, будет показано в дальнейшем.—History of Rome, I, 315.

³ Dionysius, II, 8.

⁴ Plutarch, Vit. Rom., XIII, 16.

⁵ Vit. Tiberius, cap. I.

⁶ History of Rome, I, 256, 450.

⁷ Smith's Dic., слова: Gens, Patricii и Plebs.

воды не убедительны. Существование класса патрициев и класса плебеев, как было указано, может быть прослежено до эпохи Ромула¹. Если б в эти ранние времена *populus*, представлявший собой совокупность организованного в роды народа, состоял целиком из патрициев, то это отличие было бы лишь номинальным, так как класс плебеев был еще тогда незначителен. Более того, с подобным утверждением не согласуются прямые указания Цицерона и Ливия. Дионисий, правда, говорит, что класс патрициев был образован до учреждения сената и состоял из ограниченного числа лиц, выдававшихся по своему рождению, добродетелям и богатству, что исключает из этого класса бедных и низкородженных, если даже они принадлежали к историческим родам². Если допустить, что класс патрициев не был связан с сенатом, то все же в отдельных родах остается еще большая категория лиц, не бывших патрициями. Цицерон прямо заявляет, что сенаторы и их дети были патрициями, не упоминая о существовании какого-либо иного класса патрициев. Когда этот сенат Ромула, говорит он, составленный из лучших людей, которых сам Ромул ценил так высоко, что пожелал, чтобы они назывались отцами, а их дети патрициями, попытался... и т. д.³. Значение слова «отцы» (*patres*) в данном употреблении было предметом спора уже у самих римлян; во всяком случае слово *patricii* в качестве обозначения класса произведено от слова *patres*, что указывает на связь между патрициями и должностью сенатора. Хотя каждый сенатор, по всей вероятности, первоначально представлял род и, следовательно, триста сенаторов представляли все признанные роды, однако не все члены родов могли сделаться благодаря этому патрициями, так как это звание распространялось только на сенаторов, их детей и потомство. Ливий высказывается не менее определенным образом. Они назывались отцами, говорит он, несомненно, в виду их официального положения, а потомки их (*progenies*) — патрициями⁴. При реках, а также при республике звание патрициев давалось отдельным лицам правительством, но помимо должности сенатора или особого назначения правительства нельзя было достичь этого ранга. Вполне возможно, что некоторое число лиц, не попавших в сенат при его учреждении, было поставлено в отношении нового ранга патрициев на одинаковую высоту с сенаторами путем публичного акта; но это могло касаться только небольшого числа членов тех трехсот родов, которые входили в *populus romanus*.

Возможно, что вожди родов назывались отцами еще до Ромула для того, чтобы отметить отеческий характер их должности, и что эта должность могла давать их потомству нечто вроде особого звания. Мы однако не имеем соответствующих прямых доказательств. Допуская, что так оно и было и, далее, что сенат при его учреждении не включал всех главных вождей и, наконец, что позднее для заполнения свободных мест в сенате выбор производился по заслугам, а не по принадлежности к роду, основания для образования класса патрициев могли существовать с самого начала, независимо от сената. Эти предположения могут быть использованы для объяснения своеобразного указания Цицерона, а именно, что Ромул желал, чтобы сенаторы назывались отцами, возможно, потому, что это уже было почетным титулом родовых вождей. Таким образом некоторое основание для класса патрициев могло существовать независимо от сената, но оно было недостаточно широким, чтобы охватить все признанные роды. С сенатом же связано высказанное выше предположение, что дети сенаторов с их потомством назывались патрициями. То же повторяет и Патеркул⁵.

Отсюда следует, что не могло существовать ни патрицианских, ни плебейских родов, хотя отдельные семьи могли быть в одном роде патрицианскими,

¹ Dionysius, II, 8; Plutarch, Vit. Rom., XIII.

² Ib. II, 8.

³ Quum ille Romae Senatus, qui constabat ex optimatibus, quibus ipse rex tantum tribuisset, ut eos patres vellet nominari patriciosque eorum liberos, tentaret etc.—De Rep. II, 12.

⁴ Patres certe ab honore, patricii que progenies eorum appellati.—Livius, I, 8.

⁵ Hic centum homines electos appellatosque Patres, instar habuit consilii publici. Hanc originem nomen Patriciorum habet.—Vellejus Paterculus, I, 8.

в другом — плебейскими. Существует некоторая неясность и по этому вопросу. Все взрослые мужчины рода Фабиев, в числе трехсот шести, были патрициями¹. Это можно объяснить только предположением, что все семьи этого рода вели свое происхождение от сенаторов или могли сослаться на определенный публичный акт, которым их предки были возведены в ранг патрициев. Патрицианские семейства имелись, конечно, во многих родах, а в более позднее время — патрицианские и плебейские семьи в одном и том же роде. Так, упомянутые уже (выше, стр. 165) Клавдии и Марцеллы были двумя семействами рода Клавдиев, но патрициями были только Клавдии. Не надо забывать, что римляне делились на два класса — *populus* и плебеев — еще до Сервия Туллия, и только затем, в особенности же после законодательства Лициния (367 г. до н. э.), когда все государственные должности сделались доступными каждому гражданину, римский народ, представлявший собой массу свободных граждан, распался на два политических класса: аристократию и простонародье. Первый класс состоял из сенаторов и их потомков, а также из лиц, занимавших одну из трех курульных должностей (консула, претора и курульного эдила) с их потомками. Простой народ представлял собой теперь римских граждан. Родовая организация пришла в упадок, и древнее деление общества не могло долее сохраняться. Лица, которые в первый период, принадлежа к *populus*'у, не могли считаться плебеями, в следующем периоде могли принадлежать к аристократии, не будучи патрициями. Клавдии могли вести свое происхождение от Аппия Клавдия, который был сделан сенатором во времена Ромула; Марцеллы же не могли вывести свое происхождение ни от Аппия, ни от какого-либо другого сенатора, хотя, как замечает Нибур, «по достигнутым ими почестям они были равны Аппиям, будучи неизмеримо более полезны республике»². Это является достаточным объяснением положения Марцеллов, делая ненужной фантастическую гипотезу Нибура, что Марцеллы утратили патрицианское звание в результате неравных браков³.

Класс патрициев необходимо должен был быть многочисленным, так как в сенат, который редко насчитывал меньше трехсот членов, избирались новые члены всякий раз, как открывалась вакансия; благодаря этому новые семейства постоянно получали звание патрициев, при чем это звание передавалось и потомству. Другое время от времени становились патрициями путем государственного акта⁴. Это звание, имевшее сперва, вероятно, небольшую ценность, приобрело большее значение, когда с ростом богатства, населения и могущества Рима изменился состав римского общества. Очевидно, в то время не были еще известны все последствия введения привилегированного класса в римское родовое общество, и еще вопрос, не оказалось ли это учреждение скорее пагубное, чем благотворное влияние на последующую судьбу римского народа.

Когда роды при новой политической системе перестали служить в качестве организаций для целей управления, не удержалось и деление общества на *populus* и плебеев. Однако следы древней организации и древнего деления общества сохранялись еще долгое время в эпоху республики⁵. При новой системе плебеи были римскими гражданами, но они составляли теперь простой народ; вопрос о принадлежности или непринадлежности к роду не имел значения.

От Ромула до Сервия Туллия, как уже сказано, римская организация была просто родовым обществом, безотносительно к территории или собственности. Мы имеем здесь только ряд соединений людей в роды, курии и племена, в лице которых правительство имело дело с народом как с группами лиц, образующих

¹ Livius, II, 49.

² History of Rome, I, 24С.

³ *Ib.*, I, 24С.

⁴ Livius, IV, 4.

⁵ *A plebe consensu populi consulibus negotium mandatur.*—Livius, IV, 51.
[Дела поручаются консулам с согласия плебса и *populus*'а].

эти органические единицы. Римляне находились тогда в таком же состоянии, как афиняне до Солона. Но они учредили сенат вместо древнего совета вождей, *comitia curiata* вместо древнего народного собрания и избрали высшего военачальника с добавочными функциями жреца и судьи. Имея правление трех властей, соответствующее их наиболее важным потребностям, образовав из трех племен, состоявших из одинакового числа родов и курий, один народ, римляне обладали более высокой и совершенной организацией, чем та, которой достигли латинские племена. Но при этом постепенно вырос многочисленный класс, стоявший вне сферы управления и не имевший религиозных привилегий, за исключением той его части, которая перешла на положение клиентов. Если этот класс и не был опасным, то все же, будучи лишен прав гражданства и устранен от участия в управлении, он оказался вредным для общества. Городская община выросла до размеров, неизвестных до тех пор, и стала нуждаться в особой организации, которая могла бы управлять ее делами. Необходимость изменения всего плана управления должна была все более и более привлекать в себе внимание мыслящих людей. Следует предположить, что рост населения и богатства и увеличивающиеся различия интересов отдельных членов общества делали управление им все более трудным, при чем стало обнаруживаться, что родовым учреждениям не справиться с этими затруднениями. Такого рода заключение необходимо для объяснения различных опытов преобразования, предпринятых в эту эпоху.

Нума, преемник Ромула, сделал первый значительный шаг в этом направлении; здесь сказались убеждение, что сильная власть не может базироваться на родах как основании системы. Он попытался смешать роды, как это сделал Тезей, разделив народ по занятиям и ремеслам на восемь классов¹. Плутарх, главный авторитет по данному вопросу, говорит об этом разделении народа по занятиям как о самом замечательном из учреждений Нумы; он замечает далее, что оно должно было привести к уничтожению различия между латинянами и сабинянами номинально и по существу путем смешения их в новом подразделении. Но так как он не дал вновь созданным классам тех прав, которые были у родов, его мероприятие не достигло цели подобно такой же попытке Тезея и по тем же самым причинам. Каждый цех, как уверяет нас Плутарх, имел свой отдельный рынок и свои религиозные обряды. Эти, хотя и легендарные, свидетельства об одном и том же эксперименте, предпринятом в Атике и Риме с одной и той же целью, по одному и тому же поводу и с одинаковыми средствами, дают основание заключить, что указанный опыт действительно предпринимался в обоих случаях.

Сервий Туллий ввел новую систему и построил ее на основе, которая удержалась до конца республики, хотя позднее и предпринимались разные ее улучшения. Его время (приблизительно 576—533 годы до н. э.) следует непосредственно за эпохой Солона (596 год до н. э.) и предшествует эпохе Клисфена (509 год до н. э.). Приписываемое ему законодательство, задуманное, очевидно, по образцу Солона, вероятно, действительно имело место в ту эпоху, ибо созданная им система уже действовала при основании республики в 509 году до н. э., т. е. уже в историческое время. Кроме того, новая политическая система может быть приписана ему с таким же основанием, с каким великие реформы приписываются другим лицам, хотя во всех таких случаях законодатель только формулирует то, что указал уже опыт и что навязывалось жизнью. Три главных изменения, путем которых роды были вытеснены и было учреждено политическое общество, основанное на территории и собственности, состояли: во-первых, в замене родов классами, образованными по размерам индивидуального богат-

¹ "Ἦν δὲ ἡ δαίμων, κατὰ τὰς τεύχας, ἀλλήτων ὑποπόβων, τεχτοῶν, βαρῶν, σκευοτόμων, σκευεῖψων, γυμνασίων, κεραιῶν.—Plutarch, Vit. Numa, XVII, 20.

[Разделение было по ремеслам на флейтистов, ювелиров, плотников, красильщиков, сапожников, кожевников, гончаров].

ства; во-вторых, в учреждении *comitia centuriata* в качестве нового народного собрания, вместо *comitia curiata*, собрания родов, с передачей существенных прав: последних первым, и, в-третьих, в создании четырех городских округов, имеющих характер общин, окруженных определенными границами и межами и получивших свойственные территориальным участкам названия; жители каждого округа обязаны были занести в его списки свои имена и зарегистрировать имущество.

Подражая Солону, с планом управления которого он был, несомненно, знаком, Сервий разделил народ на пять классов, по стоимости имущества, вследствие чего самые богатые люди из различных родов объединились в один класс¹. Каждый класс был подразделен затем на центурии, число которых было определено произвольно, независимо от числа лиц, входивших фактически в каждый класс, при чем каждая центурия имела один голос в комициях. Таким образом степень политического влияния каждого отдельного класса определялась числом данных ему центурий. Так, первый класс состоял из восьмидесяти центурий и имел восемьдесят голосов в *comitia centuriata*; второй класс — из двадцати центурий, к которым были присоединены две центурии ремесленников, имея двадцать два голоса; третий класс — из двадцати центурий с двадцатью голосами; четвертый класс — из двадцати, к которым были присоединены две центурии глашатаев и трубачей, с двадцатью двумя голосами; наконец, пятый класс состоял из тридцати центурий, имея тридцать голосов. Сверх того, сословие всадников состояло из восемнадцати центурий, имея восемнадцать голосов. Дионисий прибавляет еще шестой класс, состоявший из одной центурии с одним голосом. Он был образован из лиц, не имевших имущества совершенно, либо имевших его меньше, чем требовалось для допущения в пятый класс. Эти лица не платили податей и не несли военной службы². Общее число центурий в шести классах вместе с всадниками составляло, по Дионисию, сто девяносто три³. Ливий, согласуясь с Дионисием относительно числа регулярных центурий в пяти классах, расходится с ним относительно шестого класса, который он исключает, соединяя его членов в одну центурию с одним голосом и включая или прибавляя эту центурию к пятому классу. Вместе с тем у него трубачи состоят из трех центурий, а не двух, и общее число центурий на одну больше, чем у Дионисия⁴. Цицерон говорит, что девяносто шесть центурий составляли меньшинство⁵, что одинаково верно для каждого из этих двух показаний. Центурии каждого класса делились на старших и младших, при чем старшие центурии состояли из лиц старше пятидесяти лет и несли обязанность охранять город; младшие центурии состояли из лиц в возрасте от семнадцати до пятидесяти лет и несли военную службу вне города⁶. Каждый класс имел особое установленное для него вооружение⁷.

Из сказанного явствует, что управление, поскольку на него могло влиять народное собрание, было отдано в руки первого класса и всадников. Они имели вместе девяносто восемь голосов, т. е. большинство. Каждая центурия приходила к соглашению относительно своего голоса отдельно, собравшись в *comitia centuriata*, точно так же как это обычно делали курии в *comitia curiata*. При подаче голосов по какому-либо общественному вопросу сперва вызывались всадники, а затем первый класс⁸. Если их мнения совпадали, то этим решался весь вопрос, и остальные центурии вовсе не приглашались к подаче голосов; если же они

¹ Имущественным цензом первого класса было 100 000 ассов, второго—75 000, третьего—50 000, четвертого—25 000 и пятого 11 000 ассов.—Livius, I, 43.

² Dionysius, IV, 20.

³ Ib., IV, 16, 17, 18.

⁴ Livius, I, 43.

⁵ De Rep., II, 20.

⁶ Dionysius, IV, 16.

⁷ Livius, I, 43.

⁸ Ib., I 43 Однако Дионисий включает всадников в первый класс и говорит, что этот класс вызывался первым.—Dionysius, IV, 20.

были не согласны между собой, то вызывался второй класс и так далее до последнего, если большинство не образовывалось раньше.

Полномочия, выполнявшиеся раньше *comitia curiata* и перешедшие теперь к *comitia centuriata*, были в последующее время расширены, в некоторых незначительных частностях. Комиции избирали всех должностных и правительственных лиц из числа кандидатов, предложенных сенатом; они принимали или отвергали представленные сенатом законопроекты; ни одно постановление не получало силы закона без их санкции; они отменяли по предложению сената существующие законы, если считали это нужным; и точно так же по представлению сената объявляли войну. Но мир заключал сенат, не спрашивая согласия собрания. По всем делам, влекущим за собой смертный приговор, можно было апеллировать к этому собранию как к высшему судебному месту в государстве. Эти права были существенны, но ограничены, так как контроль над государственными финансами был исключен. Между тем большинство голосов было отдано первому классу, в том числе и всадникам, который, надо полагать, обнимал большинство патрициев и самых богатых граждан. Власть принадлежала собственности, а не большинству. Однако с течением времени им удалось создать ряд законов, которые обеспечили всем равную охрану прав и таким образом ослабили наиболее вредные последствия неравенства, созданного новой системой.

Собрания комиций происходили на Марсовом поле ежегодно для избрания должностных лиц, равно и в другое время, когда этого требовали общественные нужды. Народ собирался по центуриям и классам со своими офицерами, организованный как армия (*exercitus*), так как центурии и классы должны были служить всем целям как военной, так и гражданской организации. На первом смотре при Сервии Туллии на Марсовом поле собралось восемьдесят тысяч вооруженных граждан-воинов, каждый в своей центурии, каждая центурия — в своем классе, и каждый класс отдельно¹. Каждый член центурии был теперь римским гражданином, что было самым важным результатом новой политической системы. При республике право созывать комиции имели консулы, а в их отсутствие — претор; председательствовал тот, кто созывал собрание.

Такое управление кажется нам, в свете наших современных знаний, примитивным и грубым; но, несмотря на свои недостатки и нелиберальность, оно было значительным достижением по сравнению с предшествовавшим родовым управлением. При нем Рим стал властелином мира. Собственность, которая приобрела теперь преобладающее значение, определяла характер этого строя. Выдающееся место заняла аристократия, которая и воспользовалась благоприятными обстоятельствами, чтобы в значительной мере отнять государственную власть из рук народа и передать ее имущим классам. Это было движение, противоположное естественному направлению унаследованных от родов демократических принципов. Против новых элементов аристократии и привилегий, введенных теперь в римские государственные учреждения, римские плебеи боролись в течение всего периода республики, по временам, с некоторым успехом. Но патрицианское достоинство и принадлежащее высшим классам имущество были гораздо могущественнее мудрых и возвышенных идей равенства прав и привилегий, представителями каковых идей были плебеи. Даже тогда для римского общества было слишком тяжелым бременем нести на своих плечах привилегированный класс.

Цицерон, патриот и благородный римлянин, одобрял и восхвалял это разделение народа на классы, благодаря чему решающее влияние в управлении получило меньшинство граждан. «После того, — говорит он, — как Сервий Туллий назначил из общей массы народа значительное число всадников, он разделил остальных на пять классов, отделив старших и младших, и организовал классы так, что право голоса попало не в руки массы, а в руки имущих, стараясь ввести у нас такой порядок, каким он должен быть в каждом государстве, чтобы боль-

¹ Livius, I, 44. Дионисий определяет число вооруженных граждан в 84 700.—IV, 22.

шинство не имело и большего значения»¹. В свете опыта протекших с тех пор двух тысяч лет можно понять, что неравенство привилегий и отсутствие права самоуправления создали и развили ту массу невежества и порока, которая в конечном счете погубила как государство, так и народ. Человеческая раса постепенно усваивает простую истину, что народ в целом лучше умеет обеспечить общественное благо, чем какой-либо привилегированный класс, хотя бы даже он состоял из самых образованных и развитых людей, какие только когда-либо существовали или будут существовать. Управление наиболее развитых обществ находится еще в переходной стадии, и, как справедливо указал президент Грант в свей последней вступительной речи, оно естественно и логически движется в направлении демократии, той формы самоуправления, которая представляет и выражает средний уровень ума и добродетели свободного и просвещенного народа.

Имущественные классы послужили полезной цели уничтожения родов как основы системы управления путем передачи их прав другой корпорации. Главной целью законодательства Сервия было, очевидно, освободиться от родов, бывших замкнутыми корпорациями, и дать новому строю базу, достаточно широкую, чтобы включить всех жителей Рима, кроме рабов. Можно было ожидать, что после того, как классы выполнили эту задачу, они прекратят свое существование, как это случилось в Афинах, и что городские округа и сельские общины с их жителями, организованными в политические единицы, сделаются основой новой политической системы, как это логически должно было произойти. Но такому исходу препятствовала городская организация Рима. Она заняла с самого начала и удерживала до конца центральное положение в управлении, при чем все остальные области оказались в подчиненном к нему положении. Мы имеем здесь аномалию большого центрального городского управления, которое фактически распространилось сперва на Италию, а в конце концов на все завоеванные провинции трех континентов. Пять классов продолжали существовать с некоторыми изменениями порядка подачи голосов до конца республики. Создание нового народного собрания вместо старого обнаруживает радикальный характер преобразования Сервия. Эти классы никогда не приобрели бы жизненной силы без вновь образованного собрания, наделившего их политической властью. С возрастанием богатства и населения в значительной мере возросли обязанности и ответственность этого собрания. Очевидно, в намерение Сервия Туллия входило уничтожить *comitia curiata*, а с ними и власть родов.

Говорят, что этот законодатель учредил *comitia tributa*, особые собрания каждого локального племени или округа, главные обязанности которых заключались в раскладке и взимании податей и поставке военных континентов. Впоследствии эти собрания избирали народных трибунов. Городской округ был естественной единицей римской политической системы и должен был бы сделаться центром местного самоуправления, если бы римский народ пожелал создать демократическое государство. Но сенат и имущественные классы препятствовали с самого начала тому, чтобы Рим избрал этот путь.

Одним из первых приписываемых Сервию актов было учреждение ценза. Ливий считает ценз самой полезной мерой для государства, которому предстояло достигнуть такого величия; благодаря цензу тяготы мирного и военного времени выполнялись не индивидуально, как прежде, но сообразно размерам личного богатства². Каждый человек должен был приписаться к городскому округу по месту своего жительства и указать размер своего имущества. Это происходило в присутствии цензора, и заполненные списки послужили основанием для образования классов³. Это сопровождалось весьма замечательным для

¹ Cicero, De Rep., II, 20.

² Censum enim instituit, rem saluberrimam tanto futuro imperio: ex quo belli pacisque munia non viritum, ut ante, sed pro habitu pecuniarum fierent.—Livius, I, 42.

³ Dionysius, IV, 15.

того времени актом — созданием четырех городских округов с определенными границами и особыми названиями. Это произошло раньше учреждения Клизфеном аттического дема, но по своему отношению к управлению обе эти формы были совершенно различными учреждениями. Аттический дем, как мы видели, был организован в качестве политической единицы с подобной же регистрацией граждан и их имущества, имеющей сверх того полное местное самоуправление, с выборной магистратурой, судом и жречеством. С другой стороны, римский городской округ был географической областью с зарегистрированными гражданами и их имуществом, местной организацией, трибуном и другими выборными должностными лицами и своим собранием. В некоторых ограниченных случаях государство имело дело с жителями городского округа на основе их территориальных отношений. Но управление округом не обладало солидными атрибутами аттического дема. Это было скорее копией предшествующей афинской навкратрии, послужившей, вероятно, образцом, подобно тому как солоновские классы были образцом сервианских. Дионисий говорит, что Сервий Туллий, окружив семь холмов одной стеной, разделил город на четыре части и дал каждой название одного из холмов: первой — Палатина, второй — Субурра, третьей — Коллина и четвертой — Эсквилина; таким образом город, состоявший раньше из трех частей, был разделен на четыре части; вместе с тем он приказал жителям, обитавшим в этих четырех округах на правах поселян, не переселяться в другие места и не платить в других местах податей, не записываться в солдаты и не вносить на военные и другие цели никаких налогов, которые каждый должен был нести для общего блага. Отныне все это должно было производиться не в трех родственных (*οὐλὰς τὰς γειτῖαι*), а в четырех локальных племенах (*φυλὰς τὰς τοπικὰς*), которые были им образованы; он назначил для каждого племени начальника, филарха или комарха, которым он приказал переписать всех жителей в каждом доме¹. Моммсен указывает, что «каждый из этих четырех призывных округов поставлял четвертую часть как всего войска, так и каждой отдельной части войска, так что в каждом легионе и каждой центурии числилось одинаковое число призванных из каждого округа. Целью такой организации, очевидно, было уничтожить все различия родового и местного характера в одном общем ополчении и путем могущественного нивелирующего влияния военного духа слить метэков и граждан в один народ»².

Подобным же образом лежавшая вокруг Рима и подчиненная ему страна была организована в общины (*tribus rusticae*), число которых одни авторы определяют в двадцать семь, другие — в тридцать один; это дает всего, вместе с четырьмя городскими округами, в первом случае тридцать, во втором — тридцать пять округов³. Их общее число никогда не было более тридцати пяти. Эти общины не достигли самостоятельности в смысле участия в государственном управлении.

При Сервии управление получило наконец ту форму, которую оно сохраняло все время существования республики, при чем консулы заняли место прежних военачальников. Оно не было основано исключительно на территории, подобно афинскому или современному управлению, которое, начиная с общины или округа как единицы организации, восходит к кантону или провинции и далее к государству, при чем каждая часть имеет свою организацию и облечена функциями управления в качестве составной части целого. В римском государстве центральное управление затмевало и атрофировало его части. Оно основывалось не столько на территории, сколько на собственности, которая сделалась решающим элементом, как это видно из перехода власти к высшим имущим классам. Тем не менее управление имело территориальные основания, поскольку

¹ Dionysius, IV, 14.

² History of Rome, I, c., Scribner's ed. I, 136.

³ Dionysius, IV, 15. Нибур приводит названия шестнадцати сельских общин, а именно Эмилия, Камилля, Клузуния, Корнелия, Фабия, Галерия, Горация, Лемония, Меневия, Палерия, Ромилия, Сергия, Ветурия, Клавдия.—History of Rome, I, 320, примечание.

Оно признавало и использовало территориальные подразделения для определения гражданства, а равно и для финансовых и военных целей, когда граждане выступали в своих территориальных отношениях.

Римляне вышли теперь окончательно из родового общества и достигли второго великого плана управления, основанного на территории и собственности. Они оставили позади себя гентилизм и варварство и вступили на путь цивилизации. Отныне главной целью власти сделались создание и охрана собственности вместе с завоеванием и подчинением отдаленных племен и наций. Эта великая смена учреждений, создавшая политическое общество в противоположность родовому, сводилась просто к введению новых элементов территории и собственности, ставших теперь силой, тогда как до того они были лишь влиянием. Если бы городские и сельские общины пользовались полным самоуправлением, а сенат избирался этими местными избирательными корпорациями без разделения на классы, то образованное таким образом управление было бы демократией, подобно афинской, так как эти общины сформировали бы государство по своему образу и подобию. Сенат, наделявший своих членов наследственным званием, и собственность, получившая решающее значение для права голоса в народном собрании, дали перевес тенденциям, противоположным демократическим учреждениям, и породили смешанное, полуаристократическое, полудемократическое правление, которое неминуемо должно создать постоянную вражду между двумя классами граждан, преднамеренно и без всякой надобности созданными законодательством. Ясно, я полагаю, что народ был обманут законодательством Сервия: он получил управление, которое большинство бы отвергло, если бы полностью осознало его вероятные результаты. Это подтверждается демократическими принципами родов, которые, несмотря на свою замкнутость по отношению ко всем лицам, к ним не принадлежавшим, проводили у себя эти принципы полностью. Свободный дух и свободные учреждения родов выступают так ярко, что выставленное в другом месте положение о несовместимости гентилизма с монархией оказывается неоспоримым.

Римская форма правления в целом представляет собою аномалию. Одной из главных причин этого было поглощающее влияние римской городской общины, ставшей центром государства в его системе управления. Первоначальная организация народа в единую армию, проникнутую военным духом, создала ту скрепляющую силу, которая сохраняла республику, а позднее империю. Выборный сенат с пожизненным членством и широкими правами; личное звание, переходившее на детей и потомство; выборная магистратура, соответствующая потребностям центральной метрополии; разделенное на имущественные классы с неодинаковыми правами голоса народное собрание, обладавшее правом утверждения или отклонения всех законов, и, наконец, превосходная военная организация, — все это делает римское государство единственным в своем роде в истории человечества. Оно было неестественно, нелогично, почти чудовищно, но вместе с тем способно на великие деяния благодаря своему военному духу, а также благодаря организаторскому и административному таланту римлян. Противоречия его строя были созданы коварством состоятельных классов, которые под видом защиты прав и интересов всех в действительности стремились захватить всю власть.

Когда новая политическая система утвердилась, старая система исчезла не сразу. Функции сената и военачальника сохранялись попрежнему, но имущественные классы заняли место родов и собрание классов — место собрания родов. Как ни радикален был этот переворот, он ограничился главным образом только этими мероприятиями и совершился без столкновений и насилий. Старому собранию (*comitia curiata*) было позволено сохранить часть своих прав, благодаря чему еще надолго сохранилась организация в роды, курии и племена. Комиции все еще передавали *imperium* высшим должностным лицам после их избрания, хотя это с течением времени стало простой формальностью; они посвящали в сан некоторых жрецов и имели надзор за религиозными отправлениями.

ниями курий. Такое положение вещей сохранялось до первой пунической войны, после которой *comitia curiata* утратили свое значение и вскоре были преданы забвению. Как народное собрание, так и курии были скорее вытеснены, чем упразднены, и умерли от истощения; но роды держались еще долго в эпоху империи не в качестве организации, так как и она со временем умерла, но в качестве родословной и счета происхождения. Так, медленно, но неуклонно совершился переход от родового общества к политическому, и второй великий план управления человечеством занял у римлян место первого, господствовавшего с незапамятных времен.

После неизмеримо долгого существования, восходящего еще к эпохе, предшествовавшей разделению различных ветвей арийцев, родовая организация, унаследованная латинскими племенами от их отдаленных предков, прекратила наконец у римлян свое существование, уступая требованиям цивилизации. Она господствовала над обществом в течение всех этнических периодов, заполнявших этот длинный промежуток времени, пока не приобрела путем опыта всех элементов цивилизации, управление которыми оказалось ей в конце концов не под силу. Человечество обязано благодарностью своим диким предкам за то, что они изобрели учреждение, которое смогло провести передовую часть человеческой расы из дикости к варварству и через последовательные стадии варварства к цивилизации. Одновременно путем опыта развивался ум и накапливались знания, необходимые для изобретения политического общества, тогда как родовая организация продолжала еще существовать. Она занимает первое место в великой табели человеческого прогресса, не уступая никакому другому учреждению по своему значению, своим достижениям и своей истории. Как план управления, родовая организация оказалась несоответствующей потребностям цивилизованного человека, но не следует забывать, что в ней развились, начиная с зародыша, важнейшие общественные учреждения современных цивилизованных государств; в том числе, как уже было указано, из древнего совета вождей произошел современный сенат; из древнего народного собрания — современное представительное собрание, образующее вместе с сенатом современный законодательный корпус; из древнего высшего военачальника произошел современный глава государства, феодальный или конституционный король, император или президент, при чем последний является наиболее естественным и логическим результатом развития; из древнего *custos urbis* развились косвенным путем римский претор и современный судья. Равенство прав и привилегий, личная свобода и основные принципы демократии унаследованы также от родов. Когда собственность достигла больших размеров и ее влияние и власть стали ощутительными в обществе, возникло рабство, учреждение, грубо нарушающее все демократические принципы; однако оно поддерживалось эгоистичным и ложным взглядом, что лицо, превращенное в раба, было чуждой крови и пленным неприятелем. Вместе с собственностью развился постепенно и принцип аристократии, стремившийся создать привилегированные классы. Элемент собственности, который в сравнительно короткий период цивилизации стал в значительной степени господствовать в обществе, дал человечеству деспотизм, цезаризм, монархию, привилегированные классы и, наконец, представительную демократию. Он сделал приобретение собственности главной задачей цивилизованных наций. Но когда человеческий ум поднимается до высоты великого вопроса об абстрактном праве собственности, — включая сюда как отношение собственности к государству, так и право отдельного лица на собственность, — то можно ожидать изменения современного порядка вещей. Определить сущность предстоящих изменений невозможно; по всей вероятности, демократии, бывшей некогда в своей зачаточной форме универсальной, подавленной ныне во многих цивилизованных государствах, суждено вновь стать универсальной и господствующей.

Американец, воспитанный в принципах демократии, глубоко проникнутый теми великими идеями, которые признали свободу, равенство и братство человечества, может смело высказывать свое предпочтение свободе и самоуправле-

нию. В то же самое время и каждому другому человеку должно быть предоставлено право признавать и одобрять ту государственную форму, которая отвечает его склонностям, будь то цезаризм или абсолютизм.

Глава четырнадцатая

ПЕРЕХОД СЧЕТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЗ ЖЕНСКОЙ ЛИНИИ В МУЖСКУЮ

Как этот переход мог произойти. — Мотивом его было наследование имущества. — Счет происхождения по женской линии у лийцев. — Критян. — Этрусков. — Вероятно, у афинян во времена Кекропса. — Сто семейств локров. — Свидетельство брачных отношений. — Туранская система родства у греческих племен. — Предание о Данаидах.

Остается исследовать важный вопрос, а именно, существуют ли доказательства того, что у греческих и латинских племен происхождение считалось в древности по женской линии. Теоретически так должно было быть в некую отдаленную эпоху у их отдаленнейших предков; нам однако нет необходимости решать этот вопрос только теоретически. Поскольку переход к счету происхождения по мужской линии приводил к почти полному изменению состава рода, необходимо выяснить, каким образом это могло произойти. Более того, мы покажем, насколько возможно, что, по мере того как общество выросло из того состояния, при котором возник счет происхождения по женской линии, должна была, несомненно, возникнуть соответствующая причина, потребовавшая изменения этого порядка. Наконец, мы приведем доказательства существования в древности у греков и римлян счета происхождения по женской линии.

Род в архаическом периоде состоял, как мы видели, из предполагаемой родоначальницы и ее детей вместе с детьми ее дочерей и ее женских потомков по женской линии до бесконечности. Дети ее сыновей и ее мужских потомков по мужской линии исключались из рода. Напротив, при счете происхождения по мужской линии род состоял из предполагаемого родоначальника и его детей вместе с детьми его сыновей и его мужских потомков по мужской линии до бесконечности. Дети его дочерей и его женских потомков по женской линии исключались. Не входившие в род в первом случае были членами рода во втором, и наоборот. В таком случае возникает вопрос, как мог счет происхождения перейти из женской линии в мужскую, не разрушая рода?

Переход этот совершился просто и естественно, если побудительная причина была значительна, настоятельна и повелительна. Если это произошло в определенное время и преднамеренно, то необходимо было только прийти к соглашению, что все наличные члены рода должны остаться его членами, но в будущем должны оставаться в нем и носить родовое имя только дети, отцы которых принадлежат к роду, тогда как дети его членов женского пола должны быть исключены. Этим не уничтожились и не изменились существующие родственные отношения наличных членов рода; но отныне в роде должны были оставаться дети, которые раньше исключались, а исключаться те, которые раньше оставались в нем. Какой бы трудной эта проблема ни казалась, разрешение ее облегчалось давлением побудительной причины, и на протяжении нескольких поколений такой переход мог бы полностью завершиться. У американских туземцев мы имеем в ряде случаев фактически совершившийся переход счета происхождения из женской линии в мужскую. Так, у оджибве происхождение считается теперь по мужской линии, тогда как у их родичей, делаваров и мохеганов, счет ведется и сейчас по женской линии. Нет сомнения, что первоначально происхождение считалось по женской линии во всем алгонкинском стволе.

Поскольку счет происхождения по женской линии является архаическим и более согласуется с ранним состоянием древнего общества, чем счет по мужской линии, вероятность говорит за то, что в древности он господствовал у греческих и латинских родов. Более того, в тех случаях, когда мы открыли и удостоверили

наличие архаической формы какой-либо унаследованной от прошлого организации, невозможно себе представить, что она возникла в своей позднейшей более развитой форме.

Принимая, что у греческих и латинских родов счет происхождения перешел из женской в мужскую линию, следует считать, что это должно было произойти задолго до исторического периода. История их на средней ступени варварства совершенно утрачена, за исключением того, что в известной мере сохранилось в их производствах, учреждениях и изобретениях, а равно и в элементах развития их языка. От высшей ступени варварства, сверх того, сохранились предания и гомеровские поэмы, знакомящие нас с опытом и уровнем прогресса того времени. Но, судя, по тому состоянию, которое рисуется этими преданиями, кажется вероятным, что счет по женской линии не вполне исчез, по крайней мере, у пеласгических и греческих племен, когда они вступили на высшую ступень варварства.

Когда в греческих и латинских родах происхождение считалось по женской линии, род обладал, в числе прочих, следующими характерными чертами: 1) Брак в пределах рода был запрещен, вследствие чего дети не принадлежали к роду того, кто считался их отцом. 2) Имущество и должность вождя наследовались в роде, вследствие чего дети исключались из наследования имущества или должности того, кто считался их отцом. Такое положение должно было сохраняться до тех пор, пока не явилась побудительная причина, достаточно всеобщая и настоятельная, чтобы заставить осознать несправедливость этого исключения перед лицом изменившихся условий.

Естественным выходом из положения был переход счета происхождения из женской линии в мужскую. Чтобы осуществить это изменение, требовалось только наличие соответствующего мотива. После того как стали разводиться в стадах домашние животные, сделавшиеся тем самым источником средств существования, равно как и объектом личной собственности, и после того как земледелие привело к частной собственности на дома и землю, должен был возникнуть протест против господствовавшего порядка родового наследования, поскольку этот порядок исключал из числа наследников детей собственника, чье отцовство становилось более достоверным, и отдавал его имущество его сородичам. Борьба за новый порядок наследования, в которой участвовали как отцы, так и дети, должна была дать достаточно сильную побудительную причину этого изменения. После того как собственность начала накапливаться в больших количествах и стала принимать постоянные формы и после того как увеличились размеры собственности, находившейся в индивидуальном обладании, стал неизбежен переход счета происхождения из женской линии в мужскую. Такое изменение сохраняло наследство в роде попрежнему, но переводило детей в род их отца и ставило их во главе агнатических родных. По всей вероятности, вначале они должны были делить наследство с остальными агнатами; однако распространение принципа, по которому агнаты устранялись от наследования остальных родичей, должно было с течением времени привести к отстранению агнатов и исключительному праву наследования детей. Сверх того, отныне сын получал право наследовать должность своего отца.

Такой вид приняло право наследования в афинском роде в эпоху Солона или вскоре после того. Имущество переходило в равных долях к сыновьям, которые были обязаны содержать дочерей и выдавать им их долю при выходе замуж; за отсутствием сыновей наследовали дочери в равных долях. Если детей вовсе не было, наследство переходило к агнатическим родным, а если таковых не было, то к родичам. Римский закон двенадцати таблиц содержал по существу те же положения.

Весьма вероятно, далее, что с переходом к счету происхождения по мужской линии или еще раньше животные названия родов исчезли и сменились личными именами. С прогрессом общества, с увеличением собственности и переходом ее в частное обладание должно было все более утвердиться значение лич-

ности; это привело к тому, что роды стали называться по какому-нибудь предку-герою. Хотя время от времени путем сегментации образовывались новые роды и в то же время другие вымирали, родословная рода восходила назад на сотни, если не на тысячи лет. После того как произошло изменение в наименовании рода, предок-эпоним должен был сделаться личностью, через значительные промежутки времени меняющейся; какая-нибудь другая личность, выделившаяся в позднейшей истории рода, занимала место старого эпонима, воспоминание о котором затуманивалось и исчезало во мраке прошедшего. Что наиболее знаменитые греческие роды меняли свои имена и что это изменение проходило безболезненно, видно из того, что роды сохраняли имя матери своего родоначальника и приписывали его рождение ее связи с каким-нибудь богом. Так, Эвмольп, предок-эпоним аттических Эвмольпидов, был якобы сыном Нептуна и Хионы; однако греческий род был древнее представления о Нептуне.

Возвращаясь к основному вопросу, мы должны сказать, что отсутствие прямых доказательств существования в древности счета происхождения по женской линии у латинских и греческих родов не устраняет предположения в пользу этого; но случилось так, что эта форма сохранилась у некоторых племен, находящихся в близком родстве с греками, при чем следы ее обнаруживаются у ряда греческих племен.

Пытливый и наблюдательный Геродот нашел одну нацию, а именно ликийцев, пеласгическую по происхождению, но греческую в силу исторических связей, у которой в его время (440 год до н. э.) происхождение считалось по женской линии. Указав, что ликийцы вышли из Крита, и приведя некоторые подробности их переселения в Ликию при Сарпедоне, он продолжает: «Обычай их частью критские, частью карийские. Но у них есть один странный обычай, которым они отличаются от всех наций мира. Спроси ликийца, кто он, и он назовет в ответ свое собственное имя, имя своей матери и так далее по женской линии. Более того, если свободная женщина выйдет замуж за раба, то ее дети будут свободными гражданами; но если свободный женится на чужестранке или станет жить с наложницей, то, будь он даже первым лицом в государстве, его дети утратят все права гражданства». ¹ Из этого обстоятельного показания прямо следует, что ликийцы были организованы в роды, что брак в пределах рода был запрещен и что дети принадлежали к роду своей матери. Мы имеем здесь отчетливый образец рода в его архаической форме, а равно определенные указания на последствия брака ликийца с чужестранкой и ликийки с рабом ². Аборигенами Крита были пеласгические, эллинские и семитические племена, жившие каждое отдельно. Минос, брат Сарпедона, считается обыкновенно главой пелазгов на Крите; но ликийцы были уже во время Геродота эллинизированы и выдавались по своему развитию среди азиатских греков. Изолированное положение их предков на острове Крите до переселения в Ликию в легендарном периоде может служить объяснением того, что они сохранили счет происхождения по женской линии до столь позднего времени.

У этрусков господствовал тот же порядок счета происхождения. «Замечательно, — говорит Крамер, — что два свойственных этрускам обычая, о которых мы узнаем по их памятникам, Геродот считал характерными чертами ликийцев и кавнийцев Малой Азии. Первый состоит в том, что этруски постоянно обозначали свое родство и фамилию по своей матери, а не по отцу; второй — что они допускали своих жен на свои празднества и пиры» ³.

Курциус говорит о счете происхождения по женской линии у ликийцев, этрусков и критян следующее:

¹ Геродот, I, 173; перевод Раулинсона.

² Если сенека-ирокез женится на женщине из другого племени, то их дети считаются чужими; но если сенека-ирокезка выходит замуж за мужчину из другого племени или за оюндага, то их дети считаются ирокезами племени сенека и принадлежат к роду и фратрии своей матери. Женщина передает свою национальность и свой род детям, кто бы ни был их отцом.

³ Description of Ancient Italy, I, 153; цитируется Ланци, II, 314.

«Было бы ошибочно понимать этот порядок как знак уважения к женскому полу. Скорее он коренится в примитивном состоянии общества, когда моногамия утвердилась еще не настолько прочно, чтобы о происхождении с отцовской стороны можно было говорить уверенно. Соответственным образом данный порядок выходит далеко за пределы географического распространения ликийской народности. Он встречается даже до сегодняшнего дня в Индии; его существование может быть доказано у древних египтян; о нем упоминает Санхуниафон (стр. 16, изд. Orelli) с весьма произвольным объяснением причин его существования; помимо стран Востока, он встречается у этрусков, у критян, столь тесно связанных с ликийцами, называвших свое отечество «материнской землей», и у афинян, см. у Бахофена, и т. д. Таким образом, если Геродот считает данный порядок особенностью ликийцев, то это значит только, что у них он, вероятно, сохранился дольше, чем у всех родственных грекам народов, что подтверждается и ликийскими надписями. Итак, мы должны вообще считать употребление имени матери для обозначения происхождения пережитком неразвитого состояния общественной жизни и семейного права, каковой порядок при более организованном состоянии был оставлен и в позднейшей Греции уступил место общераспространенному порядку называть детей по отцу. Это различие порядков, чрезвычайно важное для истории древней цивилизации, было недавно исследовано Бахофеном в вышеназванном докладе»¹.

В своем обширном и основательном труде Бахофен собрал и исследовал доказательства женской власти (материнского права) и политического господства женщин (гинекократии) у ликийцев, критян, афинян, лемнов, египтян, орхоменов, локров, лесбийцев, маитинеев, а также у восточно-азиатских наций². Для полного объяснения изображенного Бахофеном состояния древнего общества необходимо признать источником данного явления род в его архаической форме. При таких условиях мать и ее дети принадлежали к одному и тому же роду, а в составе общинного домохозяйства, на основе рода, роду матери принадлежало преобладание. Семья, достигшая, вероятно, синдиасмической формы, была еще окружена пережитками брачной системы, принадлежавшей к еще более раннему состоянию. Такая семья, состоявшая из брачной пары с их детьми, должна была естественно искать пристанища вместе со своими родственными семьями в общинном домохозяйстве, в котором отдельные матери со своими детьми принадлежали к одному роду, а считавшиеся отцами этих детей — к другим родам. Общинное землевладение и коллективная обработка земли должны были привести к общинным домам и коммунизму домашней жизни. Таким образом оказывается, что гинекократия предполагает существование счета происхождения по женской линии. Когда таким образом укрепилось положение женщин в больших домохозяйствах с общими запасами, где их род занимал преобладающее по своей численности положение, то должны были сложиться те явления материнского права и гинекократии, которые Бахофен открыл и проследил, пользуясь стрывками истории и преданий. Я указывал уже в другом месте, какое неблагоприятное для женщины положение создали переход счета происхождения из женской линии в мужскую и возникновение моногамной семьи, уничтожившей

---

¹ History of Greece, Scribner and Armstrong's ed., Ward's Trans., I, 94, примечание. Этеокри-
тияне, героем которых был Минос, были, несомненно, пеласгами. Они занимали восточную часть
острова Крита. Сарпедон, брат Миноса, привел переселенцев в Ликию, откуда они вытеснили
солимов, вероятно, семитическое племя; однако ликийцы, как и многие другие пеласгические
племена, были эллинизированы до эпохи Геродота—обстоятельство весьма существенное в связи
с тем, что греческие и пеласгические племена произошли от одного общего ствола. В эпоху
Геродота ликийцы достигли такого же развития, как и европейские греки (Curtius, I, 93; Grote,
I, 224). Весьма вероятно, что счет происхождения по женской линии перешел к ним от их пелас-
гических предков.

² Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861.

общинный дом, поселившей в чисто родовом обществе жену и мать в индивидуальном доме и разлучившей ее с ее родичами¹.

Моногамия возникла у греческих племен, вероятно, только после того, как они достигли высшей ступени варварства, и в брачных отношениях в этом периоде еще, повидимому, не было устойчивости, в особенности у афинских племен. Бахофен говорит о них: «Итак, до Кекропса, как мы видели, дети знали только мать, а не отца: они были *unilaterales*. Не связанная с одним лишь мужчиной, женщина производила на свет только незаконнорожденных детей. Кекропс первый полсжил конец этому; он поставил на место незаконной связи полов исключительность брака, дал детям отца и мать и таким образом из *unilaterales* сделал их *bilaterales*»². То, что здесь названо незаконной связью полов, должно быть принято с оговорками. В такое сравнительно позднее время мы должны были ожидать встретить синдиасмическую семью, однако вместе с пережитками предшествующей брачной системы, происшедшей из группового брака. Пуналуальная семья, скорее всего соответствующая приведенному описанию, должна была однако исчезнуть до того, как афиняне достигли сказанного этнического периода. Этот вопрос будет исследован в связи с развитием семьи в следующих главах.

Существует интересное указание Полибия на сто семейств италийских локров. «Локры сами уверяли меня, — говорит он, — что их собственные предания более соответствуют рассказу Аристотеля, чем Тимея. Они ссылались на следующие доказательства. Первое, что вся родовитая знать ведет свое происхождение от женщин, а не от мужчин; например, только те принадлежат к числу знатных, кто ведет свое происхождение от ста семейств; эти семейства были у локров знатными еще до их переселения; это действительно были те самые семейства, из которых, по повелению оракула, были выбраны по жребию сто девушек, отосланных в Трою»³. Весьма возможно, что звание, о котором здесь идет речь, было связано с должностью вождя рода, каковое обстоятельство делало благородным то семейство в пределах рода, один из членов которого получал эту должность. Если это предположение правильно, то надо допустить и существование счета происхождения по женской линии как для членов рода, так и для должности. Должность вождя была наследственной в роде и, в древние времена, выборной из числа членов рода мужского пола; при счете по женской линии эта должность переходила обычно от брата к брату или от дяди к племяннику. Во всяком случае должность наследовалась по женской линии, право быть избранным зависело от того, к какому роду принадлежала мать, через которую данный кандидат был связан как с родом, так и с умершим вождем, чье место ему предстояло занять. Везде, где наследование должности или звания идет по женской линии, для объяснения этого необходимо существование счета происхождения по той же линии.

Доказательства того, что у греческих племен происхождение в древности считалось по женской линии, мы находим в отдельных примерах брака, относящихся к легендарному периоду. Сальмонея и Кретея были родными братьями, сыновьями Эола. Первый отдал свою дочь Тиро замуж за ее дядю. При счете по мужской линии Кретея и Тиро принадлежали бы к одному и тому же роду и поэтому не могли бы вступить в брак; напротив, при счете по женской линии они принадлежали к различным родам и, следовательно, не были в родстве. В этом случае их брак не нарушал родовых порядков. То обстоятельство, что мы имеем

¹ Бахофен, говоря о критском городе Ликтосе, замечает, что этот город считался лакедонской колонией, родственной афинянам. И то и другое было только с материнской стороны, так как только матери были спартанками; афинское же родство восходит к тем афинянкам, которых будто бы похитили с мыса Браурон тирренские пеласги*. — *Das Mutterrecht*, гл. 13, стр. 31. При счете происхождения по мужской линии женская родословная должна была оставаться без внимания; напротив, при счете происхождения по женской линии колонисты должны были вести свое происхождение только через женщин.

² *Das Mutterrecht*, гл. 38, стр. 73.

³ Полибий, XII, отрывок второй; перев. Хэмптона, III, 242.

дело с личностями мифическими, не существенно, ибо и легенда должна учитывать родовые порядки. Этот брак объясним при счете происхождения по женской линии, а это, в свою очередь, говорит за то, что такой порядок либо еще существовал в то время, либо допускался древними, еще не совсем исчезнувшими обычаями.

То же самое обнаруживается и из примеров браков, заключавшихся уже в исторический период; повидимому, древний обычай пережил переход счета происхождения из женской линии в мужскую, хотя этим нарушались родовые обязанности брачующихся. После Солона брат мог жениться на своей сводной сестре, если они были от разных матерей, но не наоборот. При счете по женской линии они принадлежали бы к разным родам и не были бы, следовательно, в родстве. Их брак не нарушал бы родовых обязанностей. Между тем, при счете происхождения по мужской линии, каковой фактически существовал в то время, к которому относятся данные случаи, они принадлежали к одному роду, и, следовательно, такой брак был запрещен. Кимон женился на своей сводной сестре Эльпинике; оба они были от одного отца, но от разных матерей. В «Эвбулиде» Демосфена мы встречаемся с подобным же случаем. «Мой дед,—говорит Эвкситий,— женился на своей сестре, так как она не происходила от одной с ним матери»¹. Подобные браки, против которых афиняне выказывали сильное предубеждение уже в эпоху Солона, объяснимы только как пережиток древнего брачного обычая, существовавшего в то время, когда происхождение считалось по женской линии, и еще не совсем исчезнувшего в эпоху Демосфена.

Счет происхождения по женской линии предполагает существование рода, который дает возможность различать происхождение. На основании того, что мы знаем теперь о древнем и современном распространении родовой организации на пяти континентах, в том числе австралийском, а равно об архаической структуре рода, мы можем ожидать, что следы счета происхождения по женской линии встретятся в преданиях, если не в порядках, сохранившихся до исторического времени. Поэтому нельзя думать, что ликийцы, критяне, афиняне и локры, если только имеются основания отнести сюда последние два народа, изобрели столь достопримечательный порядок, как счет происхождения по женской линии. Предположим, что это был древний закон латинских, греческих и других греко-италийских родов, является наиболее разумным и удовлетворительным объяснением данных явлений. Влияние собственности и стремление передать ее детям были достаточно сильными мотивами для перехода к счету происхождения по мужской линии.

Что брак вне рода был у афинян правилом как до, так и после Солона, можно заключить из обычая записывать женщину с ее выходом замуж во фратрию мужа, а детей, как дочерей, так и сыновей, в род и фратрию отца². Основным принципом, на котором покоился род, было запрещение брака между членами рода как кровными родственниками. Число членов отдельного рода было не велико. Если мы примем число зарегистрированных при Солоне афинян в шестьдесят тысяч и разделим это число поровну на триста шестьдесят аттических родов, то на каждый род придется всего сто шестьдесят человек. Род был большой семьей родственных лиц, имеющих общие религиозные обряды, общее кладбище и обычно владеющих землей коллективно. В силу принципа, на котором род был построен, брак между его членами был запрещен. С переходом счета происхождения в мужскую линию, с возникновением моногамии и исключительного права детей на наследство, вместе с появлением наследии постепенно подготовлялся путь для свободного брака, независимо от рода, но с запрещением, ограничивающимся определенными степенями близкого кровного

¹ ἀδελφῆν γὰρ ὁ πατὴρ οὐκ εἴηεν οὐκ ὁμομητρῆν.—Демосфен, „Против Эвбулида“, 20.

² Демосфен, „Эвбулид“, 24. В его время регистрация производилась в деме; но из нее можно было видеть, кто были фраторами, кровными родственниками, демотами и геннетами зарегистрированного лица; как говорит Эвкситий, λέγω φράτερα, συγγένας, ἀδελφούς, γυνήτας; см. также: Hegmann's Polit. Antiq. of Greece, § 100.

родства. Брак у человечества начал свое существование в групповой форме, при которой все мужчины и женщины группы, за исключением детей, были общими мужьями и женами; при этом, однако, мужчины и женщины принадлежали к различным родам; дальнейшее развитие привело к браку отдельных пар на принципе исключительности сожителства. В последующих главах мы попытаемся проследить различные формы брака и семьи от их первой стадии до последней.

Вместе с родом возникла и определенная система родства, которую мы в ее азиатской форме называем туранской, а в американской — ганованской; эта система распространяла запрещение брака до тех пределов, до которых распространяется на коллатеральных родство брата и сестры. Эта система господствует и сейчас у американских туземцев, в некоторых местностях Азии и Африки, а также в Австралии. Она, несомненно, господствовала у греческих и латинских племен в соответствующую отдаленную эпоху, и следы ее сохранялись до легендарного периода. Напомним одну из черт туранской системы, а именно: дети братьев — сами братья и сестры, и как таковые не могут вступать между собою в брак; дети сестер находятся в таком же родстве, и по отношению к ним действует то же запрещение. Это может служить объяснением знаменитого мифа о Данаидах, один из вариантов которого послужил Эсхилу сюжетом для его трагедии «Умоляющие». Читатель припоминает, что Данай и Эгипт были братьями и потомками Ио аргосской. У первого были от различных жен пятьдесят дочерей, а у последнего тоже от различных жен пятьдесят сыновей; в свое время сыновья Эгипта стали свататься к дочерям Даная. По системе родства, свойственной роду в его архаической форме и сохранявшейся до тех пор, пока она не была вытеснена системой, введенной моногамией, они были братьями и сестрами, почему не могли вступить между собой в брак. Если в то время происхождение считалось по мужской линии, дети Даная и Эгипта принадлежали бы к одному роду, что ставило их браку новое и столь же серьезное препятствие. Тем не менее сыновья Эгипта пытались пренебречь этим препятствием и принудить Данаид к браку; тогда последние убежали из Египта за море в Аргос, чтобы избежать союза, который они считали незаконным и кровосмесительным. В «Прометее» того же автора Прометей предсказывает это событие Ио, говоря, что в пятом поколении от ее будущего сына Эпафа пятьдесят девушек придут в Аргос не добровольно, а убегая от кровосмесительного брака с сыновьями Эгипта¹. Бегство Данаид в ужасе перед предполагавшимся браком находит свое объяснение в древней системе родства, независимо от родового права. Без такого объяснения это событие теряет смысл и уклонение Данаид от брака обращается в простое жеманство.

Трагедия «Умоляющие» основана на истории бегства Данаид за море в Аргос с требованием защиты у аргосских родственников от грозившего им насилия со стороны преследующих их сыновей Эгипта. В Аргосе Данаиды заявляют, что они покинули Египет не потому, что были приговорены к изгнанию, но потому, что убежали от мужчин одного с ними происхождения, исполненные отвращения к нечестивому браку с сыновьями Эгипта². Отвращение Данаид обусловлено исключительно фактом кровного родства, что вместе с тем предполагает существование запрещения подобных браков, которому они привыкли подчиняться. Заслушав на совете дело «умоляющих», аргосцы решили предоставить им защиту, что само по себе предполагает существование запрещения таких браков и основательность отвращения к ним. В то время когда писалась эта трагедия, афинский закон позволял и даже требовал заключения брака между детьми братьев в том случае, если налицо была девушка-наследница и сирота, хотя, по видимому, данный закон ограничивался этими исключительными случаями; поэтому такие браки не казались афинянам ни кровосмесительными, ни незаконными. Но предание о Данаидах дошло до них из весьма отдаленной древности,

¹ «Прометей», 853.

² ἀλλ' αὐτοῦγενεὶ φρονησὶα γαμῶν Αἰγύπτου Παίδων ἀσεβῆ τ' ὀνοταζόμεναι. — Эсхил, «Умоляющие», 9.

и весь его смысл основан на силе обычая, запрещающего такой брак. Все это предание вращается вокруг упорного отвращения Данаид к предполагаемому браку как запрещенному законом и обычаем. Никакой другой причины не выставлялось, да и не требовалось. В то же время поведение Данаид становится понятным только при предположении, что такой брак был тогда так же неупотребителен, как в настоящее время брак между братом и сестрой. Попытка сыновей Эгипта прорвать преграду, поставленную туранской системой родства, может датировать момент, когда эта система начала уступать место современной системе, которая пришла вместе с моногамией и которая должна была сменить родовые порядки и туранскую систему на запрещение брака в определенных ступенях родства.

Приведенные данные говорят за то, что у пеласгических, эллинских и италийских племен происхождение считалось по женской линии и что переход к счету по мужской линии совершился под влиянием собственности и наследования. Существовала ли раньше у этих племен туранская система родства или нет, читатель сможет судить тогда, когда эта система будет изложена вместе с доказательствами ее широкого распространения в древнем обществе.

Продолжительность легендарной эпохи у этих племен, конечно, не может быть исчислена годами и должна измеряться тысячелетиями. Эта эпоха началась, вероятно, до изобретения плавления железной руды, а если так, то она обнимает весь позднейший период варварства, захватывая его средний период. Уровень их развития в среднем периоде был, вероятно, по меньшей мере равен уровню развития ацтеков, майя и перуанцев, находившихся в эпоху их открытия на средней ступени варварства; состояние греческих племен в позднейшем периоде варварства должно было быть в неизмеримой степени выше состояния названных индейских племен. Данные о широком и разнообразном опыте этих европейских племен в течение двух названных великих этнических периодов, в продолжение которых они приобрели все недостающие им элементы цивилизации, совершенно утрачены, за исключением того, что несовершенным образом раскрывается в их преданиях, а полнее — в их производствах, обычаях, языке и учреждениях в том виде, как они представлены нам в поэмах Гомера. Империя и королевство были в эту эпоху, конечно, неизвестны; но организация в племена: небольшие нации, городская и сельская жизнь, рост и развитие производств, а равно физическое, умственное и нравственное усовершенствование были элементами этого прогресса. Утрата для науки событий этих великих периодов оказалась гораздо более серьезной, чем это можно себе представить.

Глава пятнадцатая

РОД У ДРУГИХ ПЛЕМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Шотландский клан. — Ирландский септ. — Германские племена. — Следы прежней родовой системы. — Род у южно-азиатских племен. — У племен северной Азии. — У племен Урала. — Сто семейств китайцев. — Еврейские племена, повидимому, состоявшие из родов и фратрий. — Род у африканских племен. — Род у австралийских племен. — Подразделения фиджийцев и рева. — Широкое распространение родовой организации.

После того как мы рассмотрели организацию в роды, фратрии и племена в их архаической и позднейшей форме, нам остается исследовать пределы ее распространения в среде человеческой семьи; это относится в особенности к роду, основе всей системы.

Кельтская ветвь арийской семьи сохранила родовую организацию в виде шотландского клана и ирландского септа до более позднего времени, чем какая-либо другая ветвь этой семьи, за исключением разве арийцев Индии. Шотландский клан в частности сохранял в горной Шотландии замечательную жизненную

силу еще в середине прошлого столетия. Это был по своей организации и своему духу превосходный образец рода и необычайно яркая иллюстрация влияния родовой жизни на его членов. Знаменитый автор «Веверлея» увековечил ряд выдающихся типов, сложившихся в лоне клановой жизни, запечатлев их характерные черты. Эван Дхю, Торкиль, Роб Рой и многие другие возникают в нашем представлении в качестве примеров влияния рода на образование человеческого характера. Если даже Вальтер Скотт преувеличил в некоторых отношениях особые черты этих типов, удовлетворяя требованиям романа, то все же они имели реальное основание. Несколькими столетиями раньше, когда клановая жизнь была крепче, а внешние влияния слабее, те же самые кланы, вероятно, вполне соответствовали этим картинам. В их расприх и кровавой мести, в расселении по родам, в коллективной обработке земли, в верности членов кланов своему вождю и друг другу мы находим обычные и постоянные черты родового общества. Вместе с тем, как она изображена Скоттом, это была более напряженная и воинственная родовая жизнь, чем та, которую мы находим у греков и римлян или по ту сторону океана, у американских туземцев. Существовала ли у шотландцев фратриальная организация — не ясно; но в некие более ранние времена как фратрия, так и племя несомненно у них существовали. Хорошо известно, что британское правительство было вынуждено сломить шотландские кланы как организации, чтобы подчинить население власти законов и порядков политического общества. Происхождение считалось по мужской линии, дети мужчин оставались членами клана, тогда как дети женщин принадлежали к кланам их отцов.

Минуем ирландский sept, phis или phaga албанцев, представляющие собой остатки прежней родовой организации, а равно следы подобной же организации в Далмации и Кроации; точно так же санскритский ganas, одно существование какового термина показывает, что эта ветвь арийской семьи обладала в прежнее время таким же учреждением. Общины вилланов во французских графствах прежнего времени, о которых говорит Генри Мэн в своей последней работе, могут считаться, как он указывает, остатками древних кельтских родов. «При таком объяснении, — говорит он, — не может быть сомнения, что эти общины не были добровольными товариществами, а в действительности были группами кровных родственников, организованными, однако, не по типу обыкновенной сельской общины, а чаще по типу домово́й общины, недавно исследованной в Далмации и Кроации. Каждая из этих групп представляла собой то, что индусы называют соединенной нераздельной семьей, соединение предполагаемых потомков обшего предка, сохранивших на протяжении нескольких поколений общий очаг и общие трапезы»¹.

Остановимся вкратце на вопросе, сохранились ли какие-либо следы родовой организации у германских племен, когда они впервые сделались объектом исторического наблюдения. Надо думать, что они унаследовали это учреждение, подобно другим арийским племенам, от общих предков арийской семьи. Когда с ними впервые познакомились римляне, они находились на высшей ступени варварства. Едва ли идея управления была у них более развита, чем у греческих и латинских племен, которые, когда стали известны, были значительно более развиты. Если германцы и дошли до несовершенного представления о государстве, основанном на территории и собственности, все же невероятно, чтобы они имели какое-либо понятие о втором великом плане управления, который из арийских племен первыми ввели афиняне. Состояние и образ жизни германских племен, как их описывают Цезарь и Тацит, приводят к заключению, что различные общества германцев были связаны личными отношениями, при чем территория играла незначительную роль, и что их управление проводилось через эти отношения. Гражданские вожди и военачальники получали и владели своими должностями на выборном основании, образуя совет, бывший главным органом управления. Менее важные дела, говорит Тацит, обсуждают вожди, более важные — вся об-

¹ Early History of Institutions, Holt's ed., p. 7.

щина. Окончательное решение всех важных вопросов принадлежало народу, но сперва они основательно обсуждались вождями¹. Ясно значительное сходство этих порядков с греческими и латинскими. Их правление состояло из трех властей: совета вождей, народного собрания и военачальника.

Цезарь говорит, что германцы мало занимались земледелием; пища их состояла преимущественно из молока, сыра и мяса; никто не владел определенным количеством земли и не имел своего ограниченного участка, но судьи и вожди ежегодно отводили родам и родичам, соединившимся воедино (*gentibus cognationibusque hominum, qui una coerint*), столько земли и в таких местах, сколько и где они считали нужным, заставляя их в следующем году переходить на другое место². Приведенное в скобках выражение можно понять только так, что Цезарь встретил у германцев группы лиц, более многочисленны, чем семьи, объединенные на основе родства, которые, как особые группы, наделялись землей. Это значит, что отдельные лица и даже семьи не наделялись землей, поскольку те и другие поглощались группой, объединенной для обработки земли и добывания средств существования. Судя по этому свидетельству Цезаря, надо думать, что германская семья того времени была синдиасмической и что несколько родственных семей соединялись в домохозяйства и осуществляли коммунизм домашней жизни.

Тацит указывает на обычай германских племен при размещении военных сил на поле битвы ставить родичей друг возле друга. Это не имело бы значения, если бы родство ограничивалось ближайшим кровным родством. Особо возбуждало их мужество, говорит он, то, что они не случайным и не произвольным образом строили свои боевые силы, составляя конный эскадрон или пехотный клин, но собирали их по семьям и родовым группам (*familiae et propinquitates*)³. Эти слова вместе с вышецитированным показанием Цезаря говорят по меньшей мере о пережитках прежней родовой организации, которая в то время начала уступать место марке или округу как основе еще несовершенной политической системы.

У германских племен целям военных наборов служила марка (*markgenossenschaft*), существовавшая также у англосаксов, а равно более широкая группа, *гау*, которую Цезарь и Тацит называют *pagus*⁴. Сомнительно, чтобы марка и *гау* были тогда чисто географическими делениями, находящимися одно к другому в отношениях общины и округа, каждое со своими границами и населением, представлявшим собой политическую единицу. Более вероятно, что *гау* было группой поселений, соединенных в целях военных наборов. Таким образом марка и *гау* были зародышами будущих общины и округа, точно так же как афинские навкратия и триттия были рудиментами дема и локального племени Клизфена. Эти организации были, повидимому, переходными стадиями между родовой и политической системой, при чем деление народа покоилось попрежнему на кровном родстве⁵.

¹ Germania, с. II.

² De Bello Gall., VI, 22.

³ Germania, cap. 7. Боевая линия, говорит этот автор, представляла собой клинья. *Acies per cuneos componitur.* — Ger., с. 6. Кольрауш указывает, что «члены одной марки или сотни и одного рода или септа сгруппировались рядом». — *History of Germany, Appletons' ed., Trans. by J. D. Haas, p. 28.*

⁴ De Bello Gall., IV, 1. Germania, стр. 6.

⁵ Д-р Фриман, специально изучивший этот вопрос, говорит: «Низшей единицей политической системы оказывается та, которая существует еще и теперь под различными названиями, например, *mark, gemeinde, commune* или *parish*. Она представляет собой, как мы видели, одну из многих форм рода или клана именно ту, в которой род не является более кочующей или чисто хищнической группой, но, с другой стороны, при которой он еще не соединился с другими родами, чтобы образовать составную часть государства. На этой стадии род принимает форму земледельческой общины, коллективно владеющей землей, зародыш римского *ager publicus*, английского *folkland*. Это — *markgenossenschaft*, сельская община Запада. Эта низшая политическая единица, соединение настоящих или воображаемых родственников, состоит из семей подчиненных власти, *mund* своего отца, той *patria potestas*, которая на долгое время сохранилась в Риме и составляла столь выдающуюся и стойкую черту римского права. Как соединение семей образует род, а родо-

Мы, естественно, обращаемся к азиатскому матерiku в поисках самых ранних следов родовой организации: здесь человеческие типы наиболее многочисленны, и, следовательно, человек обитает здесь с наиболее отдаленных времен. Но здесь же происходили и наиболее обширные трансформации общества и взаимовлияние племен и наций было наиболее постоянным. Раннее развитие китайской и индусской цивилизаций и господствующее влияние современной цивилизации произвели такие изменения в состоянии азиатских племен, что установить характер их древних учреждений не легко. Однако на азиатском материке был пройден весь путь развития человечества от дикости до цивилизации, и мы должны искать у его раздробленных племен остатки их древних учреждений.

Счет происхождения по женской линии до сих пор широко распространен у наиболее отсталых азиатских племен; существует и значительное число племен, у которых происхождение считается по мужской линии. Именно наличие счета происхождения по одной либо по другой линии вместе с соединением кровных родственников в организованную группу, имеющую особое имя, является признаком рода.

У племени магар в Непале, говорит Латам, «имеется двенадцать тумов. Все принадлежащие к одному туму считаются потомками одного родоначальника, при чем происхождение от одной матери отнюдь не необходимо. Муж и жена должны принадлежать к различным тумам. В пределах одного и того же тумы брак не дозволен. Вы желаете жениться? Тогда ищите в соседнем туме, во всяком случае вне своего собственного. Здесь мне в первый раз случается упомянуть об этом порядке. Но этот случай не будет последним; напротив, принцип, о котором говорит этот обычай, настолько распространен, что может считаться почти всеобщим. Мы встретим его в Австралии, в Северной и Южной Америке, в Африке и Европе и будем считать вероятным его наличие во многих местах, где прямые указания на его существование не полны»¹. В данном случае мы имеем в «туме» ясное доказательство существования рода со счетом происхождения по мужской линии.

«Мунниепори и следующие племена, обитающие в горах вокруг Мунниепори: купу, мовы, мурам и мурринги, все и каждое в отдельности делятся на четыре семейства: Кумуль, Луанг, Ангом, и Нингтхаджа. Член каждого из этих семейств может вступить в брак с членом любого другого семейства, но брак между членами одного семейства строго воспрещен»². В этих семействах можно признать четыре рода каждого из этих племен. Белль, говоря о «телушах» черкесов, сообщает, что существует предание, по которому члены всех «телушей» произошли от одного и того же ствола или предка; таким образом можно считать, что они соответствуют септам или кланам... Эти двоюродные братья и сестры или члены одного братства не только сами не могут вступать между собой в брак, но даже их крепостные должны заключать браки с крепостными другого братства»³. Надо думать, что «телуш» представляет собой род.

У бенгальцев «четыре касты распадаются на ряд различных частей или классов, из которых каждый в свою очередь распадается далее; например, я принадлежу к племени [роду?] Нунди, и если бы я не был крещен, то не мог бы жениться на женщине того же племени, хотя она должна принадлежать к той же касте, что и я. Дети принадлежат к племени отца. Имущество переходит к сыновьям; если сыновей не осталось, — к дочерям; если совсем не осталось детей,

---

вая территория—markgenossenschaft, так соединение нескольких таких сельских общин с их марками, или коллективными землями, образует следующую высшую политическую единицу, сотню, название, встречающееся в той или иной форме в большинстве стран расселения тевтонской расы... За сотней следует *pagus*, *gau*, датское *syssel*, английское *shire*, т. е. племя, как владетель определенной территории. Каждое из этих больших или меньших делений имело своих вождей... Сотня состояла из деревень, марок, общин и т. д., как бы ни называлась эта низшая единица; *shire*, *gau*, *pagus* состояли из сотен".—Comparative Politics, Mc Millan and Co's ed., p. 116.

¹ Descriptive Ethnology, I, 80.

² Mc Lennan's Primitive Marriage, p. 109.

³ Цитируется в Primitive Marriage, p. 101.

то к ближайшим родственникам умершего. Касты распадаются на деления; одним из первых таких делений является, например, Shuro; но и оно в свою очередь делится на Khaurl, Tilly, Tamally, Tantu, Chomog, Kari и т. д. Мужчина, принадлежащий к одному из этих последних подразделений, не может жениться на женщине того же подразделения»¹. Эти наименьшие группы обычно состоят примерно из ста человек и сохраняют ряд характерных свойств рода.

Тэйлор говорит, что «в Индии брахманам запрещено жениться на женщине, родовое имя которой или ghotra (буквально «коровий хлев»), то же, что и его; это запрещение препятствует браку между родственниками по мужской линии до бесконечности. Этот закон встречается и в кодексе Ману, где он относится к первым трем кастам, при чем родственникам с женской стороны также запрещено вступать между собой в брак в довольно широких пределах»². Далее, «у колов Хота-Нагпура мы встречаем ряд кланов Ораон и Мунда, имеющих названия животных, например, угорь, ястреб, ворона, цапля, при чем члены их не должны убивать или есть тех животных, название которых они носят»³.

Монголы по своим физическим чертам сильно приближаются к американским туземцам. Они распадаются на множество племен. «Члены одного племени, — говорит Латам, — связаны общностью крови, родословной или происхождения; в некоторых случаях племя называется по имени действительного или мнимого патриарха. Племя — этим словом мы переводим туземное название aimak или aimak — представляет собой большое деление, распадающееся на ряд kokhum'ов или знамен»⁴. Это указание не достаточно полно для доказательства существования родов. Соседи монголов, тунгусы, распадаются на подразделения, которые называются по именам животных, например, лошадь, собака, олень; это указывает на наличие родовой организации, но, за недостатком дальнейших подробностей, этого нельзя утверждать.

Джон Леббок говорит о калмыках, что, по свидетельству де Хеля, они «делятся на орды, при чем никто не может жениться на женщине той же орды»; об остяках, что они «считают преступлением жениться на женщине той же семьи или даже носящей то же семейное имя» и что «если якут (Сибирь) желает жениться, он должен выбрать девушку из другого клана»⁵. В каждом из этих примеров мы имеем свидетельство существования рода, один из законов которого, как уже было показано, составляет запрещение брака между его членами. Юраки-самоеды организованы в роды. Клапрот, цитируемый Латамом, говорит, что «это разделение по родству так строго соблюдается, что ни один самоед не возьмет жену из той родственной группы, к которой он сам принадлежит. Напротив, он ищет жену в одной из двух других групп»⁶.

Своеобразная семейная система существует у китайцев, повидимому, представляя собой пережитки древней родовой организации. Роберт Харт, из Кантона, говорит в письме к автору, что «китайское выражение, соответствующее слову народ — pih-sing, значит «сто фамильных имен»; является ли это просто картинным выражением или его происхождение относится к тому времени, когда вся великая китайская семья состояла из ста подсемейств или племен [родов?], я не могу решить. В настоящее время в этой стране имеется около четырехсот фамильных имен, в числе которых ряд имеет отношение к животным, плодам, металлам, явлениям природы и т. д., и могут быть переведены: лошадь, овца, бык, рыба, птица, феникс, слива, цветок, лист, рис, лес, река, холм, вода, туча, золото, шкура, щетина и т. д. и т. д. В некоторых частях страны попадаются большие деревни, в которых существует только одно фамильное имя; так, в одном округе можно встретить, например, три деревни, при чем две или

¹ Письмо к автору Голенат Хунди, природного бенгальца, из Индии.

² Early History of Mankind, p. 282.

³ Primitive Culture, Holt and Co.'s ed., II, 235.

⁴ Descriptive Ethnology, I, 290.

⁵ Origin of Civilization, 96.

⁶ Descriptive Ethnology, I, 475.

три тысячи жителей каждой из них носят в одной имя «лошадь», в другой — «овца», в третьей — «бык»... Как у северо-американских индейцев мужа и жены принадлежат к различным племенам [родам], так и в Китае муж и жена всегда происходят из различных семейств, т. е. носят различные фамильные имена. Как обычай, так и закон запрещают брак между лицами, носящими одно и то же фамильное имя. Дети принадлежат к семейству отца, т. е. принимают его фамильное имя... Если отец умирает не оставив завещания, его имущество обычно остается неразделенным, находясь под присмотром старшего сына, пока жива вдова. После ее смерти имущество делится между ним и его братьями, при чем доли младших братьев зависят всецело от воли старшего брата.

Описанное здесь семейство, повидимому, представляет собой род, аналогичный римскому роду времен Ромула; но соединялись ли китайские роды с другими родами общего происхождения во фратрии — не ясно. Далее, члены рода до сих пор живут вместе на одной территории, как отдельная группа родственников, подобно тому как и римские роды были локализованы в отдаленные времена; имена китайских родов до сих пор сохраняют архаический характер. Увеличение их числа до четырехсот путем сегментации можно было ожидать заранее; но то, что они сохранились до настоящего времени, когда период варварства остался далеко позади, представляет собою поразительный факт и новое доказательство неподвижности китайского народа. Можно думать также, что моногамная семья не достигла еще в этих деревнях своего полного развития и что коммунизм домашней жизни, равно как и по отношению к женам, им не безызвестен. Возможно, что у диких туземных племен, населяющих и сейчас горные области Китая и говорящих на диалектах, отличных от языка мандаринов, можно еще найти род в его архаической форме. Для того чтобы изучить древние учреждения китайцев, следует, конечно, обратиться к этим изолированным племенам.

Подобным же образом племена Афганистана также делятся на кланы, но представляют ли собой эти кланы настоящие роды — не установлено.

Не желая утомлять читателя дальнейшими подробностями того же рода, мы полагаем, что нами приведено достаточное число примеров, из которых вытекает, что родовая организация была распространена повсюду и в самом широком масштабе у древнейших предков современных азиатских племен и наций.

Двенадцать племен евреев, как они названы в Книге чисел, представляют собой результат преобразования еврейского общества законодательным путем. Евреи прошли уже тогда период варварства и вступили в период цивилизации. Принцип, по которому племена были организованы как группы кровных родственников, предполагает предсуществование родовой организации, которая сохранилась и была теперь приведена в систему. В то время евреи не знали никакого иного плана управления, кроме родовой общины, состоящего из группы кровных родственников, объединенных личными отношениями. Их последующее расселение в Палестине по родственным племенам, при чем каждая область называлась по имени одного из двенадцати сыновей Якова, за исключением племени Леви, представляет собой свидетельство того, что они были организованы по родам, а не в виде гражданской общины. История этой наиболее выдающейся из семитической семьи нации сосредоточивается вокруг имен Авраама, Исаака и Якова и двенадцати сыновей последнего.

Еврейская история начинается в сущности с Авраама, так как рассказ об его предках ограничивается только родословной без деталей. Несколько цитат покажут нам высоту достигнутого тогда прогресса и уровень развития того общества, к которому принадлежал Авраам. Он изображается как «имеющий много скота, серебра и золота»¹. За пещеру Махпела «Авраам отвесил Ефрону столько серебра, сколько тот указал в присутствии сыновей Хета, а именно чetyреста серебра, ходячую монету купцов»². Относительно домашней жизни и пицци можно процитировать следующие места: «Авраам поспешил в ша-

¹ Генезис, XIII, 2.

² Ib., XXIII 16.

тер к Сарре и сказал: приготовь скорей три меры лучшей муки, замеси ее и испеки лепешки на очаге»¹. «И он принес масла, молока и сготовленного им теленка и поставил перед ними»². Об орудиях, одежде и украшениях: «Авраам взял в руку огонь и нож»³. «И слуга вынул серебряные и золотые украшения и одежды и отдал их Ревекке, а ее брату и матери дал дорогие подарки»⁴. Когда Ревекка встретила Исаака, «она взяла покрывало и покрылась им»⁵. Далее упоминаются стада верблюдов, ослов, быков, овец и коз; мельница, кувшин для воды, серьги, браслеты, палатки, дома и города, лук и стрелы, меч, хлеб, вино и поля, засеянные хлебом. Все это показывает, что в эпоху Авраама, Исаака и Якова евреи находились на высшей ступени варварства. Письмо было тогда, вероятно, еще не известно этой ветви семитической семьи. Степень развития, представленная здесь, по существу соответствует степени развития гомеровских греков.

Древние брачные обычаи евреев указывают на существование рода в его архаической форме. Повидимому, Авраам купил через своего слугу Ревекку в жены Исааку, при чем «дорогие вещи» были даны брату и матери невесты, а не отцу. То обстоятельство, что в данном случае подарки достались родичам, говорит о существовании рода со счетом происхождения по женской линии. Далее, Авраам женился на своей сводной сестре Сарре. «Она действительно моя сестра,— говорит он; — она дочь моего отца, но не моей матери, и она сделалась моей женой»⁶.

При родовой организации и счете по женской линии Авраам и Сарра принадлежали бы к различным родам и, будучи кровными родственниками, не были бы родственниками по роду и могли бы по родовому обычаю вступить друг с другом в брак. При счете происхождения по мужской линии положение было бы обратное. Нахор женился на своей племяннице, дочери своего брата Арана⁷, а Амрам, отец Моисея, женился на своей тетке, сестре своего отца, ставшей матерью еврейского законодателя⁸. В этих случаях при счете происхождения по женской линии вступающие в брак лица должны бы принадлежать к различным родам; обратное положение — при счете по мужской линии. Если даже эти примеры не служат безусловным доказательством наличия рода, все же объяснение их заставляет предположить существование родовой организации в ее архаической форме.

Когда законодательство Моисея было завершено, евреи были уже цивилизованным народом, однако еще недостаточно развитым для того, чтобы учредить политическое общество. Из рассказа писания явствует, что они были организованы в ряд последовательных родственных групп, аналогичных роду, фратрии и племени греков. В описании сборов и организации евреев в качестве общества и армии во время их пребывания на Синайском полуострове имеется не мало указаний на такой последовательный ряд родственных групп, очевидно, соответствующих роду, фратрии и племени. Так, племя Леви состояло из восьми родов, организованных в три фратрии, а именно:

Сыновья Леви:	{	I. Гершон	7 500	мужчин
		II. Кааф	8 600	"
		III. Мерари	6 200	"

I. Фратрия Герсона

Роды: 1. Либни. 2. Шимей.

II. Фратрия Каафа

Роды: 1. Амрам. 2. Ицхар. 3. Хеврон. 4. Узнил.

III. Фратрия Мерари

Роды: 1. Махли. 2. Муши.

¹ Иб., XVIII, 6.

² Иб., XVIII, 8.

³ Иб., XXII, 6.

⁴ Иб., XXIV, 53.

⁵ Иб., XXIV, 65.

⁶ Иб., XX, 12.

⁷ Иб., XI, 29.

⁸ Исход, VI, 20.

«Исчисли сыновей Леви по домам их отцов и их семьям... И вот сыновья Леви по их именам: Гершон, Кааф, Мерари. Имена же детей Герсона по их семьям: Либни и Шимей. Сыновья Каафа по их семьям: Амрам, Ицхар, Хеврон и Узиил. Сыновья Мерари по их семьям: Махли и Муши. Это были семьи Леви по домам их отцов»¹.

Описание этих групп начинается иногда с высшего звена данного ряда, иногда же с низшего или с единицы системы. Например: «дети Симеона по их поколениям, семьям и домам их отцов»². Здесь дети Симеона с их поколениями образуют племя, «семьи» представляют собой фратрии, а «дом отца» — род. Далее: «Главой дома отца семей Каафа пусть будет Елизафан, сын Узиила»³. Здесь мы встречаем сперва род, затем фратрию и, наконец, племя. Названное лицо было главой фратрии. Каждый «дом отца» имел также свой знак или знамя в отличие от других домов. «Каждый из сыновей Израиля должен стать со своим знаменем и со знаком дома своего отца»⁴. Эти слова указывают на действительно существующие организации и показывают, что их военная организация была построена по родам, фратриям и племенам.

Что касается первой и самой меньшей из этих групп, «дома отца», то в ней было, вероятно, несколько сот человек, судя по числу этих «домов» в каждой фратрии. Еврейское выражение *beth'ab* означает «отчий дом», «дом отца» и «семейный дом». Если у евреев род существовал, то он и имел форму этой группы. Употребление двух слов для обозначения этой группы могло бы вызвать сомнение; однако в то время индивидуальные семьи при моногамии стали настолько многочисленными и выдающимися, что такое описательное выражение оказалось необходимым, чтобы охватить всех родственников. Переводя буквально, мы имеем: дом Авраама, Ицхара, Хеврона и Узиила, но поскольку евреи того времени не могли иметь представления о «доме» в том смысле, как это слово употребляется теперь по отношению к титулованным фамилиям, помянутое выражение означало, вероятно, родственную группу или поколение⁵. Так как во главе каждого деления и подразделения стояли мужчины, а происхождение у евреев велось исключительно через мужчин, то несомненно, что в то время счет происхождения шел у них по мужской линии. Следующим членом восходящего ряда у евреев была «семья», представлявшая собой, повидимому, фратрию. Еврейский термин для этой организации, *mishpaha*, означает «связь», «клановую группу». Она состояла из двух и более «домов отца», образовавшихся путем сегментации начальной группы и называвшихся фратриальным именем. Она совершенно подходит на фратрию. Семья или фратрия совершала ежегодные жертвоприношения⁶. Наконец, племя, по-еврейски *matteh*, что означает «ветвь», «отпрыск», «росток», соответствует греческому племени.

Мы имеем очень мало сведений о правах, привилегиях и обязанностях членов этих родственных групп. Идея родства, объединявшая каждую организацию, от «дома отца» до племени, проявляется в гораздо более выраженной и отчетливой форме, чем в соответствующих организациях греческих, латинских и индейских племен. Афинские предания, ведущие происхождение четырех племен от четырех сыновей Ионы, даже не пытаются объяснить происхождение родов и фратрий. Напротив, еврейское повествование не только производит генеалогически двенадцать племен от двенадцати сыновей Якова, но одновременно производит роды и фратрии от детей и потомков каждого из этих сыновей. Человеческая история не дает примера такого же точно развития родов и фратрий.

¹ Книга чисел, III, 15—20.

² *Ib.*, I, 22.

³ *Ib.*, III, 30.

⁴ *Ib.*, II, 2.

⁵ Кейль и Делич в своих комментариях к Исходу, VI, 14, говорят, что «дом отца» был техническим термином, обозначающим группу семейств, называвшихся по имени общего предка. Это — прекрасное определение рода.

⁶ Книга царств, XX, 6, 29.

Библейский рассказ следует понимать как классификацию существующих родственных групп, сделанную на основании преданий, при чем незначительные препятствия были устранены законодательным путем.

Евреи называли себя «народом Израиля», а также «общиной»¹. Мы имеем здесь прямое указание на тот факт, что их организация была общественной, а не политической.

В Африке мы встречаем смешение дикости и варварства. Туземные производства и изобретения в значительной степени исчезли, уступив место ввозным изделиям и орудиям; вместе с тем дикость в ее самых грубых проявлениях, в том числе каннибализм, равно как и варварство в его наиболее низших формах, господствуют на большей части материка. Племена, обитающие во внутренних областях, еще стоят ближе к туземной культуре и своему нормальному состоянию, преимущественно же Африка представляет собой неблагоприятное поле исследования для этнологии.

Хотя Африка является колыбелью негритянской расы, однако, как хорошо известно, численность этой расы не велика и занимаемая ею территория незначительна. Латам удачно заметил, что «негр является исключением среди африканцев»². Посещенные Дю-Шайю племена ашира, апоно, ишого и ашанго, обитающие между Конго и Нигером, относятся к чисто негрскому типу. «Каждая деревня, — говорит он, — имеет своего главаря; в более отдаленных местах деревни управляются, повидимому, старейшинами, при чем каждый старейшина со своими людьми занимает отдельную часть деревни. Каждый клан имеет ифуму, фуму, или признанного главу клана (ифуму значит «источник», «отец»). Я никак не мог добиться от туземцев сведений о разделении их племен на кланы; они, повидимому, не знают, как это произошло, но образование новых кланов теперь больше не происходит... Дом главаря или старейшины не лучше домов его соседей. Деспотическая форма правления им неизвестна... Приговорить к смертной казни может только совет старейшин... Члены различных племен и кланов вступают в брак, что влечет за собой дружеские отношения. Члены одного клана не могут вступать в брак. Вступление в брак при самом отдаленном родстве считается гнусностью; и наряду с этим племянник, нисколько не задумываясь, берет жен своего дяди и, например, у балаки, сын берет жен своего отца, за исключением только родной матери... Полигамия и рабство существуют у всех племен, которых я посетил... По наследственному праву западных племен имущество (жены, рабы и т. д.) старшего брата переходит к следующему по старшинству брату, но если умирает младший брат, его имущество наследует племянник. Главарство в клане или семейства переходит по наследству в том же порядке, что и имущество. В случае смерти всех братьев наследует старший сын старшей сестры и так далее, пока не угаснет вся ветвь, так как все кланы считают свое происхождение по женской линии»³.

В приведенных деталях представлены все элементы подлинного рода, в частности счет происхождения только по одной линии, а именно женской, что дает род в его архаической форме. Более того, происхождение по женской линии играет роль как при передаче родового имени, так и при переходе должности и имущества. Должность вождя переходит от брата к брату или от дяди к племяннику, сыну сестры, как у американских туземцев, так как сыновья исключаются из числа наследников, не будучи членами рода умершего вождя. Брак в пределах рода запрещен. Единственное существенное упущение этого отчетливого описания — отсутствие хотя бы некоторых имен родов. Вопросы наследственного права требуют дальнейших разъяснений.

У баниаи, на реке Замбези, стоящих на более высокой ступени развития, чем негры, д-р Ливингстон наблюдал следующие порядки: «Правление баниаи до-

¹ Книга чисел, I, 2.

² Descript. Eth., II, 184.

³ Ashango Land, Appletons' ed., p. 425, et seq.

вольно своеобразно; оно представляет собой нечто вроде феодальной республики. Вождь избирается; избирают сына сестры умершего вождя, обходя его родных детей. Если они недовольны кандидатом, то ищут преемника вождя хотя бы в отдаленном племени; обыкновенно же он принадлежит к семье умершего вождя; это — брат или сын сестры, но ни в коем случае не родной сын или дочь... Все жены, имущество и дети умершего вождя принадлежат его преемнику»¹. Д-р Ливингстон не сообщает подробностей об их социальной организации, но переход должности вождя от брата к брату или от дяди к племяннику подразумевает существование рода со счетом происхождения по женской линии.

Многочисленные племена, населяющие бассейн реки Замбези и страну, лежащую к югу до Капской колонии, считаются, по словам д-ра Ливингстона, самими туземцами одним стволом, распадающимся на три больших деления: бечуанов, басуто и кафров². Относительно первых он говорит, что «племена бечуанов называются по именам некоторых животных; это, по всей вероятности, показывает, что в древние времена они предавались почитанию животных, подобно древним египтянам. Выражение Бакатла означает «происшедшие от обезьяны», Бакуона — «происшедшие от крокодила», Батлапи — «происшедшие от рыбы»; при этом каждое племя питает суеверный страх перед животным, именем которого оно называется... Племя никогда не употребляет в пищу мясо животного, имя которого носит... Мы находим следы существования многих вымерших племен в именах отдельных лиц, например, Батау — «происшедшие от льва», Банога — «происшедшие от змеи», хотя таких племен теперь не существует»³. Эти имена животных подходят скорее к роду, чем к племени. Кроме того, тот факт, что встречаются отдельные лица, являющиеся последними представителями своих племен, может скорее относиться к роду, а не к племени. Ливингстон говорит, что у бангала, обитающих в долине реки Кассанги, в Анголе, «брат вождя наследует предпочтительно перед его сыновьями. Сыновья сестры принадлежат е брату, и он часто продает своих племянников, чтобы уплатить свои долги»⁴. Здесь мы вновь находим признаки счета происхождения по женской линии. Однако указания Ливингстона как в том, так и в других случаях слишком отрывочны и носят слишком общий характер, чтобы можно было решить, существовали ли у этих племен род.

Что касается австралийцев, то мы уже говорили о родах племени камиларои. По своему этническому положению туземцы этого большого острова стоят почти на самой низкой ступени развития. Когда они были открыты, они не только представляли собой дикарей, но и находились в весьма низком состоянии дикости. Некоторые племена были каннибалами. По этому последнему вопросу вышеназванный нами Файсон пишет автору следующее: «Некоторые из австралийских племен — каннибалы. Доказательства этого — вне сомнения. Племена района Уайд Бэй едят не только павших в битве врагов, но и своих убитых друзей и даже умерших естественной смертью, если только трупы находятся в хорошем состоянии. Предварительно они сдирают кожу и консервируют ее, натирая смесью жира и древесного угля. Они очень высоко ценят эти кожи, веря, что они обладают большой целебной силой».

Такие картины человеческой жизни дают нам возможность понять состояние дикости, порядки дикарей, степень материального развития и их низкий умственный уровень. Австралийцы, как это явствует из их каннибальских обычаев, стоят на самой низкой ступени, которая нам известна. Между тем австралийцы

¹ Travels in South Africa, Appleton's ed., ch. 30, p. 660.— «Если юноше понравится девушка из другой деревни и ее родители не возражают против их брака, то юноша должен поселиться в деревне невесты. Он должен оказывать известные услуги своей теще... Если ему надоест жить в таком подчиненном положении и он захочет возвратиться в свою семью, то должен оставить всех своих детей: они принадлежат его жене». *Ib.*, p. 667.

² *Ib.*, 219.

³ *Ib.*, p. 471.

⁴ *Ib.*, p. 471.

владела страной, имеющей размер целого континента, богатой минералами, не благоприятной по климату и достаточно снабженной средствами поддержания жизни. Хотя они населяют эту страну в течение периода, который следует измерять тысячелетиями, они остаются дикарями, стоящими на самой низкой ступени. Если бы они были предоставлены самим себе, они, вероятно, еще тысячелетия оставались бы хоть и не совсем чуждыми развития, но прогрессирующими столь медленно, что этот прогресс едва ли осветил бы мрак их дикого состояния.

У австралийцев, учреждения которых нормальны и однородны, организация в роды не ограничивается камиларои, но, повидимому, универсальна. Нарриньери в Южной Австралии, живущие близ Ласепед Бэй, организованы в роды, носящие имена животных и насекомых. Джордж Тэплин, указав в письме к моему другу Файсону, что нарриньери не заключают браков в пределах своего рода и что дети принадлежат к роду отца, продолжает: «у них не существует каст или каких-либо классов, как у племени Нового Уэльса, говорящих на языке камиларои. Но каждое племя или семейство (а племя представляет собой семейство) имеет свой тотем или *ngaitye*; некоторые индивиды также имеют этот *ngaitye*. Он считается гением-хранителем человека. Это какое-нибудь животное, птица или насекомое... Туземцы придерживаются весьма строгих брачных порядков. Племя [род] считается одной семьей, и человек никогда не женится в своем племени».

Файсон пишет также, что «среди племен округа Мараноа в Квинсленде, говорящих на диалекте *ugghi*, по сведениям, сообщенным мне А. С. П. Камероном, существует та же классификация, что и у племен, говорящих на языке камиларои, как относительно классовых имен, так и тотемов». Далее, об австралийцах, живущих на реке Дарлинг, на основании сведений, полученных от Чарльза Г. Н. Локвуда, Файсон пишет, что «они делятся на племена [роды], а именно: Эму, Дикую утку, Кенгуру, но неизвестно, существуют ли еще другие роды; дети получают классовое имя и тотем своей матери»¹.

Из наличия родовой организации у названных племен можно сделать вывод, что она, вероятно, господствует у австралийских туземцев, хотя это учреждение, как уже было отмечено, находится у них в начальной стадии своего развития.

Наши сведения о домашних учреждениях жителей Полинезии, Микронезии и островов Папуа все еще ограничены и несовершенны. У островитян Гаваи, Самоа, Маркиз и Новой Зеландии не открыто следов родовой организации. Их система родства очень примитивна и показывает, что их учреждения еще не достигли той ступени развития, которую предполагает существование родовой организации². На некоторых микронезийских островах должность вождя переходит по женской линии³, но этот порядок может существовать и независимо от рода. Фиджийцы делятся на несколько племен, говорящих на диалектах одного и того же коренного языка. Одно из этих племен, рева, состоит из четырех подразделений, имеющих различные имена, при чем каждое из этих подразделений в свою очередь делится на части. Повидимому, эти последние подразделения не представляют собой родов потому, между прочим, что их члены могут вступать друг с другом в брак. Происхождение считается по мужской линии. Аналогичным образом жители о. Тонга распадаются на деления, которые в свою очередь подразделяются далее, как у рева.

Вокруг простых идей брака и семьи, средств существования и управления сформировались самые ранние социальные организации, и с них нужно начинать описание структуры и принципов древнего общества. Если мы примем теорию постепенного развития человечества на основе опыта веков, то мы должны признать, что изолированное положение жителей Океании, небольшие размеры

¹ См. также: Tylor's Early History of Mankind, p. 284.

² Systems of Consanguinity etc., I. c., pp. 451, 482.

³ Missionary Herald, 1853, p. 90.

их островов и ограниченные средства существования predeterminedляли медленность прогресса. Они стоят еще теперь на той ступени, на которой население азиатского материка находилось в самые отдаленные времена, и представляют одну из самых ранних фаз великого течения человеческого прогресса, разумеется, с теми особенностями, которые свойственны изолированному положению этих островных обществ. Описание их учреждений, изобретений и открытий, а равно их умственных и нравственных свойств ответило бы одной из настоятельнейших потребностей антропологической науки.

На этом мы заканчиваем исследование родовой организации и пределов ее распространения. Мы нашли ее у австралийцев и у африканских негров, а равно следы этой системы у других африканских племен. Мы видели, что она была широко распространена у той части американских туземцев, которые в эпоху их открытия находились на низшей ступени варварства, а также у части оседлых индейцев, достигших средней ступени варварства. Равным образом она была в полной жизненной силе у греческих и латинских племен, находившихся на высшей ступени варварства, и следы ее встречаются у некоторых отсталых ветвей арийской семьи. Мы нашли эту организацию или следы ее существования у туранских, уральских и монгольских семей, у тунгусов и китайцев, а в семитической семье — у евреев. Мы привели достаточное число всяких фактов, чтобы иметь право утверждать, что родовая организация в древности была универсально распространена в среде всей человеческой семьи в течение последней части периода дикости и на протяжении всего периода варварства.

Наше исследование собрало также достаточное число фактов для доказательства того, что это замечательное учреждение было началом и основой древнего общества. Это был первый развившийся путем опыта органический принцип, который смог организовать общество в определенном плане и сохранять его органическое единство до тех пор, пока оно не развилось для перехода к политическому обществу. Глубокая древность родовой организации, ее всеобщее распространение и ее большая жизненная сила доказываются тем, что она продолжает существовать до настоящего времени на всех континентах. Об удивительной способности родовой организации приспособляться к потребностям человечества в различные периоды и состояния его истории достаточно свидетельствуют ее распространенность и прочность. Она неразрывно связана с наиболее богатой событиями частью истории человечества.

Образовался ли род самостоятельно в определенном состоянии общества и поэтому мог получить начало в различных не связанных между собой странах или он возник в одном месте и из этого начального центра распространился путем последовательных миграций по земле — является вопросом, заслуживающим, конечно, тщательного исследования. Вторую гипотезу, с незначительным изменением, можно предпочесть по следующим основаниям. Мы находим, что учреждению рода предшествовали две формы брака и две формы семьи. Требовался совершенно особенный опыт, чтобы достигнуть второй формы брака и семьи и дополнить этот опыт изобретением рода. Эта вторая форма семьи была конечным результатом достигнутых путем естественного отбора ограничений той удивительной брачной системы, которая охватила дикаря и держала его своей железной рукой. Его конечное освобождение было, как мы увидим, слишком замечательным и необыкновенным фактом, чтобы оно могло иметь место много раз в различных, далеко друг от друга отстоящих странах. Группы кровных родственников, соединившихся для взаимной защиты и совместного добывания пропитания, существовали, несомненно, с детства человеческой семьи, но род представляет собой совершенно иную группу родственников. Он содержит часть их и исключает остальных; он организовал эту часть на основе родства, дал ей общее имя и общие права и привилегии. Брак в пределах рода был запрещен, чтобы обеспечить благодетельные последствия брака с неродственниками. Это составляло жизненный принцип данного организма, будучи вместе с тем одним из труднейших преобразований. Не будучи естественной и само собой понятной

идеи, род представлял собой нечто совершенно новое и, следовательно, для того времени, когда он возник, был продуктом высоко развитого ума. Понадобилось много времени после того, как идея рода воплотилась в жизнь, для того, чтобы она достигла зрелости и сказалась ее польза. Полинезийцы имели пуналуальную семью, но не смогли избрести род; австралийцы имели ту же форму семьи и обладали родом. Он получил свое начало в пуналуальной семье, и все племена, достигшие этой формы семьи, обладали теми элементами, из которых образовался род. В этом заключается изменение вышеприведенной гипотезы. Зародыш рода существовал в более ранней организации, основанной на различии полов. Коль скоро род вполне развился в своей архаической форме, он должен был распространиться на громадные пространства благодаря превосходству сил созданной таким образом усовершенствованной породы. Распространение рода легче объяснить, чем его возникновение. Эти соображения показывают, что повторное возникновение рода в отдаленных друг от друга странах не вероятно. С другой стороны, следует признать его благодетельное влияние, состоявшее в том, что таким образом возникло племя дикарей, превосходившее все остальные существовавшие тогда на земле. Если переселения племен в условиях дикого существования были бегством или движением в поисках лучших мест, то такое племя должно было распространяться, волна за волной, пока не покрыло большую часть земной поверхности. Важнейшие из установленных теперь фактов, относящихся к этому вопросу, говорят, казалось бы, за гипотезу единого происхождения родовой организации, если только мы не примем во внимание австралийских классов, давших пуналуальную семью, из которой возник род, и если мы не будем считать эти классы начальной основой древнего общества. В таком случае там, где только существовали эти классы, потенциально существовал и род.

Признавая единство происхождения человечества, мы должны считать, что распространение его по земле произошло путем расселения из одного начального центра. Азиатский материк должен, следовательно, считаться колыбелью бытия, принимая во внимание, что мы находим здесь больше оригинальных человеческих типов по сравнению с Европой, Африкой и Америкой. Отсюда также следует, что отделение негров и австралийцев от их общего ствола произошло тогда, когда общество было организовано на основе различия полов и семья имела пуналуальную форму; что переселение полинезийцев произошло позже, но общество у них было организовано подобным же образом; и, наконец, что ганганская миграция в Америку последовала еще позже, а именно после учреждения родов. Настоящие выводы имеют, однако, характер только предположений.

Изучение рода, его атрибутов и пределов его распространения безусловно необходимо для правильного понимания древнего общества. Этот вопрос является теперь предметом, требующим особых и усиленных исследований. Это общество достигло у предков цивилизованных наций своего высшего развития в последние дни варварства. Но существуют фазы того же общества, которые относятся к отдаленнейшим векам и которые мы можем найти у варваров и дикарей, находящихся теперь в соответствующем состоянии. Идея организованного общества является продуктом развития, прошедшего через всю историю существования человеческой расы; отдельные фазы этого развития логически связаны, при чем одна рождает другую и т. д.; та форма, которую мы рассмотрели, возникла из рода. Ни одно учреждение человечества не имеет столь древней и столь влиятельной связи с ходом человеческого прогресса. Реальная история человечества заключается в истории роста и развития учреждений, из которых род является лишь одним из целого ряда. Он является, однако, основой тех учреждений, которые оказали наиболее существенное влияние на судьбы человечества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ РАЗВИТИЕ ИДЕИ СЕМЬИ

Глава первая ДРЕВНЯЯ СЕМЬЯ

Пять последовательных форм семьи. — Первая — кровнородственная семья. — Она создала малайскую систему родства и свойства. — Вторая — пуналуальная. — Она создала туранскую и гановскую систему. — Третья — моногамная. — Она создала арийскую, семитическую и уральскую системы. — Синдиасмическая и патриархальная семьи составляют переходные формы. — Обе они не создали особой системы родства. — Эти системы являются результатом естественного развития. — Две основные формы. — Одна — классификационная, другая — описательная. — Общие принципы этих систем. — Их стойкость и постоянство.

Мы привыкли считать, что моногамная семья существовала всегда и лишь в немногих местностях в виде исключения возникала семья патриархальная. На самом деле идея семьи развивалась, проходя ряд последовательных стадий, при чем моногамная семья была последней формой в этом ряду. Моей задачей будет показать, что ей предшествовали более древние формы, господствовавшие в течение всего периода дикости, а также в древнейшем и среднем периоде варварства, и что ни моногамная, ни патриархальная семьи не восходят далее позднейшего периода варварства. Они являются таким образом вполне современными. Более того, они были невозможны в древнем обществе, пока предварительный опыт при прежних формах семьи не подготовил у каждой человеческой расы путь к их возникновению.

Можно различать пять разных и последовательных форм семьи, каждой из которых соответствует особый порядок брака. Формы эти следующие:

I. Кровнородственная семья.

Она была основана на групповом браке между братьями и сестрами, родными и коллатеральными.

II. Пуналуальная семья.

Она была основана на групповом браке нескольких сестер, родных и коллатеральных, с мужьями каждой из них, при чем общие мужья не были обязательно в родстве друг с другом, или на групповом браке нескольких братьев, родных и коллатеральных, с женами каждого из них, при чем эти жены не были обязательно в родстве друг с другом, хотя это часто и бывало в обоих случаях. В том и другом случае группа мужчин совместно состояла в браке с группой женщин.

III. Синдиасмическая или парная семья.

Она была основана на браке отдельных пар, но без исключительного сожительства. Продолжительность брака зависела от доброй воли сторон.

IV. Патриархальная семья.

Она была основана на браке одного мужчины с несколькими женщинами, сопровождающемся обычно затворничеством жен.

V. Моногамная семья.

Она была основана на браке отдельных пар при исключительном сожительстве.

Три из этих форм, а именно первая, вторая и пятая, могут считаться основными, так как они были в достаточной мере универсальны и достаточно влиятельны, чтобы создать три различные системы родства, существующие и действующие доныне. С другой стороны, уже самих по себе этих систем достаточно для доказательства того, что им предшествовали формы семьи и брака, с которыми каждая из них связана. Остальные две формы, синдиасмическая и патриархальная, были промежуточными и не оказали такого влияния, чтобы создать новые или существенным образом изменить действовавшие тогда системы родства. Не следует думать, что эти типы семьи отделены друг от друга резко очерченными границами; напротив, первая форма переходит во вторую, вторая в третью, а третья в пятую незаметными градациями. Мы ставим своей целью выяснить и установить, что эти формы возникли последовательно, одна из другой, и что в своей совокупности они представляют собою развитие идеи семьи.

Чтобы выяснить возникновение различных форм семьи и брака, необходимо изложить сущность системы родства и свойства, относящейся к каждой из этих форм. Эти системы воплощают в себе сжатое и решающее свидетельство, свободное от всякого подозрения в предумышленности и прямо относящееся к вопросу. Более того, они говорят с таким авторитетом и определенностью, которые не оставляют места для сомнения в сделанных из них выводах. Однако всякая система родства кажется сложной и запутанной, пока с ней не освоишься. Читатель должен запастись большим терпением, чтобы вникнуть достаточно глубоко в данные системы и убедиться в ценности и значении содержащихся в них доказательств. Так как в предшествующем своем труде я подробно исследовал «Системы родства и свойства человеческой семьи»¹, я ограничу свое изложение самым незначительным количеством решительно необходимых фактических данных, отсылая читателя за подробностями и общими таблицами к названному труду. Важность основного положения, составляющего часть истории человечества, а именно, что семья в своем развитии прошла через ряд последовательных форм, является достаточным основанием для изложения и исследования этих систем, если они действительно могут установить этот факт. Общему изложению этих доказательств будут посвящены эта и четыре следующие главы.

Самая примитивная из до сего времени открытых систем родства найдена у полинезийцев; мы будем пользоваться гавайской системой, как наиболее типичной. Я назвал ее малайской системой. По этой системе все кровные родственники, близкие и отдаленные, находятся в одном из следующих отношений родства: родители, дети, деды, внуки, братья и сестры. Никаких других видов кровного родства не признается. Помимо того, существует родство по браку. Эта система родства возникла вместе с первой формой семьи, кровнородственной, и представляет собой важнейшее доказательство ее древнего существования. Это может показаться недостаточным основанием для такого важного вывода; но если мы в праве допустить, что каждое признаваемое родство существовало в действительности, то этот вывод вполне обоснован. Эта система широко господствовала в Полинезии, хотя семья перешла там из кровнородственной в пуналуальную. Система родства осталась неизменной, так как не существовало достаточно сильной причины и не произошло достаточно радикального изменения учреждений, чтобы вызвать ее изменение. Брак между братьями и сестрами не совсем еще исчез на Сандвичевых островах, когда там около пятидесяти лет тому назад поселились американские миссионеры. Не может быть сомнения, что эта система родства была распространена в древности по всей Азии, так как она является основой доныне господствующей в Азии туранской системы. Она лежит также в основе китайской системы.

¹ Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII.

С течением времени вторая великая система родства, туранская, сменила первую и распространилась по большей части земной поверхности. Она господствовала у туземцев Северной Америки, а в Южной Америке была обнаружена в числе случаев, достаточном для того, чтоб ее всеобщее распространение и здесь считать весьма вероятным. Следы ее встречаются в некоторых местах Африки, хотя вообще система родства африканских племен приближается скорее к малайской. Туранская система господствует доньше в Южной Индии, у индусов, говорящих на диалектах дравидийского языка, а также в несколько иной форме в Северной Индии, у индусов, говорящих на диалектах языка гаура. Она господствует также в Австралии, в неразвитой форме; повидимому, она получила здесь свое начало в классовой организации, либо в возникающей родовой организации, что приводило к одному и тому же результату. У наиболее значительных племен туранской и ганованской семей эта система обязана своим происхождением пуналуальному групповому браку и родовой организации, имевшей тенденцию уничтожить кровнородственные браки. Мы видели, как это было достигнуто путем запрещения брака в пределах рода, что сделало невозможным брак между родными братьями и сестрами. Когда возникла туранская система родства, семья имела пуналуальную форму. Это доказывается тем, что пуналуальный групповой брак объясняет важнейшие виды родства этой системы; следовательно, это те самые виды, которые действительно существовали при этой форме брака. Логика фактов позволяет нам доказать, что пуналуальная семья была некогда так же широко распространена, как туранская система родства. Существование туранской системы родства должно быть приписано родовой организации и пуналуальной семье. Мы увидим впоследствии, что эта система развилась из малайской лишь путем изменения тех родственных отношений, которые вытекали из прежнего брака между братьями и сестрами, родными и коллатеральными, — брака, ставшего невозможным благодаря родовой организации; отсюда явствует прямая зависимость между родовой организацией и туранской системой. Могущественное влияние родовой организации на общество и в особенности на пуналуальную группу доказывается этой сменой систем родства.

Туранская система поистине изумительна. Она знает все виды родства, известные арийской системе, и сверх того ряд не предусмотренных последней. Кровные родственники, близкие и отдаленные, делятся на категории, при чем посредством свойственного этой системе приема родственная связь прослеживается далеко за обыкновенные пределы арийской системы. Как при обычном, так и при официальном приветствии люди обращаются друг к другу произнося название родства, но никак не личное имя; благодаря этому одновременно распространялось знакомство с этой системой и путем постоянного упоминания сохранялась память о родственных отношениях между самыми отдаленными родственниками. Если разговаривающие не находятся в родстве, то форма приветствия будет просто «мой друг». Никакая другая из открытых до сих пор систем родства не может сравниться с этой по тщательности, с которой она различает отдельные родственные отношения, и по числу последних.

Когда американские туземцы были открыты, семья перешла у них из пуналуальной в синдиасмическую форму, так что в ряде случаев виды родства, признаваемые данной системой, не соответствовали тем, какие существовали фактически в синдиасмической семье. Повторилось то же самое, что произошло с малайской системой, когда семья из кровнородственной перешла в пуналуальную, тогда как система родства не изменилась; вследствие этого, тогда как содержащиеся в малайской системе названия родства соответствовали существовавшим фактически в кровнородственной семье, они были неправильными для некоторых из таких отношений в пуналуальной семье. Подобным же образом названия родства, содержащиеся в туранской системе, соответствуют фактически существовавшим отношениям в пуналуальной семье, но были неправильными для некоторых из таких отношений в синдиасмической семье. Формы семьи естественно развиваются быстрее, чем системы родства, которые лишь затем фиксируют се-

мейные отношения. Как возникновение пуналуальной семьи не дало достаточно основательного мотива для преобразования малайской системы, так и возникновение синдиасмической семьи не оказалось достаточной причиной для изменения туранской системы. Потребовалось такое великое учреждение, как родовая организация, чтобы изменить малайскую систему в туранскую, и столь влиятельное учреждение, как собственность с ее правами владения и наследования вместе с созданной ею моногамной семьей, чтобы устранить туранскую систему и сменить ее арийской.

С течением времени возникла третья великая система родства, которую можно называть по желанию арийской, семитической или уральской и которая у главнейших наций, достигших впоследствии цивилизации, вероятно, сменила предшествовавшую туранскую систему. Эта система выражает виды родства моногамной семьи. Она не была основана на туранской системе, как эта последняя — на малайской, но сменила у цивилизованных наций прежнюю туранскую систему, что может быть доказано и иным путем.

Последние четыре формы семьи существовали в историческом периоде; первая форма, кровнородственная, к тому времени уже исчезла. Однако о существовании ее в древности можно вывести из малайской системы родства. Таким образом мы имеем три основные формы семьи, которые представляют три великие и глубоко различные состояния жизни, а равно три различные и резко определенные системы родства; одних этих систем, если бы даже мы не располагали другими доводами, было бы достаточно для доказательства существования этих форм семьи. Этот вывод заставляет нас обратить внимание на необыкновенную стойкость и прочность систем родства, а также оценить значение содержащихся в них данных о состоянии древнего общества.

Каждая из указанных форм семьи прошла у человеческих племен длинный путь развития, имея свои периоды детства, зрелости и упадка. Моногамная семья обязана своим происхождением собственности, как синдиасмическая, содержащая в себе зародыш первой, обязана своим происхождением роду. Когда греческие племена впервые стали объектом исторического наблюдения, моногамная семья уже существовала, но она утвердилась вполне только тогда, когда ее существование и права были определены положительным законодательством. Развитие в человеческом уме идеи собственности, в силу созданных ею возможностей, в особенности же в силу установления законных прав на наследство, теснейшим образом связано с укреплением этой формы семьи. Собственность стала достаточно могущественной, чтобы повлиять на органическую структуру общества. Надежность отцовства приобрела теперь такое значение, которое было неизвестно при прежнем состоянии общества. Брак между отдельными парами существовал начиная с древнейшего периода варварства в форме парования, длившегося столько, сколько этого желали стороны. Такие связи обнаруживали тенденцию становиться все прочнее с переходом древнего общества, на основе усовершенствования учреждений и прогресса изобретений и открытий, на более высокие ступени развития. Но основного элемента моногамной семьи — исключительности сожителства — все еще не было налицо. Уже в самом начале периода варварства мужчина стал, под угрозой зверских наказаний, требовать верности от жены, претендуя на полную свободу для себя самого. Данное обязательство и его соблюдение должны безусловно основываться на взаимности. У гомеровских греков положение женщины в семье сводилось к затворничеству и полному подчинению мужу; права ее были ничтожны и неизмеримо ниже прав мужа. Сравнение греческой семьи в последовательные эпохи, начиная со времен Гомера и до века Перикла, обнаруживает заметный прогресс; семья постоянно становилась установившимся учреждением. Современная семья бесспорно стоит выше, чем семья греков и римлян, поскольку женщина неизмеримо выиграла в своем общественном положении. От того положения дочери, в котором она находилась по отношению к своему мужу у греков и римлян, она приблизилась к равноправию как в смысле своего положения в обществе, так и признания ее

личных прав. История моногамной семьи на протяжении примерно трех тысяч лет говорит о постепенном, но неуклонном ее усовершенствовании. Ей суждено прогрессировать и дальше, пока не будут признаны равенство полов и равноправие брачных отношений. Подобного же рода свидетельства, хотя и не столь полные, имеем мы и относительно прогрессивного развития синдиасмической семьи, которая, начав свое существование с более низкого типа, перешла в моногамную. Эти положения следует держать в памяти, так как они имеют существенное значение для нашего исследования.

В предыдущих главах мы уже обращали внимание читателя на удивительную брачную систему, которая, утвердившись еще в эпоху детства человечества, сопровождала его до цивилизации, неизменно, однако, теряя под собой почву по мере прогрессивного развития общества. Ход человеческого прогресса может в известных пределах измеряться степенью превращения этой системы под влиянием противодействующих ей моральных элементов общества. Каждая последовательная форма семьи и брака является знаменательным выражением этого превращения. Моногамная семья стала возможной не прежде, чем эта система была сведена к нулю. Существование моногамной семьи может быть прослежено до начала позднейшего периода варварства, где она теряется в синдиасмической семье.

Мы получаем таким образом некоторое представление о продолжительности тех периодов, в течение которых эти две формы семьи проходили путь своего роста и развития. Но если мы будем иметь в виду возникновение пяти последовательных и различных форм семьи, из которых каждая принадлежала совершенно различному состоянию общества, то нашему взору представится еще более длинный период, в течение которого из кровнородственной через промежуточные формы произошла моногамная семья, находящаяся и поныне в процессе развития. Ни одно учреждение человечества не имело такой замечательной и богатой событиями истории, ни одно не воплотило результатов более длительного и разнообразного опыта. Потребовалось высшее напряжение умственных и нравственных сил в течение бесчисленного ряда столетий, чтобы сохранить существование семьи и довести через ее различные стадии до ее современной формы.

Брак перешел из пуналуальной через синдиасмическую в моногамную форму без какого-либо существенного изменения туранской системы родства. Эта система, выражающая виды родства, свойственные пуналуальной семье, оставалась в своей основе неизменной до установления моногамной семьи, когда она оказалась почти совершенно несовпадающей с подлинным происхождением и прямо непристойной для моногамии. Например. При малайской системе мужчина называет сына своего брата своим сыном, так как жена его брата — его жена, на тех же основаниях, что и его брата, а сын его сестры — также и его сын, потому что его сестра в то же время и его жена. При туранской системе сын его брата все еще является и его сыном на том же основании, но сын его сестры — теперь его племянник, так как при родовой организации его сестра перестала быть его женой. У ирокезов, у которых семья синдиасмическая, мужчина все еще называет сына своего брата своим сыном, хотя жена его брата перестала быть его женой; то же самое относится и к большому числу других названий родства, равным образом несоответствующих существующей форме брака. Система родства пережила те порядки, которые ее создали, и продолжает еще держаться, несмотря на то, что она уже в основе не соответствует существующему теперь действительному происхождению. Такого фактора, который бы устранил эту великую и древнюю систему родства, не появилось. С возникновением моногамии она и явилась этим фактором у арийских наций в то время, когда они приблизились к цивилизации. Моногамия установила отцовство детей и законность их наследования. Реформировать туранскую систему для согласования ее с моногамным происхождением было невозможно. Она была глубоко чуждой моногамии. Существовало все же простое и достаточное средство. Туранская система

была оставлена, а на ее место был введен описательный способ, всегда применявшийся туранскими племенами, когда они хотели специально охарактеризовать данное отношение родства. Они обратились к непосредственному факту кровного родства и стали описывать отношение родства каждого данного человека комбинацией основных обозначений. Так, они говорили: сын брата, внук брата, брат отца, сын брата отца. Каждое выражение описывало данное лицо, а отношение родства оставалось вывести. Такова была система арийских наций, какой мы ее находили в ее древнейшей форме у греческих, латинских, санскритских, германских и кельтских племен, а также семитических, что доказывается библейскими генеалогиями евреев. Следы туранской системы, на которые мы частично уже указывали, сохранялись у арийских и семитических наций вплоть до исторической эпохи, но туранская система в основном была упразднена, и ее место заняла описательная система.

Для иллюстрации и подтверждения этих положений необходимо рассмотреть в порядке их возникновения эти три системы и три основные формы семьи, появившиеся в связи с каждой из них. Они взаимно объясняют друг друга.

Сама по себе система родства имеет небольшое значение. Воплощая незначительное число идей и покоясь, повидимому, на простых понятиях, такая система может казаться неспособной дать полезные сведения, а тем менее пролить свет на начальное состояние человечества. К такому заключению можно естественно прийти, если рассматривать отношения группы родственников отвлеченно. Но если мы сравним системы родства ряда племен и увидим, что они играли роль домашних учреждений и сохранялись в течение неизмеримых периодов времени, тогда вопрос примет совершенно иной вид. Три такие системы, следовавшие одна за другой, представляют все развитие семьи от кровнородственной до моногамной. Поскольку мы в праве предположить, что каждая система выражает фактические отношения родства, существовавшие в семье во время образования данной системы, она в свою очередь раскрывает господствовавшую тогда форму брака и семьи, хотя бы даже они позднее дошли до более высокой ступени, тогда как система родства осталась без изменения.

Мы увидим ниже, что эти системы естественно развивались с прогрессом общества из низшего состояния в высшее и что переход от одной к другой системе характеризовался возникновением учреждения, глубоко влиявшего на структуру общества. Родство между матерью и ребенком, братом и сестрой, бабушкой и внуком устанавливалось во все времена с полной достоверностью; но то же отношение между отцом и ребенком, дедом и внуком могло быть установлено достоверным образом только тогда, когда моногамия дала тому такие основания, какие вообще возможны. Когда брак был групповым, в каждом из таких родственных отношений должен был одновременно находиться ряд лиц. Уже в самом начальном состоянии древнего общества должно было существовать представление об этих, как фактических, так и возможных, родственных отношениях и для их обозначения могли быть изобретены соответствующие термины. С течением времени постоянное применение этих терминов к лицам, составлявшим таким образом группу родственников, привело к образованию системы родства. Но форма этой системы, как уже указывалось, зависела от формы брака. При групповом браке между братьями и сестрами, родными и коллатеральными, семья должна была быть кровнородственной, а система родства — малайской. При групповом браке между несколькими сестрами и мужьями каждой из них и между несколькими братьями и женами каждого из них семья должна была быть пуналуальной, а система родства — туранской; там же, где существовал брак отдельных пар с исключительным сожитием, семья должна была быть моногамной, а система родства — арийской. Следовательно, эти три системы основываются на трех формах брака, при чем каждая система стремится выразить, насколько это могло быть известно, действительное родство, существующее между отдельными лицами при этих формах брака. Таким образом можно видеть, что эти системы покоились не на естественных отноше-

ниях, а на браке, не на отвлеченных соображениях, а на фактах; при этом каждая по-своему является логичной и правильной системой. Содержащиеся в них свидетельства имеют величайшую ценность и значение. Они раскрывают состояние древнего общества наиболее наглядным и достоверным образом.

Эти системы сводятся в конечном счете к двум в основе своей различным формам: одной — классификационной, другой — описательной. При первой кровные родственники не описываются, а делятся на категории, независимо от близости или дальности их родства к Ego; при этом один и тот же термин родства относится ко всем лицам, принадлежащим к одной категории. Так, мои родные братья и сыновья братьев моего отца все будут моими братьями, а мои родные сестры и дочери сестер моей матери все — моими сестрами; такова классификация как малайской, так и туранской систем. При описательной форме кровные родственники описываются либо основными терминами родства либо комбинацией этих терминов; таким образом родственное отношение каждого отдельного лица выражено специфически. Соответственно этому мы говорим: сын брата, брат отца и сын брата отца. Такова система родства арийской, семитической и уральской семей, возникшая вместе с моногамией. Некоторый элемент классификации был впоследствии введен в эту систему в виде общих терминов, но самая начальная форма этой системы, для которой типичны эрзийская и скандинавская, была чисто описательной, как показывают вышеприведенные примеры. Основное различие между этими двумя системами было результатом множественности групповых браков в одном случае и браком отдельных пар в другом.

Тогда как описательная система имеет одну и ту же форму у арийской, семитической и уральской семей, классификационная имеет две различные формы: первую — малайскую, древнейшую, и вторую — туранскую и ганованскую, по существу сходные между собой, образовавшиеся путем модификации предшествующей малайской системы.

Краткое описание нашей собственной системы родства выяснит принципы, которым подчинены все системы.

Родство бывает двоякого рода: во-первых, по крови, во-вторых, по свойству или браку. Кровное родство, в свою очередь, бывает двух родов: прямое и коллатеральное. Родство по прямой линии представляет собой отношение между двумя лицами, из которых одно происходит от другого. Родство коллатеральное есть отношение между лицами, происходящими от общих предков, но не прямо один от другого. Родство по браку существует на основе обычая.

Не входя специально в изложение этого предмета, заметим вообще, что в каждой системе родства, при которой существует брак отдельных пар, должны быть одна прямая и несколько боковых линий, при чем последние расходятся от первой. Каждое отдельное лицо является центром группы родственников Ego, от которого считается степень родства каждого другого лица и по отношению к которому определяется родство. Этот Ego естественно находится на прямой вертикальной линии. На ней, выше и ниже, можно поместить различных предков и потомков его в прямой последовательности от отца к сыну; совокупность этих лиц образует его прямую мужскую линию. От этой основной линии отходит ряд боковых линий, мужских и женских, которым ведется счет по порядку. Для полного понимания данной системы достаточно проследить, помимо прямой линии, одну мужскую и одну женскую ветвь первых пяти боковых линий как с отцовской, так и с материнской стороны, переходя в каждом случае от отца или матери только к одному из детей, хотя это обнимает только небольшую часть родственников Ego в восходящей или нисходящей линии. Попытка проследить все подразделения и ветви различных боковых линий, число которых в восходящей последовательности возрастает в геометрической прогрессии, не сделало бы систему более понятной.

Первая мужская боковая линия состоит из моего брата и его потомков, а первая женская — из моей сестры и ее потомков. Вторая мужская боковая ли-

ния с отцовской стороны состоит из брата моего отца и его потомков, а вторая женская — из сестры моего отца и ее потомков. Вторая мужская линия с материнской стороны состоит из брата моей матери и его потомков, вторая женская — из сестры моей матери и ее потомков. Третья мужская боковая линия с отцовской стороны состоит из брата моего деда и его потомков, а третья женская — из сестры моего деда и ее потомков. С материнской стороны та же линия в ее мужской и женской ветвях состоит из братьев и сестер моей бабки и их потомков. Тут следует иметь в виду, что мы перешли от прямой линии с отцовской стороны к прямой линии с материнской стороны. Четвертая мужская и женская боковая линия начинается с брата и сестры моего прадеда и брата и сестры моей прабабки, а пятая мужская и женская боковая линия — с брата и сестры моего прапрадеда и брата и сестры моей прапрабабки, при чем каждая линия и каждая ветвь проходят таким же образом, как и третья. Эти пять линий с их потомством обнимают большинство наших родственников, родство которых фактически различается.

Эти различные линии родства требуют еще некоторых разъяснений. Если у меня имеется несколько братьев и сестер, то они вместе с их потомством образуют столько независимых друг от друга линий, сколько у меня братьев и сестер, но в своей совокупности они составляют моих родственников первой боковой линии, распадающейся на две ветви, мужскую и женскую. Подобным же образом различные братья и сестры моего отца и моей матери с их потомством образуют столько же отдельных линий, сколько существует братьев и сестер, однако в их совокупности все они составляют вторую боковую линию, в двух ее подразделениях, с отцовской и материнской стороны, и в четырех главных ветвях, двух мужских и двух женских. Если мы проследим третью боковую линию во всех ее ветвях, то найдем четыре большие подразделения предков и восемь главных ветвей, при чем число их в каждой дальнейшей боковой линии будет увеличиваться в той же прогрессии.

При такой массе подразделений и ветвей, охватывающих такое большое число кровных родственников, следует признать, что порядок расположения и описания, выделявший каждое отдельное лицо и придававший смысл целому, был незаурядным приобретением. Эта задача была в совершенстве разрешена римскими цивилистами, метод которых усвоен главными европейскими нациями; он действительно так прост, что вызывает изумление¹. Развитие номенклатуры в необходимом объеме должно было быть настолько трудным, что оно, вероятно, никогда бы не произошло, если бы к тому не понуждала настоятельная необходимость, а именно потребность в составлении родословных для определения порядка наследования имущества.

Чтобы сделать новую форму возможной, было необходимо различать посредством определенных терминов родство дяди и тетки с отцовской и материнской стороны; это было сделано только в немногих языках. Такие термины появились в конце концов у римлян в виде слов *patruus* и *amita* для дяди и тетки с отцовской стороны и *avunculus* и *matertera* — с материнской. С введением этих терминов усовершенствованный римский способ описания кровных родственников установился². Он был принят в его основных чертах рядом ветвей арийской семьи, за исключением эрзийской, скандинавской и славянской.

После того как туранская система была оставлена, арийская система необходимым образом приняла описательную форму, как это мы видим в эрзийской системе. Каждое отношение родства в прямой и первых пяти боковых линиях имеет в системе отдельное место; число этих отношений превышает сто и требует столько же описательных выражений или постепенного изобретения общих терминов.

¹ Пандекты, кн. XXXVIII, гл. X. De gradibus, et ad finibus et nominibus eorum. Институции Юстиниана, кн. III, гл. VI. De gradibus cognationum.

² Английское *aunt* происходит от латинского *amita*, а *uncle* от *avunculus*, уменьшительного от *avus* — „дед“. т. е. „малый дед“. *Matertera*, вероятно, произведено от *mater* и *altera* — „другая мать“.

Следует отметить, что граница распространения обеих основных форм, классификационной и описательной, почти совпадает с демаркационной линией между варварскими и цивилизованными нациями. Этого можно было ожидать, исходя из того закона прогресса, который раскрывается в этих формах брака и семьи.

Принятие, изменение или смена систем родства не происходили произвольно. Их возникновение связано с органическими движениями общества, вызывавшими глубокие изменения в его состоянии. Раз данная форма вошла во всеобщее употребление, ее номенклатура изобретена и ее метод установлен, изменение в ней, по самой природе вещей, может произойти только очень медленно. Каждое человеческое существо является центром группы родственников, и, следовательно, каждому приходится употреблять и понимать действующую систему. Изменение какого-либо из этих родственных отношений должно было быть крайне трудным. Эта тенденция постоянства увеличивалась еще тем, что системы родства существовали скорее по обычаю, чем на основе законодательного акта, скорее как естественные образования, чем искусственные создания; поэтому движущая сила для изменения системы должна была быть столь же универсальна, как и данный обычай. Каждое отдельное лицо является частью системы родства, которая образуется кровными узлами. Для сохранения данной системы существовали, следовательно, могущественные причины еще долгое время после того, как отношения, при которых она возникла, изменились или совершенно исчезли. Этот элемент стойкости придает достоверность выводам из соответствующих фактов; благодаря ему сохранились и были обнаружены такие данные о древнем обществе, которые иначе были бы совершенно утрачены для человеческого знания.

Нельзя было ожидать, что столь разработанная система, как туранская, оставалась у различных наций и семей человечества совершенно единообразной. В малозначащих деталях встречаются отклонения, но основные черты в общем везде одинаковы. Система родства у тамиллов Южной Индии и сенека-ирокезов штата Нью-Йорк все еще тождественны в двухстах различных видах родства, — пример проявления естественной логики в общественных отношениях, не имеющих аналогии во всей истории человеческого ума. Существует также модифицированная форма этой системы, стоящая особняком и имеющая свою собственную историю. Это — система хинди, бенгали, марати и других народов Северной Индии, образовавшаяся путем комбинации арийской и туранской систем. Цивилизованный народ, брахманы, слился с варварскими племенами, при чем его язык растворился в новых наречиях названных племен; эти наречия сохранили грамматическую структуру туземного языка, заимствовав из санскрита девяносто процентов своих слов. Это привело к коллизии двух систем родства: одной, основанной на моногамии или синдиасмическом браке, другой — на множественности группового брака; в результате получилась смешанная система. Туземцы, численность которых преобладала, сообщили ей туранский характер, тогда как санскритский элемент ввел в нее такие изменения, которые спасли моногамную семью от упрека. Славянское племя, повидимому, произошло от такого же смешения рас. Система родства, прошедшая в периоды дикости и варварства всего две фазы и принявшая третью, измененную форму уже в период цивилизации, обнаруживает черты стойкости, заслуживающие внимания.

Нет надобности рассматривать здесь патриархальную семью, основанную на полигамии. В силу ее ограниченной распространенности она имела незначительное влияние.

Домашняя жизнь дикарей и варваров не была исследована с тем вниманием, какого этот предмет заслуживает. У индейских племен Северной Америки семья имела синдиасмическую форму; но они жили обычно в общих домах и осуществляли коммунизм в своем домашнем хозяйстве. По мере того как мы будем спускаться по лестнице развития в направлении к пуналуальной и кровнородственной семьям, размер домохозяйства будет увеличиваться и будет расти

число лиц, живущих вместе в одном помещении. Прибрежные племена Венецуэлы, у которых, повидимому, существовала пуналуальная семья, жили, по описаниям открывших их испанцев, в колоколообразных домах, вмещавших по сто шестьдесят человек¹. Мужья и жены жили вместе одной группой в одном доме и по большей части в одном и том же помещении. Мы имеем основание заключить, что такой образ домашней жизни был весьма распространен в периоде дикости.

Объяснение происхождения указанных систем родства и свойства будет предложено в следующих главах. Системы эти будут сведены к формам брака и семьи, из которых они возникли, при чем существование этих форм предполагается. Если мы таким образом получим удовлетворительное объяснение каждой из этих систем, то мы сможем вывести предшествовавшее существование каждой формы брака и семьи из той системы, которую эта форма объясняет. В заключительной главе будет сделана попытка определить ряд главнейших учреждений, влиявших на развитие последовательных форм семьи. Наши сведения о начальном состоянии человечества еще так ограничены, что мы должны использовать все доступные нам указания. Устанавливаемая нами последовательность форм семьи отчасти гипотетична, но она подтверждается достаточным количеством доказательств, чтобы стать достойной внимания. Ее окончательное установление будет результатом будущих этнологических исследований.

Глава вторая

КРОВНОРОДСТВЕННАЯ СЕМЬЯ

Существование в прежнее время этой формы семьи доказывается малайской системой родства. — Гавайская система, взятая как типическая. — Пять степеней родства. — Детали системы. — Она объясняется групповым браком между братьями и сестрами. — Первобытное состояние общества на Сандвичевых островах. — Девять степеней родства у китайцев. — Они совпадают в основе с гавайскими. — Пять степеней родства в идеальной республике Платона. — Таблица малайской системы родства и свойства.

Существование кровнородственной семьи приходится доказывать иным путем, чем на основании ее непосредственных проявлений. Будучи первой и наиболее древней формой данного учреждения, она перестала существовать даже у самых отсталых дикарских племен. Она принадлежит тому общественному состоянию, из которого уже вышла наименее развитая часть человеческой расы. Отдельные случаи брака между братом и сестрой у варварских и даже цивилизованных наций имели место в историческом периоде; но это нечто совершенно отличное от группового брака нескольких братьев и сестер в таком состоянии общества, в котором подобные браки господствовали и составляли основу социальной системы. На островах Полинезии и Меланезии, а также в Австралии существуют племена дикарей, повидимому, не далеко ушедшие от первобытного состояния; все же они далеки от того состояния, которое связано с существованием кровнородственной семьи. Где же в таком случае, — может возникнуть вопрос, — доказательство, что такая семья когда-либо вообще существовала у человека? Приводимое доказательство должно быть вполне убедительным; иначе наше предположение не сможет считаться обоснованным. Такое доказательство дает система родства и свойства, пережившая на бесчисленный ряд столетий те брачные обычаи, от которых она произошла, и сохранившаяся еще теперь, чтобы засвидетельствовать факт, что такая семья существовала тогда, когда эта система сложилась.

Эта система — малайская. Она выражает те отношения родства, которые должны были существовать в кровнородственной семье, и предполагает существование такой семьи для объяснения ее собственного существования. Более

¹ Herrera's History of America, I, 216, 218, 348.

того, она с моральной убедительностью доказывает существование кровнородственной семьи в то время, когда эта система сложилась.

Мы рассмотрим теперь эту наиболее архаическую из открытых до сих пор систем для доказательства, на основании выраженных в ней видов родства, вышеприведенных основных положений. Кровнородственная семья является наиболее архаической формой семьи, о которой сохранилась какая-либо память.

Такое важное свидетельство о состоянии первобытного общества не сохранилось бы до настоящего времени, если бы системы родства не обладали особой устойчивостью. Арийская система, например, существует почти три тысячи лет без особых изменений и может продолжать существовать еще сто тысяч лет, если только будет так же долго существовать моногамная семья, родственные отношения которой она выражает. Эта система описывает отношения родства, фактически имеющие место при моногамии, и не может поэтому изменяться до тех пор, пока семья остается в ее настоящем состоянии. Если у арийских наций возникает новая форма семьи, то существующая система родства останется без изменений, пока эта новая форма не станет универсальной; и хотя в таком случае это могло бы привести к изменению данной системы в некоторых частностях, вся система исчезла бы лишь в том случае, если бы новая семья оказалась по существу отличной от моногамной. Совершенно то же самое относится к ее непосредственной предшественнице — туранской системе, а до нее — малайской, предшествовавшей туранской. Малайская система относится к глубочайшей древности; она возникла с кровнородственной семьей, продолжала существовать неопределенно долгое время после возникновения пуналуальной семьи и у некоторых племен была, повидимому, вытеснена туранской системой одновременно с установлением родовой организации.

Обитатели Полинезии принадлежат к малайской семье. Мы назвали систему их родства малайской, хотя собственно малайцы модифицировали свою систему в некоторых частностях. У гавайцев и других полинезийских племен по сей час действует система родства, которая приводится нами в прилагаемой таблице и может считаться древнейшей из известных человечеству. Гавайской и ротуманской¹ формами мы пользуемся как типичными для малайской системы. Эта наиболее простая, а следовательно, и самая древняя форма классификационной системы раскрывает нам начальную форму, к которой впоследствии присоединились туранская и ганованская системы.

Совершенно очевидно, что малайская система не могла произойти от какой-либо другой уже существовавшей системы, так как нельзя себе представить какой-либо более элементарной системы. Она признает только пять основных видов кровного родства, независимо от пола. Все родственники, близкие и отдаленные, классифицируются по этим видам родства на пять категорий. Так, я сам, мои братья и сестры и мои двоюродные братья и сестры первой, второй, третьей и более отдаленных степеней составляют первую степень или категорию. Все они без различия — мои братья и сестры. Выражение «двоюродные братья и сестры» употребляется здесь в нашем смысле: в Полинезии такая форма родства неизвестна. Мой отец и моя мать с их братьями и сестрами, а равно двоюродными братьями и сестрами первой, второй, третьей и более отдаленных степеней составляют вторую категорию. Все они без различия — мои родители. Мой дед и бабушка с отцовской и материнской стороны с их братьями и сестрами, родными и двоюродными различных степеней составляют третью категорию. Все они — мои деды. Вниз, мои сыновья и дочери с их двоюродными братьями и сестрами различных степеней составляют четвертую категорию. Все они без различия — мои дети. Мои внуки и внучки с их двоюродными братьями и сестрами составляют пятую категорию. Все они подобным же образом считаются моими внуками.

¹ Ротуманская система публикуется здесь впервые. Она была составлена Джоном Осборном, веслейанским миссионером, на острове Ротума, и прислана автору Лоримером Файсоном из Сиднея в Австралии.

Далее, все принадлежащие к одной и той же категории считаются братьями и сестрами друг друга. Таким образом все возможные родственники каждого данного лица распределены по пяти категориям, и каждый человек применяет ко всякому находящемуся в одной с ним категории один и тот же термин родства. Этим пяти категориям или степеням родства малайской системы следует уделить особое внимание, потому что ту же классификацию мы находим в «девяти степенях родства» китайцев, расширенных, как будет показано ниже, для того, чтоб включить двух добавочных предков и двух добавочных потомков. Обе системы имеют таким образом единое по существу основание.

В гавайской системе существуют следующие термины: дед — *kirīpā*, родитель — *mākūa*, ребенок — *kaikēe* и внук — *шоорīpā*. Для обозначения пола прибавляются термины: *kāna* — для мужского и *wāheena* — для женского; таким образом, *kirīpā kāna* — дед, а *kirīpā wāheena* — бабушка. Предки и потомки, стоящие выше и ниже названных, в случае необходимости обозначить их более точно, различают по порядку: первый, второй, третий и т. д., но в обычном словоупотреблении *kirīpā* применяется ко всем восходящим выше деда, а *шоорīpā* — ко всем нисходящим ниже внука.

Различаются две формы родства братьев и сестер: старшие и младшие, при чем для каждой формы существуют особые термины; это разделение, однако, не проведено полностью. Так, в гавайской системе, откуда мы будем брать наши примеры, мы имеем:

старшего брата	называет	мужчина	—	<i>kaikūāna</i> ,	женщина	—	<i>kaikūnāna</i>
младшего брата	"	"	"	<i>kaikaina</i> ,	"	"	<i>kaikūnāna</i>
старшую сестру	"	"	"	<i>kaikūwāheena</i> ,	"	"	<i>kaikūāna</i>
младшую сестру	"	"	"	<i>kaikūwāheena</i>	"	"	<i>kaikaina</i>

Следует заметить, что мужчина называет своего старшего брата, а женщина — свою старшую сестру одинаково *kaikūāna*, а мужчина своего младшего брата и женщина свою младшую сестру одинаково — *kaikaina*; эти термины, следовательно, общие для обоих полов и выражают ту же идею, которую мы находим в системе каренов, а именно: «до меня и после меня рожденные»¹. Один и тот же термин употребляется мужчинами для старшей и младшей сестры, женщинами — для старшего и младшего брата. Отсюда видно, что тогда как братья мужчины делятся на старших и младших, его сестры не делятся так; с другой стороны, сестры женщины делятся на старших и младших, ее братья не делятся так. Отсюда образовался двойной ряд терминов, из коих одни употребляются мужчинами, другие женщинами — особенность, встречающаяся также в системах ряда полинезийских племен². У диких и варварских племен родство брата и сестры редко понимается абстрактно.

Сущность данной системы заключается в указанных пяти категориях кровных родственников; следует, однако, отметить некоторые специальные черты, что потребует детального изложения первых трех боковых линий. Когда мы познакомимся с ними, связь этой системы с групповым браком между братьями и сестрами, родными и коллатеральными, обнаружится сама собой в соответствующих видах родства.

Первая боковая линия. В мужской ветви, если я сам — мужчина, то, по гавайской системе, дети моего брата — мои сыновья и дочери и зовут меня отцом, а дети этих последних — мои внуки и зовут меня дедом.

В женской ветви дети моей сестры — мои сыновья и дочери и зовут меня отцом, а их дети — мои внуки и зовут меня дедом. Если я — женщина, то родство названных лиц — то же самое в обеих ветвях с соответствующими изменениями в зависимости от пола.

Мужья и жены этих различных сыновей и дочерей — мои зятья и невестки; термины в данном случае одинаковы для обоих полов, с прибавлением соответствующих терминов для обозначения мужчины и женщины.

¹ Systems of Consanguinity, I. c., p. 445.

² Ib., pp. 525, 573.

Вторая боковая линия. В мужской ветви с отцовской стороны брат моего отца — мой отец и зовет меня своим сыном; его дети — мои старшие и младшие братья и сестры; дети этих последних — мои сыновья и дочери, а их дети — мои внуки; каждый из этих восходящих и нисходящих употребляет по отношению ко мне соответствующее название. Сестра моего отца — моя мать; ее дети — мои старшие и младшие братья и сестры; их дети — мои сыновья и дочери, а дети этих последних — мои внуки.

В той же линии с материнской стороны брат моей матери — мой отец, его дети — мои братья и сестры, их дети — мои сыновья и дочери, а дети последних — мои внуки. Сестра моей матери — моя мать, ее дети — мои братья и сестры, их дети — мои сыновья и дочери, а дети этих последних — мои внуки. Родство названных лиц во всех ветвях этих и следующих линий остается тем же, если я — женского пола.

Жены всех этих родных и коллатеральных братьев — мои жены, так же как и ихние. Обращаясь к какой-либо из них, я называю ее моей женой, употребляя обычный термин, обозначающий это отношение. Мужья (к которым принадлежу и я) всех этих жен — мои свояки. Если я — женщина, то мужья всех моих сестер, родных и коллатеральных — мои мужья, так же как и их. Обращаясь к кому-либо из них, я пользуюсь обычным термином, обозначающим супруга. Жены всех этих мужей, являющихся общими мужьями для них и для меня — мои свояченицы.

Третья боковая линия. В мужской ветви этой линии с отцовской стороны брат моего деда — мой дед, его дети — мои отцы и матери, их дети — мои старшие и младшие братья и сестры, дети последних — мои сыновья и дочери, а их дети — мои внуки. Сестра моего деда — моя бабушка, а ее дети и потомки стоят в тех же отношениях родства ко мне, как и потомки брата моего деда.

В той же линии с материнской стороны брат моей бабушки — мой дед, его сестра — моя бабушка, а их дети и потомки относятся к той же категории, как соответствующие лица в первой ветви этой линии.

Родство по браку здесь то же, что во второй боковой линии, вследствие чего число родственников, соединенных узами брака, значительно возрастает.

Насколько можно проследить кровных родственников в более отдаленных боковых линиях, все они попадают в классы данной всеобъемлющей системы. Таким образом мой прапрадед в четвертой боковой линии является моим дедом, его сын — тоже мой дед, сын последнего — мой отец, его сын — мой брат, младший или старший, а его сын и внук — мой сын и внук.

Следует заметить, что различные боковые линии как в восходящей, так и в нисходящей степенях сливаются с прямой линией, так что предки и потомки моих двоюродных братьев и сестер являются в то же время и моими предками и потомками. Это — одна из характерных черт классификационной системы. Ни один из родственников не теряется ею из виду.

Простота этой системы показывает, как легко было при ней определять и знать родство и как это знание переходило от поколения к поколению. Иллюстрацией может служить одно правило: дети братьев — сами братья и сестры; дети этих последних — также братья и сестры и т. д. до бесконечности. То же самое относится к детям и потомкам сестер, а равно братьев и сестер.

Все члены каждой категории стоят на одном уровне их родства, независимо от близости или отдаленности степеней, при чем все принадлежащие к одной категории находятся в одинаковом родстве к Его. Отсюда следует также, что знать порядок степеней было необходимым условием гавайской системы, без чего не могла быть определена категория родства каждого отдельного лица. Простота и точность этой системы обращает на себя внимание, прямо указывая на то, что групповой брак родных и коллатеральных братьев и сестер был источником, из которого эта система возникла.

Бедность языка или безразличное отношение к родству не имели никакого значения при создании данной системы, как это мы еще увидим в дальнейшем.

Изложенная здесь система родства встречается, кроме гавайцев и ротуманцев, у других полинезийских племен, например, у островитян Маркиз и у маори на Новой Зеландии. Она распространена также у самоанцев, на островах Кузай и Кингс-Миль в Микронезии¹ и, по всей вероятности, на всех населенных островах Тихого океана, за исключением тех, где она перешла в туранскую систему.

Эта система прямо говорит о предшествовавшем ей существовании кровнородственной семьи и связанной с этой последней формы брака. Следует предположить, что она представляет собой естественную и реальную систему, выражающую фактически существовавшие при ее возникновении родственные отношения постольку, поскольку происхождение детей могло быть известно. Действовавшие тогда брачные порядки могли к настоящему времени исчезнуть. Наличие их и не требуется для подкрепления нашего вывода. Системы родства, как уже было указано, в общем не изменяются и остаются в полной силе еще долгое время после того, как брачные обычаи, из которых они произошли, совершенно или частью исчезли. Небольшое число независимых систем родства, возникших в течение длинного периода развития человечества, является достаточным свидетельством их постоянства. Они изменяются только в связи с великими эпохами прогресса. Для объяснения возникновения малайской системы из самой природы происхождения ребенка мы в праве предположить, что ей предшествовал групповой брак между родными и коллатеральными братьями и сестрами; и если затем обнаруживается, что главные родственные отношения, признанные этой системой, те самые, которые должны были фактически существовать при этой форме брака, то уже сама по себе эта система является решительным доказательством существования такого брака. Можно вполне допустить, что эта система получила свое начало в многобрачии кровных родственников, в том числе родных братьев и сестер, что она действительно началась с брака между братьями и сестрами и постепенно включала в свой круг коллатеральных братьев и сестер, по мере того как расширялся круг брачной системы. С течением времени зло этой первой формы брака стало заметным, что привело если не к прямому ее уничтожению, то к предпочтению жен, находящихся за пределами этой степени родства. У австралийцев она была полностью уничтожена классовой организацией, а более основательным образом у туранских племен — родовой организацией. Невозможно объяснить эту систему, если считать ее естественным образованием, какой-либо другой гипотезой, кроме приведенной здесь, так как только указанная выше форма брака дает ключ к ее объяснению. В состоявшей из братьев и сестер кровнородственной семье мужа жили в полигинии, а жены — в полиандрии; эти формы, следовательно, столь же древни, как и человеческое общество. Такая семья не представляет собой ничего неестественного или замечательного. Трудно было бы указать какое-либо иное возможное происхождение семьи в первобытную эпоху. Скорее можно удивляться тому, что кровнородственная семья в ее частичной форме сохранилась так долго, ибо еще не все ее следы исчезли у гавайцев в эпоху их открытия.

Данное в этой главе объяснение происхождения малайской системы, а в следующих главах — туранской и ганованской, вызвало сомнение и оспаривается Джоном Ф. Мак Леннаном, автором «Первобытного брака». Я не вижу, однако, основания менять изложенные здесь взгляды, по существу тождественные с уже представленными в «Системах родства». Но я прошу внимания читателя к повторенному здесь толкованию и моему примечанию, помещенному в конце главы VI, где возражения Мак Леннана подвергнуты разбору.

Если принятые малайской системой виды родства подтверждаются данной формой брака, то можно считать, что они основываются на групповом браке между родными и коллатеральными братьями и сестрами.

Следует помнить, что возникшие из организации семьи родственные отношения — двоякого рода: отношения кровного родства, определяемые происхо-

¹ Systems of Consanguinity, таблица III, стр. 542, 573.

ждением, и отношения свойства, определяемые браком. Поскольку в кровнородственной семье существуют две различные группы: группа отцов и группа матерей, связь детей с обеими группами должна быть настолько крепка, что в этой системе различие между родством по крови и по свойству не проводится.

I. Все дети всех моих братьев, если я мужского пола — мои сыновья и дочери.

Основание: с гавайской точки зрения все жены всех моих братьев — мои жены, так же как и ихние. Так как я не имею возможности отличить моих собственных детей от детей моих братьев, то, если я называю одного своим ребенком, я должен называть их всех своими детьми. Один с такой же вероятностью может быть моим, как и другой.

II. Все внуки всех моих братьев — мои внуки.

Основание: они — дети моих сыновей и дочерей.

III. Если я женского пола, то все предыдущие родственные отношения — те же.

Здесь вопрос сводится просто к родству по браку. Так как все мои братья являются моими мужьями, то их дети от других жен будут моими пасынками; но так как этот вид родства не признается, то они естественно попадают в категорию моих сыновей и дочерей. Иначе они оказались бы вне данной системы родства. Даже у нас мачеха называется матерью, а пасынок — сыном.

IV. Все дети всех моих сестер, родных и коллатеральных, если я мужского пола — мои сыновья и дочери.

Основание: все мои сестры — мои жены, точно так же, как жены всех моих братьев.

V. Все внуки всех моих сестер — мои внуки.

Основание: они — дети моих сыновей и дочерей.

VI. Все дети всех моих сестер, если я женского пола — мои сыновья и дочери.

Основание: мужья моих сестер являются в то же время моими мужьями. Существует однако различие: я могу отличить моих собственных детей от детей моих сестер, которым я — мачеха. Но поскольку этот вид родства не различается, они попадают в категорию моих сыновей и дочерей. Иначе они оказались бы вне данной системы родства.

VII. Все дети всех родных братьев — друг другу: братья и сестры.

Основание: эти братья — мужья всех матерей этих детей. Дети могут отличать своих матерей, но не отцов; по матерям они — частью родные братья и сестры, частью сводные, но по отцам они все — возможные братья и сестры. На этом основании они естественно попадают в эту категорию.

VIII. Дети этих сестер и братьев — также братья и сестры друг другу, дети последних — опять братья и сестры, и это родство распространяется на их потомков до бесконечности. То же самое относится к детям и потомкам всех родных сестер и всех братьев и сестер. Так создается бесконечный ряд братьев и сестер, составляющий основную часть данной системы. Для объяснения этого ряда нужно далее допустить, что брачные отношения распространялись до тех пределов, в каких существовало отношение братьев и сестер, так что каждый брат имел столько жен, сколько у него было родных и коллатеральных сестер, а каждая сестра имела столько мужей, сколько у нее было братьев, родных и коллатеральных. Браки и семьи составлялись, повидимому, в пределах степени или категории и сосуществовали с нею. Таково, повидимому, было начало той изумительной брачной системы, о которой уже неоднократно говорилось.

IX. Все братья моего отца — мои отцы и все сестры моей матери — мои матери.

Основания — те же, что в пунктах I, III и VI.

X. Все братья моей матери — мои отцы.

Основание: они — мужья моей матери.

XI. Все сестры моей матери — мои матери.

Основания — те же, что в пункте VI.

XII. Все дети моих коллатеральных братьев и сестер, без различия — мои сыновья и дочери.

Основания — те же, что в пунктах I, III, IV и VI.

XIII. Все дети последних — мои внуки.

Основания — те же, что в пункте II.

XIV. Все братья и сестры моего деда и моей бабушки с отцовской и материнской стороны — мои деды и бабушки.

Основание: они — отцы и матери моего отца и моей матери.

Таким образом каждый признаваемый по этой системе вид родства объясняется природой кровнородственной семьи, основанной на групповом браке между родными и коллатеральными братьями и сестрами. Эта система различает родство с отцовской стороны постолько, поскольку может быть отпределено происхождение детей, при чем возможные отцы считаются действительными отцами. Родство с материнской стороны определяется по принципу свойства, при чем папынки считаются родными детьми.

Обращаясь теперь к родству по браку, мы получим подтверждающие наше предположение результаты, как показывает следующая таблица:

	По-тонгански	По-гавайски
Мужчина называет жену брата	upofo, моя жена	waheena, моя жена
Мужчина называет сестру жены	upofo, моя жена	waheena, моя жена
Женщина называет брата мужа	upofo, мой муж	kape, мой муж
Мужчина называет жену сына брата отца	upofo, моя жена	waheena, моя жена
Мужчина называет жену сына сестры матери	upofo, моя жена	waheena, моя жена
Женщина называет мужа дочери брата отца	upofo, мой муж	kaikoeke, мой свояк
Женщина называет мужа дочери сестры матери	upofo, мой муж	kaikoeke, мой свояк

Везде, где жена принадлежит к боковой линии, муж должен считаться по прямой линии, и наоборот¹. Когда эта система родства и свойства впервые вошла в употребление, виды родства, сохраняющиеся донныне, не могли быть иными, чем те, которые фактически существовали, что бы потом ни произошло с брачными порядками.

Из тех свидетельств, которые заключены в этой системе родства, мы можем вывести, что кровнородственная семья в том виде, как она была нами описана, существовала у предков полинезийских племен тогда, когда эта система возникла. Объяснение этой системы возможно лишь при наличии этой формы семьи. Более того, она дает почти точное объяснение каждого отдельного отношения родства.

Заслуживает внимания следующее замечание Оскара Пешеля: «В наше время, когда установлено, что даже у бескровных растений возможность взаимного оплодотворения потомков одних и тех же родителей затруднительна, кажется прямо невероятным, чтобы когда-нибудь и где-нибудь дети одной матери размножались путем браков между собой в течение долгого времени»². Следует напомнить, что группы кровных родственников, соединенных браком, не ограничивались родными братьями и сестрами, но включали также коллатеральных братьев и сестер. Чем шире были брачные отношения данной группы, тем меньше зла от половых сношений между близкими родственниками.

Уже из общих соображений становится вероятным существование в древности кровнородственной семьи. Естественная и необходимая связь кровнородственной семьи с пуналуальной, пуналуальной с синдиасмической и синдиасмической с моногамной, при чем каждая форма предполагает существование предшествующей, приводит прямо к этому заключению. Эти формы семьи находятся

¹ У кафров в Южной Африке жена сына брата моего отца, жена сына сестры моего отца, жена сына брата моей матери и жена сына сестры моей матери являются в то же время и моими женами, как это вытекает из их системы родства.

² Races of Man, Appleton's ed., 1876, p. 232.

в логической связи и все вместе распространяются на несколько этнических периодов от дикости до цивилизации.

Подобным же образом три великие системы родства, связанные с тремя основными формами семьи, образуют такой же непрерывный ряд, идущий параллельно вышеупомянутому и не менее ясно обозначающий подобную же линию человеческого прогресса от дикости до цивилизации. Мы имеем основания заключить, что далекие предки арийской, семитической и уральской семей обладали в состоянии дикости системой родства, тождественной малайской, которая после возникновения родовой организации модифицировалась в туранскую, а затем, с возникновением моногамной семьи, была совершенно упразднена и уступила место арийской системе родства.

Помимо имеющих столь большое значение приведенных данных, мы располагаем еще и другими доказательствами существования в древности у гавайцев кровнородственной семьи, которыми также не следует пренебрегать.

Вероятность предшествующего существования такой семьи подтверждается состоянием общества на Сандвичевых островах, когда оно впервые было изучено. Когда на этих островах были учреждены американские миссии (1820 г.), обнаруженное здесь состояние общества привело в ужас миссионеров. Изумление их вызвали главным образом отношения полов и брачные обычаи. Они внезапно попали в ту фазу древнего общества, когда моногамная семья была неизвестна, когда синдиасмическая семья была также неизвестна; вместо них существовала непонятная им пуналуальная семья, в которой родные братья и сестры были не совсем устранены от половых сношений между собой и при которой мужчины жили в полигинии, а женщины — в полиандрии. Им казалось, что они открыли самую низкую ступень деградации, чтобы не сказать развращенности человека. Но невинные гавайцы, которые не смогли выйти из состояния дикости, жили, для дикарей, без сомнения, совершенно прилично и нравственно, на основе обычаев и порядков, имевших для них силу законов. Весьма вероятно, что они, добросовестно соблюдая свои обычаи, жили так же добродетельно, как эти превосходные миссионеры, следовавшие своим обычаям. Негодование, которое почувствовали миссионеры, характеризует глубину пропасти, отделяющей цивилизованного человека от дикаря. Возвышенная мораль и утонченность чувств, являющиеся продуктом развития целых веков, очутились лицом к лицу со слабым нравственным чувством и грубыми инстинктами, свойственными дикому человеку во все эти давно прошедшие времена. Это был такой контраст, какой только можно себе представить. Один из этих первых миссионеров, Хайрем Бингхэм, дал нам превосходную историю Сандвичевых островов, основанную на самостоятельных исследованиях; в его изображении население этих островов предается всевозможным гнусностям. «Полигамия, т. е. соединение нескольких мужчин и женщин в брачный союз, — говорит он, — блуд, прелюбодеяние, кровосмешение, детоубийство, злонамеренное оставление супругов, родителей и детей, колдовство, жадность и жестокость были широко распространены среди них и, повидимому, несколько не запрещались их религией»¹. Большая часть этих тяжких обвинений относится к пуналуальному браку и пуналуальной семье и не отнимает у гавайцев известной доли нравственности. Следует действительно признать, что и дикари обладают моралью, хотя бы и весьма низкого типа: ибо не могло быть такого времени в истории человечества, когда бы не существовало принципа морали. Как рассказывает Бингхэм, Вакеа, предок-эпоним гавайцев, говорит, женился на своей старшей дочери. В то время когда там жили эти миссионеры, братья и сестры вступали друг с другом в брак беспрепятственно. «Брачные связи между братьями и сестрами, — говорит далее Бингхэм, — были особо приняты у высших классов и продолжали заключаться до тех пор, пока гавайцы не познакомились с божественным откровением»². Нет ничего удивительного в том, что на

¹ Bingham's Sandwich Islands, Hartford ed., 1847, p. 21.

² ib., p. 53.

Сандвичевых островах брак между братьями и сестрами сохранился в качестве пережитка кровнородственной семьи при пуналуальной семье, в отдельных случаях, поскольку эти люди еще не достигли родовой организации и поскольку пуналуальная семья выросла из еще не совершенно исчезнувшей кровнородственной семьи. Хотя семья имела у них в сущности пуналуальную форму, система родства оставалась без изменений, в том виде, как она возникла вместе с кровнородственной семьей, за исключением некоторых видов брачного родства.

Невероятно, чтобы у гавайцев семья имела в действительности тот же объем, что и группа лиц, соединенных брачными отношениями. В силу необходимости такая группа должна была в целях добычи средств существования и взаимной защиты разделиться на меньшие группы, однако каждая меньшая семья должна была представлять собой в миниатюре всю группу. Возможно, что как при пуналуальной, так и при кровнородственной семье отдельные лица переходили по желанию из одной такой группы в другую, что и подало повод Бингхэму говорить о злонамеренном оставлении супругами друг друга и детей родителями. Как при кровнородственной, так и при пуналуальной семье необходимо должен был господствовать коммунизм домашней жизни, ибо это обуславливалось их состоянием. Коммунизм господствует и теперь повсеместно у диких и варварских племен.

Мы должны вкратце коснуться «деяти степеней родства китайцев». Один древний китайский писатель говорит следующее: «Все родившиеся на свет люди имеют девять разрядов родственников. Мое собственное поколение составляет одну степень, поколения моего отца, моего деда, моего прадеда и моего прапрадеда каждое представляет собой степень; следовательно, выше меня имеются четыре степени; поколения моего сына, моего внука, моего правнука и моего праправнука каждое представляет собою степень; следовательно, ниже меня имеются четыре степени; считая и мою собственную, получим итого девять степеней. Они являются братьями, и хотя каждая степень принадлежит к другому дому или семье, однако все они—мои родственники и составляют девять степеней родственников».

«Степени родства в семье подобны ручьям из одного источника или ветвям одного дерева: хотя ручьи бывают различные, более или менее удаляясь от источника, а ветви дальше или ближе отстоят от ствола, однако существует только один ствол и только один начальный источник»¹.

Гавайская система родства устанавливает девять степеней родства (считая, что они сводятся в ней к пяти путем исключения двух верхних и двух нижних звеньев) гораздо совершеннее, чем современная китайская². Тогда как последняя изменилась вследствие проникновения в нее туранского элемента, еще более вследствие специальных прибавлений для того, чтобы различить различные боковые линии, первая сохранила в нетронутом и чистом виде первоначальные степени родства, кроме которых, надо думать, первоначально не знала других и китайская система. Ясно, что как по китайской, так и по гавайской системе кровные родственники делились на категории по поколениям, при чем все боковые родственники одной и той же степени были друг другу братья и сестры. Более того, брак и семья были заключены в одной степени, при чем все мужья и жены находились в ее границах. Это явление становится совершенно понятным, если его объяснить при помощи гавайских категорий. В то же время эта система показывает, что отдаленные предки китайцев находились в состоянии совершенно аналогичном тому, которое отразилось в гавайской системе и воспоминание о котором сохранилось в этом остатке старины. Другими словами, она показывает, что в то время, когда образовались эти степени родства, у китайцев существовала пуналуальная семья, необходимой предшественницей которой была кровнородственная семья.

¹ Systems of Consanguinity etc., p. 415.

² *Иб.*, p. 432, где китайская система приведена полностью.

В «Тимее» Платона имеется частичное признание тех же самых пяти основных разрядов родственников. В идеальной республике все кровные родственники должны распадаться на пять категорий, женщины которых должны быть общими женами, а дети должны принадлежать сообща всем родителям. «Но что станет тогда с деторождением?» — спрашивает Сократ Тимея. «Это вы, пожалуй, легко запомните в виду новизны данного предложения: мы установили, чтобы браки и дети были для всех общими, и приняли особые меры к тому, чтобы никто не мог отличить своих родных детей, но чтобы все считали друг друга родственниками и именно лиц равного возраста и в цветущем периоде жизни братьями и сестрами, лиц старших поколений — родителями и дедами, рожденных же после них — детьми и внуками»¹. Платон, несомненно, был знаком с неизвестными нам эллинскими и пеласгическими преданиями, относившимися к далекому прошлому периода варварства и раскрывавшими следы еще более раннего состояния греческих племен. Свою идеальную семью он мог создать из отдельных моментов этих преданий; такое предположение более вероятно, чем то, что эта семья представляла собой результат философской дедукции. Следует отметить, что пять степеней родства Платона — точно те же, что в гавайской системе, что семья образовывалась внутри каждой степени, члены которой были друг другу братьями и сестрами, и что мужья и жены должны были принадлежать друг другу сообща групповым порядком.

Наконец, укажем на то, что общественное состояние, которому свойственна кровнородственная семья, с логической необходимостью указывает на предшествующее состояние промискуитета. Этого заключения, повидимому, нельзя избежать, хотя такой выдающийся исследователь, как Дарвин, оставляет его под вопросом. Невероятно, чтобы этот промискуитет начального периода существовал долгое время даже в орде, так как последняя должна была в целях добычи пропитания расколоться на меньшие группы и распасться на кровнородственные семьи. Самое большое, что с уверенностью можно утверждать по этому трудному вопросу, это — что кровнородственная семья была первой организованной формой общества и что она, несомненно, представляла улучшение предшествовавшего неорганизованного состояния, каково бы оно ни было. Эта форма семьи нашла человека на самой низшей ступени; от нее, как от самой низшей из известных нам исходных точек, можно начинать историю человеческого прогресса и по развитию домашних учреждений, изобретений и открытий проследить эту историю от дикости до цивилизации. Никакая цепь событий не может показать нам ход этого прогресса яснее, чем развитие идеи семьи в ее последовательных формах. Установив существование кровнородственной семьи, — чему было приведено, надо думать, достаточно доказательств, — будет легко доказать существование остальных форм семьи.

---

¹ „Тимей“, гл. II, пер. Дэвиса.

Система родства гавайцев и ротуманцев
(kā'-па — мужчина; wā-hee'-па — женщина)

№ по порядку	Наименования родственников	Гавайские термины по Томасу Миллеру	Перевод	Ротуманские термины по Джошу Осборну	Перевод
1	Мой прадед	kū-rū'-па ka'-па	мой дед	mā-pi-ga fā	мой прадед
2	Брат моего прадеда	kū-rū'-па ka'-па	мой дед	shā-pi-ga fā	мой прадед
3	Сестра моего прадеда	kū-rū'-па wā-hee'-па	моя бабушка	mā-pi-ga hon'-i	моя бабушка
4	Моя прабабка	kū-rū'-па wā-hee'-па	моя бабушка	mā-pi-ga hon'-i	моя бабушка
5	Сестра моей прабабки	kū-rū'-па ka'-па	мой дед	mā-pi-ga fā	мой дед
6	Мой дед	kū-rū'-па wā-hee'-па	моя бабушка	mā-pi-ga hon'-i	моя бабушка
7	Моя бабушка	mā-kū'-a kā'-па	мой отец	oi-fā	мой отец
8	Мой отец	mā-kū'-a kā'-па	моя мать	oi-hon'-i	моя мать
9	Моя мать	mā-kū'-a wā-hee'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
10	Мой сын	kāi'-kee kā'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
11	Моя дочь	kāi'-kee wā-hee'-па	мой внук (м.)	mā-pi-ga fā	мой внук (м.)
12	Мой внук	тоо-рū'-па kā'-па	мой внук (ж.)	mā-pi-ga hon'-i	мой внук (ж.)
13	Моя внучка	тоо-рū'-па wā-hee'-па	мой внук (м.)	mā-pi-ga fā	мой внук (м.)
14	Мой правнук	тоо-рū'-па kā'-па	мой внук (ж.)	mā-pi-ga hon'-i	мой внук (ж.)
15	Моя правнучка	тоо-рū'-па wā-hee'-па	мой внук (м.)	mā-pi-ga fā	мой внук (м.)
16	Мой праправнук	тоо-рū'-па kā'-па	мой внук (ж.)	mā-pi-gā hon'-i	мой внук (ж.)
17	Моя праправнучка	тоо-рū'-па wā-hee'-па	мой внук (м.)	mā-pi-ga fā	мой внук (м.)
18	Мой старший брат (Ego—мужч.)	kāi-kū-a-ā'-па	мой старший брат	sā-si-gi	мой брат старший
19	Мой старший брат (Ego—женщ.)	kāi-kū-nā'-па	мой старший брат	sag'-ve-ven'-i	мой брат старший
20	Моя старшая сестра (Ego—мужч.)	kāi-kū-wā-hee'-па	моя старшая сестра	sag-hon'-i	моя сестра старшая
21	Моя старшая сестра (Ego—женщ.)	kāi-kū-a-ā'-па	моя старшая сестра	sā-si-gi	моя сестра старшая

№ по порядку	Наименования родственников	Гавайские термины по Томасу Миллеру	Перевод	Ротуманские термины по Джону Осборну	Перевод
22	Мой младший брат (Ego—мужч.)	kāi-ka-i'-па	мой младший брат	sā-sī-gi	мой брат младший
23	Мой младший брат (Ego—женщ.)	kāi-kū-nā'-па	мой младший брат	sag'-ve-ven'-i	мой брат младший
24	Моя младшая сестра (Ego—мужч.)	kāi-kū-wā-hee'-па	моя младшая сестра	sag-hon'-i	моя сестра младшая
25	Моя младшая сестра (Ego—женщ.)	kāi-ka-i'-па	моя младшая сестра	sā-sī-gi	моя сестра младшая
26	Сын моего брата (Ego—мужч.)	kai'-kee kā'-па	мое дитя (м.)	le'-e-fā	мое дитя (м.)
27	Жена сына моего брата (Ego—мужч.)	hū-po-nā wā-hee'-па	моя невестка	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
28	Дочь сына моего брата (Ego—мужч.)	kāi'-kee wā-hee'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
29	Муж дочери моего брата (Ego—мужч.)	hū-po'-nā kā'-па	мой зять	le'-e fā	мое дитя (м.)
30	Внук моего брата (Ego—мужч.)	тоо-рū'-пā kā'-па	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
31	Внучка моего брата (Ego—мужч.)	тоо-рū'-пā wā-hee'-па	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-i	мой внук (ж.)
32	Правнук моего брата (Ego—мужч.)	тоо-рū'-пā kā'-па	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
33	Правнучка моего брата (Ego—мужч.)	тоо-рū'-пā wā-hee'-па	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-i	мой внук (ж.)
34	Сын моей сестры (Ego—мужч.)	kāi'-kee kā'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
35	Жена сына моей сестры (Ego—мужч.)	hū-po'-nā wā-hee'-па	моя невестка	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
36	Дочь сына моей сестры (Ego—мужч.)	kāi'-kee wā-hee'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)

37	Муж дочери моей сестры (Его—мужч.)	нū-по'-пā kā'-па	мой зять	le'-e fā	мое дитя (м.)
38	Внук моей сестры (Его— мужч.)	тоо-рū'-пā kā'-па тоо-рū'-пā wā-hee'- па	мой внук (м.) мой внук (ж.)	mā-pī-ga fā mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (м.) мой внук (ж.)
39	Внучка моей сестры	тоо-рū'-па kā'-па	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
40	Правнук моей сестры (Его—мужч.)	тоо-рū'-пā wā-hee' па	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (ж.)
41	Правнучка моей сестры (Его—мужч.)	каī'-kee kā'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
42	Сын моего брата (Его— женщ.)	нū-по'-пā wā-hee'-па	моя невестка	le'-e hon'-ī	мое дитя (ж.)
43	Жена сына моего брата (Его—женщ.)	каī'-kee wā-hee'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-ī	мое дитя (ж.)
44	Дочь моего брата (Его— женщ.)	нū-по'-пā kā'-па	мой зять	le'-e fā	мое дитя (м.)
45	Муж дочери моего брата (Его—женщ.)	тоо-рū'-пā kā'-па	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
46	Внук моего брата	тоо-рū'-пā wā-hee' па	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (ж.)
47	Внучка моего брата (Его— женщ.)	тоо-рū'-пā kā'-па	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
48	Правнук моего брата(Его— женщ.)	тоо-рū'-пā wā-hee'- па	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (ж.)
49	Правнучка моего брата (Его—женщ.)	каī'-kee kā'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
50	Сын моей сестры (Его— женщ.)	нū-по'-пā wā-hee'-па	моя невестка	le'-e hon'-ī	мое дитя (ж.)
51	Жена сына моей сестры (Его—женщ.)	каī'-kee wā-hee'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-ī	мое дитя (ж.)
52	Дочь моей сестры (Его— женщ.)	нū-по'-пā kā'-па	мой зять	le'-e fā	мое дитя (м.)
53	Муж дочери моей сестры (Его—женщ.)	тоо-рū'-пā kā'-па	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
54	Внук моей сестры (Его— женщ.)				

№ по порядку	Наименования родственников	Гавайские термины по Томасу Миллеру	Перевод	Ротуманские термины по Джону Осборну	Перевод
55	Внучка моей сестры (Ego—женщ.)	моо-рū'-пā wā-hee'-на	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (ж.)
56	Правнук моей сестры (Ego—женщ.)	моо-рū'-пā kā'-на	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
57	Правнук моей сестры (Ego—женщ.)	моо-рū'-пā wā-hee'-на	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (ж.)
58	Брат моего отца	mā-kū'-ā kā'-на	мой отец	ol-fā	мой отец
59	Жена брата моего отца	mā-kū'-ā wā-hee'-на	моя мать	ol-hon'-ī	моя мать
60	Сын брата моего отца (старше Ego—мужч.)	kāi'-kū-a-ā'-на	мой старший брат	sā-sī-gī	мой брат
61	Сын брата моего отца (младше Ego—мужч.)	kāi'-ka-i-на	мой младший брат	sā-sī-gī	мой брат
62	Жена сына брата моего отца	wā-hee'-на	моя жена	sag-hon'-ī	моя сестра
63	Дочь брата моего отца (старше Ego—мужч.)	kāi'-ku wā-hee'-на	моя сестра	sag-hon'-ī	моя сестра
64	Дочь брата моего отца (младше Ego—мужч.)	kāi'-ku wā-hee'-на	моя сестра	sag-hon'-ī	моя сестра
65	Муж дочери брата моего отца	kāi'-ko-ee'-kā	мой свояк (шурин)	sā-sī-gī	мой брат
66	Сын сына брата моего отца	kāi'-kee kā'-на	мое дитя (м.)	le'e fā	мое дитя (м.)
67	Дочь сына брата моего отца	kāi'-kee wā-hee'-на	мое дитя (ж.)	le'e hon'-ī	мое дитя (ж.)
68	Сын дочери брата моего отца	kāi'-kee' kā'-на	мое дитя (м.)	le'e fā	мое дитя (м.)
69	Дочь дочери брата моего отца	kāi'-kee wā-hee'-на	мое дитя (ж.)	le'e hon'-ī	мое дитя (ж.)
70	Правнук брата моего отца	моо-рū'-пā kā'-на	мой внук (ж.)	mā-pī-ga fā	мой внук (ж.)
71	Правнучка брата моего отца	моо-рū'-пā wā-hee'-на	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-ī	мой внук (ж.)

72	Праправнук брата моего отца	тоо-рп̄'-п̄-а ка'-па тоо-рп̄'-па wā-hee'- па	мой внук (м.) мой внук (ж.)	п̄-а-рп̄'-га fā п̄-а-рп̄'-га hon'-i	мой внук (м.) мой внук (ж.)
73	Праправнучка	п̄-а	моя мать мой отец	oi-hon'-i oi-fā	моя мать мой отец
74	Сестра моего отца	п̄-а-kū-ā wā-hee'-па	мой старший брат	sā-sī-gī	мой брат
75	Муж сестры моего отца	п̄-а-kū-ā kā'-па	мой младший брат	sā-sī-gī	мой брат
76	Сын сестры моего отца (старше Ego—мужч.)	kāi'-kū-a-ā'-па	моя жена	sag-hon'-i	моя сестра
77	Сын сестры моего отца (младше Ego—мужч.)	kāi'-ka-i'-па	моя сестра	sag-hon'-i	моя сестра
78	Жена сына сестры моего отца	wā-hee'-па	мой свояк	sā-sī-gī	мой брат
79	Дочь сына сестры моего отца	kāi'-kū wā-hee'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
80	Муж дочери сестры моего отца	kāi'-kee kā'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
81	Сын сына сестры моего отца	kāi'-kee kā'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
82	Дочь сына сестры моего отца	kāi'-kee wā-hee'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
83	Сын дочери сестры моего отца	kāi'-kee kā'-па	мой внук (м.)	п̄-а-рп̄'-га fā	мой внук (м.)
84	Дочь дочери сестры моего отца	kāi'-kee wā-hee'-па	мой внук (ж.)	п̄-а-рп̄'-га fā	мой внук (ж.)
85	Правнук сестры моего отца	тоо-рп̄'-п̄-а ка'-па	мой внук (ж.)	п̄-а-рп̄'-га hon'-i	мой внук (ж.)
86	Правнучка сестры моего отца	тоо-рп̄'-па wā-hee'- па	мой внук (м.)	п̄-а-рп̄'-га fā	мой внук (м.)
87	Правнук сестры моего отца	тоо-рп̄'-п̄-а ка'-па	мой внук (ж.)	п̄-а-рп̄'-га hon'-i	мой внук (ж.)
88	Правнучка сестры моего отца	тоо-рп̄'-п̄-а wā-hee'- па	мой отец моя мать	oi-fā oi-hon'-i	мой отец моя мать
89	Брат моей матери	п̄-а-kū-ā kā'-па	мой старший брат	sā-sī-gī	мой брат
90	Жена брата моей матери	п̄-а-kū-ā wā-hee'-па			
91	Сын брата моей матери (старше Ego—мужч.)	kāi'-kū-a-ā'-па			

№ по порядку	Наименования родственников	Гавайские термины по Томасу Миллеру	Перевод	Ротуманские термины по Джону Осборну	Перевод
92	Сын брата моей матери (младше Ego—мужч.) . . .	kāi'-ka-i'-na	мой младший брат	sā-sī-gī	мой брат
93	Жена сына брата моей матери	wā-hee'-na	моя жена	sag-hop'-i	моя сестра
94	Дочь брата моей матери	kāi'-kū wā-hee'-na	моя сестра	sag-hop'-i	моя сестра
95	Муж дочери брата моей матери	kāi'-ko-ee'-kā	мой свояк	sā-sī-gī	мой брат
96	Сын сына брата моей матери	kāi'-kee kā'-na	мое дитя (м.)	le'-e-fā	мое дитя (м.)
97	Дочь сына брата моей матери	kāi'-kee wā-hee'-na	мое дитя (ж.)	le'-e hop'-i	мое дитя (ж.)
98	Сын дочери брата моей матери	kāi'-kee kā'-na	мое дитя (м.)	le'-e fa	мое дитя (м.)
99	Дочь дочери брата моей матери	kāi'-kee wā-hee'-na	мое дитя (ж.)	le'-e hop'-i	мое дитя (ж.)
100	Правнук брата моей матери	шоо-рū'-nā kā'-na	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
101	Правнучка брата моей матери	шоо-рū'-nā wā-hee'-na	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hop'-i	мой внук (ж.)
102	Праправнук брата моей матери	шоо-рū'-nā kā'-na	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
103	Праправнучка моей матери	шоо-рū'-nā wā-hee'-na	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hop'-i	мой внук (ж.)
104	Сестра моей матери	mā-kū'-a wā-hee'-na	моя мать	oi-hop'-i	моя мать
105	Муж сестры моей матери	mā-kū'-a kā'-na	мой отец	oi-fā	мой отец
106	Сын сестры моей матери (старше Ego—мужч.)	kāi'-kū-a-ā'-na	мой старший брат	sā-sī-gī	мой брат
107	Сын сестры моей матери (младше Ego—мужч.)	kāi'-ka-i-na	мой младший брат	sā-sī-gī	мой брат
108	Жена сына сестры моей матери	wā-hee'-na	моя жена	sag-hop'-i	моя сестра

- 109 Дочь сестры моей матери .
 110 Муж дочери сестры моей матери . . . . .
 111 Сын сына сестры моей матери . . . . .
 112 Дочь сына сестры моей матери . . . . .
 113 Сын дочери сестры моей матери . . . . .
 114 Дочь дочери сестры моей матери . . . . .
 115 Правнук сестры моей матери . . . . .
 116 Правнучка сестры моей матери . . . . .
 117 Праправнук сестры моей матери . . . . .
 118 Праправнучка сестры моей матери . . . . .
 119 Брат отца моего отца . . . . .
 120 Сын брата отца моего отца . . . . .
 121 Дочь брата отца моего отца . . . . .
 122 Внук брата отца моего отца (старше Ego) . . . . .
 123 Внучка брата моего отца (старше Ego) . . . . .
 124 Правнук брата отца моего отца . . . . .
 125 Правнучка брата отца моего отца . . . . .
 126 Праправнук брата моего отца . . . . .
 127 Праправнучка брата моего отца . . . . .

kāi'-kū wā-hee'-na
 kāi'-ko-ee'-kā
 kāi'-kee kā'-na
 kāi'-kee wā-hee'-na
 kāi'-kee kā'-na
 kāi'-kee wā-hee'-na
 тоо-рū'-пā kā'-па
 тоо-рū'-пā wā-hee'-
 на
 тоо-рū'-пā kā'-па
 тоо-рū'-пā wā-hee'-
 на
 kū-rū'-па kā'-па
 mā-kū'-ā kā'-па
 mā-kū'-ā wā-hee'-na
 kāi'-kū-a-ā'-па
 kāi'-kū wā-hee'-na
 kāi'-kee kā'-па
 kāi'-tee wā-hee'-na
 тоо-рū'-пā kā'-па
 тоо-рū'-пā wā-hee'-
 на

моя сестра
 мой свояк
 мое дитя (м.)
 мое дитя (ж.)
 мое дитя (м.)
 мое дитя (ж.)
 мой внук (м.)
 мой внук (ж.)
 мой старший брат
 моя старшая сестра
 мое дитя (м.)
 мое дитя (ж.)
 мой внук (м.)
 мой внук (ж.)

sag-hon'-i
 sā-sī-gī
 le'-e fā
 le'-e hon'-i
 le'-e fā
 le'-e hon'-i
 mā-pī-ga fā
 mā-pī-ga hon'-i
 mā-pī-ga fā
 mā-pī-ga hon'-i
 mā-pī-ga fā
 oi-fā
 oi-hon'-i
 sā-sī-gī
 sag-hon'-i
 le'-e fā
 le'-e hon'-i
 mā-pī-ga fā
 mā-pī-ga hon'-i

моя сестра
 мой брат
 мое дитя (м.)
 мое дитя (ж.)
 мое дитя (м.)
 мое дитя (ж.)
 мой внук (м.)
 мой внук (ж.)
 мой внук (м.)
 мой внук (ж.)
 мой внук (м.)
 мой внук (ж.)
 мой дед
 мой отец
 моя мать
 мой брат
 моя сестра
 мое дитя (м.)
 мое дитя (ж.)
 мой внук (м.)
 мой внук (ж.)

№ по порядку	Наименования родственников	Гавайские термины по Томасу Миллеру	Перевод	Ротуманские термины по Джону Осорну	Перевод
128	Сестра отца моего отца .	kū-rū'-nā wā-hee'-na	моя бабушка	mā-pī-ga hon'-i	моя бабушка
129	Сын сестры отца моего отца	mā-kū'-ā kā'-na	мой отец	oi-fā	мой отец
130	Дочь сестры отца моего отца	mā-kū'-ā wā-hee'-na	моя мать	oi-hon'-i	моя мать
131	Внук сестры отца моего отца (старше Ego— мужч.)	kāi'-kū-a-ā'-na	мой старший брат	sā-sī-gī	мой брат
132	Внучка сестры отца моего отца (старше Ego— мужч.)	kāi'-kū wā-hee'-na	моя старшая сестра	sag-hon'-i	моя сестра
133	Правнук сестры отца моего отца	kāi'-kee kā'-na	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
134	Правнучка сестры отца моего отца	kāi'-kee wā-hee'-na	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
135	Праправнук сестры отца моего отца	moo-rū'-nā kā'-na	мой внук (м.)	mā-pī-ga fā	мой внук (м.)
136	Праправнучка сестры отца моего отца	moo-rū'-nā wā-hee'-na	мой внук (ж.)	mā-pī-ga hon'-i	мой внук (ж.)
137	Брат матери моей матери .	kū-rū'-na kā'-na	мой дед	mā-pī-ga fā	мой дед
138	Сын брата матери моей матери	mā-kū'-ā kā'-na	мой отец	oi-fā	мой отец
139	Дочь брата матери моей матери	mā-kū-a wā-hee'-na	моя мать	oi-hon'-i	моя мать
140	Внук брата матери моей матери (старше Ego— мужч.)	kāi'-kū-a-ā'-na	мой старший брат	sā-sī-gī	мой брат
141	Внучка брата матери моей матери (старше Ego— мужч.)	kāi'-kū wā-hee'-na	моя старшая сестра	sag-hon'-i	моя сестра
142	Правнук брата матери моей матери	kāi'-kee kā'-na	мой внук (м.)	le'-e fā	мой внук (м.)

143	Правнучка брата матери моей матери	kāi'-kee' wā-hee'-па	мой внук (ж.)	le'-e hon'-i	мой внук (ж.)
144	Праправнук брата матери моей матери	шоо-рп̄'-п̄ā kā'-па	мой внук (м.)	п̄ā-рi'-га fā	мой внук (м.)
145	Праправнучка брата матери моей матери	шоо-рц̄'-п̄ā wā-hee'- па	мой внук (ж.)	п̄ā-рi'-га hon'-i	мой внук (ж.)
146	Сестра матери моей мате- ри	kū-рi'-п̄ā wā-hee'-па	моя бабушка	п̄ā-рi'-га hon'-i	моя бабушка
147	Сын сестры матери моей	п̄ā-kū'-а kā'-па	мой отец	oi-fā	мой отец
148	Дочь сестры матери моей	п̄ā-kū'-а wā-hee'-па	моя мать	oi-hon'-i	моя мать
149	Внук сестры матери моей матери (старше Ego— мужч.)	kāi'-kū'-а-ā-па	мой старший брат	sā-si-gi	мой брат
150	Внучка сестры матери моей матери (старше Ego— мужч.)	kāi'-kū wā-hee'-па	моя старшая сестра	sag-hon'-i	моя сестра
151	Правнук сестры матери моей матери	kāi'-kee kā'-па	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
152	Правнучка сестры матери	kāi'-kee wā-hee'-па	мое дитя (ж.)	le'-e hon'-i	мое дитя (ж.)
153	Правнучка сестры матери моей матери	шоо-рп̄'-п̄ā kā'-па	мой внук (м.)	п̄ā-рi'-га fā	мой внук (м.)
154	Праправнучка сестры ма- тери моей матери	шоо-рп̄'-п̄ā wā-hee'- па	мой внук (ж.)	п̄ā-рi'-га hon'-i	мой внук (ж.)
155	Мой муж	kā'-па	мой муж	ve-ven'-i	мой муж
156	Моя жена	wā-hee'-па	моя жена	hoi-e-nā u hen	моя жена
157	Отец моего мужа	п̄ā-kū'-ā hū-nā-ai	мой тесть	oi-fā	мой отец
158	Мать моего мужа	п̄ā-kū'-ā hū-nā-ai	моя свекровь	oi-hon'-i	моя мать
159	Отец моей жены	п̄ā-kū'-ā hū-nā-ai	мой тесть	oi-fā	мой отец
160	Мать моей жены	п̄ā-kū'-ā hū-nā-ai	моя свекровь	oi-hon'-i	моя мать

№ по порядку	Наименования родственников	Гавайские термины по Томасу Миллеру	Перевод	Ротуманские термины по Джону Осборну	Перевод
161	Мой зять	hū-po'-nā kā'-na	мой зять	le'-e fā	мое дитя (м.)
162	Моя невестка	hū-po'-nā wā-hee'-na	моя невестка	le'-e hop'-i	мое дитя (ж.)
163	Брат моего мужа	kā'-na	мой муж	hop-fu'-e	мой свояк
164	Муж моей сестры (Ego—женщ.)	kā'-na	мой муж	ше-i	мой свояк
165	Муж сестры моей жены	rū-na-lū-ā	мой близкий товарищ	ше-i	мой свояк
166	Брат моей жены	kāi-ko-a'-kā	мой свояк	hop-fu'-e	моя свояченица
167	Сестра моей жены	wā-hee'-na	моя жена	ше-i	моя свояченица
168	Сестра моего мужа	kāi-ko-a'-kā	моя свояченица	hop-fu'-e	моя свояченица
169	Жена моего брата (Ego—мужч.)	wā-hee'-na	моя жена	hop-fu'-e	моя свояченица
170	Жена моего брата (Ego—женщ.)	kāi-ko-a'-kā	моя свояченица	hop-fu'-e	моя свояченица
171	Жена брата моего мужа	rū-na-lū-ā	моя близкая подруга		
172	Жена брата моей жены	wā-hee'-na	моя жена		
173	Мой отчим	mā-kū'-a kā'-na	мой отец	oi-fā	мой отец
174	Моя мачеха	mā-kū'-a wā-hee'-na	моя мать	oi-hop'-i	моя мать
175	Мой пасынок	kāi'-kee kā'-na	мое дитя (м.)	le'-e fā	мое дитя (м.)
176	Моя падчерица	kāi'-kee wā-hee'-na	мое дитя (ж.)	le'-e hop'-i	мое дитя (ж.)

Глава третья

ПУНАЛУАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

Пуналуальная семья сменила кровнородственную. — Как совершился этот переход. — Гавайский обычай пуналуа. — Он был, вероятно, широко распространен в прошлом. — Роды возникли, вероятно, из пуналуальных групп. — Туранская система родства. — Она создана пуналуальной семьей. — Эта система служит доказательством существования данной формы семьи в то время, когда она сложилась. — Детали этой системы. — Истолкование выражаемых ею видов родства и их возникновения. — Таблица туранской и ганованской систем родства и свойства.

Пуналуальная семья существовала в Европе, Азии и Америке в границах исторического периода, а в Полинезии еще в настоящем столетии. Широко распространенная среди человеческих племен в стадии дикости, она сохранилась в некоторых случаях у племен, достигших низшей ступени варварства, а в одном случае, именно среди бритов, у племен, достигших средней ступени варварства.

В ходе человеческого прогресса она последовала за кровнородственной семьей, которую сменила и модификацию которой она собой представляет. Переход от одной формы к другой был вызван постепенным исключением родных братьев и сестер из брачных отношений, зло которых не могло всегда ускользать от человеческой наблюдательности. Невозможно восстановить обстоятельства, приведшие к освобождению от этого зла, однако мы имеем некоторые данные о том, как это произошло. Хотя факты, из которых выводятся эти заключения, имеют мрачный и отталкивающий характер, содержащиеся в них данные можно извлечь лишь путем терпеливого и тщательного их исследования.

Если мы возьмем кровнородственную семью, соединявшую брачными узами родных и коллатеральных братьев и сестер, то нужно было только исключить из этой группы родных братьев и сестер и оставить коллатеральных, чтоб обратить кровнородственную семью в пуналуальную. Такое исключение одного класса лиц и оставление другого было трудным делом, ибо оно влекло за собой радикальное изменение состава семьи, чтобы не сказать всего древнего плана домашней жизни. Оно требовало также отказа от привилегии, на что дикари могли пойти с трудом. Начавшись, надо думать, с отдельных случаев, при чем выгоды его признавались не сразу, новый порядок оставался в течение громадного промежутка времени только экспериментом; он вводился сначала частично, затем распространялся все больше и наконец стал универсальным у более развитых племен, оставшихся еще в состоянии дикости, т. е. еще в том периоде, в котором это движение возникло. Оно хорошо иллюстрирует действие начала естественного отбора.

В связи с этим вновь обнаруживается значение австралийской системы классов. Из того, каким образом классы возникли, и из порядков, относящихся к браку и счету происхождения, ясно, что первоначальной целью классов было исключить родных братьев и сестер из брачного общения, оставив в этом общении коллатеральных братьев и сестер. Первая цель достигается самой структурой классов, вторая, не вытекающая из внешнего вида данной организации, обнаруживается, если мы проследим счет происхождения¹. Мы найдем, что двоюродные братья и сестры первой, второй и более отдаленных степеней, являющиеся, по их системе родства, коллатеральными братьями и сестрами, постоянно вступают друг с другом в брак, тогда как родные братья и сестры из брачного общения исключены. Число людей в австралийской пуналуальной группе больше, чем в гавайской, и ее структура несколько иная, но замечательно в обоих случаях то,

¹ Иппай и капота состоят в групповом браке. Сын иппай будет мурри, а сын мурри — вновь иппай; подобным же образом дочь капота будет мата, а дочь мата — вновь капота; следовательно, внуки иппай и капота будут опять иппай и капота, будучи в то же время коллатеральными братьями и сестрами, а как таковые — по рождению мужьями и женами.

что основу брачных отношений в одной группе составляют мужья-братья, а во второй — жены-сестры. Однако гавайцы отличаются тем, что у них до сих пор не обнаружено никаких классов, которые были бы связаны брачными отношениями. Так как из австралийских классов возникла пуналуальная группа, содержащая зачаток рода, то отсюда вероятно, что классовая организация на основе различия полов господствовала в прошлом у всех человеческих племен, обладавших впоследствии родовой организацией. Было бы неудивительно, если бы гавайцы в более раннем периоде были организованы в такие классы.

Как ни может показаться это замечательным, но три важнейших и наиболее широко распространенных учреждения человечества, а именно пуналуальная семья, родовая организация и туранская система родства, лежат своими корнями в более ранней аналогичной пуналуальной группе, в которой можно найти зародыш каждого из названных учреждений. Некоторые данные, подкрепляющие это положение, обнаружатся при исследовании формы семьи, о которой сейчас идет речь.

Как из пуналуального брака произошла пуналуальная семья, так из последней должна была образоваться туранская система родства, как скоро существовавшая до того система стала меняться, чтоб отразить фактически существовавшие в этой семье родственные отношения. Но чтобы достигнуть этого результата, нужно было нечто большее, чем пуналуальная группа, а именно родовая организация; путем органического закона она навсегда исключила из брачного общения братьев и сестер, которые до того должны были часто оказываться в таких отношениях. Когда такое исключение было проведено, оно должно было изменить все виды родства, связанные с прежним браком. А когда система родства была приведена в соответствие с новыми отношениями родства, туранская система должна была занять место малайской. У гавайцев была пуналуальная семья, но не было ни родовой организации, ни туранской системы родства. Сохранение ими старой системы кровнородственной семьи наводит на подозрение, подтверждаемое указанием Бингхэма, что в пуналуальных группах часто соединялись родные братья и сестры, вследствие чего преобразование старой системы родства становилось невозможным. Остается под вопросом, может ли пуналуальная группа гавайского типа считаться столь же древней, как австралийские классы, поскольку последние более архаичны, чем какая-либо иная известная общественная организация. Однако существование пуналуальной группы того или иного типа было необходимым условием возникновения рода, как этот последний был необходим для образования туранской системы родства. Мы исследуем эти три учреждения каждое в отдельности.

I. Пуналуальная семья.

Только в редких случаях удавалось открыть обычай, которым можно было бы конкретным образом воспользоваться как ключом для раскрытия одной из тайн древнего общества и для объяснения того, что оставалось не вполне понятным. Таким обычаем является *rūpaīā* гавайцев. В 1860 году судья Лоррин Эндрюс из Гонолулу в сопроводительном письме к анкете, содержащей гавайскую систему родства, дал следующее толкование одного из гавайских терминов родства: «Отношение *rūpaīā* имеет двойственный характер. Оно произошло от того, что двое или более братьев пожелали владеть своими женами, либо две или более сестры — своими мужьями; но в современном употреблении это слово означает «дорогой друг» или «близкий товарищ». То, что судья Эндрюс приписывает желанию и что, вероятно, было уже тогда исчезавшим обычаем, было у них в прошлом универсально распространено, как это подтверждается их системой родства. Недавно умерший Артемий Бишоп, один из старейших миссионеров на этих островах, прислал автору в том же году, вместе с такой же анкетой, следующее сообщение о том же предмете: «Эта путаница видов родства является следствием древнего обычая, по которому родственники живут вместе как мужья и жены». В предыдущей главе мы уже привели замечание Бингхэма, что полигамия, как он пишет, «представляла собой множественность мужей и

жен». То же самое подтверждается д-ром Бартлетом: «у туземцев едва ли больше скромности и стыда, чем у животных. Мужья имеют много жен, а женщины — много мужей и меняются ими как угодно»¹. Найденная этими наблюдателями форма брака создала пуналуальную группу, в которой мужчины и женщины состояли в общем групповом браке. Каждая такая группа вместе с детьми от этих браков представляла собой пуналуальную семью; при этом одна группа состояла из нескольких братьев с их женами, а другая — из нескольких сестер с их мужьями.

Если мы обратимся теперь к гавайской системе родства, представленной на приведенной нами таблице, то найдем, что мужчина называет сестру своей жены своей женой. Все сестры его жены, как родные, так и коллатеральные, также являются его женами. Но мужа сестры своей жены он называет *rīpalūa*, т. е. своим «близким товарищем», называя точно так же и всех мужей всех сестер своей жены. Все они вместе находятся в групповом браке. Эти мужья не были, по всей вероятности, братьями; иначе естественно принималось бы во внимание скорее кровное родство, чем свойство; но их жены были сестрами, родными и коллатеральными. В данном случае основу группы составляло то, что жены были сестрами, а их мужья находились в отношении *rīpalūa*. В другой группе, которая основывалась на том, что мужья были братьями, женщина называет брата своего мужа своим мужем. Все братья ее мужа, родные и коллатеральные, были равным образом и ее мужьями. Но она называет *rīpalūa* жену брата ее мужа, и все жены братьев ее мужа находятся к ней в отношении *rīpalūa*. Эти жены не были, вероятно, сестрами, как можно заключить из соображения, указанного выше, хотя исключения, несомненно, бывали в обоих вариантах данного обычая. Все эти жены находились друг к другу в отношении *rīpalūa*.

Отсюда ясно, что пуналуальная семья образовалась из кровнородственной семьи. Братья перестали жениться сперва на своих родных сестрах, а позднее, когда в обществе полностью сказалось влияние родовой организации, также и на своих коллатеральных сестрах. Но остальные жены у них попрежнему были общими. Подобным же образом сестры перестали выходить замуж сперва за своих родных братьев, а затем, по истечении долгого времени, и за своих коллатеральных братьев; но остальные мужья оставались у них общими. Прогресс общества от кровнородственной к пуналуальной семье был началом великого движения вперед, которое подготовило путь для родовой организации, приведшей постепенно к синдиасмической, а в конце концов к моногамной семье.

Далее мы должны допустить, что обычай пуналуа существовал у предков туранских и ганованских семей в то время, когда сложилась их система родства. Основание для такого допущения просто и убедительно. Брак в пуналуальных группах объясняет родственные отношения этой системы. Это — те отношения, которые, надо полагать, действительно существовали, когда эта система складывалась. Таким образом данная система предполагает предсуществование пуналуального брака и пуналуальной семьи. Обращаясь к цивилизованным народам, мы должны допустить, что пуналуальные группы существовали у отдаленных предков всех народов, обладавших родовой организацией: греков, римлян, германцев, кельтов, евреев; таким образом можно утверждать, что все человеческие семьи, достигшие при родовой организации моногамии, в прежнее время имели туранскую систему родства, возникшую из пуналуальной группы. Мы найдем, что великое движение, начавшееся с образования этой группы, закончилось созданием родовой организации, которая повсеместно сопровождалась, до возникновения моногамии, туранской системой родства.

Следы обычая пуналуа сохранялись в виде исключений в различных местах у европейских, азиатских и американских племен до среднего периода варварства. Замечательный пример пуналуального брака дает Цезарь в описании брачных обычаев древних бритов. Он говорит, что «мужчины, по десять или двена-

¹ Historical Sketch of the Missions etc. in the Sandwich Islands etc., p. 5.

дцать человек, обладали сообща своими женами, в частности братья с братьями и родители со своими детьми»¹.

Это место указывает на существование группового брака, объясняемого обычаем *pūpalā*. Нельзя допустить, чтобы матери у варваров обычно или даже в исключительных случаях рожали по десяти или двенадцати сыновей; но при туранской системе родства, существовавшей, надо думать, и у бритов, всегда встречаются большие группы братьев, так как в эту категорию попадают вместе с *Ego* двоюродные братья, близкие и отдаленные. У бритов несколько братьев обладали, по Цезарю, сообща своими женами. Здесь мы встречаемся с одной из ветвей обычая пуналуа в простой и чистой форме. Цезарь не указывает прямо на соответствующую другую группу, существование которой предполагается, а именно группу, в которой несколько сестер имеют общих мужей; такая группа, однако, вероятно, существовала в качестве дополнения первой. Цезарь заметил и другое, а именно, что родители имели общих жен со своими детьми. Весьма вероятно, что эти жены были сестрами. Имел ли здесь Цезарь в виду другую группу или нет, эта ссылка говорит о том, как широко практиковался у бритов групповой брак, настолько бросавшийся в глаза, что он привлек внимание этого выдающегося наблюдателя. Когда несколько братьев сообща владели своими женами, то одновременно и эти жены имели общих мужей.

Геродот, говоря о массагетах, находившихся на средней ступени варварства, замечает, что каждый мужчина имеет одну жену, однако все жены—общие². Из этого указания можно вывести, что синдиасмическая семья начала у них вытеснять пуналуальную. Каждый мужчина соединялся с одной женщиной, становившейся таким образом его главной женой, но в пределах группы продолжалась общность мужей и жен. Хотя Геродот хотел указать на состояние промискуитета, но такового, по всей вероятности, не было. Массагеты, хотя и не знали железа, обладали стадами домашнего скота, сражались на лошадях, вооруженные медными секирами и копьями с медными наконечниками, и сооружали колесницы (*ἀμαξά*). Нельзя думать, чтобы народ, живущий в промискуитете, мог достигнуть такой ступени развития. Геродот говорит также об агатирсах, стоявших, вероятно, на той же ступени, что у них существовала общность жен и что, будучи все братьями и членами одной семьи, они не завидовали и не ненавидели друг друга³. Групповой брак пуналуа дает более рациональное и удовлетворительное объяснение этих и аналогичных порядков других упоминаемых Геродотом племен, чем полигамия или всеобщий промискуитет. Его описания слишком кратки, чтобы дать представление о действительном состоянии общества у этих племен.

Следы обычая пуналуа наблюдались у некоторых наиболее отсталых племен южно-американских туземцев; подробностей, однако, мы не имеем. Так, первые мореплаватели, посетившие прибрежные племена Венецуэлы, нашли общественное состояние, объяснимое лишь при наличии пуналуальной группы. «Они не соблюдают ни закона, ни правил в браке, но берут столько жен, сколько захотят, а жены — сколько угодно мужей; они бросают друг друга, когда захотят, не считая, что делают этим что-либо дурное. Они не знают, что такое ревность, и все живут как им нравится, не обижаясь друг на друга... Занимаемые ими дома принадлежат всем сообща и настолько просторны, что вмещают сто шестьдесят человек, прочно построены, хотя и крыты только пальмовыми листьями, и имеют форму колокола»⁴. Эти племена употребляли глиняную посуду

¹ *Uxores habent deni duodenique inter se communes, et maxime fratres cum fratribus parentisque cum liberis.* — *De Bello Gall.*, V, 14.

² γυναικα μὲν γαμέει ἕκαστος, ταύτηα δὲ ἐπίκοινα ὑρέωνται. — *Lib.*, I, с. 216.

³ ἐπίκοινον δὲ τῶν γυναικῶν τὴν μίειν ποιεῖσθαι, ἵνα κασίγνητοὶ τε ἀλλήλων ἔσσι καὶ οἰκίῳ: ἔοντες μῆτε φθόονφ, μῆτε ἔγχεи ὑρέωνται ἐς ἀλλήλους. — *Lib.* IV, с. 104.

⁴ *Herrera's, History of America*, I. с. I, 216. Говоря о прибрежных племенах Бразилии, Эррера замечает, что «они живут в *bohios*, или больших, крытых соломой хижинах; в каждой деревне имеется примерно восемь таких хижин, полных людей, с сетками или гамаками для лежащих... Они живут звериным образом, не зная ни права, ни приличия». *ib.*, IV, 94. Гарсиласо де ла Вега дает такой же неблагоприятный отзыв о брачных отношениях некоторых наиболее отсталых племен Перу. — *Royal Com. of Peru*, I. с., pp. 10 и 106.

и, следовательно, находились на низшей ступени варварства; судя, однако, по этому рассказу, они ушли недалеко от дикости. Здесь, как и в упоминаемых Геродотом случаях, приводимые утверждения основываются на поверхностных наблюдениях. Они все же указывают, по крайней мере, на крайне низкое состояние семьи и брачных отношений.

В эпоху открытия Северной Америки, в ее различных частях, пуналуальная семья, повидимому, уже совершенно исчезла. Насколько мне известно, у туземцев не сохранилось никаких преданий относительно господства в прежнее время обычая пуналуа. Семья повсюду перешла из пуналуальной в синдиасмическую форму, но была окружена пережитками древней брачной системы, указывающей на существование в прошлом пуналуальных групп. Можно указать на один обычай, несомненно, пуналуального происхождения, наблюдаемый и сейчас, по крайней мере, у сорока северо-американских племен. Если мужчина женится на старшей дочери в семье, то получает, по существующему обычаю, право на всех ее сестер по достижении ими брачного возраста. Это право осуществлялось в редких случаях, вследствие трудности для отдельного лица содержать несколько семей, хотя полигамия признавалась повсюду привилегией мужчин. Мы видим здесь остаток обычая пуналуа, существовавшего у их отдаленных предков. Несомненно, было время, когда у них родные сестры вступали в брачные отношения на том именно основании, что они—сестры, так что муж одной из сестер был в то же время мужем всех, однако не единственным мужем, потому что другие мужчины были мужьями вместе с ними, групповым порядком. После того как пуналуальная семья перестала существовать, у мужа старшей сестры осталось право стать мужем всех ее сестер, если бы он это потребовал. Поэтому есть основание считать этот обычай действительным пережитком древнего обычая пуналуа.

В исторических сочинениях можно найти и другие следы этой семьи, указывающие не только на ее прежнее существование, но и на ее широкое распространение. Нет надобности, однако, увеличивать число цитат, ибо существование в прежнее время пуналуальной семьи у предков всех племен, имеющих или имевших туранскую систему родства, вытекает из самой этой системы.

II. Происхождение родовой организации.

Мы высказали уже предположение, что эта организация возникла в периоде дикости, во-первых, потому, что она встречается на низшей ступени варварства уже в вполне развитом виде, и, во-вторых, потому, что она наблюдается еще не вполне развитой в состоянии дикости. Кроме того, зачаток рода мы находим как в австралийских классах, так и в гавайских пуналуальных группах. Мы видим, что род австралийцев основан на классах и имеет происшедшую, видимо, от них организацию. Нельзя думать, чтоб такое замечательное учреждение, как род, возникло вполне готовым или произошло из ничего, т. е. без основания, подготовленного предшествующим естественным развитием. Его происхождение следует искать в предсуществовавших элементах общества, а его зрелость наступила намного позже его возникновения.

В австралийских классах мы находим два основных правила рода в его архаической форме, а именно: запрещение брака между братьями и сестрами и счет происхождения по женской линии. Последнее обстоятельство не подлежит сомнению, так как с возникновением рода дети оставались в роде своей матери. Классы естественно приспособлены для того, чтобы дать место возникновению рода; это настолько очевидно, что скорей всего так оно в действительности и произошло. Это предположение подкрепляется тем, что мы находим здесь род, связанным с предшествующей более архаической организацией, которая должна оставаться единичной социальной системы, т. е. занимала место, по праву принадлежащее роду.

Обращаясь теперь к гавайской пуналуальной группе, мы найдем те же элементы, содержащие зачаток рода. Это относится, однако, только к женской ветви этого обычая, при которой несколько родных и коллатеральных сестер

имеют общих мужей. Эти сестры с их детьми и потомками по женской линии дают весь состав рода архаического типа. Происхождение естественно ведется по женской линии, так как отцовство детей не могло быть установлено достоверным образом. Лишь только эта особенная форма группового брака стала установившимся учреждением, было возведено основание рода. Необходим был затем известный опыт, чтобы превратить эту естественную пуналуальную группу в организацию, в состав которой входили бы только матери, их дети и потомки по женской линии. Несмотря на то, что такая группа у них существовала, гавайцы не дошли до идеи рода. Однако происхождение рода следует вести именно от такой группы, основанной на том, что матери были сестрами, или подобной же австралийской группы, покоящейся на том же начале соединения. На основе этой группы, в том виде, как она существовала, известная часть ее членов с известной частью их потомства была организована в род, связанный кровным родством.

Объяснить, каким образом в точности произошел род, конечно, невозможно. Соответствующие факты и обстоятельства принадлежат далекому прошлому. Но мы можем проследить существование рода до того состояния древнего общества, в котором оно могло создать род. Это все, что я попытался сделать. Возникновение рода принадлежит низшей стадии развития человечества и очень древнему состоянию общества, хотя оно произошло позднее, чем впервые появилась пуналуальная семья. Совершенно очевидно, что род произошел из этой семьи, которая состояла из группы лиц, по существу совпадающей с составом рода.

Влияние родовой организации на древнее общество было консервативным и в то же время возвышающим. После того как она вполне развилась и широко распространилась и после того как протекло достаточно времени, чтобы она могла проявить все свое действие на общество, число женщин, на которых мужчина мог жениться, стало меньше, тогда как раньше их был избыток, поскольку род привел к сокращению размера пуналуальной группы, а в конце концов совершенно ее уничтожил. Постепенно, после того как родовая организация достигла господства в древнем обществе, внутри пуналуальной семьи развилась синдиасмическая семья. Промежуточные стадии этого процесса неизвестны в точности; однако, поскольку известно существование пуналуальной семьи в периоде дикости и синдиасмической семьи на низшей ступени варварства, можно с уверенностью заключить, что одна развилась из другой. После того как синдиасмическая семья стала сменять пуналуальные группы, женщины стали добываться путем покупки и похищения. Можно считать вполне доказанным, что родовая организация привела к окончательному исчезновению пуналуальной семьи и постепенному ограничению изумительной брачной системы периода дикости. Получив свое начало, надо полагать, в пуналуальной группе, род тем не менее поднял общество на более высокую ступень.

III. Туранская или ганованская система родства.

Эта система и родовая организация в ее архаической форме встречаются обыкновенно вместе. Они независимы друг от друга, но, вероятно, возникли одна вслед за другой в ходе человеческого прогресса. Но системы родства и различные формы семьи находятся в непосредственной связи. Семья представляет активный элемент. Она никогда не бывает неподвижной, но развивается от низшей формы к высшей по мере того, как общество переходит с низшей ступени на высшую, и в конце концов переходит из одной формы в другую, более высокую. Системы родства, напротив, пассивны; только спустя много времени отмечают они прогресс, совершенный семьей, и радикальным образом меняются только тогда, когда радикально изменилась семья.

Туранская система родства не могла бы возникнуть, если бы в то время не существовало пуналуального брака и пуналуальной семьи. Общество, в котором по распространенному порядку несколько сестер состояло в групповом браке с мужьями каждой из них и несколько братьев состояло в групповом браке с женами каждого из них, обладало необходимыми условиями для возникновения ту-

ранской системы. Какая бы система ни образовалась для выражения родственных отношений, действительно существовавших в такой семье, она необходимо должна была быть туранской системой и сама по себе доказывала бы наличие такой семьи в то время, когда она складывалась.

Мы имеем в виду рассмотреть теперь эту замечательную систему в том виде, в каком она существует поныне у туранских и ганованских народов, в качестве доказательства того, что пуналуальная семья существовала в то время, когда эта система сложилась. Она сохранилась до сего времени на двух континентах, тогда как брачные обычаи, из которых она возникла, перестали существовать, и семья перешла из пуналуальной в синдиасмическую форму.

Чтобы оценить значение этой системы как доказательства, необходимо рассмотреть ее подробно. Типическим образцом для ганованских племен Америки будет служить система сенека-ирокезов, а для туранских племен Азии система тамиллов в Южной Индии. Эти системы, полностью совпадающие в свыше двухсот обозначениях родства одного человека, представлены в таблице, помещенной в конце этой главы. В предшествующем труде¹ я подробно изложил системы родства почти семидесяти американских индейских племен, а из азиатских племен и наций — системы тамиллов, телугов и канара Южной Индии, у которых эта система в том виде, как она приведена в таблице, действует до сегодняшнего дня. Хотя в системах отдельных племен и наций имеются различия, основные черты их постоянны. Все эти люди обращаются друг к другу, называя отношения родства с тем отличием, что у тамиллов при обращении к человеку моложе говорящего следует употреблять термин родства, тогда как при обращении к старшему можно по желанию либо называть его личным именем, либо по родству. Напротив, у американских туземцев при обращении следует употреблять родственные термины. Они пользуются этой системой при обращении друг к другу, потому что она представляет собой систему родства и свойства. Это было также средством, при помощи которого в древних родах каждый мог определить свои отношения ко всем членам своего рода, пока моногамия не разрушила туранской системы. Мы найдем во многих случаях, что родство одного и того же лица с Ego различно в зависимости от пола Ego. Из-за этого приходится рассматривать эту систему дважды: сперва если говорящий — мужчина, затем — если это женщина. Несмотря на уклонения, встречающиеся в системе, она совершенно логична. Чтобы представить ее характер, необходимо кратко рассмотреть отдельные линии родства, как это было сделано при описании малайской системы. Воспользуемся системой сенека-ирокезов.

Дед (hoc'-sote), бабушка (oc'-sote), внук (ha-yā'-da) и внучка (ka-yā'-da) представляют собой самые отдаленные признаваемые этой системой виды родства в восходящей и нисходящей линиях. Предки и потомки, стоящие выше и ниже, относятся соответственно к тем же категориям.

Родство между братьями и сестрами имеет двоякую форму: по отношению к старшим и младшим, а не абстрактно, при чем существуют особые термины для каждого, а именно:

старший брат — ha'-je	старшая сестра — ah'-jè
младший брат — ha'-gā	младшая сестра — ka'-gā

Эти термины употребляются одинаково мужчинами и женщинами по отношению к братьям и сестрам старше или моложе говорящего. У тамиллов для этих видов родства имеется два ряда терминов, но они употребляются теперь обоими полами безразлично.

Первая боковая линия. Если я — мужчина-сенека, то сын и дочь моего брата являются моими сыном и дочерью (ha-ah'-wuk и ka-ah'-wuk) и оба называют меня отцом (hā'-nih). Это — первая характерная черта данной системы. Отсюда дети моего брата оказываются в одной категории с моими родными

¹ Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family, Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII.

детьми. Они — мои дети, так же как и его. Внуки моего брата — мои внуки и внучки (ha-yā-da и ka-yā-da) и зовут меня дедом (hoc'sote). Приведенные здесь виды родства — все, какие признаются и различаются ирокезами; никаких других они не знают.

Некоторые виды родства особо характерны. Обычно они определяют следующие и предыдущие степени родства. Когда они совпадают в системах различных племен и даже различных человеческих семей, например, в туранской и ганованской, то отсюда вытекает их принципиальное единство.

В женской ветви первой боковой линии, все еще предполагая, что я — мужчина, сын и дочь моей сестры — мои племянник и племянница (ha-yā'-wan-da и ka-yā'-wan-da) и оба называют меня дядей (hoc-po'seh). Это — вторая характерная черта. Она ограничивает родство племянников и племянниц детьми родных и коллатеральных сестер мужчины. Дети этих племянников и племянниц, как и выше — мои внуки и называют меня соответствующим термином.

Если я — женщина, то часть этих родственников занимает противоположное положение. Сын и дочь моего брата — мои племянник и племянница (ha-soh'-neh и ka-soh'-neh) и оба называют меня теткой (ah-ga'-huc). Мы видим, что термины для племянника и племянницы, которые употребляет мужчина, иные, чем те, которыми пользуется женщина. Дети этих племянников и племянниц — мои внуки. В женской ветви сын и дочь моей сестры — мой сын и дочь и оба называют меня матерью (poh-yeh'), а их дети — мои внуки и зовут меня бабкой (oc'sote).

Жены этих сыновей и племянников — мои невестки (ka'sā), а мужья этих дочерей и племянниц — мои зятья (oc-na'-hose, оба термина — в единственном числе) и называют меня соответствующим термином.

Вторая боковая линия. В мужской ветви этой линии со стороны отца, независимо от пола Его, брат моего отца — мой отец и называет меня своим сыном или своей дочерью, смотря по тому, какого я пола. Третья характерная черта: все братья отца принадлежат к категории отцов. Их сыновья и дочери — мои старшие и младшие братья и сестры, и я применяю к ним те же термины, которыми я пользуюсь для обозначения родных братьев и сестер. Четвертая характерная черта: дети братьев — братья и сестры друг другу. Дети этих братьев, если я — мужского пола, мои сыновья и дочери, а их дети — мои внуки, тогда как дети этих сестер — мои племянники и племянницы, а их дети — мои внуки. Если же я — женского пола, то дети этих братьев — мои племянники и племянницы, дети этих сестер — мои сыновья и дочери, а дети и тех и других — мои внуки. Отсюда следует, что классификация первой боковой линии переходит во вторую, третью и все дальнейшие линии, насколько вообще родство может быть прослежено.

Сестра моего отца — моя тетка и называет меня своим племянником, если я — мужского пола. Пятая характерная черта: моими тетками считаются только сестры моего отца и сестры тех лиц, которые являются по отношению ко мне отцами, но не сестры моей матери. Дети сестер моего отца — мои двоюродные братья и сестры (ah-gare'-seh, ед. ч.) и называют меня двоюродным братом. Если я — мужского пола, то дети моих двоюродных братьев — мои сыновья и дочери, а двоюродных сестер — мои племянники и племянницы; если же я — женского пола, то эти последние родственные отношения следуют в обратном порядке. Все дети моих двоюродных братьев и сестер — мои внуки.

С материнской стороны, если я — мужского пола, то брат моей матери — мой дядя и называет меня своим племянником. Шестая характерная черта: родственное отношение дяди ограничивается родными и коллатеральными братьями моей матери, братья моего отца отсюда исключены. Дети этого дяди — мои двоюродные братья и сестры, дети моих двоюродных братьев — мои сыновья и дочери, дети моих двоюродных сестер — мои племянники и племянницы; но если я — женского пола, то эти последние родственные отношения идут в обратном порядке. Дети детей всех этих двоюродных братьев и сестер одинаково — мои внуки.

В женской ветви той же самой линии сестра моей матери — моя мать. Седьмая характерная черта: все родные и коллатеральные сестры считаются матерями всех их детей. Дети сестер моей матери — мои старшие или младшие братья и сестры. Восьмая характерная черта: родство братьев и сестер между детьми сестер. Дети этих братьев — мои сыновья и дочери, а этих сестер — мои племянники и племянницы, а дети последних — мои внуки. Если же я — женского пола, то последовательность этих родственных отношений обратная, как в предыдущих случаях.

Жены всех моих родных и двоюродных братьев — мои свояченицы (ah-ge-ah'-pe-ah) и все называют меня свояком (ha-ya'-o). Точное значение первого термина неизвестно. Все мужья моих родных и двоюродных сестер — мои свояки и все они называют меня соответствующим термином. Следы обычая пуналуа встречаются кое-где у американских туземцев в отношениях свойства между Яго и женами всех братьев или мужьями всех сестер. У манданов жена моего брата — моя жена, то же самое у пауни и арикари. У кроу жена брата моего мужа — «моя товарка» (bot-ze'-po-pā-che), у криков — «моя нынешняя сожительница» (chu-hu'-cho-wā), у мунси — «моя подруга» (pain-jose'). У виннебаго и акаотиннов она называется «моя сестра». Муж сестры моей жены у некоторых племен — «мой брат», у других — «мой свояк», а у криков — «мой маленький разлучник» (un-kā-pu'-che), что бы это ни значило.

Третья боковая линия. Так как виды родства в различных ветвях этой линии те же самые, что в соответствующих ветвях второй, с прибавлением лишь одного предка, то будет достаточно рассмотреть лишь одну из четырех ветвей. Брат отца моего отца — мой дед и называет меня своим внуком. Это девятая и последняя характерная черта данной системы. Она помещает этих братьев в группу дедов и не дает таким образом коллатеральным предкам выйти из этой категории родства. Принцип, по которому боковые линии сливаются с прямой, господствует как в восходящей, так и нисходящей линии. Сын такого деда — мой отец, его дети — мои братья и сестры, дети этих братьев — мои сыновья и дочери, этих сестер — мои племянники и племянницы, а их дети — мои внуки. Если я — женского пола, то те же самые родственные отношения следуют в обратном порядке, как и выше. В каждом отдельном случае употребляется соответствующий термин.

Четвертая боковая линия. И здесь по указанной выше причине достаточно рассмотреть только одну ветвь этой линии. Брат отца моего деда — мой дед, его сын — тоже мой дед, сын последнего — мой отец, его сын и дочь — мои старшие или младшие брат и сестра, а их дети и внуки находятся к Яго в таких же отношениях родства, как и в других случаях.

В пятой боковой линии классификация в различных ветвях остается той же, что в соответствующих ветвях второй линии, только прибавляются еще дальнейшие предки.

Из характера этой системы следует, что знание порядка степеней родства было необходимо для правильной классификации родственников. Но для индейца, привыкшего к повседневному пользованию этой системой, кажущаяся путаница этих видов родства не представляет никаких затруднений.

Из остальных видов свойства у сенка-ирокезов существуют термины для тестя, отца моей жены (oc-na'-hose), и свекра, отца моего мужа (hā-gā'-sā). Первый термин употребляется также для обозначения зятя, т. е. термин этот обоюдный. Существуют также термины для отчима и мачехи (hoc'-po-ese и oc'-po-ese) и для пасынка и падчерицы (ba'-po и ka'-po). У ряда племен два тестя и две тещи — в родстве между собой, при чем существуют особые термины для обозначения этого отношения. Богатство этой номенклатуры, хотя оно и было естественным результатом подробных различений этой системы, все же поразительно. За всеми деталями систем сенка-ирокезов и тамиллов мы отсылаем к нашей таблице. Тождественность обеих систем видна с первого взгляда. Это доказывает не только господство пуналуального брака у отдаленных предков этих племен в то

время, когда эта система возникла, но и могущественное влияние, которое эта форма брака оказывала на древнее общество. Это вместе с тем одно из самых замечательных применений естественной логики человеческого ума к фактам социальной системы, сохранившихся в истории человечества.

Мы доказали теперь, что туранская или ганованская система была построена на предшествующей малайской или во всех существенных чертах сходной с ней системе. Обе эти системы совпадают почти в половине всех указанных видов родства. Если рассмотреть те виды родства, в которых сенека и тамилы отличаются от гавайцев, то найдем, что разница относится к тем родственным отношениям, которые зависят от того, вступают ли между собой в брак братья и сестры или нет. Например, в системах сенека и тамилы сын моей сестры — мой племянник, по гавайской же системе он — мой сын. Эти два родственных отношения выражают различие между кровнородственной семьей и пуналуальной. Изменение родственных отношений, происшедшее вследствие смены кровнородственного брака пуналуальным, превратило малайскую систему в туранскую. В таком случае может возникнуть вопрос, почему гавайцы, у которых была пуналуальная семья, не преобразовали соответственно ей своей системы родства? Ответ на этот вопрос был уже дан выше, но его можно повторить. Форма семьи меняется раньше, чем система родства. В Полинезии семья имела пуналуальную форму, тогда как система родства оставалась малайской; в Америке семья была синдиасмической, тогда как система родства — туранской; а в Европе и Западной Азии семья перешла в моногамную форму, тогда как система родства, по видимому, оставалась еще в течение некоторого времени туранской, пока не пришла в упадок и не сменилась арийской. Далее, хотя семья прошла через пять форм, систем родства, насколько известно, возникло только три. Требовалось глубочайшее органическое изменение общества, чтобы существенным образом изменить установившуюся систему родства. Родовая организация была достаточно влиятельна и широко распространена, чтоб превратить малайскую систему в туранскую; подобным же образом и моногамии, когда она достигла у более развитых ветвей человеческой семьи своего полного развития, было достаточно, вместе с влиянием собственности, для того, чтобы сменить туранскую систему арийской.

Остается еще объяснить происхождение тех видов родства туранской системы, которые отличаются от малайской. Пуналуальный брак и родовая организация лежат в основе этого объяснения.

I. Все дети всех моих бартьев, родных и коллатеральных, если я мужского пола — мои сыновья и дочери.

Основания: с точки зрения сенека все жены всех моих братьев — мои жены, так же как и ихние. Мы говорим сейчас о том времени, когда эта система возникла. То же самое относится и к малайской системе, основания чего уже были приведены.

II. Все дети всех моих сестер, родных и коллатеральных, если я мужского пола — мои племянники и племянницы.

Основания: при родовой организации эти женщины по родовому праву не могут быть моими женами. Поэтому их дети не могут быть моими детьми, но находятся со мной в более отдаленном родстве: отсюда — новый вид родства: племянник и племянница. Это составляет отличие от малайской системы.

III. Если я женского пола, то дети всех моих братьев, родных и коллатеральных — мои племянники и племянницы.

Основания — те же, что в пункте II. Это также составляет отличие от малайской системы.

IV. Если я женского пола, то дети всех моих сестер, родных и коллатеральных, и всех моих двоюродных сестер — мои сыновья и дочери.

Основания: все мужья моих сестер являются также и моими мужьями. Строго говоря, эти дети — мои пасынки; так они и называются у оджибве и ряда других алгонкинских племен; но у сенека-ирокезов и тамилы они относятся

по первоначальной классификации к категории моих сыновей и дочерей по тем основаниям, которые были указаны для малайской системы.

V. Все дети этих сыновей и дочерей — мои внуки.

Основание: они — дети моих сыновей и дочерей.

VI. Все дети этих племянников и племянниц — мои внуки.

Основание: они стояли в том же отношении родства в малайской системе, которая, как мы предполагаем, предшествовала туранской. И так как нового отношения не было изобретено, то осталось старое.

VII. Все братья моего отца, родные и коллатеральные — мои отцы.

Основание: они — мужья моей матери. То же самое в малайской системе.

VIII. Все сестры моего отца, родные и коллатеральные — мои тетки.

Основание: при родовой организации ни одна из них не может быть женой моего отца, поэтому прежнее их родство в качестве матери исключается. Потребовался новый вид родства, отсюда — тетки.

IX. Все братья моей матери, родные и коллатеральные — мои дяди.

Основание: они уже больше не мужья моей матери и должны быть ко мне в более отдаленном родстве, чем отец. Отсюда — новый вид родства: дядя.

X. Все сестры моей матери, родные и коллатеральные — мои матери.

Основания — те же, что в пункте IV.

XI. Все дети братьев моего отца и сестер моей матери, родных и коллатеральных — мои братья и сестры.

Основания — те же, что в малайской системе.

XII. Все дети всех моих дядей и теток, родных и коллатеральных — мои двоюродные братья и сестры.

Основания: при родовой организации все эти дяди и тетки исключены из брачных отношений с моим отцом или соответственно с моей матерью; поэтому их дети не могут быть моими братьями и сестрами, как в малайской системе, но должны быть отнесены к более отдаленной степени родства; отсюда — новый вид родства: двоюродные брат и сестра.

XIII. У тамиллов все дети моих двоюродных братьев, если я мужского пола — мои племянники и племянницы, а все дети моих двоюродных сестер — мои сыновья и дочери. У сенека-ирокезов действует как раз обратное правило. Это показывает, что у тамиллов во время возникновения туранской системы все мои двоюродные сестры были моими женами, но это не относилось к женам моих двоюродных братьев. Замечательно, что это — единственное более или менее значительное расхождение между обеими системами, насчитывающими около двухсот видов родства с Яго.

XIV. Все братья и сестры моего деда и моей бабушки — мои деды и бабушки.

Основание — то же, что в малайской системе.

В настоящее время должно быть еще более ясным, что туранская и ганованская системы, по существу тождественные, сменили начальную малайскую систему и что последняя, вероятно, господствовала повсеместно в Азии до того, как произошла миграция малайцев на острова Тихого океана. Более того, мы имеем достаточные основания предполагать, что предки всех трех семей получили из общего азиатского источника вместе с потоком крови и систему родства в малайской форме и что она была впоследствии модифицирована отдаленными предками туранских и ганованских народов, приняв свою настоящую форму.

Мы объяснили главнейшие виды родства туранской системы из их происхождения и нашли, что соответствующие отношения должны были в действительности существовать в пуналуальной семье, насколько могло быть известно происхождение детей. Система объясняется сама собой как продукт естественного развития; она не могла возникнуть без адекватной причины, и, следовательно, предположение, что она создана пуналуальной семьей, не только законно, но и неизбежно. Отметим однако, что некоторые виды свойства подверглись изменению.

Данная система считает всех братьев мужьями жен каждого из них и всех сестер — женами каждого из мужей, состоящих в групповом браке. В то время

когда эта система образовалась, если мужчина имел брата, родного или коллатерального, а таковых было много, он имел в лице его жены свою добавочную жену. Подобным же образом, если женщина имела сестру, родную или коллатеральную, а таковых было в свою очередь много, она имела в лице мужа этой сестры своего добавочного мужа. Мужья-братья и жены-сестры были основанием этих отношений. Это получило свое полное выражение в гавайском обычае *pūpūā*. Теоретически семья этого периода имела те же границы, что и группа, соединенная брачными отношениями; в действительности, однако, она должна была разделиться на ряд меньших семей из-за удобств пользования жилищем и добывания пищи. Десять-двенадцать братьев у бритов, имеющих общих жен — таков объем обыкновенного подразделения пуналуальной группы. Коммунизм домашней жизни, повидимому, возник из потребностей кровнородственной семьи, продолжал существовать при пуналуальной семье, а у американских туземцев сохранился в синдиасмической семье и действовал до эпохи их открытия. Пуналуальный брак у них теперь не известен, но созданная им система родства пережила обычай, от которого она произошла. Строй семейной жизни и домашние отношения диких племен исследованы недостаточно. Знакомство с соответствующими порядками и их способом добывания средств существования пролило бы яркий свет на вопросы, о которых идет здесь речь.

Мы истолковали происхождение двух форм семьи при помощи двух параллельных систем родства. Доказательства, повидимому, убедительны. В кровнородственной семье, до которой человечество поднялось из еще более низкого состояния, мы имеем исходный пункт развития человеческого общества. Переход от первой формы ко второй был естественен и представлял собой развитие из более низкого в более высокое общественное состояние, совершавшееся благодаря наблюдению и опыту. Это был результат совершенствования умственных и нравственных свойств, присущих человеку. Кровнородственная и пуналуальная семья представляют сущность человеческого прогресса в течение большей части периода дикости. Хотя вторая форма обнаруживает значительный прогресс по сравнению с первой, она все же была весьма далека от моногамной. Из сравнения различных форм семьи мы можем судить о медленном ходе развития в периоде дикости, когда средства, способствующие прогрессу, были незначительны, а препятствия, стоявшие на его пути — чрезвычайно велики. Века за веками неподвижной жизни с едва заметными колебаниями в сторону прогресса и регресса, без сомнения, отмечали ход событий этого раннего периода; в общем движение общества шло из низшего состояния к высшему, иначе человечество коснело бы в дикости. Все же мы нашли определенную исходную точку, от которой человечество начало свой великий и изумительный путь прогресса, хотя бы она была так близка к самой низкой ступени развития и ограничивалась такой своеобразной формой семьи, как кровнородственная.

Сравнительная таблица системъ родства сенекá-прокёзовъ изъ штата Нью-Йорк и народовъ,
говорящихъ на тамильскомъ диалекте дравидскаго языка
(еп = мой)

№ по порядку	Наименованія родственниковъ	Ирокезскіе термины	Переводъ	Тамильскіе термины	Переводъ
1	Отецъ моего прадеда	hos'-sote	мой дедъ	ep muprāddan	мой третій дедъ
2	Мать моего прадеда	os'-sote	моя бабка	ep muprāddi	моя третья бабка
3	Мой прадедъ	hos'-sote	мой дедъ	ep irandam rūddan	мой второй дедъ
4	Моя прабабка	os'-sote	моя бабка	ep irandam rūddi	моя вторая бабка
5	Мой дедъ	hos'-sote	мой дедъ	ep rāddan	мой дедъ
6	Моя бабка	os'-sote	моя бабка	ep rāddi	моя бабка
7	Мой отецъ	hā'-nih'	мой отецъ	ep takkāran	мой отецъ
8	Моя мать	po-yeh'	моя мать	ep tay	моя мать
9	Мой сынъ	hā-ah'-wuk	мой сынъ	ep śakān	мой сынъ
10	Моя дочь	ka-ah'-wuk	моя дочь	ep śakāl	моя дочь
11	Мой внукъ	ha-yā'-da	мой внукъ	ep rēgan	мой внукъ
12	Моя внучка	ka-yā'-da	моя внучка	ep rētti	моя внучка
13	Мой правнукъ	ha-yā'-da	мой внукъ	ep irandam rēgan	мой второй внукъ
14	Моя правнучка	ka-yā'-da	моя внучка	ep mīndam rētti	мой третій внукъ
15	Мой праправнукъ	ha-yā'-da	моя внучка	ep mīndam rētti	моя третья внучка
16	Моя праправнучка	ka-yā'-da	моя внучка	ep tamāyan	мой старшій братъ
17	Мой старшій братъ	hā'-je	мой старшій братъ	nap	
18	Моя старшая сестра	ah'-je	моя старшая сестра	ep akkāṅ	моя старшая сестра
19	Мой младшій братъ	ha'hā	мой младшій братъ	kay	
20	Моя младшая сестра	ka-gā	моя младшая сестра	ep tambi	мой младшій братъ
21	Мои братья	da-yā-guā-dan'- po-dā	мои братья	ep tangaichichi	моя младшая сестра
22	Мои сестры	da-yā-guā-dan'- po-dā	мои сестры	tangay	
				ep sakothāree	мои братья (санскритъ)
				ep sakothārskaḷ	мои сестры (тоже)

№ по порядку	Наименования родственников	Ирокезские термины	Перевод	Тамильские термины	Перевод
23	Сын моего брата (Ego—мужч.)	ha-ah'-wuk	мой сын	en takān	мой сын
24	Жена сына моего брата (Ego—мужч.)	ka'-sāh'	моя невестка	en taḡūmakāi	моя невестка (и племянница)
25	Дочь (Ego—мужч.)	ka-ah'-wuk	моя дочь	en takāi	моя дочь
26	Муж дочери (Ego—мужч.)	os-pa'-hosc	мой зять	en taḡūmakān	мой зять (и племянник)
27	Внук (Ego—мужч.)	ha-yā'-da	мой внук	en pēraṅ	мой внук
28	Внучка (Ego—мужч.)	ka-yā'-da	моя внучка	en pērtti	моя внучка
29	Правнук (Ego—мужч.)	ha-yā'-da	мой внук	en irandām pēraṅ	мой второй внук
30	Правнучка	ka-yā'-da	моя внучка	en irandām pērtti	моя вторая внучка
31	Сын моей сестры (Ego—мужч.)	ha-yā'-wan-da	мой племянник	en taḡūmakān	мой племянник
32	Жена сына моей сестры (Ego—мужч.)	ka'-sā	моя невестка	en takāi	моя дочь
33	Дочь сына моей сестры (Ego—мужч.)	ka-yā'-wan-da	моя племянница	en taḡūmakāi	моя племянница
34	Муж дочери моей сестры (Ego—мужч.)	os-pa'-hosc	мой зять	en takān	мой сын
35	Внук моей сестры (Ego—мужч.)	ha-yā'-da	мой внук	en pēraṅ	мой внук
36	Внучка моей сестры (Ego—мужч.)	ka-yā'-da	моя внучка	en pērtti	моя внучка
37	Правнук моей сестры (Ego—мужч.)	ha-yā'-da	мой внук	en irandām pēraṅ	мой второй внук
38	Правнучка моей сестры (Ego—мужч.)	ka-yā'-da	моя внучка	en irandām pērtti	моя вторая внучка
39	Сын моего брата (Ego—женщ.)	ha-soh'-neh	мой племянник	en taḡūmakān	мой племянник
40	Жена сына моего брата (Ego—женщ.)	ka'-sā	моя невестка	en takāi	моя дочь
41	Дочь моего брата (Ego—женщ.)	ka-soh'-neh	моя племянница	en taḡūmakāi	моя племянница

42	Муж дочери моего брата (Ego—женщ.)	ос-па'-hose	мой зять	en şakān	мой сын
43	Внук моего брата (Ego— женщ.)	ha-yā'-da	мой внук	en pērān	мой внук
44	Внучка моего брата (Ego— женщ.)	ka-yā'-da	моя внучка	en pērti	моя внучка
45	Правнук моего брата (Ego— женщ.)	ha-yā'-da ka-yā'-da	мой внук моя внучка	en irandām pērān en irandām pērti	мой второй внук моя вторая внучка
46	Правнучка	ha-ah'-wuk	мой сын	en şakān	мой сын
47	Сын моей сестры (Ego— женщ.)	ka'-sā	моя невестка	en şagūmakāi	моя племянница (и невестка)
48	Жена сына моей сестры	ka-ah'-wuk	моя дочь	en şakāi	моя дочь
49	Дочь моей сестры (Ego— женщ.)	ос-па'-hose	мой зять	en şakān	мой сын
50	Муж дочери моей сестры (Ego—женщ.)	ha-yā'-da	мой внук	en pērān	мой внук
51	Внучка	ka-yā'-da	моя внучка	en pērti	моя внучка
52	Правнук моей сестры (Ego— —женщ.)	ha-yā'-da	мой внук	en irandām pērān	мой второй внук
53	Правнучка моей сестры (Ego—женщ.)	ka-yā'-da	моя внучка	en irandām pērti	моя вторая внучка
54	Брат моего отца	hā'-nih	мой отец	{ en pēriya tākkārān { en sēriya tākkārān	{ мой большой отец { мой малый отец (младший)
55	Жена брата моего отца	ис-по'-ese	моя мачеха	en tāu	моя мать
56	Сын брата моего отца (старше меня)	hā'je	мой старший брат	en tamaiyān	мой старший брат
57	Сын брата моего отца (младше меня)	ha'-gā	мой младший брат	en tambi	мой младший брат
58	Жена сына брата моего отца (старше меня)	ah'-je	моя свояченица	{ en şaittūni (старший) { en anni (младший)	моя свояченица или кузина
59	Дочь брата моего отца (старше меня)	ah'-je	моя старшая сестра	en akkarī или tamakaū	моя старшая сестра
60	Дочь брата моего отца (младше меня)	ka'-gā	моя младшая сестра	en tangaiçhiçi или tangay	моя младшая сестра

№ по порядку	Наименования родственников	Ирокезские термины	Перевод	Тамильские термины	Перевод
62	Муж дочери брата моего отца	ha-yā'-o	мой свояк	ep māitūpān	мой свояк (и кузен)
63	Сын сына брата моего отца (Ego—мужч.)	ha-ah'-wuk	мой сын	ep tākān	мой сын
64	Сын сына брата моего отца (Ego—женщ.)	ka-soh'-neh	мой племянник	ep māṭū tākān	мой племянник
65	Дочь сына брата моего отца (Ego—мужч.)	ka-ah'-wuk	моя дочь	ep tākāi	моя дочь
66	Дочь сына брата моего отца (Ego—женщ.)	ka-soh'-neh	моя племянница	ep māṭū tākāi	моя племянница
67	Сын дочери брата моего отца (Ego—мужч.)	ha-yā'-wān-da	мой племянник	ep māṭū tākān	мой племянник
68	Сын дочери брата моего отца (Ego—женщ.)	ha-ah'-wuk	мой сын	ep tākān	мой сын
69	Дочь дочери брата моего отца (Ego—мужч.)	ka-yā'-wān-da	моя племянница	ep māṭū tākāi	моя племянница
70	Дочь дочери брата моего отца (Ego—женщ.)	ka-ah'-wuk	моя дочь	ep tākāi	моя дочь
71	Правнук брата моего отца	ha-yā'-da	мой внук	ep rēgān	мой внук
72	Правнучка брата моего отца	ka-yā'-da	моя внучка	ep rētti	моя внучка
73	Сестра моего отца	ah-gā'-huc	моя тетка	ep attai	моя тетка
74	Муж сестры моего отца	hōc-po'-seh	мой отчим	ep māman	мой дядя
75	Сын сестры моего отца (Ego—мужч.)	ah-gāre'-seh	мой двоюродн. брат	ep attān, māitūpān	мой двоюродн. брат
76	Сын сестры моего отца (Ego—женщ.)	ah-gāre'-seh	мой двоюродн. брат	ep māchchān	мой двоюродн. брат
77	Жена сестры моего отца	ah-ge-ah'-ne-ah	моя свояченица	ep tangay	моя младшая сестра
78	Дочь сестры моего отца (Ego—мужч.)	ah-gāre'-seh	моя двоюродная сестра	ep māitūni	моя двоюродная сестра
79	Дочь сестры моего отца (Ego—женщ.)	ah-gāre'-seh	моя двоюродная сестра	ep māchchi, māshhāgi	моя двоюродная сестра
80	Муж дочери сестры моего отца	ha-yā'-ō	мой свояк	{ ep annan ep tambī	{ мой брат старший мой брат младший

81	Сын сына сестры моего отца (Ego—мужч.) . . .	ha-ah'-wuk	мой сын	еп пәгүмәкән	мой племянник
82	Сын сына сестры моего отца (Ego—женщ.) . . .	ha-soh'-neh	мой племянник	еп пәкән	мой сын
83	Дочь сына сестры моего отца (Ego—мужч.) . . .	ka-ah'-wuk	моя дочь	еп пәгүмәкәл	моя племянница
84	Дочь сына сестры моего отца (Ego—женщ.) . . .	ka-soh'-neh	моя племянница	еп пәкәл	моя дочь
85	Сын дочери сестры моего отца (Ego—мужч.) . . .	ha-yä'-wän-da	мой племянник	еп пәкән	мой сын
86	Сын дочери сестры моего отца (Ego—женщ.) . . .	ka-ah'-wuk	мой сын	еп пәгүмәкән	мой племянник
87	Дочь дочери сестры моего отца (Ego мужч.) . . .	ka-yä'-wän-da	моя племянница	еп пәкәл	моя дочь
88	Дочь дочери сестры моего отца (Ego—женщ.) . . .	ka-ah'-wuk	моя дочь	еп пәгүмәкәл	моя племянница
89	Правнук сестры моего отца	ha-yä'-da	мой внук	еп рәгән	мой внук
90	Правнучка . . .	ka-yä'-da	моя внучка	еп рәтти	моя внучка
91	Брат моей матери . . .	hos-po'-seh	мой дядя	еп тәмән	мой дядя
92	Жена брата моей матери . . .	ah-gä'-ne'-ah	моя тетка-мать	еп тәмә	моя тетка
93	Сын брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ah-gäre'-seh	мой двоюродн. брат	еп пәйтүнән	мой двоюродн. брат
94	Сын брата моей матери (Ego—женщ.) . . .	ah-gäre'-seh	мой двоюродн. брат	еп пәшчән	мой двоюродн. брат
95	Жена сына брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ah-ge-ah'-ne'-ah	моя свояченица	еп тәңгау	моя младшая сестра
96	Дочь брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ah-gäre'-seh	моя двоюродная сестра	еп пәйтүни	моя двоюродная сестра
97	Дочь брата моей матери (Ego—женщ.) . . .	ah-gäre'-seh	моя двоюродная сестра	еп пәшчәри	моя двоюродная сестра
98	Муж дочери брата моей матери . . .	ha-yä'-ö	мой свояк	{ еп анпан еп тәмби	{ мой брат (старший) мой брат (младший)
99	Сын сына брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ha-ah'-wuk	мой сын	еп пәгүмәкән	мой племянник
100	Сын сына брата моей матери (Ego—женщ.) . . .	ha-soh'-neh	мой племянник	еп пәкән	мой сын
101	Дочь сына брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ka-ah'-wuk	моя дочь	еп пәгүмәкәл	моя племянница

№ по порядку	Наименования родственников	Ирокезские термины	Перевод	Тамильские термины	Перевод
102	Дочь сына брата моей матери (Ego—женщ.) . . .	ka-soh'neh	моя племянница	en makāl	моя дочь
103	Сын дочери брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ha-yā'-wāp-da	мой племянник	en makān	мой сын
104	Сын дочери брата моей матери (Ego—женщ.) . . .	ha-ah'-wik	мой сын	en māḡmakān	мой племянник
105	Дочь дочери брата моей матери (Ego—мужч.) . . .	ka-yā'wāp-da	моя племянница	en makāl	моя дочь
106	Дочь дочери брата моей матери (Ego—женщ.) . . .	ka-ah'-wik	моя дочь	en māḡmakāl	моя племянница
107	Правнук брата моей матери	ha-yā'-da	мой внук	en pēḡan	мой внук
108	Правнучка брата моей матери	ka-yā'-da	моя внучка	en pētti	моя внучка
109	Сестра моей матери	po-yeh'	моя мать	{ en pēḡiyā tāy { en sēḡiyā tāy	{ моя большая мать (старшая) { моя малая мать (младшая)
110	Муж сестры моей матери	hos-po'-ese	мой отчим	{ en pēḡiya takkārḡan { en sēḡiya takkārḡan	{ мой большой отец (старший) { мой малый отец (младший)
111	Сын сестры моей матери (старше меня)	hā'-je	мой старший брат	en tāmaiyāḡḡ или an-pān	мой старший брат
112	Сын сестры моей матери (младше меня)	ha'-gā	мой младший брат	en tambī	мой младший брат
113	Жена сына сестры моей матери	ah-ge-ah'-pe-ah	моя свояченица	en māittūni	моя свояченица и кузина
114	Дочь сестры моей матери (старше меня)	ah'-je	моя старшая сестра	en akkaḡḡ или tamākaḡ	моя старшая сестра
115	Дочь сестры моей матери (младше меня)	ka'-gā	моя младшая сестра	tāḡḡaiḡchchi или tap-gay	моя младшая сестра
116	Муж дочери сестры моей матери	ha-yā'-o	мой свояк	en māittūpan	мой свояк (или двоюродный брат)
117	Сын сына сестры моей матери (Ego—мужч.)	ha-ah'-wik	мой сын	en makān	мой сын

118	Сын сына сестры моей матери (Его—женщ.) . . .	ha-soh'-neh	мой племянник	ep māḡmākān	мой племянник
119	Дочь сына сестры моей матери (Его—муж.) . . .	ka-ah'-wuk	моя дочь	ep mākal	моя дочь
120	Дочь сына сестры моей матери (Его—женщ.) . . .	ka-soh'-neh	моя племянница	ep māḡmākāl	моя племянница
121	Сын дочери сестры моей матери (Его—мужч.) . . .	ha-yā'-wān-da	моя дочь	ep māḡmākān	мой племянник
122	Сын дочери сестры моей матери (Его—женщ.) . . .	ha-ah'-wuk	мой сын	ep mākān	мой сын
123	Дочь дочери сестры моей матери (Его—мужч.) . . .	ka-yā'-wān-da	моя племянница	ep māḡmākāl	моя племянница
124	Дочь дочери сестры моей матери (Его—женщ.) . . .	ka-ah'-wuk	моя дочь	ep mākal	моя дочь
125	Правнук сестры моей матери	ha-yā'-da	мой внук	ep pēḡān	мой внук
126	Правнучка сестры моей матери	ka-yā'-da	моя внучка	ep pērtti	моя внучка
127	Брат отца моего отца	hoc'-sote	мой дед	{ ep pēḡiḡa pāddān { ep sēḡiḡa pāddān	{ мой большой дед { мой малый дед
128	Сын брата отца моего отца	hā'-nih	мой отец	{ ep pēḡiḡa takkārrān { ep sēḡiḡa takkārrān	{ мой большой отец { мой малый отец
129	Сын сына брата отца моего отца (старше меня) . . .	hā'-je	мой старший брат	ep appan или tāḡmāi- уап	мой старший брат
130	Сын сына брата отца моего отца (младше меня) . . .	ha'-gā	мой младший брат	ep tambī	мой младший брат
131	Сын сына сына брата отца моего отца (Его—мужч.)	ha-ah'-wuk	мой сын	ep mākān	мой сын
132	Сын сына сына брата отца моего отца (Его—женщ.)	ka-soh'-neh	мой племянник	ep māḡmākān	мой племянник
133	Дочь сына сына брата отца моего отца (Его—мужч.)	ka-ah'-wuk	моя дочь	ep mākal	моя дочь
134	Дочь сына сына брата отца моего отца (Его—женщ.)	ka-soh'-neh	моя племянница	ep māḡmākāl	моя племянница
135	Праправнук сына брата отца моего отца	ha-yā'-da	мой внук	ep pēḡān	мой внук
136	Праправнучка сына брата отца моего отца	ka-yā'-da	моя внучка	ep pērtti	моя внучка

№ по порядку	Наименования родственников	Ирокезские термины	Перевод	Тамильские термины	Перевод
137	Сестра отца моего отца . . .	os'-sote	моя бабка	{ en périya pēddi en sériya pēddi	{ моя большая бабка моя малая бабка
138	Дочь сестры отца моего отца	ah-ga'-huc	моя тетка	{ en périya táy en sériya táy	{ моя большая мать моя малая мать
139	Дочь дочери сестры отца моего отца (Ego—мужч.)	ah-gāre'-seh	моя двоюродная сестра	{ en tāmakāy en tāngāy	{ моя старшая сестра моя младшая сестра
140	Дочь дочери сестры отца моего отца (Ego—женщ.)	ah-gāre'-seh	моя двоюродная сестра	{ en tāmakāy en tāngāy	{ моя старшая сестра моя младшая сестра
141	Сын доч. доч. сестры отца моего отца (Ego—мужч.)	ha-yā'-wān-da	мой племянник	en māgūmakān?	мой племянник
142	Сын доч. доч. сестры отца моего отца (Ego—женщ.)	ha-ah'-wuk	мой сын	en makān?	мой сын
143	Дочь доч. доч. сестры отца моего отца (Ego—мужч.)	ka-yā'-wān-da	моя племянница	en māgūmakān?	моя племянница
144	Дочь доч. доч. сестры отца моего отца (Ego—женщ.)	ka-ah'-wuk	моя дочь	en makān?	моя дочь
145	Праправнук сестры отца моего отца	ha-yā'-da	мой внук	en péfān	мой внук
146	Праправнучка сестры отца моего отца	ka-yā'-da	моя внучка	en péfān	моя внучка
147	Брат матери моей матери	hos'-sote	мой дед	en péfān	{ мой большой дед мой малый дед
148	Сын брата матери моей матери	has-po'-seh	мой дядя	en mānān	мой дядя
149	Сын сына брата матери моей матери (Ego—мужч.)	ah-gāre'-seh	мой двоюродн. брат	en māttūnān	мой двоюродн. брат
150	Сын сына брата матери моей матери (Ego—женщина)	ah-gāre'-seh	мой двоюродн. брат	en māttūnān	мой двоюродн. брат
151	Сын сына сына брата матери моей матери (Ego—мужч.)	ha-ah'-wuk	мой сын	en māchān	мой двоюродн. брат
152	Сын сына сына брата матери моей матери (Ego—женщ.)	ha-soh'-neh	мой племянник	en māgūmakān	мой племянник

153	Дочь сына сына брата матери моей матери (Ego— мужч.)	ka-ah'-wuk	моя дочь	en māḡmākāi	моя племянница
154	Дочь сына сына брата матери моей матери (Ego— женщ.)	ka-soh'-neh	моя племянница	en mākāi	моя дочь
155	Праправнук брата матери моей матери	ha-yā'-da	мой внук	en pēṭān	мой внук
156	Праправнучка брата матери моей матери	ka-yā'-da	моя внучка	en pēṭti	моя внучка
157	Сестра матери моей матери	os'-sote	моя бабка	{ en pēṭiya pāddi	{ моя большая бабка
158	Дочь сестры матери моей матери	po-ueh'	моя мать	{ en sēriya pāddi	{ моя малая бабка
				{ en pēṭiya tāu	{ моя большая мать
				{ en sēriya tāu	{ моя малая мать
159	Дочь дочери сестры матери моей матери (старше меня)	ah'-je	моя старшая сестра	en tāmakāu	моя старшая сестра
160	Дочь дочери сестры матери моей матери (младше меня)	ka'-ga	моя младшая сестра	en tāngāu	моя младшая сестра
161	Сын дочери дочери сестры матери моей матери (Ego—мужч.)	ha-yā'-wān-da	мой племянник	en māḡmākān	мой племянник
162	Сын дочери дочери сестры матери моей матери (Ego—женщ.)	ha-ah'-wuk	мой сын	en mākān	мой сын
163	Дочь дочери дочери сестры матери моей матери (Ego—мужч.)	ka-yā'-wān-da	моя племянница	en māḡmākāi	моя племянница
164	Дочь дочери дочери сестры матери моей матери (Ego—женщ.)	ka-an'-wuk	моя дочь	en mākāi	моя дочь
165	Праправнук сестры матери моей матери	ha-yā'-da	мой внук	en pēṭān	мой внук
166	Праправнучка сестры матери моей матери	ka-yā'-da	моя внучка	en pēṭti	моя внучка
167	Брат отца отца моего отца	hos'-sote	мой дед	en iṅandām pāddān	мой второй дед
168	Сын брата отца моего отца	hos'-sote	мой дед	{ en pēṭiya pāddān	{ мой большой дед
				{ en sēriya pāddān	{ мой малый дед

№ по порядку	Наименования родственников	Ирокезские термины	Перевод	Тамильские термины	Перевод
169	Сын сына брата отца	hā'-nlh	мой отец	{ ep pēriya tākkārrān ep sēriya tākkārrān	{ мой большой отец мой малый отец
170	Сын сына сына брата отца моего отца (старший)	hā'-je	мой старший брат	ep annan	мой старший брат
171	Сын сына сына сына брата отца моего отца (Ego—мужч.)	ha-ah'-wuk	мой сын	ep mākān	мой сын
172	Сын сына сына сына сына брата отца отца моего	ha-yā'-da	мой внук	ep pēṛān	мой внук
173	Сестра отца отца моего	oc'-sote	моя бабушка	ep irandām pāddi	моя вторая бабушка
174	Дочь сестры отца моего	oc'-sote	моя бабушка	{ ep pēriya pāddi ep sēriya pāddi	{ моя большая бабушка моя малая бабушка
175	Дочь дочери сестры отца	po-yeh'	моя мать	{ ep pēriya tāy ep sēriya tāy	{ моя большая бабушка моя малая бабушка
176	Дочь дочери дочери сестры	ah-gāre'-seh	моя двоюродная сестра	{ ep tāmakāy ep tāngāy	{ моя старшая сестра моя младшая сестра
177	Дочь дочери дочери дочери сестры отца отца моего	ha-soh'-neh	моя племянница	ep māṭimākāi	моя племянница
178	Дочь дочери дочери дочери дочери дочери дочери отца (Ego—мужч.)	ha-yā'-da	мой внук	ep pērtti	моя внучка
179	Брат матери матери моей	hoc'-sote	мой дед	ep irandām pāddān	мой второй дед
180	Сын брата матери матери моей	hoc'-sote	мой дед	{ ep pēriya pāddān ep sēriya pāddān	{ мой большой дед мой малый дед
181	Сын сына брата матери матери моей	hoc-po'-seh	мой дядя	ep māṭān	мой дядя
182	Сын сына сына брата матери матери моей матери матери (Ego—мужч.)	ah-gāre'-seh	мой двоюродн. брат	ep māitṭinān	мой двоюродн. брат

183	Сын сына сына брата матери матери моей матери (Ego—мужч.) . . .	ha-ah'-wuk	мой сын	en pātūmākān	мой племянник
184	Сын сына сына сына брата матери матери моей матери . . .	ha-yā'-da	мой внук	en pēgān	мой внук
185	Сестра матери матери моей матери . . .	oc'-sote	моя бабка	en itandām pāddi	моя вторая бабка
186	Дочь сестры матери матери моей матери . . .	oc'-sote	моя бабка	{ en pētiya pāddi	{ моя большая бабка
187	Дочь дочери сестры матери матери моей матери . . .	po-yeh'	моя мать	{ en sētiya pāddi	{ моя малая бабка
188	Дочь дочери дочери сестры матери матери моей матери (старшая) . . .	ah'-ye	моя старшая сестра	{ en pētiya pāddi	{ моя большая мать
189	Дочь дочери дочери сестры матери матери моей матери (Ego—мужч.) . . .	ka-yā-wān-da	моя старшая сестра	en akkārl	моя старшая сестра
190	Дочь дочери дочери дочери сестры матери матери моей матери . . .	ka-yā'-da	моя племянница	en mākāi	моя дочь
191	Мой муж . . .	da-yake'-ne	моя внучка	en pērti	моя внучка
192	Моя жена . . .	da-yake'-ne	мой муж	en kānavān	мой муж
193	Отец моего мужа . . .	hā-ga'-sā	моя жена	en pānāvi	моя жена
194	Мать моего мужа . . .	ong-ga'-sā	мой свекор	en pāmān	мой дядя и свекор
195	Отец моей жены . . .	oc-pā'-hose	моя свекровь	en pāmān	моя тетка и свекровь
196	Мать моей жены . . .	oc-pā'-hose	мой тесть	en pāmān	мой дядя и тесть
197	Мой зять . . .	oc-pā'-hose	моя теща	en pāmān	моя тетка и теща
198	Моя невестка . . .	ka'-sā	мой зять	en pāpillai	мой племянник и зять
199	Мой отчим . . .	hos-po'-ese	моя невестка	en pātūmākāi	моя племянница и невестка
200	Моя мачеха . . .	oc-po'-ese	мой отчим	—	(вдовы не могут выходить замуж)
201	Мой пасынок . . .	ha'-po	моя мачеха	en sētiya tāu	моя малая мать
202	Моя падчерица . . .	ka'-po	мой пасынок	en kākān	мой сын
203	Мой сводный брат . . .	—	моя падчерица	en mākāi	моя дочь
204	Моя сводная сестра . . .	—	—	{ en appan	{ мой старший брат
				{ en tambī	{ мой младший брат
				{ en akkārl	{ моя старшая сестра
				{ en tāngāu	{ моя младшая сестра

№ по порядку	Наименования родственников	Ирокезские термины	Перевод	Тамильские термины	Перевод
205	Брат моего мужа	ha-yā'-ō	мой деверь	en māittūnān	мой двоюродн. брат
206	Муж моей сестры (Ego— мужч.)	ah-ge-ah'-pe-o	мой свояк	en māittūnān	мой двоюродн. брат
207	Муж моей сестры (Ego— женщ.)	ha-yā'-ō	мой зять	{ en attan en maichchān	{ мой старший двоюродн. брат мой младший двоюродн. брат
208	Брат моей жены	ah-ge'-ah'-pe-o	мой шурин	en māittūnān	мой младший двоюродн. брат
209	Муж сестры моей жены	—	—	en sakālan	мой младший двоюродн. брат
210	Муж сестры моего мужа	—	—	en sakotaran	мой младший двоюродн. брат
211	Сестра моей жены	ka-yā'-ō	моя свояченица	{ en korluntī en māittūini	{ моя старшая двоюродн. сестра моя младшая двоюродн. сестра
212	Сестра моего мужа	ah-ge-ah'-pe-o	моя золовка	en pāttānae	моя двоюродн. сестра
213	Жена моего брата (Ego— мужч.)	ka-yā'-ō	моя невестка	{ en anni en māittūini	{ моя старшая двоюродн. сестра моя младшая двоюродн. сестра
214	Жена моего брата (Ego— женщ.)	ah-ge-ah'-pe-ō	—	en orakatti	моя двоюродн. сестра
215	Жена брата моего мужа	—	—	en tāmakāy	моя старшая сестра
216	Жена брата моей жены	—	—	en tāngāy	моя младшая сестра
217	Вдова	go-no-kw'-yes'- hā'-ah	вдова	en keimpuṇ	вдова
218	Вдовец	ho-no-kw'-yes'- hā'-ah	вдовец	—	—
219	Близнецы	tas-geek'-hā	близнецы	dithambathie	близнецы (санскрит)

Глава четвертая

СИНДИАСМИЧЕСКАЯ И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬИ

Синдиасмическая семья. — Ее состав. — Ее характерные черты. — Влияние на нее родовой организации. — Склонность к сожителству парами — продукт позднего развития. — Изучать древнее общество следует там, где мы находим его наиболее типические образцы. — Патриархальная семья. — Отцовская власть — ее основная черта. — Второстепенное значение полигамии. — Римская семья, ее сходство с патриархальной. — Отцовская власть не была известна прежним формам семьи.

Когда американские туземцы были открыты, часть их, находившаяся на низшей ступени варварства, достигла синдиасмической или парной семьи. Связанные брачными отношениями большие группы, которые должны были существовать здесь в предыдущем периоде, исчезли; их место заняли брачные пары, представляющие собой ясно выраженные, хотя лишь частично индивидуализировавшиеся семьи. В этой семье можно признать зародыш моногамной семьи, однако в ряде существенных отношений парная семья стояла ниже моногамной.

Синдиасмическая семья имела особый и своеобразный характер. Обычно несколько таких семей жили в одном доме, образуя коллективное домохозяйство, в котором господствовало начало коммунизма домашней жизни. Факт соединения ряда таких семей в общее домохозяйство доказывает сам по себе, что семья была слишком слабой организацией, чтобы одной противостоять тягостям жизни. Тем не менее синдиасмическая семья основывалась на браке отдельных пар и обладала некоторыми характерными чертами моногамной семьи. Женщина представляла собой теперь нечто большее, чем главную жену своего мужа; она была спутницей его жизни, готовила ему пищу и была матерью его детей, которых он начал теперь с некоторой уверенностью считать своими. Наличие детей, о которых родители заботились сообща, вело к скреплению брачного союза и его постоянству.

Но данная форма брака была столь же своеобразна, как и семья. Мужчины не выбирали жен, как это делается в цивилизованном обществе, по склонности, ибо чувство любви, предполагающее более высокую степень развития, чем та, которой они достигли, было им неизвестно. Поэтому брак основывался не на чувстве, а на удобстве и необходимости. Устраивать браки своих детей было фактически предоставлено матерям, и о браках обыкновенно договаривались без ведома вступающих в брак и не спрашивая их согласия. Иногда случалось, что таким образом соединялись браком совершенно чужие друг другу люди. Они извещались лишь тогда, когда должна была произойти несложная свадебная церемония. Таковы были порядки ирокезов и многих других индейских племен. Подчинение этим соглашениям матерей было обязанностью, которой вступающие в брак редко отказывались подчиниться. Особой чертой этих брачных соглашений были подарки перед свадьбой ближайшим родичам невесты, что придавало браку характер покупки. Однако брачные отношения продолжались только до тех пор, пока это было угодно сторонам. Поэтому-то данную форму семьи правильно называть семьей-парованием. Муж мог по своему желанию отослать свою жену и взять другую, не причиняя первой обиды, а жена пользовалась таким же правом покинуть своего мужа и взять другого, при условии, чтобы это не нарушало порядков ее племени и рода. Но постепенно сложилось и укрепилось общественное мнение, направленное против таких расторжений брака. Если между супругами возникал разлад, грозивший разрывом, родичи обоих пытались их примирить, не редко — успешно; но если они не могли уладить дело, то давали согласие на развод. Жена оставляла тогда дом своего мужа, забирала с собой детей, которые считались только ее детьми, а равно свое личное имущество, на которое муж не имел никакого права. Либо же, когда в коллективном домохозяйстве обладали родичи жены, что и бывало по общему правилу, муж покидал дом своей

жены¹. Таким образом продолжительность брачных отношений зависела исключительно от доброй воли супругов.

Существовала и другая черта брачных отношений, показывающая, что американские туземцы, стоявшие на низшей ступени варварства, еще не достигли той стадии нравственного развития, которая предполагается моногамией. У ирокезов, высоко развитых в умственном отношении варваров, и у всех стоявших на том же уровне развития индейских племен от женщины стали требовать верности под угрозой жестокого наказания, которому ее мог подвергнуть муж, не беря на себя того же обязательства. Между тем одно тесно связано с другим. Более того, полигамия была провозглашена привилегией мужчин, хотя на практике она ограничивалась отсутствием средств для того, чтоб ею пользоваться. Существовали и другие порядки, о которых нет надобности говорить, показывающие с своей стороны, что индейцы еще не дошли до понятия моногамии в истинном и высоком смысле этого слова. Исключительные случаи, конечно, встречались. Сказанное можно отнести, я полагаю, ко всем вообще варварским племенам. Основной чертой, отличающей синдиасмическую семью от моногамной, при наличии, правда, значительного числа исключений, было отсутствие начала исключительности сожителства. Старая брачная система, память о которой сохранилась до сего времени в их системе родства, продолжала еще существовать, конечно, в ограниченных и видоизмененных формах.

У оседлых индейцев, стоявших на средней ступени варварства, отношения, насколько мы их знаем, не отличались по существу от вышеописанных. Сравняя порядки американских туземцев, относящиеся к браку и разводу, мы видим значительное сходство, которое говорит о начальном тождестве этих порядков. Мы можем отметить только некоторые из них. Клавигеро говорит, что у ацтеков «все браки устраивались родителями, и без их согласия брак никогда не заключался»². «Жрец связывал концы huerpilli, или платья невесты, и tilmatli, или плаща жениха, и к этой церемонии главным образом сводилось заключение брачного союза»³. Эррера, описав ту же церемонию, говорит: «Они сохраняли в памяти все, что приносила с собой невеста, чтобы в случае развода, случавшегося нередко, можно было разделить имущество; при этом муж брал дочерей, а жена — сыновей, и оба они могли вновь вступить в брак»⁴.

Мы видим, что индейцы ацтеки, как и ирокезы, сами не выбирали своих жен. У тех и у других это было делом не столько индивидуальным, сколько общественным и родовым, почему и оставалось в исключительном ведении родителей. У индейцев неженатые люди обоего пола очень мало общались между собой и так как личные привязанности не возникали, то они и не могли нарушаться этими браками, при которых личные желания не принимались во внимание и на самом деле не имели значения. Далее оказывается, что личное имущество

¹ Покойный Артур Райт, бывший в течение многих лет миссионером у сенека, писал автору в 1873 году по этому поводу следующее: „Что касается семейного строя в то время, когда они еще жили в древних длинных домах, то надо думать, что какой-либо один клан преобладал, однако женщины брали себе мужей из других кланов; изредка, и это было новшеством, некоторые из сыновей приводили в дом молодых жен до тех пор, пока они не набирались храбрости, чтоб покинуть своих матерей. Обыкновенно управляли домом женщины и при этом, конечно, прочно держались вместе. Запасы были общими; но горе тому злополучному мужу или любовнику, который пренебрегал своей обязанностью участвовать в добыче средств существования. Сколько бы он ни имел детей или имущества в этом доме, он мог каждую минуту получить приказание свернуть свое одеяло и убираться, и ему не поздоровилось бы, если б он вздумал не послушаться. Ему стало бы слишком жарко в этом доме; и если только какая-нибудь тетка или бабушка не вступалась за него, он должен был возвратиться в свой клан или же что часто случалось, уйти и вступить в новый брак в другом клане. Женщины были большой силой в кланах, как и повсюду. Они не задумывались, когда этого требовали обстоятельства, по их техническому выражению, „сбить рога“ с головы вождя и сделать его опять простым воином. Точно так же назначение вождя находилось всегда в их руках“. Эти показания иллюстрируют ту гинекократию, о которой говорит Бахофен в „Das Mutterrecht“.

² History of Mexico, Phil. ed., 1817, Cullen's trans., II, 99.

³ Ib., II, 101.

⁴ History of America, I. c., III, 217.

жены у ацтеков, как и у ирокезов, хранилось отдельно, чтобы в случае развода, бывшего, по словам этого автора, обычным явлением, жена могла по общераспространенному у индейцев порядку забрать свое имущество. Но тогда как у ирокезов жена в случае развода брала всех детей, ацтекский муж имел право на дочерей, а жена — на сыновей, что представляет собой модификацию древнего порядка и говорит о том, что у предков ацтеков действовало ирокезское правило.

Говоря вообще о населении Юкатана, Эррера замечает: «Раньше вступали в брак обыкновенно в двадцатилетнем возрасте; позднее — в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, и так как мужа не питали к своим женам никакого расположения, то они расходились из-за всякого пустяка»¹. Майя Юкатана стояли в культурном отношении выше ацтеков, но так как и у них брак заключался по принуждению, а не по личному выбору, то не удивительно, что брачные связи были не прочны и развод происходил по желанию любой из сторон. Далее, у оседлых индейцев многоженство было общепризнанным правом мужчин и, повидимому, было у них гораздо более распространено, чем у менее развитых племен. Эти обрывки данных о чисто индейских и в то же время варварских учреждениях отчетливо показывают нам действительное состояние туземцев Америки, стоящих на сравнительно высоком уровне развития. В таком личном деле, как брак, желания и склонности сторон не принимались во внимание. Лучшего доказательства варварского состояния народа не требуется.

Мы должны теперь указать на некоторые из причин, обусловивших развитие этой формы семьи из пуналуальной. Уже в последней имелись вызванные общественной необходимостью элементы парования, при чем у каждого мужчины из нескольких жен одна была главной, а у каждой женщины из нескольких мужей — один главный. Таким образом в пуналуальной семье с самого начала существовала тенденция развития в направлении к синдиасмической семье.

Родовая организация была главным орудием, при помощи которого этот результат был достигнут, однако лишь в долгом и постепенном процессе развития. Во-первых. Эта организация не сразу уничтожила групповой брак, существовавший в виде прочно установившегося обычая. Однако запрещение брака в пределах рода исключило из брачного общения родных братьев и сестер, а равно детей родных сестер, так как все они принадлежали к одному и тому же роду. Родные братья все еще могли иметь общих жен, а родные сестры — общих мужей. Род, следовательно, не выступил прямо против пуналуального брака, а лишь сузил его границы. Но он навсегда исключил из брачных отношений всех потомков по женской линии каждого предка в пределах рода, а это было большим нововведением по отношению к прежней пуналуальной группе. Когда род разделялся, это запрещение на долгое время распространялось и на его ветви, как это было отмечено нами для ирокезов. Во-вторых. Сама структура и принципы данной организации вели к выработке предубеждения против брака между кровными родственниками по мере того, как благодаря бракам вне рода стали выясняться преимущества брачных союзов лицами, не находящимися в родстве. Это предубеждение, повидимому, росло, пока оно в конце концов не выразилось в общественном чувстве и не распространилось широким образом среди американских туземцев уже в эпоху их открытия². Например, у ирокезов никто не мог вступить в брак ни с одним из своих кровных родственников, указанных в вышеприведенной таблице. В-третьих. Поскольку оказалось необходимым искать жен в других родах, они стали добываться путем договоров и покупки. Когда родовая организация приобрела широкое влияние, она постепенно привела к недостатку женщин вместо прежнего их избытка; в результате размер пуналуальной группы с течением времени сократился. Мы можем сделать

¹ Ы., IV, 171.

² Один из вождей шейенов сообщил автору о случае, когда вступили в брак вопреки обычаю двоюродные брат и сестра. Наказания за это не существовало, но они до такой степени постоянно подвергались насмешкам своих близких, что предпочли добровольно разойтись, чем бороться с этим предубеждением.

это заключение, поскольку имеется достаточное основание предположить, что такие группы еще существовали когда складывалась туранская система родства. В настоящее время они исчезли, хотя система все еще существует. Эти группы должны были постепенно распадаться и наконец, с укреплением синдиасмической семьи, они совершенно исчезли. В-четвертых. В поисках жен мужчины не ограничились собственными и даже дружественными племенами, но похищали женщин у вражеских племен. Отсюда понятен индейский обычай щадить жизнь пленных женщин, тогда как мужчины убивались. Когда жены стали добываться путем покупки и похищения и все больше и больше требовали усилий и жертв, мужья уже не так легко готовы были делить их с другими. Это должно было привести по меньшей мере к исключению той части теоретической группы, которая не была непосредственно связана добычей средств существования, и таким путем еще более сократить размеры семьи и границы брачной системы. В действительности брачные группы должны были с самого начала стремиться ограничивать свой состав родными братьями, имеющими общих жен, или родными сестрами, имеющими общих мужей. Наконец. Роды создали более высокую, чем прежде, органическую структуру общества, способную развиваться в качестве соответствующей потребностям человечества социальной системы вплоть до наступления цивилизации. Прогресс общества при родовой организации подготовил путь к появлению синдиасмической семьи.

Влияние нового порядка, связывавшего брачными отношениями лиц неродственных друг другу, должно было послужить благотворным импульсом общественного развития. Такие браки давали более сильное физически и умственно поколение. Соединение различных стволов, усиливавшее эти результаты, оказало глубочайшее влияние на развитие человечества. Когда в силу обстоятельств варварской жизни сталкивались и сливались в один народ два прогрессирующих племени с хорошими умственными и физическими задатками, то череп и мозг нового поколения должны были расшириться и увеличиться пропорционально сумме способностей обоих племен. Такое новое поколение должно было быть выше обоих прежних, и это превосходство должно было привести к росту интеллекта и увеличению численности.

Отсюда следует, что склонность к сожителству парами, столь сильно развитая теперь у цивилизованных рас, образовалась в человеческом уме лишь тогда, когда обычай пуналуа стал исчезать. Бывали, несомненно, исключительные случаи, когда обычай допускал парный брак, но он приобрел всеобщее распространение только с появлением синдиасмической семьи. Поэтому такая склонность не может считаться нормально присущей человечеству, а представляет собой скорее продукт развития, подобно всем великим духовным склонностям и силам.

Следует указать еще на одну причину, тормозившую развитие синдиасмической семьи. Войны стоили варварам большего числа человеческих жизней, чем дикарям, так как их оружие было лучше, а вождения сильнее. Во все времена и во всех состояниях общества войне посвящали себя мужчины, что приводило к нарушению равновесия между численностью полов и к преобладанию женщин. Это должно было явно содействовать укреплению группового брака. И вместе с тем это должно было тормозить развитие синдиасмической семьи, поддерживая низкие чувства в отношениях полов и унижая положение и достоинство женщины.

С другой стороны, улучшение средств существования, следовавшее у американских туземцев за возделыванием маиса и овощей, благоприятствовало общему прогрессу семьи. Оно привело к оседлой жизни, к введению дополнительных производств, к усовершенствованию жилищной архитектуры и к более осмысленной жизни. Трудолюбие и бережливость, хотя и в ограниченной степени, вместе с увеличением безопасности должны были сопровождать образование семей, состоящих из отдельных пар. Чем больше эти преимущества сказывались, тем прочнее должна была становиться такая семья и тем более она должна была индивидуализироваться. Найдя прибежище в коллективном домохозяйстве, в котором группа таких семей сменила пуналуальную группу, она теперь содер-

жала себя сама, получая поддержку как от того домохозяйства, к которому она принадлежала, так и от родов, к которым принадлежали мужья и жены. Большой прогресс общества, знаменующийся переходом от дикости к низшей ступени варварства, должен был принести с собой соответствующее улучшение в положении семьи, развитие которой неизменно шло к моногамии. Если бы мы ничего не знали о синдиасмической семье, но имели бы, как две крайние формы, с одной стороны пуналуальную, а с другой моногамную семью, то мы должны были все же предполагать существование такой промежуточной формы. Она должна была просуществовать весьма долго. Возникнув на рубеже дикости и варварства, она сохранялась на средней и большей части позднейшей ступени варварства, когда была вытеснена низшей формой моногамной семьи. Занимая сначала подчиненное положение, моногамия приобретала все большее значение с постепенным прогрессом общества. Эгоизм мужчин, в противоположность чувствам женщин, тормозил осуществление подлинной моногамии, пока не наступило то великое движение человеческого ума, которое привело к цивилизации.

Две формы семьи предшествовали синдиасмической и создали две великие системы родства или скорее две различные формы одной и той же системы; но синдиасмическая семья не создала новой системы и не изменила существенным образом старой. Некоторые виды свойства были, повидимому, изменены в соответствии с отношениями новой семьи, но основные черты системы остались без изменения. И действительно, синдиасмическая семья оставалась в течение продолжительного времени втиснутой в систему родства, которая по сравнению с фактическими отношениями в основе была неправильной, но сломать которую она не имела силы. Причиной этого было то, что она не доразвилась до моногамии, т. е. той силы, которой было суждено разрушить это построение. Хотя синдиасмическая семья не имела особой системы родства, которая могла бы доказать ее существование, подобно ее предшественницам, но она сама существовала на обширных пространствах земли еще в историческое время и существует до сих пор у многочисленных варварских племен.

Когда я так определенно говорю о последовательности этих различных форм семьи, возникает опасность недоразумения. Я не думаю утверждать, что в определенном состоянии общества одна форма достигает своего полного развития и господствует всюду и только там, где человеческие племена находятся в таком же состоянии, а затем переходит в следующую, более высокую форму. В виде исключения пуналуальная семья могла встречаться при господстве кровнородственной семьи и наоборот; в виде исключения синдиасмическая семья могла встречаться при господстве пуналуальной и наоборот; наконец, в виде исключения моногамная семья могла встречаться при господстве синдиасмической и наоборот. Даже при пуналуальной семье, как исключение, могла появляться моногамная семья, а при кровнородственной — синдиасмическая. Более того, отдельные племена достигали отдельных форм семьи раньше, чем другие, более развитые племена: ирокезы, например, имели синдиасмическую семью, находясь на низшей ступени варварства, тогда как у бритов, стоявших на средней ступени варварства, была еще пуналуальная семья. Высокая цивилизация с берегов Средиземного моря распространилась до Британии и перенесла туда свои производства и изобретения, стоявшие значительно выше умственного развития местных кельтских обитателей и усвоенные ими лишь частично. По своим мыслям и чувствам они были, повидимому, дикарями, заимствовав внешность более развитых племен. Я старался доказать и привел, надо думать, достаточно убедительные доказательства, что семья начала свое существование на самой низкой ступени дикости с кровнородственной формы и, пройдя в своем прогрессивном развитии через две резко отличные промежуточные формы, стала моногамной. Каждая из этих форм вначале встречалась только в виде отдельных случаев, затем все чаще и наконец получала всеобщее распространение на большом протяжении, после чего начинала уступать свое место следующей форме, которая в свою очередь сначала встречалась в тех же областях в единичных случаях, по-

том широко распространялась и наконец достигала всеобщего господства. В развитии этих последовательных форм семьи прогресс совершался в общем в направлении от кровнородственной к моногамной семье. Не говоря об отклонениях от единообразия прогресса человечества в развитии этих последовательных форм, в общем можно считать, что кровнородственная и пуналуальная семьи принадлежат состоянию дикости, первая его низшей, вторая — высшей ступени, при чем пуналуальная семья сохраняется и на низшей ступени варварства; что синдиасмическая семья свойственна низшей и средней ступеням варварства и сохраняется на его высшей ступени и что моногамная семья принадлежит высшей ступени варварства и продолжает существовать в периоде цивилизации.

Нет необходимости, если бы даже позволяло место, проследить за распространением синдиасмической семьи у различных варварских народов по отдельным описаниям путешественников и наблюдателей. Каждый читатель может применить указанные выше признаки этой формы к известным ему случаям. Она была господствующей формой семьи у стоявших на низшей ступени варварства американских туземцев в эпоху их открытия. Она, несомненно, господствовала у оседлых индейцев, находившихся на средней ступени варварства, хотя указания по этому вопросу испанских историков неопределенны и неотчетливы. Коммунальный характер их общинных домов является сам по себе убедительным доказательством того, что семья не вышла еще из синдиасмической формы. Она не обладала еще ни тем индивидуалистическим характером, ни той исключительностью, которые необходимо присущи моногамии.

Чуждые элементы, примешанные в отдельных частях восточного полушария к туземным культурам, породили там ненормальное общественное состояние, при котором элементы цивилизованной жизни были приспособлены к возможностям и потребностям дикарей и варваров¹. Общественный строй чисто кочевых племен также имеет свои особенности, связанные с исключительным образом жизни, которые еще недостаточно выяснены. В силу влияний, исходивших от высших рас, туземная культура многих племен была задержана в своем развитии и до такой степени искажена, что естественный ход ее развития изменился. В результате модифицировались их учреждения и весь их общественный строй.

Необходимым условием систематического прогресса этнологии является изучение состояния диких и варварских племен в его нормальном развитии в тех странах, где их учреждения самобытны. Полинезия и Австралия, как уже было указано, — лучшие страны для изучения общества в состоянии дикости. Почти всю теорию этого состояния можно вывести из учреждений, порядков и обычаев, изобретений и открытий жителей этих стран. Северная и Южная Америка в эпоху их открытия представляли самые благоприятные возможности для изучения общества низшей и средней ступеней варварства. Туземцы, принадлежавшие, за исключением эскимосов, к одному стволу, занимали большой континент, обладавший гораздо большими естественными богатствами, чем восточные континенты, за исключением годных к приручению животных. Америка предоставляла своим жителям широкое поле для беспрепятственного развития. Они распространились по этому континенту, по всей вероятности, находясь еще в состоянии дикости, но установление родовой организации дало им основные зачатки прогресса, которыми владели предки греков и римлян². Рано отрезанные от главного течения человеческого прогресса, с которым они утратили всякую дальнейшую связь, они начали свое поприще на новом континенте скудно одаренными

¹ Ряд африканских племен, в том числе готтентоты, плавил железо из руды в самые отдаленные времена, о которых только мы знаем. Навчившись получать металл простым способом, заимствованным из чужого источника, они начали изготовлять грубые орудия и оружие.

² Мы принимаем азиатское происхождение американских туземцев. Это вытекает из другой гипотезы — единства происхождения человечества за которую гозорят все данные антропологии. Существует масса доказательств, самым убедительным образом подкрепляющих оба эти положения. Переселение индейцев в Америку не могло быть результатом намеренной миграции, а было, вероятно, связано со случайностями морских плаваний и большими океаническими течениями от Азии к северо-западным берегам Америки.

в умственном и нравственном отношении дикарями. Самостоятельная эволюция начальных идей, которые они принесли с собой, началась в условиях, обеспечивающих от чуждых влияний. Это относится одинаковым образом как к развитию идеи управления, так и к развитию семьи, домашней жизни, собственности и производства средств существования. Их учреждения, изобретения и открытия в состоянии дикости, а равно на низшей и средней ступенях варварства самобытны и до настоящего времени обнаруживают еще непрерывность развития одних и тех же начальных идей.

Ни в какой части света нельзя было найти в наше время более совершенный образец низшей ступени варварства, чем тот, который представляли собой ирокезы и другие племена Соединенных Штатов на восток от Миссисипи. С их своеобразными и оригинальными производствами, их особенными и самостоятельно созданными учреждениями они в совершенстве иллюстрируют культуру данного периода в ее границах, элементах и возможностях. Необходимо было бы предпринять систематическое изучение всех этих вопросов, прежде чем окончательно исчезнут относящиеся сюда явления.

Еще в большей степени все это относится к средней ступени варварства, представленной оседлыми индейцами Новой Мексики, Мексики, Центральной Америки, Гренады, Эквадора и Перу. Нигде в мире в XVI столетии нельзя было найти больше примеров обществ, находящихся на этой ступени, с их развитыми производствами и изобретениями, усовершенствованной архитектурой, начальной промышленностью и зарождающейся наукой. Американские ученые могут представить лишь мизерный отчет о работе, проделанной на этом плодотворном поле деятельности. Действительно это было утраченное состояние древнего общества, внезапно представшее перед европейскими наблюдателями с открытием Америки; но они не сумели ни понять его значение, ни установить его структуру.

Другое великое общественное состояние, а именно высшая ступень варварства, не имеет ни одного представителя среди существующих в настоящее время наций; но образцы этого состояния можно найти в истории и преданиях греков и римлян, а позднее — германских племен. Картина этого состояния должна быть восстановлена главным образом по учреждениям, изобретениям и открытиям этих племен, хотя мы имеем много прямых указаний о культуре этого периода, в частности в гомеровских поэмах.

Если мы изучим и действительно поймем эти различные общественные состояния в тех странах, где они получили наиболее совершенное выражение, то мы поймем весь ход человеческого развития от дикости через варварство до цивилизации в его связанном единстве. Мы увидим также, что развитие человечества, как мы уже говорили, шло везде почти одинаковыми путями.

Относительно патриархальной семьи семитических племен по причинам, уже указанным, достаточно лишь кратких замечаний; мы ограничимся почти простым определением. Эта семья принадлежала позднему периоду варварства и сохранялась некоторое время после начала цивилизации. Вожди, по крайней мере, жили в полигамии; это однако не было существенным принципом патриархального строя. Организация известного числа свободных и несвободных людей в семью под властью отца в целях обработки земли и охраны стад домашних животных была основной характерной чертой этой семьи. Рабы и слуги вместе со своими женами и детьми и с патриархом как их главой составляли одну патриархальную семью. Сущность ее составляла власть патриарха над ее членами и ее имуществом. Скорее соединение некоторого числа лиц в неизвестной до тех пор форме рабского и зависимого отношения, чем полигамия, сообщало патриархальной семье атрибуты оригинального учреждения. Целью великого движения семитического общества, создавшего эту семью, было установление отцовской власти над группой лиц, а вместе с тем и развитие индивидуальности.

На точно тех же основаниях возникла римская семья с отцовской властью (*patria potestas*), т. е. с властью отца над жизнью и смертью своих детей и других нисходящих, равно как рабов и слуг, которые составляли ядро семьи и от кото-

рых она получила свое название, и с абсолютным правом собственности отца на все созданное ими имущество. И без полигамии *pater familias* был патриархом, а подчиненная ему семья — патриархальной. Те же характерные черты, только в меньшей степени, были свойственны древней семье греческих племен. Она характеризует ту особенную эпоху в прогрессе человечества, когда индивидуальность отдельного лица, стремящегося к независимой жизни и более широкому полю деятельности, начала подниматься над родом, в котором она раньше была растворена. Ее широкое влияние властно требовало установления моногамной семьи, что было неременным условием осуществления намеченных целей. Эти бросающиеся в глаза черты патриархальной семьи, столь непохожей на все до того известные формы, доставили ей выдающееся положение; все же еврейская и римская формы семьи были лишь исключениями в истории человечества. В кровнородственной и пуналуальной семье отцовская власть была невозможна и неизвстна. При синдиасмической семье она появляется в виде слабого влияния; но рост ее продолжался непрерывно по мере того, как семья все более индивидуализировалась, пока эта власть не укрепилась вполне при моногамии, установившей отцовство детей. В патриархальной семье римского типа отцовская власть перешла границы разумного и превратилась в крайность.

Еврейская патриархальная семья не создала новой системы родства. Туранская система согласовалась с частью ее родственных отношений; но так как эта форма семьи скоро начала приходить в упадок и сменилась повсюду моногамной, то у евреев за туранской системой последовала семитическая, как у греков и римлян — арийская. Каждая из этих трех великих систем — малайская, туранская и арийская — указывает на вполне законченное органическое движение общества, и каждая устанавливает с достоверностью существование той формы семьи, родственные отношения которой она регистрирует.

Глава пятая МОНОГАМНАЯ СЕМЬЯ

Эта семья — сравнительно недавнего происхождения. — Термин *familia*. — Семья древних германцев. — Гомеровских греков. — Греков эпохи цивилизации. — Затворничество женщин. — Обязанность моногамии не соблюдается мужчинами. — Римская семья. — Подчиненное положение женщин. — Арийская система родства. — Она возникла при моногамии. — Ей предшествовала, вероятно, туранская система. — Переход от туранской к арийской. — Римская и арабская системы родства. — Детали первой. — Современная моногамная семья. — Таблица.

Происхождение общества так упорно начиналось с моногамной семьи, что наше утверждение о сравнительно недавнем возникновении этой формы кажется какой-то новостью. Авторы, исследовавшие происхождение общества с философской точки зрения, затруднялись представить себе его существование без семьи как его единицы, а самую семью иначе как моногамной. Они полагали также необходимым считать, что брачная пара составляла ядро группы лиц, часть которых была рабами, а все — несвободными; таким образом они приходили к заключению, что первое организованное общество началось с патриархальной семьи. Она была действительно древнейшей формой этого учреждения, найденной нами у латинских, греческих и еврейских племен. Отсюда, по аналогии, патриархальная семья в ее латинской или еврейской форме была объявлена типической семьей первобытного общества, при чем сущностью этого организма считалась отцовская власть.

Существование рода, каким он был в позднейшем периоде варварства, признавалось, но он ошибочно считался возникшим позже моногамной семьи. Становится все яснее, как необходимо знакомство с учреждениями варварских и даже диких племен для понимания наших собственных учреждений. Исходя из положения, что моногамная семья была единицей организации социальной си-

стемы, род считался соединением семей, племя — соединением родов и нация — соединением племен. Ошибка заключается в первом положении. Нами было показано, что род входит целиком во фратрию, фратрия — в племя, а племя — в нацию; напротив, семья не могла входить целиком в род, потому что муж и жена по необходимости принадлежали к различным родам. Жена до позднейшего времени считалась принадлежащей к роду своего отца и у римлян сохраняла имя своего рода. Поскольку в целое должны входить все части, семья не могла стать единицей родовой организации. Это место занимал род. Далее, патриархальная семья римского или еврейского типа была совершенно неизвестна в течение всего периода дикости, а также древнейшего, вероятно, среднего и вплоть до позднейшего периода варварства. Века за веками и даже периоды за периодами прошли со времени возникновения рода и до того, как появилась моногамная семья. И только после того, как началась цивилизация, эта форма семьи стала постоянным учреждением.

Ее позднее появление у латинских племен явствует из значения слова *familia*, содержащего тот же элемент, что и слово *famulus* — слуга, происходящее, вероятно, от оскского *famel* = *servus* — раб¹. В своем первоначальном значении слово *familia* относилось не к брачной паре или ее детям, а к совокупности рабов и слуг, трудившихся для ее содержания и находившихся под властью *pater familias*. *Familia* употребляется в некоторых завещаниях в качестве синонима *partimonium* — имущества, переходящего по наследству². Слово это возникло в латинском обществе для обозначения нового организма, глава которого держал под своей отцовской властью жену, детей и известное количество зависимых людей. Моммсен пользуется для перевода латинского *familia* словом «холопы»³. Таким образом данный термин и выражаемая им идея не древнее железной семейной системы латинских племен, появившейся после полевого земледелия и легализованного рабства, равно как и после разделения греков и латинян. Если предшествующая форма семьи имела какое-либо иное название, восстановить его теперь невозможно.

В двух формах семьи — кровнородственной и пуналуальной — отцовская власть была немыслима. Когда из недр пуналуальной группы возник род, он соединил всех сестер с их детьми и дальнейшими потомками по женской линии до бесконечности в одном роде, который стал единицей организации созданной им социальной системы. Отсюда постепенно развилась синдиасмическая семья, а вместе с ней и зародыш отцовской власти. Эта первая слабая и колеблющаяся власть начала расти и непрерывно увеличиваться с того времени, как новая семья вместе с прогрессом общества все более и более принимала моногамный характер. Когда с накоплением собственности желание передавать ее детям привело к переходу счета происхождения из женской линии в мужскую, тогда впервые возникло материальное основание для отцовской власти. В эпоху, когда мы впервые встречаем еврейские и латинские племена, у них существовала еврейского типа — у первых и римского типа — у последних. В обоих случаях она основывалась на ограниченной или безусловной зависимости некоторого числа людей с их семьями, которые, вместе с женами и детьми патриарха у евреев и *pater familias* у римлян, находились под отцовской властью. Это было исключительное, а в римской семье доведенное до крайности развитие отцовской власти, которое, далеко не будучи универсальным, в сущности ограничивалось названными двумя народами. Гай заявляет, что власть римского отца над своими детьми была особенностью римлян и что почти ни один народ не знал такой же власти⁴.

¹ *Famuli origo ab oscis dependet, apud quos servus famel nominabatur, unde familia vocata.* — Festus, p. 87.

² *Amico familiam suam, id est patrimonium suum mancipio dabat.* — Gaius, Inst., II, 102.

³ *History of Rome*, I. c., I. 95.

⁴ *Item in potestate nostra sunt liberi nostri, quos iustis nuptiis procreavimus, quod jus proprium civium romanorum est: fere enim nulli alii sunt homines, qui tal. m in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus.* — Inst., I, 55. Они имели также право жизни и смерти — *ius vitae necisque*.

Достаточно привести из классических авторов несколько примеров ранней моногамной семьи, чтобы дать представление об ее характере. Моногамия в сложившейся форме появляется в позднейшем периоде варварства. Несомненно, уже задолго до этого времени некоторые характерные ее черты появились у предшествовавшей синдиасмической семьи. Однако основного элемента моногамии, исключительности супружеского сожителства, здесь еще не было.

Один из наиболее ранних и важных примеров моногамии представляет собой семья древних германцев. Их учреждения были самобытны и своеобразны, и этот народ приближался к цивилизации. Тацит посвящает всего несколько строк их брачным порядкам, не указывая состава семьи и не характеризуя ее атрибутов. Указав с похвалой на строгость их брачных отношений, он говорит далее, что почти единственные из варваров они довольствуются одной женой, за исключением немногих лиц, имеющих несколько брачных связей не по влечению, а в силу своего ранга. Приданое не жена приносила мужу, а муж жене, — коня в сбруе, щит, копье и меч. И за эти подарки женщина вступала в брак¹. Эти подарки, придававшие браку характер покупки, которые прежде шли, вероятно, родичам невесты, теперь получала сама невеста.

В другом месте он упоминает о двух существенных моментах, составляющих основу моногамии²: во-первых, каждый мужчина довольствовался одной женой (*singulis uxoribus contenti sunt*), во-вторых, женщины жили в строгом целомудрии (*septae pudicitia agunt*). Судя по тому, что мы знаем о состоянии семьи в различных этнических периодах, мы считаем вероятным, что семья древних германцев была слишком слабой организацией, чтобы одной противостоять тягостям жизни, и что вследствие этого она искала прибежища в коллективном домохозяйстве, состоящем из родственных семейств. С возникновением рабства как постоянного учреждения эти домохозяйства должны были постепенно исчезнуть. Германское общество было в то время еще не достаточно развито, чтобы здесь могла появиться моногамная семья высшего типа.

Что касается гомеровских греков, то у них семья была хотя и моногамная, но весьма низкого типа. Мужья требовали от своих жен целомудрия, пытались достичь этого путем их частичного затворничества. Но сами они не признавали этого обязательства взаимным, что, однако, было неременным условием действительной верности жены. Гомеровские поэмы содержат обильные доказательства того, что женщины имели очень не много прав, признаваемых мужчинами. Пленные женщины, которых греческие вожди при походе на Трою везли на своих кораблях, были без всякой жалости и стеснения предназначены для удовлетворения их страстей. Это можно считать верной картиной нравов того времени, независимо от того, были ли события, о которых рассказывается в поэмах Гомера, действительными или вымышленными. Хотя эти женщины и были пленницами, здесь отражается недостаток уважения к женщине. Ее достоинство не признавалось, а личные права были незащищены. Чтобы укротить гнев Ахиллеса, Агамемнон предложил в совете греческих вождей дать ему между прочим семь выдающихся по своей красоте лесбийских женщин, которые были оставлены за ним самим из добычи, взятой в Лесбосе, при чем вместе с ними должна была быть возвращена и сама Брисеида. В случае же взятия Трои Ахиллес имел право выбрать еще двадцать троянских женщин, уступающих по красоте аргосской Елене³. «Красота и добыча» были беззастенчиво и открыто признанным паролем героического века. Обращение с пленными женщинами отражает культуру этой эпохи и отношение к женщине вообще. Люди, не уважавшие родительских, супружеских и личных прав своих врагов, не могли дойти до сколько-нибудь высокой идеи своих собственных соответствующих прав.

Описывая лагерную жизнь холостого Ахиллеса и его друга Патрокла, Гомер считал подобающим характеру и достоинству Ахиллеса как вождя указание

¹ Germanla, с. 18.

² *Иб.*, с. 19.

³ Илиада, IX, 128.

на то, что он спал в задней части своей прекрасно сооруженной палатки и что рядом с ним лежала женщина, румяная Диомеда, которую он привез с Лесбоса. Патрокл спал на другом конце палатки, и рядом с ним лежала стройная Ифиса, которую благородный Ахиллес взял в виде добычи на острове Скиросе и подарил Патроклу¹. Эти порядки и обычаи как холостых, так и женатых мужчин, о которых великий поэт того времени рассказывает с одобрением и которые поддерживались общественным мнением, показывают, что моногамия существовала только благодаря насилию над женщинами, тогда как мужья в большинстве случаев вовсе не были моногамны. Подобная семья была по своему характеру в такой же мере синдиасмической, как и моногамной.

Считается, что положение женщин в героическом веке было более благоприятным и их роль в домохозяйстве более почетной, чем в начале цивилизации и даже позднее, в эпоху ее высшего развития. Это, пожалуй, справедливо для гораздо более раннего времени, до того как счет происхождения перешел в мужскую линию, но, повидимому, мало вероятно для того времени, о котором идет речь. Большая перемена к лучшему наступила в смысле средств и условий существования, но эта перемена сделала еще более заметным действительное положение женщин в позднейшем периоде варварства.

В другом месте мы уже указали, что переход счета происхождения из женской линии в мужскую повлиял неблагоприятным образом на положение и права жены и матери. Ее дети были перечислены из ее собственного рода в род мужа, и она теряла с замужеством свои агнатические права, не получая ничего взамен. До этого в домохозяйстве господствовали, по всей вероятности, члены ее собственного рода, что давало авторитету матери полную силу и делало центром семьи скорее жену, чем мужа. После смены счета происхождения жена оказалась одинокой в домохозяйстве своего мужа, изолированной от ее родичей. Это должно было ослабить авторитет матери, значительно снизить ее положение в обществе и остановить ее повышение по социальной лестнице. Вынужденное затворничество женщины состоятельных классов и признание главной целью брака рождение законных детей (*παίδοποιεῖσθαι γυναικός*) ведет к заключению, что положение женщины в героическом веке было менее благоприятно, чем в последующем периоде, относительно которого мы гораздо лучше осведомлены.

У греков мужчины от первого до последнего были проникнуты эгоизмом и холодным себялюбием, что привело к такому падению уважения к женщине, какое вряд ли можно найти у дикарей. Это обнаруживается в строе домашней жизни греков; в среде высших классов жена подвергалась затворничеству, чтобы принудить ее к исключительности брачного сожительства, при чем взаимность такой обязанности со стороны мужа не признавалась. Это указывает на то, что у греков раньше существовала брачная система туранского типа, против которой и были направлены эти меры. Вековые обычаи с такой силой отпечатались в уме греческой женщины, внушив ей убеждение в превосходстве мужчины, что она не могла освободиться от этого чувства до позднейшего периода расцвета Греции. Быть может, это была одна из жертв, которая требовалась от женского пола, чтобы эта часть человеческой расы могла подняться от синдиасмической семьи до моногамной. До сих пор остается загадкой, каким образом такая одаренная раса, духовная жизнь которой оказала влияние на весь мир, могла на вершине расцвета своей цивилизации оставаться по существу варварской по отношению к женскому полу. Нельзя сказать, чтобы с женщинами обращались жестоко или грубо в сфере предоставленных им прав, но их образование было поверхностным, общение с другим полом было им воспрещено и им так много твердили о превосходстве мужчин, что в конце концов они сами признали это. Жена не была товарищем и равной своего мужа, а находилась по отношению к нему на положении дочери; это противоречило основному принципу моногамии, как должно пониматься это учреждение в его высшей форме. Жена

¹ Илиада, IX, 663.

естественно равна своему мужу в смысле звания, личных прав и общественного положения. Мы можем отсюда заключить, ценою каких опытов и испытаний было создано это великое учреждение современного общества.

Мы обладаем обширными и подробными сведениями о состоянии греческой семьи и положении греческой женщины в историческую эпоху. Беккер, с той замечательной обстоятельностью, которой отличаются его труды, собрал важнейшие сюда относящиеся факты, дав отчетливую и убедительную картину¹. Хотя его описание не дает полной картины семьи исторического периода, оно однако вполне достаточно, чтобы показать огромную разницу между греческой и современной цивилизованной семьей, а также показать состояние моногамной семьи на ранней стадии ее развития.

Из указанных Беккером явлений два заслуживают более подробного рассмотрения: во-первых, что главной целью брака было рождение законных детей и, во-вторых, что эта цель достигалась затворничеством женщины. Оба эти явления тесно связаны и бросают некоторый свет на те условия, из которых они выросли. Прежде всего, любовная страсть была неизвестна варварам. Они не доросли до этого чувства, являющегося продуктом цивилизации и утонченно-

¹ Следующая сокращенная выдержка из „Харикла“ (Excursus, XII, Longman's ed, Metcalfe's trans.) содержит все существенные данные, освещающие этот вопрос. Высказав мнение, что гермовская женщина занимала в домохозяйстве более почетное положение, чем женщина героической эпохи, Беккер делает следующие замечания о положении женщины, в частности в Афинах и Спарте, в эпоху расцвета греческой культуры. Он говорит, что единственная добродетель, на которую женщины считались способной, не многим отличалась от добродетели верного раба (стр. 464; полная утрата ею самостоятельности привела к тому, что она в течение всей своей жизни считалась несовершеннолетней; не существовало ни каких-либо воспитательных учреждений для девушек, ни частных учителей на дому, так что все их образование было предоставлено матерям и нянькам и ограничивалось придемием, тканьем и прочими чисто женскими занятиями (стр. 465); они были почти совершенно лишены главного возбuditеля женской культуры — общения с другим полом, при чем из этого общения совершенно исключались как чужие, так и самые близкие родственники; даже отцы и мужья видели их очень мало, так как мужчины проводили большую часть своего времени вне дома, а в доме занимали отдельное помещение; гинеконитис, хотя и не был подлинной тюрьмой или замкнутым гаремом, все же представлял собой изолированное помещение, в котором всю жизнь должна была пребывать женская половина дома; это в особенности относилось к девушкам, которые жили в величайшем затворничестве до их замужества и, так сказать, были всегда под замком (стр. 465); для молодой женщины считалось непристойным выйти из дома без ведома мужа, она действительно редко покидала свой дом, и ее общество таким образом ограничивалось ее рабынями; муж, если желал, имел право держать свою жену взаперти (стр. 466); на тех празднествах, куда мужчины не допускались, женщины имели возможность иногда видиться друг с другом, чем они и наслаждались, вырываясь из своего обычного затворничества; при таких условиях вообще выход женщин из дому был весьма затруднен, и ни одна почтенная матрона не подумала бы выйти из дому без сопровождения рабыни, специально для этой цели данной ей мужем (стр. 469); это обращение с женщинами приводило к тому, что девушки были необычайно застенчивы и даже жеманны; даже замужняя женщина отходила, краснея, от окна, если ее случайно увидел мужчина (стр. 471); брак как путь к рождению детей считался греками необходимою, обусловленной долгом перед богами, государством и собственными предками; до самого позднего времени, по крайней мере, браку не придавалось более высокого значения, и тесная привязанность была редкостью в браке (стр. 473), если такая привязанность и имела место, то источником ее была чувственность, и только чувственная любовь признавалась между мужем и женой (стр. 473); в Афинах, а вероятно и в других греческих государствах, высшей целью брака считалось деторождение, при чем выбор невесты редко основывался на предварительном или сколько-нибудь близком знакомстве и больше внимания уделялось положению семьи девушки и размеру ее приданого, чем ее личным качествам; подобные браки не могли вести к настоящей привязанности, почему в супружеских отношениях часто господствовала холодность, равнодушие и недовольство (стр. 477); муж и жена обедали вместе, если только с хозяином не обедали другие мужчины, ибо ни одна женщина, если она не желала прослыть куртизанкой, не подумала бы даже в своем собственном доме принять участие в симпозию мужчин или присутствовать, когда муж случайно приводил домой к обеду друга (стр. 490; при этом ведение жены было заведывание всем домохозяйством и воспитание детей, мальчиков — до отдачи к учителю, а девочек — до их замужества; неверность жены судилась чрезвычайно сурово; хотя, казалось бы, при таком строгом затворничестве женщины были лишены возможности измены, они все же очень часто находили способы обманывать своих мужей; закон весьма равномерно распределял обязанность целомудрия между супругами, ибо тогда как муж требовал от жены строжайшей верности и сурово наказывал всякое ее нарушение, он сам себе позволял иметь связи с гетерами, каковое поведение, хотя прямо и не одобрялось, все же не вызывало определенного запрета и менее всего считалось нарушением супружеских прав (стр. 494).

сти. Греки, как показывают их брачные обычаи, не знали еще вообще этой страсти, хотя, конечно, бывало не мало исключений. Физические достоинства были, по представлению греков, мерилом всех положительных качеств, которые могли быть присущи женскому полу. Поэтому брак основывался не на чувстве, а на необходимости и обязанности. Точно такими же соображениями руководились ирокезы и ацтеки; действительно, такие брачные отношения возникли в условиях варварства и отражают предшествующее варварское состояние предков греческих племен. Странным кажется, что эти предки вполне отвечали греческому идеалу семьи в расцвете греческой цивилизации. Накопление собственности и желание передать ее детям было в действительности фактором возникновения моногамии, имевшей целью обеспечить законных наследников и ограничить их число подлинными потомками брачной пары. Отцовство начало становиться достоверным при синдиасмической семье, от которой, очевидно, произошла греческая форма семьи, но она все-таки не давала еще должной степени этой достоверности в виду того, что еще в известной мере сохранялись прежние *juga conjugalia*. Этим объясняется новый порядок, появившийся на высшей ступени варварства, а именно затворничество женщин. Соображения по этому поводу сводятся к тому, что в ту эпоху должна была существовать необходимость в затворничестве женщин, и эта необходимость, повидимому, была столь настоятельна, что вся домашняя жизнь цивилизованных греков представляла собой в действительности систему заточения и угнетения женщин. Хотя приведенные подробности относятся преимущественно к семье зажиточных классов, дух, которым они проникнуты, был, без сомнения, всеобщим.

Обращаясь теперь к римской семье, мы найдем, что хотя положение здесь женщин было более благоприятным, она находилась в таком же подчинении.

Как и в Афинах, женщина пользовалась в Риме уважением, но в римской семье она имела больше влияния и авторитета. Как *mater familias* она была госпожей в семье. Она свободно и без ограничений со стороны мужа ходила по улицам и посещала вместе с мужчинами театр и праздничные пиры. В доме она не была заточена в особом помещении и точно так же была допущена к столу мужчин. Отсутствие самых крайних ограничений, которым подвергались греческие женщины, благоприятствовало развитию в римской женщине чувства личного достоинства и независимости. Плутарх рассказывает, что после заключения мира с сабинянами, — что произошло при посредстве сабинских женщин, — им был предоставлен ряд почетных привилегий: мужчины должны были уступать им дорогу при встрече на улице, в присутствии женщин они не смели произносить пошлых слов и не могли появляться перед ними обнаженными ¹. Все же брак отдавал жену под власть ее мужа (*in manum viri*); идея этого заключалась в том, что, освобождаясь со вступлением в брак от власти отца, она должна была, в силу якобы необходимости, оставаться под властью мужа. Муж обращался с женой как с дочерью, а не как с равной. Более того, он имел право наказывать ее, а в случае прелюбодеяния имел власть над ее жизнью и смертью; однако осуществление этого последнего права было, повидимому, подчинено совету рода жены. В отличие от других народов римляне знали три формы брака. Все эти формы одинаково отдавали жену во власть мужа и признавали главной целью брака рождение законных детей (*liberorum querendorum causa*) ². Эти формы (*confarreatio, coemptio* и *usus*) сохранялись в эпоху республики, но вышли из употребления при империи, когда широкое распространение получила четвертая форма — свободный брак, не подчинявший жену власти мужа. Расторжение брака с самого раннего времени происходило по желанию супругов — характерная черта синдиасмической семьи, вероятно и заимствованная из этого источника. Однако такие разводы до конца республики происходили редко ³.

¹ Vit. Rom., с. 20.

² Квинтилиан.

³ Относительно супружеской верности римских женщин Беккер говорит, что в «более ранние времена эксцессы с обеих сторон редко имели место»; это однако совершенно необосно-

Распушенность, господствовавшая во времена расцвета цивилизации в греческих и римских городах, обыкновенно считалась падением прежней, более высокой и чистой добродетели и нравственности. Но факт этот может быть истолкован и иначе. Греки и римляне никогда не достигали в отношении полов такой чистой нравственности, с высоты которой они могли бы пасть. Будучи сдержана или умеряясь во время войны и смуты, представлявшей национальную опасность, распушенность оживала вместе с миром и благоденствием, так как нравственные элементы общества ничего не делали для ее искоренения. Эта распушенность была, по всей вероятности, пережитком древней, еще не совсем исчезнувшей брачной системы, оставшейся от варварства в качестве социального порока и ныне выразившейся в новом явлении гетеризма. Если бы греки и римляне научились уважать равноправие моногамии, вместо того чтобы запирали своих жен в гинеконитисе у первых или держать их в подчинении у вторых, то, можно утверждать, их общество имело бы тогда совершенно иной вид. Но так как ни те, ни другие не создали более высокой нравственности, они имели незначительное основание жаловаться на упадок общественных нравов. Центр тяжести в данном вопросе лежит в том, что ни тот, ни другой народ не признавал полностью принципа моногамии, который только и мог сообщить их обществу нравственную основу. Преждевременное разрушение этнической жизни этих замечательных рас не в малой степени следует приписать тому, что они не сумели развить и использовать умственные, нравственные и консервативные силы женского интеллекта, которые имели бы для их прогресса и сохранения не меньшее значение, чем соответствующие способности мужчин. После длительного пребывания в состоянии варварства, приобретаемые недостававшие им элементы цивилизации, они вслед за коротким расцветом погибли политически, повидимому, от излишеств новой, созданной ими жизни.

У евреев, тогда как патриархальная семья в более отдаленные времена была свойственна вождям, моногамная семья, в которую вскоре перешла патриархальная, была свойственна простому народу. Но подробности о структуре этой последней семьи и отношениях в ней между мужем и женой весьма скудны.

Не увеличивая числа иллюстраций, мы можем считать доказанным, что моногамная семья развилась в ту форму, в которой она появляется в начале исторического периода, из более низкого типа и что в течение классического периода она совершила заметный прогресс, не достигнув, однако, своей высшей формы. Она возникла, очевидно, из синдиасмической семьи, непосредственно ей предшествовавшей, и, совершенствуясь вместе с прогрессом общества, все же не достигла подлинного своего идеала в классический век. По крайней мере, наиболее высокое совершенство она достигла только в новое время. Древние авторы, описывая общество высшей ступени варварства, отмечают всеобщее распространение моногамии, но ряд обстоятельств указывает на то, что это была лишь моногамия будущего, вынужденная бороться за свое существование в условиях враждебных влияний, еще не окрепшая, не получившая еще всех своих прав и все еще окруженная пережитками более древней брачной системы.

Подобно тому как малайская система выражала родственные отношения, существовавшие в кровнородственной семье, а туранская — в пуналуальной семье, так арийская система выражала отношения, существовавшие в моногамной семье, при чем каждая форма семьи покоилась на иной и особой форме брака.

важное предположение. Но когда начался упадок нравов, мы впервые встречаемся с грубыми нарушениями супружеской верности; и мужчины и женщины соперничали друг с другом в распушенности. Былая скромность женщин становится все более редким явлением, тогда как роскошь и мотовство все возрастали, и о многих женщинах можно было сказать то, что сказал Клитиф, жалуясь на свою Бакхиду (Ter., Neaut., II, I, 15): *Mea est petax, proсах, magnifica, sumptuosa, pobilis*. Многие римские дамы, чтобы вознаградить себя за невнимание мужей, имели любовников, которые сопровождали их повсюду под видом защитника... Естественным следствием этого был непрерывный рост холостячества и величайшая легкость разводов". — Gallus, Excursus, I, p. 155. Longman's ed., Metcalfe's trans.

При нынешнем состоянии наших знаний нельзя доказать с полной очевидностью, что арийская, семитическая и уральская семьи человечества обладали в прежнее время туранской системой родства и что она перестала действовать при моногамии. За это, однако, говорит масса установленных фактов. Все данные так решительно подтверждают это, что какое-либо иное предположение исключается. Во-первых, родовая организация имела свое естественное происхождение в пуналуальной семье, в которой группа сестер, состоявших в браке с мужьями каждой из них, вместе с детьми и дальнейшими нисходящими по женской линии, в точности представляла объем и состав рода в его архаической форме. Основные ветви арийской семьи, когда они впервые стали исторически известны, были организованы в роды, откуда вытекает, что в то время, когда они еще составляли единый народ, они были организованы таким же образом. На этом основании можно далее предположить, что они получили родовую организацию от своих отдаленных предков, живших в том же состоянии пуналуала, которое было зачатком этого замечательного и широко распространенного учреждения. Помимо того, туранская система родства и сейчас встречается в связи с родом в его архаической форме у туземцев Америки. Эта естественная связь должна была сохраняться, пока не произошло то изменение социального состояния, которое создало моногамию, сумевшую эту связь порвать. Во-вторых, арийская система родства содержит некоторые указания, приводящие к тому же заключению. Само собой разумеется, что значительная часть номенклатуры туранской системы, если эта система прежде господствовала у арийских наций, должна была исчезнуть при моногамии. То обстоятельство, что эти термины применялись к категориям лиц, родственные отношения которых отныне стали различными, заставило от этих терминов отказаться. Только таким предположением можно объяснить бедность первоначальной номенклатуры арийской системы. Общими для различных арийских диалектов были только слова: отец и мать, брат и сестра, сын и дочь, а также общий термин (санскр. *par̥ṣat*, лат. *peros*, греч. *ἀνψίος*), относившийся без различия к племяннику, внуку и двоюродному брату. С такой скудной номенклатурой родства арийцы не могли бы никогда достигнуть уровня развития предполагаемого моногамией. Но эта бедность номенклатуры становится объяснимой при наличии предшествовавшей системы, аналогичной туранской. Термины «брат» и «сестра» стали теперь абстрактными и были вновь созданы, так как при туранской системе старшие и младшие братья и сестры назывались различно; с другой стороны, эти различные термины применялись к категориям, в которые входили и не родные братья и сестры. В арийской системе эти различия были отброшены, и эти виды родства впервые стали пониматься абстрактно. При моногамии старые термины были уже неприемлемы, так как они относились к коллатеральным братьям и сестрам. Остатки прежней туранской системы все еще обнаруживаются в системе уральской семьи, например у венгров, у которых братья и сестры различаются на старших и младших при помощи особых терминов. Во французском языке мы также, помимо *frère* и *soeur*, находим *aîné*, старшего брата, *puîné* и *cadet*, младшего брата, и *aînée cadette*, старшую и младшую сестру. Так и в санскрите мы имеем для тех же видов родства *ag̥tājat*, *amūjat*, *ag̥tājī* и *amūjī*, но происходят ли эти термины из санскрита или туземных источников, я не могу сказать. В арийских диалектах термины для брата и сестры одни и те же, имеющие лишь диалектологические различия; только греки заменили *φράτηρ* словом *ἀδελφός*. Если в этих диалектах прежде имелись общие термины для старших и младших братьев и сестер, то термины эти должны были выйти из употребления, так как они относились к категориям лиц, не бывших родными братьями и сестрами. Отсутствие в арийской системе этой выдающейся и прекрасной черты туранской системы могло быть следствием только весьма серьезной причины и объясняется предсуществованием и исчезновением туранской системы. Трудно было бы найти какую-нибудь другую причину. Нельзя предположить, что в первоначальном общем языке арийских наций не было особого термина для деда, родства,

признаваемого всеми дикими варварскими племенами; и все же для этого родства в арийских диалектах не существует общего термина. В санскрите мы имеем *pitameha*, в греческом $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\varsigma$, в латинском *avus*, в русском дед, в валлийском *hendad*; последнее слово — составное, как немецкое *grossvater* и английское *grandfather*. Эти термины имеют совершенно различные корни. Но если арийцы имели общий термин в прежней системе родства, применявшийся не только собственно к деду и его родным и двоюродным в различных степенях братьям, но и к родным и различным двоюродным братьям бабки, тогда этот термин не мог служить для обозначения деда и прародителя по прямой линии при моногамии. Термин этот должен был с течением времени быть оставлен. Отсутствие в первоначальном языке термина для этого вида родства получает таким образом, повидимому, удовлетворительное объяснение. Наконец, не существует термина для дяди и тетки вообще и особых терминов для этих видов родства с отцовской и материнской стороны, которые были бы общими для всех арийских диалектов. Мы имеем *pitoua*, $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\varsigma$ и *patruus* для дяди с отцовской стороны в санскрите, греческом и латинском, стрый в славянском и общий термин — *eam*, *oom* и *oheim* в англо-саксонском, бельгийском и немецком; нет такого термина в кельтском языке. Равным образом нельзя себе представить, чтобы в начальном арийском языке не было термина для дяди с материнской стороны, родства, имевшего у варварских племен при родовом строе такое выдающееся значение. Если у арийцев была прежде туранская система, то необходимо должен был существовать особый термин для дяди с материнской стороны, который относился только к родным и различным двоюродным братьям матери. Отнесение этого термина ко всем членам этой категории, ряд которых не мог быть дядями при моногамии, заставило по указанной выше причине оставить этот термин. Ясно, что арийской системе должна была предшествовать какая-нибудь другая система родства.

Допустив, что нации арийской, семитической и уральской семей обладали некогда туранской системой родства, мы можем считать, что переход от нее к описательной системе был прост и естественен после того, как старая система перестала из-за моногамии соответствовать происхождению, каким оно фактически было. При моногамии каждое родственное отношение специфично. Образовавшаяся при таких условиях новая система должна была описывать каждое лицо посредством основных терминов или комбинации их, например, племянник — сын брата, дядя — брат отца, кузен — сын брата отца. Такова была первоначально современная система арийской, семитической и уральской семей. Обобщающие термины, имеющиеся в ней теперь, были введены впоследствии. Все племена, обладающие туранской системой родства, описывают своих родственников, в ответ на вопрос в каком родстве один человек находится к другому, одинаковым образом. Описательная система, вполне аналогичная арийской, существовала всегда, как при туранской, так и при малайской системах родства, однако не в качестве системы родства, ибо они имели постоянную систему, но в качестве средства определения родственных отношений. Из обеднения номенклатур арийских, семитических и уральских наций ясно, что они должны были отбросить какую-то прежнюю систему родства. Мы в праве отсюда заключить, что со всеобщим утверждением моногамной семьи эти нации возвратились к старой описательной форме, сохранившейся при туранской системе родства, и дали окончательно исчезнуть прежней системе как бесполезной и несоответствующей происхождению. Это было бы естественным и понятным способом перехода от туранской к арийской системе и объясняло бы удовлетворительным образом как происхождение, так и особый характер последней.

Чтобы дополнить характеристику моногамной семьи в ее отношениях к арийской системе родства, необходимо остановиться подробнее на деталях этой системы, как мы делали это при изображении предшествующих форм семьи.

Сравнение форм этой системы в различных арийских диалектах показывает, что первоначально она была чисто описательной. Эрзинская, представляющая

собой типичную арийскую форму, и эстонская, типически уральская форма, остаются описательными. В эрзинской системе единственными терминами кровного родства оказываются самые элементарные, а именно: отец и мать, брат и сестра, сын и дочь. Все остальные родственники описываются посредством этих терминов, при чем порядок слов — обратный обычному, например: брат, сын брата, сын брата брата¹. Арийская система выражает родственные отношения, действительно существующие при моногамии, и предполагает, что происхождение детей от данного отца известно.

С течением времени новой системе был придан способ описания, существенно отличный от кельтского, однако основные черты системы не были изменены. Способ этот был введен римскими юристами для усовершенствования родословного дерева, каковой необходимости мы обязаны его существованием. Этот усовершенствованный метод был усвоен различными арийскими нациями, на которые распространилось римское влияние. Славянская система имеет некоторые совершенно особые черты, очевидно, туранского происхождения². Для того чтобы получить историческое представление о нашей современной системе, необходимо обратиться к римской системе в том виде, как она была усовершенствована юристами³. Сделанные добавления были незначительны, но они изменили способ обозначения родства. Они состояли, как уже было указано, главным образом в том, что стали различаться дядя и тетка с отцовской и материнской стороны, при чем были изобретены особые термины для конкретного обозначения этих видов родства и был создан термин для деда в качестве коррелитива к перос. При помощи этих терминов вместе с основными терминами и соответствующими приставками оказалось возможным привести в систему все виды родства по прямой и первым пяти боковым линиям, обняв всю массу родственников каждого отдельного лица. Римская система родства является самой совершенной и научной из всех систем, появившихся при моногамии, а изобретение необыкновенно большого числа терминов свойства делает ее еще более замечательной. По римской системе, откуда заимствованы все усовершенствования нашей системы, мы можем лучше изучить эту последнюю, чем по англо-саксонской или кельтской. В таблице, следующей за настоящей главой, помещены рядом латинская и арабская формы, представляющие соответственно арийскую и семитическую системы родства. Арабская система подверглась такому же процессу, как и римская, с таким же результатом. Мы рассмотрим здесь только римскую систему.

От Ego до tritavus по прямой линии считается шесть поколений восходящих и от Ego до trinepos столько же поколений нисходящих, для описания которых употребляется только четыре основных термина. Если надо было пойти выше шестого предка, то tritavus становился новым исходным пунктом описания; так: tritavi pater, отец tritavus'a и т. д. до tritavi tritavus, представлявшего собой двенадцатого предка Ego по прямой мужской линии. В нашей грубой номенклатуре выражение «дед деда» надо повторить шесть раз, чтобы выразить то же родство, вернее, чтоб описать то же лицо. Подобным же образом trinepotis trinepos дает нам двенадцатого потомка Ego по прямой мужской линии.

Первая мужская боковая линия, начинающаяся с frater, брат, идет следующим образом: fratris fillius, сын брата, fratris nepos, внук брата, fratris pronepos, правнук брата, и так далее до fratris trinepos, прапраправнук брата Ego. Если надо было довести описание до двенадцатого нисходящего, то fratris trinepos становился вторым исходным пунктом, отправляясь от которого, мы получали в конце ряда fratris trinepotis trinepos. При таком простом способе обозначения frater является основанием родословной в этой линии и этим термином обозначается отношение к нему каждого принадлежащего к этой линии лица; при этом мы с самого начала знаем, что каждое обозначенное так лицо принадлежит

¹ [То есть обычному английскому: по-английски сын брата—brother's son, сын сына брата — brother's son's son и т. д. — Ред.]

² Systems of Consanguinity etc., p. 40.

³ „Пандекты“, кн. XXVIII, тит. X, и „Институции“ Юстиниана, кн. III, тит. VI.

к первой мужской боковой линии. Она таким образом специфична и закончена. Подобным же образом та же линия, но женская начинается с сестры, *soror*, образующей дальнейший ряд: *sororis filia*, дочь сестры, *sororis neptis*, внучка сестры, *sororis proneptis*, правнучка сестры, и так далее до *sororis trineptis*, шестого потомка сестры, и *sororis trineptis trineptis*, ее двенадцатого потомка. Хотя обе ветви первой боковой линии, собственно говоря, происходят от отца, *pater*, являющегося общей связью между ними, однако вследствие того, что брат и сестра делаются исходными пунктами родословных, не только линия, но и обе ее ветви остаются обособленными, и родственное отношение каждого лица к Его обозначается отдельно. Это — одно из главнейших преимуществ данной системы, так как то же самое проводится во всех линиях, представляя собой чисто научный порядок различения и описания родственных отношений.

Вторая мужская боковая линия с отцовской стороны начинается с брата отца, *patruus*, и состоит из него и его нисходящих. Описывающие каждого из этих лиц термины совершенно точно определяют его место в линии, специфицируя его родственное отношение; так: *patruī filius*, сын дяди с отцовской стороны, *patruī nepos*, его внук, *patruī pronepos*, правнук дяди с отцовской стороны, и так далее до *patruī trinepos*, шестого потомка *patruus*. Если надо было довести линию до двенадцатого поколения, то, пройдя промежуточные степени, мы имели бы *patruī trinepotis trinepos*, прапрапраправнук прапрапраправнука *patruī trinepos*, прапрапраправнука прапрапраправнука *patruus*. Следует отметить, что в официальном порядке обозначения, применяемом Пандектами, термин для двоюродного брата не употребляется. Он обозначается как *patruī filius*, но он назывался также братом, происходящим от брата отца, *frater patruelis*, а общеупотребительным народным термином было *consobrinus*, откуда происходит наш термин «кузен»¹. Вторая женская боковая линия с отцовской стороны начинается с сестры отца, *amita*, тетки с отцовской стороны; ее нисходящие описываются по той же общей системе; так: *amitae filia*, дочь тетки с отцовской стороны, *amitae neptis*, внучка тетки с отцовской стороны, и так далее до *amitae trineptis* и до *amitae trineptis trineptis*. В этой ветви данной линии точно так же особый термин для двоюродной сестры *amitina* заменен описательным *amitae filia*.

Таким же порядком третья мужская боковая линия со стороны отца начинается с брата деда, который называется *patruus magnus*, или двоюродный дед с отцовской стороны. Здесь в номенклатуре не хватает терминов и приходится прибегать к сложным выражениям, хотя само родственное отношение конкретно. Очевидно, это родство стало различаться только в сравнительно новейшее время. Насколько показывают мои исследования, ни один из существующих языков не имеет оригинального термина для обозначения этого вида родства, хотя без такого слова эта линия может быть описана только по кельтскому способу. Если бы он назывался просто «брат деда», то это выражение еще не описывало бы определенного родственника; но если мы скажем двоюродный дед с отцовской стороны, это даст конкретное выражение родства. Таким образом определяется первое лицо в этой ветви данной линии, и все его потомки посредством такого способа описания сводятся к нему как к корню их происхождения. В результате, для каждого отдельного лица можно точно выяснить линию, сторону ветви и степень родства каждого лица. Эта линия также может быть продолжена до двенадцатого нисходящего, что дает в виде последовательного ряда: *patruī magni filius*, сын двоюродного деда с отцовской стороны, *patruī magni nepos*, внук двоюродного дед с отцовской стороны, и так далее до *patruī magni trinepos* и, наконец, *patruī magni trinepotis trinepos*. Та же самая женская линия начинается с сестры деда, *amita magna*, двоюродная бабка с отцовской стороны, при чем точно таким же образом описываются ее нисходящие.

¹ Item fratres patruales, sorores patruales, id est qui quae-ve ex duobus fratribus progenerantur; item consobrini consobrinae, id est qui quae-ve ex duabus sororibus nascuntur (quasi consobrini); item amitini amittinae, id est qui quae-ve ex fratre et sorore propagantur; sed fere vulgus istos omnes communi appellatione consobrinus vocat. — „Панд.“, кн. XXXVIII, тит. X.

Четвертая и пятая мужские боковые линии с отцовской стороны начинаются соответственно с брата прадеда, *patruus major*, троюродного деда с отцовской стороны, брата прапрадеда, *patruus maximus*, четвероюродного деда с отцовской стороны. Если мы проследим ряд потомков в этих линиях, то в четвертой линии найдем *patruus majoris filius* и так далее до *patruus majoris trinepos*; а в пятой — *patruus maximi filius* и так далее до *patruus maximi trinepos*. Соответственные женские линии начинаются с *amita major* и *amita maxima*, троюродной и четвероюродной бабки с отцовской стороны, и описание лиц в каждой из этих линий идет тем же порядком, что и в предыдущих.

До сих пор мы рассматривали только линии с отцовской стороны. Ясно теперь, что были необходимы особые термины для дяди и тетки с материнской стороны, чтобы дополнить этот римский способ описания, так как родственники с материнской стороны были так же многочисленны и разнообразны. Этими терминами стали: *avunculus*, дядя с материнской стороны, и *matertera*, тетка с материнской стороны. При описании родственников со стороны матери на месте мужской появляется прямая женская линия, но первая боковая линия остается та же, что и с отцовской стороны. Во второй мужской боковой линии с материнской стороны мы имеем следующий ряд: *avunculus*, дядя со стороны матери, *avunculi filius*, *avunculi nepos* и так далее до *avunculi trinepos*, кончая *avunculi trinepotis trinepos*. В женской ветви — *matertera*, тетка со стороны матери, *materterae filia* и так далее, как выше. Третья мужская и женская боковая линия начинается с *avunculus magnus* и *matertera magna*, двоюродного деда и двоюродной бабки с материнской стороны; четвертая — с *avunculus maximus* и *matertera maxima*, троюродного деда и троюродной бабки со стороны матери, и пятая — с *avunculus maximus* и *matertera maxima*, четвероюродного деда и четвероюродной бабки с материнской стороны. Описание лиц в каждой ветви этих линий соответствуют приведенным выше.

Так как эти первые пять боковых линий обнимали настолько обширный круг родственников, насколько это было необходимо для практических целей родословной, то обычные формулы римских юристов не выходили за эти границы.

Терминами для обозначения свойства латинский язык необыкновенно богат, тогда как английский выдает свою бедность употреблением таких нелепых выражений, как *father-in-law*, *son-in-law*, *brother-in-law*, *step-father step-son*, для выражения каких-нибудь двадцати весьма часто встречающихся и близких видов родства, которые в латинской номенклатуре почти все имеют специальные термины.

Нет необходимости углубляться далее в детали римской системы родства. Главнейшие и важнейшие основные черты ее изложены достаточно подробно, чтобы сделать понятной эту систему в целом. Она замечательна простотой метода, удачной формой описаний, определенностью расположения линий и ветвей и красотой номенклатуры. По своему методу она стоит выше всех когда-либо созданных человечеством систем родства и представляет собой один из многих примеров, доказывающих, что всегда, когда римскому уму приходилось создавать какую-либо органическую форму, он давал ей солидное основание.

Мы не будем входить в подробности арабской системы, поскольку в нашей таблице приведены обе формы и объяснения одной достаточно для понимания другой; оно одинаковым образом может быть отнесено к обеим системам.

Римская система родства с ее дополнительными специальными терминами и усовершенствованными способами описания предполагает, что кровные родственники связаны между собой в силу их происхождения, через супружеские пары, от общих предков. Они располагаются в одну прямую и несколько боковых линий, все более удаляющихся от первой. Это — необходимые последствия моногамии. Родственное отношение каждого отдельного лица к стоящему в центре системы *Ego* точно определено и, за исключением лиц, стоящих в тех же самых родственных отношениях, различается посредством особого термина или описательного выражения. Это предполагает также достоверность происхождения каждого отдельного лица, которую могла обеспечить только моногамия. Да-

лее, эта система описывает родственные отношения моногамной семьи такими, какими они существуют в действительности. Ничего не может быть яснее того, что моногамная форма брака произвела моногамную форму семьи, а последняя создала данную систему родства. Эти три системы являются необходимыми составными частями целого там, где господствует описательная система. То, что мы знаем на основании непосредственного наблюдения о моногамной семье, ее брачном праве и ее системе родства, должно относиться, как мы показали, и к пупуальной семье, ее брачному праву и ее системе родства. Где встречается одна из этих трех составных частей, там с уверенностью можно заключить, что существуют или некогда должны были существовать и две другие части. Если бы можно было провести известное различие между этими тремя частями в пользу наиболее существенной, то преимущество принадлежало бы системам родства. В них кристаллизовалось свидетельство того, что родственное отношение каждого отдельного лица отражает брачное право и форму семьи. Здесь сохраняется таким образом не только наивысшее доказательство этих форм, но столько же подтверждений этого доказательства, сколько лиц охвачено кровными узами. Отсюда ясно огромное значение этого домашнего учреждения, которое не способно исказить истину, и выводы, необходимо вытекающие из изучения его, безусловно должны быть приняты. Наконец, наши данные наиболее полны как раз относительно систем родства.

Мы представили и истолковали те доказательства существования и те подробности структуры указанных вначале пяти последовательных форм семьи, какие только может дать наше современное знание. Несмотря на то, что мы рассмотрели каждую из этих отдельных форм семьи лишь в общих чертах, мы все же разобрали основные факты и признаки и доказали главное положение, что семья началась с кровнородственной и через несколько последовательных стадий развития выросла в моногамную. В этом общем выводе нет ничего такого, чего бы мы не могли ожидать с самого начала. Но трудности и препятствия, стоявшие на пути развития семьи, повидимому, были гораздо значительнее, чем можно было предполагать. Развиваясь на протяжении долгих веков, семья принимала участие во всех превращениях человеческого опыта и раскрывает теперь, может быть, убедительнее, чем всякое другое учреждение, постепенный ход человеческого прогресса из глубины первобытной дикости через варварство к цивилизации. Это подводит нас вплотную к повседневной жизни человечества в различные эпохи его прогрессивного развития; при сравнении в этом плане различных периодов мы можем до известной степени судить о трудах человека, его борьбе и его победах. Мы только тогда правильно оценим великое учреждение семьи в том виде, в каком она теперь существует, когда примем в расчет ту затрату времени и ума, которая потребовалась для ее создания. Тогда мы признаем в ней богатейшее наследие, оставленное нам древним обществом, так как в ней воплощены и отмечены величайшие результаты его разнообразного и продолжительного опыта.

Если мы признаем, что семья в своем развитии прошла через четыре последовательные формы и теперь находится в пятой, то возникает сразу вопрос, сохранится ли эта форма в будущем. Единственный возможный на это ответ состоит в том, что она должна прогрессировать, как прогрессирует общество, и должна изменяться, как изменяется общество, точно так же, как это было и в прошлом. Семья представляет собой продукт социальной системы и отражает ее культуру. Поскольку моногамная семья совершила большой прогресс с начала цивилизации, в особенности в новейшее время, то можно во всяком случае ожидать, что она способна совершенствоваться и далее, пока не будет достигнуто равенство полов. Пусть в связи с непреложно продолжающимся прогрессом цивилизации моногамная семья не сможет в отдаленном будущем отвечать потребностям общества, предсказать форму ее приемницы невозможно.

Римская система родства

	Наименования родственников	Латинские термины	Перевод
1.	Прадед прадеда	tritavus	прадед прадеда
2.	Дед	atavus	дед
3.	Прапрадед	abavus	прапрадед
4.	Прапрабабка	abavia	прапрабабка
5.	Прадед	proavus	прадед
6.	Прабабка	proavia	прабабка
7.	Дед	avus	дед
8.	Бабка	avia	бабка
9.	Отец	pater	отец
10.	Мать	mater	мать
11.	Сын	filius	сын
12.	Дочь	filia	дочь
13.	Внук	nepos	внук
14.	Внучка	neptis	внучка
15.	Правнук	pronepos	правнук
16.	Правнучка	pronep̄tis	правнучка
17.	Сын правнука	obnepos	праправнук
18.	Дочь	obneptis	праправнучка
19.	Внук	atnepos	внук правнука
20.	Внучка	atneptis	внучка
21.	Правнук	trinepos	правнук
22.	Правнучка	trineptis	правнучка
23.	Братья	fratres	братья
24.	Сестры	sorores	сестры

Первая боковая линия

25.	Брат	frater	брат
26.	Сын брата	fratris filius	сын брата
27.	Жена сына брата	" filii uxor	жена сына брата
28.	Дочь брата	" filia	дочь брата
29.	Муж дочери брата	" filiae vir	муж дочери брата
30.	Внук брата	" nepos	внук брата
31.	Внучка	" neptis	внучка
32.	Правнук брата	" pronepos	правнук
33.	Правнучка	" proneptis	правнучка б. та
34.	Сестра	soror	сестра
35.	Сын сестры	sororis filius	сын сестры
36.	Жена сына сестры	" filii uxor	жена сына сестры
37.	Дочь сестры	" filia	дочь сестры
38.	Муж дочери сестры	" filiae vir	муж дочери сестры
39.	Внук сестры	" nepos	внук сестры
40.	Внучка	" neptis	внучка
41.	Правнук сестры	" pronepos	правнук сестры
42.	Правнучка	" proneptis	правнучка

Наименования родственников	Латинские термины	Перевод
Вторая боковая линия		
43. Брат отца	patruus	дядя со стороны отца
44. Жена брата отца	patruī uxor	жена дяди со стороны отца
45. Сын " " "	" filius	сын " " " "
46. Жена сына брата отца	" filii uxor	жена сына дяди со стороны отца
47. Дочь брата отца	" filia	дочь дяди со стороны отца
48. Муж дочери брата отца	" filiae vir	муж дочери дяди со стороны отца
49. Внук брата отца	" nepos	внук дяди со стороны отца
50. Внучка брата отца	" neptis	внучка дяди со стороны отца
51. Правнук брата отца	" pronepos	правнук дяди со стороны отца
52. Правнучка брата отца	" proneptis	правнучка дяди со стороны отца
53. Сестра отца	amita	тетка со стороны отца
54. Муж сестры отца	amitae vir	муж тетки со стороны отца
55. Сын " " "	" filius	сын " " " "
56. Жена сына сестры отца	" filii uxor	жена сына тетки с отцовской стороны
57. Дочь сестры отца	" filia	дочь тетки с отцовской стороны
58. Муж дочери сестры отца	" filiae vir	муж дочери тетки с отцовской стороны
59. Внук сестры отца	" nepos	внук тетки с отцовской стороны
60. Внучка сестры отца	" neptis	внучка тетки с отцовской стороны
61. Правнук сестры отца	" pronepos	правнук тетки с отцовской стороны
62. Правнучка сестры отца	" proneptis	правнучка тетки с отцовской стороны
63. Брат матери	avunculus	дядя с материнской стороны
64. Жена брата матери	avunculi uxor	жена дяди с материнской стороны
65. Сын " " "	" filius	сын дяди с материнской стороны
66. Жена сына брата матери	" filii uxor	жена сына дяди с материнской стороны
67. Дочь брата матери	" filia	дочь дяди с материнской стороны
68. Муж дочери брата матери	avunculi filiae vir	муж дочери дяди с материнской стороны
69. Внук брата матери	" nepos	внук дяди с материнской стороны

	Наименования родственников	Латинские термины	Перевод
70.	Внучка брата матери	avunculi neptis	внучка дяди с материнской стороны
71.	Правнук брата матери	„ pronepos	правнук дяди с материнской стороны
72.	Правнучка брата матери	„ proneptis	правнучка дяди с материнской стороны
73.	Сестра матери	matertera	тетка с материнской стороны
74.	Муж сестры матери	materterae vir	муж тетки с материнской стороны
75.	Сын „ „	„ filius	сын тетки с материнской стороны
76.	Жена сына сестры матери	„ filii uxor	жена сына тетки с материнской стороны
77.	Дочь сестры матери	„ filia	дочь тетки с материнской стороны
78.	Муж дочери сестры матери	„ filiae vir	муж дочери тетки с материнской стороны
79.	Внук сестры матери	„ nepos	внук тетки с материнской стороны
80.	Внучка сестры матери	„ neptis	внучка тетки с материнской стороны
81.	Правнук сестры матери	„ pronepos	правнук тетки с материнской стороны
82.	Правнучка сестры матери	„ proneptis	правнучка тетки с материнской стороны

Третья боковая линия

83.	Брат отца отца	patruus magnus	двоюродный дед со стороны отца
84.	Сын брата отца отца	patruum magni filius	сын двоюродного деда со стороны отца
85.	Внук „ „ „	„ „ nepos	внук двоюродного деда со стороны отца
86.	Правнук „ „ „	„ „ pronepos	правнук двоюродного деда со стороны отца
87.	Сестра отца отца	amita magna	двоюродная бабушка со стороны отца
88.	Дочь сестры отца отца	amitae magnae filia	дочь двоюродной бабушки со стороны отца
89.	Внучка сестры отца отца	„ „ neptis	внучка двоюродной бабушки со стороны отца
90.	Правнучка сестры отца отца	„ „ proneptis	правнучка двоюродной бабушки со стороны отца
91.	Брат матери матери	avunculus magnus	двоюродный дед со стороны матери
92.	Сын брата матери матери	avunculi magni filius	сын двоюродного деда со стороны матери

	Наименования родственных ников	Латинские термины	Перевод
93.	Внук брата матери матери	avunculi magni nepos	внук двоюродного деда со стороны матери
94.	Правнук брата ма- тери матери	" " pronepos	правнук двоюродного деда со стороны матери
95.	Сестра матери ма- тери	matertera magna	двоюродная бабка со стороны матери
96.	Дочь сестры мате- ри матери	materterae magnae filia	дочь двоюродной бабки со стороны матери
97.	Внучка сестры ма- тери матери	" " neptis	внучка двоюродной бабки со стороны матери
98.	Правнучка сестры матери матери	" " proneptis	правнучка двоюродной бабки со стороны матери

Четвертая боковая линия

99.	Брат отца отца отца	patruus major	двоюродный прадед со сто- роны отца
100.	Сын брата отца отца отца	patruī majoris filius	сын двоюродного прадеда со стороны отца
101.	Внук брата отца отца отца	" " nepos	внук двоюродного прадеда со стороны отца
102.	Правнук брата от- ца отца отца	" " pronepos	правнук двоюродного прадеда со стороны отца
103.	Сестра отца отца отца	amita major	двоюродная прабабка со сто- роны отца
104.	Дочь сестры отца отца отца	amitae majoris filia	дочь двоюродной прабабки со стороны отца
105.	Внук сестры отца отца отца	" " neptis	внучка двоюродной прабабки со стороны отца
106.	Правнук сестры от- ца отца отца	" " proneptis	правнучка двоюродной пра- бабки со стороны отца
107.	Брат матери мате- ри матери	avunculus major	двоюродный прадед со сто- роны матери
108.	Сын брата матери матери матери	avunculi majoris filius	сын двоюродного прадеда со стороны матери
109.	Внук брата матери матери матери	" " nepos	внук двоюродного прадеда со стороны матери
110.	Правнук брата ма- тери матери ма- тери	" " pronepos	правнук двоюродного прадеда со стороны матери
111.	Сестра матери ма- тери матери	a matertera major	двоюродная прабабка со сто- роны матери
112.	Дочь сестры мате- ри матери матери	materterae majoris filia	дочь двоюродной прабабки со стороны матери
113.	Внучка сестры ма- тери материматери	" " neptis	внучка двоюродной прабабки со стороны матери
114.	Правнучка сестры матери матери матери	" " proneptis	правнучка двоюродной пра- бабки со стороны матери

Наименования родственников	Латинские термины	Перевод
Пятая боковая линия		
115. Брат отца отца отца	patruus maximus	двоюродный прапрадед со стороны отца
116. Сын брата отца отца	patruī maximi filius	сын двоюродного прапрадеда со стороны отца
117. Внук брата отца отца	„ „ nepos	внук двоюродного прапрадеда со стороны отца
118. Правнук брата отца отца	„ „ pronepos	правнук двоюродного прапрадеда со стороны отца
119. Сестра отца отца отца	amita maxima	двоюродная прапрабабка со стороны отца
120. Дочь сестры отца отца отца	amitae maximae filia	дочь двоюродной прапрабабки со стороны отца
121. Внучка сестры отца отца отца	„ „ neptis	внучка двоюродной прапрабабки со стороны отца
122. Правнучка сестры отца отца отца отца	„ „ proneptis	правнучка двоюродной прапрабабки со стороны отца
123. Брат матери матери матери	avunculus maximus	двоюродный прапрадед со стороны матери
124. Сын брата матери матери матери	avunculi maximi filius	сын двоюродного прапрадеда со стороны матери
125. Внук брата матери матери матери	„ „ nepos	внук двоюродного прапрадеда со стороны матери
126. Правнук брата матери матери матери матери	„ „ pronepos	правнук двоюродного прапрадеда со стороны матери
127. Сестра матери матери матери	matertera maxima	двоюродная прапрабабка со стороны матери
128. Дочь сестры матери матери матери	materterae maximae filia	дочь двоюродной прапрабабки со стороны матери
129. Внучка сестры матери матери матери	„ „ neptis	внучка двоюродной прапрабабки со стороны матери
130. Правнучка сестры матери матери матери матери	„ „ proneptis	правнучка двоюродной прапрабабки со стороны матери

Отношение свойства

131. Муж	vir или maritus	муж
132. Отец мужа	socer	свекор
133. Мать „	socrus	свекровь
134. Дед „	socer magnus	дед мужа
135. Бабка „	socrus magna	бабка
136. Жена	uxor или marita	жена

	Наименования родственников	Латинские термины	Перевод
137.	Отец жены	socer	тесть
138.	Мать „	socrus	теща
139.	Дед „	socer magnus	дед жены
140.	Бабка „	socrus magna	бабка жены
141.	Отчим	vitricus	отчим
142.	Мачеха	noverca	мачеха
143.	Пасынок	privignus	пасынок
144.	Падчерица	privigna	падчерица
145.	Зять	gener	зять
146.	Невестка	nurus	сноха
147.	Брат мужа	levir	деверь
148.	Муж сестры	maritus sororis	зять
149.	Брат жены	uxoris frater	шурин
150.	Сестра жены	„ soror	свояченица
151.	Сестра мужа	glos	золовка
152.	Жена брата	fratria	невестка
153.	Вдова	vidua	вдова
154.	Вдовец	viduus	вдовец
155.	Родственники со стороны отца	agnati	агнаты
156.	Родственники со стороны матери	cognati	когнаты
157.	Родственники по браку	affines	свойственники

Арабская система родства

1.	Прадед прадеда	jidd jidd jiddi	дед деда моего деда
2.	Дед прадеда	jidd jidd abi	дед деда моего отца
3.	Прапрадед	jidd jiddi	дед моего деда
4.	Прапрабабка	sitt sitti	бабка моей бабки
5.	Прадед	jidd abi	дед моего отца
6.	Прабабка	sitt abi	бабка моего отца
7.	Дед	jidd	мой дед
8.	Бабка	sitti	моя бабка
9.	Отец	abi	мой отец
10.	Мать	ummi	моя мать
11.	Сын	ibn	мой сын
12.	Дочь	ibneti или binti	моя дочь
13.	Внук	ibn ibni	сын моего сына
14.	Внучка	ibnet ibni	дочь моего сына
15.	Правнук	ibn ibn ibni	сын сына моего сына
16.	Правнучка	bint bint binti	дочь дочери моей дочери
17.	Сын правнука	ibn ibn ibn ibni	сын сына сына моего сына
18.	Дочь „	bint ibn ibn ibni	дочь „ „ „ „
19.	Внук „	ibn ibn ibn ibn ibni	сын сына сына сына моего сына
20.	Внучка „	bint bint ibn ibn ibn	дочь сына сына сына моего сына

	Наименования родственников	Арабские термины	Перевод
21.	Правнук правнука	ibn ibn ibn ibn ibn ibni	сын сына сына сына сына моего сына
22.	Правнучка „	bint bint bint bint bint binti	дочь дочери дочери дочери дочери моей дочери
23.	Братья	ahwati	мои братья
24.	Сестры	ahwāti	мои сестры

Первая боковая линия

25.	Брат	akhi	мой брат
26.	Сын брата	ibn akhi	сын моего брата
27.	Жена сына брата	amrat ibn akhi	жена сына моего брата
28.	Дочь брата	bint akhi	дочь моего брата
29.	Муж дочери брата	zoi bint akhi	муж дочери моего брата
30.	Внук брата	ibn ibn akhi	сын сына моего брата
31.	Внучка брата	bint ibn akhi	дочь сына моего брата
32.	Правнук „	ibn ibn ibn akhi	сын сына сына моего брата
33.	Правнучка „	bint bint bint akhi	дочь дочери дочери моего брата
34.	Сестра	akhti	моя сестра
35.	Сын сестры	ibn akhti	сын моей сестры
36.	Жена сына сестры	amrat ibn akhti	жена сына моей сестры
37.	Дочь сестры	bint akhti	дочь моей сестры
38.	Муж дочери сестры	zoi bint akhti	муж дочери моей сестры
39.	Внук сестры	ibn ibn akhti	сын сына „ „
40.	Внучка „	bint bint akhti	дочь дочери „ „
41.	Правнук „	ibn ibn ibn akhti	сын сына сына моей сестры
42.	Правнучка „	bint bint bint akhti	дочь дочери дочери моей сестры

Вторая боковая линия

43.	Брат отца	ammi	мой дядя со стороны отца
44.	Жена брата отца	amrat ammi	жена моего дяди со стороны отца
45.	Сын „ „	ibn ammi	сын моего дяди со стороны отца
46.	Жена сына брата отца	amrat ibn ammi	жена сына моего дяди со стороны отца
47.	Дочь брата отца	bint ammi	дочь моего дяди со стороны отца
48.	Муж дочери брата отца	zoi bint ammi	муж дочери моего дяди со стороны отца
49.	Внук брата отца	ibn ibn ammi	сын сына моего дяди со стороны отца
50.	Внучка „ „	bint bint ammi	дочь дочери моего дяди со стороны отца
51.	Правнук „ „	ibn ibn ibn ammi	сын сына сына моего дяди со стороны отца

	Наименования родственных ников	Арабские термины	Перевод
52.	Правнучка брата отца	bint bint bint ammi	дочь дочери дочери моего дяди со стороны отца
53.	Сестра отца	ammeti	моя тетка со стороны отца
54.	Муж сестры отца	zoi ammeti	муж моей тетки со стороны отца
55.	Сын " "	ibn ammeti	сын моей тетки со стороны отца
56.	Жена сына сестры отца	amrat ibn ammeti	жена сына моей тетки со стороны отца
57.	Дочь сестры отца	bint ammeti	дочь моей тетки со стороны отца
58.	Муж дочери сестры отца	zoi bint ammeti	муж дочери моей тетки со стороны отца
59.	Внук сестры отца	ibn ibn ammeti	сын сына моей тетки со сто- роны отца
60.	Внучка сестры от- ца	bint bint ammeti	дочь дочери моей тетки со стороны отца
61.	Правнук сестры от- ца	ibn ibn ibn ammeti	сын сына сына моей тетки со стороны отца
62.	Правнучка сестры отца	bint bint bint ammeti	дочь дочери дочери моей тетки со стороны отца
63.	Брат матери	khali	мой дядя со стороны матери
64.	Жена брата матери	amrat khali	жена моего дяди со стороны матери
65.	Сын " "	ibn khali	сын моего дяди со стороны матери
66.	Жена сына брата матери	amrat ibn khali	жена сына моего дяди со сто- роны матери
67.	Дочь брата ма- тери	bint khali	дочь моего дяди со стороны матери
68.	Муж дочери брата матери	zoi bint khali	муж дочери моего дяди со стороны матери
69.	Внук брата ма- тери	ibn ibn khali	сын сына моего дяди со сто- роны матери
70.	Внучка брата ма- тери	bint bint khali	дочь дочери моего дяди со стороны матери
71.	Правнук брата ма- тери	ibn ibn ibn khali	сын сына сына моего дяди со стороны матери
72.	Правнучка брата матери	bint bint bint khali	дочь дочери дочери моего дя- ди со стороны матери
73.	Сестра матери	khaleti	моя тетка со стороны матери
74.	Муж сестры матери	zoi khaleti	муж моей тетки со стороны матери
75.	Сын " "	ibn khaleti	сын моей тетки со стороны матери
76.	Жена сына сестры матери	amrat ibn khaleti	жена сына моей тетки со сто- роны матери
77.	Дочь сестры ма- тери	bint khaleti	дочь моей тетки со стороны матери
78.	Муж дочери сестры матери	zoi bint khaleti	муж дочери моей тетки со стороны матери

	Наименования родственников	Арабские термины	Перевод
79.	Внук сестры матери	ibn ibn khaleti	сын сына моей тетки со стороны матери
80.	Внучка сестры матери	bint bint khaleti	дочь дочери моей тетки со стороны матери
81.	Правнук сестры матери	ibn ibn ibn khaleti	сын сына сына моей тетки со стороны матери
82.	Правнучка сестры матери	bint bint bint khaleti	дочь дочери дочери моей тетки со стороны матери

Третья боковая линия

83.	Брат отца отца	amm abi	дядя моего отца со стороны отца
84.	Сын брата отца отца	ibn ammi abi	сын дяди моего отца со стороны отца
85.	Внук брата отца отца	ibn ibn ammi abi	сын сына дяди моего отца со стороны отца
86.	Правнук брата отца отца	ibn ibn ibn ammi abi	сын сына сына дяди моего отца со стороны отца
87.	Сестра отца отца	ammēt abi	тетка моего отца со стороны отца
88.	Дочь сестры отца отца	bint ammēt abi	дочь тетки моего отца со стороны отца
89.	Внучка сестры отца отца	bint bint ammēt abi	дочь дочери тетки моего отца со стороны отца
90.	Правнучка сестры отца отца	bint bint bint ammēt abi	дочь дочери дочери тетки моего отца со стороны отца
91.	Брат матери матери	khal ummi	дядя моей матери со стороны матери
92.	Сын брата матери матери	ibn khal ummi	сын дяди моей матери со стороны матери
93.	Внук брата матери матери	ibn ibn khal ummi	сын сына дяди моей матери со стороны матери
94.	Правнук брата матери матери	ibn ibn ibn khal ummi	сын сына сына дяди моей матери со стороны матери
95.	Сестра матери матери	khalet ummi	тетка моей матери со стороны матери
96.	Дочь сестры матери матери	bint khalet ummi	дочь тетки моей матери со стороны матери
97.	Внучка сестры матери матери	bint bint khalet ummi	дочь дочери тетки моей матери со стороны матери
98.	Правнучка сестры матери матери	bint bint bint khalet ummi	дочь дочери дочери тетки моей матери со стороны матери

Четвертая боковая линия

99.	Брат отца отца отца	amm jiddi	моего деда дядя со стороны отца
100.	Сын брата отца отца отца	ibn amm jidd	сын моего деда дяди со стороны отца
101.	Внук брата отца отца отца	ibn ibn amm jiddi	сын сына моего деда дяди со стороны отца

	Наименования родственников	Арабские термины	Перевод
102.	Правнук брата отца отца отца	ibn ibn ibn amm jiddi	сын сына сына моего деда дяди со стороны отца
103.	Сестра отца отца отца	ammēt jiddi	моего деда тетка со стороны отца
104.	Дочь сестры отца отца отца	bint ammēt jiddi	дочь моего деда тетки со стороны отца
105.	Внучка сестры отца отца отца	bint bint ammēt jiddi	дочь дочери моего деда тетки со стороны отца
106.	Правнучка сестры отца отца отца	bint bint bint ammēt jiddi	дочь дочери дочери моего деда тетки со стороны отца
107.	Брат матери матери матери	khal sitti	моей бабушки дядя со стороны матери
108.	Сын брата матери матери матери	ibn khal sitti	сын моей бабушки дяди со стороны матери
109.	Внук брата матери матери матери	ibn ibn khal sitti	сын сына моей бабушки дяди со стороны матери
110.	Правнук брата матери матери матери матери	ibn ibn ibn khal sitti	сын сына сына моей бабушки дяди со стороны матери
111.	Сестра матери матери матери	khalet sitti	моей бабушки тетка со стороны матери
112.	Дочь сестры матери матери матери	bint khalet sitti	дочь моей бабушки тетки со стороны матери
113.	Внучка сестры матери матери матери матери	bint bint khalet sitti	дочь дочери моей бабушки тетки со стороны матери
114.	Правнучка сестры матери матери матери матери	bint bint bint khalet sitti	дочь дочери дочери моей бабушки тетки со стороны матери
Пятая боковая линия			
115.	Брат отца отца отца отца	amm jidd abi	дядя со стороны отца деда моего отца
116.	Сын брата отца отца отца отца	ibn ammi jidd abi	сын дяди со стороны отца деда моего отца
117.	Внук брата отца отца отца отца	ibn ibn ammi jidd abi	сын сына дяди со стороны отца деда моего отца
118.	Правнук брата отца отца отца отца отца	ibn ibn ibn ammi jidd abi	сын сына сына дяди со стороны отца деда моего отца
119.	Сестра отца отца отца отца	ammēt jiddabi	тетка со стороны отца деда моего отца
120.	Дочь сестры отца отца отца отца	bint ammēt jidd abi	дочь тетки со стороны отца деда моего отца
121.	Внучка сестры отца отца отца отца	bint bint ammēt jiddi abi	дочь дочери тетки со стороны отца деда моего отца
122.	Правнучка сестры отца отца отца отца	bint bint bint ammēt jiddi abi	дочь дочери дочери; тетки со стороны отца деда моего отца
123.	Брат матери матери матери матери	khal sitt ummi	дядя со стороны матери бабушки моей матери

	Наименования родственников	Арабские термины	Перевод
124.	Сын брата матери матери матери	ibn khal sitt ummi	сын дяди со стороны матери бабки моей матери
125.	Внук брата матери матери матери	ibn ibn khal sitt ummi	сын сына дяди со стороны матери бабки моей матери
126.	Правнук брата матери матери матери	ibn ibn ibn khal sitt ummi	сын сына сына дяди со стороны матери бабки моей матери
127.	Сестра матери матери матери	khalet sitt ummi	тетка со стороны матери бабки моей матери
128.	Дочь сестры матери матери матери	bint khalet sitt ummi	дочь тетки со стороны матери бабки моей матери
129.	Внучка сестры матери матери матери	bint bint khalet sitt ummi	дочь дочери тетки со стороны матери бабки моей матери
130.	Правнучка сестры матери матери матери	bint bint bint khalet sitt ummi	дочь дочери дочери тетки со стороны матери бабки моей матери

Отношение свойства

131.	Муж	zoji	мой муж
132.	Отец мужа	ammi	мой дядя
133.	Мать „	amrat ammi	жена моего дяди
134.	Дед „	jidd zoji	дед моего мужа
135.	Бабка „	sitt zoji	бабка „ „
136.	Жена	amrati	моя жена
137.	Отец жены	ammi	мой дядя
138.	Мать „	amrat ammi	жена моего дяди
139.	Дед „	jidd amrati	дед моей жены
140.	Бабка „	sitt amrati	бабка „ „
141.	Отчим	ammi	мой дядя
142.	Мачеха	khaleti	моя тетка
143.	Пасынок	karuti	мой пасынок
144.	Падчерица	karuteti	моя падчерица
145.	Зять	khatan или saha	зять
146.	Сноха	kinnet	сноха
147.	Брат мужа	ibn ammi	сын моего дяди
148.	Муж сестры	zoi akhti	муж моей сестры
149.	Брат жены	ibn ammi	сын моего дяди
150.	Сестра „	bint ammi	дочь „ „
151.	Сестра мужа	bint ammi	„ „ „
152.	Жена брата	amrat akhi	жена моего брата
153.	Вдова	armelet	вдова
154.	Вдовец	armel	вдовец

Глава шестая

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ СВЯЗАННЫХ С СЕМЬЕЙ УЧРЕЖДЕНИЙ

Намечаемая последовательность имеет отчасти гипотетический характер. — Связь этих учреждений в порядке их возникновения. — Доказательства их возникновения в указанном порядке. — Разбор гипотезы вырождения. — Древность человечества.

Нам остается еще расположить в их соотношении обычаи и учреждения, содействовавшие развитию семьи в ее последовательных формах. Соединение этих учреждений в последовательный ряд отчасти гипотетично; однако между ними существует несомненная тесная зависимость.

Этот последовательный ряд представляет важнейшие общественные и домашние учреждения, влиявшие на развитие семьи от кровнородственной до моногамной¹. Это нужно понимать в том смысле, что они возникли в различных ветвях человеческой семьи в общем в указанном здесь порядке и существовали у этих ветвей в соответствующем состоянии.

Первая стадия.

I. Промискуитетные связи.

II. Групповой брак между братьями и сестрами, родными и коллатеральными. Отсюда:

III. Кровнородственная семья (Первая стадия семьи). Отсюда:

IV. Малайская система родства.

Вторая стадия.

V. Организация на основе различия полов и обычаев пуналуа, препятствующие браку между братьями и сестрами. Отсюда:

VI. Пуналуальная семья (Вторая стадия семьи). Отсюда:

VII. Родовая организация, исключившая братьев и сестер из брачного общения. Отсюда:

VIII. Туранская и ганованская система родства и свойства.

Третья стадия.

IX. Возрастающее влияние родовой организации и развитие производств, поднявших часть человечества на низшую ступень варварства. Отсюда:

X. Брак отдельных пар, но без исключительности сожителства. Отсюда:

XI. Синдиасмическая семья (Третья стадия семьи).

Четвертая стадия.

XII. Пастушеская жизнь на равнинах в ограниченных областях. Отсюда:

XIII. Патриархальная семья (Четвертая, но не всеобщая стадия семьи).

Пятая стадия.

XIV. Рост собственности и переход к наследованию по прямой линии.

Отсюда:

XV. Моногамная семья (Пятая стадия семьи). Отсюда:

XVI. Арийская, семитическая и уральская системы родства и свойства и исчезновение туранской системы.

Краткими замечаниями по поводу вышеприведенной последовательности обычаев и учреждений, имеющими целью установить их связь и взаимоотношения, мы закончим исследование развития семьи.

Человеческие племена можно расположить в зависимости от их состояния последовательными слоями, подобно последовательным геологическим формациям.

¹ Нижеследующее представляет собой исправление последовательности, приведенной в Systems of Consanguinity etc., p. 480.

Расположенные таким образом, они раскрывают с известной долей достоверности весь путь человеческого прогресса от дикости до цивилизации. Основательное изучение каждого из этих последовательных слоев выяснит все особенности их культуры и характера и даст окончательное представление об их совокупности в их различных взаимоотношениях. В результате этого, последовательные стадии человеческого прогресса будут нам совершенно ясны. Время было важным фактором образования этих слоев, и оно отнюдь не должно уменьшаться при определении продолжительности каждого этнического периода. Каждый из предшествовавших цивилизации периодов естественно обнимает многие тысячелетия.

Промискуитетные связи. — Они отражают самую низкую, какую можно себе представить, стадию дикости, самую первую ступень лестницы прогресса. Человека в этом состоянии едва можно было отличить от бессловесных животных, которыми он был окружен. Не зная брака, живя, вероятно, в орде, он был не только дикарем, но обладал слабым интеллектom и еще более слабым нравственным чувством. Возможность его усовершенствования основывалась на силе его страстей, ибо он, повидимому, был всегда храбр, далее, на обладании физически освободившимися руками и на способности к развитию его растущих умственных и нравственных сил. В подтверждение сказанного некоторым свидетельством естественной отсталости первобытного человека служит то обстоятельство, что чем больше мы удаляемся от цивилизованного человека к дикарю, тем меньше становится вместимость черепа и тем сильнее выступают в нем животные признаки. Если бы было возможно встретиться с этим самым ранним представителем нашего вида, нам пришлось бы спуститься гораздо ниже уровня самого отсталого из обитающих теперь на земле дикаря. Наиболее примитивные каменные орудия, встречающиеся в различных местах земли и не употребляемые уже современными дикарями, указывают на крайнюю отсталость человека в тот момент, когда он вышел из своего начального обиталища и в качестве рыболова стал расселяться по континентальным странам.

Этому примитивному дикарю и только ему одному можно приписать промискуитет.

Может быть задан вопрос: имеется ли какое-либо доказательство существования этого раннего состояния? Можно указать в ответ, что кровнородственная семья и малайская система родства предполагают предсуществование промискуитета. Действие его ограничивалось, вероятно, тем периодом, когда люди питались одними плодами и находились в своем первоначальном обиталище, ибо невероятно, чтобы он продолжался после того, как человек стал рыболовом и начал расселяться по земле, питаясь искусственно добытой пищей. Затем должны были образоваться группы кровных родственников, неизбежным образом состоявших в групповом браке, что привело к образованию кровнородственных семей. Во всяком случае эта семья является древнейшей общественной формой прошлого, логически вытекающей из системы родства. Она должна была иметь характер союза нескольких мужчин для совместного прокормления группы и защиты своих общих жен от насилия со стороны общества. С другой стороны, кровнородственная семья носит на себе печать этого предполагаемого предшествующего состояния. Она признавала промискуитет в определенных пределах, далеко не тесных, и ее организация указывает на наличие худшего состояния, которому она поставила известную преграду. Переход от орды, живущей в промискуитете, к кровнородственной семье, хотя и был весьма длительным, не составляет какого-либо промежуточного состояния. Если таковое и существовало, то от него не сохранилось никаких известных нам следов. Решение этого вопроса не имеет, однако, существенного значения. По крайней мере, в настоящий момент достаточно, если мы в кровнородственной семье нашли в глубине периода дикости определенную отправную точку; мы подходим таким образом к познанию самого начального периода первобытного состояния человечества.

Грекам и римлянам были известны племена дикарей и даже варваров, живших, судя по их описаниям, в промискуитете. Среди этих племен были упоминаемые Геродотом аусей Северной Африки¹, упоминаемые Плинием гараманты Эфиопии² и упоминаемые Страбоном кельты Ирландии³. Последний автор повторяет то же самое и об арабах⁴. Невероятно, чтобы в историческое время встречался какой-нибудь народ, живший в состоянии промискуитета, подобно стадным животным. Существование такого народа, сохранившегося со времен детства человечества, представляется немыслимым. Приведенные свидетельства, к которым можно бы прибавить много других, скорее относятся к пуналуальной семье, которая могла казаться постороннему наблюдателю, имевшему ограниченные возможности наблюдения, обладающей именно такими внешними чертами, какие указаны названными авторами. Промискуитет можно вывести теоретически как состояние, которое необходимо должно было предшествовать кровнородственной семье, но он скрыт в туманном прошлом человечества, лежащем за пределами положительного знания.

II. Групповой брак между братьями и сестрами, родными и коллатеральными. — С этой формы брака семья начала свое существование. Это — корень данного учреждения. Малайская система родства служит убедительным свидетельством ее господства в древности. Поскольку установлено существование кровнородственной семьи, остальные формы могут быть объяснены как последовательные производные одно от другого. Эта форма брака дает (III) кровнородственную семью и (IV) малайскую систему родства, что определяет третье и четвертое звено нашего последовательного ряда. Кровнородственная семья принадлежит низшей ступени дикости.

V. Обычай пуналуа. — В австралийских мужских и женских классах, связанных брачными узлами, мы видим пуналуальные группы. У гавайцев мы также встречаем ту же самую группу с соответствующими брачными обычаями. Порядок пуналуа господствовал у отдаленных предков всех человеческих племен, обладающих или обладавших туранской системой родства, так как они могли получить ее только от своих пуналуальных предков. Повидимому, не существует другого объяснения происхождения этой системы. Мы уже обращали внимание на то, что пуналуальная семья включала тех же лиц, которые входили в состав предшествовавшей кровнородственной семьи, за исключением родных братьев и сестер, которые исключались из нее если не всегда на деле, то во всяком случае теоретически. Весьма правдоподобно предположение, что обычай пуналуа входил во всеобщее употребление по мере того, как открывалось его благодетельное влияние. Из пуналуального брака произошла (VI) пуналуальная семья, являющаяся шестым членом ряда. Эта семья возникла, вероятно, на средней ступени дикости.

VII. Родовая организация. — Единственный вопрос, который здесь следует рассмотреть, это — место данного учреждения в нашем последовательном ряду. Пуналуальная группа имеет в австралийских классах широкое и твердое основание. Помимо того, мы находим здесь и родовую организацию. Пуналуальная семья здесь древнее рода, так как она основывалась на классах, предшествовавших родам. Австралийцы имеют также туранскую систему родства, основу для которой дали классы, исключив родных братьев и сестер из пуналуальной группы, связанной браком. Стали рождаться члены классов, которые не могли вступать друг с другом в брак. У гавайцев пуналуальная семья не могла

¹ *ῥῆξιν δὲ ἐπίκοιμον τῶν γυναικῶν πλεόντασιν οὐτε συνοικεῖσθαι κτηνῶν τὰ μιγάμενοι.* — Lib. IV, с. 180. [они вступают в связи с женщинами сообща и соединяются подобно скотам, не зная семейного очага].

² *Garamantes matrimoniorum exsortes passim cum feminis degunt.* — Nat. Hist., lib. V, с. 8. [Гараманты живут с женщинами как придется, не зная брака].

³ *καὶ φανερὸν μίσησθαι ταῖς τε ἄλλαις γυναιξὶ καὶ μητρὶ καὶ ἀδελφῆσιν.* — Lib. IV, с. 5, § 4.

[На глазах у всех они совокупляются с различными женщинами, даже со своими матерями и сестрами].

⁴ Lib. XVI, с. 4, § 25.

создать туранскую систему родства. Родные братья и сестры часто соединялись в одной пуналуальной группе; обычай не препятствовал этому, хотя тенденция к тому существовала. Для того чтобы эта система возникла, необходимы были как пуналуальная семья, так и родовая организация. Отсюда следует, что последняя появилась позднее пуналуальной семьи и произошла из нее. В порядке своего появления эта организация принадлежит средней ступени дикости.

VIII и IX члены уже были в достаточной мере исследованы.

X и XI. Брак отдельных пар и синдиасмическая семья. — После того как человечество вышло из дикости и вступило на низшую ступень варварства, его положение значительно улучшилось. Борьба за цивилизацию больше чем наполовину была выиграна. Тенденция сократить группы находящихся в браке лиц должна была начать сказываться уже к концу периода дикости, так как синдиасмическая семья стала постоянным явлением на низшей ступени варварства. Этот обычай, в силу которого более развитые дикари стали одну из нескольких жен считать главной, с течением времени развился в порядок парования и сделал эту жену спутницей и товарищем мужа по поддержанию семьи. С ростом склонности к сожителству парами возросла и достоверность отцовства. Но муж мог отослать жену, а жена покинуть мужа, при чем каждый из них мог искать себе нового супруга. Далее, муж не признавал со своей стороны обязанностей брачных уз и поэтому не имел права ожидать такого же признания со стороны жены. Старая брачная система, заключенная теперь, в результате постепенного исчезновения пуналуальных групп, в более тесные рамки, все еще окружала развивающуюся семью, которую должна была сопровождать до порога цивилизации. Исчезновение этой системы предшествовало возникновению моногамии. В конце концов она приняла новую форму гетеризма, который до сих пор, даже в эпоху цивилизации, преследует человечество, как тень, омрачающая семью. Различие между пуналуальной и синдиасмической семьями было более велико, чем между этой последней и моногамной. Синдиасмическая семья была моложе рода, который сильно содействовал ее появлению. Что она была переходной стадией от пуналуальной семьи к моногамной, ясно из ее неспособности существенно изменить туранскую систему родства, упразднить которую могла только моногамия. От реки Колумбии до Парагвая семья индейцев была по общему правилу синдиасмической, а в виде исключения в отдельных областях — пуналуальной и, вероятно, нигде не встречалось моногамной семьи.

XII и XIII. Пастушеская жизнь и патриархальная семья. — Выше уже было указано, что полигамия не была существенной чертой этой семьи, выражающей стремление общества к утверждению индивидуальности отдельных лиц. У семитических племен эта семья была организацией слуг и рабов под властью патриарха для ухода за стадами, возделывания земли и взаимной защиты и поддержки. Полигамия имела второстепенное значение. Имея во главе одного мужчину и основываясь на исключительности сожителства, эта семья была прогрессом по сравнению с синдиасмической семьей и ограничено, но она указывает на существование в предшествующий период такого состояния общества, против которого она должна была составить оплот.

XIV. Рост собственности и переход к наследованию по прямой линии. — Независимо от движения, завершившегося патриархальной семьей еврейского и латинского типа, рост собственности, вообще и в ее видах, оказывал постоянное и все увеличивающееся влияние в сторону моногамии. Невозможно преувеличить влияние собственности в истории цивилизации человечества. Это была та сила, которая вывела арийские и семитические нации из варварства в цивилизацию. Идея частной собственности развивалась в человеческом уме сначала слабо, но в конце концов превратилась в доминирую-

щую страсть. Правительство и законы возникали прежде всего для ее создания, охраны и использования. Она ввела рабство как орудие создания богатства и, после опыта нескольких тысячелетий, она же вызвала уничтожение рабства, когда обнаружилось, что свободный работник оказывается лучшей машиной для производства богатства. Свойственная человеческому сердцу жестокость, которую цивилизация и христианство ослабили, но не искоренили, все еще выдает дикое происхождение человека, но оно нигде не проявлялось резче, чем в институте человеческого рабства, державшегося в течение всего исторического периода. С переходом к наследованию имущества детьми собственника впервые появилась возможность строго моногамной семьи. Постепенно, хотя и медленно, эта форма брака, основанная на исключительности сожителства, сделалась скорее правилом, чем исключением; однако постоянным учреждением она стала только после начала цивилизации.

XV. Моногамная семья. — В своей вполне развитой форме эта семья сделала достоверным отцовство, поставила индивидуальную собственность на недвижимое и движимое имущество на место собственности коллективной и исключительное право наследования детей на место наследования агнатов. Современное общество покоится на моногамной семье. Весь предшествующий опыт и прогресс человечества завершается и кристаллизуется в этом влиятельнейшем учреждении. Оно развивалось весьма медленно, и корни его достигают периода дикости; вместе с тем оно является конечным результатом, к которому неуклонно шел весь опыт веков. Несмотря на всю свою современность, моногамная семья представляет собой продукт широкого и разнообразного опыта.

XVI. Арийская, семитическая и уральская системы родства. идентичные по существу, были созданы моногамной семьей. Родственные отношения, выраженные этими системами, — те, которые действительно существуют при этой форме брака и семьи. Система родства представляет собой не произвольное установление, а естественное образование. Она выражает и естественно должна выражать действительные отношения родства, как они представлялись общественному сознанию, когда эта система складывалась. Как арийская система говорит о предсуществовании моногамной семьи, так и туранская предполагает наличие пуналуальной семьи, а малайская — кровнородственно. Содержащиеся в этих системах свидетельства должны быть признаны решающими, так как они не вполне убедительны. Установив существование трех видов брака, трех форм семьи и трех систем родства, мы установили девять из шестнадцати членов вышенамеченного последовательного ряда учреждений. Существование и взаимные отношения остальных членов этого ряда подтверждаются достаточными доказательствами.

Я знаю, что высказанные здесь взгляды расходятся со взглядами, которые пользовались всеобщим признанием в течение многих столетий. Я говорю о гипотезе вырождения человечества, которой пытаются объяснить существование варваров и дикарей, находя, что они стоят физически и умственно значительно ниже уровня, приписываемого предполагаемому первобытному человеку. Гипотеза эта никогда не была научно обоснована фактами. Она опровергается последовательным рядом изобретений и открытий, прогрессивным развитием социальной системы и последовательными формами семьи. Арийские и семитические народы происходят от варварских предков. Возникает вопрос, как могли эти варвары достичь высшей ступени варварства, на которой мы впервые их застаем, не пройдя предварительно средней ступени и не усвоив производств и достижений этой стадии; и далее, как могли они достичь средней ступени, не пройдя сперва низшей? Возникает следующий вопрос: как мог существовать варвар, не быв раньше дикарем? Гипотеза деградации необходимо вызывает и другое предположение, а именно, чем все человеческие расы, кроме арийских и семитических народов, должны считаться ненормальными расами, отклонившимися от своего нормального состояния вследствие вырождения. Правда,

арийская и семитическая нации представляют главные потоки человеческого прогресса, так как они довели его до высшего достигнутого до сих пор предела. Но существуют веские основания предполагать, что до их разделения на арийские и семитические племена они составляли часть недифференцированной массы варваров. Поскольку эти племена сами произошли в прошлом от варварских предков, а в еще более далеком прошлом — от диких предков, различие между «нормальными» и «ненормальными» расами теряет под собой почву.

Далее, намеченная нами последовательность учреждений противоречит также некоторым предположениям тех почтенных ученых, которые в своих умо-заключениях о происхождении общества считали патриархальную семью еврейского и римского типов древнейшей формой семьи и самой ранней организацией общества. Они приписывали таким образом человеческой расе с самого ее детства семью, находящуюся под отцовской властью. Наиболее выдающимся из этих ученых является сэр Генри Мэн, чьи блестящие исследования об источниках древнего права и начальной истории учреждений значительно подвинули вперед наши знания в этой области. Правда, патриархальная семья является самой древней, какую мы знаем, если следовать классическим и семитическим авторам. Но исследование по этим источникам не может проникнуть далее высшей ступени варварства, оставляет незатронутыми по меньшей мере целых четыре этнических периода и не выясняет зависимости между ними. Надо, однако, признать, что данные о начальном состоянии человечества стали известны только недавно и что рассудительные исследователи естественно осторожно подходят к смене старых доктрин новыми.

К несчастью для гипотезы вырождения человечества, изобретения и открытия должны были следовать одно за другим; знакомство с тетивой должно было предшествовать луку и стреле, как знакомство с порохом предшествовало огнестрельному оружию, а паровая машина предшествовала железной дороге и пароходу; точно так же различные производства следовали одно за другим через длинные промежутки времени, и орудия человека были кремневыми и каменными, прежде чем они стали делаться из железа. Подобным же образом и общественные учреждения представляют собой продукт развития примитивных зародышей мысли. Рост, развитие и заимствование должны объяснить их существование у цивилизованных наций. Не менее ясно развитие моногамной семьи из синдиасмической, синдиасмической — из пуналуальной, а этой последней — из еще более древней, кровнородственной семьи. Если в конечном счете нам придется отказаться от убеждения в древности моногамной семьи, то мы познакомимся с ее происхождением, а это имеет тем большее значение, что покажет нам, какую цену человечество дошло до нее.

Древность человечества на земле установлена теперь целым рядом свидетельств, совершенно достаточных для того, чтоб это доказать непредубежденным умам. Существование человеческой расы восходит, несомненно, до ледникового периода в Европе и даже далее, до предшествующего периода. Мы вынуждены теперь признать, что человек существует на земле неизмеримо долгое время. С тех пор как мы убедились, что существование человека обнимает такой долгий период, человеческий ум естественно и вполне законно стремится узнать что-либо о жизни человека в течение последних ста тысяч или более лет. Все это время не могло пройти напрасно. Великие и чудесные достижения человека доказывают противное; но они говорят и о прошествии долгих этнических периодов. Тот факт, что цивилизация наступила так недавно, указывает на те трудности, которые встречал на своем пути прогресс, и свидетельствует о низком уровне, с которого человечество начало свое поприще.

Вышенамеченная последовательность может потребовать изменений, а возможно и существенных изменений в отдельных ее звеньях; она все же дает рациональное и удовлетворительное объяснение фактов человеческого опыта, а равно хода человеческого прогресса в развитии идей семьи и управления у человеческих племен.

ПРИМЕЧАНИЕ

„ПЕРВОБЫТНЫЙ БРАК“ ДЖ. Ф. МАК ЛЕННАНА

Когда настоящие страницы уже печатались, я получил дополненное издание вышеназванной книги. Оно представляет собой перепечатку первого издания с добавлением нескольких статей и носит теперь название „Исследования по древней истории, с перепечаткой Первобытного брака“.

Часть (41 страницу) одной из этих статей, озаглавленной „Классификационная система родства“, Мак Леннан посвящает попытке опровергнуть мое объяснение происхождения классификационной системы, а другую часть (36 страниц) — своему собственному объяснению происхождения этой системы. Первая гипотеза изложена в моем труде „Системы родства и свойства человеческой семьи“ (стр. 479—486). Содержащиеся там фактические данные и их объяснение по существу те же, что и изложенные в предшествующих главах настоящей книги (часть III, главы 2 и 3). „Первобытный брак“ был напечатан впервые в 1865 году, а „Системы родства“ и т. д. — в 1871 году.

Собрав фактические данные, устанавливавшие существование классификационной системы родства, я решился предложить, вместе с соответствующими таблицами, гипотезу, объясняющую происхождение этой системы. Никто не станет отрицать, что гипотезы полезны и часто необходимы для приближения к истине. Ценность решения, изложенного в названном труде и повторенного в настоящем, зависит от того, насколько оно достаточно для объяснения всех сюда относящихся фактов. Пока это решение не вытеснено другим, лучше удовлетворяющим указанному требованию, оно имеет право на признание и согласуется с методом научного исследования.

Мак Леннан выступил с весьма смелой критикой этой гипотезы, он приходит к следующему общему заключению („Исследования“, стр. 371): „Место, которое я посвятил рассмотрению этого решения, может показаться несоответствующим его значению; но, так как труд Моргана вышел в издании Смитсоновского института и был приготовлен с помощью правительства Соединенных Штатов, то он считается работой авторитетной; мне казалось поэтому, что стоит труда показать его крайне ненаучный характер“. Преобладающая часть моего труда занята сухими деталями этих различных систем¹. Остается заключительная глава, занимающая 43 страницы из 590 и посвященная сравнению этих различных систем родства, где и дано наше решение, или гипотеза. Это было первое исследование обширного нового материала, и если бы нападение Мак Леннана ограничилось этой главой, то тогда, пожалуй, не понадобилось бы настоящего разъяснения. Но он направил свою главную атаку против таблиц, отрицая, что содержащиеся в них системы представляют собой системы родства и свойства, и пытается таким образом поколебать мою гипотезу в ее основе.

Позиция Мак Леннана объясняется тем обстоятельством, что эти системы, как системы родства и свойства, противоречат и опровергают основные мнения и теории, выставленные в „Первобытном браке“. Автор „Первобытного брака“, как и следовало ожидать, защищает свои предвзятые мнения.

Как системы кровного родства они: 1) показывают, например, что новые термины Мак Леннана: „экзогамия“ и „эндогамия“ имеют сомнительную ценность, что их действительное значение обратно указанному в „Первобытном браке“ и что „эндогамия“ в весьма малой степени приложима к приведенным в этой работе фактам, тогда как „экзогамия“ представляет собой не что иное, как норму родового права, в качестве каковой и должна трактоваться; 2) опровергают выражение Мак Леннана „родство только через женщин“, показывая, что у одного и того же народа родство через мужчин пользовалось таким же прочным признанием, как и родство через женщин; 3) показывают, что полиандрия наиров и тибетцев никогда не была всеобщим явлением у различных человеческих племен; 4) опровергают, что „похищение женщин“ было необходимо и так широко распространено, как это утверждается в „Первобытном браке“.

Исследование оснований, на которых Мак Леннан строит свое нападение, обнаруживает не только слабость его критики, но и неудовлетворительность теорий, на которых эта критика осно-

¹ Эти таблицы составляют *главнейшие результаты* настоящего исследования. Значение и ценность их содержания выходят далеко за пределы тех возможностей их использования в настоящее время, которые могли быть указаны автором. — *Systems of Consanguinity etc.*, Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII, p. 8.

ывается. Такое исследование приводит к результатам губельным для всего его труда, как это будет ясно из рассмотрения следующих положений:

I. *Что основные термины и теории, выставленные в „Первобытном браке“, не имеют ценности для этнологии.*

II. *Что гипотеза Мак Леннана о происхождении классификационной системы родства не объясняет ее происхождения.*

III. *Что возражения Мак Леннана против гипотезы изложенной в „Системах родства“, не основательны.*

Рассмотрим эти положения в том же порядке.

I. *Что основные термины и теории, выставленные в „Первобытном браке“, не имеют ценности для этнологии.*

Когда эта работа появилась, она была принята этнологами благосклонно, так как представляла собой теоретическое исследование ряда вопросов, над которыми они уже долгое время работали. Внимательное чтение этой книги обнаруживало, однако, неудовлетворительные определения, необоснованные утверждения, незрелые теории и ошибочные выводы. Герберт Спенсер в своих „Приципах социологии“¹ указал на ряд таких недочетов. Одновременно он отвергает большую часть теорий Мак Леннана относительно „убийства девочек“, „похищения женщин“, „экзогамии“ и „эндогамии“. Трудно сказать, что после этого остается от этой работы, помимо содержащейся здесь компиляции кое-каких этнологических фактов.

Достаточно будет по данному разделу рассмотреть три пункта.

A. *Употребление Мак Леннаном терминов „экзогамия“ и „эндогамия“.*

„Экзогамия“ и „эндогамия“—термины, изобретенные самим Мак Леннаном—обозначают обязанность вступать в брак в первом случае „вне“, во втором—„в пределах“ оцределенной группы лиц.

Мак Леннан применяет эти термины к организованным группам, которые он находит у цитируемых им авторов, так неопределенно и неточно, что как его термины, так и его выводы имеют небольшое значение. Основной недостаток „Первобытного брака“ состоит в том, что *род* и *племя*, или группы, которые они собой представляют, не различаются друг от друга в качестве различных звеньев органического ряда, чтобы можно было знать, какой именно группе приписывается „экзогамия“ и „эндогамия“. Например, один из восьми родов данного племени может быть „экзогамен“ по отношению к самому себе и „эндогамен“ по отношению к остальным семи родам. Более того, точное применение этих терминов в подобном случае приводит к заблуждению. Мак Леннану „кажется“, что он открыл здесь „два великих принципа“, представляющие два различные общественные состояния и оказавшие большое влияние на историю человечества. В действительности, тогда как „эндогамия“ имеет весьма мало отношения к общественному состоянию, о котором идет речь в „Первобытном браке“, „экзогамия“ относится к правилам или к праву рода, *учреждения*, представляющего собой единицу организации социальной системы. Именно род оказывал влияние на историю человечества и играл первенствующую роль. Отсюда возникает задача исследовать его функции и атрибуты, равно как права, привилегии и обязанности его членов. Эти существенные обстоятельства Мак Леннан оставляет без внимания, не имея, повидимому, ни малейшего представления о роде как основном учреждении древнего общества. Два главных закона рода состоят в следующем: 1) *Брак в пределах рода запрещен*. Это и есть „экзогамия“ Мак Леннана, ограниченная, как это всегда бывает, родом, между тем как Мак Леннаном она толкуется без всякого отношения к роду. 2) В архаической форме рода *происхождение считается только по женской линии*: это и представляет собой то, что Мак Леннан называет „родством только через женщин“; данное явление описывается им также без малейшего упоминания о роде.

Пойдем дальше. Мак Леннан дает семь определений „племенной системы“ и „племени“ „Исследования“, стр. 113—115).

„Чистая экзогамия. 1-я племенная (или семейная) система.—*Разрозненные племена*. Все члены племени—одной крови или считают себя таковыми. Брак между членами одного племени запрещен.

2-я племенная система.—*Племя представляет собой конгломерат семейных групп* и распадается на *подразделения, кланы, тумы* и т. д. Брак между членами одного и того же подразделения не допускается; брак возможен между всеми подразделениями.

¹ Advance sheets,—Popular Science Monthly, Jan. 1877, p. 272

3-я племенная система.—*Племя представляет собой конгломерат семейных групп*. . . Брак между лицами, фамильные имена которых указывают на их общее происхождение, запрещен.

4-я племенная система.—*Племя распадается на подразделения*. Брак между членами одного и того же подразделения запрещен; брак допускается между некоторыми из этих подразделений и частично допускается между другими подразделениями. . .

5-я племенная система.—*Племя распадается на подразделения*. Брак не допускается между лицами общего происхождения; брак между одним подразделением и каким-либо другим. Брак между членами некоторых подразделений запрещен. Касты.

Чистая эндогамия. 6-я племенная (или семейная) система.—*Разрозненные племена*. Все члены одного племени—одной крови или считают себя таковыми. Брак между членами племени; брак вне племени воспрещен и наказуем.

7-я племенная система—не отчетлива. . . * (Курсив везде мой).

Семь определенных племенной системы должны бы характеризовать группу, называемую племенем, достаточно ясно, чтобы ее можно было распознать.

Между тем уже первое определение приводит нас в недоумение. В племенную систему входит несколько племен, но для агрегата племен нет особого термина. Они, очевидно, не составляют единого целого. Непонятно, каким образом эти разрозненные племена образуют одну племенную систему или чем они скрепляются. Все члены каждого племени—одной крови или считают себя таковыми и поэтому не могут вступать друг с другом в брак. Это соответствовало бы *роду*, но род никогда не встречается изолированно, без связи с другими родами. В каждом племени, состоящем из родов, имеется несколько родов, связанных брачными отношениями. Но Мак Леннан не мог считать здесь племя равнозначным роду, равно как и конгломерату семейных групп. Обособленные группы кровных родственников, соединенные в племенную систему, без определения этих групп и без объяснения этой системы, это—нечто совершенно новое. К тому же сводится и 6-е определение. Нельзя себе представить, чтобы когда-нибудь и где-нибудь существовало племя, отвечающее которому-нибудь из этих обих определений, ибо это не род и не состоящее из родов племя и не образовавшаяся путем слияния племен нация.

Несколько понятнее определения 2, 3, 4 и 5. Каждое из них показывает племя, состоящее из родов или подразделений, основанных на родстве. Но это скорее родовая, чем племенная система. Так как брак между членами различных кланов, тумов или подразделений одного племени дозволен, то ни в коем случае не может быть речи об „экзогамии“ племени. Клан, тум или подразделение „экзогамны“ по отношению к самим себе, но „эндогамны“ по отношению к другим кланам, тумам или подразделениям. В некоторых случаях существуют особые ограничения.

Когда Мак Леннан применяет термины „экзогамия“ или „эндогамия“ к племени, то как узнать, идет ли речь об одном из ряда отдельных племен племенной системы,—что бы это ни означало,—или о племени, которое он определяет как конгломерат семейных групп? На следующей странице (116) он замечает: „Отдельные эндогамные племена почти так же многочисленны и в некоторых отношениях так же первобытны, как и отдельные экзогамные племена“. Если он называет племенем конгломерат семейных групп, что представляет собой племя, состоящее из родов, то приписывать племени „экзогамию“ нельзя. Нет ни малейшего вероятия, чтобы когда-нибудь и где-нибудь у племени состоящего из родов, существовала „экзогамия“. Где бы ни встречалась родовая организация, брак в пределах рода всегда воспрещен. Это и есть то, что Мак Леннан называет „экзогамией“. Но, по такому же всеобщему закону, брак между членами данного рода и членами всех других родов того же племени дозволен. Род—„экзогамен“, племя же—чисто „эндогамно“. В этих случаях, если не в других, важно знать, какую группу обозначает слово „племя“. Возьмем другой пример (стр. 42): „Если можно показать, во-первых, что экзогамные племена существуют или существовали и, во-вторых, что в первобытные времена разрозненные племена находились всегда или почти всегда во враждебных отношениях, то мы нашли ряд обстоятельств, при которых мужчины могли добыть женщин только путем похищения“. Мы имеем здесь исходный пункт макленнановской теории похищения женщины. Для того чтобы получить этот ряд обстоятельств (а именно враждебные и, следовательно, разрозненные племена), под племенем следует понимать большую группу, племя, состоящее из родов. Ибо члены различных родов одного племени смешаны вследствие брака в каждой семье и разбросаны по всей территории, занимаемой племенем. Поэтому во враждебных отношениях должны находиться или все роды, или ни один. Если термин *племя* применяется к меньшей группе, роду, то род „экзогамен“, а племя в каждом данном случае на семь восьмых „эндогамно“. Что же тогда с „рядом обстоятельств“, заставляющим похищать женщин?

Главные примеры, приводимые в „Первобытном браке“ для доказательства „экзогамии“, относятся к хондам, калмыкам, черкесам, юракам-самоедам, некоторым племенам Индии и Австралии и нескольким индейским племенам Америки, в том числе ирокезам (стр. 75—100). Американские племена состоят обычно из родов. Мужчина не может жениться на женщине своего рода, но может взять жену в любом другом роде своего племени. Например, мужчина из рода Волк племени сенека-ирокезов не может взять в жены женщину того же рода не только в племени сенека, но и во всех остальных пяти ирокезских племенах. Здесь мы имеем „экзогамию“ Мак Леннана, но ограниченную, как всегда, родом, к которому принадлежит данное лицо. Однако мужчина может взять жену в каждом из остальных семи родов сенека. Здесь мы имеем „эндогамию“ в племени, которой придерживаются члены каждого рода по отношению к семи остальным родам сенека. Оба порялка существуют одновременно бок о бок в одном и том же племени и существовали таким образом с незапамятных времен. То же относится и ко всем вообще американским индейцам. Тем не менее Мак Леннан указывает на них как на „экзогамные племена“ и присоединяет их к доказательствам своих теорий.

Что касается „эндогамии“, то Мак Леннан, вероятно, воздержался бы от употребления этого термина в вышеприведенном случае: во-первых, потому что „экзогамия“ и „эндогамия“ не выступают здесь в качестве двух противоположных принципов, как они существуют в его воображении, а во-вторых, потому что в действительности здесь следует отметить один только факт, именно—что *брак в пределах рода воспрещен*. Американские индейцы вообще могут свободно вступать в брак в пределах собственного или чужого племени, но только не в своем роде. Мак Леннан мог привести только один отчетливый пример „эндогамии“, а именно у манчжурских татар (стр. 116), у которых „брак запрещен между лицами, носящими различные семейные имена“. Лишь несколько подобных же случаев было обнаружено у других современных племен.

Если бы мы исследовали организации, например, юраков-самоедов Сибири (стр. 82), магаров Непала (стр. 83), муниепори, купу, мовов, мурамов и муррингов Индии (стр. 87) на основании непосредственных источников, то, весьма вероятно, мы бы нашли, что эти организации совершенно аналогичны ирокезским и что „подразделения“ и „тумы“ представляют собой роды. Латам, говоря об юракской или касовской группе самоедов, приводит следующую цитату из Клапрота: „Это разделение по родству соблюдается так строго, что ни один самоед не возьмет жены из той родственной группы, к которой он сам принадлежит. Напротив, он выбирает себе жену в одной из двух других групп“¹. Тот же автор говорит о магарах: „У них имеется двенадцать тумов. Все принадлежащие к одному туму считаются потомками одного родоначальника, при чем происхождение от одной матери отнюдь не необходимо. Муж и жена должны принадлежать к различным тумам. В пределах одного и того же тумы брак не дозволен. Вы желаете жениться? Тогда ищите в соседнем туме, во всяком случае вне своего собственного. Здесь мне в первый раз случается упоминать об этом порядке. Но этот случай не будет последним: напротив, принцип, о котором говорит этот обычай, настолько распространен, что может считаться почти всеобщим“². Мурринги и другие племена Индии состоят из подразделений и держатся того же брачного порядка. В данных случаях мы имеем, вероятно, племена, состоящие из родов, при чем брак в пределах рода запрещен. Каждый род „экзогамен“ по отношению к самому себе и „эндогамен“ по отношению к остальным родам племени. Однако эти случаи приводятся Мак Леннаном в качестве *примеров „экзогамных“ племен*. Главные австралийские племена, как известно, имеют родовую организацию, при чем брак в пределах рода воспрещен. И здесь род—„экзогамен“, а племя—„экдогамно“.

Если род „экзогамен“ по отношению к самому себе и „эндогамен“ по отношению к остальным родам того же племени, то какой смысл в этих двух терминах, обозначающих то, что представляет собой только один факт—запрещение брака в пределах рода? В качестве двух терминов, претендующих на то, чтобы представить или выразить два противоположных общественных состояния, „экзогамия“ и „эндогамия“ не имеют значения. Они не имеют применения к американской этнологии, а вероятно, и к азиатской и европейской. Термин „экзогамия“ один и в применении к небольшой группе (роду), к которой только он и может относиться, еще допустим. В Америке не существует „экзогамных“ племен, но имеется сколько угодно „экзогамных“ родов; но когда мы встречаемся с родом, мы имеем дело с его законами и должны говорить о них именно как о законах рода. Мак Леннан нашел „экзогамные“ клан, тум, подразделение и „эндогамный“ агрегат кла-

¹ Descriptive Ethnology, Lond. ed., 1859, I, 475.

² *Ib.*, I, 80.

нов, тумов, подразделений; но он ничего не говорит об „эндогамии“. Он не говорит также, что клан, подразделение или тум—„экзогамны“, но что племя — „экзогамно“. Можно было бы предположить, что он употребляет слово *племя* в качестве синонима клана, тумы и подразделения; но тогда мы встречаем затруднения в том, что он определяет племя как „конгломерат семейных групп, распадающийся на подразделения, кланы, тумы и т. д.“ (стр. 114), и непосредственно после этого (стр. 116) замечает, что „отдельные эндогамные племена почти так же многочисленны и в некоторых отношениях так же первобытны, как и отдельные „экзогамные племена“. Если взять основные определения Мак Леннана, то можно утверждать, не опасаясь возражений, что он не привел ни одного примера „экзогамного“ племени во всей своей книге.

Существует и другое возражение против обоих этих терминов. Они противопоставляются один другому для обозначения противоположных и различных общественных состояний. Какое из них более примитивно и какое более развитое? Здесь Мак Леннан прячется за множество оговорок. „Они могут представлять прогресс от экзогамии к эндогамии или от эндогамии к экзогамии“ (стр. 115); „они могут быть в одинаковой мере архаичными“ (стр. 116) и „в некоторых отношениях“ они одинаково первобытны (стр. 116); однако к концу исследования „эндогамия“ поднимается вверх и ведет к цивилизации, тогда как „экзогамия“ спускается вниз по направлению к дикости. К воззрениям Мак Леннана всего более подходит представление, что „экзогамия“ внесла в племя чуждые элементы, которые „эндогамия“ устранила, чтобы восстановить однородность, так что в конечном счете „эндогамия“ стоит выше „экзогамии“, оказывая прогрессивное влияние.

Одна из ошибок Мак Леннана состоит в том, что он свои термины применяет в обратной последовательности. То, что он называет „эндогамией“, предшествует „экзогамии“ в ходе человеческого прогресса и принадлежит самому низкому состоянию человечества. Если мы возвратимся к тому времени, когда складывалась малайская система родства, предшествующая роду, мы найдем группы кровных родственников, связанных брачными отношениями. Система родства указывает как на наличие, так и на характер этих групп и обнаруживает „эндогамию“ в ее исконной силе. Идя далее от этого состояния, мы находим, что первым препятствием „эндогамии“ была пуналуальная группа, которая стремилась исключить родных братьев и сестер из брачного общения, оставляя в нем двоюродных братьев и сестер первой, второй и более отдаленных степеней, попрежнему называвшихся братьями и сестрами. Точно то же самое мы находим в австралийской организации на основе различия полов. Вслед затем появился род со счетом происхождения по женской линии и с воспрещением брака в его пределах. Тогда возникла и мак-леннановская „экзогамия“. Можно считать, что с этого времени „эндогамия“ перестает оказывать влияние на человеческие отношения.

По Мак Леннаму, „экзогамия“ приходит в упадок в прогрессирующих обществах, а когда счет происхождения перешел в мужскую линию, она совершенно исчезла у греческих и римских племен (стр. 200). На самом деле, то, что он называет „экзогамией“, возникло в периоде дикости вместе с возникновением рода, продолжало существовать в течение периода варварства и сохранилось до эпохи цивилизации. Она существовала в таком же полном виде в греческих и римских родах времен Солона и Сервия Туллия, в каком существует и теперь в родах ирокезов. Термины „экзогамия“ и „эндогамия“ так основательно испорчены их неправильным употреблением в „Первобытном браке“, что самое лучшее употребление, какое можно из них сделать, это—совершенно их отбросить.

В. Выражение Мак Леннана: „система родства только через женщин“.

Это выражение играет в „Первобытном браке“ большую роль. В нем заключается утверждение, что эта форма родства, где она господствовала, была единственным признаваемым родством. Это—очевидное заблуждение. Туранская, ганованская и малайская системы родства показывают ясно и убедительно, что родство через мужчин признавалось столь же твердо, как и родство через женщин. Мужчина имел братьев и сестер, дедов и бабок, внуков и внучек как по мужской, так и по женской линии. Материнство было совершенно достоверным, тогда как этого нельзя сказать об отцовстве; но из-за этого родство по мужской линии не отбрасывалось, а лишь сомнение заставляло включить в данный круг большое число лиц и возможные отцы были помещены в категорию действительных отцов, возможные братья—в категорию действительных братьев и возможные сыновья—действительных сыновей.

С появлением рода родство через женщин приобрело возросшее значение, так как указывало теперь на *родство по роду* в отличие от *неродового* родства. Это и было в большинстве случаев то родство, с которым Мак Леннан познакомился при посредстве цитируемых им авторов. Дети

членов рода мужчин исключились. Каждый член рода вел свое происхождение только через женщин, когда происхождение считалось по женской линии, и только через мужчин, когда происхождение считалось по мужской линии. Члены рода были организованной группой кровных родственников, носящих общее родовое имя. Они были связаны узами крови и взаимными правами, привилегиями и обязанностями. *Родство по роду* стало в обоих случаях выше *иного родства*; не потому, что иное родство не признавалось, но потому, что оно давало права и привилегии рода. То обстоятельство, что Мак Леннан не нашел этого различия, показывает, что он недостаточно исследовал свой предмет. При счете происхождения по женской линии деды и бабушки, матери, братья и сестры, дяди, племянники и племянницы, внуки и внучки, как родные, так и коллатеральные, каждого мужчины находились в его роде. Тех же самых родственников, за исключением дядей и с добавлением отцов, теток, сыновей, дочерей и двоюродных братьев и сестер, он имел и вне своего рода. Женщина имела в своем роде тех же родственников, что и мужчина, с добавлением сыновей и дочерей, и тех же родственников, что и мужчина—вне рода. Брат всегда признавался и назывался братом, отец—отцом, сын—сыном, без различия, находились ли они в роде или вне его, и тот же самый термин относился к тем и другим безразлично. Происхождение по женской линии—вот все, что может означать „родство через женщин“, а это представляет собой, очевидно, закон рода и ничего более. Таким оно и должно изображаться, ибо первичным фактом является род, а родство по роду составляет один из его атрибутов.

До возникновения родовой организации родство по женщинам было, несомненно, выше родства по мужчинам и было, несомненно, главным основанием, на котором были организованы низшие племенные группы. Но большая часть разбираемых в „Первобытном браке“ фактов имеет малое отношение или вовсе не имеет отношения к общественному состоянию, предшествовавшему родовой системе.

С. Мы не имеем свидетельств того, чтобы полиандрия наиров и тибетцев имела вообще распространение.

Эти формы полиандрии фигурируют в рассуждениях Мак Леннана в качестве универсально распространенных. Он пользуется ими в своей попытке объяснить происхождение классификационной системы родства. Наирскую полиандрию мы находим там, где несколько не находящихся в родстве лиц имеют сообща одну жену (стр. 146). Это—наиболее первобытная форма. Тибетская полиандрия состоит в том, что несколько братьев имеют сообща одну жену. Затем Мак Леннан дает беглый обзор различных человеческих племен, чтобы показать всеобщее распространение одной или другой из этих форм полиандрии, но совершенно не доказывает их действительного распространения. Мак Леннан, повидимому, не заметил того, что эти формы полиандрии составляют исключение и даже в горах Нилагири или в Тибете не могли получить широкого распространения. Если бы в среднем каждые трое мужчин имели одну жену сообща (у наиров пределом было двенадцать мужей у одной жены, стр. 147) и если бы это было распространено во всем племени, то две трети женщин брачного возраста оставались бы без мужей. Можно спокойно утверждать, что подобного положения вообще никогда не существовало у человеческих племен, а без более основательных доказательств его нельзя допустить и для гор Нилагири и для Тибета. О полиандрии наиров мы имеем недостаточные данные. „Наир мог участвовать в различных группах мужей, т. е. он мог иметь сколько угодно жен“ (стр. 148). Но это не снабдило бы незамужних женщин мужьями, а лишь увеличило бы число мужей одной женщины. Нельзя преувеличивать значение убийства девочек для того, чтобы установить широкое господство этих форм полиандрии. И точно так же нельзя утверждать, что они имели широкое влияние в истории.

Напротив, малайская, туранская и ганованская системы родства и свойства обнаруживают формы полигинии и полиандрии, имевшие влияние в истории, так как они были так же широко распространены, как и эти системы, когда последние возникли. В малайской системе родства мы находим свидетельство существования кровнородственных групп, основанных на браке между братьями и сестрами, включающих в группу и коллатеральных братьев и сестер. Мужчины жили здесь в полигинии, а женщины в полиандрии. В туранской и ганованской системе мы находим свидетельство существования более развитой группы, пуналуальной, в ее двух формах. Одна была основана на том, что мужья были братьями, а другая—на том, что жены были сестрами, при чем родные братья и сестры были теперь исключены из брачных отношений. В каждой группе мужчины жили в полигинии, а женщины в полиандрии. Обе эти формы существовали в одной группе, и обе они необходимы для объяснения соответствующей системы родства. Эта система родства и свойства предполагает существование группового пуналуального брака. Эта и малайская системы указывают

на те формы полигинии и полнандрии, которыми должна интересоваться этнография, между тем наирская и тибетская формы полиандрии не только не достаточны для объяснения этих систем, но и не имеют общего значения.

Системы родства и свойства, изложенные в моих таблицах, произвели среди выставленных в „Первобытном браке“ теорий и мнений такой разгром, что я вынужден именно этому факту приписать мак-леннановскую атаку моей гипотезы, объясняющей происхождение этих систем, а равно и попытку выставить вместо моей гипотезы другую, вместе с отрицанием того, что они представляют собой системы родства и свойства.

II. *Что гипотеза Мак Леннана о происхождении классификационной системы родства не объясняет ее происхождения.*

Мак Леннан выставляет утверждение (стр. 372), что „явления, выраженные во всех этих формах [классификационной системы], в конечном счете относятся к брачному праву и что, следовательно, то же самое надо сказать и об ее происхождении“. Это составляет основу моего объяснения и лишь частично принадлежит ему.

Брачное право, которым он пытается объяснить происхождение малайской системы, он находит в полиандрии наиров, а брачное право, которым он пытается объяснить происхождение туранской и ганованской систем, это — полиандрия тибетцев. Но у него нет ни наирской, ни тибетской системы родства и свойства, при помощи которой он мог бы доказать или проверить свою гипотезу. При таких условиях он начинает без всякого материала о наирах и тибетцах и исходит из форм брачного права, никогда не существовавших у племен и наций, имеющих классификационную систему родства. Мы таким образом с самого начала находим, что его объяснение представляет собой не что иное, как необоснованную спекуляцию.

Мак Леннан отрицает, что приведенные в таблицах системы („Системы родства“, стр. 298—382, 523—567) являются в действительности системами родства и свойства. Он утверждает, напротив, что все они представляют собой „систему форм обращения к разным лицам“. Он выражается несколько двусмысленно, но смысл его слов именно таков. В своем труде о родстве я указал на тот факт, что американские индейцы как в семейных отношениях, так и при официальных приветствиях обращались друг к другу с точным названием родства, в котором они находились, но никогда не с собственными именами, и что тот же порядок господствовал в Южной Индии и в Китае. Они пользуются этой системой при взаимных приветствиях потому, что это — система родства и свойства, это — главная причина. Мак Леннан желает нас уверить, что эти всеобъемлющие системы были чисто условными и созданы только для того, чтобы люди могли обращаться друг к другу с приветствием, и больше ни для чего. Это — хороший способ разделиться с этими системами и отбросить важнейший существующий памятник начального состояния человечества.

Мак Леннан представляет себе, что когда-нибудь должна была существовать система родства, совершенно независимая от системы обращений: „можно, повидимому, считать,—говорит он (стр. 373),—что система кровных уз и система обращений начали развиваться вместе и в течение недолгого времени имели общую историю“. Система кровных уз есть система родства. Где же в таком случае эта утраченная система? Об этом Мак Леннан не говорит, не доказывая в то же время и ее существования. Но я нахожу, что он пользуется системами, изображенными в моих таблицах, как системами родства и свойства постольку, поскольку они служат его гипотезе, не потрудившись изменить свое утверждение, что они представляют собой просто „формы обращения“ к разным лицам.

Чтобы дикие варварские племена во всем мире и в течение бесконечных веков так усердно заботились о правильном способе обращения к родственникам и создали малайскую, туранскую и ганованскую системы во всей их полноте и сложности единственно с этой целью и ни с какой другой, и только эти две системы; чтобы эти народы в Азии, Африке, Полинезии и Америке согласились называть, например, брата деда данного лица дедом, а старшего и младшего братьев — старшим и младшим братом, и все это только с целью создать условную систему обращения к родственникам,—такие совпадения настолько удивительны и обусловлены такими ничтожными причинами, что вполне достаточно, чтобы хотя бы сам автор этой блестящей идеи верил в нее.

Система форм обращений к разным лицам должна была быть недолговечной, ибо все условные обычаи недолговечны. Эти обращения естественно должны были быть столь различными, как и человеческие расы. Совершенно иное дело с системами родства. Виды родства возникли из семьи и брачного права и обладают даже большим постоянством, чем семья, которая развивается в то время, когда система родства остается без изменения. Эти виды родства выражали действительные

факты социального состояния в то время, когда эта система складывалась, и имели большое значение в жизни человечества. Единообразие этих систем на громадном пространстве и сохранение их в течение неизмеримых периодов времени являются следствием их связи с брачным правом.

Можно себе представить, что когда малайская система родства складывалась, мать могла понять, что ее родные сын и дочь находятся с ней в определенном родстве, которое могло быть выражено соответствующими терминами; что ее мать и бабка находились к ней в определенном ином родстве; что другие дети ее родной матери находятся с ней опять-таки в иных родственных отношениях; и что еще иные родственные отношения существуют между нею и детьми ее родной дочери; все эти отношения могли быть выражены соответствующими терминами. Так должна была возникнуть система родства, основанная на очевидной кровной связи. Это положило основание пяти категориям родственников малайской системы, при чем без всякого отношения к брачному праву.

Когда появились групповой брак и кровнородственная семья, о которых свидетельствует малайская система, данная система должна была распространиться на эту группу, исходя из этих основных категорий. При групповом браке между братьями и сестрами, родными и коллатеральными, протекающая отсюда система родства и свойства должна была быть малайской. Всякая гипотеза, предлагаемая для объяснения происхождения малайской системы, должна рушиться, если она не обращает внимания на эти факты. Подобная форма брака и семьи должна была создать малайскую систему. Она должна была с самого начала быть системой родства и свойства, и только как таковая она объяснима.

Если эти взгляды правильны, то нет необходимости разбирать отдельные пункты гипотезы Мак Леннана, которая слишком темна для философского рассуждения и совершенно неспособна дать объяснение происхождения этих систем.

III. *Что возражения Мак Леннана против гипотезы, изложенной в „Системе родства, не основательны“.*

То же самое непонимание фактов и та же самая путаница идей, которые присущи его предшествующей статье, проявляются и здесь. Он не различает родства по крови и по браку, если то и другое существуют между одними и теми же лицами, и путает виды родства разных систем.

Нет надобности следить шаг за шагом за возражениями Мак Леннана против нашей гипотезы: некоторые из них имеют чисто словесный характер, другие основаны на искажениях и ни одно из них не касается сущности вопроса. Относительно первого положения, которое он пытается опровергнуть, он говорит: „Малайская система родства есть система кровного родства. Морган *принимает* это и ничего не говорит о тех затруднениях, с которыми это предположение встречается“ (стр. 342). В действительности это—частью система кровного родства, частью система свойства. Это совершенно очевидно. Таблицы, которые были перед Мак Леннаном, выражают родство отца и матери, брата и сестры, старших и младших, отца и дочери, дяди и тетки, племянника и племянницы, двоюродных брата и сестры, деда и бабки, внука и внучки, а равно свойство свояка и свояченицы, зятя и невестки и проч. Эти системы говорят сами за себя и не могут сказать ничего другого кроме того, что они являются системами родства и свойства. Не думает ли Мак Леннан, что указанные племена имели другую, отличающуюся от представленной в таблицах систему родства? В таком случае он был обязан изложить ее или установить факт ее существования. Но он не сделал ни того, ни другого.

Следует рассмотреть два или три его частных возражения. „Действительно,—говорит он (стр. 346),—если мужчина называется сыном женщины, которая его не родила, то факт, что он так называется, совсем не объясняется по признаку естественного происхождения. Предполагаемое родство в этом случае не то, которое существует в действительности, насколько вообще отцовство людей могло быть известно; следовательно, утверждение Моргана не доказано“. В этом утверждении вопрос идет не о родстве, а о свойстве. Мужчина называет сестру своей матери своей матерью, а она называет его своим сыном, хотя она его не родила. Так в малайской, туранской и ганованской системах. Как при кровнородственном, так и при пунадуальном браке: сестра матери данного мужчины является женой его предполагаемого отца. Насколько можно найти аналогию в нашей системе родства, сестру матери можно бы назвать его мачехой; и у нас мачеха называется матерью и называет своего пасынка сыном. Справедливо, что это родство необъяснимо как кровное родство, каковым оно и не думает быть; это—свойство и как таковое

оно и толкуется. Рассуждения Мак Леннана столь же поверхностны и ошибочны в ряде других случаев.

„Другая ошибка, или скорее заблуждение, состоит в том, что он слишком легко допускает, что эта система представляет собой систему кровных уз“ (стр. 361). Здесь нет никакого заблуждения, так как указанные в таблицах лица происходят от общих предков или связаны браком с одним или несколькими лицами, входящими в систему. Это те же лица, которых мы встречаем в таблицах арийской, семитической и уральской систем („Система родства“, стр. 79—127). В каждой из этих систем входящие в ее состав лица в действительности связаны друг с другом родством и свойством. В арийской, семитической и уральской системах каждое родство обозначается особо, в малайской, туранской и ганованской виды родства распределены по категориям; но конечная основа во всех этих системах одинакова, а именно—действительное кровное родство и свойство. Различие между ними дало групповой брак в первой и брак отдельных пар в последней. Малайская, туранская и ганованская системы имеют прочную основу для кровного родства в общем происхождении обнимаемых ими лиц; а для отношений свойства мы должны искать форму брака, на которую они указывают. Исследование и сравнение показывают, что для объяснения малайской и туранской систем необходимы две различные формы брака; отсюда необходимо искать соответствующих показателей в одном случае — в кровнородственном, в другом — в пунадуальном браке.

Если термины родства постоянно употребляются при обращении, то это происходит именно потому, что они— термины родства. Попытка Мак Леннана превратить их в условные формы обращения необоснована. Хотя он придает большое значение этому взгляду, он не пользуется ими как „формами обращения“ при попытке объяснить их происхождение. Поскольку он пользуется ими, он употребляет их исключительно в качестве терминов родства и свойства. Столь же невозможно, чтобы „система форм обращения к разным лицам“ развивалась независимо от системы родства и свойства (стр. 373), как невозможно, чтобы язык развивался независимо от понятий, которые он представляет и выражает. Что могло бы придать этим терминам, употребляемым при обращениях к родственникам, их значение, если не отношения родства, кровного или по свойству, которые они обозначают? Одна потребность в формах обращения никогда не могла бы создать столь замечательные системы, известные в малейших деталях на громадных пространствах земного шара.

Что касается по существу различия между мак-леннановским объяснением происхождения классификационной системы и объяснением, данным в этой книге, иными словами, представляет ли она собой *систему форм обращения* или *систему родства и свойства*, то этот вопрос я с готовностью отдаю на суд читателя.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОБСТВЕННОСТИ

Глава первая

ТРИ ПОРЯДКА НАСЛЕДОВАНИЯ

Собственность в периоде дикости. — Медленный ход прогресса. — Первый порядок наследования. — Имущество распределяется между родичами. — Собственность на низшей ступени варварства. — Зачаток второго порядка наследования. — Распределение среди агнатических родственников. — Улучшение характера человека. — Собственность на средней ступени варварства. — Порядок наследования в этом периоде недостаточно выяснен. — Вероятно, наследовали агнаты.

Нам осталось еще рассмотреть развитие собственности в различные этнические периоды, порядки возникшие в связи с владением и наследованием и влияние собственности на древнее общество.

Самые ранние идеи собственности были тесно связаны с добычей средств существования, что составляло первую потребность человека. Число объектов частной собственности естественно возрастало в каждом последующем этническом периоде по мере увеличения количества тех производств, от которых зависели средства существования. Развитие частной собственности идет таким образом рядом с прогрессом изобретений и открытий. Каждый этнический период обнаруживает заметный прогресс по сравнению с предшествующим не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, явившейся результатом этих изобретений. Множественность форм собственности сопровождалась возникновением определенных положений, касающихся владения и наследования. Обычай, на которых основываются эти нормы владения и наследования имущества, определяются и изменяются состоянием и развитием социальной организации. Таким образом развитие собственности тесно связано с увеличением числа изобретений и открытий и с усовершенствованием социальных учреждений; все это характеризует различные этнические периоды человеческого прогресса.

1. Частная собственность в периоде дикости.

Трудно во всех отношениях составить себе представление о состоянии человечества в тот ранний период его существования, когда оно было еще лишено всего того, что приобрело путем изобретений и открытий и благодаря развитию идей, воплощенных в учреждениях, порядках и обычаях. Прогресс человека из этого состояния полной невежественности и неопытности протекал медленно, но в геометрической прогрессии. Путем цепи связанных между собой умозаключений мы можем перенестись в то время, когда, не зная огня, не владея членораздельной речью и не имея искусственных орудий, люди питались, подобно диким животным, дикорастущими плодами земли. Медленно, почти незаметно, подвигались они вперед в периоде дикости; от языка жестов и несовершенных звуков

к членораздельной речи; от дубины, этого первого оружия, к копыю с кремневым наконечником, а в конечном счете — к луку и стреле; от кремневых ножа и долота к каменным топору и молотку; от ивовой и тростниковой корзины к корзине, обмазанной глиной, которая дала сосуд для варки пищи на огне, и, наконец, к гончарному производству, доставившему сосуд, способный выдерживать действие огня. По части средств пропитания человек прогрессировал от дикорастущих плодов в ограниченном месте его обитания к рыбе и раковинам на берегах моря и, наконец, к мучнистым жорням и дичи. Изготовление веревок и шнурков из волокон коры, выделывание рода ткани из растительной массы, дубление кож для одежды и покрывания палаток и, наконец, постройка домов из бревен, крытых корой, или из досок, расколотых каменными топорами, — все это вместе с помянутыми выше изобретениями принадлежит периоду дикости. Среди изобретений, имевших меньшее значение, можно упомянуть бурав для добычания огня, мокасины и лыжи.

Перед концом этого периода люди научились находить себе пропитание, живя, сравнительно с первобытным временем, большими группами; они распространились по лицу земли и овладели всеми благоприятными для человеческого развития возможностями всех материков. В области социальной организации они перешли от кровнородственной орды к племенам, организованным в роды, и таким образом приобрели зачатки главнейших органов управления. Человеческая раса успешно вступила теперь на свой великий путь к цивилизации, достижение которой уже тогда, с изобретением членораздельной речи, с открытием гончарного производства и с учреждением родов, было в основе обеспечено.

Период дикости внес громадные изменения в состояние человечества. Передовая часть его окончательно организовала родовое общество и образовала небольшие племена, жившие в разбросанных селениях, что стимулировало способность к изобретениям. Их первобытная энергия и неразвитые производства были посвящены главным образом средствам существования. Они не дошли еще до огораживания селений частоколом в целях обороны, равно как и до мучной пищи, и их еще не преследовал бич каннибализма. Указанные производства, изобретения и учреждения представляют почти всю сумму достижений человечества в периоде дикости, помимо изумительного развития языка. В общем они кажутся незначительными, но в них содержались громадные возможности, ибо здесь были зачатки языка, управления, семьи, религии, жилищной архитектуры и собственности вместе с главнейшими зародышами производств. Все эти достижения развивались их потомками в периоде варварства; а их цивилизованные потомки продолжают совершенствовать эти достижения до сих пор.

Но собственность дикарей была незначительной. Их представление об ее ценности, ее привлекательности и ее наследовании были в зачатке. Несовершенные оружие, ремесленные изделия, утварь, одежда, орудия из кремня, камня и кости и личные украшения составляют главные объекты собственности в диком состоянии. Стремление к обладанию собственностью лишь едва возникло в уме, поскольку самые объекты едва существовали. Развить в полной силе ту «страсть стяжания» (*studium lucri*), которая так властно господствует ныне над человеческим умом, оставалось назначением тогда еще далекого периода цивилизации. Земля, которая тогда вряд ли могла быть объектом собственности, находилась в коллективном владении племени, а жилища находились в совместном владении их обитателей. Великая страсть стяжания питала свои растущие силы только за счет предметов чисто личного потребления, число которых увеличивалось с медленным прогрессом изобретений. Предметы, считавшиеся наиболее ценными, клались в могилу вместе с их умершим владельцем, чтобы он продолжал ими пользоваться в стране духов. Остававшегося все же было достаточно, чтобы возбудить вопрос о наследовании. О порядке распределения наследства до возникновения родовой организации мы имеем ограниченные сведения, либо их совсем нет. С учреждением рода возник первый основной порядок наследования, по которому имущество умершего делилось между его родичами. Факти-

чески оно присваивалось ближайшими родственниками, но по общему принципу имущество должно было оставаться в роде умершего и распределяться между членами рода. Этот принцип сохранялся греческими и латинскими родами вплоть до цивилизации. Дети наследовали своей матери, но не получали ничего после своего предполагаемого отца.

II. Собственность на низшей ступени варварства.

Период от изобретения гончарства до приручения животных или эквивалентно — до возделывания маиса и огородных растений посредством орошения должен был быть короче, чем период дикости. Если не считать гончарства, ручного ткачества и, в Америке, земледелия, давшего мучную пищу, то этот этнический период не ознаменован никаким выдающимся изобретением или открытием. Его значение для прогресса заключается скорее в развитии учреждений. Ручное ткачество с основой и утком принадлежит, повидимому, этому периоду и должно считаться одним из крупнейших изобретений; нельзя однако утверждать, что это производство не было известно уже в состоянии дикости. Ирокезы и другие индейские племена Америки, находившиеся на той же ступени, изготовляли превосходные и красивые пояса и тканые ремни с основой и утком, выделывая тонкую нить из волокна коры вяза и липы¹. Принципы этого великого изобретения, впоследствии одевшего человечество, были полностью осуществлены, но применять их к производству тканой одежды эти племена еще не могли. В это же время, повидимому, появляется также изобразительное письмо. Если оно возникло раньше, то теперь оно получило весьма значительное развитие. Оно важно как одна из стадий в развитии искусства, завершившегося изобретением фонетического алфавита. Изобретения в этой области, повидимому, следовали в таком порядке: 1) язык жестов или язык личных символов; 2) изобразительное письмо или идеографические символы; 3) иероглифы или условные символы; 4) иероглифы фонетического значения или фонетические символы, употребляемые по определенной схеме, и 5) фонетический алфавит или писанные звуки. Поскольку язык писанных звуков является продуктом развития, прошедшего ряд последовательных стадий, важно и поучительно проследить возникновение предшествующих способов письма. Письмена на памятниках Копана представляют собой, очевидно, иероглифы из категории условных символов. Они показывают, что туземцы Америки, знавшие три первые формы, шли самостоятельно к фонетическому алфавиту.

Изобретение частокола как средства обороны селений, щита из невыделанной кожи для защиты от стрел, ставших теперь смертоносным метательным оружием, и различных видов боевой дубины, снабженной вделанным в нее камнем или острием оленьего рога, повидимому, принадлежит также этому периоду. Во всяком случае эти изобретения были во всеобщем употреблении у американских индейцев, находившихся в эпоху их открытия на низшей ступени варварства. Копье с каменным или костяным наконечником не было в употреблении у лесных племен, хотя иногда и применялось². Это оружие, предшествовавшее изобретению лука и стрелы, принадлежит периоду дикости и вновь оказывается важным оружием на высшей ступени варварства, когда вошло в употребление копье с медным наконечником и рукопашный бой сделался одним из способов битвы. Лук и стрела, а равно боевая дубина были главным оружием туземцев Америки на низшей ступени варварства. Некоторый прогресс в гончарном производстве сказался в увеличении размера изготавливаемых сосудов и в их орнаментировке³; однако до конца этого периода они оставались крайне грубыми. Большие успехи были достигнуты в жилищной архитектуре, в размере жилищ и

¹ League of the Iroquois, p. 364.

² Олжибе, например, употребляли копье или пику, she-mā-gun, с каменным или костяным наконечником.

³ Крки делали глиняные сосуды вместимостью от двух до десяти галлонов (Adair's History of American Indians, p. 424), а ирокезы украшали свои кружки и трубки миниатюрами с изображением человеческого лица, которые они прикрепляли в виде медальонов. Это открытие было недавно сделано Ф. Г. Кешингом, из Смитсоновского института.

способах их сооружения; к числу менее значительных изобретений принадлежат: духовое ружье для стрельбы в птиц, деревянная ступка и пест для превращения маиса в муку и каменная ступка для приготовления красок, глиняные и каменные трубки вместе с употреблением табака, более совершенные орудия из кости и камня, в том числе каменные молоты и колотушки, с ручкой и верхней частью камня, обернутыми сырой кожей, и, наконец, мокасины и пояса, орнаментированные иглами дикообраза. Некоторые из этих изобретений были, возможно, заимствованы от племен, стоявших на средней ступени варварства; в этом непрерывно происходившем процессе более развитые племена подтягивали отсталых, что происходило в меру того, как последние оказывались в состоянии оценить и усвоить эти средства прогресса.

Возделывание маиса и огородных растений дало людям пресный хлеб, «секкоташ» и «хомини» индейцев. Это вело также к возникновению нового вида собственности, а именно собственности на землю или огороды. Хотя земля попрежнему находилась в коллективном владении племени, отныне за отдельным лицом или за группой стало признаваться право владения землей, что сделалось и объектом наследования. Группа, соединенная в совместном домохозяйстве, принадлежала преимущественно к одному роду, а порядок наследования не допускал перехода земли за пределы рода.

Имущество и личные вещи мужа и жены были раздельны и после их смерти возвращались в соответствующий род. Жена и дети не получали ничего после мужа и отца, а муж не наследовал жене. Если у ирокезов умирал мужчина, оставив жену и детей, то его имущество делилось между его родичами таким порядком, что большую часть получали его сестры и их дети и его дяди с материнской стороны. Братья могли получить небольшую часть. Если умирала женщина, оставив мужа и детей, то ее вещи наследовали ее дети, сестры, мать и сестры последней; большую часть, однако, получали ее дети. Во всяком случае имущество оставалось в роде. У оджибве вещи матери делились между ее детьми, если они по возрасту могли ими пользоваться, в противном случае или если детей не было вещи доставались ее сестрам, матери и сестрам последней, но не братьям. Хотя оджибве перешли к счету происхождения по мужской линии, наследование все еще шло порядком, господствовавшим при счете происхождения по женской линии.

На низшей ступени варварства собственность имела больший объем и была разнообразнее, чем в периоде дикости, но все еще была недостаточна для развития сильного интереса к наследованию. В вышеуказанном способе раздела наследства можно распознать, как я уже говорил в другом месте, зародыш второго основного порядка наследования, по которому имущество переходило к агнатическим родственникам с устранением остальных родичей. Агнатическое родство в теперешнем смысле предполагает счет происхождения по мужской линии; но относящиеся сюда лица совершенно не те, что при счете по женской линии. Принцип один и тот же в обоих случаях, и соответствующие термины, повидимому, приложимы как в том, так и в другом случае. При счете происхождения по женской линии агнатами являются те, кто может вывести свое происхождение только через женщин от одной родоначальницы, общей с лицом, оставившим наследство; в другом случае — те, кто могут проследить свое происхождение только через мужчин. В основе агнатического родства лежат узы крови между лицами, принадлежащими к роду по прямому происхождению в данной линии от одного общего предка.

В настоящее время у более развитых индейских племен начинает проявляться отрицательное отношение к наследованию родичей. У некоторых племен этот порядок упразднен, и исключительное право наследования получили дети. Мы приводили уже примеры такого отрицательного отношения у ирокезов, криков, чироков, чокта, меномини, кроу и оджибве и указывали на те уловки, которые практикуются, чтобы дать возможность отцам передавать своим детям имущество, значительно теперь возросшее.

Каннибализм, этот отвратительный бич эпохи дикости, сократился в древнейшем периоде варварства весьма значительным образом. Он исчез как постоянное явление, но сохранялся в качестве военного обычая, о чем уже говорилось, в течение этого и среднего периода варварства. В этой форме он встречался у главных племен Соединенных Штатов, Мексики и Центральной Америки. Знакомство с мучной пищей было важнейшим средством освобождения человечества от этого дикого обычая.

Мы закончили наш беглый обзор двух этнических периодов, обнимающих, по крайней мере, четыре пятых всего времени существования человечества на земле. Еще на низшей ступени варварства начали проявляться высшие свойства человека. Личное достоинство, красноречие, религиозное чувство, прямота, мужество и храбрость стали теперь общими чертами характера, но столь же распространены были жестокость, предательство и фанатизм. Почитание в религии стихий и смутное представление о личных богах и о великом духе, неумелое стихосложение, общинные дома и хлеб из маиса принадлежат к этому периоду. Он дал также синдиасмическую семью и конфедерацию племен, организованных в роды и фратрии. Воображение, эта великая способность, так много содействовавшая развитию человечества, создавало теперь написанную литературу мифов, легенд и преданий, оказывавших уже могущественное влияние на человека.

III. Собственность на средней ступени варварства.

О состоянии человечества в этом этническом периоде сохранилось меньше данных, чем о каком-либо другом. Он был представлен во всем своем варварском блеске оседлыми индейцами Северной и Южной Америки эпохи открытия. Сведения об их учреждениях, религиозных воззрениях, строе домашней жизни, производствах и порядках, касающихся собственности и наследования имущества, вполне можно было бы собрать; но благоприятные возможности были упущены. До нас не дошло ничего, кроме разбросанных отрывков истины, тонущих в море заблуждений и романтических басен.

Эта ступень начинается в восточном полушарии с приручения животных, а в западном — с появления оседлых индейцев, живущих в больших общинных домах, сооруженных из необожженного кирпича, а в некоторых местностях из положенных рядами камней. Мы встречаем на этой ступени возделывание маиса и огородных растений посредством орошения, что требовало искусственных каналов и четырехугольных гряд с прорытыми бороздами для задерживания воды. В эпоху открытия эти племена достигли почти конца среднего периода варварства. Часть их производила бронзу, что приближало их к более высокому процессу плавления железной руды. Общинный дом имел характер крепости и занимал середину между обнесенным частоколом селением низшей ступени и окруженным стенами городом высшей ступени варварства. Городов в собственном смысле слова в Америке эпохи открытия не существовало. В военном искусстве они сделали незначительные успехи, разве что в области обороны — в виде больших домов, обычно неприступных нападению индейцев. Но они изобрели набитый хлопчатой бумагой стеганный панцырь (*escarpiles*) для защиты от стрел¹ и обоюдоострый меч (*macuahuitl*)², оба лезвия которого были снабжены рядом кремневых резцов, укрепленных в деревянном клинке. Они продолжали еще пользоваться луком и стрелой, копьем и боевой дубиной, кремневыми ножами и топорами, а также каменной утварью³, хотя имели уже бронзовые топор и долото, которые по каким-то причинам так и не вошли во всеобщее употребление.

К маису, бобам, тыкке и табаку присоединились теперь хлопчатник, перец, помидор, какао и разведение некоторых плодовых деревьев. Пиво делалось из перебродившего сока агавы. Ирокезы изготовляли подобный же напиток, подвергая брожению сок сахарного клена. Путем более усовершенствованных при-

¹ Herrera, I, c., IV, 16.

² *Ib.*, III, 13; IV, 16, 137. Clavigero, II, 165.

³ Clavigero, II, 238. Herrera, II, 145; IV, 133.

зов керамического производства стали изготовляться тонкой работы и лучше орнаментированные глиняные сосуды вместимостью по несколько галлонов. Чашки, горшки и кувшины для воды производились в избытке. Открытие и использование самородных металлов, сначала для украшений, затем для утвари и орудий, например, медного топора и долота, принадлежат этому периоду. Плавка этих металлов в плавильном тигле, вероятно, при помощи плавильной трубки и древесного угля, и выливание в формы, производство бронзы, грубые каменные скульптуры, одежда, вытканная из хлопчатой бумаги¹, дома из тесаных камней, идеограммы или иероглифы, высеченные на могильных столбах умерших вождей, календарь и каменный столб для отметки по солнцу времени года, циклопические стены, приручение ламы, собаки, индейского петуха и других птиц принадлежат в Америке тому же периоду. Иерархически организованное и отличающееся особой одеждой жречество, личные боги и представляющие их идолы и человеческие жертвы появились впервые в этом этническом периоде. Тогда же возникли два больших индейских пуэбло: Мексико и Куцко; в каждом из них жило свыше двадцати тысяч человек, число неслыханное до того времени. Аристократический элемент в обществе начал проявляться в слабой форме в лице гражданских и военных вождей, власть которых увеличилась вследствие увеличения числа людей, находившихся под их управлением, и возрастающей сложности общественных дел.

Обращаясь к восточному полушарию, мы находим здесь в том же периоде туземные племена, которые имели домашних животных, дававших им мясную и молочную пищу, но, вероятно, не возделывали огородов и не знали мучной пищи. Великое открытие, что дикая лошадь, корова, овца, осел, свинья и коза способны к приручению и при разведении и содержании стадами могут стать постоянным источником пищи, должно было послужить могучим импульсом прогресса человечества. Но действие его не могло обнаружиться в полной мере, пока не развилась пастушеская жизнь, необходимая для содержания стад скота. Европа, представлявшая собой по преимуществу лесную страну, не была пригодна для пастушеской жизни; напротив, травянистые степи Центральной Азии, а равно по Эфрату, Тигру и другим азиатским рекам были естественной родиной пастушеских племен. Туда они естественно должны были стремиться и к этим странам ведут следы наших собственных отдаленных предков; здесь они столкнулись с подобными же пастушескими племенами семитов. Возделывание хлебных злаков и огородных растений должно было предшествовать их миграции из травянистых степей в лесные области Западной Азии и Европы. К этому должны были их побуждать потребности домашних животных, ставших теперь необходимыми для их пропитания. Мы имеем поэтому основание предполагать, что возделывание хлебных злаков предшествовало у арийских племен их миграции на запад, за исключением, вероятно, кельтов. В ту же эпоху появляются в восточном полушарии льняные и шерстяные ткани, а также бронзовые утварь и оружие.

Таковы были изобретения и открытия, характеризующие среднюю ступень варварства. Общество имело теперь более совершенную организацию, и его дела стали сложнее. На этой ступени обнаруживается различие культуры обоих полушарий, как следствие различия их природных богатств. Но главное течение прогресса шло неизменно в направлении к знакомству с железом и его использованию. Чтобы переступить границу, отделявшую среднюю ступень варварства от высшей, были необходимы металлические орудия, способные сохранять лезвие и острие. Железо было единственным металлом, который мог удовлетворить этим требованиям. Наиболее развитые племена остановились у этой границы в ожидании изобретения плавления железной руды.

Из вышеизложенного ясно, что к этому времени произошло значительное накопление личной собственности, равно как и некоторые перемены в отноше-

¹ Hakluyt's Coll. of Voyages, I. c., III 377.

ниях к земле. Земля продолжала принадлежать всему племени, но известная часть была теперь выделена на содержание органов управления, другая — для религиозных целей, а третья, наиболее значительная часть, служившая для прокормления массы населения, была поделена между отдельными родами или общинами людей, живших в одном пуэбло (выше, стр. 117). Но чтобы в этом периоде какие-либо лица владели землями или домами на праве частной собственности с правом их продавать или сдавать в аренду кому угодно, не только не доказано, но и невероятно. Родовая или общинная коллективная собственность на землю, общинные дома и поселение родственных семей по соседству исключает частную собственность на дома или землю. Право продавать или передавать чужому лицу свою долю в такой земле или таком доме разрушило бы весь строй их жизни¹. Право владения, которое, как мы должны предполагать, принадлежало отдельным лицам или семьям, могло отчуждаться только в пределах рода и после смерти владельца переходило к наследникам — членам рода. Общинные дома и коллективная собственность на землю указывают на строй, противоречащий частной собственности.

Оседлые индейцы моки, помимо своих семи больших пуэбло и огородов, обладают теперь стадами овец, лошадей и мулов и значительной иной частной собственностью. Они изготовляют глиняные сосуды различной величины и превосходного качества и ткут на ткацких станках шерстяные одеяла из пряжи собственного производства. Майор Дж. В. Пауэль рассказал о следующем имевшем место в пуэбло Орайбе случае, показывающем, что муж не приобретает права на имущество своей жены или детей от их брака. Один индеец-цуньи женился на женщине из Орайбе и имел от нее троих детей. Он жил с ними в Орайбе до смерти жены, что произошло во время пребывания в этом пуэбло майора Пауэля. Родственники покойной взяли ее детей и ее домашние вещи, а мужу оставили его лошадь, платье и оружие. Ему позволили также взять несколько принадлежавших ему одеял, но одеяла своей жены он должен был оставить. Он покинул пуэбло вместе с майором Пауэлем, говоря, что дойдет с ним до Санта Фе, а затем возвратится к своим родным в Цуньи. Майору Пауэлю стал известен и другой подобный случай, происшедший в другом пуэбло моки (Sharrow-e-luv-ih). Умерла женщина, оставив мужа, детей и кое-какое имущество. Детей и имущество взяли себе родственники покойной, а мужу позволили взять только свое платье. Майор Пауэль, видевший его лично, не узнал, был ли это индеец моки или другого племени. Эти примеры показывают, что дети принадлежали матери, а не отцу, и что он не мог взять их к себе даже после смерти матери. Таков был порядок и у ирокезов и других северных племен. Далее, имущество жены хранилось отдельно и после ее смерти переходило к ее родственникам. Это показывает, что жена не наследовала мужу, как можно заключить из того, что и муж не наследовал жене. Нами было уже указано, что таков же был порядок оседлых индейцев Мексики.

Женщины и мужчины имели, вероятно, право владения на те комнаты и части дома в пуэбло, в котором они жили; и они несомненно передавали эти права в установленном порядке своим ближайшим родственникам. Но неизвестно, какой характер имеет право владения и наследования этих частей пуэбло, может ли владелец продавать и передавать их чужому, а если нет, то в чем состоят и каковы пределы его владельческих прав. Желательно было бы также знать, кто наследует имущество мужчин и кто — женщин. Небольшое

¹ Сэмюэль Горман, миссионер у индейцев пуэбло-лагуна, в докладе, прочитанном в Новомексиканском Историческом обществе, говорит (стр. 12), что „право собственности принадлежит женской половине семьи и переходит по женской линии от матери к дочери. Она владеет землей сообщно, как собственностью общины, но, после того как кто-нибудь обработал кусок земли, он имеет на нее личное право, которое может продать другому члену общины... Женщины обычно ведают складами припасов, и они больше заботятся о будущем, чем их соседи испанцы. Обычно они стараются иметь годовой запас продовольствия. Пуэбло как община терпит голод только тогда, когда под ряд следуют два неурожайных года“.

количество умело направленного труда доставило бы столь необходимые сведения.

Испанские писатели оставили нам относительно землевладения у южноамериканских племен совершенно путаные данные. Если испанцы встречали общину, коллективно владевшую землей, которая была неотчуждаемой, при чем один из членов общины считался вождем, они сразу принимали эту общину за феодальное владение, вождя — за феодального господина, а людей, коллективно владевших землей, — за его вассалов. В лучшем случае это было искажением фактов. Ясно одно, а именно, что данная земля находилась в коллективном владении общины; но об одном не менее существенном обстоятельстве мы не имеем сведений, а именно о том, что связывало этих людей вместе. Если это был род или часть рода, то все дело совершенно ясно.

Некоторые из племен Мексики и Центральной Америки сохраняли еще счет происхождения по женской линии, тогда как другие и, вероятно, большая часть перешли к счету по мужской линии. Перемену эту должно было вызвать влияние собственности, желание сделать детей как агнатов участниками в наследовании имущества отца. У майя происхождение считалось по мужской линии; трудно сказать, по мужской или по женской линии считалось происхождение у ацтеков, тецкуков, тлакопа и тласкала. Надо думать, что у всех оседлых индейцев счет происхождения перешел в мужскую линию, при чем иногда, например, при замещении должности теуктли, проявлялись пережитки архаического порядка. Эта перемена не уничтожила родового наследования. Ряд испанских авторов утверждает, что имущество умершего отца наследовали дети, а в некоторых случаях старший сын; но эти утверждения не имеют особой цены без описания всей системы.

Естественно, что у оседлых индейцев мы находим второй основной порядок наследования, по которому имущество делилось между агнатическими родственниками. При счете происхождения по мужской линии во главе агнатов должны были стоять дети умершего, которые совершенно естественно и должны были получать большую часть наследства. Нельзя думать, чтобы у них утвердился третий основной порядок наследования, дававший детям умершего исключительное право на наследство. То, что говорят о наследовании более ранние и позднейшие авторы, неудовлетворительно и не дает точной информации. В этом вопросе решающее значение имеют учреждения, порядки и обычаи, которые только и могли бы выяснить всю систему. Не имея лучших данных, чем те, которыми мы сейчас обладаем, мы не можем утверждать о существовании исключительного наследования детей.

Глава вторая

ТРИ ПОРЯДКА НАСЛЕДОВАНИЯ

(Окончание)

Собственность на высшей ступени варварства. — Рабство. — Землевладение у греческих племен. — Культура этого периода. — Ее блеск. — Третий порядок наследования. — Исключительное право детей. — Еврейские племена. — Порядок наследования. — Дочери Салтаада. — Имущество оставалось во фратрии и, вероятно, в роде. — Очередность наследования. — Наследование у афинян. — Исключительное право детей. — Очередность наследования. — Наследство оставалось в роде. — Наследницы. — Завещания. — Наследование у римлян. — Очередность наследования. — Наследство оставалось в роде. — Появление аристократии. — Погоня человечества за собственностью. — Единство происхождения человечества.

Последняя великая ступень варварства не была достигнута американскими туземцами. Согласно принятой нами схеме, она началась в восточном полушарии с производства и использования железа.

Плавление железной руды было, как уже отмечалось, величайшим изобретением, сравнительно с которым все остальные изобретения и открытия имеют

второстепенное значение. Несмотря на знакомство с бронзой, человечество все еще задерживалось в своем прогрессе из-за отсутствия хороших металлических орудий и достаточно твердого и прочного для механического применения металла. Все эти качества человек впервые нашел в железе. С этого изобретения начинается прогресс человеческого ума. Этот этнический период, который навсегда останется памятным, был во многих отношениях самым блестящим и выдающимся на протяжении всего человеческого опыта. Скопление в этом периоде стольких достижений наводит на подозрение, что многое приписываемое этому периоду принадлежит предшествующему периоду.

IV. Собственность на высшей ступени варварства

К концу этого периода стало обычным явлением скопление в частных руках разнообразного имущества; это было следствием оседлого земледелия, промышленности, а равно местной и внешней торговли. Но прежний порядок коллективного владения землей еще не сменился, разве бы частично, частной собственностью. На этой ступени возникло систематическое рабство. Оно непосредственно связано с накоплением собственности. Отсюда возникла патриархальная семья еврейского типа, аналогичная форма семьи с подчинением отцовской власти латинских племен и разновидность той же семьи греческих племен. Эти причины, в особенности же увеличение средств существования благодаря полевому земледелию, повели к росту численности наций, насчитывавших теперь много тысяч людей, находящихся под одним управлением, тогда как прежде их можно было считать лишь несколькими тысячами. С ростом населения локализация племен в определенных областях и укрепленных городах усиливала борьбу за обладание лучшими территориями. Это вело к развитию военного искусства и к увеличению наград за личную храбрость. Эти изменения условий строя жизни обозначают приближение цивилизации, которая должна была положить конец родовому обществу и основать политическое общество.

Хотя обитатели западного полушария не принимали участия в опыте, принадлежавшем данной ступени, они следовали теми же путями, которыми прошли обитатели восточного полушария. Они отстали от авангарда человеческой расы ровно на то расстояние, которое измеряется высшей ступенью варварства с добавлением протекших лет цивилизации.

Мы должны теперь проследить развитие идеи собственности на рассматриваемой ступени в ее различных видах, а равно правила, регулировавшие владение и наследование имущества.

Наиболее ранние законы греков, римлян и евреев, после начала цивилизации, представляли собой лишь правовое оформление того, что в результате предшествующего опыта уже получило свое воплощение в порядках и обычаях. Зная эти в конечном счете созданные законы, а равно прежние архаические правила, мы сможем, если и не точно, то все же с известной достоверностью, восстановить промежуточные этапы.

К концу позднейшего периода варварства произошли крупные перемены в порядке землевладения. Оно развивалось постепенно в направлении двух форм собственности, а именно: государственной и частной. Но соответствующие результаты проявились вполне только с достижением цивилизации. Как мы видели, у греков часть земли была еще коллективной собственностью племен, другая часть — фратрий, предназначаясь для религиозных целей, и, наконец, третья — коллективной собственностью родов; однако большая часть земли уже попала в частную собственность. Во время Солона, когда афинское общество оставалось еще родовым, землей владели сплошь и рядом частные лица, научившиеся уже даже закладывать ее¹. Частная собственность была тогда уже не новостью.

1

Σμάνεται γάρ Σόλων ἐν τοῦτοις ὅτι τῆς τε προῖκοσιμένης γῆς
 "Ὅρου ἀνεῖλε πῖλλαχῆ πεπηγότα."
 Πρόσθεν δὲ δουλεύουσα νῦν ἐλευθέρη.—Плутарх, Солон, XV.

[Солон хвалится, что он „уничтожил пограничные столбы, которые были во множестве вкопаны в заложенную землю: она была прежде рабыней, а теперь стала свободной“].

У римских племен со времен их оседания существовала общественная земля, *ager romanus*; кроме того, землей владели курии для религиозных целей, далее, род и, наконец, отдельные лица. После исчезновения названных социальных корпораций принадлежавшие им коллективно земли постепенно перешли в частную собственность. Об этом известно очень мало сверх того, что определенные участки земли оставались во владении этих организаций для специальных целей, между тем как частные лица постепенно присвоили себе большую часть национальных владений.

Эти различные формы землевладения показывают, что первоначально земля находилась исключительно в коллективном владении племени; с началом земледелия часть племенной земли была разделена между родами, владевшими своей частью на коллективных началах; за этим с течением времени последовало наделение землей отдельных лиц, что привело, наконец, к частной собственности. Незанятые земли и пустоши оставались попрежнему коллективной собственностью рода, племени и нации. Таково, повидимому, было в основных чертах развитие земельной собственности. Личное имущество было обычно предметом частной собственности.

Моногамная семья появилась впервые на высшей ступени варварства; ее развитие из предшествующей синдиасмической формы было тесно связано с ростом собственности и порядком ее наследования. Счет происхождения перешел в мужскую линию, но все имущество, движимое и недвижимое, оставалось, как это было с незапамятных времен, наследственным в роде.

Важнейшими источниками наших сведений о видах собственности существовавших у греческих племен в это время, служат гомеровские поэмы и первые законы эпохи цивилизации, отражающие древние обычаи. Илиада упоминает об «изгородях»¹, окружающих возделанные поля, об «огороженном участке в пятьдесят акров» (*πεντηκονταβίος*), половина которого предназначалась для виноградника, остальное — для посева²; о Тидее говорится, что он жил в полном богатстве и обладал обширными хлебодородными полями³. Нет основания сомневаться, что уже тогда земля огораживалась и измерялась и находилась в руках частных собственников. Это говорит о значительном развитии идеи собственности. Различались уже по их особым качествам породы лошадей⁴. Упоминается о стадах рогатого скота и овец, принадлежавших частным лицам: «как стоит во дворе богатого человека множество овец»⁵. Чеканная монета была еще неизвестна; торговля, следовательно, была меновой, как это показывают следующие строки: «Тогда длинноволосые греки начали покупать вино, одни за бронзу, другие за блестящее железо, третьи за шкуры, четвертые за быков, а иные за рабов»⁶. Однако уже упоминается золото в слитках, которое принималось по весу и оценивалось в талантах⁷. Говорится также и о предметах, сделанных из золота, серебра, бронзы и железа, разнообразных льняных и шерстяных тканях, а равно о домах и дворцах. Приведенных иллюстраций достаточно, чтобы показать, какой высоты достигло общество на высшей ступени варварства сравнительно с уровнем, на котором оно стояло в предшествующем периоде.

После того как увеличилось количество домов и обработанной земли, стад и товаров и они стали предметом частной собственности, вопрос о наследовании должен был все настоятельнее привлекать внимание людей, пока наследственное право не было поставлено на основу, удовлетворявшую развивающийся греческий ум. Архаические порядки должны были видоизмениться в соответствии

¹ Илиада, V, 90.

² Ил., IX, 577.

³ Ил., XIV, 121.

⁴ Ил., V, 265.

⁵ Ил., IV, 433.

⁶ Ил., VII, 472.

⁷ Ил., XII, 274.

с новыми воззрениями. Домашние животные были более ценным имуществом, чем все другие до того известные виды собственности, вместе взятые. Скот служил пищей и мог обмениваться на другие товары; он мог быть использован для выкупа пленных, для уплаты пени, а также для принесения жертв богам при религиозных обрядах. Далее, поскольку скот мог бесконечно размножаться, обладание им дало человеческому уму первое представление о богатстве. За этим следует систематическая обработка земли, что привело к теснейшей связи семьи с землей и превращению ее в организацию для производства богатства. У греческих, латинских и еврейских племен она вскоре получила форму семьи, стоящей под властью отца и включавшей рабов и слуг. Так как теперь труд отца и его детей все более воплощался в обработанной ими земле, в разводимых ими домашних животных и производимых товарах, то это не только вело к индивидуализации семьи, ныне моногамной, но и выдвинуло вопрос о преимущественном праве детей на наследование имущества, в создании которого они принимали участие. Пока не существовало земледелия, стада естественно должны были находиться в общем владении лиц, соединявшихся в одну группу на основе родства для добывания себе пропитания. При таких условиях агнатический порядок наследования должен был сам напрашиваться. Но, после того как земля стала объектом собственности и наделение землей отдельных лиц привело к частной собственности, агнатический порядок наследования должен был быть вытеснен третьим основным порядком наследования, отдававшим имущество умершего его детям. Мы не имеем прямых указаний, чтобы у латинских, греческих и еврейских племен существовало когда-нибудь агнатическое наследование в строгом смысле слова; единственное указание дает очередность наследования, установленная аналогичным образом в римском, греческом и еврейском праве; из этой очередности явствует, что в прежнее время наследовали исключительно агнаты.

Когда полевое земледелие показало, что всю поверхность земли можно сделать объектом частной собственности отдельных лиц, и когда обнаружилось, что глава семьи стал естественным центром накопления богатства, тогда началась для человечества погоня за собственностью. Она была в полном разгаре уже до конца последней ступени варварства. Очень не трудно понять, какое огромное влияние должна была отныне оказывать собственность на человеческий ум и как ей было суждено пробудить в человеке новые черты его характера. Многочисленные источники показывают, что слабый импульс, возникший в уме дикаря, превратился у великолепного варвара героического периода в отчаянную страсть. Ни архаические, ни более поздние порядки не могли удержаться на этой стадии развития. Пришло время, когда моногамия, сделавшая отцовство достоверным, привела к утверждению и признанию исключительного права детей на имущество их умершего отца¹.

У еврейских племен, об опыте которых в эпоху варварства известно очень мало, частная собственность на землю существовала уже до начала их цивилизации. Примером может служить покупка Аврамом у Эфрона пещеры Махпелы². Они, несомненно, прошли через предшествующий опыт, во всех отношениях сходный с опытом арийских племен, и, подобно последним, вышли из варварства, обладая домашними животными и хлебными злаками, зная уже железо и медь, золото и серебро, глиняные изделия и ткани. Однако их знакомство с полевым земледелием в эпоху Аврама было еще не велико. Реконструкция

¹ Германские племена в эпоху появления на исторической сцене находились на высшей ступени варварства. Они употребляли железо, впрочем, в незначительном количестве, обладали стадами скота, возделывали хлебные злаки и производили грубые льняные и шерстяные ткани. Однако они не дошли до идеи индивидуальной собственности на землю. Согласно приведенному уже рассказу Цезаря, пахотная земля у них ежегодно переделалась вождями, тогда как пастбищная земля находилась в коллективном пользовании. Отсюда следует, повидимому, что идея индивидуальной собственности на землю не была известна в Азии и Европе в среднем периоде варварства, но появилась в позднейшем периоде.

² Гenezис, XXIII, 13.

еврейского общества после выхода из Египта на основе кровнородственных племен, которым по достижении Палестины были отведены отдельные территории, показывает, что цивилизация застала у них родовые учреждения, при чем они еще не дошли до идеи о политическом обществе. В отношении права собственности и наследования они, повидимому, прошли одинаковый путь с греками и римлянами, о чем можно заключить по законодательству Моисея. Наследование было строго ограничено фратрией, а вероятно, и родом, именно «домом отца». Архаический порядок наследования евреев неизвестен, помимо того, что показывает очередность наследования, по существу та же, что и в римском законе двенадцати таблиц. Этот порядок очередности, а равно и соответствующие примеры показывают, что, после того как дети получили исключительное право на наследство, дочери наследовали в том случае, если не было сыновей. С замужеством их имущество должно было переходить из их рода в род их мужей; для воспрепятствования этому наследницы подвергались известным ограничениям. Надо думать, что брак в пределах рода был естественно воспрещен. Отсюда возник последний большой вопрос, связанный с родовым наследованием. Этот вопрос у евреев должен был решить Моисей, у афинян — Солон; род требовал безусловного права удерживать наследственное имущество в пределах рода, и оба они решили этот вопрос одинаковым образом. Естественно, что тот же самый вопрос возник и у римских родов и был частично разрешен тем, что женщина с замужеством подвергалась *deminutio capitis*, а вместе с тем и лишению агнатических прав. Одновременно возникал и другой вопрос, а именно: должно ли существовать запрещение брака в пределах рода или брак должен стать свободным, при чем мерой ограничения брака должна быть степень родства, а не родство вообще. Это последнее правило должно было быть конечным результатом человеческого опыта в области брака. С этой точки зрения приводимый ниже случай бросает яркий свет на начальные учреждения евреев и показывает их полное сходство со свойственными гентилизму родовыми учреждениями греков и римлян.

Салпаад умер, не оставив сыновей, а только дочерей, которые и получили наследство. Когда впоследствии они вознамерились выйти замуж вне племени Иосифа, к которому они принадлежали, члены племени восстали против перехода имущества в другое племя. Они представили этот вопрос на решение Моисея, говоря: «Если они выйдут замуж за каких-либо сыновей других племен детей Израиля, то наследство наших отцов уменьшится и часть его присоединится к наследству племени, в которое они перейдут; таким образом доля нашего наследства уменьшится»¹. Хотя эти слова лишь определяют результаты задуманного дочерьми Салпаада поступка, они содержат вместе с тем и жалобу по поводу перехода имущества из рода и племени, которым, по их представлениям, оно принадлежало наследственно. Еврейский законодатель в своем решении признал это право: «Племя детей Иосифа говорит правильно. Так приказывает господь о дочерях Салпаада: пусть они выходят замуж за кого хотят, но только пусть берут мужей в семействах племени их отца. Наследство детей Израиля не должно переходить от одного племени к другому, ибо всякий из детей Израиля должен держаться наследства племени своих отцов. И все дочери, владеющие наследством во всех племенах детей Израиля, должны быть женами в одной из семей отцов»². Они должны были выходить замуж в пределах своей фратрии, но не обязательно в своем роде (выше, стр. 209). В соответствии с этим дочери Салпаада вышли замуж за сыновей брата своего отца³, бывших членами не только их фратрии, но и рода. Они были также и их ближайшими агнатами.

По другому поводу Моисей установил порядок и очередность наследова-

¹ Книга чисел, XXXVI, 3.

² *Ib.*, XXXVI, 5—9.

³ *Ib.*, XXXVI, 11.

чия вполне отчетливым образом: «И скажи детям Израиля: если кто-нибудь умирает, не оставив сыновей, то пусть наследство перейдет его дочерям. Если у него нет дочерей, отдайте наследство его братьям. Если у него нет братьев, отдайте наследство братьям его отца. А если и у его отца не было братьев, отдайте наследство ближайшему из членов его семейства, который должен владеть наследственным имуществом»¹.

Здесь указываются три класса наследников: во-первых, дети умершего собственника; во-вторых, агнаты, в порядке их близости, и, в-третьих, родичи, однако лишь члены фратрии умершего. Первый класс наследников составляли дети; но надо полагать, что сыновья получали имущество с обязательством содержать дочерей. В другом месте мы находим указание, что старший сын получал двойную долю. За отсутствием сыновей наследство переходило к дочерям. Второй класс составляли агнаты, делившиеся на две категории: во-первых, братья покойного, получавшие наследство при отсутствии детей, и, во-вторых, за неимением братьев, братья отца умершего. Третий класс составляли родичи в порядке их близости, а именно «ближайший родич в его семье». Так как «семья племени» соответствует фратрии (выше, стр. 210), то имущество, за неимением детей и агнатов, переходило к ближайшему фратору умершего. Это устраняло от наследования когнатов, так что фратор, более отдаленный родственник, чем брат отца, имел преимущество перед детьми сестры покойного. Мы видим, что у евреев происхождение считалось по мужской линии и что имущество должно было наследоваться только в пределах рода. Следует заметить, что отец не наследовал сыну, дед — внуку. В этом отношении, как и почти во всех других, наследственное право Моисея сходится с правом двенадцати таблиц. Это — разительный пример единообразия человеческого опыта и параллельного образования одних и тех же идей у различных рас.

В позднейшее время закон левитов построил брак на новой основе, независимо от родового права. Он запретил брак в пределах известных степеней родства и свойства, объявив брак свободным вне этих степеней. Это вырвало с корнем у евреев относящиеся к браку родовые порядки и стало затем законом христианских наций.

Обращаясь к наследственному праву Солона, мы найдем, что оно по существу было аналогично праву Моисея. Это сходство приводит к заключению, что прежние порядки, обычаи и учреждения афинян и евреев были сходны в том, что касается собственности. Во время Солона у афинян прочно утвердился третий основной порядок наследования. Сыновья наследовали имущество умершего отца в равных долях, но с обязательством содержать дочерей и давать им приличное приданое при выходе замуж. Если не было сыновей, наследовали дочери в равных долях. Таким образом они становились наследницами (*ἐπικληρες*), которые, подобно дочерям Салпаада, с выходом замуж передавали бы имущество из своего рода в род их мужей. Тот же самый вопрос, который возник перед Моисеем, предстояло решить и Солону, и он решил его таким же образом. Чтобы воспрепятствовать переходу имущества путем брака из одного рода в другой, Солон постановил, что наследница должна выходить замуж за своего ближайшего агната, хотя бы они принадлежали к одному роду и до того брак между ними был обычаем запрещен. Это стало столь твердым положением афинского права, что де Куланж в своем оригинальном и содержательном труде высказывает взгляд, что наследство переходило к агнату с обязательством жениться на наследнице². Бывали случаи, что ближайший агнат, будучи уже женатым, разводился с женой, чтобы жениться на наследнице и получить наследство. Пример этого представляет собой Протомах в речи Демосфена против Эвбулида³. Но едва ли можно допустить, что закон принуждал

¹ Ib., XXVII, 8—11.

² The Ancient City, Lee and Shepard's ed., Small's trans., p. 99.

³ Демосфен, „Против Эвбулида“, 41.

агната разводиться со своей женой и жениться на наследнице или чтоб он мог получить это имущество, не сделавшись ее мужем. Если детей не было, наследство переходило к агнатам, а за отсутствием агнатов — к родичам умершего. У афинян, как и у евреев и римлян, имущество неизменно сохранялось в пределах рода. Солон придал силу закона тому, что, вероятно, уже раньше стало прочно установившимся порядком.

Постепенное развитие идеи собственности знаменуется появлением завещательных распоряжений, введенных Солоном. Признание права завещания в конце концов было неминуемо; но, для того чтобы это право развилось, требовались время и опыт. Плутарх замечает, что Солон приобрел славу благодаря этому закону о завещаниях, которые до того не были дозволены, а движимое имущество и усадьба должны были оставаться в роде (γένει) покойного. Дозволив каждому, если у него не оставалось детей, отказывать свое имущество кому угодно, Солон поставил дружбу выше родства и сделал имущество законной собственностью его владельца¹. Признав за владельцем имущества абсолютное право собственности в течение жизни, этот закон дал ему теперь сверх того право оставить это имущество по завещанию кому угодно, если у него не было детей. Право рода на имущество оставалось все же в силе, пока были дети, являвшиеся представителями этого права. Таким образом на каждом шагу мы встречаем доказательство того, что основные принципы, управляющие теперь обществом, вырабатывались шаг за шагом, от дной ступени к другой, идя неизменно в том же направлении. Хотя некоторые из приведенных примеров взяты из периода цивилизации, нет основания предполагать, что законы Солона были созданы вновь и независимо от предшествовавших обычаев. Они скорее воплощают в позитивной форме те идеи собственности, которые постепенно путем опыта развились до того уровня, на котором стояли сами законы. Положительное право заняло теперь место обычного права.

Римские законы двенадцати таблиц (обнародованные впервые в 449 г. до н. э.)² содержат установившиеся тогда правила наследования. Имущество переходило прежде всего к детям, сонаследницей которых в равной доле являлась жена покойного; за отсутствием детей и иных нисходящих по мужской линии оно переходило к агнатам в порядке близости их родства, а за отсутствием агнатов — к родичам³. Мы находим здесь опять тот же основной правовой принцип, что имущество должно оставаться в роде. Существовали ли у отдаленных предков латинских, греческих и еврейских племен последовательно вышеописанные три основных порядка наследования, мы можем установить только на основании очередности наследования. Надо думать, что лица, имевшие право на наследство, призывались к наследованию в обратном порядке, чем это принято законом двенадцати таблиц, что наследование родичей предшествовало наследованию агнатов, а это последнее — исключительному праву наследования детей.

В течение позднейшего периода варварства значительное развитие получил новый элемент — аристократия. Личность и скопление богатств в руках отдельных лиц сделались основой личного влияния. Рабство, в свою очередь, постоянно развращая часть населения, создало контрасты общественного положения, неизвестные прежним этническим периодам. Рабство, собственность и служебное положение постепенно развили аристократический дух, столь глубоко проникший в современное общество и антагонистичный демократическим прин-

¹ Εὐδοκίμητος δὲ κ' ἂν τῷ περὶ διαθηκῶν νόμῳ· πρότερον γὰρ οὐκ ἔστιν, ἀλλ' ἐν τῷ γένει τοῦ τεθνηκότος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταθέσθαι, ὃ δ' ἂν βούλεται τις ἐπιτρέψας, εἰ μὴ παῖδες εἴεν αὐτῷ, δοῦναι τὰ αὐτοῦ, φίλιον τε συγγενεῖας ἐπίμνησε μᾶλλον καὶ χάριν ἀνάγκης, καὶ τὰ χρήματα κτήματα τῶν ἐχόντων ἐποίησεν. — Плутарх, Солон, 21.

² Ливий, III, 54, 57.

³ Intestatorum hereditates lege XII tabularum primum ad suos heredem pertinent. — аius, Inst., III, 1. Si nullus sit suorum heredum, tunc hereditas pertinet ex eadem lege XII tabularum ad agnatos. — Ib., III, 9. Si nullus agnatus sit, eadem lex XII tabularum gentiles ad hereditatem vocat. — Ib., III, 17.

ципам, созданным и воспитанным родами. Все это вскоре нарушило общественное равновесие, введя привилегии и различие рангов в среду людей одной национальности, и таким образом стало источником раздора и борьбы.

У греческих и латинских племен на высшей ступени варварства должность вождя в ее различных степенях, первоначально наследственная в роде, но выборная из среды его членов, вероятно, переходила по общему правилу от отца к сыну. Существующие свидетельства не дают основания принять, что этот переход происходил по праву личного наследования; все же владение должностью архонта, филобасилевса или басилевса у греков и принцепса у римлян содействовало укреплению в семьях этих должностных лиц аристократического духа. Он не был однако настолько силен, чтобы существенным образом изменить демократический строй прежнего управления этих племен, несмотря на то, что прочно установился. Собственность и должность были почвой, на которой выросла аристократия.

Суждено ли этому принципу жить или умереть — одна из великих проблем, занимавших с тех пор внимание современного общества. Едва ли может быть сомнение относительно конечного выбора между равенством и неравенством прав, одинаковыми для всех, и неодинаковыми законами, между привилегиями богатства, положения и должности и господством справедливости и разума. Несмотря на то, что привилегированные классы продержались в течение нескольких тысячелетий везде, за исключением Соединенных Штатов, совершенно ясно стало, однако, каким тяжелым бременем они ложатся на общество.

С наступлением цивилизации рост собственности принял такие громадные размеры, ее формы стали так разнообразны, ее применение так расширилось, а ее использование в интересах собственников так искусно, что она сделалась силой непреодолимой для народа. Человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным созданием. Но настанет время, когда человеческий разум возвысится до господства над собственностью и установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и обязательства и границы прав собственников. Интересы общества господствуют над частными интересами, при чем те и другие должны быть приведены к справедливым и гармоническим отношениям. Голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества, если только прогресс останется законом будущего, каким он был и для прошедшего. Время, протекшее с начала цивилизации, составляет лишь отрезок прошедшей жизни человечества, равно как и будущих веков. Гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знание. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов.

Мы изложили некоторые принципы и результаты развития в человеческом уме идеи собственности. Эта тема была исследована недостаточным образом, но мы, по крайней мере, подчеркнули ее значение.

В силу единства действий разума и физического строения, что обусловлено общностью происхождения, результаты человеческого опыта были по существу одни и те же во все времена и во всех странах на одной и той же этнической стадии.

Хотя действие разума в известных узких пределах и неодинаково, он неизменно стремится к одним и тем же идеалам. Поэтому его деятельность на всех ступенях человеческого прогресса была одинаковой. Нельзя найти более убедительного доказательства единства происхождения человечества. Мы встречаем одинаковый способ мышления у дикаря, варвара и цивилизованного человека. В силу этого человечество смогло создать в сходных условиях одни и те же орудия и утварь, сделать те же изобретения и развить из одних и тех же

начальных идей сходные учреждения. Есть что-то величественное в том принципе, который путем непрерывных усилий сумел создать цивилизацию из ничтожных зачатков: от наконечника стрелы, выражающего мышление, свойственное мозгу дикаря, до плавления железной руды, представлявшего более развитый ум варвара, и, наконец, до движущегося по рельсам поезда, который можно назвать триумфом цивилизации.

Можно изумляться тому, что часть человечества уже приблизительно пять тысяч лет назад достигла цивилизации. Строго говоря, только две семьи, семитическая и арийская, достигли этого в процессе независимого саморазвития. Арийская семья представляет центральный поток человеческого прогресса, ибо она создала высший тип человечества и доказала свое внутреннее превосходство тем, что постепенно подчинила своему влиянию всю землю. И все же наступление цивилизации произошло в результате стечения определенных обстоятельств. Наступление ее в то или иное время было предопределено, но то, что она была достигнута так рано, является необычайным фактом. Препятствия, удерживавшие человечество в состоянии дикости, были велики и с трудом преодолимы. С достижением средней ступени варварства судьба цивилизации все еще не была решена, пока варвары, занятые опытами с самородными металлами, искали путь к плавлению железной руды. Цивилизация была невозможной, доколе не были известны железо и его применение. Не удивительно было бы, если бы человечеству и до сих пор не удалось перешагнуть через эту границу. Если мы взвесим продолжительность существования человека на земле, бесконечные превратности, испытанные им в состоянии дикости и варварства, и тот прогресс, который ему пришлось совершить, то мы будем в праве сказать, что цивилизация могла наступить на несколько тысячелетий позже того времени, как она действительно наступила, когда это было угодно божьему провидению. Мы принуждены притти к заключению, что время ее наступления было результатом ряда благоприятных обстоятельств. Мы имеем все основания не забывать, что нашим современным условиям жизни, с ее многочисленными средствами безопасности и благосостояния, мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и упорному труду наших варварских и еще более отдаленных диких предков. Их труды, испытания и достижения были частью замысла Высшего Разума создать из дикаря варвара, а из варвара — цивилизованного человека.

ПРЕДИСЛОВИЕ Л. Г. МОРГАНА

к КНИГЕ Л. ФАЙСОНА и А. В. ХАУИТТА: «КАМИЛАРОИ И КУРНАИ»

Мельбурн, 1880¹

Нижеследующие мемуары: первый — Лоримера Файсона и второй — Альфреда В. Хауитта, члена Географического общества, были присланы авторами нижеподписавшемуся с просьбой дать предисловие и снабдить текст необходимыми примечаниями; но фактические данные изложены авторами так тщательно и с такой полнотой, что мне, повидимому, остается только обратить внимание читателя на ценность содержащихся в этих мемуарах материалов и их значение для начальной истории человечества.

При собирании материалов для моей работы о «Родстве», составляющей семнадцатый том «Смитсоновских научных сообщений», мне посчастливилось привлечь в качестве сотрудника Л. Файсона, находившегося в это время на островах Фиджи. Он сделался непосредственным участником названной работы, как это можно увидеть, открыв ее на стр. 573—583. Вскоре после этого он переселился в Австралию, где предпринял в более широком масштабе исследование социальной организации австралийских племен, их обычаев, касающихся брака и счета происхождения, их формы семьи и сюда же относящихся систем родства и свойства. Результаты этих исследований, продолжавшихся ряд лет, частично изложены в первом из вышеназванных мемуаров. Уместно отметить, что покойный профессор Джозеф Генри, познакомившись с работой Файсона, обратился к нему с письмом, в котором с похвалой отзывался об его трудах и советовал их продолжать.

Файсон нашел на австралийском поле исследования активного сотрудника в лице А. В. Хауитта, чей мемуар также присоединяется. Будучи занят тяжелыми служебными обязанностями, он все же нашел время для того, чтобы выполнить прекрасную этнологическую работу, как это показывает его мемуар. Эти авторы составили список вопросов, касающихся организации, родственных групп и родства у австралийских чернокожих, и этот список в напечатанном виде широко распространили по главным населенным местам этой страны, приглашая вступить с ними в переписку и поощряя исследования. Они также по мере возможности поддерживали личные сношения с туземцами. Таким порядком они собрали из значительного числа непосредственных источников большое количество фактических данных, иллюстрирующих различные фазы дикой жизни и характеризующих главнейшие учреждения и некоторые обычаи австралийских туземцев.

¹ Полное заглавие: Kamilaroi and kurnal. Group-marriage and relationship, and marriage by elopement; drawn chiefly from usage of the Australian aborigines; also: The kurnal tribe, their customs in peace and war. With an introduction by Lewis H. Morgan author of „Systems of consanguinity“, „Ancient society“ etc. Melbourne, 1880. (Камиларои и курнаи. Групповой брак и родство и брак путем похищения; на основании главным образом порядков австралийских туземцев; также: Племя курнаи, их обычаи в мирное и военное время. С предисловием Льюиса Г. Моргана, автора „Систем родства“, „Древнего общества“ и т. д. Мельбурн, 1880). Книга посвящена Л. Г. Моргану (Ред.).

Им делает большую честь, что, будучи обременены тяжелыми обязанностями, они сочли своим долгом своевременно и активным образом поспособствовать сохранению фактических данных, содержащихся в этих мемуарах.

Австралийские племена исчезают при соприкосновении с цивилизацией еще скорее, чем американские туземцы. Находясь на более низкой этнической ступени, чем последние, они обнаружили меньше силы сопротивления. Они в настоящее время представляют состояние человечества в периоде дикости лучше, чем он представлен где-либо на земле, но это положение быстрыми шагами сходит теперь на-нет под влиянием высших рас. С другой стороны, перед нами здесь общественное состояние, которое до сих пор не считалось заслуживающим специального научного исследования; между тем это — одна из стадий прогресса, которую более развитые человеческие племена и нации прошли в своем раннем историческом прошлом, и между тем рудиментарные формы некоторых наиболее важных учреждений цивилизованного состояния можно отыскать именно в этом состоянии дикости, в котором они возникли. Пройдет немного лет, и мы уже ничего не сумеем узнать о производствах, учреждениях, нравах, обычаях и образе жизни дикаря, за исключением того, что уже имеем.

Первая часть нижеследующей работы по австралийской этнологии принадлежит Л. Файсону и касается происхождения и развития классификационной системы родства. Она трактует австралийские классовые деления, основанные на различии полов, а равно их брачные законы, счет происхождения и систему родства и свойства ясным, отчетливым и исчерпывающим образом. Я ограничу свои замечания об этом выдающемся мемуаре Файсона следующими вопросами:

I. Легенда о Мурду.

II. Пределы распространения организации на основе различия полов в среде австралийских туземцев.

III. Организация в роды или кланы и воспрещение брака в пределах рода.

IV. Групповой брак.

V. Туранский характер родства камиларои, являющийся результатом классовой организации и помянутого воспрещения.

VI. Суровые наказания за нарушения брачных правил, т. е. за брак в пределах запрещенного класса.

VII. Предлагаемое Файсоном объяснение классической легенды о суде и оправдании богами Ореста, как она изложена Эсхилом.

Этот ряд пунктов обнимает все наиболее важные вопросы, затронутые и исследованные в помянутом мемуаре, тщательное изучение которого вполне вознаградит читателя.

I. Легенда о Мурду.

Файсон начинает первую главу своего мемуара с пересказа названной замечательной легенды, которая говорит о наличии у некоторых австралийских племен в раннем периоде их истории такого общественного состояния, при котором существовала кровнородственная семья. Существование этой семьи, каковое предположение отрицалось некоторыми авторами¹, было выведено нами теоретически из малайской системы родства и свойства, а равно из данных об общественном состоянии полинезийских племен. Нет речи о том, что эта семья существует в настоящее время. Это общественное состояние принадлежит прошлому. Помянутая легенда начинается следующим азбацом, правдивость которого подтверждается тем, что сейчас известно об австралийском обществе.

«После своего сотворения братья и сестры и другие ближайшие родные вступали в брак без разбора, пока не обнаружили дурные последствия этих связей и совет вождя не собрался, чтоб обсудить, каким путем можно эти последствия устранить».

¹ См. доклад Ч. Стениленда Уэка в Лондонском Антропологическом институте (номер журнала этого института от ноября 1878 г.); доклад этот, повидимому, встретил полное одобрение членов названного института.

Мы имеем здесь свидетельство распространенной и освященной традицией туземной легенды, решительно подкрепляющей предположение о существовании кровнородственной семьи. Это имеет больше значения, чем голые отрицания, естественно не могущие служить доказательством. Перед нами здесь вместе с тем безыскусственное утверждение фактов, как они представлялись туземному уму, хорошо знакомому с окружающим его настоящим, а в известной мере и с прошлым состоянием. Австралийцы и полинезийцы находятся одинаковым образом в состоянии дикости, когда только существование кровнородственной семьи и было возможно. Пока их общественный строй и половые отношения не будут изучены более основательным образом, существование у них в какую-либо раннюю эпоху кровнородственной семьи отрицать не приходится. Это настолько обосновано существующими данными, что может быть опровергнуто только прямыми указаниями, говорящими о противном.

Принятые меры, продолжает легенда, выразились в учреждении австралийской системы классов с таким брачным порядком, что родные братья и сестры были исключены из брачного общения. Легенда таким образом не только принимает действительное существование в прошлом кровнородственного брака, но и говорит об учреждении классов на основе различия полов, с помянутым запрещением, которое, по мысли его авторов, должно было устранить общепризнанное зло. Эволюционисты затрудняются признать за дикарями какое-либо сознательное стремление к преобразованиям. Они допускают, что дикари случайным образом пробуют применить различные меры и если открывают их практическую пользу, то и принимают те средства, которыми эта польза была достигнута. Нельзя предполагать, чтобы дикари сознательно вырабатывали преобразовательные мероприятия в строгом смысле слова; но нельзя, конечно, серьезно говорить, что их действия и намерения лишены какого-либо смысла. «Беззаботный ум дикаря» — может оставаться поэтической фразой, но не может считаться правильной в буквальном смысле. Если бы ум дикаря всегда оставался беззаботным, люди по всей земле оставались бы до сегодняшнего дня дикарями.

II. Распространение организации на основе различия полов в среде австралийских туземцев.

Тот же мемуар устанавливает широкое распространение этой наиболее архаической организации в среде австралийских племен. Она не представляет собой продукта выдумки племен, говорящих на гавайском языке, у которых она была впервые открыта, но обнаружена у большого числа племен, разбросанных по обширнейшим пространствам Австралии. Названия мужских и женских классов у некоторых племен диалектологически изменились до полного различия, что указывает на существование у них этих классов в очень отдаленные времена. Это одно придает настоящему мемуару большую ценность, и Файсон заслужил благодарность этнологов уже за одно то, что установил и проверил фактические данные, содержащиеся в его таблице.

III. Организация в роды или кланы и воспрещение брака в пределах рода.

Эта замечательная организация на основе родства со счетом происхождения по женской линии универсально присуща наиболее раннему периоду, и со счетом по мужской линии — универсальном в более позднем периоде, — сохранившаяся у греков и римлян до наступления цивилизации, когда родовое общество сменилось обществом политическим, основанным на территории и собственности, — представляет собой одно из самых поразительных явлений истории человеческого ума и общественных учреждений. Сравнение различных форм родовой организации у различных рас не оставляет сомнения, что это одна и та же организация, где бы мы ее ни встречали, но находящаяся на различных стадиях своего развития. Генс греков и римлян, род ирокезов, шотландский клан, ирландский септ, фратрия афинян, тум магаров Индии, родственные группы племен Сибири и Африки и родовые подразделения, носящие имена животных, в Австралии — все это, несомненно, одна и та же организация, что

бы ни говорилось в опровержение этого¹. Это видно по составу группы, взаимным обязанностям ее членов, правилам, касающимся брака, счета происхождения и наследования, а равно по характеру и способу замещения должности вождя; во всем этом между всеми ними существует принципиальное сходство с незначительными вариантами. Это показывает, что главные человеческие расы, белая, красная, желтая и черная, получили эту организацию от своих предков в весьма отдаленном прошлом и что эта организация была передана тем их потомкам, которые ныне расселены на всех континентах. Мы можем таким образом проследить в их единообразии операции человеческого ума в его прогрессе от дикости до цивилизации, далеко назад за пределы писаной истории, в туманный полумрак отдаленных времен, имея возможность реконструировать часть начальной истории человечества на основе данных высокого качества.

Мы можем теперь обратиться к рассмотрению одной из сторон австралийского классового деления, чему я решаюсь предпослать нижеследующую цитату из «Древнего общества»:

«Структура родов будет понятней, если мы, в связи с изложенным, покажем их отношения к классам. Последние, связанные попарно, состоят из сестер и братьев, ведущих свое происхождение друг от друга, а роды, в свою очередь, поперек классов, также связаны в пары следующим образом:

Р о д ы	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1. Игуан	все	Мурри и Мата	или	Кубби и Капота
2. Эму	„	Кумбо „ Бута	„	Иппаи „ Иппата
3. Кенгуру	„	Мурри „ Мата	„	Кубби „ Капота
4. Водяная курица	„	Кумбо „ Бута	„	Иппаи „ Иппата
5. Опоссум	„	Мурри „ Мата	„	Кубби „ Капота
6. Черная змея	„	Кумбо „ Бута	„	Иппаи „ Иппата

Связь детей с определенным родом решается брачным законом. Так, Игуан-Мата должна вступить в брак с Кумбо, ее дети будут Кубби и Капота и необходимым образом принадлежат к роду Игуан, так как происхождение считается по женской линии. Игуан-Капота должна вступить в брак с Иппаи, их дети будут Мурри и Мата и на том же основании будут принадлежать к роду Игуан. Таким же образом Эму-Бута должна вступить в брак с Мурри, их дети будут Иппаи и Иппата и будут принадлежать к роду Эму. Точно так же Эму-Иппата должна вступить в брак с Кубби, их дети будут Кумбо и Бута и также рода Эму. Таким образом род сохраняется благодаря тому, что он удерживает в числе своих членов детей всех своих женщин. То же в полном объеме относится ко всем остальным родам. Следует отметить, что каждый род образовался, теоретически, из потомков двух предполагаемых праплатерей и содержит четыре из восьми классов. Повидимому, первоначально было только два мужских и два женских класса, противостоящих друг другу в отношении брачных прав, впоследствии же эти четыре класса подразделились на восемь. Классы, как более ранняя организация, очевидно, вошли в состав родов, а не образовались путем разделения последних.

Далее, так как роды Игуан, Кенгуру и Опоссум оказываются копиями один другого по входящим в их состав классам, то отсюда следует, что они представляют собой подразделения одного начального рода. Точно то же самое относится к родам Эму, Водяная курица и Черная змея. Таким образом шесть родов сводятся к двум начальным родам, члены которых имели право вступать в брак в другом роде, но не в своем собственном. Это подтверждается тем, что члены первых трех родов первоначально не имели права вступать в брак, точно так же как и члены трех последних. Причина, препятствовавшая заключению браков

¹ См. рецензию Э. Б. Тэйлора на „Древнее общество“ в журнале „Academy“ от 20 июля 1878 г., где утверждается противное.

в пределах рода, когда эти три рода составляли один, должна была остаться в силе и для его подразделений, так как они были одного происхождения, хотя и носили различные родовые имена. Совершенно то же самое встречается у се-нека-ирокезов»¹.

Взгляды Файсона, а равно изложенные в приведенной цитате, полностью совпадают, с тем, пожалуй, незначительным расхождением, которое касается способа возникновения определенного числа классов. Если предположить, что Игуан и Эму представляют собой пару начальных родов, то восемь классов поделены между ними, по четыре в каждом. Поскольку Мата — мать Кубби и Капота, а Капота — мать Мурри и Мата, эти четыре класса представляют собой в действительности только один класс с мужской и женской ветвями. Они образуют одну родственную группу со счетом происхождения по женской линии. То же самое и с родом Эму. Правильнее поэтому сказать, что два начальных взаимнобрачующихся класса в двух родах разделились путем сегментации на восемь, независимо от рода, — чем сказать, что каждый род разделился на четыре класса, имевших право заключать браки с четырьмя классами другого рода. Каждая из этих организаций, родовая и классовая, являются независимой формой, при чем классовая — старше, и представляет собой начальную единицу данной системы. Единица организации не может быть подразделением более крупного целого, поскольку она естественно представляет собой начальное образование. То же самое относится к остальным четырем родам. Три из шести являются дубликатами один другого по содержащимся в них классам, и все они вместе состоят только из двух взаимнобрачующихся классов в каждой паре родов. Будет, пожалуй, и более правильным сказать здесь, что Кенгуру и Опоссум образовались путем сегментации Игуана и что Водяная курица и Черная змея являются сегментами Эму, считая в обоих случаях, что Игуан и Эму были первыми двумя образовавшимися родами. Но то же могло быть и с каждой из других пар родов, насколько это известно; раз имеются основания считать, что эта организация началась с пар родов, можно предполагать, что то же самое произошло у камиларои.

Нет никаких данных о существовании у них фратриальной организации. Возможно, что она никогда и не возникла здесь в виде определенной высшей организации двух или более родов для известных общих целей. Но судя по форме их социальной системы, как она выступает в мемуаре Файсона, основание двух фратрий можно найти во взаимоотношениях родов. Так, Игуан, Кенгуру и Опоссум могли бы естественно образовать одну фратрию, состоящую из родов, имеющих одни и те же классы, все члены которых одного происхождения; Эму, Водяная курица и Черная змея могли бы образовать другую фратрию, поскольку они также имеют одинаковые классы. Хотя мы имеем здесь родовую организацию в ее самой низшей и, в некоторых отношениях, архаической форме, имеется теоретическая вероятность, что у них существовала фратриальная организация в ее простейшей форме, которая со временем и с накоплением опыта развивалась, приняв положительную форму. Эти мои взгляды относительно эволюции данной системы представляют собой не больше как мнения, и взгляды Файсона должны иметь такой же, если не больший, вес, чем мои собственные. Высказывая свои взгляды, я отношусь в то же время с величайшим почтением к взглядам Файсона.

IV. Групповой брак.

Людям нашего времени очень трудно понять групповой брак, представляющий собой нечто новое даже в этнологии. Брак цивилизованных рас так глубоко непохож на него, что нам не легко признать групповой брак формой брачных отношений. Частично это затруднение происходит из-за употребления термина брак для обозначения столь особенных отношений полов; но в данном соединении употребление этого термина оправдано, поскольку мы здесь имеем форму

¹ Ancient Society, p. 56.

брака, сопровождающуюся действительным сожительством. Как это хорошо показано в настоящем мемуаре, у австралийских дикарей группы мужчин соединены с группами женщин не путём какой-либо церемонии формального брака, с участием этих групп, а в силу органического закона, освященного племенным обычаем и признаваемого на широкой территории, при чем этот брак сопровождается на практике действительным сожительством сторон. Женщина один день живет с одним мужчиной на правах жены и мужа, а на другой день — с другим мужчиной из той же самой группы на тех же правах, и так, быть может, ряд мужчин с рядом женщин в одно и то же время. Вопросы о браке и счете происхождения трактуются в главе III, которой следует уделить особое внимание. Здесь излагается и получает объяснение групповой брак. Группа мужчин, носящих одно и то же классовое имя, является по рождению мужьями группы женщин, носящих другое классовое имя; и когда бы мужчина из данного класса ни встретил женщину из противоположного класса, они считают друг друга мужем и женой и их право жить в этих отношениях признается племенем, к которому они принадлежат. Файсон говорит по этому поводу, что «это, по-видимому, самая растяжимая система коммунального брака, какую только когда-либо знал мир. Это — порядок, распространяющийся на целый континент (см. таблицу В), разделяющий племена, разбросанные по самому обширному пространству, на взаимнобрачующиеся классы и дающий мужчине одного класса супружеские права по отношению к женщинам другого класса в племени, находящемся на расстоянии сотни тысяч миль и говорящем на совершенно другом языке». В конце этой же главы, говоря о счете происхождения по женской линии, что является общим правилом у австралийских племен, он указывает, что «если женщина состоит в браке с мужьями, находящимися на расстоянии тысяч миль, то очевидно, что отцовство должно быть, по меньшей мере, сомнительным». Факты, изложенные в настоящем мемуаре, пробивают новый свет на эти исключительные отношения полов, связанные с отдаленнейшей стадией дикости.

V. Туранский характер родства камиларон, являющийся результатом классовой организации и восприятия брака в пределах рода.

Основное различие между малайской и туранской системами родства выражается в тех видах родства, которые зависят от наличия или отсутствия брака между родными братьями и сестрами. Поскольку у австралийских племен, разделенных на мужские и женские классы, такие браки запрещены в силу органического закона, наличия туранской системы здесь следовало ожидать, разве бы она была сменена системой, по существу подобной арийской; ибо лишь три системы родства обнаружены до сего времени у всех человеческих племен и наций. В главе IV Файсон показывает существование у австралийских племен, организованных в классы, туранской системы. Его общая трактовка вопроса о родстве в этой и следующей главах заслуживает внимания читателя. Она сделана основательно и с глубоким пониманием сущности этого трудного предмета.

VI. Суровые наказания за нарушение брачных правил, т. е. за брак в пределах запрещенного класса.

Групповой брак кажется таким особенным и необычным порядком, что представляется естественным считать его обычаем, происходящим из распушенности нравов и низменных взглядов дикарей на отношения полов. При таких условиях нельзя было бы, конечно, ожидать существования каких-либо уз для половых страстей. Однако такая гипотеза наталкивается на тот факт, что этот порядок поддерживается общественным мнением и органическим законом, осуждающим и наказывающим всякое нарушение правил, касающихся отношений полов, что, в свою очередь, составляет часть общей системы. Соответственным образом мы видим, что всякая попытка взять жену из запрещенного класса в пределах того же племени или даже у отдаленного и враждебного племени, имеющего аналогичную классовую организацию, вызывает немедленно противодействие и сурово наказывается самим же племенем. Глава III приводит тому ряд иллюстраций, из которых берем одну:

«Если воин возьмет себе личную пленницу, принадлежащую к запрещенному классу, за ним будут охотиться как за диким зверем, и если только ему не удастся спрятаться пока ярость его племени не остынет, он будет убит вместе со своей пленницей. Существование этого сурового обычая подтверждено вполне достоверным свидетельством».

Мы видим таким образом, что в самом отсталом дикарском обществе, порядки и обычаи которого обнаруживают самые низменные, какие только возможны, взгляды на отношения полов, все же существуют определенные ограничения, при чем эти ограничения охраняются и поддерживаются обычаем и общественным мнением со всей силой и твердостью. Перед нами (правда, тускло освещенный) род того морального чувства, которое связывает элементы цивилизованного общества; это опровергает также ложное предположение, выраженное словами «беззаботный ум дикаря». Заботы дикаря не велики и ограничены, и монография Хауитта дает тому ряд примеров; но самый принцип действия разума, хотя и сохраняет детский характер, всегда налицо и всегда активен.

VII. Предлагаемое Файсоном объяснение классической легенды о суде и оправдании богами Ореста, как она изложена Эсхилом.

В приложении к своему мемуару Файсон подвергает новому разбору знаменитый суд над Орестом, преследуемым фуриями за убийство своей матери. Джон Леббок и другие уже пытались дать этому процессу более или менее остроумное объяснение, но объяснение Файсона, по моему мнению, столь же убедительно, сколь оригинально и полно.

Монография Хауитта о курнаи является, в свою очередь, исключительно ценным вкладом в этнологию. Племя курнаи обитает в Джипсленде, в Виктории, в юго-восточной части Австралии, — местности, отделенной от остальной части материка естественными границами, почти непроходимыми. Эта изолированность оказалась благоприятной для их прогресса. По своим производствам они стоят не выше других австралийских племен, но по своим общественным отношениям, в особенности в своих брачных порядках и форме семьи они обнаруживают значительное развитие по сравнению с другими австралийскими племенами. Названный мемуар основан на личном знакомстве автора с порядками и обычаями курнаи, приобретенном путем личного общения с остатками этого когда-то многочисленного племени во время продолжительного пребывания в их стране. Хауитт обладал особыми возможностями собрать и проверить данные, содержащиеся в его мемуаре. Эта работа дает совершенно новую и живую картину туземной жизни и имеет достоинство непосредственного и вдумчивого исследования порядков и обычаев дикарей.

Говоря об отдельных вопросах, затронутых в настоящем мемуаре, я имею в виду ограничиться краткими замечаниями по следующим пунктам:

I. Детоубийство.

II. Брак отдельных пар по взаимному соглашению, сопровождающемуся похищением.

III. Отсутствие сношений между зятем и тещей.

IV. Существование у курнаи в прошлом группового брака и пуналуальной семьи, что Хауитт выводит из их нынешних брачных обычаев и системы родства.

V. Вера курнаи, что смерть не является естественным концом жизни, а следствием случая, открытого насилия или черной магии.

VI. Небезопасность жизни у дикарей.

Хотя эти пункты дают недостаточное представление о содержании названного мемуара, они показывают его общий характер.

I. Детоубийство.

Вопрос о детоубийстве, так часто дававший повод для преувеличений, излагается Хауиттом совершенно отчетливым образом, при чем приводятся те мотивы, которыми туземцы объясняют практику этого порядка. Наиболее важное обстоятельство заключается, по его мнению, в том, что детоубийство встречается только в семьях; переобремененных детьми, и таким образом имеет весьма огра-

значенное распространение, как, вероятнее всего, дело и обстоит. Где детоубийство существует или существовало в прошлом, там оно по общему правилу объяснялось определенными обстоятельствами, как это видно из следующих слов Хауитта:

«В разговорах со многими курнаи на эту тему я получал следующее объяснение. Часто бывает трудно таскать с собой маленьких детей, в особенности когда их много. При их бродячей жизни это очень трудно. Иногда случалось, что перед рождением ребенка его отец говорил своей жене: нам приходится таскать слишком много детей, лучше оставь этого, когда он родится, в лагере. Так, новорожденный оставался в лагере, а семья переходила в другое место. Ребенок, конечно, погибал. Курнаи настаивали на этом своеобразном различии, что у них никогда не было случая, чтоб родители убивали своих детей, а только оставляли новорожденных. Ум туземца, повидимому, не представляет себе ужаса осуждения несчастного ребенка на смерть в покинутом лагере... Возможно, что чувство любви, возникающее в силу близости и зависимости, в подобном случае еще не успело возникнуть, и естественное родительское чувство, повидимому, уступает место тому, что они считают давлением обстоятельств».

В таком случае термин *детоубийство*, говорящий о прямом акте насильственного причинения смерти лично родителями, едва ли правилен. Покидание или обречение детей на смерть — более точно выражает этот акт, вместе с тем до некоторой степени скрашивая глубокий ужас этого преступления.

II. Брак отдельных пар по взаимному соглашению, сопровождающемуся похищением.

Мы встречаемся у курнаи с исключительным положением: брак с согласия и при участии родителей, порядок универсально распространенный в варварском обществе, является здесь исключением, тогда как брак по соглашению самих брачующихся сторон, помимо родителей, составляет правило, при чем сопровождается похищением во избежание насилия родителей и родни. Такого рода порядок представляет собой нечто необычное для человеческих племен, как дикарских, так и варварских, и я не знаю, наблюдалось ли что-либо подобное в других местах.

«Молодой курнаи, — говорит Хауитт, — может, по общему правилу, добыть жену только одним путем. Он должен вместе с ней убежать. Туземный брак может быть заключен различными способами. Если дело так благоприятно складывается, что у какого-нибудь молодого человека имеется незамужняя сестра, а у его друга также имеется незамужняя сестра, то они могут договориться с этими девушками убежать вместе; либо он может согласиться с какой-нибудь понравившейся ему подходящей девушкой, которой и он нравится; или же девушка, которой понравился молодой человек, может обратиться к нему с секретным посланием, содержащим вопрос: хочешь добывать для меня еду? — что представляет собой брачное предложение. Но во всяком таком случае для успеха необходимо, чтобы родители невесты оставались в полном неведении о том, что должно произойти. Сватовство имеет место лишь при самых исключительных обстоятельствах, ибо получить жену можно только обычным путем, а именно путем ее увода».

Отец, братья и родные преследуют беглецов и, если настигнут, наказывают жестоким образом, как за настоящее преступление.

«Бывает, что отец девушки ранит ее копьем в бедро или в обе ноги, а мать и братья жестоко избивают ее. Что касается мужа, то по своем возвращении он должен биться на поединке с мужчинами-родственниками жены... В конце концов, когда семье женщины наскучит противиться, мать может сказать: ну, все равно, пусть уж лучше он возьмет ее».

Образуюмую таким союзом форму семьи Хауитт называет «парной семьей», что совершенно правильно и согласуется со всеми данными об их социальном состоянии. Поскольку этот обычай, вероятно, начался со случайных происшествий, кажется странным, что он вырос в постоянный племенной порядок.

III. Отсутствие сношений между зятем и тещей.

Этот странный обычай, широкое распространение которого было обнаружено у всех отсталых человеческих рас, существует в столь же позитивной форме у курнаи и, повидимому, имеет основания. Хауитт приводит следующие примеры:

«Я разговаривал однажды с одним брабрулонгом, крещеным в англиканскую веру. Невдалеке проходила его теща, и я стал звать ее. Будучи нездоров, я не мог крикнуть громко и сказал брабрулонгу: позови Мэри, мне нужно ей кое-что сказать. Но он не обратил внимания на мои слова и продолжал безучастно смотреть в землю. Я повторил то же самое более резко, но опять не получил ответа. Я спросил: что это значит, что ты не обращаешь внимания на мои слова? Тогда он сказал находившемуся неподалеку брату своей жены: скажи Мэри, что мистер Хауитт зовет ее, и, обратившись ко мне, заметил с упреком: вы ведь хорошо знаете, что я этого не могу сделать; вы знаете, что я не могу говорить с этой старухой.

Можно думать, что враждебное чувство, возникшее у тещи в результате вполне реального похищения ее дочери, приняло постоянную форму в виде отказа от какого бы то ни было общения со своим зятем. То, что представляло собой вначале случайное обстоятельство, с течением времени развилось в постоянный обычай.

IV. Существование у курнаи в прошлом группового брака и пуналуальной семьи, а до того — кровнородственной семьи, что Хауитт выводит из их нынешних брачных обычаев и системы родства.

Не останавливаясь на трактовке Хауиттом вопросов о должности старшего или главара, о кровной мести и организации австралийцев в родственные группы или кланы (таблица А), я перейду к его замечаниям об их системе родства, как она изображена в таблицах В и С, а равно сделанным им отсюда выводам. Хауитт принимает, что существование так называемой кровнородственной семьи доказывается главным образом малайской системой родства и свойства, выражающей родственные отношения, действительно существовавшие в такой семье, и что существование так называемой пуналуальной семьи доказывается главным образом туранской системой родства и свойства, донныне господствующей в Азии, и ганованской системой, донныне господствующей в Америке, выражающими родственные отношения, действительно существовавшие в пуналуальной семье. Вместе с тем в современных терминах родства курнаи Хауитт находит доказательство того, то у них в прежнее время существовали как пуналуальная, так и кровнородственная семьи. Он говорит:

«Взаимоотношения этой группы представляются, по моему мнению, теоретически чисто малайскими, ибо все они считают друг друга братьями и сестрами. Это выражается, далее, в их отношениях друг к другу, за исключением того случая, когда они являются «мумунгой» (сестрой отца) и «бабуком» (братом матери). Чрезвычайно знаменательно, что в этих случаях, как и в других, явствующих из таблицы В, вторичные отношения, если можно так их назвать, таковы, какими они логически рисуются самими основными терминами. Это сильно подкрепляет предположение, что они возникли впервые путем принобления языка к существующим родственным отношениям, а не в качестве простых терминов личного обращения. Я привожу для сравнения в таблице С главнейшие термины курнаи вместе с аналогичными терминами двух далеко от них обитающих племен. Сравнительная простота первых бросается в глаза. Эти термины говорят о семье, в которой группа братьев имеет общих жен или группа сестер имеет общих мужей; но из этих терминов, пожалуй, не следует обязательно, что дети брата являются мужьями и женами детей сестры. (Это дает пуналуальную семью). Термины эти также, я полагаю, с несомненностью указывают на более архаическую форму семьи, в которой брак был кровнородственным».

Этот вывод Хауитта весьма важен. Его основательное знакомство с состоянием австралийских племен придает его мнениям полный вес; и автору кажется, что эти мнения полностью подтверждаются туземной системой родства.

V. Вера курнаи, что смерть не является естественным концом жизни, а следствием случая, открытого насилия или черной магии.

Из числа любопытных верований австралийских чернокожих следует здесь отметить два.

«Не трудно, — говорит Хауитт, — понять, почему у дикарей, не имеющих понятия о действительных причинах болезней, составляющих удел всего человечества, не должно существовать даже мысли о возможности смерти от болезни. Смерть от несчастного случая или от насилия они могут себе представить, но я сомневаюсь, чтобы они могли при своей дикости представить себе просто смерть от болезни... Так возникает вера, что смерть происходит только вследствие случайности, насилия или же тайной магии, и естественно, что с последней можно бороться только контрколдовством».

Он приводит также следующий пример веры в духов, когда туземец принял за духа живого европейца:

«Один брабrolунг сказал мне, что когда он был маленьким мальчиком, он увидел впервые близ реки Тамбо белого человека и был уверен, что это — «мрарт» (дух), и убежал. Он был уверен, что это — «мрарт», сказал он, потому что он был такой бледный».

Эти и ряд других верований, порядков и обычаев, описанных в настоящих мемуарах, проливают новый свет на жизнь дикарей и показывают отсталость их умственных способностей по сравнению с цивилизованными людьми. Эти сообщения по австралийской этнологии дают представление о громадной разнице между диким и цивилизованным человеком. Они вместе с тем говорят о том, с какой низкой ступени человеческая раса начала свое поприще.

VI. Небезопасность жизни у дикарей.

Одно из величайших достижений цивилизации составляет та безопасность, которую она дает отдельным лицам и семьям, если не считать времени военных действий, но и наступление войны уже перестало быть неожиданностью. Варвары и в особенности дикари, населяющие небольшие территории, находятся постоянно под угрозой неожиданных нападений из-за угла. Семья отправляется ночью на покой без всякой уверенности, что она не подвергнется нападению до наступления утра или что следующий день пройдет без неожиданного появления врага. Это — одна из опасных сторон их состояния и одно из препятствий к их прогрессу. Курнаи не составляют исключения из этого правила.

«В известном отношении, — говорит Хауитт, — жизнь курнаи представляет собой жизнь в страхе. Он живет в страхе перед видимым и невидимым. Он не знает, когда подстерегающий его «брайерак» ударит его сзади копьем; и он не знает, когда какому-нибудь его тайному врагу из среды самих же курнаи удастся напустить на него какую-нибудь порчу, против которой он не сможет бороться или от которой даже самые могущественные контрталисманы, полученные им от его предков, не смогут его освободить».

Распределение пищи у курнаи, описанное в конце мемуара, и образ мышления курнаи, о чем также говорится под конец, представляют собой интересные и важные темы, но мое предисловие и так уже затянулось, и я лишен возможности на них остановиться. Этнологи прочитают эти сообщения по австралийской этнологии с удовольствием и с чувством благодарности и признательности к их авторам. Это — попытка заполнить один из крупных пробелов в наших знаниях о состоянии диких племен, знаниях, составляющих необходимое основание отчетливой схемы истории и развития человечества.

Мне приходится также обойти молчанием предложенное Файсоном краткое толкование сущности системы курнаи, составляющее третью часть этих мемуаров. Оно является необходимым и важным дополнением к монографии Хауитта.

Льюис Г. Морган

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ¹

- Адам Александр** (Adam, 1741—1809)—английский историк-популяризатор. Цит.: *Roman antiquities, or an Account of the manners and customs of the romans*. London, 1791.
- Адамс, Генри** (Adams, 1838—1918)—американский историк. Морган находился с ним в научной переписке. Цит. изданный под его редакцией сборник: *Essays in anglo-saxon law*. Boston, 1876.
- Акоста, Хозé** (Acosta, 1539—1600)—испанский миссионер, историк конквисты. Цит.: *Historia natural y moral de los Indias*. Sevilla, 1590.
- Анонимный завоеватель**—под этим названием фигурирует в литературе неизвестный участник завоевания Мексики, оставивший свои записки. Цит. по собранию Терно-Компана (см.).
- Аристотель** (384—322 до н. э.)—греческий философ. Цит. его обществоведческий трактат „Политика“.
- Ахиллес Таций** (жил в VI в.)—греческий романист; упоминается в связи с цитатой из Беккера (см.).
- Байнингтон, Кир** (Byington, 1793—1868)—американский миссионер, автор словаря и грамматики языка племени чокта. Один из корреспондентов Моргана.
- Банделир, Адольф Френсис Альфонс** (Bandelier, 1840—1914)—швейцарец по происхождению (мать—русская), американский историк, этнограф и археолог, автор ряда работ по истории Мексики и переводчик историков конквисты. Один из друзей и учеников Моргана. Цит. его переводы истории Дурана (см.) и хроники Тецоцмома (см.).
- Банкрофт, Губерт** (Bancroft, 1832—1918)—американский ученый, автор и издатель ряда работ по истории Северной Америки и ее туземных народов. Цит.: *The native races of the Pacific States of North America*, 5 v-s. New-York, 1857—1876; этот труд был для К. Маркса и Ф. Энгельса одним из источников ознакомления с этнографией Северной Америки до их знакомства с „Древним обществом“ Моргана.
- Бартлетт, Сэмюэль** (1817—1898)—американский теолог. Цит.: *Historical sketch of the Hawaiian missions in the Sandwich islands etc.*, 1869.
- Бахофен, Иоганн-Яков** (Bachofen, 1815—1877)—швейцарский юрист, историк и археолог; Морган находился с ним в дружеской переписке. Цит.: *Das Mutterrecht*. Stuttgart, 1861.
- Бек, Август** (Böckh, 1785—1867)—немецкий филолог и историк. Цит.: *Die Staatshaushaltung der Athener*. Berlin, 1817.
- Беккер, Вильгельм-Адольф** (Becker, 1796—1846)—немецкий историк. Цит.: *Charicles oder Bilder altgriechischer Sitte*. 2 B-de. Leipzig, 1840; существует русский перевод.
- Бекманн, Иоганн** (Beckmann, 1739—1811)—немецкий естествоиспытатель, первый историк техники. Цит.: *Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*. 5 B-de. Leipzig, 1786—1805.
- Белль, Джеймс Станислав** (Bell)—английский авантюрист-торговец, автор дневника пребывания на Сев. Кавказе (1840); упоминается в цитате из Мак Леннана (см.).
- Берно, Джон Генри** (Bernau)—английский миссионер в Британской Гвиане; автор описания туземного населения (1847); упоминается в цитате из Тэйлора (см.).
- Берос** (жил в III в. до н. э.)—вавилонский жрец и историк; упоминается в цитате из Моммсена (см.).
- Бингхем, Хайрем** (Bingham, 1789—1869)—американский миссионер на Сандвичевых островах. Цит.: *Residence of twenty-one years in the Sandwich islands; or The civil, religions and political history of those islands*. Boston, 1847.

¹ Сочинения, цитируемые Морганом в переводе, указываются здесь в оригинале, притом в их первом издании, если неизвестно, какое издание цитируется Морганом.

- Блэк (Black)**—английский издатель путеводителей. Цит.: *Black's Tourists' guides. London and environs.*
- Брассер де Бурбур, Шарль-Этьен (Brasseur de Bourbourg, 1814—1874)**—французский миссионер в Центральной Америке, историк. Цит.: *Collection de documents dans les langues indigènes, pour servir à l'étude de l'histoire et de la philologie de l'Amérique ancienne. Vol. I. Popol Vuh. Le livre sacré et les mythes de l'antiquité américaine avec les livres héroïques et historiques des quichés. Texte quiché et traduction française, accompagnée de notes etc. Paris, 1861.*
- Бретт, Вильям-Генри (Brett)**—Цит.: *The indian tribes of Guiana, their condition and habits etc. London, 1868; цитируется по Леббоку (см.).*
- Ваксмут, Эрнст-Вильгельм (Wachsmuth, 1784—1866)**—немецкий историк. Цит.: *Hellenische Alterthumskunde. 4 B-de. Halle, 1826—1830.*
- Варрон, Марк-Терренций (116—27 до н. э.)**—римский ученый и поэт. Цит.: *De lingua latina (О латинском языке) и De re rustica (О сельском хозяйстве).*
- Веллей Патеркул (жил в I веке)**—римский историк.
- Гай (жил во II веке)**—римский юрист, составитель руководства по римскому праву, так называемых „Институций“.
- Галлатин, Альберт (Gallatin, 1761—1849)**—швейцарец по происхождению, американский этнограф и политический деятель, основатель и первый президент Американского Этнологического общества. Один из личных знакомых Моргана. Цит.: статья в *Transactions of the American Ethnological Society, vol. II.*
- Гарсиласо де ла Вега, по прозвищу „Инка“ (Garcilasso de la Vega, правильнее: Lasso de la Vega, García, 1539—1615)**—перуанский историк. Цит.: *Comentarios reales que tratan del origen de los Incas, reyes que fueron del Peru etc. Primera parte. Lisboa, 1609. Segunda parte. Historia general del Peru, que trata el descubrimiento de el, y como lo ganaron los españoles etc. Córdoba, 1617.*
- Генри, Джозеф (Ненгу, 1799—1878)**—американский физик, секретарь Смитсоновского института. Один из друзей Моргана.
- Германн, Карл-Фридрих (Hermann, 1804—1855)**—немецкий филолог и историк. Цит.: *Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, aus dem Standpunkte der Geschichte entworfen. Heidelberg, 1831.*
- Геродот (ок. 484—425 до н. э.)**—греческий историк.
- Гладстон, Вильям Эварт (Gladstone, 1809—1898)**—английский государственный деятель и ученый-дилетант. Цит.: *Inuentus mundi. The gods and men of the heroic age. London, 1869.*
- Гоге, Антуан (Goguet, 1716—1758)**—французский ученый аббат, автор имевшего в свое время крупное влияние сочинения по истории культуры, вышедшего в 1758 г.; цитируется по Тэйлору (см.).
- Гомара, Франциско Лопец (Gomara, 1510—1560)**—испанский монах, историк конквисты. Цитируется по Клавигеро (см.).
- Гомер**—легендарный автор или составитель греческих эпических поэм „Илиады“ и „Одиссея“.
- Гоннвиль, Бино Польмье (Gonneville, жил на рубеже XV и XVI вв.)**—французский мореплаватель. Цитируется по Тэйлору (см.).
- Гораций (64—8 до н. э.)**—латинский поэт. Цит. его „Сатиры“ и письмо *De arte poetica* (О поэтическом искусстве), откуда взята фраза, служащая эпиграфом к „Древнему обществу“: *Nescit vox missa reverti* (Сказанного слова не воротись“).
- Горман, Сэмуэль (Gorman)**—американский миссионер, проживший долгое время среди индейцев племени лагуна. Цит. его доклад в Новомексиканском историческом обществе в 1860 г.
- Грант, Уллис-Сидней (Grant, 1822—1885)**—президент САСШ с 1868 по 1876 г. Морган ссылается на одну из его речей в парламенте.
- Грот, Джордж (Grote, 1794—1871)**—английский историк и политический писатель. Цит.: *A history of Greece from the earliest period to close of the generation contemporary with Alexander the Great. 12 v-s. London, 1846—1856.*
- Далль, Вильям (Dall, 1845—1927)**—американский естествоиспытатель и этнограф, знаток Аляски. Цит.: *Alaska and its resources, Boston, 1870.*
- Дарвин, Чарльз-Роберт (Darwin, 1809—1882)**—английский естествоиспытатель, научно обосновавший эволюционную теорию в биологии. Личный знакомый Моргана.
- Делич, Франц (Delitzsch, 1813—1890)**—немецкий теолог-гебраист. Цит.: изданный им совместно с Кейлем (см.): *Biblischer Kommentar uber das Alte Testament. B. I. Genesis und Exodus. Leipzig, 1861.*
- Демосфен (384—322 до н. э.)**—греческий политический деятель, замечательный оратор. Цит. его речи: „Против Эвбулида“ и „В пользу Макартата“.
- Джибс, Джордж (Gibbs, 1815—1873)**—американский естествоиспытатель и лингвист, изучавший туземные языки; один из корреспондентов Моргана.
- Джонс, Чарльз (Jones, 1831—1893)**—американский историк и этнограф. Цит.: *Antiquities of the southern Indians, particularly of the Georgia tribes. New York, 1873.*

- Димеарх** (жил в IV в. до н. э.)—греческий историк, экономист и географ.
- Диоген Лаэртский** (жил в III в. до н. э.)—греческий историк. Цит. его собрание жизнеописаний греческих философов.
- Дионисий**, так называемый Галикарнасский (жил в I в. до н. э.)—грек по происхождению, историк, автор сочинения „Римские древности“.
- Добрицгоффер**, Мартин (Dobrizhoffer, 1717—1791)—немецкий миссионер, автор одной из старейших в этнографической литературе монографий о южно-американском племени абипонах (1783—1784); цитируется по Тэйлору (см.).
- Дуран**, Диего (Durán, 1538—1588)—испано-американский монах, историк конквисты; автор *Historia de las Indias de Nueva España y islas de tierra firme*. 2 v-s. Mexico, 1867—1880; Морган цитирует I том этого сочинения, вышедший одновременно с испанским в переводе с рукописи: *History of the Indies of New Spain and islands of the main land*. Ed. by Jose F. Ramirez. Published from the original MS. Translated by Mr. Bandelier. Mexico, 1867.
- Дю Шайю**, Поль (Du Chaillu, 1835—1903)—французско-американский путешественник по Африке и Скандинавии. Цит.: *A journey to Ashango land and Equatorial Africa*. London, 1867; существует русский перевод.
- Евстафий Солунский** или **Фессалоникский** (ум ок. 1194)—византийский церковный писатель Морган ссылается на его комментарий к „Илиаде“ и „Одиссее“, изданный впервые в Риме в 1542—1550 гг.
- Исей** (420—350 до н. э.)—греческий оратор; упоминается в связи с цитатой из Беккера (см.) и со ссылкой на Германя (см.).
- Икстилькохитль де Альва**, Фернандо (Ixtlilxochitl de Alva, 1570—1649)—мексиканский историк, потомок последнего вождя тецкуков. Цит.: *Compendio de la historia de los chichimecas*—по собранию Кингборо (см.).
- Карвер**, Джонатан (Carver, 1732—1780)—американский путешественник-приключенец. Цит. его записки: *Three years travels through the interior parts of North America*. London, 1778.
- Квинтилиан** (ум. в начале II в.)—римский писатель и учитель красноречия.
- Кейль**, Карл-Фридрих (Keil, 1807—1888)—немецкий теолог-гебраист. Цит. изданный им совместно с Деличем (см.) комментарий к „Генезису“ и „Исходу“.
- Кейнс**, Дж.—английский антрополог. Цит. его статья: *Western anthropologists and extra-western communities*.—*Anthropologia*, vol. I, № 2, 1873—1875.
- Кенникот**, Роберт (Kennicott, 1835—1856)—американский естествоиспытатель и путешественник по северо-западу Америки; один из корреспондентов Моргана.
- Кешинг**, Франк Гамильтон (Cushing, 1857—1900)—американский этнограф, сотрудник Этнологического Бюро Смитсоновского института; один из учеников Моргана.
- Кикрез**, Август (Quitquezez, 1801—1882)—швейцарский инженер и геолог; цит. по Фигье (см.).
- Кингборо**, Эдуард (Kingsborough, 1795—1837)—ирландский ученый, собиратель памятников по истории Мексики. Цит.: *The antiquities of Mexico, comprising fac-similes of ancient mexican paintings and hieroglyphics etc.* 9 v-s. London, 1831—1848.
- Клавигеро**, Франциско Саверио (Clavigero, 1731—1787)—мексиканский монах, историк. Цит.: *Storia antica del Messico, cavato da' migliori storici spagnuoli e da' manoscritti e delle pitture antiche degli indiani*. 4 v-s. Cesena, 1780—1783.
- Клапрот**, Генрих-Юлий (Klaproth, 1783—1835)—немецкий ориенталист и путешественник; с 1805 по 1812 гг. работал в России, с 1816 г.—профессор азиатских языков в Париже. Цитируется по Латаму (см.).
- Кларк**, Вильям (Clark, 1770—1838)—американский капитан, участник экспедиции Льюиса (см.) и его соавтор.
- Кокс**, Эдуард (Cox, 1821—1885)—американский геолог. Цит. один из томов, издававшихся под его редакцией в течение восьми лет: *Annual Reports of the Geological Survey of Indiana*. Indianapolis, 1869—1878.
- Кольрауш**, Генрих-Фридрих (Kohlrausch, 1780—1865)—немецкий педагог и историк. Цит.: *Deutsche Geschichte*. Elberfeld, 1816; существует русский перевод.
- Крамер**, Джон (Cramer, 1793—1848)—швейцарец по происхождению, английский историк. Цит.: *A geographical and historical description of ancient Italy*. 3 v-s. Oxford, 1826.
- Кузик**, Давид (Cusic)—индеец из племени тускароора, племянник вождя. Цит.: *Sketches of the ancient history of the Six nations*. Lockport, N. Y., 1848.
- Курциус**, Эрнст (Curtius, 1814—1896)—немецкий историк и археолог. Цит.: *Griechische Geschichte*. 3 B-de. Berlin, 1857—1867; существует русский перевод.
- Ланда**, Диего (Landa, 1524—1579)—испано-мексиканский миссионер, историк Центральной Америки туземного периода; упоминается в цитате из Тэйлора (см.).
- Ланци**, Лвинджи (Lanzi, 1732—1810)—итальянский филолог и историк искусства. Упоминается в связи с цитатой из Крамера (см.).

- Латам, Роберт Гордон** (Latham, 1812—1882) — английский ученый, языковед и этнограф. Цит. его основная работа, бывшая одной из первых сводок этнографического материала: *Descriptive ethnology*. 2 v-s. London, 1859.
- Леббок, Джон** (Lubbock, 1834—1913) — английский этнолог, археолог и естественный экспериментатор, противник Моргана. Цит. два его сочинения: *Pre-historic times as illustrated by ancient remains and the manners and customs of modern savages* London, 1865 и *The origin of civilization and the primitive condition of man*. London, 1870; обе книги имеются в русском переводе.
- Ливий, Тит** (59 до н. э.—19) — римский историк.
- Ливингстон, Давид** (Livingstone, 1813—1873) — английский врач и миссионер, путешественник по Африке. Цит. одна из его книг: *Missionary travels and researches in South Africa*. London, 1857; существует русский перевод.
- Логридж, Роберт Мак-Джилль** (Loughridge 1809—1900) — американский миссионер, свыше сорока лет проживший среди племени крик, составитель словаря диалекта мускоки. Один из корреспондентов Моргана.
- Лонг, Джордж** (Long, 1800—1870) — английский филолог и историк. Цит. его статья „Gens“ в словаре Смита (см.).
- Лонгфелло, Генри** (Longfellow, 1807—1882) — американский поэт, автор стихотворной обработки ирокезского эпического сказания: „Песнь о Гайавате“; существует русский перевод.
- Лорд, Джон Кист** (Lord, 1818—1872) — английский естествоиспытатель и путешественник. Цит.: *The naturalist in Vancouver island and British Columbia*. 2 v-s. London, 1866.
- Луcretий Кар, Тит** (98—55 до н. э.) — римский поэт. Цит. философская поэма: *De rerum natura* (О природе вещей).
- Льюис, Мерикотер** (Lewis, 1774—1809) — американский путешественник. Цит. выпущенное им совместно с его спутником, капитаном Кларком (см.): *Travels to the source of the Missouri river and across the American continent to the Pacific ocean in 1804—1806 etc.* London, 1814.
- Мак Леннан, Джон Фергюсон** (Mac Lennan, 1827—1881) — английский этнолог, по профессии адвокат, противник Моргана. Цит. две его книги: *Primitive marriage. An inquiry into the origin of the form of capture in marriage ceremonies*. Edinbourg, 1865, и *Studies in ancient history; comprising a reprint of „Primitive marriage“*. London, 1876.
- Мартир д'Англерия, Петр** (Martyr d'Angleria, 1457—1526) — итальянец, историограф испанского двора, автор первого описания открытия Америки: *De orbo novo* (О новом мире), впервые полностью изданного в 1516 г.; цит. по Клавигеро (см.) и др.
- Моммсен, Теодор** (Mommsen, 1817—1903) — немецкий юрист и историк. Цит.: *Römische Geschichte*. V-de I—III. Berlin, 1854—1855. Band V. 1888; существует русский перевод; т. IV не выходил.
- Мэн, Генри Сомер** (Maine, 1822—1888) — английский историк права, представитель патриархальной теории. Морган находился с ним в научной переписке. Цит.: *Lectures on the early history of institutions*, London, 1875; существует русский перевод.
- Мюллер, Карл-Отфрид** (Müller, 1797—1840) — немецкий филолог и историк. Цит.: *Die Dorier*. 2 B-de. Breslau, 1824—1830.
- Мюллер, Макс** (Müller, 1823—1900) — немецко-английский филолог и историк религии. Цит.: *Chips from a german workshop*. 5 v-s. London, 1868—1883.
- Нибур, Бартольд-Георг** (Niebuhr, 1776—1831) — немецкий историк и политический деятель. Цит.: *Römische Geschichte*. 3 B-de. Berlin, 1811—1832.
- Овидий Назон, Публий** (43 до н. э.—17) — римский поэт. Цит. поэма *Fasti* (Календарь).
- Оммер де Хель, Иньяс Ксавье** (Hommage de Hell, 1812—1848) — французский инженер, геолог и путешественник, в сороковых годах XIX в. объездивший юг России. Цит. по Леббоку (см.).
- Орелли, Иоганн-Каспар** (Orelli, 1787—1849) — швейцарский филолог и издатель классических авторов; упоминается в связи со ссылкой на Санхуниафона (см.).
- Павсаний** (жил во II в.) — греческий путешественник и писатель; упоминается в ссылке к цитате из Беккера (см.).
- Паркман, Фрэнсис** (Parkman, 1823—1893) — американский историк, автор ряда работ по истории колонизации Америки. Один из друзей Моргана.
- Пауэль, Джон** (Powell, 1834—1902) — американский геолог и этнограф, первый директор Этнологического Бюро Смитсоновского института. Последователь и друг Моргана.
- Пешель, Оскар** (Peschel, 1826—1875) — немецкий историк культуры. Цит.: *Völkerkunde*, Leipzig, 1874; существует русский перевод; на англ. яз. переведено под заглавием: *The races of man*.
- Пиндар** (522—443 до н. э.) — греческий поэт-лирик.
- Платон** (427—348 до н. э.) — греческий философ-идеалист. Цит. его трактат „Тимей“.
- Плиний, Кай Секунд, Старший** (23—79) — римский ученый; цит. его энциклопедическое сочинение: *Historia naturalis* (Естественная история).

- Плутарх** (ок. 50—120)—греческий историк. Цит.: „Сравнительные жизнеописания”—биографии выдающихся людей Греции и Рима.
- Полибий** (ок. 204—122 до н. э.)—греческий историк, автор „Истории римского государства”.
- Поллукс, Юлий** (жил во II в.)—греческий грамматик, составитель энциклопедического словаря.
- Прескотт, Вильям** (Prescott, 1796—1859) — американский историк. Цит.: History of the conquest of Mexico. 3 v-s. Boston, 1843; существует перевод.
- Райт, Эшер** (Wright, 1803—1875) — американский миссионер, свыше 40 лет проживший среди сенека; составитель словаря их диалекта. Один из корреспондентов Моргана; письма Райта к Моргану опубликованы полностью Б. Стреном: „American Anthropologist”, 35, 1:33, 1.
- Ридли, Вильям** (Ridley, 1819—1878)—английский миссионер в Австралии, этнограф, автор старейшей (1864 г.) монографии об австралийцах.
- Роо, Чарльз** (Rau, 1826—1887)—бельгиец по происхождению, американский археолог. Цит. статья „Indian pottery” в: Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the year 1866. Washington, 1867.
- Саахун, Бернардино** (Sahagun, ум. в 1590 г.)—испанский миссионер, историк конквисты. Цит.: Historia general de las cosas de Nueva España. Mexico, 1829.
- Санхуниафон**—легендарный древне-финикийский писатель; упоминается в цитате из Курциуса (см.).
- Светоний, Гай** (75—130)—римский историк. Цит.: Vitae XII imperatorum (Жизнеописания двенадцати императоров).
- Скотт, Вальтер** (Scott, 1771—1831)—шотландский писатель; упоминается его роман „Веверлей”.
- Скулькрафт, Генри** (Schoolcraft, 1793—1864) — американский геолог и этнограф; участвовал вместе с Морганом общества, носившего название „Великий орден ирокезов”. Цит. его капитальный труд: Historical and statistical informations respecting the indian tribes of the United States of America. 6 v-s. 1851—1857, Wash.
- Смит, Вильям** (Smith, 1813—1893) — английский филолог. Цит.: A dictionary of greek and roman antiquities. London, 1842. *
- Солис и Риванденеира, Антонио** (Solis y Rivandeneira, 1610—1689)—испанский монах, историк конквисты. Цит.: Historia de la conquista poblacion y progreso de la America Septentrional. Madrid, 1684.
- Спенсер, Герберт** (Spencer, 1820—1903)—английский философ и социолог. Морган состоял с ним в научной переписке. Цит. его сочинение: „Основы социологии” (выходившее с 1876 по 1896 гг.) по отрывку под загл.: Principles of sociology. Advance sheets, в журн. „Popular Science Monthly”, 1877, January; существует русский перевод всего названного сочинения.
- Стефан Византийский** (жил в VI в.)—грамматик, составитель географического словаря Ethnica, издан. впервые в 1825 г.; цит. по Ваксмуту (см.).
- Страбон** (ок. 63 до н. э.—21) — греческий географ.
- Суасо, Алонсо** (Suazo, 1466—1527) — испанский монах-юрист, видный деятель конквисты, автор мемуара об индейцах. Цит. по Прескотту (см.).
- Сэрлюолл, Конноп** (Thirlwall, 1797—1875) — английский историк античности.
- Тацит, Корнелий** (ок. 55—120)—римский историк. Цит. его монография Germania.
- Теренций, Публий** (195—158 до н. э.)—римский поэт. Цит. его комедия Heautontimorumenos (Сам себя наказывающий); цит. по Беккеру (см.).
- Терно-Компан, Анри** (Terpoux-Compans, 1807—1864)—французский историк, собиратель и переводчик старинных путешествий и литературы по истории конквисты. Цит.: Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la decouverte de l'Amérique. 20 v-s. Paris, 1837—1840, и Archives des voyages, ou Collection d'anciennes relations inédites ou très rares, des lettres, mémoires, itinéraires et autres documents relatifs à la géographie et aux voyages. 2 v-s en 4 parties. Paris, 1840—1841.
- Тецоцомок, Эрнандо де Альварадо** (Alvarado de Tezozomoc, жил во второй половине XVI в.)—мексиканск. историк, потомок одного из ацтекских вождей. Цит.: Cronica Mexicana по собранию Кингсборо (см.) и переводу Банделира (см.).
- Торквемада, Хуан** (Torquemada, 1550—1625) — испанский монах, историк конквисты. Цитируется по Клавигеро (см.).
- Тэйлор, Эдуард Беннет** (Tylor, 1832—1917)—английский этнолог, автор теории анимизма. Морган находился с ним в научной переписке. Цит.: Researches into the early history of mankind and the development of civilization. London, 1865, и Primitive culture. Researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art and custom. 2 v-s. London, 1871; обе книги имеются в русском переводе.
- Тэплин, Джордж** (Tarlin)—англ. миссионер в Австралии и этнограф. Цит. по письму Файсона (см.).
- Уитни, Вильям** (Whitney, 1827—1894)—американский филолог-ориенталист; личный знакомый Моргана. Цит.: Oriental and linguistic studies; the Veda, the Avesta, the Science of language. New York, 1874.
- Уокер, Фрэнсис** (Walker, 1840—1897) — генерал, американский публицист-экономист. Цит. его статья в журн. „North American Review”, 1873, apr.
- Уэк, Чарльз Стениленд** (Wake, 1835—1910)—английский этнолог. Цит. его доклад в Лон-

- донском Антропологическом институте: On the origin of the classificatory system of relationships used among primitive peoples. — *Journal of the Anthropological Institute*, 8, 1878—1879, 2.
- Файсон, Лоример** (Fison, 1832—1907)—английский миссионер и этнограф; с 1863 по 1871 гг.—на островах Фиджи, затем, до 1875 г.—в Австралии, с 1875 до 1884 г.—вновь на Фиджи и с 1884 г. до смерти—в Австралии. В 1869 г. ответил на анкету Моргана о терминах родства; затем, после переезда в Австралию, доставлял Моргану материалы по этнографии австралийцев. Углубившись в этнографическую работу под влиянием Моргана, стал с течением времени его наиболее последовательным и преданным учеником. Встреча в Австралии с Хауиттом (см.) привела к долголетней совместной их работе в области австралийской этнографии. Первая работа Файсона — о системах родства у австралийцев—была доложена Морганом в Американской Академии искусств и наук в 1872 г. и затем малечатана в: *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*, vol. VIII (1868—1873). В 1880 г. Файсон издал совместно с Хауиттом книгу по австралийской этнографии: „*Kamilaroi and Kurnpai*“, с предисловием Моргана; эта работа положила начало научному австраловедению. С 1869 г. и до смерти Моргана Файсон находился с ним в дружеской и научной переписке; часть этой переписки опубликована Б. Стерном: „*American Anthropologist*“, 3?, 1930, 2—3.
- Фест, Секст Помпей** (жил во II или III в.)—римский грамматик. Цит. по словарю Смита (см.).
- Фигье, Луи** (Figuiet, 1819—1894)—французский естествоиспытатель-популяризатор. Цит.: *L'homme primitif*. Paris, 1870.
- Фик, Август** (Fick, 1833—1916)—немецкий филолог. Цит.: *Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas*. Göttingen, 1873.
- Фостер, Джон** (Foster, 1815—1873)—американский геолог и этнограф. Цит.: *Pre-historic races of the United States*. 2 v-s. Chicago, 1873.
- Фриман, Эдуард-Август** (Freeman, 1823—1892)—английский историк. Цит.: *Comparative politics*. Six lectures. London, 1873.
- Фукидид** (ок. 460—395 до н. э.)—греческий историк.
- Фюстель де Куланж, Ньюма-Дени** (Fustel de Coulange, 1830—1889)—франц. историк. Цит.: *La cité antique*, Paris, 1864; существует русск. перевод.
- Хауитт, Альфред Вильям** (Howitt, 1830—1908)—австралийский этнограф; вместе с Файсоном—пионер научного австраловедения и ученик Моргана. Результат долголетней этнографической работы Хауитта в Австралии составляет его капитальный труд: *The native tribes of south-east Australia*. London, 1904.
- Хэйл, Горацио** (Hale, 1817—1896)—американский филолог, последователь и друг Моргана.
- Хэклуйт, Ричард** (Hakluyt, 1553—1616)—английский историк и географ, один из первых составителей собрания путешествий. Цит.: *The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation made by sea and overland*. London, 1598; имеются переиздания.
- Цезарь, Гай Юлий** (102—44 до н. э.)—римский полководец, политический деятель и писатель. Цит. его записки: *De bello gallico*.
- Цицерон, Марк Туллий** (106—43 до н. э.)—римский политический деятель и ученый, выдающийся оратор. Цит. его сочинения: *De oratore* (Об ораторе), *De legibus* (О законах), *Торка* (Источники) и речь *De domo sua* (О своем доме).
- Шмиц, Леонард** (Schmitz, 1807—1890)—английский филолог и историк. Цит. его статья „*Rex*“ в словаре Смита (см.).
- Эврипид** (480—406 до н. э.)—греческий драматург. Цит. его трагедия „*Орест*“.
- Эдер, Джеймс** (Adair, 1709—1783)—американский торговец и приключенец, проживший около сорока лет среди индейцев. Цит. его сочинение: *The history of the american indians, particularly those nations adjoining to the Mississipi, East and West Florida, Georgia, South and North Carolina and Virginia*. London, 1775.
- Эндрюс, Лоррин** (Andrews, 1795—1868)—американский миссионер на Сандвичевых островах, впоследствии исполнявший обязанности судьи, а затем член местного верховного совета; основатель и профессор гавайского университета, переводчик Библии на гавайский язык, составитель гавайского словаря и собиратель фольклора. Один из корреспондентов Моргана, сообщивший об обычае пуналуа и приславший гавайскую номенклатуру родства.
- Эррера и Тордесильяс, Антонио** (Herrera y Tordesillas, 1559—1625)—испанский историк конкисты. Цит.: *Historia general de los hechos de los Castellanos en las islas y tierra firme del mar oceano*. 4 v-s. Madrid, 1601—1615; англ. пер. под загл.: *The general history of the vaste continent and islands of America etc.* 6 v-s. London, 1725—1726.
- Эсхил** (525—456 до н. э.)—греческий драматург. Цит. его трагедии: „*Прикованный Прометей*“, „*Семьро против Фив*“, „*Умоляющие*“ и „*Эвмениды*“.
- Юстиниан I** (483—565)—византийский император; с ним связывается кодификация римского права, один из сборников которого известен под названием „*Институций*“; цит. Морганом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора	I
Ф. Энгельс. К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)	IX
Последняя страница рукописи „Древнее общество“ (факсимиле)	XVI
Предисловие автора	3

Часть I. Развитие интеллекта вследствие изобретений и открытий

Глава 1. Этнические периоды	5
---------------------------------------	---

Развитие человечества от самых низших ступеней. — Оно иллюстрируется изобретениями, открытиями и учреждениями. — Две основные формы управления: одна — родовая и социальная, образующая общество (*societas*), другая — политическая, образующая государство (*civitas*). — Первая основывается на личностях и родовом начале, последняя — на территории и собственности. — Первая является формой управления древнего общества, вторая — современного или цивилизованного общества. — Единообразие человеческого опыта. — Намечаемые этнические периоды: I. Низшая ступень дикости; II. Средняя ступень дикости; III. Высшая ступень дикости; IV. Низшая ступень варварства; V. Средняя ступень варварства; VI. Высшая ступень варварства; VII. Ступень цивилизации.

Глава 2. Средства существования	14
---	----

Господство человека над землей. — Власть над средствами существования как условие этого господства. — Только человек приобрел эту власть. — Последовательные виды средств существования: I. Природные средства существования; II. Рыбная пища; III. Мучная пища; IV. Мясная и молочная пища; V. Неограниченные средства существования, добываемые полевым земледелием. — Большие промежутки времени между ними.

Глава 3. Пропорции человеческого прогресса	20
--	----

Обзор линий человеческого прогресса. — Главнейшие достижения современной цивилизации. — Античной цивилизации. — Позднейшего периода варварства. — Среднего периода. — Древнейшего периода. — Периода дикости. — Низкое состояние первобытного человека. — Развитие человечества в геометрической прогрессии. — Относительная длина этнических периодов. — Появление самитических и арийских семей.

Часть II. Развитие идеи управления

Глава 1. Организация общества на основе различия полов	30
--	----

Австралийские классы. — Они организованы на основе различия полов. — Архаический характер этой организации. — Австралийские роды. — Восемь классов. — Порядок заключения брака. — Происхождение по женской линии. — Изумительная брачная система. — Два мужских и два женских класса в каждом роде. — Нововведения, касающиеся классов. — Род остается в рудиментарном состоянии.

Глава 2. Ирокезский род	38
-----------------------------------	----

Родовая организация. — Ее широкое господство. — Определение рода. — Счет происхождения по женской линии составляет архаический порядок. — Права, привилегии и обязанности членов рода. — Право избрания и смещения сахема и вождей. — Обязанность не вступать в брак в пределах рода. — Взаимное право наследования в имуществе умерших членов. — Взаимная обязанность помощи, защиты и отпущения обид. — Право рода давать имена своим членам. — Право усыновления в род чужих. — Общие религиозные обряды (?). — Общее кладбище. — Совет рода. — Роды называются по именам животных. — Численность рода.

Глава 3. Ирокезская фратрия	52
---------------------------------------	----

Определение фратрии. — Соединение родственных родов в высшую организацию. — Фратрия ирокезских племен. — Ее состав. — Ее порядки и функции. —

Общественные и религиозные — Примеры. — Аналогия с греческой фратрией, но в ее архаической форме. — Фратрия чокта. — Чиказа. — Мохеганов. — Тлинкитов. — Вероятность всеобщего распространения у американских туземцев.

Глава 4. Ирокезское племя 61

Племя как организация. — Оно состоит из родов, говорящих на одном диалекте. — Территориальное разделение вело к образованию различий в языке и сегментации. — Племя — естественное образование. — Иллюстрации. — Атрибуты племени. — Территория и название. — Особый диалект. — Право назначать и смешать сахемов и вождей. — Верования и культ. — Совет вождей. — В некоторых случаях — верховный вождь племени. — Три последовательные формы родовой организации: первая — правление одной власти; вторая — двух властей; третья — трех властей

Глава 5. Ирокезская конфедерация 72

Естественное образование конфедераций. — Они основываются на общих родах и общности языка. — Ирокезские племена. — Их поселение в штате Нью-Йорк. — Образование конфедерации. — Ее структура и основания. — Учреждение пятидесяти сахемств. — Они сделаны наследственными в определенных родах. — Число сахемов, установленных для каждого племени. — Эти сахемы образуют совет конфедерации. — Гражданский совет. — Порядок вершения дел. — Единогласие как необходимое условие его деятельности. — Траурный совет. — Порядок поднятия сахемов. — Высшие военачальники. — Эта должность является зародышем высшей исполнительной власти. — Умственные способности ирокезов.

Глава 6. Род у других племен ганованской семьи 88

Классификация американских туземцев. — Род у индейских племен; порядки счета происхождения и наследования: — I. Ходеносаунские племена. — II. Дакотские племена. — III. Племена Мексиканского залива. — IV. Пауни. — V. Алгонкины. — VI. Атапаско-апахи. — VII. Племена северо-западного побережья. — Эскимосы — особая семья. — VIII. Племена салиш, сахаптин и кутеней. — IX. Шошоны. — X. Оселлые индейцы Новой Мексики и Центральной Америки. — Южно-американские индейские племена. — Вероятность универсального распространения родовой организации во всей ганованской семье.

Глава 7. Ацтекская конфедерация 109

Ошибочное представление об ацтекском обществе. — Уровень его развития. — Племена нахуатль. — Заселение ими Мексики. — Основание пуэбло Мексико в 1325 году. — Учреждение ацтекской конфедерации в 1426 году. — Пределы территориального господства. — Вероятная численность населения. — Были ли ацтеки организованы в роды и фратрии? — Совет вождей — Его вероятные функции. — Должность Монтецумы. — Выборное начало. — Низложение Монтецумы. — Вероятные функции его должности. — Учреждения ацтеков были в основе демократическими. — Их строй был военной демократией.

Глава 8. Греческий род 125

Начальное состояние греческих племен. — Их родовая организация. — Изменения в характере рода. — Необходимость возникновения политической системы. — Проблема, подлежащая разрешению. — Образование государства. — Описание греческих родов, фратрий и племен, данное Гротом. — Атрибуты рода. — Сходство с ирокезским родом. — Должность вождя рода. — Была ли она выборной или наследственной. — Род — основание социальной системы. — Древность родовой родословной. — Наследование имущества. — Архаический и позднейший порядок. — Родство между членами рода. — Род — средоточие общественного и религиозного влияния.

Глава 9. Фратрия, племя и нация греков 136

Афинская фратрия. — Как она возникла. — Определение Дикеарха. — Ее преимущественно религиозные цели. — Фратриарх. — Племя. — Оно состояло из трех фратрий. — Филобасилевс. — Нация. — Она состояла из четырех племен. — Буле, или совет вождей. — Агора, или народное собрание. — Басилевс. — Положение этой должности. — Военные и жреческие функции. — Вопрос о гражданских функциях. — Правление героического периода было военной демократией. — Определение басилевса, данное Аристотелем. — Позднейшая афинская демократия. — Она унаследована от родов. — Ее могущественное влияние на развитие Афин.

Глава 10. Учреждение греческого политического общества 148

Роды перестают быть основой управления. — Законодательство Тезея. — Попытка заменить роды классами. — Ее неуспех. — Упразднение должности басилевса. —

Архонты. — Навкратии и тритии. — Законодательство Солона. — Имущественные классы. — Частичный переход гражданской власти от родов к классам. — Лица, не принадлежащие ни к какому роду, делаются гражданами. — Сенат. — Экклезия. — Политическое общество частью осуществлено. — Законодательство Клисфена. — Учреждение политического общества. — Атический дем или городская община. — Его организация и права. — Его местное самоуправление. — Локальное племя или округ. — Атическая республика. — Афинская демократия.

Глава 11. Римский род 159

Родовая организация италийских племен. — Основание Рима. — Племена, организованные в военную демократию. — Римский род. — Определения родичей, данные Цицероном, Фестом и Варроном. — Счет происхождения по мужской линии. — брак вне рода. — Права и обязанности членов рода. — Демократический строй древнего латинского общества. — Число лиц в роде.

Глава 12. Курия, племя и народ римлян 172

Римское родовое общество. — Четыре стадии организации. — 1. Род. 2. Курия, состоящая из десяти родов. 3. Племя, образовавшееся из десяти курий. 4. *Populus romanus*, образовавшийся из трех племен. — Числовое соотношение. — Как оно возникло. — Концентрация родов в Риме. — Римский сенат. — Его функции. — Народное собрание. — Его права. — Верховная власть народа. — Должность военачальника (*Rex*). — Его власть и функции. — Демократический по существу характер римских родовых учреждений.

Глава 13. Учреждение римского политического общества 185

Populus. — Плебеи. — Клиенты — Патриции. — Границы этого сословия. — Законодательство Сервия Туллия. — Учреждение имущественных классов. — Учреждение центурий. — Неравенство прав голосования. — *Comitia centuriata* вытесняют *comitia curiata*. — Классы сменяют роды. — Ценз. — Плебеи делаются гражданами. — Учреждение городских округов. — Учреждение сельских общин. — Число племен увеличивается до четырех. — Племена становятся локальными, а не родовыми. — Характер новой политической системы. — Упадок и исчезновение родовой организации. — Дело которое она выполнила.

Глава 14. Переход счета происхождения из женской линии в мужскую 196

Как этот переход мог произойти. — Мотивом его было наследование имущества. — Счет происхождения по женской линии у дикийцев. — Критян. — Этрусков. — Вероятно, у афинян во времена Кекропса. — Сто семейств локров. — Свидетельство брачных отношений. — Туранская система родства у греческих племен. — Предание о Данаидах.

Глава 15. Род у других племен человеческой семьи 203

Шотландский клан. — Ирландский септ. — Германские племена. — Следы прежней родовой системы. — Род у южно-азиатских племен. — У племен северной Азии. — У племен Урала. — Сто семейств китайцев. — Еврейские племена, повидному, состоявшие из родов и фратрий. — Род у африканских племен. — Род у австралийских племен. — Подразделения фиджийцев и рева. — Широкое распространение родовой организации.

Часть III. Развитие идеи семьи

Глава 1. Древняя семья 216

Пять последовательных форм семьи. — Первая — кровнородственная семья. — Она создала малайскую систему родства и свойства. — Вторая — пуналуальная. — Она создала туранскую и ганованскую системы. — Третья — моногамная. — Она создала арийскую, семитическую и уральскую системы. — Синдиасмическая и патриархальная семьи составляют переходные формы. — Обе они не создали особой системы родства. — Эти системы являются результатом естественного развития. — Две основные формы. — Одна — классификационная, другая — описательная. — Общие приципы этих систем. — Их стойкость и постоянство.

Глава 2. Кровнородственная семья 225

Существование в прежнее время этой формы семьи доказывается малайской системой родства. — Гавайская система, взятая как типическая. — Пять степеней родства. — Детали системы. — Она объясняется групповым браком между братьями и сестрами. — Первобытное состояние общества на Сандвичевых островах. — Девять степеней родства у китайцев. — Они совпадают в основе с гавайскими. — Пять степеней родства в идеальной республике Платона. — Таблица малайской системы родства и свойства.

Глава 3. Пуналуальная семья	245
<p>Пуналуальная семья сменила кровнородственную. — Как совершился этот переход. — Гавайский обычай пуналуа. — Он был, вероятно, широко распространен в прошлом. — Роды возникли, вероятно, из пуналуальных групп. — Туранская система родства. — Она создана пуналуальной семьей. — Эта система служит доказательством существования данной формы семьи в то время, когда она сложилась. — Детали этой системы. — Истолкование выражаемых ею видов родства и их возникновения. — Таблица туранской и ганованской систем родства и свойства.</p>	
Глава 4. Синдиасмическая и патриархальная семьи	269
<p>Синдиасмическая семья. — Ее состав. — Ее характерные черты. — Влияние на нее родовой организации. — Склонность к сожителству парами — продукт позднего развития. — Изучать древнее общество следует там, где мы находим его наиболее типические образцы. — Патриархальная семья. — Отцовская власть — ее основная черта. — Второстепенное значение полигамии. — Римская семья, ее сходство с патриархальной. — Отцовская власть не была известна прежним формам семьи.</p>	
Глава 5. Моногамная семья	276
<p>Эта семья — сравнительно недавнего происхождения. — Термины familia. — Семья древних германцев. — Гомеровских греков. — Греков эпохи цивилизации. — Затворничество женщин. — Обязанность моногамии не соблюдается мужчинами. — Римская семья. Подчиненное положение женщин. — Арийская система родства — Она возникла при моногамии. — Ей предшествовала, вероятно, туранская система. — Переход от туранской к арийской. — Римская и арабская системы родства. — Детали первой. — Современная моногамная семья. — Таблица.</p>	
Глава 6. Последовательность связанных с семьей учреждений	300
<p>Намечаемая последовательность имеет отчасти гипотетический характер. — Связь этих учреждений в порядке их возникновения. — Доказательства их возникновения в указанном порядке. — Разбор гипотезы вырождения. — Древность человечества.</p>	
<p>Примечание: „Первообытный брак“ Дж. Ф. Мак Леннана . . . . . 306</p>	
<p>Часть IV. Развитие идеи собственности</p>	
Глава 1. Три порядка наследования	315
<p>Собственность в периоде дикости. — Медленный ход прогресса. — Первый порядок наследования. — Имущество распределяется между родичами. — Собственность на низшей ступени варварства. — Зачаток второго порядка наследования. — Распределение среди агнатических родственников. — Улучшение характера человека. — Собственность на средней ступени варварства. — Порядок наследования в этом периоде недостаточно выяснен. — Вероятно, наследовали агнаты.</p>	
Глава 2. Три порядка наследования (окончание)	322
<p>Собственность на высшей ступени варварства. — Рабство. — Землевладение у греческих племен. — Культура этого периода. — Ее блеск. — Третий порядок наследования. — Исключительное право детей. — Еврейские племена. — Порядок наследования. — Дочери Салпаада. — Имущество оставалось во фратрии и, вероятно, в роде. — Очередность наследования. — Наследование у афинян. — Исключительное право детей. — Очередность наследования. — Наследство оставалось в роде. — Наследницы. — Завещания. — Наследование у римлян. — Очередность наследования. — Наследство оставалось в роде. — Появление аристократии. — Погоня человечества за собственностью. — Единство происхождения человечества.</p>	
<p>Приложения:</p>	
Предисловие Л. Г. Моргана к книге Л. Файсона и А. В. Хаунта: „Камиларои и курнаи“. Мельбурн, 1880	331
Указатель авторов	341

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР

Ленинград 24, Обводный 15/17. Тел. 1-67-67 и 22-76

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

- Том I. Морган Л. Г. „Древнее общество“, перевод под ред. М. О. Косвена. Со статьей Фр. Энгельса „К доистории семьи“. Предисловие Я. П. Алькора (с портретом автора, в переплете).
Стр. 370, тир. 25.000 экз. . . . . 10 р. -- к.
- Том II. Морган Л. Г. „Дома и домашняя жизнь американских туземцев“, перевод под ред. М. О. Косвена. Предисловие Я. П. Алькора (вкладка—четырецветка. 56 иллюстраций).
Стр. 196, тир. 4000 экз. . . . . 10 р. — к.
- Том III. Штернберг Л. Я. „Семья и род у народов Северо-Восточной Азии“ (с приложением статьи Фр. Энгельса „Вновь открытый случай группового брака“. Предисловие Я. П. Алькора (с портретом автора).
Стр. 187, тир. 3000 экз. . . . . 7 р. — к.
- Том IV. Штернберг Л. Я. „Первобытная религия в свете этнографии“ (печатается).
Стр. 300, тир. 10.000 экз. . . . . 10 р. — к.
- Том V. Богораз В. Г. „Чукчи“, ч. I (с портретом автора).
Стр. 300, тир. 2500 экз. (печатается) . . . . . 10 р. — к.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ

- Том I. Сборник документов по истории народов Якутии в XVII и XVIII вв., под ред. Б. Д. Грекова. Издание совместно с Археографическим Ин-том Академии Наук (печатается).
Стр. 360, тир. 1000 экз. . . . . 10 р. — к.
- Том II. Сборник документов по истории народов Камчатки. Издание совместно с Централхивом (печатается).
Стр. 180, тир. 1000 экз. . . . . 6 р. — к.

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА

- Том I. Вып. 1-2 — Терлецкий П. Е. „Население крайнего Севера“.
Стр. 64, тир. 1500 экз. . . . . 1 р. 20 к.
- Вып. 3 — Крейнович Е. А. „Гиляцкие числительные“.
Стр. 24, тир. 500 экз. (распродано) . . . . . — 70 к.
- Вып. 4-5 — Косвен М. О. „Л. Морган (жизнь и учение)“.
Стр. 72, тир. 7000 экз. . . . . 1 р. 60 к.

Цены на невыпущенные издания указаны ориентировочно }

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Блюхеровский пер. 8, КОГИЗ. Сектор партийно-комсомольской литературы

Ленинград, Пр. 25 Октября, 29. Магазин Академии Наук
Обводный, 15/17, Издательство Института Народов Севера

Ответств. редактор *Я. П. Алькор.*

Техн. редактор *М. Г. Рохман*

Сдано в производство 8/XII 1933 г. Подписано к печ. 3/VI 1934 г. Колич. тип. зн. в 1 б. л. 129.920.
Ст. ф. 72×105. Авт. лист. 37. Бум. лист. 11¹/₂. Тираж 18 000 экз. Ленгорлит № 700. Зак. № 2075.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЗУ им. КИМ'а, Ленинград, Красная ул., 1.

